Цыгульский Виктор Федосиевич

Диалектика истории человечества

Книга десятая

ПЕРМЬ 2016

Оглавление

ГЛАВА ДЕВЯНОСТО ДЕВЯТАЯ....5
Начало империи....5
§ 1.«Принципат» Августа....5
§ 2. Продолжение реформ Августом Октавианом - окончательная победа крупного рабовладения, нобилей над демократией республики полиса - государства....8
§ 3. Перестройка Октавианом общественной базы своей власти Римского государства....11
§ 4. Политическая система принципата....14
§ 4.1. Внутренняя политика Октавиана - Августа....19
§ 5. Военные реформы Августа....24
§ 5. 1. Переход к профессиональной армии в империи, рост ее влияния на императорское управление, исчезновение с этим патриотизма и боеспособности античной общины в форме города - государства....24
§ 5. 2. Внешняя политика Августа....25
§ 6. Смерть Августа. Его личность и историческое значение....27
ГЛАВА СОТАЯ....27
Римская культура конца республики и начала империи....27
§ 1. Время гражданских войн....27
§ 2. Влияние эпохи гражданских воин и зарождения империи на развитии литературы....29
§ 3. Отражение в литературе, философии римлян борьбы классов, гражданских войн в появлении новых направлений искусства....32
§ 4. Поэзия, ее развитие и особенности в условиях эпохи Августа....40
§ 5. Политический кризис Римской империи и рост в единстве с ним духовного кризиса в литературе в форме архаизма....45
§ 6. Влияние имперской диктатуры, упадка производства, стеснения свободы слова на характер литературы и зарождение в ней оппозиции....47
§ 7. Римская архитектура, ее единство и различие с греческой и мировой архитектурой будущего....53
§ 8. Историческая проза....57
§ 8. 1. Лукреций....58
§ 8. 2. Наука....59
§ 8. 3. Поэзия. Сатира....59
§ 8. 4. Лирика. Катулл....59
§ 8. 5. Театр....60
§ 9. Принципат Августа, его покровительство искусствам....60
§ 10. Вергилий....61
§ 11. Гораций....62
§ 12. Овидий....63
§ 13. Наука....64
ГЛАВА СТО ПЕРВАЯ....65
Закрепление монархического режима. Династия Юлиев-Клавдиев....65
§ 1. Ближайшие преемники Октавиана-Августа и их борьба с республиканскими пережитками....65
§ 2. Гай Калигула (37—41 гг.) и Клавдий (41—54 гг.)....68
§ 3. Нерон (54—68 гг.) и конец династии Юлиев-Клавдиев....72
ГЛАВА СТО ВТОРАЯ....79
Междоусобная война 68—69 гг. н. э. Римская империя при Флавиях....79
§ 1. Война 68 — 69 гг.....79
§ 2. Римская империя при Флавиях (69 — 96 гг.)....81
ГЛАВА СТО ТРЕТЬЯ....86
Римская империя при Антонинах....86
§ 1. «Золотой век» Римской империи; время первых Антонинов....86

§ 2. Адриан и Антонин Пий 89
§ 3. Последние Антонины 92
ГЛАВА СТО ЧЕТВЕРТАЯ....94
Экономика и социальные отношения во II в. н. э. Симптомы надвигающегося кризиса....94
§ 1. Предпосылки революции III в.....98
§ 2. Революция III века....101
ГЛАВА СТО ПЯТАЯ....105
Кризис III в. и поздняя Римская империя....105
§ 1. Династия Северов (193—235). Кризис III в.....105
§ 2. Последние попытки восстановления рабовладельческой империи....110
ГЛАВА СТО ШЕСТАЯ....116
Процесс падения Римской империи как закономерный результат разложения античной формы собственности, античной общины в форме полиса-государства....116
§ 1. Вторжения германцев в пределы империи и начало их поселения среди римлян. Становление германского феодализма....116
§ 2. Состояние родо- общинных отношений германцев и перенесение их в Римскую империю вместе с переселениями, как основы будущего феодального развития....121
§ 3. Роль германских поселений, германских вторжений в переходе от рабовладельческих отношений в Римской империи к феодальным в германских молодых государствах....125
§ 4. Дальнейшее разложение античной общинной формы собственности в условиях империи и переход от промышленности города к натуральному деревенскому производству....126
§ 5. Первые действия по переводу рабов в состояние колонов....127
§ 5. 1. Процесс закрепощения в империи свободных граждан, превращение их в колонов, как средство выхода из тупика рабовладельческих отношений при античной форме собственности....129
§ 6. Упадок рабовладельческого хозяйства в Римской империи. Начало перехода к колонату – зародышу феодализма....133
§ 6. 1. Привнесение германцами феодальных отношений, влияющих на разложение рабства....134
§ 7. Своеобразие завоевательной политики Рима, обеспечивавшей ему успех в покорении народов с общинной формой собственности Востока....135
ГЛАВА СТО СЕДЬМАЯ....139
Исторические предпосылки и условия для возникновения христианства в истории Рима...139
§ 1. Начало культурного упадка в Риме....139
§ 2. Объективные экономические и духовные предпосылки возникновения христианства в Римской империи....142
§ 2. 1. Л. Фейербах о сущности религии на уровне олицетворенных богов - как тождество бога и человека....142
§ 2. 2. Римская религия, ее отличие от греческой....143
§ 2. 3. Отказ римского сознания от идеи души в религии....146
§ 2. 4. Возрождение в Риме допатриархальных религий в форме мистерий - как классовый протест против официальных религий....147
§ 3. Потребности торгового капитала Греции и Рима в едином торговом рынке и его объединения космополитической религией, единой сущностью, единым богом породили мировую монотеичечскую религию....147
§ 4. Иудейская религия - наиболее удобное средство для торгового капитала в объединений международной торговли....149
§ 4. 1 Коммунизм первохристиан, как предтеча одной из будущих мировых религий151
§ 5. Социально - политические и идеологические предпосылки христианства....154
§ 6. Причины возникновения христианства....157
§ 7. Возникновение христианства и его история в I—II вв.....170
§ 9. Легенды об Иисусе Христе....179
§ 10. Наука об истории существования Иисуса Христа и становлении церкви....184

§ 11. Первоначальное христианство....199
§ 12. Христианство II - III вв. 207
§ 12. 1. Преследования христиан....208
§ 13. Ереси....210
§ 14. Роль и значение христианства в переходе античного и германского мира от рабовладения к феодализму....211
ГЛАВА СТО ВОСЬМАЯ....212
Римская философия – её вклад в становление и развитие научной, диалектической философии....212
§ 1. Исторические предпосылки римской философии 212
§ 2. Римский эпикуреизм....219
§ 3. Римский стоицизм....230
§ 4. Стоическая философия - первые мыслительные заключения в истории философии о тождестве мышления и бытия....243
§ 5. Римский скептицизм 245
§ 6. Римский эклектизм....249
§ 6. 1. Мистицизм....253
§ 7. Неоплатонизм - переход в мышлении римлян к самосознанию абсолютного существа - бога, отказ от чувственной действительности, как основы познания....259
§ 8. Христианская философия первых веков....260
ГЛАВА СТО ДЕВЯТАЯ....273
Гибель Римской империи как неизбежный результат противоречий в развитии античной формы общины в виде полиса – государства....273
§ 1. Социально-экономический строй Западно-Римской империи в эпоху ее упадка 273
§ 1. 1. Рим и Германцы....273
§ 1. 2. Римская империя в IV веке и ее политическое расчленение....280
§ 1. 3. Основное противоречие экономики Римской империи в эпоху упадка....281
§ 2. Начало разложения крупных рабовладельческих имений, их деление на мелкие хозяйства колонов со II века нашей эры....283
§ 3. Экономика и социальные отношения IV в. н. э....284
§ 4. Развитие феодальных начал в Римской империи в период ее упадка, как стремление разрешить сложившиеся противоречия....286
§ 5. Причины падения античного мира, заложенные в форме собственности городов-государств, как разновидности общин....289
§ 6. Германское завоевание империи 292
§ 7. Общество IV—V вв....295
§ 8. Агония Римской рабовладельческой империи и ее падение 298
§ 9. Падение Западной римской империи....303
§ 10. Судьбы Восточной римской империи....308
§ 11. О характере социального переворота III — V вв. в западной Римской империи....309
§ 12. Еще раз о причинах гибели Рима 317
§ 13. Способна ли была Римская империя перейти к феодализму за счет борьбы революционного крестьянства и восставших рабов? 323
§ 14. Роль кочевых народов в отрицании рабовладельческих и загнивающих обществ в истории человечества....324
§ 15. Общественно – экономическая формация- научная категория для изучения индивидуальности и повторяемости типов производства, типов общества в их становлении и развитии их периодизации 326
ЗАКЛЮЧЕНИЕ 328

ГЛАВА ДЕВЯНОСТО ДЕВЯТАЯ

Начало империи

§ 1.«Принципат» Августа

Прежде всего, несколько слов относительно периодизации истории империи. Периодизация — вещь всегда довольно условная, но мы попытаемся эту периодизацию установить не на основе чисто юридических моментов, как делают обычно буржуазные исследователи («принципат», «доминат» и т. д.), но опираясь на некоторые основные социально-экономические и политические признаки. С этой точки зрения можно разделить историю империи на шесть основных периодов.

Первый период — время Октавиана Августа (от 30 г. до н. э. до 14 г. н. э.). Эти 44 года правления Августа являются переходной эпохой, когда революция временно была раздавлена и рабовладельцы могли наслаждаться «спокойствием» и «порядком».

Второй период можно назвать эпохой террористического режима. Революционные силы не были Августом уничтожены окончательно. Началось новое брожение в низах римского общества. К тому же подняла голову и республиканская оппозиция среди остатков нобилитета. Поэтому императорская власть, начиная с Тиберия и кончая Нероном (с 14 по 68 г.), переходит от сравнительно «мягких» методов управления Августа к террористическому режиму.

Третий период — относительная «стабилизация» рабовладельческого общества, с конца I в. до конца II в.

Четвертый период — с конца II в. до конца III в. — начало второго этапа революции рабов. Стабилизация кончилась в конце II в., и начался новый подъем революции.

Пятый период — вторая «стабилизация» (время Диоклетиана и Константина), с конца III в., приблизительно, до половины IV в.

Шестой период — с половины IV в. и до половины V в. — эпоха высшего подъема революции, эпоха крушения, гибели Западной римской империи.

Итак, к 30-м годам до н. э. революция была подавлена путем военной диктатуры, но подавлена весьма дорогой ценой, ценой разорения Италии и Сицилии, ценой страшного опустошения Греции, Малой Азии и ряда других провинций. Революция была подавлена ценой истребления сильных и влиятельных групп италийского рабовладения; в конце концов, она была подавлена ценой падения самой республики. Психологией имущих групп, получивших, наконец, спокойствие после столетней революции, легко объяснить тот восторг, то преклонение перед Октавианом, с которым было встречено окончание гражданской войны. Он дал, наконец, Риму, его имущим классам, мир, и потому нет ничего удивительного, что имущие классы на первых порах охотно отказались от республики. Это объясняет нам, почему римский сенат поднес Октавиану титул Августа («Священного»), каковы бы ни были официальные мотивы этого поднесения.

Если бы Август хотел, то ему, конечно, гораздо легче было бы, чем Цезарю, провозгласить себя монархом, но он был человек очень осторожный и не очень храбрый. Смерть Цезаря послужила для него в этом отношении хорошим уроком. Поэтому он не хотел форсировать событий и не провозглашал себя открыто монархом, автократом, самодержцем, — тем более, что в этом надобности не было, ибо власть Августа и последующих императоров являлась фактически не чем иным, как монархией, хотя и под видом республики. Прием здесь был старый, прием Суллы и Цезаря — концентрация республиканских магистратур в руках Августа. Республика отнюдь не была уничтожена; современники Августа были бы весьма возмущены, если бы им сказали, что они живут в монархии. Они жили в республике, которая существовала во всех своих элементах. Никаких изменений формально не произошло, только основные республиканские магистратуры были

сосредоточены в руках Августа. Было, в сущности, то же, что при Цезаре, и, если бы не 14 лет перерыва между Цезарем и Августом, то мы историю империи считали бы с Цезаря.

Августу был присвоен постоянный титул императора, военного вождя. В качестве императора он получил военные права — право производить набор, назначать высший командный состав, право объявлять войну, заключать мир.

Август провел разделение провинций между собой и сенатом. Себе он взял в управление, в качестве проконсула (это тоже был республиканский фиговый листок), только пограничные, наиболее беспокойные провинции: Испанию, Галлию, Сирию и Египет. Это означало, что в этих провинциях он имеет неограниченные права римского наместника. Остальные провинции оставались в управлений сената.

Кроме того, он был народным трибуном, верховным жрецом, а также неоднократно принимал консульское и цензорское звания. Таким образом, все главные республиканские магистратуры были сосредоточены в его руках. Август использовал старый, очень удобный прием сохранения старой формы при новом содержании.

Народное собрание, как и при Цезаре, продолжало существовать, но при Августе оно стало еще более покорным. После Цезаря еще более увеличилась практика политических подкупов, еще более усилилась коррупция части римлян, да и психология разбитой революции не благоприятствовала демократическому движению. Правда, мы знаем о беспорядках в Риме в 21 и 19 гг. до н. э. связанных с выбором магистратов, — но они были в начале правления Августа и не носили сколько-нибудь серьезного характера.

Система правления, установленная Августом и в основном удержавшаяся в Риме до конца III в., обычно называется принципатом. Это название произошло от слова princeps (первый, старший), так обычно называли сенатора, стоявшего первым в списке. Теперь это слово стали употреблять по отношению к императорам, так как Август приказал внести свое имя первым в список сенаторов, и то же продолжали делать его преемники. Буржуазные юристы много спорят на тему о природе принципата, но по существу ничего спорного здесь, конечно, нет. Принципат — это и есть монархия под видом республики. Подобное сохранение республиканской формы при монархическом содержании объясняется тем, что в силу самого хода исторических событий и особенностей римской конституции военная диктатура, начиная с Суллы, формировалась именно путем сосредоточения республиканских магистратур в одних руках. К этому нужно прибавить стойкость республиканских традиций, приверженность нобилитета к республиканским формам, с чем не мог не считаться Август.

В буржуазной науке также иногда называют систему Августа «диархией» (двоевластием), на том основании, что между императором и сенатом было проведено разделение власти: одни провинции находились в управлении Августа, другие в распоряжении сената. Существовала сенатская казна и императорская казна. Получалась двойственность между старой, чисто республиканской властью сената, и новой властью императора. Формально здесь, конечно, можно говорить об известном дуализме, но эта двойственность объясняется тем, что первые императоры, в особенности Август, считались с политическим авторитетом сената и сохраняли его; однако фактически сенат, разбавленный новыми членами и сильно ослабленный за весь предыдущий период, являлся покорным орудием в руках Августа, так что весь этот дуализм был чисто формальным.

Главной задачей своей внутренней политики Август ставил реставрацию старого римского общества. Одновременно со стараниями поддержать старые республиканские формы, нисколько не мешавшие его самодержавию, он всячески стремился очистить римское общество, особенно его верхние слои, от засорения теми «нежелательными» элементами, которые проникли туда за время революции. Прежде всего, Август старался поднять авторитет сенаторского сословия. Для него был установлен очень высокий ценз в миллион сестерциев (около 100.ООО золотых рублей). Таким образом, только самые богатые люди могли попасть в сенат. Но этого мало. Не всякий богатый человек мог быть зачислен в сенаторское сословие: для этого было необходимо еще, чтобы его отец или дед были сенаторами. Август несколько раз проводил очистки сената, устраняя из него всех лиц, не подходивших по своему цензу и происхождению.

Стремясь поднять авторитет сената, Август, внешне, по крайней мере, очень считался с его мнением.

Из среды знати Августом было удалено много вольноотпущенников и провинциалов, которые попали туда за время революции. Для того, чтобы «очистить» гражданство, Август принимает ряд мер. Одной из таких мер было ограничение отпуска рабов на волю. В конце республики и в начале империи чрезвычайно усилился отпуск рабов. Это было вызвано, главным образом, кризисом италийского хозяйства и разорением множества старых и богатых семей. Но отпуск рабов, несомненно «засорял» римское общество с точки зрения рабовладельцев, потому что вольноотпущенник, бывший раб, становился гражданином. Многие вольноотпущенники были очень богаты и могли легко попасть если не в сенаторы, то во всадники (всаднический ценз равнялся 400 000 сест.). Этим и объясняется ограничение отпуска рабов, проведенное Августом. Что же касается вольноотпущенников, то при Августе они даже при наличии ценза не могли быть зачислены ни в сенаторское, ни во всадническое сословие. Сенатором было даже запрещено жениться на дочерях вольноотпущенников.

В тех же целях поддержания «чистоты» римского гражданства Август за время своего правления почти не давал прав гражданства провинциалам. Август усиленно боролся с распущенностью нравов. Эта распущенность, как результат резких потрясений и ломки старых устоев, достигла чудовищных размеров. Август издает постановления против разводов, ставших весьма частыми (хотя он сам был женат три раза). Борется он и с развращенностью, царившей тогда в римском обществе. Дочь и внучка Августа (Юлии) принадлежали к числу самых развратных женщин в Риме. В конце концов, он был вынужден выслать из Рима их обеих.

Август проводит также ряд мероприятий против роскоши, подавая в этом отношении первый пример. Жил он в скромном доме и постоянно говорил, что носит платье, изготовленное руками только его домашних.

Во всем этом было много ханжества и показного лицемерия. Реставрационные меры Августа, конечно, не достигали целей, и распад его собственной семьи является лучшим доказательством этого. Старую римскую знать, разгромленную столетием революции, нельзя было восстановить. Ее остатки быстрыми шагами шли к гибели, и уже через пятьдесят лет после смерти Августа Риме почти не осталось больше ее представителей. Непосредственной опорой Августа являлась созданная им преторианская гвардия. Преторианцами еще при республике назывался отряд личной охраны полководца (от слова претор — полководец), но Август этот отряд превратил в целый гвардейский корпус специально для охраны своей личности. Для этой цели было набрано 9 когорт по 1000 человек каждая, причем 3 когорты были расквартированы в Риме, а остальные в ближайших городах Италии. Преторианцы занимали привилегированное положение: срок службы у них был короче, чем в обыкновенной армии, жалование было выше. Выделение из армии особого корпуса, поставленного в привилегированное положение, оказалось, как увидим ниже, чревато весьма большими последствиями для императорской власти.

Август, как и его предшественники, держал народное собрание в своих руках путем всякого рода подкупов, прямых или скрытых. В его правление система кормлений и раздач достигает громадных размеров. Цезарь уменьшил число получающих хлеб до 150000 человек. Август снова увеличил это количество, доведя его до старой цифры 300000 человек, что составляло около трети населения Рима. Кроме этого, помимо регулярных раздач, около 300000 человек за время Августа получили землю или денежные награды за походы.

Гладиаторские состязания и травля зверей, которые и раньше были в большой моде, становятся при Августе любимым зрелищем римской толпы. За время Августа в гладиаторских состязаниях выступило около 10 000 человек и было затравлено около 3500 диких зверей. Источники рассказывают нам о морском бое за Тибром в специально выкопанном искусственном водоеме длиною 1800 шагов и шириною 1200 шагов. Вокруг него были устроены скамьи для зрителей, а в бассейне был организован грандиозный морской бой, в котором участвовало 30 крупных кораблей, не считая мелких; помимо гребцов в бою участвовало 30000 воинов-гладиаторов.

Политика Рима по отношению к провинциям при Августе являлась продолжением политики, начатой еще Суллой и Цезарем. Режим продолжал смягчаться. Август разрешил провинциалам жаловаться ему лично на римских наместников; он подтвердил проведенную Цезарем отмену откупной системы для сбора прямых налогов. Но, может быть, не столько эти мероприятия, сколько прекращение гражданских войн содействовало подъему благосостояния провинций. С эпохи Августа начинается тот подъем провинциальных городов, провинциальной торговли и промышленности, который характерен для первых столетий империи.

Внешняя политика Августа очень показательна для его эпохи. Чтобы залечить раны, нанесенные гражданской войной, дать наделы ветеранам, пополнить количество рабов, необходимы были завоевания в большом масштабе. Август первоначально и пытался эти завоевания осуществить. Они шли, главным образом, по двум направлениям: на дунайской и рейнской границах. Что касается первого направления, то там действия римских войск были вполне успешны. Полководцы Августа завоевывают широкую территорию по Дунаю, где создается несколько новых провинций: Паннония, Норик, Реция. Была завоевана также Мезия и частично присоединена к провинции Македонии.

Гораздо хуже обстояли дела на рейнской границе. Сначала пасынок Августа, Друз, сын его третьей жены Ливии от первого брака, завоевал почти всю Германию между Рейном и Эльбой. Там была образована провинция, куда послали наместником Квин-тилия Вара. Своей жестокостью и корыстолюбием он заслужил всеобщую ненависть только что покоренных германских племен, которые подняли восстание во главе с вождем херусков Арминием. Вар с тремя легионами попал в засаду в Тевтобургском лесу, где он был окружен превосходными силами германцев (9 г. н. э.). В течение четырех дней длился ожесточенный бой, в результате которого все римские солдаты погибли, и все завоевания за Рейном были потеряны.

Правда, Друз огнем и мечом прошел потом по западной Германии, мстя за гибель римских легионов. Но это была только карательная экспедиция. Удержать Германию оказалось невозможно, и западную границу пришлось снова отодвинуть на Рейн. Только угол между верховьями Рейна и Дуная, названный впоследствии «десятинными полями», остался под властью Рима.

Эта крупная неудача внешней политики Августа являлась грозным симптомом начинающегося падения военного могущества Рима.

Энергичная военная деятельность на границах привела к созданию постоянной армии. Правда, фактически такая армия существовала и раньше. Август доводит ее до 25 легионов и располагает на постоянные стоянки в пограничных провинциях.

§ 2. Продолжение реформ Августом Октавианом - окончательная победа крупного рабовладения, нобилей над демократией республики полиса - государства

У всех нобилей, замешанных в борьбе против Цезаря и в последней войне, Август отобрал земли и разделил их между солдатами своей армии. Он принял титул принцепса, т.е. «первого лица» в Римской державе. Но Август сохранил за собой также пожизненное звание императора, т.е. главнокомандующего римской армией. Этот титул утвердился за Августом и его преемниками.

Так окончила свое существование сенатская республика. Вместо нее под именем Римская империя установилась военная диктатура римских рабовладельцев.

Республика пала, прежде всего, потому, считали ученые 30-х годов, что для подавления революции нужна была максимальная концентрация власти в форме личной военной диктатуры, и вся история борьбы с революцией, особенно, начиная с Суллы, есть история постепенного обрамления военной диктатуры.

Исторически диктатура римских рабовладельцев могла оформиться только в форме военной диктатуры, диктатора - военного вождя, опирающегося на армию.

В результате побед большая масса земли была захвачена соратниками Цезаря и Августа в виде крупных участков вместе с рабами. Много земли было поделено между воинами-ветеранами Цезаря и Августа. После поражения республиканцев при Филиппах, молодому Августу Октавиану, предстояло удовлетворить требования 28 легионов, т.е. более чем 170 тыс. ветеранов, которым было обещаны земли в самой Италии. Выкупить земли было невозможно: не было денег. Началась неслыханная экспроприация целых городов, исключая лишь земли сенаторов, ветеранов и женщин. Из-за этого происходили целые битвы. Ветераны, чувствуя свою силу, не стеснялись.

В результате сложился многочисленный класс мелких собственников, освобожденных от зависимости патроната и клиентелы.

Исходя из этого, весьма своеобразным стали и государственные функции императора. Принципат, как форма государственного устройства Рима, созданная Августом, законченная Тиберием, просуществовала до реформ Диолектиана. Власть прицепса не только не стояла над законами, но была подчинена им и ограничена ими. Объясняется это тем, что императоры должны были посредством своей власти обеспечить безопасность рабовладельческого хозяйства и не иметь возможности господствовать над рабовладельцами. В отличие от республиканских магистратур принципат - чрезвычайная власть, и в силу этого, с одной стороны, приобретение не предполагало никаких законных квалификаций со стороны приобретающего ее, а с другой стороны - она исчезала со смертью ее обладателя. Принцепс ответственен за свои действия, его можно было низложить, вынести приговор, хотя это было чрезвычайное лицо, созданное чрезвычайными обстоятельствами борьбы с нобилями и с задачами не допустить восстановления старых республиканских порядков. Власть Августа составилась из постепенной коммуляции полномочий, дарованных ему сенатом и народом. В борьбе с Антонием было объявлено «государство в опасности», по которому Август традиционно получил право требовать повиновения, неограниченного распоряжения финансами. Несмотря на это, его нельзя было обвинить в узурпации. И как чрезвычайное лицо, Август получает как принцепс ряд самостоятельных полномочий: исключительное верховное начальство над всеми войсками империи; даруемая народом бессрочная трибунская власть, делающая принцепса неприкосновенным; каждый принцепс имеет право понтификата, регулирующего религиозную жизнь. Свое императорское личное имя Октавиан получил от главного титула трибунской власти - священный - отсюда Август. Самовластие Августа сложилось не вдруг, оно развивалось постепенно, в течение всего его правления, притягивая понемногу к себе все атрибуты власти.

Боясь судьбы своего приемного отца - Цезаря, убитого в заседании сената, Август отказался от звания диктатора. Достигнув всей полноты власти, он боялся принять ее имя, не называя себя господином, царем, а довольствовался все также титулом «принцепс», что значит «первый», стоящий во главе. Это понимали не только со смыслом первый из сенаторов, но и в смысле - первый из граждан.

И после гибели Антония по требованию народа Августу в той или иной мере было сохранено право пользоваться властью в условиях чрезвычайного положения. Если внутри империи возникали беспорядки, то власть императора усиливалась неограниченно.

И во времена Республики богатые выходцы из плебеев - всадники, не очень гордились своим названием, а тем более родовыми связями. Поэтому они сразу же получили звание сенатора, заняв места сенаторов-патрициев, все были из свиты, клиентелы императора. Они быстро заняли все государственные должности, наполнили канцелярию, которая направляла и проверяла деятельность администрации. Им, приближенным императора, давался титул императорской клиентелы, который утверждался законом, считался официальным званием и давал право на занятие высоких должностных мест. Из них, оставшихся при дворце, вскоре был создан судебный, а затем и государственный совет.

Государственные чиновники финансового управления, канцелярии центральной администрации, управляющие провинциями были теперь из соратников императора, получали звание сенатора, которое постепенно будет передаваться по наследству.

Вся борьба в этот период шла между приближением императора из-за стремления заполучить крупные земельные участки и доходные места в правительстве. Распределение доходных мест, земли происходило с самого начала господства всадников между ближайшими соратниками Цезаря и Августа Октавиана. Единство между высокопоставленными руководителями движения плебеев регулировалось условиями клиентелы, зависимостью на условиях получения привилегий класса-сословия, личной преданностью вышестоящему клиенту или самому императору.

При Августе уже складывается три департамента в императорской канцелярии - здесь сидели вольноотпущенники, а при Гадриане они заменяются свободными гражданами преимущественно из сословия всадников. Таким образом, основателем бюрократии является Гадриан.

С Диолектиана (285-305 гг.) первый сенатор (император) превращается в «господина». Император окружает себя пышным церемониалом по восточному образцу. Он начинает носить корону и надевать роскошную одежду. Во время аудиенции люди падают ниц перед императором и т.д. Сенат вытесняется императорским советом (консисторией).

Начав с принципата Августа, пройдя через террористический режим, «либеральную» монархию Антонионов и военно-бюрократическую систему Северов, диктатура рабовладельцев делает последнюю попытку подавить революцию. Для этого она превращается в восточную деспотию. Члены совета не могут садиться в присутствии императора, а должны совещаться стоя. Подобно восточным феодальным царям и деспотам, императоры объявили себя богами. Власть цезарей, говорили жрецы, божественна, и всякий бунт против них - все равно, что бунт против бога.

Постепенно с народом все меньше считаются. Его помощь в борьбе с патрициями, господствующими классами теперь была уже не нужна. Хотя при Августе народные массы, свободные бедняки были еще довольно беспокойными, но на вспышки они мирились с Империей. Со временем народ теряет свою судебную власть, право избрания магистров при Тиберии. В области законодательства сенатоконсульт заменяет закон. Наконец, перестают созывать народ и для решения политических вопросов, единственным постоянно действующим политическим учреждением остается сенат. Народ, как носитель верховенства, не является больше на сцену. Римские пролетарии, живущие за счет империи, уже не играют роли в выборах императора, их уже не нужно подкупать при голосовании, вопросы решаются армией и в битвах. А до этого, народ способствовал возникновению империи, имел от нее более значительную выгоду, чем при Республике, и императорам нечего было бояться не довольных из его среды.

Империя - это уже не власть Рима, а власть государства. Власть римских императоров была монархической. Но императоры не были такими же наследственными царями, как феодальные цари. Конечно, рабовладельцы ничего не имели бы против наследственности императорской власти. Но императоры опирались не только на рабовладельцев, но и на свое войско, состоявшее из «пролетариев». Чтобы сохранить за собой власть, императоры вынуждены были угождать своим солдатам, так как недовольные солдаты могли взбунтоваться и сбросить императора с престола.

Армия становится удобным инструментом борьбы за власть. Еще во времена Э. Гиббона были вычислениями самых компетентных политиков сделаны выводы, что если всякое государство будет держать более одной сотой части своих членов под ружьем и в праздности, оно придет, в конце концов, в истощение. И эта многочисленная римская армия активно влияет на формирование власти, выбор, назначение императоров.

В это время только одно военное сословие было достаточно сплочено для того, чтобы задаться одной целью и достаточно сильно для того, чтобы подчинить своему решению всех остальных своих сограждан. Но солдаты, привыкшие в одно и в тоже время и к насилиям, и к рабскому повиновению, не могут быть надежными охранителями законов или гражданской

конституции. В них самих слабы чувства справедливости и человеколюбия и так мало политической мудрости, что они не в состоянии ценить этих достоинств в других, - писал Э. Гиббон, что справедливо и по сегодняшний день. Храбростью можно снискать уважение военных, щедростью можно купить их преданность, но первое из этих качеств нередко совмещается с самым необузданным жестокосердием, а второе может проявляться на счет публики, и оба эти чувства могут быть направлены смелым честолюбием против обладателя престола.

Поэтому каждый император не только сам старался ладить со своей армией, но также старался популяризировать среди солдат своего наследника. Иногда император даже назначал командиром своей гвардии, так называемых преторианцев, своего сына или другого родственника, которому хотел передать после смерти власть. Но не всегда императорам удавалось обеспечить престол за своим наследником. Преторианцы были, прежде всего, привязаны к своим начальникам, и бывали случаи, что начальник преторианцев свергал с их помощью императора и делался сам императором. Бывали такие случаи, когда войска, стоявшие в провинциях, не соглашались признать императором того, кто был провозглашен в Риме императором. Тогда начиналась вооруженная борьба между претендентами, а императором становился победитель.

Императоры, попадавшие таким образом на трон, нередко были совершенно неспособными правителями. Но рабовладельцы этого не смущались. Для них важно было только то, что император со своими солдатами всегда был готов на их защиту от восстаний рабов. Император подписывал указы, но составлялись указы не императором, а императорской канцелярией. Эта канцелярия стала теперь главным правительственным учреждением. Советники императора из наиболее влиятельных всадников рекомендовали ему кандидатов в члены этой канцелярии. В согласии с интересами рабовладельцев юристы составляли проекты новых законов, которые император только скреплял своей подписью.

§ 3. Перестройка Октавианом общественной базы своей власти Римского государства

Октавиан, однако, не пошел по следам Цезаря и не вернулся к его системе военной диктатуры или военном монархии эллинистического типа. Напротив, он продолжал все более твердо идти по тому направлению в своей внутренней политике, которое в основных чертах уже наметилось в 30-х годах I в. до н. э. и принесло ему победу над Антонием. Основной ее смысл был в превращении солдатской диктатуры, или «диктатуры легионов», открыто нацеленной на общественный переворот и передел имуществ, в диктатуру военно-рабовладельческую, консервативную по своим задачам и целям. Последняя должна была опираться на объединенные силы всех рабовладельческих и собственнических слоев, а военным элементам в ней отводилась лишь служебная задача защиты и расширения источников ее благосостояния, но за соответствующую компенсацию. В осуществлении такой перестройки и состояло «великое дело Октавиана», за которое в современной буржуазной исторической литературе его часто и величают «архитектором Римской империи».

Для установления основных линий и этапов этого процесса имеет чрезвычайно важное значение автобиография Октавиана, под названием Деяния божественного Августа (Res gestae divi Augusti). Она в виде обширной надписи помещена была у входа в его мавзолей в Риме и дошла до нас в копиях, найденных в Анкиро (Анкаре), Антиохии и других больших городах Римской империи. Наиболее полная и ранее других найденная копия — Анкирская, почему и весь документ часто называется «Анкирской надписью». В ней Октавиан, однако, говорит лишь об одних своих заслугах, часто притом преувеличивая их и искажая подлинное значение и смысл происходивших явлений. Поэтому относиться к этому документу следует с величайшей осторожностью.

Одной из главнейших своих заслуг, о которой Октавиан упоминает в самом начале (§ 3) и еще неоднократно в разных местах своих «Деяний», он считает устройство и вознаграждение своих солдат.

«Число римских граждан, принесших мне военную присягу, простиралось до 500 тыс. Из них я вывел в колонии или вернул на родину по окончании срока службы несколько более 300 тыс. Всем им я роздал участки земли, на мой счет купленные, или вместо поместий дал им деньги». «Я внес из своего имущества в военную казну, устроенную по моему совету, для выдачи наград солдатам, прослужившим 20 и более лет, 170 млн. сестерций». «Военные колонии я основал в Африке, Сицилии, Македонии, в обеих Испания, в Ахайе, Азии, Сирии, Нарбонской Галлии и Писидии. В Италии же мною основано 28 колоний, которые при моей жизни достигли процветания и многолюдства».

Однако Октавиан не только щедро наградил, но и вновь взнуздал всю эту военную громаду и тем оградил себя и свое правительство от необходимости быть лишь представительством разбушевавшейся военщины. В этом отношении характерно, что немедленно после победы при Акциуме, уже в Греции, подальше от Рима, он начал массовую демобилизацию. Из 50 легионов, стоявших тогда под оружием, немедленно распущено было 223, так что на службе осталось лишь 28, притом наиболее надежных и послушных (около 150 тыс. солдат). Эти 28 легионов — число это оставалось неизменным в правление Октавиана — с соответствующим количеством «вспомогательных» когорт (auxilia) и жителей провинций были впервые организованы в постоянную наемную армию, в противоположность прежней системе собирать войска для каждого намеченного похода и распускать их по его окончании. Каждый солдат должен был подписать договор о службе в течение 20 лет, причем на это время отдавал себя в полное распоряжение командования.

Легионер обеспечивался годовым жалованьем в 150 денариев и по выслуге лет получал почетный диплом и выходное пособие либо в виде земельного надела, либо денежной суммы в 3 тыс. денариев, как обеспечение на старость. Но зато он обязывался во время пребывания па действительной службе жить на постоянном казарменном положении, не вступать в брак и не заводить семьи, выполнять беспрекословно любые задания командования — как боевые, так и по части разных строительных и других работ. Когда не было военных действий, солдат заставляли копать каналы, проводить дороги, даже работать в рудниках. В армии введена была железная дисциплина: «Когорты, отступившие в бою, он [Октавиан], казнив в них десятого [по жребию], переводил довольствие ячменем вместо пшеницы. Центурионов, покинувших свое место в строю, карал смертью, так же как и рядовых солдат» (Светоний, Август, 24—25). Центурионы и другие офицеры были вооружены тростями, которыми они немедленно расправлялись со всяким провинившимся чем-либо солдатом. Октавиан даже запретил командирам обращаться к солдатам со словом «товарищи» (commilitones), как в период гражданских войн делал и Цезарь, В) он сам. Теперь он «находил такое обращение чересчур заискивающим». Вся; армия была выведена из Италии и вообще из центральных районов и размещена по отдаленной от правительственного центра периферии, по пограничной зоне. К концу правления Октавиана 8 легионов стояли на Рейне, 7 — на Дунае, 3 — в Испании, 3 — в Сирии, 3 — в Египте и 1 — в Африке; 3 погибли в бою с германцами в 9 г. н. э. и не были восстановлены из-за утраты своих легионных орлов. В Италии оставлена была лишь гвардия Октавиана, его «преторианцы» в количестве 9 когорт по 1 тыс. человек каждая, да полицейские отряды (3 городские когорты и 7 когорт «ночной охраны»), которые уже не в состоянии были в обычное время оказывать какое-либо давление на политические дела.

Все управление этой усмиренной военной стихии Октавиан ревниво держал в своих руках, вмешиваясь во все мелочи и детали, вплоть до назначения или перевода отдельных центурионов. Он систематически подчеркивал свое звание императора, которое, как и Цезарь, обратил даже в свое личное имя.

Одновременно с тем происходил и резкий поворот от демократических слоев римского общества, у которых заискивал и искал себе опоры Октавиан в тяжелые для него 44—43 гг. Беззастенчивая демагогия этих лет сменилась

пренебрежительным отношением к народным массам. У придворных поэтов, чутко отзывавшихся на новые настроения своих хозяев, появилось около 27 г. оскорбительное для народа новое выражение «темная чернь» (profanum vulgus), заслуживающая презрения и ненависти (Г о р а ц и й, Оды, II, 16; III, 1, 2).

Дион Кассий (52, 16) приводит речь покровителя Горация, Мецената, к Октавиану, в которой, как образец тогдашних придворных бесед, это презрение к «черни» звучит особенно выразительно: «Пресловутая свобода черни является худшим видом рабства дли порядочных людей... Все беды, восстания, мятежи происходят от черни».

В связи с этим выборы превращены были в сплошную комедию, Которая отбивала у народа всякую охоту серьезно относиться к своей политической роли. Началась политика сознательного развращения народа всякого рода подачками, замена системой «хлеба и зрелищ!» (panem et circenses!) активной общественно-политической жизни римских народных масс. Для этого Октавиан взял в личное свое ведение заботу о пропитании народа путем своевременной доставки из провинций хлебных даней (сига anno-aae), и количество хлебных пайков было вновь увеличено до 300 тыс. по 5 модиев каждый.

В 15-й главе своих «Деяний» Октавиан даст хвастливый перечень розданных им «ковгиариев», т. е. денежных подачек народу: по 300 сестерций каждому, согласно завещанию Цезаря; в 29 г. — по 400 сестерций из военной добычи; в 24 г. — опять по 400 сестерций, то же самое, по 400 сестерций, в третий раз в 12 г. и т. д. Весь римский городской плебс, таким образом, обращался в нахлебников и паразитов Октавиана. 22-я и 23-я главы тех же «Деяний» перечисляют столь же пунктуально многочисленные гладиаторские бои, игры, травли зверей, зрелища морских сражений, устраивавшиеся постоянно для народа, с точным подсчетом участвовавших в них гладиаторов (10 тыс.), зверей (3500), кораблей и пр. Конечно, в скором времени такие забавы толпа привыкала предпочитать весьма сомнительному выражению своей суверенной воли на комициях.

Что касается рабов, к которым, чтобы отвлечь их помыслы от Секста Помпея, Октавиан тоже прежде был благосклонен, то по отношению к ним действовали более крутыми средствами. По новым законам Фуфия Каниния и Элия Сентия сильно сокращены и затруднены были отпуски рабов на волю: освобождать, с предоставлением им полных прав гражданства, можно было рабов лишь не моложе 30-лотнего возраста, таких, которые никогда не заключались в оковы, и вообще не более как 1/3—1/5 числа рабов всей «фамилии» владельца. В 10 г. подтвержден был древний свирепый закон о казни всех домашних рабов в случае убийства кем-либо из них их господина.

Зато систематически проводилась политика дальнейшего сближ е н и я О к т а в и а н а с в ы с ш и м и с л о я м и рабовладельческого общества, в особенности с нобилями и всадниками. Приняты были многочисленные меры к реставрации почетного положения и авторитета сената. Для этого пять раз (в 28, 18 и 4 гг. до н. э. и в 4 и 14 гг. н. э.) производилась его чистка от случайных элементов, проникших в сенат в период гражданских войн, и состав его с 1 тыс. членов сокращен до традиционного числа 600 сенаторов, прошедших одну из курульных магистратур Количество последних было увеличено, чтобы большее число представителей высшего общества могло пользоваться почетным званиями и привилегиями консуляров, преториев и т. д. Для сенаторов был введен обязательный имущественный ценз в 1 млн. сестерций, из них не менее 100 тыс. должны были представлять их земельные владения. За этой собранной в сенате верхушкой богатой знати закреплены были почетные права и привилегии почетный костюм — тога и туника с широкими красными поло сами, почетные места в театре и цирке, права на высшие командные должности в армии и провинциальном управлении. Второе сословие — всадники (их ценз установлен в 400 тыс.) — тоже получило соответствующие привилегии: тогу с узкой красной» каймой, золотое кольцо, почетные места в театре за сенаторами и право занимать видные должности в армии и администрации.. Из них назначались командиры преторианцев (praefecti praetorio), прокураторы, т. е. правители по хозяйственным и финансовым делам в провинциях (в небольших провинциях они являлись и настоящими наместниками), префекты вспомогательных когорт и пр. Наконец, усердно

задабривались и высшие слои италийского муниципального общества: эта муниципальная богатая знать, стала допускаться к занятию римских магистратур и тем самым включаться в сенат и пр. Многочисленные надписи, в которых Октавиан прославлялся как «спаситель и благодетель», свидетельствуют об установившемся довольстве в этих кругах новым правительственным режимом.

Усердно славословили его и представители высших слоев тогдашней интеллигенции, на привлечение которых на свою сторону правительство Октавиана тоже не жалело усилий и средств. Всячески обласканный и задаренный Вергилий писал в 20-х годах свою «Энеиду», неумеренной лестью осыпая самого Октавиана, весь род Юлиев и всех его присных. Тогда же, в 22 г., Гораций издал первые три книги своих «Песен», или од, превознося в них своего покровителя, фаворита Октавиана, Мецената. «О Меценат, отпрыск прадедов царственных, утешенье мое, честь и защитник мой», — подобострастно обращается Гораций к нему в своей первой посвятительной оде (I, 1). В его «Песнях» щедро рассыпан везде самый отвратительный политический сервилизм: «У власти Цезарь, — поет бывший боец за свободу,— и уже не страшны нам войны гражданской ужас, насилья». Цезарь возводится на второе место после Юпитера, которому «Цезарь великий роком дан попечению; ты — отец людей, сын Сатурна — первый, он за тобою», и потому «других светлее Юлиев звезда, как луна средь хора звездного неба» **(I,** 12). (См. гл. LVIII, стр. 682 и сл.)

Так происходил полный отход от тех опорных сил, с помощью которых Октавиан пришел к своему положению властителя Римской державы; и от былого цезарианского демократизма, который продолжал в известной мере теплиться в период диктатуры Юлия Цезаря и вновь па некоторое время вспыхнул после мартовских ид 44 г., в 20-х годах не осталось и следа. После Акциума Октавиан сделался признанным представителем и вождем крупных и средних рабовладельческих и собственнических слоев Италии. И на этой новой базе стал с рассчитанной медленной постепенностью, но зато весьма солидно воздвигать новое политическое здание монархического типа — Римскую империю.

§ 4. Политическая система принципата

Учитывая политические настроения своей новой опоры, Октавиан не мог так прямолинейно вводить монархический режим, как то делал Юлий Цезарь. В кругах высших слоев римского общества, недавно пилившихся хозяевами Римского государства, республиканские традиции и привычки еще имели значительную силу, с которыми новый единоличный правитель должен был серьезно считаться. Поэтому с присущей ему изворотливостью Октавиан сумел организовать такой, по видимости компромиссный, политический строй, в котором, по меткому выражению Сенеки, «государь прятался в одежды республики». Будучи, по существу, замаскированной формой монархии, строй этот носил приемлемое даже для убежденных республиканцев название «принципата», т. е. признания преобладающей роли в республике «принцепса» — первого гражданина, «в виду его доблести, кротости, справедливости и благочестия», как это было по постановлению сената написано на золотом щите в честь Октавиана, повешенном на главном правительственном здании — курии Юлия.

Начиная с 27 г. этот новый замаскированно-монархический строй, после долгих обсуждений в ближайшем к Октавиану кружке его друзей, стал постепенно оформляться. Поэтому 27 г. и принято считать началом принципата. 13 января 27 г. на торжественном заседании сената Октавиан произнес пышную речь, в которой заявлял, что ввиду восстановления порядка он слагает с себя все свои чрезвычайные полномочия и возвращается в частную жизнь.

«В 6-е и 7-е мое консульство, — пишет сам Октавиан об этом в своих «Деяниях», — подавив междоусобную войну при помощи неограниченной власти, данной мне с.общего согласия, я передал государство из своих рук в распоряжение сената и римского народа» (гл. 34). Трижды после этого «сенат и народ предлагал мне единоличную и неограниченную власть для охраны законов и нравов, но я не согласился принять власти, противной древним обычаям» (гл. 6).

Он решительно отказывается также от всех атрибутов эллинистической монархии, например, от наименования «божественный», позволяя называть себя лишь «сыном божественного» (Цезаря), изгоняет из своего окружения всякий восточно-эллинистический этикет и стремится показать подчеркнутую простоту своей частной жизни. Внешне во всем он усиленно демонстрирует свое как бы глубочайшее желание не разрушать и ниспровергать, а наоборот, восстанавливать и укреплять старую республиканскую форму правления.

Но это, конечно, один только политический маскарад, сплошное лукавство и лицемерие, так как рядом с этими отказами от слишком выразительных и откровенных форм единовластия шел процесс нарастающей кумуляции (объедет нения) в руках Октавиана полномочий основных республиканских магистратур, что было противно всем старым политическим обычаям и приводило к тому же единовластию, но без выражавших это титулов и внешних символов. Снисходя, как рассказывает Дион Кассий (53, 32), к усиленным просьбам сената и народа, Октавиан согласился не настаивать на своем полном отказе от власти, и единогласным постановлением сената, в том же заседании 13 января 27 г., за ним были утверждены «высшие проконсульские полномочия» над всеми пограничными провинциями, где еще не наступило полное умиротворение, и вообще над всеми территориями, где расположены были войска. Тем самым он сохранял власть верховного главнокомандующего (высший или неограниченный империум), а вместе с тем и свое почетное военное звание императора, которое он имел уже с 40 г. Эти «императорские провинции» должны были управляться его военными «легатами с пропреторской властью», им назначаемыми и находившимися в полном его подчинении. Но сенат соглашался «освободить его от бремени управления» рядом небольших и в военном отношении не представлявших интереса провинций, как Корсика, Сардиния, Сицилия, Африка и Азия (Пергам): они объявлялись «сенатскими», и для них восстанавливалась прежняя система назначения сенатом проконсулов из его среды. Однако даже в них император посылал своих уполномоченных — прокураторов — для набора войск, сбора военных налогов, управления своими доменами и пр. Этим создавалась фикция диархии, т. е. видимость двоевластия, позволявшая сторонникам Октавиана шумно восторгаться его почтением к старым республиканским формам управления, хотя уже одного этого постоянного «высшего империума», бессменной верховной военной власти, было совершенно достаточно для фактического единовластия Октавиана.

Впрочем, к этим основным полномочиям присоединялись еще и многие другие. С 32 по 23 г. Октавиан ежегодно, 9 лет подряд, выбирался консулом, а в 19 г. получил «пожизненные консульские почести» — право постоянно носить консульский костюм, иметь 12 ликторов, курульное кресло в сенате, поставленное между креслами обоих очередных консулов, так что последние оказывались как бы по его бокам, право издавать эдикты, какие ему представится нужным. Тем самым к военной власти присоединялась и власть гражданская на всей территории Римской державы, председательствование в сенате, право собирать народные собрания, руководить выборами и пр. Затем, уже с 36 г., он имел пожизненные трибунские права, что подтверждено было опять в 23 г. Это обозначало, что, кроме права трибунской неприкосновенности, ему присваивалось также право трибунского вето на любые постановления сената или народного собрания, если бы таковые почему-либо могли состояться против его воли. Права эти были настолько важны, что сам Октавиан годы своего правления датировал по годам своей трибунской власти. Наконец, с 12 г., Октавиан стал римским верховным понтификом, таким образом, в его руках оказалось и все управление делами религии; Октавиан продолжал также ведать всем продовольственным делом, всеми делами полицейской и пожарной охраны. Он организовал собственное казначейство («фиск»), которое было значительно богаче отощавшей старой государственной казны («эрариума»), предоставленной поэтому для того же лицемерного соблюдения республиканского декорума в ведение сената; периодически Октавиан брал на себя разные важные полномочия по проведению ценза, чистке сената и пр.

Трудно указать область государственного управления, на которую бы не распространялась его власть, по существу совершенно монархическая и не конституционная, но по юридической внешности представлявшая лишь объединение в одних руках важнейших республиканских магистратур. Такое объединение этих республиканских функций создавало ему, по представлению тогдашних людей, не право на царский произвол, а лишь непререкаемый «авторитет» (auctoritas) и обращало в первого гражданина государства — принцепса. Так обычно и стал называть себя официально сам Октавиан после 27 г. К этому титулу прибавлены были лишь два почетных названия: 16 января 27 г. в благодарность за его заслуги сенат поднес ему почетное прозвище Августа, т.е. Благословенного (греки переводили это словом «Себастос»), а во 2 г. до н. э. ему было присвоено и второе почетное наименование — «отец отечества» (pater patriae). Об этом Октавиан тоже с гордостью сообщает в своих «Деяниях». Этим завершился весь политический маскарад: такое обилие республиканских полномочий, скопившихся в одних руках, приводило фактически к появлению монарха.

Вся внутренняя политика принципата велась под широко афишируемым лозунгом в о с с т а н о в л е н и я (республиканской) с т а р и н ы — освященных древностью институтов, обычаев и нравов. «Старина» подвергалась для этого усердному изучению, и сам Октавиан не только вдохновлял Тита Ливия в его труде по составлению грандиозной сводной работы по истории Рима «от основания города», но нередко выступал и его консультантом, сообщая ему об им лично открытых исторических памятниках и документах. Этот же повышенный интерес к старине нашел свое проявление в почестях и наградах, которыми осыпан был Вергилий за его «Энеиду», в выходе в свет в 9 г. до н. э. «Римской археологии» Дионисия Галикарнасского, в «Фастах» Овидия Назона, которыми попавший в опалу поэт предполагал вернуть себе расположение Октавиана.

Ярко выраженная во всех этих полуофициозных исторических сочинениях идеализация прошлого проявилась в практической политике правительства Октавиана-Августа, прежде всего в стремлении сохранить племенную чистоту римского народа, ограничить его состав и предохранить от проникновения в его среду чуждых элементов — «перегринов». В противоположность Цезарю, широко раздававшему права римского гражданства целым городам и провинциям, в эпоху принципата Августа дарование таких прав становится крайне редким явлением и то только в индивидуальном порядке, после многих ходатайств и за особые заслуги. Поэтому же только в число перегринов или людей «латинского права» записываются по новому закону Элия-Сентия и вольноотпущенники. Резкая грань между римлянами и не римлянами проводилась для утверждения идеи о право Рима на господство и эксплуатацию всех иных народов: «Ты, римлянин, помышляй о державной власти над народами», — выразил эту идею в своем знаменитом стихе Вергилий. Твердое проведение этой политики великодержавия встречало живейшее одобрение даже самых непримиримых республиканцев-оптиматов.

Другой ряд мер правительства принципата был направлен на восстановление «старых добрых нравов». Особое внимание обращено было на семейную жизнь, и издан ряд законов, проследовавших безнадежную цель восстановления распадавшейся римской семьи, которая признавалась основой истинно римского быта.

По «законам Юлия» граждане, имевшие не менее трех детей, ставились в особо привилегированное положение по службе, люди, пожелавшие вступать в брак, ограничивались в имущественных и общественных правах; за легкомысленное поведение замужние женщины наказывались конфискацией имущества и ссылкой (так, наказаны были даже дочь и внучка самого Августа).

Усердно старался Август также восстановить другой основной устой древнеримской жизни — религиозность. Показное благочестие (pietas) возведено было в основу всех гражданских добродетелей, и ханжество стало модным качеством даже героев официальной литературы: например, Энея, прародителя Августа, идеального правителя и гражданина, Виргилий изображает прежде всего богобоязненным (pius). В связи с этим Октавиан-Август усердно принялся за реставрацию древних храмов (в одном 28 г. их, по его собственному

свидетельству, было восстановлено 82) и постройку множества новых; среди них были особенно величественный «храм Марса Мстителя» на форуме — памятник выполнения мести за убийство Цезаря, и «святилище божественного Цезаря» на том месте, где сожжено было его тело. Вместе с тем всемерное покровительство оказывалось и возникавшему, в особенности в провинциях, культу императора, обычно выражавшемуся в создании алтарей Августа и богини Ромы: их обслуживали выбранные местной знатью жрецы — «фламины» — и вокруг них группировались особые религиозные общества почитателей Августа («августалов»), в которые допускались даже вольноотпущенники.

Усердно восстанавливались также древние праздники, старинные религиозные общества и обряды, давно уже всеми забытые вследствие своей примитивности (например, моления Арвальских братьев, самый язык которых, по своей архаичности, перестал быть понятным). В 17 г. с особой торжественностью, согласно указанию древних колдовских сивиллиных книг, отпразднованы были секулярные (вековые) игры, и общепризнанному главе поэтов Горацию было поручено написать для этого специальный юбилейный Гимн.

Также и внешняя политика Августа являлась только продолжением традиционной военной агрессии Рима. Хотя сенат и почтил его в 9 г. до н.э. постройкой гигантского «Алтаря мира», а сам Август в своих «Деяниях» хвалился, что за годы ВТО правления по случаю мира три раза запирался храм древнего бога войны Януса (тогда как с самого основания Рима это было сделано только дважды), на самом деле в период его принципата шли непрестанные войны самого широкого характера и с самыми захватническими целями.

В Испании и Галлии закончено было подчинение последних непокорных племен (в особенности отчаянно сопротивлявшихся астуров и каитабров на крайнем западе Иберийского полуострова, аквитанцев и треверов в Галлии), и, таким образом, завершено было овладение Римом этими крупнейшими западными его провинциями. Затем в 25 г. разгромлены были жившие по южным склонам Альп салассы: большая часть их была вырезана или продана в рабство, и римляне, таким образом, стали полными хозяевами главных альпийских проходов — С.-Бернара и Симплона, обеспечивавших сообщение С Галлией; новая многочисленная колония — крепость Августа Претория (теперь Аоста) закрепляла это важное приобретение. В этой крепости поселены были 3 тыс. надежных ветеранов-преторианцев.

Но особенно длительные военные операции развернулись на северных и северо-восточных границах Римской державы. В 15 г. захвачены были Центральные и Восточные Альпы. Две римские армии под начальством двух пасынков Октавиана-Августа, Друза и Тиберия, действуя с юга через проход Бреннер и с запада по долине Верхнего Рейна, разгромили в большой битве близ Констанцского озера племена ретов и винделиков и тем положили начало двум новым римским провинциям на верховьях Рейна и Дуная — Реции и Винделиции (Северная Швейцария и Бавария). Мощные крепости Августа Винделиков (Аугсбург) и Каира Регина (Регенсбург) — закрепили и здесь римское господство. Одновременно с этим и даже несколько ранее римляне начали свое продвижение к Среднему Дунаю, подчинили нориков (в Южном Тироле), победили жившие за Дунаем германские племена квадов и бастарнов и уже спустились в теперешнюю Венгерскую равнину, где в 9 г. до н. э. возникла новая провинция — Паннония. Тогда же, после долгой и ожесточенной борьбы с гетами и мезами, систематического разрушения их многочисленных укрепленных городищ и беспощадного истребления всех сопротивлявшихся римскому командованию удалось твердой ногой стать и на Нижнем Дунае и организовать здесь самую крайнюю к северо-востоку провинцию в цепи новых провинций — Мезию. Она занимала территорию современных Сербии и Северной Болгарии, доходила до самого устья Дуная и включала в свою территорию также греческие города-колонии западного побережья Понта — Истрию, Томы, Каллатис, Месембрию и др. Римское влияние стало широко распространяться и на весь северный берег Причерноморья, так что даже царица когда-то столь могущественного Боспорского царства, Динамия, принуждена была в угоду римлянам выйти замуж за их приспешника, понтийского царя Полемона, ставить статуи в честь Августа и в своих надписях униженно называть его «повелителем всей земли и всего моря, своим спасителем и благодетелем».

Это военное продвижение к Рейну и Дунаю вовсе не исходило; из одного стремления «найти естественные границы» против вар-варского мира на севере, как это часто изображают в современной западной историографии, стремясь идеализировать все «дело Августа». Против этого свидетельствует уже одно то обстоятельство, что самая острая и напряженная борьба развернулась по ту сторону этих «естественных границ», за Дунаем и Рейном, на территории современной Западной Германии. Широкие наступательные операции начались здесь в 12 г. до н. э., под руководством любимого пасынка Августа, Друза, наместника Галлии. В течение 4 лет он покорил все германские племена, жившие между Рейном и Эльбой — батавов, фризов, бруктеров, херусков, хаттов и др. После его смерти (он упал с конем в гор-ную пропасть, возвращаясь с похода к Эльбе; римский памятник ему до сих пор стоит в цитадели Майнца) его сменил другой пасынок Августа, Тиберий. Своими походами в 5 г. н. э. он довел завоевательное дело своего брата в северо-западной части Германии до конца и обратил все эти территории, вплоть до устья Эльбы, в новую римскую провинцию — Германию, причем его сухопутные операции поддерживал римский флот, крейсировавший по Немецкому морю до самых берегов Ютландии. Оставалось лишь покончить с большим царством маркоманов, живших на истоках Эльбы, в современной Богемии, и римляне уже подготовили две мощные армии — 12 легионов на Дунае и 5 легионов на Верхнем Рейне, чтобы комбинированным ударом разгромить маркоманского царя Маробода.

Однако эта небывалая по размаху и интенсивности экспансия была приостановлена страшной катастрофой. Летом 6 г. н. э. вспыхнуло общее восстание племен Паннониии Далмации под предводительством Батона (Бато) из племени дезидиатов - в Боснии собралась громадная армия повстанцев — до 200 тыс. человек, которая осадила римские города от Сирмия до Аполлонии, громила римские крепости и поселения, истребляла римских колонистов и купцов. Весь Рим был охвачен паникой, так как со дня на день ожидали вторжения восставших в Италию. Объявлена была общая мобилизация всех военноспособных, чего давно уже не бывало в Риме, формировались когорты из рабов-добровольцев, выразивших желание поступить в армию. Борьбу с Марободом пришлось прекратить, и все силы дунайской армии, вплоть до легионов, стоявших в Мезии, направить на подавление этого грозного восстания с тыла. Три года, под общим командованием Тиберия, римские войска были заняты осадами и разрушением орлиных гнезд теперешних Хорватии, Крайны, Боснии, Черногории и Албании, из которых восставшие оказывали римлянам отчаянное, но разрозненное сопротивление.

Но всего через три дня после того как в Риме отпразднован был триумф над панионцами и далматами, пришло известие о подобном же общем восстании в Германии. Молодой вождь херусков Арминий, служивший в римских вспомогательных поисках, хитростью заманил целую римскую армию в составе трех легионов (XVII, XVIII и XIX) и девяти вспомогательных когорт, в ловушку в непроходимом Тевтобургском лесу (близ современного города Оснабрюка в Вестфалии) и уничтожил ее полностью вместе с ее легатами и самим командующим, наместником Галлии П. Квинтилием Варом, любимцем самого императора (в 9 г. н. э.). Событие это («Варова катастрофа») вновь потрясло весь Рим. В городе вновь было объявлено осадное положение, повсюду расставлены караулы, давались чрезвычайное обеты и устраивались моления, так как ожидали, что вся Галлия будет наводнена германскими ордами.

Октавиана, как передает Светоний («Август», 23) «событие это повергло в такое отчаяние, что в течение нескольких месяцев он не стриг волос и бороды, порой же бился головой о двери и восклицал: «Квинтилий Вар, отдай легионы!» Годовщина этого поражения навсегда осталась для него днем печали и траура».

Действительно, вся зарейнская Германия была потеряна, и восстановить здесь господство Рима более не удалось, несмотря на новые походы, в 12 и 13 гг. н. э., Тиберия и сына Друза — молодого и способного Германика. Пришлось ограничиться защитой левого берега Рейна: сюда стянуто было 8 легионов, лучших во всей римской армии (около 80 тыс. солдат), и создана целая цепь мощных крепостей, прикрывавших две новые провинции —

Верхнюю Германию и Нижнюю Германию, выкроенные из прежней территории Галлии по левому берегу Рейна. Эти крепости, бывшие вместе с тем легионными стоянками, стали основами больших прирейнских городов — Аргентората (Страсбург), Могунциака (Майнц), Конфлуентов (Кобленц), Бонны (Бонн) и др.

Эти два страшных удара со стороны авангардных частей грандиозного варварского мира были первыми предвозвестниками будущей борьбы, в которой должен был погибнуть старый рабовладельческий общественный строй. Начало Римской империи уже отчетливо показывало и те силы, которые приведут к ее крушению и концу. Такими силами являлись оттесненные ею от всякой общественно-политической активности народные слои, обращенные в «презренную чернь»; затем все нарастающие, благодаря постоянным войнам, массы совсем обездоленных, рабов, — главный объект полицейских предупредительных и карательных воздействий римского императорского государственного аппарата; и, наконец, целое море с севера и с северо-востока обступившего римскую рабовладельческую державу «варварства», прорывавшегося к благодатным берегам Средиземноморья. Несмотря на всю свою высокую технику железным римским легионам все труднее становилось сдерживать эти стихийные силы. Когда в 14 г. н. э. Октавиан-Август умер, постановлением сената был причислен к богам как «божествrнный» и с необычайными почестями погребен в заранее построенном им мавзолее, а месяц его смерти — секстилий — был в память его назван августом, — еще нельзя было предвидеть, долго ли просуществует! созданный им политический строй. Во всяком случае, в своем завещании сам Август уже рекомендовал своим преемникам не испытывать больше военное счастье, а придерживаться мирной внешней политики[1].

§ 4.1. Внутренняя политика Октавиана - Августа

Внутренняя политика Августа проводилась под знаком реставрации старины, что логически вытекало из духа глубокой реакции, охватившей все общество. Август в своей внутренней политике и был ярким представителем этой реакции. Хотя в начале своей деятельности он, как и его предшественники, стоял на платформе суверенитета народа, однако при «восстановлении республики» отказался от нее. Реставрация должна была идти достаточно далеко, во всяком случае — дальше Гракхов. Нужно было восстановить не демократическую республику эпохи гражданских войн, но старую аристократическую республику нобилей с преобладанием сената, второстепенной ролью комиций, с ее простотой жизни, добрыми нравами и т. п.

Многое было здесь реакционной утопией. Август, как и Сулла, пытаясь восстановить старую республику, в действительности создавал новую монархию. Однако формально произошло возвращение к сенатскому режиму. Авторитет «отцов» (patrum auctoritas) был восстановлен в прежних рамках. Постановления комиций, как и прежде, нуждались в одобрении сената. Высшему органу в государстве было даже присвоено право, которого он никогда не имел раньше: право суда над своими членами. Особый комитет из высших магистратов и 15 сенаторов подготовлял проекты постановлений, вносимых в сенат.

Однако стремясь поднять авторитет сената так высоко, Август вынужден был освободить его от всех «сомнительных» элементов. В последние десятилетия гражданских войн, начиная с Суллы, в состав сената, как мы видели, попало много случайных элементов, по своему происхождению не имевших никаких прав заседать в курии. Среди них были сулланские и цезарьянские командиры, вольноотпущенники, провинциалы и т. п. Число сенаторов после Цезаря превысило 1000 человек. Во время неоднократных «чисток» сената (в 28, 18 и 8 гг. до н. э., в 4 и 14 гг. н. э.), которые Август проводил на основании своих цензорских полномочий, он уменьшил количество сенаторов до 600.

---

[1] См.: История Древнего мира, Под ред. В. Н. Дьякова и Н.М. Никольского, М., 1952, 781с.

Вместе с тем произошло окончательное обособление сенатского сословия от двух остальных. Фактически такое обособление существовало и раньше, но только Август оформил его юридически. Для сенаторов был установлен ценз в 1млн. сестерциев. Кроме этого, чтобы принадлежать к сенатскому сословию, нужно было, помимо ценза, иметь сенаторами не менее двух поколений предков (отца и деда). Остальные граждане, хотя бы они и имели требуемый ценз, числились в сословии всадников.

Для этого последнего ценз был оставлен старый — 400 тыс. сестерциев. К всадникам принадлежали и дети сенаторов до достижения ими первой магистратуры (квестуры), дававшей доступ в сенат. На время Августа падает начало трансформации всадничества как сословия. Наряду с должностями, которые могли занимать только лица сенатского сословия, появляется особый разряд должностей, с течением времени все более расширявшийся, которые император начинает поручать только всадникам: префект Египта, префект претория, префект пожарной команды и др. Таким образом начинается сближение сенатского сословия со всаднический: Оба сословия делаются служилыми. Но в то время как из сенаторов идет пополнение, преимущественно, старых республиканских должностей, всадниками замещаются, главным обра-Юм, новые должности, созданные империей. Таким образом всадничество из сословия крупных торговцев, откупщиков и ростовщиков, каким оно было при республике, превращается и сословие имперского чиновничества. Этот процесс, начавшийся при Августе, завершается во II в.

Наряду с двумя высшими сословиями — сенатским и всадническим,— существовало третье, по-старому называвшееся «плебсом», «о имеющее мало общего с плебсом V и IV вв. Это третье сословие не было однородным, так как внутри него существовало деление по имущественному признаку.

В то же время идет любопытный процесс выделения из плебса нового (третьего) служилого сословия из вольноотпущенников (либертинов). Уже при Августе вольноотпущенники играли большую роль в дворцовом хозяйстве на должностях финансовых агентов (прокураторов) и др. При преемниках Августа эта роль, как увидим ниже, стала еще значительнее.

В конце республики количество либертинов выросло I» огромной степени, благодаря массовым отпускам на волю. Гражданские войны привели к истреблению или разорению многих богатых семей, в результате чего их рабы получали I коболу (вспомним «корнелиев» Суллы). Август энергично боролся с вольноотпущенничеством во имя чистоты римского гражданства. Либертины при нем не допускались в высшие сословия, хотя бы имели требуемый ценз; им был закрыт доступ к военной службе (за исключением службы в пожарной команде); сенаторы не могли жениться на дочерях вольноотпущенников.

Наконец, Август боролся с отпусками на волю путем непосредственных мероприятий. В 2 г. до н. э. им был издан закон (lex Fufia Caninia), сильно ограничивший отпуск рабов по завещанию. Согласно этому закону устанавливалось известное процентное отношение числа отпускаемых рабов к их общему количеству у данного рабовладельца. Так, при количестве рабов от 3 до 10 можно было освобождать не более половины; от 10 до 30 — не более трети; от 30 до 100 — не более четверти; от 100 до 500 — не более одной пятой. Больше ста рабов вообще запрещалось отпускать по одному завещанию. При этом освобождаемые рабы должны были указываться поименно.

В 4 г. н. э. Август издал второй закон (lex Aelia Sentia), ограничивший право отпуска на волю при жизни рабовладельца. Только тот господин получил безусловное право отпуска, который имел не меньше 20 лет, притом по отношению к рабу не моложе 30 лет. В случае, если хотя бы одно из этих условий отсутствовало, закон требовал вмешательства особой комиссии из 5 сенаторов и 5 всадников, которая должна была устанавливать, что данный отпуск раба (или рабов) вызван реальной необходимостью.

Определенная категория рабов, в случае их освобождения, вообще не допускалась в число граждан. Это были те рабы, которые подвергались наказаниям со стороны своего господина или органов государственной власти. Они считались «порочными» и, в случае отпуска на волю, должны были находиться на положении не граждан, а «иностранных

подданных» (peregrirri dediticii): они не могли жить ближе, чем на 100 миль от Рима и подвергались ряду других ограничений в своей правоспособности.

Такими мерами Август хотел остановить массовый приток в римское гражданство чуждых ему элементов. Мы не знаем, дали ли эти меры какой-нибудь результат. Едва ли он был значительным. Закон можно было всегда обойти, а экономические обстоятельства толкали в сторону дальнейшего роста вольноотпущенничества. Правда, гражданские войны прекратились, но на смену им пришел террор императоров из дома Юлиев — Клавдиев, истребивший остатки старого нобилитета. Общий кризис рабовладельческой системы, начавшийся в эпоху империи, также действовал в сторону увеличения отпуска рабов. Косвенным подтверждением этого служит рост удельного веса вольноотпущенников в имперском бюрократическом аппарате, о чем мы кратко упоминали выше и будем еще говорить в дальнейшем. И характерно как знамение времени, что Август, боровшийся с вольноотпущенничеством, сам вынужден был широко использовать услуги вольноотпущенников. Здесь выступает противоречие, типичное для многих сторон его политики: противоречие между словом и делом, теорией и практикой.

Эпоха гражданских войн знала много случаев «незаконного» обращения в рабство свободных людей. В целях борьбы с этим Август не раз предпринимал ревизии тюремных помещений для рабов (эргастулов) и освобождал оттуда свободных. В литературе упоминаются случаи, когда император заступался за рабов. Вообще, с эпохи Августа начинается некоторое смягчение положения рабов, что также говорит о начавшемся общем кризисе рабовладельческой системы.

Политика Августа по отношению к провинциалам, с одной стороны, была продолжением политики его предшественников, в частности Цезаря. Так, им была подтверждена отмена откупов для сбора прямых налогов. Провинциалы получили право непосредственно обращаться с жалобами к самому императору. С другой стороны, Август отошел от политики Цезаря в вопросе о расширении прав гражданства. Если в период борьбы триумвиров за власть, оба они весьма широко раздавали права римского гражданства, то после смерти Антония и укрепления власти Октавиана политика его в этом отношении изменилась. По словам Светония, император, заботясь о чистоте крови римского народа, крайне скупо давал права гражданства. Это, конечно, было вполне в духе его охранительной политики.

В духе этой же политики была и борьба Августа против распущенности нравов во имя старо-римской простоты жизни, крепости семейных устоев и пр. Огромное накопление богатств и социальные потрясения эпохи больших завоеваний и гражданских войн окончательно разрушили в высших классах семью, распад которой, как мы видели, начался еще во II в. Молодые женщины не желали иметь детей, и поэтому катастрофически упал процент рождаемости: многодетные семьи стали большой редкостью. Множество мужчин вообще оставались холостыми. Женщины de facto добились полной эмансипации, но часто их свобода была только свободой адюльтера. В огромной степени выросло количество супружеских измен и разводов. Легкомысленная поэзия Овидия и широкая популярность, которой она пользовалась в обществе, были весьма типичны для эпохи.

Август пытался решительными мерами укрепить семью и повысить рождаемость. Этой цели должен был служить ряд законов, проведенных в период от 18 г. до н. э. до 9 г. н. э., (более точная датировка их невозможна). Среди них, прежде всего, нужно отметить «Юлиев закон против прелюбодеяний» (lex Julia de adulteriis coercendis). Видоизменяя старо-римский обычай, закон в некоторых случаях давал право отцу замужней женщины убить свою дочь вместе с ее любовником. Точно так же оскорбленный муж при некоторых обстоятельствах получил право убить возлюбленного своей жены (но не ее самое). Однако существенным новшеством было то, что закон выносил все подобные дела за рамки семьи и делал и объектом публичного разбирательства перед судом.

Право возбуждения дела по обвинению в прелюбодеянии принадлежало, в первую очередь, мужу и отцу виновной, а затем, по истечении 60 дней — всякому гражданину в возрасте не моложе 25 лет. Однако, если муж прощал виновную жену и не разводился с ней,

против нее нельзя было возбудить обвинения в прелюбодеянии (за исключением тех случаев, когда было доказано, что муж, прощая жену, действовал в корыстных целях).

В случае вынесения обвинительного приговора виновные подвергались изгнанию на маленькие острова около побережья Италии и конфискации части имущества. Женщина, кроме этого, лишалась права вступать в новый брак со свободнорожденными.

Все те проявления половой распущенности мужчин, которые не подходили под категорию прелюбодеяния, (adulterium), попадали в разряд stupruiu (бесчестие, позор). Эти проступки также весьма строго карались.

Закон Августа о браке (lex Julia de maritandis ordinibus), своей главной целью ставил борьбу с безбрачием и бездетностью. В своей первой форме он носил очень радикальный характер. К сожалению, мы не можем восстановить его текстуально и о многих деталях вынуждены только догадываться. По-видимому, отныне узаконивались браки между свободнорожденными и вольноотпущенниками (за исключением браков сенаторов). Отцам запрещалось чинить излишние препятствия бракам детей. Безбрачие наказывалось: мужчины в возрасте от 25 до 60 лет и женщины от 20 до 50 должны были состоять в браке. Нарушавшие эту статью закона карались тем, что лишались права свободно передавать свое имущество по завещанию. Незамужние женщины, кроме этого, подлежали налогу в размере 1% с их имущества.

Эти ограничения начинали отпадать с момента вступления в брак. Рождение каждого нового ребенка давало родителям новые льготы. Однако не вполне ясно, содержались ли эти меры поощрения уже в lex Julia.

Строгости «Юлиева закона» вызвали в высших слоях римского общества сильнейшую оппозицию, которая заставила Августа пойти на уступки. Результатом этого было издание в 9 г. н. э. так называемого «закона Папия и Поппея» (lex Papia Poppaea).

Эта вторая редакция, с одной стороны, смягчала жесткие требования первоначального закона, с другой — усиливала меры, поощрявшие рождаемость. Закон Папия и Поппея расширял рамки родственных отношений, внутри которых разрешалась свобода завещаний. Увеличивались сроки, в течение которых разведенная жена или вдова должна была найти себе нового мужа. Бездетные получили право передавать по наследству половину той суммы, которой они могли распоряжаться в том случае, если бы у них были дети. Закон устанавливал ряд преимуществ для многодетных отцов при прохождении общественной службы и для многодетных матерей— при распоряжении своим имуществом, а также в других случаях [знаменитое «право трех детей» (ius trium liberorum)].

Меры правительства для оздоровления семьи не ограничивались одним законодательным вмешательством. В литературе эпохи Августа мы находим усиленную пропаганду семейной жизни (Гораций). Вообще, император широко использовал литературные воздействия для целей общественного воспитания в нужном ему направлении. Проповедь твердых семейных начал, борьба с роскошью, идеализация староримских нравов — все это мы находим в том литературном течении, которое пользовалось симпатией и поддержкой императора (Вергилий, Гораций, Тит Ливии).

Личный пример также должен был играть здесь известную роль: скромностью своей жизни Август хотел служить образцом для высших классов римского общества.

«Жил он сначала возле Римского форума,— пишет Светоний,—... и доме, принадлежавшем прежде оратору Кальву, затем на Палатине, но и тогда— в скромном доме Гортенсия. Последний не бросался в глаза ни величиной, ни роскошью. Небольшие портики были из альбанского Камня; в комнатах не было ни мраморных украшений, ни красивых полов. Более сорока лет Август жил зиму и лето в одной и той же спальне... В его бережливости в отношении обстановки и посуды можно убедиться еще и теперь, по оставшимся ложам и столам, большинство которых годится разве только для частных квартир. Говорят, он спал только на низких и простых постелях. Платье он носил исключительно домашней работы — сделанное его женой, сестрой, дочерью или внучками».

Дала ли какие-нибудь результаты смелая попытка Августа оздоровить римские нравы? Если судить по данным ценза 28 г. до н. э. и 13 г. н. э., то за эти 41 год число римских

граждан увеличилось с 4 до 5 млн. Этот прирост, небольшой сам по себе, легко можно объяснить прекращением гражданских войн и установлением нормальных условий жизни. Вряд ли политика Августа в этом вопросе могла оказать сколько-нибудь серьезное влияние на движение населения, — хотя бы уже потому, что она затрагивала исключительно зажиточные слои, составлявшие небольшой процент римского населения. К тому же эти слои всегда имели возможность обойти закон путем фиктивных браков, усыновления детей и т. п.

Что же касается общего укрепления нравственности, то семья самого законодателя служила печальной иллюстрацией того, как мало можно было достичь правительственными мероприятиями там, где историческое развитие шло в совершенно другом направлении. Август боролся с разводами, а сам был трижды разведенным мужем, женатым на разводке.

В молодости Октивиан был помолвлен с Сервилией. Но этот брак не состоялся, так как из политических соображений Октавиан женился на Клавдии, падчерице Антония. С ней он развелся в 41 г. и женился на Скрибонии, родственнице Секста Помпея, которая до этого дважды была замужем. Наконец, страстно влюбившись в красивую и умную жену Тиберия Клавдия Нерона, Ливию Друзиллу, Октавиан в 38 г. развел ее с мужем и женился на ней. С Ливией Август прожил до конца своей жизни.

Август боролся с развратом, а его родная дочь и внучка вели себя настолько скандально, что император вынужден был, на основании собственного же закона, подвергнуть их пожизненному изгнанию.

Охранительная и реставрационная политика Августа коснулась всех сторон жизни римского общества. Он восстановил древние культы и жреческие коллегии, почти забытые к концу республики (например, арвальских братьев), и сам был их ревностным членом. Август поощрял изучение славного прошлого римского народа. При нем, по-видимому, были составлены консульские и триумфальные фасты. Он покровительствовал римской историографии консервативного направления (Тит Ливии) и поощрял создание «национального» римского эпоса (Вергилий).

Народное собрание, состоявшее в эту эпоху в своей подавляющей массе из деклассированных городских элементов, было настолько «приручено» Августом, что не мешало ему проводить свою реакционную политику. Преторианские и городские когорты играли здесь не меньшую роль, чем система подкупов, прямых или скрытых, народной массы. В этом последнем отношении Август пошел дальше своего приемного отца. Мы видели, что Цезарь уменьшил число хлебных пайков с 300 000 до 100 000. Август снова увеличил это количество, доведя его до 200 000 с лишним. «Завещание» Августа упоминает также о многочисленных экстраординарных раздачах населению столицы и колонистам хлеба и денег. Более 300 000 солдат получили в награду за службу земельные участки или деньги. В гладиаторских состязаниях за время правления Августа выступало в общей сложности около 10 000 человек. 26 раз император устраивал травли африканских зверей, во время которых погибло около 35 тыс. животных.

«Зрелище морского сражения, — говорит он в своем «Завещании», — я дал народу за Тибром, в местности, где теперь находится Роща Цезарей, выкопав для этого водоем длиной в 1800 шагов, шириной в 1200. В этом сражении бились между собой 30 ростральных кораблей с тремя или двумя рядами весел и еще большее количество судов меньшего размера. Кроме гребцов, на этом флоте сражалось около 3000 людей».

Многочисленные постройки Августа должны были покрыть неувядаемым блеском его царствование.

В источниках упоминается: форум Августа, храм Аполлона на Палз-тине, портик Октавия, святилище «обожествленного Юлия» над тем местом, где сожжено было тело Цезаря, театр Марцелла, храм Марса Мстителя и множество других построек. Император реставрировал Капитолий, театр Помпея и 82 храма столицы, улучшил водоснабжение города, исправил Фламиниеву дорогу от Рима до Аримина и т. п.

Император учредил культ своего приемного отца, «обожествленного Юлия», и по примеру Цезаря всячески покровительствовал культу «родоначальницы» рода Юлиев —

богини Венеры (Афродиты). Однако он запрещал свое собственное обоготворение, по крайней мере в Риме и Италии. В провинциях разрешалось поклонение гению (т. е. духу-покровителю) императора. Точно так же там начинает широко распространяться культ богини г. Рима (Roma), появившийся в провинциях еще в республиканскую эпоху.

§ 5. Военные реформы Августа

§ 5. 1. Переход к профессиональной армии в империи, рост ее влияния на императорское управление, исчезновение с этим патриотизма и боеспособности античной общины в форме города - государства

Большие перемены в Риме произошли и в связи с изменением положения армии при Империи. Август Октавиан сделал войско постоянным. Реформа армии коренным образом изменила солдатский дух. С этого времени войско состоит уже из солдат профессиональных, а не их граждан. Ее состав - «пролетарии». Военная жизнь с этого времени сделалась карьерой, а не случайностью. Август освободил высшие классы от военной обязанности. Неимущие классы, «пролетарии», наоборот, стремились доступа к военной профессию, т.к. по окончании службы легионер получал мелкий участка с нескольким рабами, годовое жалование, права законного брака и право наследования. Из бедного армия растила гражданина, собственника, главу семьи.[2]

При Гае Гракхе несущие воинскую повинность по закону, избавлялись от необходимости на собственный счет обзаводиться оружием и амуницией.

Реформы в армии влияют и на экономические отношения. История армии всего нагляднее подтверждает правильность воззрения на связь производительных сил и общественных отношений. Вообще, армия играет важную роль в экономическом развитии. Например, заработная плата вполне развивается точно также личное имущество солдат в лагере древних, прежде всего в лагере у древних римлян, является первой правовой формой, в которой владение движимой собственностью признается за лицами, не находящимися на положении отцов семейства. Так же и цеховой строй получает свое начало в корпорации военных ремесленников у древних римлян, - писал Маркс.[3]

А при Августе создается отборный отряд из 10 когорт преторианцев, находящихся при главном штабе. Они набираются из римских граждан, исключительно родившихся в Риме или Италии, в крайнем случае, сроком на 16 лет. Второй разряд - 28 когорт легионеров из граждан Италии и провинций, которые стоят на границе. Третий разряд составляли вспомогательные войска, которые выставляли союзники. Теперь идут войны не ради завоевания, а ради сохранения владычества и границ Рима.

Диктатура римских императоров, начиная с Суллы, носила ярко выраженный военный характер. Это было совершенно естественно, поскольку их власть непосредственно опиралась на войско. Это последнее, de iure продолжая оставаться гражданским ополчением, de facto уже задолго до окончательного падения республики превратилось в профессиональную армию. Август своими реформами придал военной системе империи тот вид, который она сохраняла в основном почти два столетия.

Мы уже говорили о создании личной охраны императора — преторианской гвардии. Эта была привилегированная часть войска: преторианцы служили 16 лет (легионеры — 20) и получали в год 20 000 сестерциев жалованья (легионеры — 12 000); набирались они исключительно из италиков.

Но, конечно, не преторианцы составляли главную военную опору империи. Этой опорой были легионы, вместе со вспомогательными войсками. Они стояли в провинциях,

[2] См., Фюстель де Куланд, Указ. соч., т. 1, стр. 350-351
[3] См.: Маркс К., Энгельс Ф., Соч., т. 29, стр. 154

преимущественно в тех, где было напряженное военное положение: на рейнской и дунайской границах, в Египте, в северо-западной Испании. Август уменьшил количество войск по сравнению с эпохой II триумвирата, снизив их до 27 — 28 легионов. Общее число солдат колебалось от 250 000 до 300 000 человек. Половина из них служила в легионах, половина — в вспомогательных войсках. Эти последние состояли из пехоты, организованной в когорты, и конницы, сформированной в алы.

Набор в войска производился в принципе добровольно, но часто применялся и принудительный набор, в особенности для пополнения вспомогательных войск из варварского населения провинций. Служба в вспомогательных войсках была, вероятно, бесплатной, но отслужившие в них свой срок при отставке обычно получали право гражданства. В легионы зачислялись только граждане.

Срок службы легионера был установлен, как указывалось выше, 20 лет; в вспомогательных войсках он доходил и до 25. Однако часто случалось, что отслужившие свой срок солдаты принудительно задерживались на службе еще в течение некоторого времени. Это вызывало недовольство и даже открытые волнения. Такие задержки объясняются очень просто: при отставке солдаты получали награду в виде земельного участка или денег, и в случае одновременного ухода из армии значительного количества солдат казна могла испытывать большие финансовые затруднения.

При Августе завершается процесс создания постоянной армии, причем эта армия окончательно становится профессиональной. Этому способствовали, прежде всего, принцип добровольности, продолжительные сроки службы и сравнительно высокое жалованье. До момента своей отставки солдат не имел права вступать в легальный брак, что отделяло его от гражданского общества. Воинские единицы (легионы, когорты, алы) получают постоянные названия и нумерацию. В них развиваются прочные воинские традиции и воинский дух. Дисциплина в армии поднимается, с солдатской распущенностью эпохи гражданских войн было надолго покончено.

Параллельно с окончательным оформлением регулярной армии шло создание постоянного флота. Хотя в эпоху империи не было ни одного морского сражения (битва при Акции была последней), но интересы безопасности внутренних морских путей требовали содержания на Средиземном море нескольких эскадр. Такие эскадры стояли в Мизене, Равенне и Александрии. Кроме того, длительные военные операции на Рейне и на Дунае (см. ниже) вызвали необходимость создания на этих водных путях речных флотилий.

Личный состав флота, как правило, вербовался из свободнорожденных провинциалов, хотя в составе мизенской и равеннской эскадр было много рабов, захваченных Августом у Секста Помпея.

§ 5. 2. Внешняя политика Августа

Сильная армия нужна была Августу для его широкой и сложной внешней политики. В духе общей политики принципата, носившей охранительный характер, и его внешняя политика не была наступательной. Император, всюду стремившийся восстановить старое, и здесь хотел только укрепить расшатанные границы римской державы и поднять престиж римского имени, упавший за время гражданских войн. Однако эти задачи понимались Августом достаточно широко: лучшим средством для их решения должна была служить активная внешняя политика. Кроме этого, в наследство от республики Август получил несколько больных вопросов, которые необходимо было уладить во что бы то ни стало. Самым больным из них был парфянский вопрос.

Гибель армии Красса и неудачный поход Антония воспринимались общественным мнением чрезвычайно тяжело. Много римских пленных и римских знамен находилось в руках парфян. Августу удалось добиться решения этого вопроса дипломатическим путем. В парфянском царстве происходила борьба из-за престолонаследия, и каждая из борющихся партий обращалось к Риму за поддержкой. Пользуясь этим, Август добился от парфян выдачи всех римских трофеев и пленных.

Твердой границей между римскими и парфянскими владениями был установлен Евфрат. Это событие нашло чрезвычайно благоприятный отклик в современной ему римской литературе и немало содействовало укреплению авторитета императора. В других восточных вассальных царствах также усилилось римское влияние.

Испания также принадлежала к числу нерешенных вопросов. Северо-западный угол полуострова все еще был не завоеван и продолжал оставаться очагом антиримской пропаганды и антиримских движений. Еще в период триумвирата началась война с племенами астуров, кантабров и вакцеев. Особенно ожесточенной она стала с 26 г. Только в 20 — 19 гг. Агриппе удалось сломить последних защитников испанской свободы. Часть кантабров была выселена в другие части Испании. Покоренные области были присоединены к провинции Ближняя Испания. После этого Пиренейский полуостров был окончательно' усмирен и подвергся полной романизации.

Северные испанские племена в своей борьбе с Римом часто находили поддержку у соседних аквитанов. Эта поддержка прекратилась, после того как Аквитания была окончательно покорена в 28 г.

Граница Италии на севере шла теперь по Альпам, так как после битвы при Филиппах провинция Цизальпинская Галлия была уничтожена. Поэтому римлянам было особенно важно обеспечить полную безопасность альпийских проходов. Большинство альпийских племен еще задолго до этого признало римскую власть и приняло римское административное устройство. Только племя салассов, державшее в своих руках проход у Малого Сен-Бернара, не удавалось подчинить полностью. Иногда случалось, что римские полководцы вынуждены были покупать у салассов право беспрепятственного прохода через их страну. В 25 г. Август, воспользовавшись новой попыткой салассов к восстанию, приказал истребить большую часть племени. Остальные былм выселены.

Однако! центр тяжести внешней политики Августа лежал на Дунае и на Рейне, так как именно здесь границы империи были особенно ненадежны. В 16 г., под предлогом защиты Истрии от набегов варварских племен, был предпринят поход на север против таврисков, в результате которого была образована новая провинция Норик (Штирия и часть Каринтии), богатая железом и золотом. В следующем 15 г. были покорены племена ретов и винделиков (в центральных Альпах и на верхнем Дунае). Несколько позднее здесь образовали провинцию Рецию. Наконец, в течение четырех лет (12 — 9 гг.) тяжелой войны, которую римские войска вели под начальством Тиберия Клавдия Нерона, пасынка Августа, были покорены паннонцы, жившие в нынешних Австрии и восточной Венгрии. Их область позднее была обращена в провинцию Паннонию.

В итоге всех этих завоеваний северная граница империи пошла по верхнему и среднему Дунаю. Линия нижнего Дуная также требовала укрепления. С этой целью была покорена верхняя Мезия (Югославия), населенная гетами, и присоединена к Македонии. Нижнюю Мезию (северную Болгарию) Август присоединил к вассальному фракийскому царству Котиса, на которого была возложена ее защита.

Таким образом дунайская граница была обеспечена. Оставался Рейн, где положение было особенно тревожным. Германцы неоднократно переправлялись через Рейн и опустошали Галлию. Такие набеги имели место, например, в 29, 17 и 12 гг. К тому же германцы поддерживали восстания галльских племен. Август решил нанести сильный удар по германским племенам. Пасынок Августа Друз Клавдий Нерон в течение нескольких кампаний 12 — 9 гг. проник в западную Германию вплоть до Эльбы, действуя на суше и с моря. Возвращаясь из последнего похода, Друз неудачно упал с лошади и вскоре умер. Германскую войну продолжал его старший брат Тибе-рий. В кампаниях 8—7 гг. до н. э. и 4 — 5 гг. н. э. власть римлян в Германии еще более расширилась и окрепла. Одновременно на германцев шло наступление и с юга, от дунайской границы.

В 6 г. н. э. Тиберий начал большое наступление на племя аркоманнов. Их вождь Маробод создал сильное варварское королевство в нынешней Чехии. Хотя он вел себя очень осторожно по отношению к римлянам, но возбудил их подозрения реформой военного дела по римскому образцу. Его войско насчитывало до 75 000 человек. Но в этот момент в тылу у

Тиберия вспыхнуло восстание паннонцев и далматов, ненавидевших римскую власть. Поводом к восстанию послужил набор войск для германского похода. Оно приняло огромные размеры: число восставших доходило до 200 000 (одних только воинов). Положение осложнялось еще тем, что даки (геты) одновременно напали на Мезию. Опасность грозила Македонии и даже Италии. Август двинул в восставшие области крупные силы: к концу войны там было сосредоточено 15 легионов и много союзных войск. Ими командовали Тиберий и сын Друза Германии. После трехлетней борьбы восстание было подавлено в 9 г. н. э.

Во время паннонского восстания германцы оставались спокойны. Только в самый последний год началось движение в областях между Рейном и Эльбой. Поводом к нему послужила попытка наместника Германии Публия Квидтилия Вара ввести налоги и римское судопроизводство. В 9 г. вспыхнуло открытое восстание, во главе которого стояла племя херу-сков (на среднем Везере), руководимое молодым вождем Арминием. Вар, возвращавшийся из летних лагерей с 3 легионами и союзными войсками, попал в засаду в Тевтобургском лесу (между Везером и Эмсом). В четырехдневной отчаянной битве все римское войско было уничтожено; Вар покончил жизнь самоубийством.

В Риме поражение Вара вызвало сильное беспокойство: боялись нападения германцев на Галлию и общего восстания галлов. Этого не произошло; однако все завоевания за Рейном были потеряны. Тиберий в 10 и 11 гг. предпринял карательные экспедиции и с помощью флота снова проник вглубь Германии. Но Август понимал, что прочно удержать эту территорию едва ли будет возможно. Поэтому римские войска в конце концов были оттянуты к Рейну, который и остался на будущее время границей. Только узкая полоса на его правом берегу и треугольник между верховьями Рейна и Дуная остались в римских руках. Здесь граница была искусственно укреплена валом и системой сторожевых постов [так называемый limes (пограничный вал).

§ 6. Смерть Августа. Его личность и историческое значение

В такой тревожной обстановке, в августе 14 г. умер 77-летний император. Август не был гением, подобно своему приемному отцу. Он не обладал сверхчеловеческой энергией Цезаря, широтой его кругозора и его изумительной одаренностью. Однако Август был умным и трезвым политиком, расчетливым и осторожным. Он был хорошим организатором, умевшим подбирать себе первоклассных помощников. Развивая основы нового строя, заложенные Суллой и Цезарем, Август создал государственную систему, продержавшуюся около трех столетий.

Историческая обстановка сложилась для Августа чрезвычайно удачно. Он воспользовался политическим наследством Цезаря. Эпоха, в которую он действовал, уже не требовала ярких фигур и героических личностей. Осторожный и хитрый Октавиан вполне отвечал той задаче, которую возложила на него история, отвечал гораздо больше, чем все его соперники. Поэтому Октавиан вышел победителем в борьбе и правил в течение 44 лет, окруженный необычайной популярностью и почти не встречая сколько-нибудь организованной оппозиции,— несколько мелких заговоров на его жизнь не имели серьезного общественного значения.

ГЛАВА СОТАЯ

Римская культура конца республики и начала империи

§ 1. Время гражданских войн

Своего расцвета римская культура достигает в эпоху гражданских войн и в следующий за ней период принципата Августа. В этом была своя внутренняя закономерность. К началу

гражданских войн римское общество не только усвоило многие достижения эллинистической культуры, но и сумело многое переработать в римском народном духе. За плечами Рима уже стоял длинный период культурного развития, в течение которого внешние заимствования начинали входить органической составной частью во внутренний процесс культурной эволюции Италии. Таким образом к середине II в. до н. э. в Риме уже были заложены те основы общественной идеологии, к полному развитию которых гражданские войны послужили сильнейшим толчком. Максимальное обострение социальных противоречий, огромное усиление классовой борьбы, расцвет политической жизни, усложнение международных отношений — все это послужило мощным стимулом для быстрого развития всех сторон римской духовной жизни.

Конец гражданских войн и длительный период гражданского мира, наступивший после 30 г. до н. э., создали в широких рабовладельческих кругах психологию радостного освобождения и творческого подъема. Правда, это был специфический подъем реакции, породивший легкомысленную поэзию Овидия, консервативную историографию Ливия и эпикурейскую лирику Горация. Во многих отношениях «золотой век» Августа уступал предыдущему периоду: эпоха принципата, конечно, не могла породить ни Саллюстия, ни Цицерона, ни Катулла, ни Лукреция. Однако некоторые стороны общественной идеологии действительно при Августе достигли своего максимального расцвета. При этом нужно отметить, что оба периода — последние десятилетия гражданских войн и принципат — в области культурного развития не отделены сколько-нибудь резкой чертой.

В эпоху гражданских войн достигает своего полного раз-вития великое орудие европейской культуры — литературный латинский язык. Здесь решающую роль сыграл расцвет красноречия, вызванный широким развитием политической жизни, Начиная с эпохи Гракхов. И не случайно оба брата были первыми настоящими политическими ораторами в Риме. Конечно, почва для развития красноречия была уже подготовлена Кантом, Теренцием, Сципионом Младшим и другими. Но только гражданские войны создали обстановку, в которой могло развиться самобытное ораторское дарование Гракхов. Еще Тиберий поражал современников силой своих речей. Но только его брат достиг вершин политического красноречия, в котором некоторые элементы реторической искусственности не могли скрыть подлинного пафоса и глубокой искренности.

После Гракхов на политической и судебной трибуне мы также видим ряд крупных ораторов. Самым выдающимся из них, по-видимому, был Люций Лициний Красе (140 — 91 г г). Еще в молодости он выдвинулся как замечательный оратор. Своим выступлением против Г. Папирия Карбона, ренегата Гракхов, он политически совершенно уничтожил его и довел до самоубийства. Во время службы на Востоке Красе жил в Афинах и слушал там самых замечательных ораторов и учителей красноречия. По возвращении в Рим он вел судебные процессы и играл большую политическую роль на стороне сенатской партии. Цицерон считает его одним из самых -замечательных римских ораторов, у которого сила речи сочеталась с прелестью и изяществом.

В это время на римское красноречие все сильнее начинает влиять малоазиатская реторическая школа (азианская школа) с ее вычурностью, погоней за внешними эффектами, напыщенностью, ритмичностью речи и т. п. Крупнейшим представителем азианского красноречия, хотя и в его умеренной форме, был Молон Родосский, учитель всех великих римских ораторов I н. до н. э. Его учеником был, по-видимому, и Кв. Гортензий Гортал (114 — 50 гг.). Адвокат по профессии и оптимат по убеждениям, Гортензий считался первым оратором своего времени, пока не был побежден Цицероном.

В лице этого последнего римское красноречие достигает высшей точки, хотя и теряет многое из былой непосредственности и силы чувства. Цицерон прошел прекрасную теоретическую школу риторики сначала в Риме, а затем в Афинах.

И тут и там он мог пользоваться советами выдающихся учителей красноречия и слушать самых блестящих ораторов своего времени. Бурная же эпоха, в которую жил Цицерон, открывала широчайшие возможности для практического приложения его знаний и таланта. Кроме большого количества судебных и политических речей, произнесенных

Цицероном (стр. 312), он оставил несколько сочинений по теории ораторского искусства: «Об ораторе», «Брут», «Оратор» и др.

Стиль Цицерона можно назвать «умеренным азианизмом». Для Цицерона характерна тщательная отделка речей, построенных по определенным правилам. Каждая речь делится на неизменные части: вступление (exordium), изложение дела (narratio), план следующей, главной части (partitio), доказательство — главная часть речи (probatio), резюме главной части (repetitio) и, наконец, заключение (peroratio). Как оратор, Цицерон чрезвычайно разносторонен. Он с одинаковой легкостью прибегает к пафосу, тонкой иронии или к грубым выпадам. В его распоряжении всегда находится огромный словарный запас. Он широко использует синонимы, метафоры, сравнения и т. п. Греческая реторическая школа любила прибегать к ритмической прозе. Цицерон также широко использует этот прием. Для нашего слуха он слишком искуственен, но современники высоко ценили патетическую и изысканную ритмику Цицерона. Во всяком случае нужно признать, что он был блестящим стилистом и что его речи, равно как и другие литературные произведения, оказали огромное влияние на развитие латинской прозы. Но Цицерона ценили не только современники и ближайшие античные по-томки, вроде, например, отцов христианской церкви. Его влияние простиралось гораздо дальше. В эпоху Возрождения на стиле Цицерона воспитывались создатели литературных языков новой Европы, а деятели Великой буржуазной французской революции тщательно изучали его речи и старались подражать им.

§ 2. Влияние эпохи гражданских воин и зарождения империи на развитии литературы

Отрицательные последствия империалистических завоеваний, выразившиеся в обезземелении крестьянства и уменьшении кадров граждан-воинов, вызывали беспокойство среди самой римской эллинизирующей интеллигенции. По крайней мере, первый умеренно-либеральный реформатор Тиберий Гракх, предлагавший раздачу государственно-общинной земли неимущим, вышел из кружка Сципиона Эмилиана. С аграрными реформами Тиберия, а затем и Гая Гракхов начинается наступление римской демократии, которое к первому веку переходит в открытую гражданскую войну. Консервативная сенатская аристократия противится реформам, образуются партии, начинается борьба классов. Последователь Тиберия Гракха, Гай Гракх, прямо заявил, что он «бросил кучу кинжалов» между классами общества. Реформаторы путем подачек часто привлекают на свою сторону и сословие «всадников». В результате получилось полное ослабление влияния аристократии. Уже после третьей пунической войны соискание высших должностей стало доступно и лицам из сословия «всадников»; теперь сенатская партия под давлением демократии делает колоссальные уступки и сдает свои позиции; достаточно вспомнить успехи демократа Мария, предоставление в 89 г. прав римского гражданства всем италикам и так далее. В начале I века борьба демократической и аристократической партий переходит в ожесточенную гражданскую войну. Добытое кровавым террором господство демократической партии сменяется в 83 г. кровавым террором аристократической реакции Суллы. Восстание Лепида, демократа - марьянца, не имело успеха; упорнее сказалось сопротивление марьянца Сертория в Испании, которого только через шесть лет разбил сторонник Суллы, аристократ Помпей, опиравшийся в свою очередь на демократию для достижения своих честолюбивых целей. Наконец, при помощи той же демократии устанавливает свою военную диктатуру Юлий Цезарь (48-44гг.). В эту эпоху выступает на сцену и римский пролетариат, который под предводительством Мария одерживает блестящую победу на севере над кимврами и который дает о себе знать рядом восстаний рабов: самое крупное из этих восстаний - восстание капуанских гладиаторов под начальством Спартака - подавляется миллионером и кулаком Крассом с неимоверною жестокостью: до шести тысяч рабов было распято вдоль Аппиевой дороги! Наконец, в 63 г.

поднимается вооруженное восстание Катилины, к которому примкнул не только полуголодный пролетариат, но и все недовольные современным режимом.

В классовом отношении к концу этого периода замечается почти полное слияние аристократического и крупно - буржуазного классов в один господствующий капиталистический класс. Общество все более расслаивается на два враждебных класса: крупных капиталистов и пролетариат; средний класс небогатых купцов, ремесленников, вообще средней и мелкой буржуазии начинает подавляться. В первом веке усиливается разложение общества, охватившее главным образом низший и высший классы. Безработный люмпен - пролетариат, толпами наполнявший Рим, шел только за лозунгом: «хлеба и зрелищ!» и охотно продавал свои голоса на выборах. Высший класс, обогащавшийся от новых империалистических войн, затеянных честолюбивыми полководцами на Востоке, теперь все больше утопал в роскоши и разврате.

Вот главные черты намеченного нами периода; их необходимо иметь в виду для уяснения характера литературы этой эпохи.

Наступление демократии и ослабление господствовавшего аристократического класса вызвало, прежде всего, постепенную демократизацию литературы и преимущественно драмы. Далее, литература отбрасывает стеснявшее ее греческое содержание и делается общественной силой, отражающей римскую жизнь этой бурной эпохи; рождается публицистика; литература иногда принимает партийный характер. В этот период зарождается чрезвычайно характерное и важное для литературы явление - римская романтика, охватившая широкие слои интеллигенции, увлекавшейся греческой философией. Под влиянием известных социальных условий возникает и эротическая лирика. Наконец, ожесточенная борьба партий, вызывавшая страстные дебаты, оживила красноречие, придав ему патетический характер; а, сделавшись орудием борьбы, красноречие получает и теоретическое обоснование и, наконец, достигает кульминационной точки своего развития у Цицерона.

В этот период, прежде всего, оживляется драматическая поэзия. Ослабление строгого аристократического режима с его полицейскими мерами против свободы слова на сцене, а отчасти, вероятно, и желание народа, которому надоел навязанный ему греческий репертуар, вызвали появление комедии с римским содержанием, так называемой «комедии тоги» (римский костюм, в котором выступали актеры), заменившей греческую «комедию плаща». Мы знаем лишь трех главных авторов таких комедий: Титиния, Афрания и Атту, живших во второй половине II и начале I века. От их комедий сохранились лишь названия и самые скудные фрагменты, на основании которых мы однако можем составить себе представление о социальной среде, отраженной в этих комедиях. Это преимущественно римская мелко и средне буржуазная среда ремесленников; здесь выступают на сцене валяльщики сукон, ткачи, хлебники и так далее; комедия вторгается в их семейный мещанский быт, осмеивает роль приданного в браке и так далее. Вот, например, несколько заглавий таких пьес: «Флейтистка», «Падчерица», «Невестка», «Развод», «Валяльщики сукон» и другие. Впрочем, в комедиях названных писателей иногда выводится и более крупная буржуазия: например, в комедии Атты «Теплые воды» изображалась разгульная жизнь богатого класса на римских минеральных водах. Очень характерна для этой эпохи комедии Афрания «Авгур», свободно осмеивавшая представителя весьма влиятельной духовной коллегии, пополнявшейся до 104 года лишь из среды нобилитета. Отражая римскую жизнь, «комедия тоги» все же не порвала с греческой комедией: она сохраняла ее форму, удерживая, впрочем, некоторых из ее влюбленных персонажей, которых она видела и в римском обществе - паразитов, сводников, гетер. «Комедия тоги» не остановилась на изображении мелко и среднебуржуазной среды: уступая вкусам народа, Атта и Афраний писали для сцены так называемые «тавернские пьесы», в которых изображают приключения грязных таверн, быт мелких мастерских и жизнь римского лумпен пролетариата, скопившегося в Риме.

Для удовлетворения вкусов выдвигающейся народной массы явилась потребность дать литературную обработку и особого рода народной пьесе - «ателланам». Название этих представлений, несомненно, происходит от имени миленького осского города в Кампании -

Ателлы, разрушенного римлянами в 211 году за отпадение на сторону Ганнибала. Но, по-видимому, это не значит, что такие пьесы возникли именно в Ателлах и потом были перенесены в Рим. Это была вообще кампанская народная буффонада, сложившаяся отчасти под греческим влиянием и заимствованная римлянами, любителями театра вообще. Наименование этих же пьес по имени города Ателлы указывало, вероятно, на то, что мишенью насмешек в этих пьесах был провинциальный город, причем конкретно его олицетворяли с городом Ателлами, которому своими насмешками римляне мстили за его отпадение на сторону карфагенян. Как бы то ни было, ателланы давались на римской сцене давно. Есть сведения, что они обыкновенно соединялись с той сатирой, которая ставилась после представления комедии и особенно трагедии; они также служили водевилем для увеселения народа после более серьезной пьесы.

Характерной особенностью ателлан были определенные постоянные маски для представления жизненных, часто буржуазных типов, осмеиваемых народной наблюдательностью и остроумием. Главных масок было четыре. Первая маска олицетворяла «Макка». Это тип простака, дурака, обжоры и ловеласа; он бритый, с ослиными ушами, приплюснутым носом и горбатый. Вторая маска изображала человека толстощекого с огромным ртом; это «Буккон», обжора и болтун, напоминающий тип паразита. Далее маска «Паппа» - глупого старика, скупого, богатого и честолюбивого, - тип богатого провинциального помещика, осмеиваемого народом. Наконец, «Доссен» - злой горбун, - это провинциальный квази – философ и ученый, а на самом деле шарлатан, обирающий легковерных людей (массы таких шарлатанов, гадателей и тому подобное были греки, нахлынувшие из греческих колоний). Любопытно, что эти маски главных типов встречались в общих чертах впоследствии в народной итальянской комедии dell'arte XVI в., труппы которой разъезжали по разным городам Европы. Здесь были шутники и гримасники - слуга - Пульчинелли (Полишинель или Арлекин) и Бригелла - это Макк и Буккон; далее типы отцов - Панталоне и Дотторе, по-видимому, соответствовавшие римским Паппу и Доссену.

Кроме главных масок, в ателланах были и второстепенные, изображавшие страшные различные лица, пугавшие детей. Это «мандук» с громадными челюстями, большим ртом и огромными скрежещущими зубами; далее похожий на него острозубый Пифон; затем Ламия - страшная старуха, прятавшая в свой зоб украденных детей; мании-старухи с бородой.

Представление состояло в импровизированных шутках и насмешках, иногда чрезвычайно скабрезного характера, которыми перебрасывались эти маски, сопровождающие свою импровизацию пляской, прыжками, кривляньем и пускающие иногда в ход для вразумления и палку.

Несравненно меньшим успехом пользовалась в этот период трагедия. Она была понятна лишь интеллигенции; она не могла заменить греческий репертуар содержанием из живой обыденной римской жизни; римские сказания по своей скупости не могли заменить богатую греческую мифологию. Но все - таки в первой половине эпохи пишет и ставит свои трагедии вслед за Пакувием Аттий (170-85 гг.), которого высоко ценили интеллигентские слои общества. Судя по фрагментам (сохранилось около 700 стихов), он обрабатывал ходячие сюжеты греческой, особенно еврипидовской и после - еврипидовской, трагедии, стремясь популяризировать в них греческую философию; впрочем, он писал и «претексты» с римским содержанием.

Общий подъем и усиление темпа жизни, столкновение интересов, начинающаяся борьба классов и партий, - все это сделало литературу, как мы указывали, общественной силой, все это заставило ее отзываться на разные явления жизни. Мы видели, что и народная драма задевала смешные различные стороны быта; но, кроме того, с самого начала рассматриваемого периода создается и публицистика, которая принимает литературную форму сатиры. Это тоже смесь, как и сатира, так как здесь также речь идёт о самых разнообразных предметах, то эта сатира принимает дидактический (наставительный, поучительный) характер: через призму идеологии автора она бичует и осмеивает различные стороны современной жизни.

Первым автором такой римской сатиры в нашем смысле слова был Луцилий. Римляне впоследствии гордились тем, что сатира - их изобретение. Действительно, сатирический дух был и в греческой комедии V веке, и в ямбах греческого поэта Архилоха VII веке до н. эры, но лишь на римской почве, под влиянием создавшихся социальных условий, сатира в руках Луцилия сделалась обособленной литературной формой, для которой он установил и метрическую форму - гекзаметр. Некоторые отрицательные явления римской жизни, созданные империалистическими завоеваниями и развитием капитализма, вызывали преклонение перед стариной и порицание современности со стороны некоторых групп самой же эллинизирующей интеллигенции, увлекающейся идеалами греческой моралистической философии. Недаром из среды этой интеллигенции, как мы видели, исходили попытки социальных реформ. К этой протестующей интеллигенции принадлежал и Луцилий, который лишь выразил эти порицания в литературной форме сатиры.[4]

§ 3. Отражение в литературе, философии римлян борьбы классов, гражданских войн в появлении новых направлений искусства

Как мы видели, уже с начала рассматриваемого нами периода, то есть с середины II в. до н.э. в некоторых группах римской интеллигенции, под влиянием отрицательных следствий завоеваний и развития капитализма, стала распространяться неудовлетворенность современной жизнью; зарождается настроение, которые мы можем с полным правом назвать романтическим, так как тут происходит отрыв от современности, и идеалом делается прошлое. Такое настроение проявляется, как мы видели, уже у Луцилия, а с развитием революционных бурных событий оно значительно усиливается и отражается на литературе конца республики, причем не только идеализируется историческое прошлое Рима, но выплывает и популярное среди греческих масс представление о «золотом веке». Вместе с тем мы видели, что уже Луцилий уклоняется от политической деятельности. Такой политический индифферентизм, соединенный с недовольством современностью, также характерная черта интеллигенции эпохи гражданских войн. Ведь политику предоставлялось «делать» честолюбивым политикам-профес-сионалам, часто интриганам и выскочкам, не стеснявшимся никакими средствами для достижения своих корыстных целей. Бывали и такие случаи, что утомленные бурной политической деятельностью, люди бросали все и удалялись на покой, который проводили в изучении философии и созерцании природы. Очень, например, характерно, что известный вождь демократической партии Серторий, упорно сопротивлявшийся Помпею, в разгар войны высказывал желание поселиться на «островах блаженных» и отдохнуть от постоянных войн. Такая политическая дряблость и индивидуализм, созданные уклонением от общественной деятельности, а также романтика замечались особенно среди интеллигенции среднего класса. Это был, как мы отмечали, вытесняемый класс, терпевший экономический ущерб, не утопавший в разврате и роскоши, класс, который не поддерживал империалистических планов новых завоеваний, обогащавших римских генералов и крупных капиталистов, - класс, напуганный быстрым революционным темпом жизни. Интеллигенция преимущественно этого среднего класса впадала в пессимизм, невольно ставила вопрос о цели жизни и счастье человека, о происхождении современных жизненных явлений, представлявшихся ей игрою случая, и естественно искала философию, которая сулила бы покой мятущейся душе.

Такой философией для части интеллигенции был эпикуреизм, для развития которого в Риме создавалась благоприятная почва. Здесь были на лицо те же социальные условия, которые содействовали возникновению философии Эпикура в Греции в IV веке; здесь, как и в Греции, замечался политический индифферентизм и индивидуализм, а также религиозный скептицизм, охвативший широкие круги интеллигенции господствовавших классов. В этих

[4] См.: Дератани Н.Ф. История древне – римской литературы. М., 1928, с. 30 – 35.

условиях и возникла около 60 году до н. эры знаменитая поэма Тита Лукреция Кара «О природе», в которой автор явился пламенным проповедником эпикурейского материализма.

Он был незнатного происхождения и, по некоторым данным, принадлежал к интеллигенции среднего класса. Подобно многим своим современникам, Лукреций уклонялся от общественной жизни. Революционные бурные годы, которые он пережил, глубоко нарушили равновесие его болезненно - впечатлительной натуры и заставили обратиться к философии, на лоне которой он искал пристанища от бурного вихря жизни. Отсюда его эпикуреизм. Но если современная ему интеллигенция ограничивалась усвоением этой философии лишь для себя или изредка выпускала сухие переводы Эпикура, то Лукреций с жаром пропагандировал это материалистическое учение в созданной им бессмертной дидактической поэме.

Сделаем сначала обзор ее содержания. Поэма Лукреция состоит из шести книг: в первой излагается общая теория атомов и общее изложение атомистики; во второй трактуется о движении атомов, их форме и образовании из них всего разнообразия видимого мира; в третьей раскрывается природа души человека, приводятся разнообразные доказательства против ее бессмертия, а также против страха смерти; в четвертой выясняется материалистическая сущность чувств человека и излагается теория познания; в связи с этим объясняются причины сна, и указывается влияние на сновидения занятий человека и полового чувства, анализом которого заканчивается книга; пятая книга посвящена объяснению астрономических явлений, геологии и антропологии; в шестой разъясняются метеорологические, а затем и другие непонятные в то время явления: землятресения, извержение Этны, разлив реки Нила, вредные испарения в некоторых местах, угар, причины, по которым вода в колодцах летом холоднее, а зимой теплее; причины колебания температуры в источнике у храма Аммона, сладкий вкус воды в море, магнетизм, причины заразных болезней и влияние местности на их развитие. Поэма заканчивается картинным описанием жестокой чумы, свирепствовавшей в Афинах в V веке до н.э.

Учение Эпикура так захватило Лукреция, что греческий философ обращается в его представлении в гиганта мысли, изрекшего новое истинное слово; в своем увлечении Лукреций несколько раз в поэме слагает Эпикуру восторженные и сильно преувеличенные хвалы. Он считает Эпикура первым из людей, кто решился поднять взоры к небу и сокрушил крепкий засов у затворенных врат природы; Эпикур - украшение Греции; какой язык может достойно прославить его. Заслуги Эпикура так велики, он разрешил столько проблем, что его нельзя назвать смертным, - это бог! Спрашивается: насколько точно передает Лукреций учение Эпикура? Сам поэт говорит, что он не осмеливается состязаться со своим учителем, а лишь дерзает следовать ему. Мы слишком мало знаем учение Эпикура, чтобы проверить, действительно ли Лукреций вполне точно следует своему учителю. Во всяком случае, из поэмы мы узнаем много подробностей учения Эпикура, не известных нам из других источников, и в этом больше значение поэмы. Кроме того, Лукреций был знаком и с другими философами; так, например, в V книге встречается заимствования из Эмпедокла, есть ссылки и на Демокрита. Но вместе с тем Лукреций иногда приводит и свои собственные доказательства, основанные на метком наблюдении и опыте, не говоря уже о поэтических описаниях и сравнениях. Любопытно, что самая форма философской системы Эпикура навеяна Лукрецием под влиянием социальных условий его революционного времени. Эпикур, если и не устранял народных богов, то, во всяком случае, поместил их далеко от мира: боги не создали мира и не управляют им; все явления природы объясняются материалистически. Но при всей анти религиозности, у Эпикура мы не замечаем резких выпадов против религии, что вполне согласовалось с его спокойным характером и мягким тоном всего учения. Лукреций по отношению к религии проявляет гораздо меньше терпимости: здесь с особенной силой выливается горячность его болезненного темперамента, радикализм, созданный его бурным временем. Но были и другие причины такого отношения к религии. Греческая религия с ее антропоморфизмом по самой своей сущности давала меньше места суеверию, чем римская. Да, кроме того, во времена Лукреция, параллельно с ослаблением веры, увеличилось суеверие. В результате завоеваний

и торговых сношений в Рим проникли восточные культы, а с ними широкой волной нахлынули, различны волхвы, гадатели, ясновидцы, толкователи снов, вызыватели духов и прочие лица, спекулировавшие на суеверии масс. Высшие классы начали увлекаться неоплатонизмом, апостол которого аристократ Нигидий Фигул слыл за предсказателя и изучал таинственные силы природы. Мистицизм и оккультизм охватили особенно высший класс разлагавшегося римского общества. Все это могло лишь увеличить религиозный радикализм Лукреция и заставило его занять более воинственную позицию, чем какую занял Эпикур. Так, в общем, везде следуя Эпикуру, Лукреций, вероятно, имея в виду свое время, иногда останавливается на некоторых фактах особенно подробно; так, например, он обращает внимание на разъяснение природы сна: у римлян в эту эпоху под влиянием Востока чрезвычайно усилилась вера во сны. В III книге поэмы Лукреций подробно и страстно доказывает материальность и смертность души; желая избавить своих современников от страха смерти, приводит до тридцати доказательств в пользу того, что душа смертна. Здесь Лукреций, несомненно, многое прибавляет от себя к сухому учению Эпикура. В III книге поэт олицетворяет природу, выводит ее говорящей и убеждающей смертных не приковываться к жизни. Такое подробное развитие эпикурейского учения о смертности души можно объяснить не только самым сильным желанием Лукреция подорвать одну из основ данной религии, но опять-таки специфическими особенностями общества его времени, когда на каждом шагу можно было встретить вызывателя духов, когда многие видные деятели увлекались спиритическими сеансами и так далее. «Религия толкает на преступные и нечестивые дела», с раздражением утверждает Лукреций. Что же питает религиозные суеверия? Незнание природы, непонимание ее явлений; люди, не будучи в состоянии объяснить ее явления, приписали все богам. Отсюда вытекает задача объяснить сущность и строение мира; три раза повторяет поэт одни и те же стихи: «Суеверный страх должен быть рассеян не лучами солнца, а систематическим изучением природы».

Таким образом, Лукреций, утверждая, что религия побеждается познанием тайн природы, ставит жизненную и в наше время проблему о науке и религии! У него изменяется и концепция философии Эпикура. Если у последнего центральное место в философии этика, то в поэме Лукреция специального отдела этики мы не находим: острие своей философии он направляет на антирелигиозную пропаганду и искоренение суеверий, - вот почему у него вместо этики на первое место выдвигается физика и каноника (теория познания). Эти отделы получают у него более самостоятельное значение, занимают менее служебное положение, чем у Эпикура. Теоретическое знание Лукреций ставит выше, чем Эпикур, равнодушно относившийся к науке. В этом надо признать несомненное преимущество Лукреция, в особенности, если иметь в виду, что римляне весьма туго усваивали всякую теорию. Недаром Лукрецию пришлось облечь сухие положения эпикуреизма в стихотворную форму гекзаметра; он сравнивает себя с врачом, который, давая детям полынь, обмазывает края чашки медом, чтобы лекарство показалось сладким.

Однако, это не значит, что в поэме «О природе» вовсе нет указаний на эпикурейский этический идеал.

От этих указаний Лукреций не мог удержаться под давлением социальных условий своего времени. Эти условия шли в разрез с пассивной эпикурейской этикой гораздо в большей степени, чем общественная жизнь Греции IV века, определившая характер этики Эпикура. Поэтому эпикурейская мораль, в которую поэт, подобно многим своим современникам, укрывается, как в скорлупу, от бурь жизни, подчас обращается у него в раздражительную и страстную сатиру на современное ему римское общество. Как эпикуреец, Лукреций, подобно многим своим современникам, не заинтересованным ни во внешних войнах, ни в партийных распрях, издали наблюдает общественную жизнь и желает, прежде всего, общего спокойствия и мира. Он молит богиню Венеру о том, чтобы она остановила военные действия на суше и море, чтобы она умолила жестокого бога Марса даровать римлянам сладостный мир. Правда, когда Лукреций начал писать свою поэму, военные действия затихли, но, очевидно, поэт видел, что это не конец, и что гражданская война может вспыхнуть с новою силой; это и вызвало его нападки на войну, а отрицательное

отношение ко всякой войне было в корне эпикуреизма. Первобытные люди, говорит Лукреций, часто попадали в когти диких зверей; они умирали от гниения своих ран, так как лечить их они не умели, но они гибли поодиночке: тогда не было случаев, чтобы «в один день, погибали под знаменами многие тысячи!». Война – знамение современной культуры. «Если когда - то воевали из - за звериных шкур, - говорит Лукреций, - то теперь воюют из - за пурпура и золота; не знающая границ страсть к стяжанию до дна всколыхнула великие волны войны». Лукреций верно понял, что современные ему войны имеют экономическую основу и носят хищнический характер. Эта страсть к стяжанию, а также честолюбие, стремление к славе и почету были в связи с завистью, постоянную мишенью для нападок и эпикурейцев и стоиков. Однако, современные Эпикуру социальные отношения давали гораздо меньше повода для подобных нападок, чем общественные отношения бурного времени, пережитого Лукрецием. Это видно, прежде всего, из того факта, что Лукреций несколько раз на протяжении всей поэмы, иногда с раздражением и страстью, повторяет эти нападки на своих современников. И уже самая настойчивость повторения этих мыслей показывает, что не могли быть у Лукреция простыми реминисценциями изучения Эпикура, а были вызваны современными ему социальными отношениями. В самом деле, если бросить самый беглый взгляд на бурную эпоху Рима, в которую жил Лукреций, то легко заметить, что именно зависть, крайнее честолюбие стремление к власти, богатству и славе были главными стимулами деятельности римских политиков и демагогов этого времени. Современной роскоши Лукреций романтически противополагает счастье, заключающееся в приближении природе. Он подобно Руссо и некоторым современным философам Запада, является противником культуры, таящей в себе столько нездорового. Окружающая поэта жизненная борьба вызывает в нем глубокий пессимизм, который часто сменяется у него в повышенный и страстный тон речи; поэт приближается к библейскому мудрецу и приходит к заключению, что современная ему жизнь есть «суета сует и всяческая суета»… Теперь времена идут к упадку, - пессимистически утверждает Лукреций в конце II книги своей поэмы; теперь нужны большие усилия с нашей стороны, чтобы земли давали плоды; мы утомляем быков и силы земледельцев; плуги едва способны оказывать нам помощь; плоды уменьшаются, а наши труды возрастают; все чаще и чаще, теперь земледелец качает головой и вдыхает о том, что понапрасну он тратит свой труд; он сравнивает свое время с прошлым и завидует счастью предков; «не понимает он того, - заключает Лукреций, - что все мало – помалу чахнет и направляется к гробу, утомившись от бремени прошлых лет». Очень вероятно, что этот пессимизм основывается и на действительно печальном состоянии земледелия в Италии I века, вызванном общими социально - экономическими отношениями того времени. Дело было не только в поглощении мелких землевладений латифундиями: земля истощалась и потому, что не было сбыта, а поэтому не было стимулов совершенствовать обработку земли. Однако этот крайне пессимистический взгляд далеко не выдерживается во всей поэме; пессимизм перемешивается у Лукреция с бодрым взглядом на мир. Если рассмотреть всю историю человечества, мастерски изложенную в V книге, то мы увидим, что уже здесь пессимистическая идея упадка вполне вытеснена светлой антирелигиозной идеей прогресса, эволюцией человечества, впервые развитой Эпикуром (а отчасти еще Эмпедоклом).

Прогресс - это постоянное изменение, движение, смена; здесь мы подходим к руководящей идее философской концепции Лукреция, красной нитью проходящей через всю поэму. Неоднократно в живых поэтических красках он изображает вечное движение, изменение в природе, следуя тезису греческого философа Гераклита: «Все течет, ничего не стоит на месте». Но причина этого изображения коренится не в увлечении философией Гераклита: с ним поэт лишь полемизирует по поводу принятой им основной стихии - огня; в данном случае следует, вероятно, учитывать социальные условия времени Лукреция. Вероятно, современный Лукрецию жизненный калейдоскоп, чрезвычайно быстрый темп общественной жизни, свойственный всякому революционному времени, с отсутствием в нем чего- либо прочного, постоянного, - это суетливое метание людей, о котором говорит сам

поэт, - вот что могло усилить у Лукреция усвоенное им представление о вечном движении и изменяемости в природе и среди людей.

Мы знаем, что успех Лукреция в Риме был громаден. Интеллигенция, особенно молодежь, одинаково настроенная с Лукрецием, читала его поэму с увлечением. По-видимому, поэма была запрещена. Однако нельзя думать, что Лукреций дал толчок к развитию материалистической философии в Риме и к изучению явлений природы. Правда, некоторые современники Лукреция, под влиянием чтения поэмы, высказывали желания в старости заняться физикой, но это откладывалось на часы досуга, как отдых от настоящих дел, - римляне никогда не были склонны к теоретическому мышлению.

Гораздо сильнее повлиял антирелигиозный характер эпикуреизма, углубленный Лукрецием: он, несомненно, усилил религиозный скептицизм, и никакие консервативные реформы императора Августа (и самого не очень-то верующего человека) не могли произвести в обществе реставрацию старой веры. Здесь не место говорить о значении эпикуреизма и Лукреция в истории материализма. Можно заметить, что сама связь поэмы Лукреция с революционным временем сказалась более чем через 1700 лет, когда в XVIII веке римская поэма «О природе» не только давала антирелигиозные аргументы для механического материализма революционно настроенной французской буржуазии, но была настольной книжкой искавшего в ней утешения интеллигентного обывателя.

Лукреций, увлекшись антирелигиозной пропагандой, как мы указывали, не развил этики Эпикура; он лишь отчасти использовал ее для порицания зла своей современности, между тем потребность в известном начале, которое руководило бы поступками человека, в то время была очень велика не только среди разочарованной интеллигенции, но и в среде крупных торговых и политических дельцов. При известном религиозном упадке в эту бурную эпоху, ставился, как это было и в Греции V века, вопрос: что же должно руководить действиями индивидуума, в чем счастье? В ответ на эти запросы в середине I века появляются разные сочинения, популяризирующие греческие философские системы. Из этих сочинений наиболее художественными являются дошедшие до нас философские произведения известного оратора Цицерона, написанные им почти всецело в период вынужденного досуга во время диктатуры Цезаря (45-44 гг.). Для ясности и живости изложения эти произведения искусно облекаются автором в диалогическую форму; в них ясно выступает мировоззрение автора. Цицерон проповедует близкое к стоицизму учение ново-академической школы; он противник эпикуреизма; эпикурейскую этику он опровергает в сочинении под заглавием: «О границах доброго и злого»; религиозную часть он оспаривает в сочинении «О природе богов». Этика, которую по греческим источникам пропагандирует Цицерон в сочинении «Об обязанностях», сводится к идеалистическому тезису: «хорошо и полезно то, что нравственно прекрасно» (то есть «добродетель» есть бог).

Но проявившиеся в I веке при разнообразных выше социальных условиях индифферентизм и индивидуализм не только содействовали усвоению пассивной этики различных греческих философских систем, но известным образом дали толчок развитию римской поэзии. Большую роль в этом развитии сыграла так называемая александрийская поэзия. Это была эллинистическая поэзия III- II вв. до н.э., когда центром культурной жизни сделался большой египетский город Александрия. Могучее развитие торговли под властью обособленных монархов династии Птолемеев, а отсюда богатство и роскошь - все это развивало вкус правителей ко всему изящному, что в соединении с их тщеславием и сделало их покровителями наук и искусств. Под их покровительством вновь расцветает и поэзия. Внутренним двигателем ее развития явился своеобразный романтизм разлагающегося общества, которое, идеализируя свое славное прошлое, стремилось воскресить все существовавшие роды поэзии. Таким образом, вновь появляются разные виды эпоса, драма, лирика, эпиграмма и элегия; романтическая тяга к природе, как реакция против утонченной культуры большого торгового города, вызывает политическую идеализацию деревенской жизни - идиллию, которая соответствует идиллическому жанру в александрийском искусстве вообще. Но вся эта придворная поэзия выходит деланной, манерной, лишенной живой творческой силы; считалось возможным сделаться поэтом, не обладая талантом. Культ

формы, книжность, академизм - вот главное отличие этой ученой поэзии: не даром ученый и поэт часто сливались тогда в одном лице; мифологический балласт, ученые слова были элементами этой поэзии. Сюжеты мельчали. Крайняя индивидуализация общества, созданная военно-монархи-ческим режимом, содействовала развитию лирики, а изнеженная жизнь придала ей эротический характер.

Нетрудно заметить, что социальная почва Рима I века, создала все условия для восприятия александрийской культуры и увлечения эллинистической поэзией: та же романтика с ее идеализацией прошлого, то же развитие индивидуализма и субъективизма, та же изнеженная роскошная жизнь капиталистического класса, дававшая пищу эротике. И, действительно, мы видим, как в Риме первой половины I века образуются литературные кружки аристократической интеллигенции. Эти светские люди, теперь мало интересуются политикой, не только заполняют свой досуг чтением и переводом александрийских поэтов, но и подражают им. Это было поэтическое дилетантство, внушавшее убеждение; что при желании и терпении можно всякому сделаться поэтом и научиться писать стихи. Нашлись преподаватели стихотворства вроде Валерия Катона, который в этих салонах выбирал людей с некоторым дарованием и их «делал поэтами». Здесь пробовали свои силы в разных родах поэзии, но особенное подражание вызывала эллинистическая эпиграмма. Шумная, чрезвычайно подвижная жизнь такого большого города, каким был Рим, с ее частой сменой впечатлений создавала благоприятную почву для развития этого поэтического рода. Краткое стихотворение было самым удобным заразителем мимолетных впечатлений поэта. Это была наиболее удобная и притом самая легкая поэтическая форма, в которую можно было с колкостью и светским остроумием выливать и политическую насмешку, и воспоминание о романе с какой-нибудь светской красавицы, и злую иронию над врагом. Писать стихи на манер александрийцев - особенно, эпиграммы, - стало модной забавой среди римской интеллигенции этой эпохи, но из массы бездарностей выдался лишь один истинный поэт, в творчестве которого ярко проявились все роды поэзии, которые были модными в литературных салонах. Это был Валерий Катулл родом из галльского города Вероны. Он принадлежал к зажиточному классу; он не добивался общественных должностей и с молодости окунулся в водоворот светской жизни Рима, где завел знакомства со многими влиятельными лицами и вращался в модных поэтических кружках. Как поэт, Катулл - лирик; до нас дошло сто шестнадцать его стихотворений, написанных самыми разнообразными размерами. Эротика играет в них существенную роль. Известная часть его стихотворений отражает различные перипетии его романа с той женщиной, которую он воспел под псевдонимом Лесбии. Это была Клодия, сестра видного демагога Клодия Пульхра, замужняя, но чрезвычайно развратная женщина, которую обвиняли даже в связи с братом. Она изменяла и Катуллу. Как видно из его стихотворений, ссоры чередовались с примирениями, пока, наконец, не наступил полный разрыв; поэт погружается в пессимизм, он предается мыслям о смерти, но и после измены в нем продолжают бороться два противоположных чувства - ненависть и любовь. Здесь мы видим какой - то культ, идеализацию любимой женщины, зародыш будущего эротического романтизма. Не принимая активного участия в политике, Катулл стремится высмеять продажность аристократических генералов, ведших войну, а с другой стороны - выставить торжество демократии, впервые оказавшей решительное противодействие знати.

Саллюстий в своих сочинениях влагает речи в уста исторических деятелей, отражающие их характерные черты. Такая техника римской историографии, помимо греческого влияния, несомненно, была создана той громадной ролью, какую играло ораторское искусство в политической жизни Рима вообще, а в эту бурную эпоху в особенности.

Начиная с половины II в., ораторское искусство оживляется и делается все более и более сильным орудием в жизни римского общества. Этому содействовало, прежде всего, образование политических партий и оживление классовой борьбы, благодаря чему от оратора требовалось особая гибкость и изворотливость как в защите своих доводов, так и в нападках на противников. Далее красноречие делается более страстным и патетическим. Как

мы указывали, уже после третьей пунической войны доступ к высшим государственным должностям открывается и для лиц, не принадлежавших к нобилитету, и тут ораторского искусства для того выходца не из привилегированного класса делается могучим средством зарекомендовать себя и добиться избрания на высшая должность. Наконец, развитию ораторского искусства содействовало образование в 149 г. до н.э. так называемых «постоянных следственных комиссий», в которых под председательством претора разбирались дела уголовные и политические; постепенное увеличение этих комиссий вызывало большое количество судебных процессов и в свою очередь давало ораторам возможность изощряться в диалектике и софистике. Уже во II веке римские ораторы знакомятся с греческими приемами красноречия, и на их речах сказывается влияние греческой риторики. В Рим приезжают греческие риторы, а в начале I века открываются и первые римские школы красноречия. Любопытно отметить, что это стремление развить силу слова исходило первоначально из рядов демократии, - недаром открытие первой риторической школы вызвало сразу эту оппозицию консервативных нобилей, и цензоры закрыли эту «школу бесстыдства», которая тем не менее скоро возникла вновь.

Уже в середине II в. заметны вполне выработанные, рассчитанные на патетической эффект, особенно свойственные римлянам театральные приемы красноречия. Как видно из сохранившихся фрагментов, речи либерально-демократического реформатора Гая Гракха, то подкупали реализмом и простотой за которыми скрывался глубокий драматизм, то переходили в пафос, с которым оратор со свею стремительностью обрушивался на своих политических противников. Гракх модулировал свой голос, смотря по содержанию речи, и прибегал к приемам настоящего актера: одно патетическое место он произнес с таким выражением глаз и голоса, с такой жестикуляцией, что даже враги не могли удержаться от слез. Гай Гракх издавал свои речи; это были политические памфлеты против аристократии.

Далее, особенно известны два оратора аристократической партии: Марк Антиний и Лициний Красс. Первый - сторонник Суллы, убитый демократами в 87 г., больше был склонен к судебному, чем к политическому красноречию. Известен кунстштюк, который он выкинул, защищая одного своего клиента по обвинению в вымогательстве: в конце своей речи он схватил обвиняемого, поставил его так, чтобы всем было видно, и сорвал с его груди тунику, чтобы римский народ и судьи могли видеть рубцы от ран, полученных им на войне; благодаря этому приему, он усилил убедительность своей блестящей защиты и выиграл дело. Антоний обладал громадной памятью и находчивостью; он тщательно готовился к своим речам, но казалось, что он говорит экспромтом; голос у него был немного хриплый и глухой, однако этим он еще более был способен вызвать доверие и сострадание к своему клиенту - в его речах как бы слышались слезы. Лициний Красс, который, будучи сам оратором, в бытность цензором запретил римские школы красноречия, отличался в своих речах тонким и веселым остроумием; он говорил коротко и красиво; некоторые его речи были изданы.

В начале I века в качестве руководства для ораторов появляется и первая, дошедшая до нас реторика на латинском языке, представляющая, в общем, сухой компендиум греческой теории красноречия.

Вот те условия, которые содействовали пышному расцвету ораторского таланта Цицерона.

Родившись в имении своего отца в окрестностях Арпинума, в стране Вольсков (в Лациуме на юго-востоке от Рима). Цицерон получил в Риме, а потом в Греции блестящее общее и риторическое образование. Это был искусный адвокат, обстоятельство, которое надо всегда иметь в виду при оценке некоторых колебаний в его политических взглядах. Принадлежа к сословию «всадников» и отличаясь присущим многим из его сословия честолюбием, он воспользовался своим адвокатским красноречием как орудием для соискания высших должностей и для заигрывания с народом. В этом отношении характерно то, что главные его судебные речи приходятся как раз на годы, наиболее важные в его политической карьере, и в каждой из этих речей он не забывает поговорить о себе и о своей деятельности. Таким путем Цицерон в 63 г. добивается консульства и в этом же году со всей жестокостью подавляет заговор Катилины: пять вождей было задушено в тюрьме под

наблюдением консула! Обвиненный трибуном Клодием в умерщвлении римских граждан без суда, Цицерон в 58 г. должен был удалиться в ссылку, откуда был возвращен в 57г.; в 51 г. он был назначен проконсулом в Киликию (Малая Азия). Вскоре по возвращении его в Рим возгорается гражданская война Цезаря с Помпеем. Цицерон стоит на стороне Помпея. Во время диктатуры Цезаря он был вынужден отойти от политики; тогда свой досуг он посвящает литературной работе. После убийства Цезаря начинается его знаменитая полемика с триумвиром Антонием: он пишет против него четырнадцать речей, в которых громит его за измену республике. В 43 г. Цицерон был внесен в проскрипционный список и убит агентами Антония.

Таким образом, Цицерон был убежденным республиканцем, защищавшим республику от напора монархии и поплатившимся за это жизнью. Цицерон - идеолог буржуазного сословия «всадников». Хотя в своих речах 70 г. (Верринах) он обвинял во взяточничестве пропретора Сацилии Веррса, ставленника аристократии, который разграбил провинцию Сицилию, однако в своих действиях и мировоззрении он проявляет ультра буржуазную точку зрения. Он все время борется за интересы собственников. Низшие классы Цицерон не принимает в расчет в своем взгляде на государство. Государство он отожествляет только с буржуазным классом. Низшие классы представляются ему лишь жаждущими нововведений, всегда склонными к нарушению государственного порядка. На первом месте у Цицерона стоит спокойствие «государства», то есть благополучие всех состоятельных людей, отсюда понятно, почему все аграрные законопроекты, начиная с реформы Гракха и кончая законом Сервилия Рулла 64 г., были до глубины души ненавистны Цицерону, хотя, иногда заигрывая с народом, он и хвалил Гракхов. В дошедшем до нас сочинении «О государстве», написанном между 54-51 гг., все меры и либеральные социальные реформы Гракхов представляются ему пагубными для государства: всей системой своей политики они вызвали распадение единого народа на две части. Выяснив сущность и элементы римской конституции, Цицерон в этом трактате считает идеальной ту форму римского государственного устройства, которая существовала до Гракхов. С такой узкоклассовой точки зрения Цицерон посмотрел и на заговор Катилины. Если прочесть дошедшее до нас его громовые речи против Катилины, то сразу можно убедиться, как мало старался вникнуть Цицерон в социальные причины движения; это какой-то фейерверк трескучих фраз и риторических оборотов, рассчитанных на эффект и на создание в народе настроения, враждебного Катилине. Заговорщики обрекли на гибель все государство, всех граждан, всю Италию; они имели в виду опустошить пожаром всю землю; они замыслили уничтожение целой вселенной! Тенденция Цицерона ясна: ему для оправдания своих слишком решительных действий важно было, как нельзя более раздуть преступность замысла Катилины и заслонить от толпы социально-экономические корни революции. Поэтому и вся характеристика участников заговора изобилует у него самыми сильными эпитетами из области уголовщины. Катилина - бандит, чудовище, язва государства. Вокруг него сплотились все разорившиеся и отчаянные люди, отбросы общества. Против этих порочных козлищ объединились, по изображению Цицерона, как благонамеренные овцы, все остальные граждане; все добродетели восстали против пороков. Оратор внушает слушателям радужный оптимизм. Что такое лагерь Катилины? Это разбойничий притон; с собравшимися там бандитами, с которыми и считаться не стоит. А после подавления заговора, нарушившего равновесие общества, наступает, по изображению Цицерона, полная гармония между классами. Такова была иллюзия, затушевывавшая истинное положение разлагающегося римского общества, в котором бедняки ютились на чердаках и охотно продавали себя в школы не только гладиаторов.

Таковы социально-экономические взгляды Цицерона. Но все же он остается большим оратором, который не только произносил; но и издавал свои речи, иногда даже не произнеся их. Из ста его речей 56 дошли до нашего времени; многие из них представляют чисто художественные произведения. Вот главные из них. В защиту Росция Америйского (80г.) по обвинению его в отцеубийстве; шесть речей против Верреса (70г.); в защиту Клуэнция (66г.), обвиняемого в отравлении своего отчима; против аграрного закона Сервилия Рулла (63г.) о

наделении землей бедных граждан; четыре речи против Катилины (63г.); в защиту поэта Архии (62г.), у которого оспаривали права римского гражданинства; в защиту Сестия (56г.), содействовавшего возвращению Цицерона из ссылки и потом обвиненного в насилии по отношению к народному собранию; в защиту Целия (56г.) по обвинению в убийстве александрийского посла и в покушении на отравление сестры народного трибуна Клодия; в защиту Милона (52г.), обвиняемого в убийстве того же Клодия; 14 речей (44 и 43 г.) против Антония в защиту республиканской свободы. Речи Цицерона, начиная с общей композиции и кончая мелочами стиля (ритмика, фигуры), искусно построены на основании теории красноречия, которой он, отвечая запросам общества, посвятил ряд специальных сочинений. Неудовлетворенный своей написанной в молодости «Реторикой», которая давала лишь сухое изложение греческих теорий, Цицерон пишет свой знаменитый и действительно художественный трактат «Об ораторе». Здесь, пользуясь своим опытом, он переоценивает все избитые риторические правила и посредством диалога двух ораторов, Антония и Красса, обрисовывает идеал оратора. По мнению Цицерона, судебно-политический оратор, помимо знания теории, природного дара и постоянных упражнений, должен обладать широким образованием. Такой оратор должен специально изучить право, диалектику, психологию для того, чтобы понимать настроение слушателей и использовать его в своих целях, а также историю, чтобы черпать из нее примеры. Оратор должен обладать хорошею памятью и уметь произносить речи, прибегая иногда к чисто актерским приемам. В другом дошедшем до нас трактате - «Оратор» Цицерон рисует идеал оратора преимущественно с точки зрения стиля. Оратор не должен обязательно придерживаться какого-нибудь определенного стиля, как предлагали некоторые; он должен соединить все стили и искусно применять ритмику речи для того, чтобы лучше достигнуть своей основной цели - убеждения. Наконец, в третьем из главных риторических трактатов - «О знаменитых ораторах» Цицерон дает очень ценную для нас историю римского ораторского искусства с мастерскими характеристиками отдельных ораторов, при чем, развертывая эволюцию красноречия, постепенно доходит и до себя, явно давая понять, что он-то и является самым совершенным оратором.

Речи Цицерона теперь, пожалуй, могут показаться нам слишком расплывчатыми и несколько искусственными; теперь почти не изучают общей теории красноречия, хотя иногда все-таки применяются приемы, давно фиксированные античной теорией. Популярность Цицерона в Западной Европе была велика; не говоря уже о так называемой эпохе «Возраждения», когда культ Цицерона дошел до какого-то изуверства, даже в XVIII в. ораторы Великой французской революции (Мирабо, друг Дантона Камилл Демулен, Робеспьер) охотно пользовались Цицероном при составлении своих политических речей.[5]

§ 4. Поэзия, ее развитие и особенности в условиях эпохи Августа

Переходя к поэзии эпохи Августа, мы сталкиваемся, прежде всего, с буколической (пастушеской) поэзией, представителем которой является Вергилий.

Публий Вергилий Марон, знаменитый римский поэт, родился в 70 г. до н.э. в одной деревушке, близ города Мантуи (на север Италии). Сын простого, но зажиточного крестьянина, он получил блестящее образование в Милане, потом в Риме. Последние годы Вергилий жил в Неаполе, откуда, заканчивая свою «Энеиду», предпринял путешествие в Грецию и Малую Азию, но на обратом пути умер в 19 г. до н.э. Вергилий пережил кровавые годы римской революции, и сам пострадал от нее: в 41 г. было конфисковано его поместье в пользу ветеранов Цезаря, и только знакомство в Риме с Меценатом, в литературный кружок которого он был введен, помогло ему вернуть свое поместье. Дитя деревни, он особенно живо воспринял развившуюся среди римской интеллигенции среднего класса романтику с ее тягой к природе, миру и национальной старине; поэтому он восторженно вместе с другими воспевал своего покровителя Августа, подателя мира. Романтикой объясняется и характер творчества нашего поэта. Отрыв от шумной городской жизни, тяга к деревенской

[5] См.: Дератани Н.Ф. История древне – римской литературы. М., 1928, с. 39-59

идиллической простоте - вот настроение, которое вызвало появление первого произведения Вергилия «Буколик», состоящих из десяти «эклог» (41-38 гг.). Вергилий переносит на римскую почву буколические (пастушеские) идиллии александрийского поэта Феокрита (III век до н.э.), который изобразил в них картины из безмятежной жизни пастухов и пастушек с их любовью и песнями. Вергилий часто слишком близко следует Феокриту, составляя иногда из двух его идиллий одну эклогу и заимствуя у него целые стихи. Поэтому «Буколики» вышли слишком искусственными, тем более, что идеализованный пастушеский быт при грубости римской деревенской жизни казался для римлян чересчур нереальным. Имея отчасти это виду, Вергилий и выводит своих пастухов большей частью с тем, чтобы иметь возможность откликаться на события своей современности. Мы видим в «Буколиках» много намеков на реальную действительность. Так, например, в первой эклоге, написанной в 41 г., когда Вергилий получил обратно свое поместье, он в лице пастуха Титра аллегорически изобразил самого себя: пастух Мелибей завидует Титиру в том, что тот спокойно может жить в своем доме, а он должен покинуть свою родину. В третьей эклоге изображается происходящее между пастухами состязание в импровизации (буколиазм): здесь мы находим саркастические выпады против эклоге, он отзывается на апофеоз (обожествление) Юлия Цезаря в 42 г. и прославляет умершего диктатора. Пристрастие буржуазных классов общества к пастушеской и деревенской идиллии вылилось не только в «Буколиках» Вергилия: - мы знаем, что Корвин Мессалла сочинил буколические стихотворения на греческом языке. Далее, в дошедшем до нас стихотворении «Комар», состоящей из 414 гекзаметров (не принадлежащем Вергилию), изображается эпизод с одним пастухом, в стихотворении «Морет» (123 гекзаметра), ложно приписываемом Вергилию, выводится поселянин: он встает рано на работу и готовит себе скудную пищу: хлеб и винегрет.

Как бы то ни было, именно через Вергилия буколическая поэзия со всеми своими античными элементами вошла в литературу Западной Европы (пастораль); она оказывала уже влияние на феодально-рыцарскую поэзию трубадуров и, начиная с XIV в., на целый ряд романов, возникших в среде тогдашней аристократии и буржуазии.

Вслед за «Буколиками» Вергилий в течение семи лет 37-30 гг. пишет «Георгики», дидактическую поэму о земледелии, которая состоит из четырех книг: в первой даются наставления о земледелии; во второй - об уходе за деревьями, в третьей - о разведении домашнего скота, в четвертой - о пчеловодстве. Вергилий пользовался многими греческими источниками, но прототипом в отношении формы был у него Лукреций. Однако, Вергилий, как великий певец природы, еще более искусно, чем Лукреций, умеет облекать сухое содержание в красочную поэтическую форму и оживлять изложение чудесными описаниями природы. Здесь та же романтика: идиллическое описание здоровой жизни поселян и их сельских работ. Идеал Вергилия - небольшое поместье, в котором работает сам хозяин со своими помощниками; он питается только своей жатвой, он борется со стихией. Вергилий рисует идиллическую картину возвращения крестьян с работы: он целует детей, которые виснут у него на шее; зимой не менее идиллическое время провождения: муж работает у домашнего очага и готовит светильники для освещения, жена рядом с ним с пением ткет и кипятит виноградный сок. Вергилий, по образцу греческих романтиков, описывает примитивную жизнь кочевых пастушеских племен. Африки и Скифии, он идеализирует простую здоровую жизнь крестьян далекую от шума города и носящую многие черты давно миновавшего «золотого века». Цель всего сочинения ясна: Вергилий хочет привлечь внимание общества к старо–римскому мелкому сельскому хозяйству, содействовать вместе с Августом осуществлению идеала простой и строгой жизни, которую вели древние римляне. Здесь он проявляет религиозность и консерватизм и вместе с тем преклоняется перед Августом: он молит богов помочь Августу излечить бедствия, причиненные гражданской войной, и даже описывает храм, который он хотел бы воздвигнуть в честь Августа.

В условиях римского практицизма дидактическая поэзия и после Вергилия нашла себе многочисленных представителей: появляются целые поэмы о пчелах, птицах, ягодах, лекарственных травах, об игре в бабки, в мяч и т.д.; наконец, в связи с римским суеверием, в

конце жизни Августа появляется дошедшая до нашего времени дидактическая поэма (5 книг) Манилия по астрологии, этой псевдонауке, которая сделалась весьма популярной во времена империи.

Как результат того же романтического восхищения национальной стариной в соединении с желанием прославить успехи римского оружия, а также возвеличить Августа, появилась и знаменитая поэма Вергилия «Энеида». Поэт работал над ней одиннадцать лет, но так и не дал ей окончательной обработки. В основу своей поэмы Вергилий подобно Невию и Эннию, положил популярное, особенно среди аристократических родов, сказание о происхождении римлян от троянского героя Энея, сын которого Иул был якобы родоначальником дома Августа. Таким образом, он воспел не прямо Августа, а его предка и этим связал себя с Гомером. Действительно, первая часть «Энеиды» (шесть песен) не что иное, как римская «Одиссея», вторая часть (шесть песен) - римская «Илиада». В первой части поэмы описывается прибытие Эния с товарищами в Италию и его пребывание в Карфагене; здесь поэт мастерски изображает роман Энея с карфагенской царицей Дидоной, которой он пространно рассказывает о гибели Трои, о своем богатстве, и о своих скитаниях. Вторая часть «Энеиды» изображает войны Энея и Италии с Турном, царем Рутулов, и завоевание Италии. В «Энеиде», в которой нашли себе отражение лица и картины пережитой поэтом революции, романтически прославляются старый римский дух и его поборник Август: на щите Энея, сделанном богом Вулканом и принесенной богиней Венерой (восьмая песнь), чудно изображены будущие подвиги римлян и Августа. Отец Энея, Анхиз, раскрывая в подземном царстве (шестая песнь) своему сыну судьбу его потомства, говорит, что Август положит начало «золотому веку», который был когда-то при Сатурне. В образе Энея Вергилий сконцентрировал характер древних римлян. Главная отличительная черта Энея - его благочестие; он суеверен, всецело рассчитывает на богов; таким именно и желал прослыть сам Август, которого хотел в образе Энея изобразить Вергилий.

Понятно, что «Энеида» была встречена с восторгом романтически настроенными классами общества и самим Августом, которому Вергилий читал вторую, четвертую и шестую ее песни. «Энеида» сделалась образцом для всех последующих эпиков, а скрытое в ней тонкое ораторство возвело поэта на степень искусного оратора. В середине века с их мистицизмом это преклонение перед Вергилием еще усилилось: Вергилий превратился в какого-то чудодея и мага; в отдельных стихах его произведений искали аллегорического смысла, а христиане желали видеть в нем пророка якобы предсказавшего в «Буколиках» рождение Мессии. Недаром Данте в своей «Божественной комедии» - этом синтезе всего средневекового мировоззрения - выбрал именно Вергилия своим мудрым руководителем. Восхищение Вергилием сохранялось и позже, особенно в романских странах; влияние его сказывалось на всем позднейшем эпосе (Торквато Тассо, Мильтон, Ариосто); только с конца XVIII в., с началом романтического увлечения Гомером, слава Вергилия стала несколько меркнуть, особенно в Германии.

Оценивая «Энеиду», надо признать, что Вергилий, несомненно, стоит ниже Гомера, в его изложении чувствуется искусственность; это все же эрудит, обработавший различного рода источники: в первой части поэмы он пользовался Гомером и другими греческими эпическими поэтами, включая и александрийцев, во второй он основывался на местных преданиях, обычаях и археологических памятниках. Характеры в «Энеиде» очерчены довольно бледно; далее, постоянное участие богов в действии, обязательное в эпосе начиная с Гомера, у Вергилия могло казаться несколько искусственным, так как уже мало кто искренно в них верил. Но, тем не менее, как в «Энеиде», так и в «Георгиках» Вергилий является одним из выдающихся мировых поэтов. Великий певец природы, он показывает себя и истинным драматургом в описанном в «Энеиде» эпизоде любви Дидоны и Энея: он раскрывает здесь всю глубину женской психологии и все перипетии страсти, приведшей к самоубийству эту карфагенскую царицу. В структуре стиха (гекзаметра) Вергилий достиг совершенства, причем обнаружил особенное мастерство выражать звуковым эффектом стиха его содержание.

Сатира, ведущая свое начало от Луцилия, нашла себе в сходных условиях философской романтики знаменитого продолжателя в лице Горация. Он был на пять лет моложе Вергилия и родился в 65 г. до н.э. в городе Венузии (теперь Веноза) в Апулии. Он происходил из поднимающегося класса вольноотпущенников. Его отец, сборщик денег в казну и мелкий землевладелец, дал сыну блестящее образование в Риме, откуда Гораций поехал для усовершенствования в Афины. Попав здесь в среду аристократической молодежи, сторонников Помпея, он на стороне республиканцев в качестве военного трибуна в 42 г. принимает участие в битве при Филиппах, а после поражения республиканцев, несмотря на конфискацию своего имения, делается приверженцем Октавиана Августа и, как поэт, вышедший из среды вольноотпущенников, пользовавшихся поддержкой власти, вступает в литературный кружок Мецената. Гораций - тоже яркий представитель современной романтически настроенной римской интеллигенции, лелеявшей республиканский идеал и в то же время приветствовавшей юного Августа как «восстановителя республики». Романтика у Горация была пропущена через философскую призму; отчасти эта романтика и создала у него настроение Луцилия: он также с 41 по 30 год пишет сатиры, или «Беседы» (в двух книгах), однако, сразу видно, что они возникли в нескольких иных политических условиях: здесь уже нет той свободы слова, какая отличает сатиры Луцилия. Гораций не касается политики; он ограничивается сатирой на частную и общественную жизнь; у него нет резких нападок, а лишь тонкий юмор, то светское остроумие, которое он, сын бывшего раба, изощрил в кругах аристократической интеллигенции: Луцилий кажется Горацию слишком грубым, и он полемизирует с кружком архаистов, поклонников этого сатирика. Сатиры Горация - это пропитанные юмором нападки на некоторые уродливые с точки зрения философской идеалистической морали стороны жизни. Здесь вырисовывается и романтический идеал умеренной жизни на лоне природы: Гораций в шестой сатире II книги описывает прелести своего нового поместья (подаренного ему Меценатом) в противоположность шумному Риму; в эту сатиру вставлена известная басня о городской и сельской мыши, впоследствии в новое время переработанная Лафонтеном. В сатирах нет ясного плана; мы наблюдаем смену формы, неожиданные переходы, живую речь.

К сатирам по духу подходят написанные Горацием в 30 - е гг. эподы. Это те же сатиры, но написанные не гекзаметром, а ямбами, в которых более длинный стих чередуется коротким. Здесь та же мишень нападок, но направленных против отдельных лиц, и притом более сильных; здесь осмеиваются роскошь, разврат, недоброжелательство, неискренние идиллические мечты о безмятежной деревенской жизни. С другой стороны, в эподах ярко выражается романтическое настроение интеллигенции и ее отношение к Августу: в двух из них Гораций негодует на продолжительную гражданскую войну; он зовет к бегству за океан в «страну блаженных», а после победы Августа при Актии с радостью празднует его победу бокалом цекубского вина. К сатирам примыкают и написанные Горацием в конце жизни «Послания» (в двух книгах). Это облеченные в форму гекзаметра заметки и письма в стихах философского содержания, но написанные в более мягких тонах, чем сатиры. Они отражают уже ранее отмеченное нами искание римской интеллигенцией прочных этических норм жизни. Отказавшись от эпикуреизма в пользу официального внешнего благочестия, Гораций под старость старается создать себе нравственный идеал; большая часть «Посланий» и занята философским самоанализом, основанным на учении разных философских школ; в этом духе он и беседует с друзьями и другими корреспондентами.

Восторженное чувство преклонения перед деяниями Августа и модное романтически – философское настроение вылилось у Горация и в чисто лирических стихотворениях – одах, три книги которых были изданы в 23 г., а четвертая, вызванная желанием прославить подвиги пасынков Августа, - в 13 г. до н.э. здесь отразилась та же шаблонная философски-романтическая идеология: отрицательное отношение к большому богатству, довольство малым (известная горациевская «золотая середина»), прославление древней республики, римской доблести и патриотизма, при чем центральной фигурой в его одах является Август. В одах эротического содержания Гораций подражает греческим лирикам: Алкею, Сапфо, Анакреону, но обрабатывает их чисто по-римски, хотя и сохраняет разнообразные греческие

стихотворные размеры. Все же эротические оды не имеют у Горация такой страстности и самобытности, какую мы видим у греческих лириков. Вообще в отношении непосредственности, силы чувства и порыва Гораций, писавший свои оды уже в зрелые годы, стоит как лирик, ниже Катулла.

Сделавшись придворным поэтом Августа, Гораций, враг «невежественной черни», в промежутке между изданием своих од пишет по заказу императора гимн («Вековая песнь») для столетнего всенародного празднества, которое, по совету оракула, решил справить Август. Это молитва о благосостоянии римского государства и прославление новой эры мира; она была пропета строфами попеременно мальчиками и девочками в виде заключения всего празднества, продолжавшегося трое суток.

Как поэт, Гораций занял среднее место между сторонниками нового александрийского направления и архаистами; он придавал большое значение поэзии и сам считал себя великим поэтом, имя которого прогремит всюду и будет бессмертно («Памятник» Од.III 30). Откликаясь на запросы своего времени, породившего массу поэтических бездарностей, Гораций в поэтическом «Послании» (названном в конце I в. н.э. «О поэтическом искусстве» - Ars poetica) к аристократам - отцу и сыну Пизонам, высказал свой взгляд на поэтическое искусство. Занятия различного рода искусствами, усилившиеся с вытеснением, благодаря режиму империи, политики в обстановке мира, вызывали целый ряд теоретических вопросов, из которых самым жгучим был вопрос: зависит ли искусство от таланта, или только от изучения теорий, что важнее: содержание или форма? Вместе с Цицероном Гораций признает необходимым соединение таланта и изучения теории: поэзия - не пустая забава, а серьезное дело; исходя из этих положений, он и дает свою теорию драмы, основываясь отчасти на греческих источниках. Излагая в этом «Послании» свои взгляды, Гораций, по своему обыкновению, не придерживался строго плана, поэтому трудно доказать, что он следовал здесь какой-нибудь шаблонной схеме (например, схеме, выработанной для теории красноречия).

В общем, Гораций не был вполне понятен народным массам Рима, да он и не старался быть им понятным. Поднявшись из сословия вольноотпущенников в ряды аристократической интеллигенции, став знаменитым придворным поэтом, Гораций, по его собственному выражению, «ненавидел невежественную чернь». Культ Горация начинается с XVI-XVII вв.; идеолог ложноклассицизма Буало основывает на его поэтической теории свою «Поэтику» (1674 г.); с XVII века Гораций вызывает многочисленные подражания; по словам Гердера, «целые войска его переводили и ему подражали»; его изучают Гете, Лессинг, Ад. Шлегель, Клопшток и другие; у нас им увлекались Майков, Пушкин и другие.

Продолжавшееся развитие индивидуализма и субъективизма, которое еще более усилилось под влиянием режима Августа, содействовало расцвету субъективной римской элегии и успеху александринизма. Создавшаяся в обстановке военной монархии александрийская мифолого-эротическая элегия нашла себе целый ряд представителей поэтов, из которых многие воспевали одну женщину, предмет своей любви: Филет Косский воспевал Биттиду, Гермиснанакс - Леонтион и так далее. Элегия культивировалась и в кружке римских александрийцев; уже у Катулла мы видим две мифологические элегии, написанные в подражание александрийцам, но первым представителем субъективно-эротической элегии, расцветшей в обстановке распущенной жизни буржуазных классов общества, был любимец Августа Галл, префект Египта (69-26 гг.), который в своих элегиях, не сохранившихся до нас, воспевал под псевдонимом Ликориды известную актрису куртизанку Кифериду (любовницу Брута и Антония)[6].

Мы намеренно так подробно останавливаемся на литературе, ее зависимости от политики и стремления сгладить или обострить политические отношения, тем более, что в период сталинизма и КПСС в истории и теории литературы существовал совершенно другой метод.

[6] См.: Дератани Н.Ф. История древне – римской литературы. М., 1928, с. 65-73

§ 5. Политический кризис Римской империи и рост в единстве с ним духовного кризиса в литературе в форме архаизма

В истории человечества всегда существует единство экономического, политического и духовного кризиса. В Риме мы это видим очень наглядно в период его падения.

Социальное разложение в обстановке империи II века сильно сказалось на развитии римской литературы. При императорах династии Антонинов творческая мысль почти иссякла.

Тогда естественно было обращение к изучению старого, и если в первом веке н.э. реакция против модного стиля выразилась в романтическом стремлении передовой интеллигенции к восстановлению стиля времени Цицерона, то теперь простоту и естественность литературе пытались сообщить путем воскрешения древнейшего языка и оборотов эпохи Плавта, Луцилия и других. Этот римский архаизм второго века находился в тесной связи с сильным греческим влиянием, которое испытывал в эту эпоху Рим: Италия была наводнена греческими риторами и декламаторами-софистами, которые в городах произносили свои блестящие высокопарные речи, собирая громадную аудиторию. В Греции это была эпоха так называемой «второй софистики», которая явилась результатом увлечения старыми аттическими писателями и софистикой V века до н.э. Рим был охвачен грекоманией; характерно, что сами императоры писали часто по-гречески. Кроме того, в связи с ослаблением литературного творчества, во втором веке наблюдается переход литературного центра из Рима в романизованные провинции: уже в первом веке Испания явилась поставщицей литературных сил, теперь выдвигается Африка и затем Галлия.

Типичным идеологом нового архаизирующего направления был придворный писатель - ритор, учитель Марка Аврелия, африканец Фронтон. Сохранившиеся сочинения его («О красноречии» и другие отрывки) ясно показывают, что архаизация была совершенно негодным средством для достижения цели, к которой он стремился, - упрощения стиля. Набор старинных выражений, педантичный академизм, ограниченность (похвала дыму, пыли) - вот характерные особенности его сочинений.

В связи с архаизмом, понятно, усиливаются всякие антикварные, грамматические и филологические изыскания в области древней литературы. Ярким выражением этого крохоборства и узости полета мысли является дошедшей до нас сборник Авла Геллия, названный «Аттические ночи». Это собрание множества заметок, которые, по словам автора, он делал по ночам во время пребывания своего в Афинах: автора занимают вопросы риторические, археологические, грамматические и другие. Для нас этот сборник важен в том отношении, что он сохранил нам много отрывков из тех писателей, произведения которых до нас не дошли.

Пессимизм, растерянность передовой, философски образованной интеллигенции усиливаются. В «Думах» императора - стоика Марка Аврелия мы наблюдаем, пожалуй, еще большую мрачность мировоззрения, чем какую мы видели у философа Сенеки. Император - философ не нашел счастья ни в чем: ни в богатстве, ни во славе, ни в наслаждениях, ни в умственной работе и с нетерпением ждет смерти. Интеллигенция в поисках счастья и утешения начинает бросаться от одной философской системы к другой и, разочарованная, впадает в полный скептицизм. На этой почве развивается мистика, суеверия, разные оккультные науки, вера в волшебство и чародейство, искания сверхъестественных путей к счастью.

Разбираемая нами эпоха как нельзя более ярко отразилась в произведениях самого талантливого писателя II века Апулея. Он происходил из Африки и принадлежал к знатному роду; он много путешествовал в целях самообразования по Востоку, Греции и Италии. Он прослыл не только философом, но и магом и волшебником; когда он в Африке женился на одной богатой вдове, то ее сын возбудил против него обвинение в волшебстве, утверждая, что он приворожил его мать. Защитительная речь Апулея «В свою защиту о магии» - единственная из судебных речей, дошедшая до нас от того времени, ярко отражает суеверия

эпохи. В Карфагене Апулей выступал как декламатор и софист, - сохранились отрывки его декламаций самого разнообразного содержания. Как философ-идеалист, он увлекался Аристотелем, Платоном и Пифагором, и свои философские изыскания популяризировал в ряде философских трактатов.

Но главное сочинение, которым Апулей составил себе имя в мировой литературе, это его роман «Метаморфозы», или «Золотой осел». Этот роман проникнут мистикой, оккультизмом и восточной фантастикой. Герой его - грек из Коринфа, Люций, желая научиться магии, отправляется в Фессалию, в страну чудес и волшебства, где, как говорили, волшебницы превращали людей в животных и воскрешали мертвых. В Фессалии Люций случайно останавливается в доме одной волшебницы, где ее служанка, намереваясь превратить его в птицу, по ошибке превращает в осла. Весь интерес романа и сосредоточивается на всевозможных приключениях этого осла; он попадает из рук в руки, из страны в страну, пока, наконец, богиня Изида, снисходя к его мольбам, не возвращает ему образ человека. Среди своих злоключений Люций в образе осла, между прочим, попадает в вертеп разбойников, и тут слышит, как одна старуха в утешение невесты, похищенной у жениха, рассказывает ей о любви Амура и Психеи. Эта длинная новелла-сказка составляет лучшее украшение всего романа; она вдохновляла не только позднейших писателей (Лафонтена), но и знаменитых художников (Рафаэля, Андж. Кауфман, Канову). В ней рассказывается, как бог любви Амур влюбился в девушку Психею, и как после долгих перипетий Психея получила бессмертие и на небе состоялось ее бракосочетание с Амуром.

Апулей в своем романе далеко не оригинален. В основе романа лежит ионийская новелла; мало того, есть данные предполагать, что Апулей прямо заимствовал сюжет из определенного греческого источника. Однако он значительно расширил его и вообще подверг значительной переработке. Стиль романа Апулей, как и произведений других африканцев, все тот же «азиатский», модный стиль эпохи, под жарким солнцем Африки, среди восточной неги, достигший еще большей искусственности, витиеватости и слащавости.

Историография, после блестящих успехов в этой области Тацита, во втором веке опять приобретает характер придворного писательства и сосредоточивает свой интерес не на обществе, а на личностях. Секретарь Адриана, Светоний Транквилл, пишет дошедшие до нас «Жизнеописания двенадцати цезарей» - от Юлия Цезаря до Домициана включительно. Автор, не обращая внимания на жизнь общества, подробно описывает жизнь отдельных императоров. Он вскрывает все закулисные придворные тайны, входит в подробности интимной жизни правителей, по временам обращая свой рассказ в настоящую «скандальную хронику». В итоге получились лишь занимательные рассказы для легкого чтения, которыми особенно увлекались в средние века и в эпоху «Возрождения».

После династии Антонинов римская империя продолжала существовать еще 400-500 лет, но уже в состоянии полного упадка и разложения. В таком же состоянии находилась и римская литература.

Поэзия начинает сводиться к версификаторству и стихотворному фокусничеству. За отсутствием изобретательности, вкуса и таланта, стараются самые сухие прозаические вещи облекать в стихотворную форму; излагают стихами географию, медицину, риторику, а один христианский священник в V в. изложил в стихах даже евангельские рассказы. Входят в моду всякие фокусы версификации, например, составление, так называемых центонов, то есть стихотворений, написанных по известному хитрому принципу из отрывков стихов древних поэтов, сочинение стихов с анаграммами и тому подобное. Из настоящих поэтов заслуживают упоминания эпик Клавдиан (VI-V в.), написавший известное «Похищение Прозерпины», и Авзоний (VI в.), оставивший, между прочем, описание своего путешествия по реке Мозелю («Мозелля»).

В Галлии с конца III в. оживает красноречие, которое, однако, скоро извращается, выливаясь лишь в напыщенные, полные лести панегирики императорам.

Историография выражается либо в панегирических биографиях императоров, либо в сокращениях и компиляциях трудов прежних историков.[7]

§ 6. Влияние имперской диктатуры, упадка производства, стеснения свободы слова на характер литературы и зарождение в ней оппозиции

Со смертью Августа, в 14 г. н. эры, открывается начальный период римской империи, простирающийся приблизительно до правления Адриана (117 г.). Этот период уже носит все признаки упадка и разложения, однако разрушительные социально-политические условия, в это время еще не успевают вполне оказать своего влияния, как в последующие века, и оставляют некоторую возможность умственного подъема и развития талантов, проявивших себя в области литературы. Девять императоров последовательно правили в эту эпоху, не считая 69 г., когда в один год сменились три императора (Гальба, Отон и Вителий): с прекращением после Нерона династии Юлиев (Тиберий – 14-37 гг., Калигула – 37-44 гг., Клавдий – 44-54 гг., Нерон – 54-68 гг.) в правление вступает династия Флавиев (Веспасиан – 69-79 гг., Тит – 79-81 гг., Домициан – 81-96 гг.), за которой идут Антонины (Нерва – 96-98гг., Траян – 98-117 гг.).

Уже при Августе наметились новые социально-политические условия; гораздо в более резкой форме они сказались при последующих императорах. Если при Августе была стеснена республиканская свобода, то уже при Тиберии императорская власть превращается в настоящий деспотизм: упраздняется народное собрание, усиливается система доносов, действующих на основании нового закона «об оскорблении величества». Гнет деспотизма постоянно вызывал скрытую оппозицию в обществе, которая временами выступала и открыто: выражалась в убийствах ряда императоров, в придворных бунтах и заговорах, в восстаниях в войсках, которые в 68-69 гг. сажают на престол своих ставленников и впоследствии играют решающую роль в «смутах III в.». С другой стороны, с усилением деспотизма достигла колоссальных размеров лесть, переходившая в раболепие и пресмыкание не только сената, но и широких классов общества перед императорами. В экономическом и культурном отношениях мы, правда, наблюдаем при первых императорах некоторый подъем: сильно развивается промышленность. Вследствие расширения торговли является необходимость в устройстве сети новых дорого, которые облегчают и оживляют сношения с отдаленными странами; строятся новые города; романская культура распространяется по всей империи до Британии и центральной Африки, до Испании и реки Эфрата; Рим украшается новыми колоссальными зданиями. Указанный подъем можно объяснить тем, что с началом империи в Риме водворился на время «гражданский мир», а внешние пограничные войны, которые с некоторыми перерывами велись при первых императорах, были довольно успешны. Тем не менее, социальные противоречия в римском обществе продолжают обостряться. Развитие римского капитализма в связи с подъемом торговли еще более усилило экономическую дифференциацию общества: с одной стороны мы видим крупно-капиталистический класс денежной аристократии, к которой примыкали разбогатевшие на торговых и денежных аферах грубые вольноотпущенники, достигавшие иногда прямо сказочного богатства и имевшие большое влияние при некоторых императорах, а с другой - нищенствующий, живущий подачками свободный и невольнический пролетариат. К пролетариату примыкала и интеллигентская деклассированная богема: мелкие адвокаты, старые школьные учителя, ютившиеся в тесных каморках, литераторы и риторы, сидевшие без куска хлеба; к ним присоединялись опустившиеся нобили и разорившиеся капиталисты. Все те, которые принуждены, были обивать пороги богачей и жить попрошайничеством. Средний класс мелкой и средней буржуазии - торговцев, ремесленников, мелких помещиков - был немногочислен.

[7] См.: Дератани Н.Ф. История древне – римской литературы. М., 1928, с. 96-99

Все эти социально-политические условия отразились и на характере литературы этой эпохи.

При крайнем стеснении свободы слова, когда преследовались даже «разговоры пьяных», возникает оппозиционная литература: появляются, между прочим, сатирические памфлеты, едкие стихи, направленные против ненавистного режима. Впечатление от этих произведений усиливалось выразительным их чтением в читальных залах, которые в эпоху империи стали излюбленным местом оппозиции. Другим излюбленным местом литературной оппозиции была, как и при Августе, риторическая школа: упражнения в декламации были удобным предлогом для целых тирад против режима империи: выступление против «свирепых тиранов» встречались там шумными аплодисментами. Недаром императоры Калигула и Домициан подвергли изгнанию некоторых риторов за их смелые оппозиционные речи. Далее оппозиционный дух таила в себе популярная в то время философия стоицизма, отчасти и эпикуреизм. Эта философия, проповедуя жизнь на лоне природы, была приемлема и в среде пресытившегося жизнью капиталистического класса, и в среде философски образованной либеральной интеллигенции, которая под влиянием названной философии еще более укрепляла в себе романтические идеалы республиканского прошлого и тихой сельской жизни. Таким путем в римскую литературу вливались сатирический и оппозиционный элементы, которые выступали то сильнее, то слабее и замаскированнее, в зависимости от степени политического гнета. Мы видели, что уже при Августе блестящая вычурная форма, в которую облекалось придушенное красноречие, стала распространяться и на остальную литературу; постепенно, под влиянием все усиливавшегося стеснения литературного творчества, этот витиеватый стиль, при котором форма заслоняла содержание, делается господствующим. Этот стиль укрепился не только в силу политического режима империи, но и потому, что он отвечал общему стилю эпохи, вызванному создавшимися социально-экономическими условиями, при которых от искусства, пришедшего на службу к капиталистам, требовали щекотания чувственности и внешних эффектов. При таких условиях ярко выступают сложность и вычурность стиля, очень напоминающие искусство Греции IV-III вв. до н.э.

Этот стиль, проникший сначала в красноречие, в области изящной словесности был тем же греческим «азианским» (азиатским) стилем, возникшим в греческих городах Малой Азии в эпоху их торгового капитализма.

Культ всякой мишуры и внешнего эффекта в области литературы давал разве только тот плюс, что содействовал усовершенствованию техники стиха и развитию своеобразного эстетизма формы, в остальных же отношениях он явился причиной упадка литературы.

Писательский зуд не ослабел и после Августа; императоры из тщеславия покровительствовали литературе, но, благодаря погоне за внешним эффектом, в читальных залах часто получали одобрение публики бездарности, сумевшие блеснуть лишь внешней формой, и, наоборот, иногда стушевывались таланты. Да и императоры, которые сами, как, например, Нерон, считали себя поэтами, устраивая литературные состязания, завидовали талантам и препятствовали их победе.

Кроме того, господство и гнет капитализма, стесняя свободу литературного творчества, также много содействовали постепенному упадку литературы. Если сравнительно немногочисленные придворные писатели всецело зависели от милостей императора, то широкие писательские круги поставлены были в зависимое положение от капитала. Принадлежа к мало обеспеченной интеллигенции, они обыкновенно принуждены были искать милостей у богатых людей, желавших прослыть покровителями искусств. Таким образом, поэт делался наемником богача и должен был писать лишь по его заказу и лишь в угоду его вкусам.

Тем не менее, несмотря на все признаки упадка, литература в течение первых ста лет после Августа далеко не замирает: почти смолкает лишь чистая лирика и элегия; сатира же и эпос продолжают находить многих представителей, а эпиграмма даже выдвигает одного из самых крупных поэтов этого рода - Марциала. В области художественной прозы выдвигается колосс художественной римской историографии - Тацит.

Переходя к оппозиционной литературе, мы рассмотрим сначала такие литературные произведения, в которых оппозиция составляет их основу.

Затаенной оппозицией проникнуты басни Федра. Федр - грек, родом из Македонии, раб, привезенный еще при Августе в Рим. Он прекрасно изучил латинский язык и, отпущенный на свободу, решил передать латинскими стихами греческие басни, составление которых приписывается Эзопу. Басни Федра составили сборник в пяти книгах. Федр очень мало оригинален, довольно сух и прозаичен, но греческие басни он изложил легким латинским стихом (шестистопный ямб). Что касается его нападок на современность, то их можно отметить только в первых двух книгах. Уже в третьей и четвертой книге тот же «злой Федр», вероятно, поплатившись за свои выпады, униженно обращается к двум богатым и влиятельным вольноотпущенникам императоров Калигулы и Клавдия с просьбой прочесть его басни. Басни Федра проникнуты психологией забитого бедного раба, жившего в обстановке крайнего обострения социальных противоречий. Любопытно, что богатая римская знать считала для себя унизительным читать басни Федра; но в новое время их любили: их переделывал Лафонтен, Крылов и другие баснописцы.

Оппозиция нашла себе выражение и в сатире. Философская оппозиция вполне отразилась при Нероне в сатирах Персия. Молодой человек (умерший 28 лет от роду, в 62 г.), принадлежавший к богатому классу, имевший виллу в Этрурии на берегу моря и оставивший большой капитал, Персий увлекся модной стоической философией и, по примеру Луцилия, осмеивал в своих, дошедших до нас, сатирах пороки общества с точки зрения идеалов стоицизма. Однако здесь мы не видим не только смелых выпадов Луцилия, не только жизненного опыта Горация, но даже и реального изображения современного Персию общества. Те пороки, которые юный идеалист Персий противополагает моральному идеалу стоицизма, нося общечеловеческий характер, не являются характерными для римского общества. Написанные темным языком и гекзаметрами сатиры Персия имеют форму «диатрибы», то есть философского диалога, в котором актер приводит и свои доводы, и аргументы мнимого собеседника, которому он возражает.

К сатире времени Нерона можно отнести и сатиру на умершего императора Клавдия, написанную в угоду Нерону придворным философом и воспитателем императора, богачом Сенекой. Нерон не любил Клавдия за то, что тот слишком возвысил богатых выскочек из вольноотпущенников, и поэтому отменил установленный апофеоз (обожествление) своего предшественника. Сенека как угодливый царедворец пишет злую сатиру, в которой едко высмеивает это несостоявшееся «обожествление», заменив его в насмешку словом «отыквление», то есть обращение в тыкву (тыква - символ глупости). Здесь, судя по сохранившейся части, рассказывается, как Клавдий, испустив, наконец, дух, является на небо, и как происходит над ним суд богов, присуждающий ему наказание за его вредную деятельность.

С облегчением политического режима после деспотии Домициана литература могла заговорить свободнее. Этим и объясняется то, что в это время могли появиться сатиры Ювенала. Последний не был озлобленным голодным пролетарием: сын зажиточного вольноотпущенника, он имел, по-видимому, два имения и мог жить безбедно. Источником его саркастической сатиры было раздражение против римской денежной аристократии, не оказавшей ему как клиенту надлежащего покровительства. Ювенал начал писать года через четыре после смерти Домициана (около 100 г.). Сохранилось шестнадцать его сатир, причем для нас важны особенно первые девять; остальные написаны уже в старости и представляют лишь декламации моралистического характера. В сатирах Ювенала, как в зеркале, чрезвычайно реально отразились все отрицательные стороны римского капиталистического общества времени Домициана. Против этого общества и обрушивается желчный сатирик со всем присущим ему сарказмом. Ярко изображает Ювенал силу денег в Риме: богатый всегда пользуется почетом; капитал – это бог; остается только в честь его строить храмы! Честным трудом не проживешь в Риме. Ювенал рисует печальную жизнь пролетария в столице, принужденного ютиться на чердаках и часто погибающего от пожаров, а также не менее «сладкую» жизнь интеллигентской богемы, в которой вращался сам автор: бедных

адвокатов, поэтов, риторов. Перед нами проходят картины чудовищного разврата мужчин и женщин господствующего класса; изображается классовое высокомерие богачей, причем выставляется вся уродливость института клиентелы и так далее. Но, в общем, Ювенал, как и большинство интеллигенции его времени, смотрит на мир через очки все той же идеалистической морали, которая так ярко выразилась у Персия. Сатиры Ювенала реторизированы в модном стиле, а более поздние из них представляют чистую моралистическую декламацию.

Ювенала всегда ценили как источник для истории римского общества; Шиллер ставил его рядом со Свифтом и Руссо.

Сатирический элемент носила и эпиграмма. Она, как мы видели, поддерживалась самыми условиями жизни большого города, каким был Рим. Эпиграмма была в большой моде в домах римских богачей и магнатов; маленькое остроумно-заостренное и часто льстивое стихотворение вызывало их восторг; им скучны были длинные поэмы. Поэт Марциал довел эпиграмму до совершенства и этим составил себе имя в мировой литературе. Подобно многим своим собратьям из писательской интеллигенции, он должен был по приезде из Италии, где родился в правление Домициана, искать милостей и подачек у богатых вольноотпущенников, сам, нанимая квартиру где - то «под грушей». Для угождения вкусам своих богатых покровителей Марциал, охваченный вихрем впечатлений шумной столицы, и выбрал для их выражения эпиграмму. Среди его сочинений мы находим четырнадцать книг эпиграмм и одну книгу «О зрелищах», куда входят большею частью эпиграммы, касающиеся зрелищ в амфитеатре при Тите и Домициане. Двенадцатая и тринадцатая книги содержат эпиграммы в собственном смысле слова, вроде надписей на подарках, уносимых гостями из богатого дома; в остальных книгах заключаются большею частью эпиграммы сатирического характера. Марциал остроумно вышучивает бездарных риторов, авантюристов, обманутых мужей и тому подобное, при чем совершенно открыто рисует голый разврат, что, очевидно, было рассчитано на вкус современного ему буржуазно-аристократического класса. Неприятно действует типичная для эпохи Марциала его лесть Домициану, которому сами боги приносят жертвы, и при котором все пользуются неограниченной свободой.

Эпос в первый век империи все время находил себе представителей; длинная эпическая поэма, разукрашенная в модном стиле, была удобна для всякого, даже бездарного, поэта; он всегда мог заслужить одобрение публики каким-нибудь одним эффектным описанием или рассказом.

Видным эпиком времени Нерона был придворный поэт Лукан, родом из Испании, племянник философа Сенеки. Появление его поэмы в десяти книгах «О гражданской войне» (или «Фарсалия») было вызвано желанием угодить Нерону. Лукан поэтически описывает гражданскую войну Цезаря с Помпеем, в результате которой утвердилась императорская власть. Лукан выказывает себя ярым противником междоусобной войны и в первых трех книгах проявляет, в общем, беспристрастное отношение к Цезарю и Помпею, а в третьей выражает симпатии к последнему. Самолюбие Нерона было задето успехом первых трех книг поэмы, и Нерон запретил поэту продолжать поэму. Тем не менее, Лукан ее окончил, но, продолжая ее, он выразил свое резкое оппозиционное отношение к империи, смело, солидаризируясь с республикански настроенными радикальными слоями интеллигенции. Обвиненный в соучастии и заговоре офицерства во главе с Пизоном, поэт вместе с философом Сенекой должен был вскрыть себе вены в 65 году до н.э. Смелым новшеством в поэме Лукана является устранение богов от участия в ходе событий: этим приемом Лукан, быть может, пошел навстречу религиозному скептицизму общества. Это устранение богов придало поэме тот реализм, к которому автор стремиться и в своих, иногда до крайности растянутых описаниях, но которому противоречат длинные, построенные по риторическим схемам речи, влагаемые в уста изображаемых им лиц. Модный риторический стиль поэмы свидетельствует о принадлежности ее к эпохе упадка. Тем не менее, поэма Лукана имеет большое значение, являясь единственным дошедшим до нас поэтическим изображением гражданской войны конца республики. Лукана много читали, особенно, конечно,

оппозиционные круги общества, но его смелое новшество, выразившееся в устранении богов от вмешательства в развитие событий, считалось ересью: оно шло в разрезе с торжественными тоном, считавшимся необходимым в поэме и вполне гармонировавшим с модным вычурным стилем. Любимый царедворец Нерона, Петроний, в своем романе, желая угодить недовольному императору, отразил господствовавший в то время взгляд на эпос, подвергнув резкой критике исторический реализм Лукана. Поэту, по мнению Петрония, не следует излагать события, - это гораздо лучше сделают историки; поэту «должны служить боги, чтобы казалось, что его произведения носят скорее вдохновенный пророческий бред, чем достоверное показание, подтверждаемое свидетелями». И Петроний приводит образец «настоящей», то есть шаблонной, обработки той же поэмы «О гражданской войне», где выводится и Плутон, и Мегера, и Кровавый Ужас, и Фортуна, и прочие чудовища.

Мифология продолжает занимать видное место в тех бесчисленных поэмах, которые появлялись в I веке н.э. Силий Италик, консул на покое, пишет в честь Домициана поэму о второй пунической войне (в семнадцати книгах), в которой боги принимают живое участие в изображаемых событиях. Юнона покровительствует карфагенянам, Венера - римлянам, а Юпитер руководит всеми их столкновениями и так далее. Под влиянием морской экспедиции Веспасиана в Британию Валерий Флакк в своей поэме «Аргонавтика» (восемь книг) прославляет аргонавтов - этих первых мифологических мореплавателей: он переделывает и облекает в новый модный стиль одноименную греческую поэму александрийца Аполлония Родосского; излишний пафос, риторическая мишура, речи героев - вот ее особенности.

В том же духе пишет при Домициане Стаций, принадлежавший, по-видимому, к мало обеспеченной интеллигенции. Его поэма «Фиваида» (двенадцать книг), посвященная Домициану, имеет сюжетом мифологическую борьбу из-за греческого города Фив между братьями Этеоклом и Полиником. Другая поэма «Ахиллеида» (автор успел написать только две книги) воспевает жизнь гомеровского героя Ахилла. В той и другой поэме бьет в глаза низкая лесть Домициану. От Стация до нас дошли еще небольшие, иногда очень изящные стихотворения (так называемые «Леса», то есть сырье материалы), носящие случайный характер и написанные по заказу самого императора и тех влиятельных и богатых лиц, перед которыми в силу социальных условий должен был заискивать поэт; здесь встречаются брачные стихи, на день рождения, напутствия, реалистические описания богатых вилл и тому подобное; необходимо отметить стихотворение, написанное по случаю освещения известной конной статуи Домициана, исполненное лести императору.

Драма в первый век империи не получила большого развития. В театре продолжали ставить мимы, которые теперь обратились в пантомиму без слов, часто очень скабрезного характера, сообразно испорченным вкусам развращенного римского общества. При Тиберии возрождается ателлана, которая продолжает существовать и при последующих императорах, все время, играя роль некоторой оппозиции новому режиму, несмотря на все гонение на ателланистов со стороны императора. И на трагедию распространился модный стиль. В новой оболочке трагедия била больше на внешний эффект, чем на внутреннее развитие действия; ее писали лишь для прочтения перед публикой в читальном зале, а не для исполнения на сцене. Такой характер представляют дошедшие до нас от времени Нерона девять трагедий придворного философа Сенеки, который как самый яркий выразитель модного стиля решил испытать его действия в драматической поэзии; в своих трагедиях он пытается высказывать и свои философско-политические взгляды. Заглавия его трагедий следующие: «Неистовый Геракл», «Троянки», «Медея», «Федра», «Эдин», «Агамемнон», «Тиэст», «Геркулес Этейский», «Финикиянки». Он берет наиболее захватывающие сюжеты из греческих классических трагедий и мастерит из них трагедии в модном реторизирующем духе: монологи из них - патетическая декламация, пересыпанная сентенциями. Действующие лица в трагедиях Сенеки не живые люди, а отвлеченные образы. В уста этих действующих лиц автор, прибегая к намекам, влагает слова протеста против жестокой тирании своего бывшего воспитанника, Нерона, и противополагает тирании стоический идеал «справедливого» монарха. Хоры трагедий развивают стоико-эпикурейский идеал простоты и

смирения. Как ни слабы эти трагедии, но в XVI в., благодаря незнакомству тогдашнего европейского общества с греческими образцами, они, по-видимому, оказали влияние на Шекспира и Кальдерона, и ими отчасти пользовались ложно - классики - Корнель и Расин.

Уже после смерти Сенеки и Нерона появилась историческая трагедия неизвестного автора – «Октавия». Ее сюжет - трагическая судьба Октавии, первой жены Нерона, которую император, задумав жениться на Поппее, ссылает сначала в Кампанию, а потом на остров Пандатерию, где она умерщвлена. Центральная личность трагедии не Октавия, а Нерон; судьба Октавии дала философски образованному автору трагедии лишь канву для того, чтобы изобразить Нерона типичным тираном и вынести обвинительный приговор его деятельности.

Продолжающееся развитие романтики способствовало сохранению буколической поэзии и в I веке н.э. Поэт Кальпурний (вероятно, времени Нерона) в своих семи сохранившихся эклогах подражает буколикам Феокрита и Вергилия.

Дидактическая поэзия нашла себе выражение в поэме «Этна» (640 гекзаметров), которая явилась результатом интереса к точным наукам. Автор ее, хотя и не совсем забывает богов, однако, при объяснении извержений горы Этны отказывается от всякой мифологии. Заброшенность земледелия и мелкого сельского хозяйства вызывает появление в середине первого века дидактического тракта испанского помещика Колумеллы (в 12 книгах) «О сельском хозяйстве».

С развитием капитализма и утонченной роскоши своеобразная реакция охватила капиталистический, особенно придворно-аристократический класс. Пресытившиеся утонченными наслаждениями, получив отвращение ко всему изящному и изысканному, богачи стали искать отдыха в простоте и безыскусственности: их потянуло на лоно природы. Они стали держать в своих домах стоиков в качестве наставников жизни. Среди пышных зал дворца появилась «комната бедняка», где пресыщенные богачи ели на полу из простых глиняных сосудов. Возникает настоящее «хождение в народ», конечно, не для идейного сближения с массой, а для созерцания деревенской жизни.

В своем романе «Сатирикон» любимый царедворец Нерона, «судья изящного», разочарованный эпикуреец Петроний, желая позабавить Нерона и его присных, изобразил целый ряд сцен и приключений часто в высшей степени грубого, скабрезного свойства. В этом романе Петроний выставил на посмешище грубых, малообразованных богатых вольноотпущенников, которые приобрели громадное влияние при императоре Клавдии и которых презирал и побаивался Нерон, кичившийся своим аристократизмом. Отсюда понятно, почему центральной фигурой, выведенной в «Сатириконе», является грубый проходимец, богач-вольноотпущенник Тримальхион, а центральным эпизодом, подробное знаменитое описание пира этого Тримальхиона.

Сюжетом романа служит приключения проходимца-грека Энколпия, его друга Аскилта, их общего любовника мальчика Гитона и позднее присоединившегося к этой милой компании старого поэта Эвмолпа. Главной причиной успеха этого романа был его грубый реализм. Течение романа прерывается рядом новелл, из которых новелла об эфесской матроне, отдавшейся солдату в склепе, где был похоронен ее муж, пользовалась впоследствии большой популярностью и вызвала ряд подражаний.

В основе романа Петрония лежит ионийская новелла; форма романа - «Мениппова сатура», то есть смесь прозы и стихов, пропитанных сатирическим духом. Роман Петрония пользовался популярностью во всех странах, а пир Тримальхиона в начале XVIII ст. был даже поставлен на сцене во время карнавала в Ганновере.[8]

[8] См.: Дератани Н.Ф. История древне – римской литературы. М., 1928, с. 78 - 89

§ 7. Римская архитектура, ее единство и различие с греческой и мировой архитектурой будущего

В истории искусства невозможно оставить без внимания развитие греческой и римской архитектуры, оставивших неизгладимый след в развитии общечеловеческой архитектуры, как и во всем искусстве. Глубже всего эта тема исследована научным методом в трехтомной работе Н.И. Брунова.

Ступени, по которым идет восходящее развитие архитектуры (всякого другого искусства, и всей культуры в целом, эволюция которой обусловлена развитием социальных и экономических причин), не следует отожествлять с художественным качеством архитектурных произведений. Прогрессивное развитие архитектуры по ступеням вовсе не обозначает, что отдельные произведения высшей ступени лучше отдельных произведений низшей ступени. Произведения, стоящие на более низкой ступени развития архитектуры бывают, тем не менее, в смысле художественного качества более высокие, чем другие произведения, которые стоят на более высокой ступени развития архитектуры, - это обычное явление в истории зодчества. Качественно более высокие и менее высокие произведения различных эпох одинаково совершенны по своему художественному качеству. С другой стороны, понимание архитектором прогрессивного развития архитектуры и того места, которое его собственное творчество занимает в поступательном историческом развитии архитектуры, то есть другими словами, включение собственного творчества в общее ступенчатое развитие зодчества и дальнейшее продвижение этого развития, не ведет еще непременно к созданию качественно – высоких произведений архитектуры. Но для всех эпох и времен это включение в прогрессивное развитие архитектуры, то есть движение вперед на основе всего уже достигнутого человечеством, является необходимым условием, без соблюдения которого невозможны большие настоящие и качественно совершенные произведения архитектуры.

Очень распространено ложное мнение, что римская архитектура была эклектичной, что она не создала почти никаких новых ценностей и жила главным образом заимствованиями из Греции. При этом обычно хвалят в римлянах их практическую смету, организаторские способности, военную доблесть, но добавляют, что в области духовной культуры они сами были побеждены окончательно покоренными ими в 146 году до н. э. греками.

Римская архитектура создала очень много нового и имеет сама по себе огромное значение для истории мировой архитектуры. Греческая и римская архитектуры тесно связанны между собой, так как и Рим был рабовладельческим государством, в котором тоже господствовал торгово-промышленно-рабовладельческий класс. Правда, в ранний период развития Римской империи влияние греческой архитектуры было настолько сильно, что для этого времени нужно скорее говорить об эллинистической архитектуре на почве Италии, так как самостоятельные римские черты вырисовываются еще очень слабо. Но с превращением Рима в последней четверти I века до н.э. из демократической республики в монархию вся римская культура и вся римская архитектура приобретают свое ярко выраженное самостоятельное лицо. Центр всей культурной жизни переносится в столицу гигантской мировой империи, где складываются главные архитектурные направления и стили, где скрещиваются между собой основные архитектурные идеи. Как мировой культурный центр Рим наследует положение эллинистической Александрии и классических Афин. Конец I века и II век н.э. являются порой наибольшего блеска Римской империи и наивысшего расцвета ее архитектуры. И в это же время уже зарождается и все сильнее начинает развиваться процесс феодализма Римской империи, который особенно усилился после грандиозного экономического кризиса, развившегося в III веке. В начале IV века, когда христианство стало государственной религией, процесс феодализации уже сильно продвинулся вперед. Но закончился он только в VI веке, в эпоху окончательного оформления Византийской империи - феодально-теокра-тической (основанной на религии) монархии, которая стала

непосредственной преемницей рабовладельческого Рима. Уже в конце III века Римская империя была разделена на две половины - западную и восточную, - причем восточная половина все росла и увеличивалась, пока она не подчинила себе пришедшей постепенно в силу ряда причин в полный упадок западной половины Римской империи. Византийская империя является первым государственным образованием европейского феодализма. Взаимное соотношение греческой и римской архитектуры особенно ясно проявляется в том, что уже в I веке, а особенно во II веке н.э. зодчество всего бывшего греческого Востока является отражением, с известными местными вариациями, тех направлений и тенденций, которые из Рима радиально распространяются по всей империи. Еще в IV веке Рим играет в области архитектуры ведущую роль. Но уже в V веке начинает выдвигаться новая мировая столица, преемница Рима - Константинополь на Босфоре, который, начиная с VI века, становится ведущим в области архитектуры. Теперь уже влияние Константинополя распространяется во все стороны и проникает до самых отдаленных углов Византийской империи, не говоря уже об Италии, наиболее передовая архитектура которой в это время целиком зависит от Византии.

Римская архитектура представляет для нас совершенно особый интерес, потому что это первый пример всестороннего использования греческого архитектурного наследства. Римскую архитектуру можно назвать первым «ренессансом» (возрождением), так как она представляет собой адекватное понимание и творческую переработку греческой архитектурной мысли, ее преодоление и движение вперед по пути прогрессивного развития мировой архитектуры. В противоположность некоторым восточным странам, которые тоже приняли греческое и римское архитектурное наследие, но не пошли дальше по большому пути развития мирового зодчества, а перетолковали греческое и римское наследие с точки зрения идеологических предпосылок восточно-деспотического государства, каковыми они и были. Сюда относится главным образом персидская и мусульманская архитектура. Очень характерна мечеть в Кордове, в которой колонна, заимствованная, в конечном счете, из греческой архитектуры, утеряла самое основное свойство греческой колонны - образ человеческой индивидуальности - и, подобно подпорам в восточно-деспотической архитектуре, совершенно растворяется в лесе колонн, теряясь в грандиозном целом. В противоположность этому римская архитектура строит дальше на фундаменте, заложенном греками. Это движение вперед сказывается уже в том, что в Риме греческий ордер пережил третью фазу своего развития. Первую фазу мы наблюдали в классический период, когда зритель мысленно сливается с монументальной колонной, вторую фазу в эллинистическое время, когда ордер давал раму вокруг реального человека. Но в обоих случаях ордер свободно стоял в окружающем его пространстве. Уже в эллинистическую эпоху встречаются отдельные довольно редкие примеры, когда ордеры приставлены к сплошным стенам. Но при этом обыкновенно главный акцент лежит все же на самом ордере, а стена понимается как заполнение пространства между колоннами (отдельные случаи этого мы знаем даже еще в классическую и архаическую эпохи). И только в Риме последовательно проводится совершенно новое понимание греческого ордера: он расчленяет массу, которая стоит по своему значению с ордером, а в некоторых случаях становится важнее его.

Для Рима характерен гораздо более крупный размах строительства, чем в Греции. По сравнению с маленькими греческими зданиями, римские сооружения кажутся грандиозными. По размерам они напоминают произведения восточно-деспотической архитектуры. Однако в своем назначении и формальной трактовке они продолжают греческую архитектуру. Все же Рим перенимает некоторые идеи и из восточно-деспотической архитектуры. В Риме впервые намечается синтез принципов восточно-деспотического и греческого зодчества. В римской архитектуре восточный количественный стиль повышается при помощи греческого наследия на ступень выше путем очеловечения грандиозных масс.

В истории архитектуры Рим первый создал огромные общественные монументальные здания светского назначения, как амфитеатры, термы, базилики. Греческие монументальные

здания носили характер культовый (храмы), а греческие светские общественные здания (театры и другие) не были монументальными.

Но особенно важным для всего дальнейшего развития мировой архитектуры является открытие и разработка в римском зодчестве замкнутого внутреннего пространства. Греческий театр удваивают и поднимают над поверхностью земли в виде монументальной наружной массы - получается амфитеатр, Колоссей, который имеет внутри всестороннее ограниченное пространственное ядро. В Пантеоне внутреннее пространство замыкается и сверху. В связи с новым пространственным ядром стоит художественная и техническая разработка в римской архитектуре массивной оболочки, которая его охватывает. Замечательно техническое и конструктивное изображение римских архитекторов - бетонная техника, называемая «конкретная система».

От внутреннего пространства римского зодчества начинается новая большая линия архитектурного развития, которая ведет через византийскую и романо-готическую архитектуру к ренессансу. Однако внутреннее пространственное ядро в римской архитектуре еще носит характер неоформленности. Архитекторы Рима еще не справляются с открытым им внутренним пространством. Путь до ренессанса еще очень далек. Внутреннее пространство в римской архитектуре еще не вполне отделяется о пространства природы, композиция наружных масс продолжает играть большую самостоятельную роль. Прежде чем оно превратилось в очеловеченное внутреннее пространство ренессанса, открытое римлянами внутреннее пространственное ядро было феодализированно в византийской и готической архитектурах, наполнивших его религиозно-мистическим содержанием.

Основное значение рабовладельческих государств - Греции и Рима - в истории архитектуры состоит в том, что они, в связи с общей дифференциацией культуры, освободили архитектуру от религии и отделили ее от других смежных областей культуры, искусства и пространственных искусств, найдя в тектонике спецификум архитектуры как искусства и создав теорию архитектуры. Архитектура в Греции и Риме была построена на основе человеческого тела.

Архитектура Греции перекроила по человеческой мерке наружные массы здания, создав ордер, который является в своем роде совершенным решением оформления наружных масс здания на основе человеческого тела, удержавшимся до наших дней и в течение 2500 лет не утратившим своего значения.

Исходя из человека, римское зодчество открыло замкнутое внутреннее архитектурное пространство, противоположное безграничному пространству природы, и вплотную подошло к построению внутреннего пространства по человеческой мерке и к проблеме этажа.

Обнаружившийся в Риме процесс феодализации, приведший к образованию феодальной византийской монархии, временно подчинил архитектуру религиозно – мистической феодальной идеологии в византийском зодчестве, которая, однако, базируется одновременно и на греко-римской тектонике и теории. В византийской архитектуре греко-римская колонна все время играет существенную роль, а центральной проблемой является замкнутое внутреннее пространство, которое в константинопольской архитектуре VI века преодолевает унаследованную от зодчества Греции и Рима пластическую оболочку, а в X-XII веках членится на взаимоподчиненные ячейки, которые образуют пространственную группу. На пространственной группе базируется в дальнейшем архитектура ренессанса (корни архитектуры ренессанса уходят, кроме того, и непосредственно в римское зодчество, а также в архитектуру романскую и готическую).

Но об этом мы будем говорить ниже и на основании все тех же томов Н.И. Брунова.

Римская архитектура значительно менее цельна, чем греческая. Это не значит, что греческое зодчество оставалось неизменным на протяжении своей многовековой истории. И архитектура древней Греции была в постоянном движении, и она, разрешая одни проблемы, уже ставила новые. Но в развитии греческой архитектуры был короткий период - время Перикла, - когда руководящим архитекторам Афин удалось разрешить одну из основных проблем архитектуры как искусства - очеловечение пластической массы здания, причем в

Парфеноне греческим зодчим удалось дать наиболее совершенный образец их искусства. Классическое греческое решение наружных масс здания легло в основу всего последующего мирового архитектурного развития. Но из классического решения вытекали новые композиционные проблемы, и дальнейшее развитие социально-экономических отношений привело к эволюции идеологии и архитектурных форм. В эллинистический период греческое зодчество уже было выведено из классического равновесия эпохи Перикла и двигалось по пути искания совершенно новых решений на основе архитектурного функционализма.

Рабовладельческий Рим осваивает греческое наследие и, вооруженный им, строит огромные общественные здания, вмещающие грандиозные человеческие массы. Это привело римских архитекторов к новой большой архитектурной проблеме, стоявшей вне круга вопросов как греческой, так и восточно-деспотической архитектуры: к оформлению замкнутого внутреннего архитектурного пространства, противополагаемого пространству природы. За римской архитектурой имеется огромная заслуга расширения горизонта архитектурного мышления открытием и постановкой проблемы внутреннего пространства, которую справедливо можно назвать главной проблемой архитектуры как искусства, затрагивающей наиболее специфические особенности зодчества, как самостоятельного вида человеческого творчества. Основная разница между греческой и римской архитектурой заключается в том, что греки в ордере дали на основе образа монументализированного человека и законов тектоники решение проблемы архитектурного тела, которое было в своей области совершенным и окончательным, в то время как римляне только поставили проблему внутреннего пространства, но не дали в ней такого завершающего и универсального решения. Только ренессанс разрешил задачу очеловечения внутреннего пространства, как греческая архитектура очеловечила массу. Со своей точки зрения ренессанс пересмотрел и заново перерешил и проблему архитектурного тела, подчинив его новой пространственной композиции и этим сняв предыдущее решение греков. Но для ренессанса это стало возможным только на основе достижений византийской и готической архитектуры, окончательно освободивших внутреннее архитектурное пространство от подчиненной роли по отношению к архитектурному телу.

Не следует недооценивать значения эллинистического функционализма для основного направления римской архитектурной мысли. Большие эллинистические театры на двадцать тысяч зрителей, стадионы, ипподромы, ансамбли городов и так далее расчистили дорогу римским зодчим. Подняв места для зрителей на высоких субструкциях, оформленных снаружи в виде монументальных зданий, римляне сделали, правда, сами решающий шаг. Но предпосылкой всего этого процесса, предпосылкой замкнутых римских пространств был эллинистический функционализм, в котором произошел важный сдвиг по сравнению с классической греческой архитектурой.

Два момента препятствовали овладению римскими архитекторами внутренним пространственными ядром так, как греки овладели наружной массой здания. Это – прежде всего огромное обаяние греческой культуры, которая одновременно была и необходимой предпосылкой, без которой не мыслима ни римская мировая империя, ни римская архитектура, и вместе с тем была и препятствием для дальнейшего развития, которого римляне не смогли преодолеть. В области архитектурной мысли это сказалось в пластичности греческой и римской архитектуры, в конкретной предметности мышления и в преобладании телесных форм над охватываемой ими полостью и над окутывающей их пространственной средой. Так, до самого IV века, когда процесс феодализации уже настолько продвинулся вперед, что рабовладельческий Рим превратился в Рим феодальный, во всех огромных сводчатых зданиях Рима, как бы ни было колоссально внутреннее пространство, над ним все-таки всегда доминирует массивная оболочка и расчленение ее поверхности. Телесная оболочка и расчленена, и тектонична, и очеловечена, а пространственное ядро подавляет своей неоформленностью и стихийностью, своей несоразмерностью с человеком. Это наблюдается даже там, где оболочка оформлена очень продуманно, цельно и гармонично, как, например, в Пантеоне и базилике Максенция. В римской архитектуре заключенное между материальными частями пространство является

скорее пустотой, несуществующей величиной, а реальны телесные формы. Нужно было освобождение пространства и превращение его не только в положительную величину, но и в главное содержание архитектуры, чтобы стал возможен ренессанс. Окончательное освобождение пространства произошло только в византийской архитектуре и в готике.

Другим моментом, отвлекавшим внимание римских архитекторов от проблемы очеловечения открытого ими замкнутого внутреннего пространства, был процесс феодализации Рима, который наложил глубокий отпечаток на все проявления римской культуры и в том числе в сильной степени и на архитектуру. Параллельно с возникновением и развитием архитектурной темы замкнутого внутреннего пространства идет зарождение и усиление религиозного его истолкования.

Из всех монументальных римских зданий Пантеон больше всего приближается по формальной законченности пространственной идеи к одному из совершенных решений замкнутого внутреннего пространства и занимает в этом смысле исключительное место в римской архитектуре, которое можно было бы сравнить только с местом, занимаемым в греческой архитектуре Парфеноном.

Но пантеон далек от классичности Парфенона. Пантеон полон непримиренных противоречий, сталкивающихся и борющихся друг с другом внутри его архитектурной формы, в то время как в Парфеноне противоречия примирены и уравновешены. Пантеон является черновым наброском пространственной идеи, классическое разрешение которой дадут архитекторы ренессанса. Из всех произведений римской архитектуры Пантеон ближе всего подошел к архитектуре ренессанса, и вместе с тем дальше всего от нее отошел - так как Пантеон по-восточному пещерен и мистичен, так как на трактовке его форм отразился зарождающийся процесс феодализации, так как в Пантеоне уже заложены идеи, которые со всей силой развернутся в насквозь феодальной Софии в Константинополе. И феодальная компонента накладывает свой отпечаток на весь аппарат ордеров и тектонических членений, которые из замкнутых и самодовлеющих, какими они были в Греции и какими они являются и в ренессансе, превратились в Пантеоне в активное средство преодоления восточного мистицизма, что придает им напряженную драматичность.

Тот факт, что римская монументальная архитектура возникла из потребности в хлебе и зрелищах низовой массы городского населения, которой правительству нужно было овладеть, чтобы сдержать социальный протест, определяет основное содержание римской архитектуры. Колоссальные светские общественные здания Рима совмещают в себе коллективный характер арочных и сводчатых форм, охватывающих собой большие людские массы и образ монументализированного человека - вождя, даваемый гигантскими ордерами, вырастающими из них и создающими огромные балдахины над воображаемыми монументализированными человеческими фигурами.[9]

§ 8. Историческая проза

Об историках эпохи гражданских войн — младших анналистах, Саллюстии, Цезаре — было сказано выше (стр. 311—313). Здесь только необходимо подчеркнуть их значение для выработки литературной прозы. Оно не меньше, чем значение политического и судебного красноречия. Проникшее в историографию через младшую анналистику влияние греческой риторики было преодолено такими крупнейшими мастерами стиля, как Саллюстии и Цезарь. Первый сделал это посредством тщательного изучения Фукидида и Катона и подражания им. Второй, благодаря своему огромному литературному и ораторскому таланту, благодаря трезвости и ясности своего рационалистического ума, сумел создать непревзойденные образцы латинской прозы. Стиль Цезаря отличается необычайно простотой и ясностью. Он отказался от всяких риторических украшений, в частности от ритмической речи. Это делает

[9] См.: Брунов Н.И. История архитектуры том 2, с. 205 – 208, 420-423.

язык Цезаря примером «золотой латыни», в которой полнее, чем где-нибудь, отразился гений римского народа.

Философский дух был совершенно чужд трезвым и практичным римлянам. Поэтому в области философии сильнее всего выступает их зависимость от греков. Во II—I вв. в Греции наиболее популярными были две философских школы: умеренный академический скептицизм и стоицизм. Цицерон, который был чистейшим эклектиком и ставил перед собой задачу познакомить римское общество с последними достижениями греческой философии, соединил в своих взглядах наиболее ходячие представления обеих систем: учение о вероятности как критерии истинности и, в духе стоицизма, допущение некоторых общих понятий, свойственных всем людям: бессмертие души, существование бога и т. п.

Из чисто философских сочинений Цицерона важнейшими являются следующие: «Об определении блага и зла», «Тускуланские беседы» (изложение и критика основных философских учений Греции), «Об обязанностях», «О природе богов» и «О гадании». Два его сочинения, пользовавшиеся в древности широкой популярностью, — «О государстве» и «О законах» — скорее принадлежат к категории политических трактатов.

Цицерон ставил перед собой не столько научные, сколько просветительные задачи. К тому же он не был философом-специалистом. Отсюда вытекают как достоинства, так и недостатки его философских произведений. Они доступны, написаны изящным и простым языком. Цицерон прекрасно справился с трудной задачей перевести на латинский язык греческую философскую терминологию. С другой стороны, Цицерон, не обладая специальными знаниями, часто допускал ошибки в изложении философских систем. Многое у него написано наспех, часто отсутствует критическое отношение к излагаемым взглядам.

Тем не менее Цицерону принадлежит огромная заслуга перед историей культуры, так как именно он впервые в широком масштабе познакомил римское образованное общество с греческой философией. И прежде чем люди новой Европы смогли непосредственно использовать сокровища этой философии, они знакомились с ней, главным образом, через Цицерона.

§ 8. 1. Лукреций

Основной недостаток римской философии — отсутствие самостоятельности — сказался и в творчестве величайшего римского философа Тита Лукреция Кара (около 98—около 54 гг.) О жизни его мы не знаем ничего достоверного. От него осталась неоконченная и недостаточно обработанная поэма «О природе вещей» в 6 книгах, написанная гекзаметром. В своих философских взглядах Лукреций не оригинален, следуя великому греческому материалисту Эпикуру. Но его поэма, как таковая, является глубоко оригинальным произведением, не имеющим себе равных в мировой литературе. В ней Лукрецию удалось гармонически слить науку, философию и поэзию. В ярких художественных образах он рисует картину природы и человеческого общества, взятых в их непрерывном развитии, понимаемых как вечно движущийся мир материи.

Лукреций — дитя гражданских войн. Эпоха порождала у людей сознание неуверенности в завтрашнем дне, боязнь смерти, страх перед богами. Лукреций желает освободить человека от этих призрачных ужасов посредством материалистической философии Эпикура, отрицавшего бессмертие души, загробное воздаяние и вмешательство богов в жизнь вселенной, развивающейся по своим неизменным законам. Мировоззрение Лукреция оптимистично. Он — гуманист. Он верит в человека, который от животного состояния сумел подняться до вершин культуры. Во второй половине 5-й книги Лукреций рисует замечательную картину развития человеческого общества, в основе которого лежит эволюция орудий труда. Эта картина свидетельствует о гениальной интуиции поэта и философа, который сумел близко подойти к материалистическому пониманию исторического процесса.

§ 8. 2. Наука

Гигантская фигура Лукреция, с его попыткой дать подлинно научную теорию природы и общества, стоит совершенно особняком. Другие римские ученые этой эпохи не поднимались выше собирания материала и его примитивной эмпирической обработки, причем вопросами естествознания они почти не занимались. Характерно, что Цезарь для реформы календаря вынужден был прибегнуть к помощи александрийского астронома (стр. 467). Типичным представителем римской науки конца гражданских войн был такой собиратель, как Варрон (стр. 22 и 315). Больше всего самостоятельности римские ученые проявляли в эту эпоху в области юриспруденции

Кн. Муций Сцевола, Сервий Сульпиций Руф) и лингвистики Л. Элий Стидон и Марк Теренций Варрон).

§ 8. 3. Поэзия. Сатира

Мы видели выше, что «сатурами» (или «сатирами») по II в. стали называть легкие непринужденные рассказы в прозе или стихах самого различного характера. Такие сатуры писал, например, Энний (стр. 302). Однако в дальнейшем сатура приобретает тот вид сатиры, резкой насмешки, обличения, который она сохранила в веках. Первым представителем такого жанра был богатый римский всадник, друг Сципиона Младшего, Гай Луцилий (около 180—около 100 гг.). Он жил в эпоху после гракхианской реакции и был свидетелем упадка Рима, вызванного господством олигархических клик. Это давало обильную пищу для обличений. Луцилий написал 30 книг сатир, от которых дошло до нас около 800 фрагментов. Они написаны частью гекзаметром, частью ямбическо-трохеическим размером. Собственно сатирический элемент у Луцилия еще не везде выделен, но там, где он налицо, он часто носит резко обличительный характер. Луцилий широко использовал народный язык, что было одной из причин его широкой популярности. В сатирическом жанре успешно пробовал свои силы и Варрон. Он написал большой сборник «Менипповых сатур» в 150 книгах, от которых дошли только разрозненные фрагменты.

§ 8. 4. Лирика. Катулл

До эпохи гражданских войн в римском обществе отсутствовали условия для развития лирики. Этот интимный поэтический жанр предполагает сложную и напряженную внутреннюю жизнь. Старая римская обстановка давала очень мало материала для таких переживаний. Только развитие социальных противоречий II—I вв. создало почву для появления лирики. Большое значение имело также знакомство римлян с греческой лирической поэзией, в частности с утонченной александрийской литературой.

В I в. до н. э. в Риме появляется группа молодых поэтов, образовавших литературный кружок. Они начали реформу латинского поэтического языка, отказавшись от архаизмов Энния и введя в употребление разнообразные греческие лирические размеры. Самым выдающимся из них был Гай Валерий Катулл (около 87 — около 54 гг.). Он родился в северной Италии, в г. Вероне, и происходил из богатой всаднической семьи. В Риме Катулл попал в общество талантливой литературно-аристократической богемы. Здесь развернулись его блестящие поэтические дарования.

Катулл — поэт чрезвычайно разносторонний. Он отдал дань и модному тогда александринизму, написав несколько произведений, проникнутых александрийской ученостью. Но не в этих изысканных стихотворениях сила Катулла. Она проявляется в его страстной и непосредственной лирике. У Катулла есть политические стихотворения: серия гневных эпиграмм, направленных против Цезаря и его окружения, беспощадно грабивших Галлию. (Впрочем, позднее поэт примирился с будущим диктатором).

Но главное место в творчестве Катулла играла страстная я мучительная любовь к Клодии, сестре известного политического деятеля Публия Клодия (стр. 444). С необычайной силой поэт изобразил все этапы и перипетии своего чувства, начиная первым увлечением и кончая трагическим разрывом. Знаменитое двустишие: Odi et amo. Quare id faciam, fortasse requiris. Nescio, sed fieri sentio et excrucior («Ненавижу и люблю. Почему я так делаю, может быть спросишь ты? Не знаю, но чувствую, что это со мной происходит и терзаюсь») принадлежит к шедеврам мировой поэзии. «В этих двух строках — вся человеческая жизнь», замечает один ученый филолог.

§ 8. 5. Театр

В эпоху Гракхов римская драма переживает период своего расцвета, после чего быстро начинает клониться к упадку. В трагедиях Люция Акция (170—около 85 гг.) нашел свое выражение героический дух эпохи. Акций был сыном вольноотпущенника из Умбрии. Он написал большое число трагедий (около 50), подражая в них греческим трагикам (преимущественно Эсхилу, Софоклу и Эврипиду). Кроме этого, Акцию принадлежат две претексты на римские сюжеты: «Брут» (на тему об изгнании Тарквиния) и «Энеады» (самопожертвование Деция Муса в битве при Сентине).

Акций был последним крупным драматическим писателем республиканской эпохи. В I в. до н. э. трагедия и комедия вытесняются тем низшим родом комедийного сценического искусства, который известен под названием «ателланы» и «мима».

Из них уцелело только несколько сотен стихов. литературную обработку,— отчасти под влиянием Саллы, который был большим любителем грубой сценической буффонады. Нам известны имена римских поэтов начала I в. — Помпония и Повия, которые придали ателлане правильную литературную форму. От них дошли многочисленные заглавия пьес и ряд мелких фрагментов. В таком виде ателлана получила широкое распространение, явившись предшественницей итальянкой commedia dell'arte.

Прототипом римского мима были, вероятно, аналогичные греческие произведения эллинистической эпохи. Но этим не исключено, что и в Италии существовал собственный жанр народного балаганного фарса. Этот жанр получил литературное оформление также в начале I в. до н. э. Наиболее знаменитыми авторами мимов были римский всадник Децим Либерии и вольноотпущенник Публилий Сир.

Если ателлана была построена на четырех основных персонажах-масках (Папп, Доссен, Макк и Буккон), выступающих в разнообразных ситуациях и ролях (даже женских), то мим предоставлял большие возможности автору и актеру. Роли в нем исполнялись без масок, в женских ролях выступали женщины. Сюжеты миму давала обыденная жизнь, но встречались пьесы авантюрного и даже мифологического характера. Язык мима был простонародным, большое место отводилось импровизации, и вообще план пьесы часто нарушался. Подобно ателлане, мим прекрасно подходил в невзыскательным вкусам римского зрителя и продержался на римской сцене вплоть до времен поздней империи.

§ 9. Принципат Августа, его покровительство искусствам

Выше мы уже говорили о том, как переход от длительной эпохи гражданских войн к устойчивому гражданскому миру породил в кругах римской интеллигенции творческий подъем, хотя этот последний носил довольно ограниченный и специфический характер. К сказанному нужно прибавить сознательную политику императора, покровительствовавшего тем литературным течениям, которые отвечали духу его мероприятий. Так, он неизменно благоволил к Вергилию и Горацию, которые были настоящими придворными поэтами. Титу Ливию Август прощал его умеренный республиканизм за общий консервативно-патриотический характер его истории. Император не только сам старался давать тон и направление римской литературе, но и широко использовал для этого своих помощников.

Особенно известен в этом отношении Гай Цильний Меценат, ближайший друг Августа, имя которого стало нарицательным для обозначения щедрого покровителя литературы и искусства. Меценат сам был писателем-дилетантом. В его доме собирался кружок писателей и поэтов, к которым принадлежали Вергилий, Гораций, Пропорций и др. Меценат щедрой рукой помогал литераторам, но зато направлял их деятельность в том направлении, в каком это было нужно Августу.

Другим литературным кружком был кружок Мессалы. Хотя Мессала также считался сторонником Августа, но прежние республиканские убеждения, невидимому, не были им полностью изжиты. Этим объясняется тот факт, что в кружке Мессалы, куда также входил ряд крупных поэтов (напр. Тибулл), отсутствовал культ императора, характерный для кружка Мецената. Однако это обстоятельство не уничтожает самого факта покровительства деятелям литературы и искусства со стороны знати, типичного для эпохи принципата Августа.

§ 10. Вергилий

Среди поэтов эпохи Августа самым крупным был, несомненно, Публий Вергилий Марон (70—19 гг. до н. э.). Он родился в деревне близ г. Мантуи в Северной Италии. Отец Вергилия был довольно зажиточным землевладельцем и смог дать сыну хорошее образование. Вергилий учился в Кремоне, Медиолане и Риме. Вернувшись по окончании образования на родину, он был лишен своего поместья, конфискованного в пользу ветеранов Октавиана (42 г.). Однако Вергилию удалось найти доступ к Октавиану и добиться возвращения земли.

Первую известность поэту дали «Буколики», сборник из 10 эклог, пастушеских песен типа идиллий Феокрита. Однако не все эклоги Вергилия являются подражанием Феокриту. В некоторых из них под видом пастухов выведены современники Вергилия и содержатся намеки на политические события эпохи. Эклоги написаны прекрасным языком и являются, в сущности, первым по времени поэтическим произведением «золотого века» римской литературы. Они обратили на себя внимание Мецената, а через него — и Октавиана.

Следующим крупным произведением Вергилия, написанным по желанию Мецената, были «Георгики». С точки зрения политической,— это пропаганда развития сельского хозяйства в Италии, разоренной гражданскими войнами. Поэма состоит из 4 книг. Первая посвящена земледелию, вторая — садоводству, третья — скотоводству и четвертая — пчеловодству. Над «Георгиками» поэт работал 7 лет и использовал обширную научную и художественную литературу по сельскому хозяйству. Говорят, что Октавиан был в таком восторге от «Георгию», что в 31 г., возвращаясь из Акция, в течение 4 дней подряд слушал чтение поэмы.

Самым выдающимся произведением Вергилия, доставившим ему мировую славу, была «Энеида», эпическая поэма в 12 песнях. Хотя поэт работал над ней 10 лет, но не успел докончить и завещал уничтожить ее после своей смерти. Но Август приказал издать поэму в том виде, в каком ее застала неожиданная смерть Вергилия.

«Энеида» подражает гомеровским поэмам в сюжете, композиции, в отдельных эпизодах, в языке. В ней очень силен элемент искусственности. Тем не менее «Энеида»— одно из величайших произведений мировой литературы. В этом были единодушны как современники, так и потомки. Говорят, что когда Вергилий появлялся в театре, зрители вставали, чтобы приветствовать его. Данте в «Божественной комедии» избрал римского поэта своим проводником по аду и чистилищу. Вольтер ставил Вергилия выше Гомера...

«Энеида» была первой большой римской поэмой, написанной крупнейшим мастером слова в эпоху расцвета римской литературы. Цель ее — не только художественная, но и политическая. Вергилий поставил перед собой задачу изобразить провиденциальные судьбы римского народа, прославить его древнюю доблесть и возвеличить род Августа. Для этого он положил в основу своей поэмы старую легенду о бегстве Энея в Италию.

Поэма начинается с описания бури, которая застигла Энея и его спутников при переезде из Сицилии в Италию на седьмом году странствий. Бурю устроила Юнона, враждебная троянцам. Но мать Энея Венера добивается прекращения непогоды и направляет корабль в Африку. Карфагенская царица Дидона радушно встречает скитальцев. Охваченная страстью к Энею, она просит его рассказать о своих приключениях. Рассказ Энея о гибели Трои и своем бегстве из города принадлежит к лучшим местам поэмы (песнь II).

Любовь Энея и Дидоны завершается их соединением. Но троянцам суждена другая судьба. Энею является посланец Юпитера Меркурий и приказывает ему покинуть Дидону и отправиться в Италию, где он должен основать новое царство. Эней повинуется, а Дидона в отчаянии кончает жизнь самоубийством.

Эней высаживается на италийском берегу (песнь VI). У г. Кум он опускается в пещеру пророчицы Сивиллы и вместе с ней сходит в подземное царство. Там он видит своего отца Анхиза, который показывает ему будущие судьбы Рима: перед глазами Энея проходят его великие потомки, начиная с Ромула и кончая Цезарем и Августом. В речи Анхиза мы находим знаменитую историческую параллель между римлянами и другими народами, в частности греками:

Одушевленную медь пусть куют другие нежнее,
Также из мрамора пусть живые лики выводят,
Тяжбы лучше ведут, и также неба движенья
Тростию лучше чертят, и восход светил возвещают.
Ты же народы должен вести, о римлянин, властью своею.
Вот искусства твои — налагать обычаи мира,
Подчиненных щадить и завоевывать гордых.

В дальнейших песнях рассказываются приключения Энея в Лации. Сначала царь Латин радушно встречает троянцев и хочет выдать за Энея свою дочь Лавинию. Но Юнона возбуждает ссору между троянцами и латинами. Главным врагом Энея является царь рутулов Турн, за которого раньше была просватана Лавиния. Начинается война, в которой Турн гибнет от руки Энея. На этом поэма обрывается.

§ 11. Гораций

Лирика века Августа совершенно другого характера, чем лирика эпохи гражданских войн. На смену страстной, исполненной противоречий поэзии Катулла пришло спокойное уравновешенное искусство Горация, умеющее ценить жизнь и в полной мере наслаждаться ее мимолетными радостями.

Квинт Гораций Флакк (65—8 гг. до н. э.) был сыном вольноотпущенника, владевшего небольшим поместьем в южной Италии. Молодой Гораций был республиканцем. В Афинах, где он доканчивал свое образование, он вступил в войско Брута военным трибуном. Но в битве при Филиппах его гражданская доблесть подверглась жестокому испытанию: Гораций бежал с поля боя, позорно бросив щит. Впоследствии поэт сам вспоминал об этом эпизоде:

Ты помнишь час ужасной битвы,
Когда я, трепетный квирит,
Бежал, нечестно брося щит,
Творя обеты и молитвы?
Как я боялся! Как бежал!
Но Эрмий сам внезапной тучей
Меня покрыл и вдаль умчал
И спас от смерти неминучей.

Поместье Горация было конфисковано, и сам он некоторое время должен был оставаться вне Италии. Получив амнистию, Гораций вернулся в Рим, где начал служить писцом. Его первые поэтические опыты обратили на него внимание Мецената, который, хотя

и не сразу, приблизил Горация к себе и в конце концов подарил ему небольшое имение в Сабинских горах. Тихая жизнь на лоне природы, в кругу друзей, была пределом мечтаний поэта. С этих пор его творчество достигает зенита.

Гораций довел до совершенства метрику латинского стиха. Он сам говорит в одной из своих од: «Первый я переложил эолийские песни на италийский лад». Это, конечно, преувеличение, так как еще до Горация Катулл и другие поэты-новаторы занимались реформой латинского стихосложения. Но Гораций, действительно, превзошел своих предшественников гибкостью стихотворных размеров, тонкостью отделки, богатством поэтического языка.

Наибольшей зрелости творчество Горация достигает в его «одах». Так римскими грамматиками назывались стихотворения на разнообразные темы. Сам Гораций называет их просто «стихотворениями» (carmina). Таких стихотворений у него 103, объединенных в 4 книги. В одах ярче всего проявляется и совершенство поэтической формы у Горация, и его мягкий гуманизм, и его эпикурейское отношение к жизни.

«Carpe diem» («лови день») — таково житейское правило Горация:
О том, что ждет нас, брось размышления,
Прими, как прибыль, день, нам дарованный
Судьбой, и не чуждайся, друг мой,
Ни хороводов, ни ласк любовных.
Широкую известность получила 30-я ода III книги, знаменитый «Памятник»:
Exegi monumentum aere perennius.
Regalique situ pyramidum altius...
(Создан памятник мной.
Он вековечнее Меди и пирамид выше он царственных . . .) .

Среди многих переводов «Памятника» на русский язык выделяются три перевода — Ломоносова, Державина и Пушкина. Из них самый близкий к оригиналу — перевод Ломоносова, хотя он и не выдерживает размера подлинника. Два остальных — вольные подражания.

Из других произведений Горация особенно важное значение по их культурно-историческому влиянию имеют «Послания» (в двух книгах). Этими письмами в стихах Гораций создал новый поэтический жанр. 3-е послание II книги, адресованное братьям Пизонам, получило название «Об искусстве поэзии» (« De arte poetica»). Оно представляет собою теоретический трактат в стихах (все послания написаны гекзаметром) о поэ-тическом искусстве, главным образом драматическом. В нем Гораций дает сводку греческих эстетических теорий, опиравшихся преимущественно на Аристотеля. Послание к Пизонам долго служило каноном драматического творчества. Французский поэт XVII в. Буало положил его в основу своего знаменитого «Искусства поэзии» («L'art poetique»), (1674 г.), также стихотворного трактата, послужившего теоретической базой классицизма.

§ 12. Овидий

Иного направления был третий великий поэт эпохи Августа. Публий Овидий Назон (43 г. до н. э.— 17 г. н. э.) происходил из старинной и богатой всаднической семьи, проживавшей в г. Сульмоне, в средней Италии. Как было принято в те времена в богатых семьях, молодой Овидий получил тщательное риторическое образование в Риме, по окончании которого предпринял путешествие в Грецию и Малую Азию. По возвращении он, по желанию отца, попытался было служить, но из этих попыток ничего не вышло. С ранних лет Овидия тянуло к поэзии, и теперь он отдался целиком своей страсти, ведя жизнь частного богатого человека. Через свою жену, которая была знатного происхождения, поэт сблизился с самыми высшими кругами римского общества.

Литературная деятельность Овидия делится на три периода. К первому относятся эротические произведения: сборник любовных элегий в 3 книгах под названием «Песни о

любви» («Amores»); «Героини» — любовные письма мифических героинь к их возлюбленным; «дидактическая» поэма «Наука о любви» (в 3 книгах), и, в качестве «противоядия» к ней. небольшая поэма «Лекарства от любви».

Все эти произведения типичны и для поэта и для его эпохи. Эротическое содержание, переходящее иногда в откровенную порнографию, облеченное в мастерскую форму, обеспечило им широкое распространение в римском обществе.

С годами поэт становился серьезнее. К тому же император был крайне недоволен легкомысленным направлением Овидия. Все это заставило поэта перейти к более серьезной тематике. Последние годы перед своей ссылкой он был занят работой над «Фастами» («Календарем») и «Превращениями».

В первом произведении Овидий хотел в поэтической форме описать все римские праздники и их происхождение. Поэма должна была состоять по числу месяцев из 12 книг, но Овидий успел написать только первые 6 книг (до июня включительно).

«Превращения» («Метаморфозы») являются лучшим произведением Овидия. В поэме, состоящей из 15 книг, описываются мифические случаи превращений людей в растения, в животных и в неодушевленные предметы. Поэма начинается с возникновения вещей из первозданного хаоса и заканчивается официальной легендой о превращении Юлия Цезаря в звезду. Богатство образов, неистощимая изобретательность поэта, остроумие, яркий язык, иногда переходящий в риторичность, обеспечили «Метаморфозам» громкую славу еще при жизни Овидия. Сын солнца Фаэтон, упросивший отца доверить ему управление огненной колесницей и по неопытности чуть было не сжегший землю; трогательная супружеская чета Филемона и Бавкиды; Пигмалион, влюбившийся в изваянную им из слоновой кости прекрасную статую женщины; Дедал и Икар, первые люди, поднявшиеся в воздух на изготовленных ими крыльях, — все эти образы «Превращений» и много других вошли в мировую литературу и искусство. «Превращения» не были окончательно отделаны поэтом, когда над ним разразилась катастрофа. Овидий в отчаянии сжег рукопись, и текст «Метаморфоз» был восстановлен по спискам, ходившим по рукам в Риме.

В 8 г. н. э. Овидий был выслан по приказанию Августа, в укрепленный городок Томы (теперь Констанца) на берегу Черного моря. Причины его ссылки до сих пор остаются неизвестными. По некоторым намекам самого Овидия можно предположить, что он каким-то образом оказался замешанным в одну из бесчисленных любовных историй Юлии, внучки императора. Август и раньше терпеть не мог поэта и воспользовался случаем, чтобы окончательно отделаться от него. Все мольбы поэта из ссылки и хлопоты жены и влиятельных друзей остались безрезультатными: ни Август, ни его преемник Тиберий не простили Овидия, и он умер в Томах в 17 г. н. э.

Ссылка в далекую варварскую периферию античного мира разбила жизнь Овидия. Однако и там он остался поэтом. Им написаны в Томах два сборника стихов: «Печальные песни» («Tristia») в 5 книгах и «Письма с Понта» в 4 книгах. Хотя в этих сборниках чувствуется, что талант поэта надломлен, хотя в них много униженных и жалких просьб, обращенных к императору и друзьям поэта, однако отдельные части их представляют высокую ценность. Таков рассказ о последней ночи поэта, проведенной им в Риме, описание морской бури, застигшей его в пути, яркие картины суровой, с точки зрения италика, природы, окружавшей место его ссылки.

§ 13. Наука

Она сохраняет тот эмпирически-описательный и прикладной характер, который мы отмечали, говоря о римской науке эпохи гражданских войн. Новой чертой времени Августа является интерес к техническим проблемам, вызванный интенсивным строительством и ростом техники вообще. Самым крупным выражением этого интереса служит знаменитый труд архитектора Марка Витрувия Поллиона «Об архитектуре» в 10 книгах.

Содержание труда Витрувия шире его заглавия, так как он излагает в нем не только архитектуру в собственном смысле этого слова (книги 1 — 7), но и прикладную механику

вообще. Так, Витрувий дает описание подъемных механизмов (полиспастов), приборов для поднятия воды (тимпанов), для измерения расстояния, пройденного экипажем (тип современного таксометра) и др.

Из других отраслей знания характерно для эпохи завершения мировой римской державы развитие географии. Зять и сподвижник Августа, прославленный полководец Марк Випсаний Агриппа (63—12 гг. до н. э.), составил большую географическую карту всего известного тогда мира.

Уроженец Понта, грек Страбон (66 г. до н. э.— 24 г. н. э.) написал на греческом языке, в значительной степени на основе собственных наблюдений, «Географию» в 17 книгах. Она дошла до нас почти полностью и служит одним из главных источников наших знаний о географических представлениях древности.

Продолжателем римской антикварной традиции был Марк Веррий Флакк.

ГЛАВА СТО ПЕРВАЯ

Закрепление монархического режима. Династия Юлиев-Клавдиев

§ 1. Ближайшие преемники Октавиана-Августа и их борьба с республиканскими пережитками

Тиберий (14—37 гг.). Смерть Октавиана-Августа поставила под вопрос все дело возникающей в Риме монархии, так как не зафиксирован был еще ее существеннейший признак — принцип наследственности верховной единоличной власти.

Для республиканских нравов и традиций Рима этот принцип был полностью нов, казался совершенно чуждым, противозаконным и бессмысленным. Но как подлинный монарх Октавиан упорно стремился закрепить высшую власть за своей семьей и тем сделать ее наследственной. Однако он встречал очень существенное препятствие в отсутствии у него прямых мужских наследников. У него была только дочь Юлия, и поэтому своим преемником после смерти двух первых мужей и двух сыновей Юлии Октавиан сделал, после долгих колебаний, ее третьего мужа, своего нелюбимого пасынка Тиберия (сына своей жены Ливии от ее первого брака с Клавдием Нероном). В 4 г. н. э. Тиберий был усыновлен Октавианом, принят в род Юлиев и получил имя Тиберия Цезаря, а затем, по завещанию умершего, и имя Августа. Еще при жизни Октавиана он облечен был постоянной проконсульской и трибунской властью, и ему же Октавиан завещал и большую часть своего громадного состояния. Таким образом, почти автоматически, после смерти Октавиана, Тиберий становился «первенствующим лицом», принцепсом — на место последнего.

Тиберий был человек, несомненно, выдающийся — высокого роста, с внушительной осанкой, смелый и даровитый полководец, умный и глубоко образованный, но угрюмый, нелюдимый и подозрительный. С самого начала своего принципата он встретил неприязнь и даже острую оппозицию в армии и в среде рабовладельческой знати, сконцентрированной в сенате. Этим и определилась полная драматических событий 23-летняя (14—37 гг. н. э.) история его правления (см. Тацит, Анналы, кн. I—VI; Светоний, Тиберий; Дион Кассий, кн. 57—58).

При известии о смерти Августа и о переходе верховной власти к новому принцепсу произошло восстание одновременно в двух самых крупных римских армиях — в паннонской и рейнской. Солдаты избивали нелюбимых офицеров, известных своим жестоким обращением с подчиненными, собирались на сходки и предъявляли ряд требований командующим армиями, как-то: сокращение срока службы до 16 лет, как у преторианцев, уравнение с ними в отношении жалованья и пр. Но главное, как отметил Светоний, «стоявшая в Германии армия и слышать не хотела о принцепсе, поставленном не ею. Она с величайшей настойчивостью принуждала Германика, в то время ее

главнокомандующего, взять власть, несмотря на упорное его сопротивление» («Тиберий», 25). Таким образом, солдатские мятежи открыли основную «тайну империи», что солдаты являются ее настоящими хозяевами, почему и требовали теперь принадлежавшей им по праву роли вершителей ее судеб, в особенности в вопросе о том, кто будет ее главой. Тиберию пришлось употребить все средства, чтобы успокоить паннонские легионы: он послал к ним для уговоров своего сына Друза, и тому разными полу уступками и затяжными переговорами удалось успокоить и привести опять в подчинение разбушевавшуюся массу. Действовали также тайным истреблением наиболее активных и умелых руководителей. На Рейне при помощи ряда жестких мер с положением справился Германии, с риском для себя сохранивший до конца лояльное отношение к Тиберию, своему дяде (см. Т а ц и т , Анналы, I, 16—52).

Но особую тревогу Тиберию причинял сенат. Внешне сенаторы рассыпались в самой неумеренной лести, так что, по словам Тацита, даже Тиберию, «врагу народной свободы, было противно столь грязное пресмыкательство раболепных людей», и, выходя из курии, он обычно произносил полные презрения слова: «О люди, созданные для рабства» («Анналы», III, 65). Так, сенат поднес ему титул «отец отечества», предложил месяц сентябрь назвать в его честь «тиберием», а октябрь в честь его матери «ливием» и т. п., что Тиберий решительно отверг. Но за спиной принцепса те же сенаторы произносили клеветнические речи, распространяли провокационные слухи, сочиняли ядовитые пасквили. Затем дело дошло и до опасных заговоров, возникавших в сенаторской среде: многие знатные люди сочувствовали даже появившемуся самозванцу, рабу Клементу, выдававшему себя за внука Августа (Т в ц и т, Анналы, II, 39—40).

Все это ставило Тиберия в весьма опасное положение и принуждало постоянно быть в состоянии тревоги. Первоначально он пытался всячески всем угодить скромностью своего обращения и почтительностью к республиканским властям и учреждениям. Он называл себя слугой сената и всего гражданства, вставал перед Консулами, допускал свободу прений и не раз оставался в меньшинстве при голосованиях в сенате. Он запретил называть себя «Господином»: таковым, по его словам, он является лишь для рабов, император он — для солдат, для сенаторов и народа он — только принцепс. Таким образом, желая сохранить единство рабовладельческого класса, он в начале своего принципата в смысле соблюдения прежней республиканской конституции был значительно последовательнее и даже искреннее Августа.

Однако такое поведение не делало его популярнее. Сенаторы считали, что эта тактика — лукавство, даже провокация, чтобы выявить недовольных. Они боялись, а часто уже и неспособны были проявить какую-либо административную инициативу, так что Тиберий стал все чаще передавать важные дела в свой ближний совет (consilium principis), составленный в значительной степени из нечиновных, но дельных и опытных людей по его выбору. Одновременно усилилось и его раздражение против городского плебса, роптавшего на сокращение раздач и зрелищ и на увеличения налогов — меры, на которые Тиберию пришлось пойти в связи с тяжелым состоянием государственной казны. Это повело к полной ликвидации народных собраний и передаче всех их избирательных функций сенату. Теперь сенат стал выбирать всех магистратов частью из предложенных принцепсом кандидатов, частью по своему усмотрению. Разрыв принцепса со столичным народом и нобилитетом особенно усилился после смерти в 19 г. весьма популярного в Риме Германика: говорили, что он погиб будто бы от яда, данного ему одним из приближенных Тиберия — наместником Сирии, Пизоном.

С начала 20-х годов н. э. Тиберий стал все больше отходить от своего первоначального мягкого и примирительного обращения; он стал превращаться в свирепого и своенравного деспота. Основным своим принципом он сделал правило: «пусть ненавидят, лишь бы боялись» (С в е т о н и й , Тиберий, 59), и, соответственно этому, перешел на ничем не прикрашенный открыто т е р р о р и с т и ческий режим. К Риму стянуты были все 9 когорт преторианцев, размещенных прежде по разным городам Италии; у самых ворот столицы для них был устроен укрепленный постоянный лагерь (в 23 г.), и они обратились в грозу для

всего гражданского населения Рима, а их начальник, префект претория, стал вторым после принцепса лицом в государстве. Особую роль играл с 17 по 31 г. Л. Элий Сеян, префект претория, простой всадник, завоевавший безграничное доверие Тиберия своими энергичными действиями во время подавления в 14 г. восстания паннонских легионов. Он обратился в настоящего всесильного временщика, и весь Рим трепетал и пресмыкался перед ним. Опираясь на проведенный еще при Августе закон «об оскорблении величества», Сеян сделался одним из самых свирепых душителей последних пережитков республиканской вольности. Множество видных и простых людей подвергалось арестам, пыткам и казням по пустым подозрениям.

Наконец Тиберий не выдержал пребывания в охваченном паникой городе. В 26 г., преследуемый постоянным страхом, он уехал из Рима сперва в Кампанию, а затем окончательно поселился на живописном и неприступном, благодаря своим отвесным берегам, острове Капри. «Он застроил его 12 роскошными виллами с различными названиями, и чем больше он был предан прежде попечению об общественных делах, том больше предавался теперь скрытной распущенности и зловредной праздности» (Тацит, Анналы, IV, 67). Он вызывал будто бы к себе подозреваемых и уничтожал их после бесчеловечных пыток. В 31 г. страшная расправа постигла и всесильного Сеяна, которого Тиберий заподозрил в стремлении захватить верховную власть. С особыми предосторожностями, так как за Сеяна стояли преторианцы, Тиберий провел через недавно раболепствовавший перед его фаворитом сенат осуждение последнего и затем свирепо расправился не только с ним, но и со всей его семьей, не исключая и малолетних ее членов.

Наконец, в 37 г. его ближайшие и доверенные лица, по главе с новым префектом претория Макроном, сами прикончили Тиберия. Они задушили его подушками, когда, тяжело заболев, он стал обнаруживать признаки выздоровления. Даже эти близкие ому люди были убеждены, что «пока Тиберий жив, железный будет век». (Светоний, Тиберий, 59).

Однако негодование касалось лишь персоны принцепса, но не системы самого принципата. С ней ужо настолько свыклись, что, недовольные одним правителем, мечтали лишь о замене его другим. *«Материальной* опорой правительства, — писал Энгельс, — было войско, гораздо более похожее уже на армию ландскнехтов, чем на старо-римское крестьянское войско, а опорой *моральной* — всеобщее убеждение, что из этого положения нет выхода, что если не тот или другой император, то все же основанная на военном господстве императорская власть является неотвратимой необходимостью»[10]. Сам же принципат принял более откровенный монархический характер благодаря властному поведению Тиберия, ликвидации народных собраний, растущей централизации и бюрократизации управления и пр. Наконец, террористический режим, введенный Тиберием, задевал лишь весьма узкие круги придворной знати, нобилитета и частично население столицы. Провинции, являвшиеся основой всей Римской империи, не только им не затрагивались, но, наоборот, стали управляться значительно лучше. Тиберий держался принципа, что «хороший пастух стрижет овец, но не сдирает с них шкур» (Светоний, Тиберий, 32). Он не только закрепил введенную уже Августом систему управления провинциями при посредстве назначаемых императором легатов и прокураторов, но установил и бдительный контроль за ними через особых императорских соглядатаев («агентов»). Дурных правителей он быстро сменял, хороших оставлял в этой должности помногу лет: например, Помпей Сабин состоял легатом провинции Мезии 24 рода и оставил по себе самую лучшую память. Провинции, давно привыкшие к административному произволу, были в общем довольны режимом Тиберия, посылали к нему посольства с выражением благодарности, воздвигали ему статуи с почетными надписями и делали все это не из пустой лести и раболепства.

[10] Ф. Энгельс, Бруно Бауэр и раннее христианство.

Много способствовала популярности Тиберия в провинциях Также его спокойная, но твердая внешняя политика, не вызывавшая чрезмерного напряжения сил и платежных средств населения и создававшая впечатление устойчивого мира, благоприятного для хозяйственной деятельности (pax Romana). Войны, в особенности с германцами, были лишь в начале его правления, в дальнейшем всевозможные конфликты с соседями (с Арменией, Парфией и др.) улаживались дипломатическим путем. Можно считать, что со времени Тиберия прежняя внешняя насильственная связь между Римом и его провинциями постепенно стала превращаться в связь более органическую, внутреннюю и Римская держава начинала становиться более сплоченным политическим целым.

§ 2. Гай Калигула (37—41 гг.) и Клавдий (41—54 гг.)

Какие большие успехи монархические идеи и привычки сделали в Риме за время правления Тиберия, показало правление двух его ближайших преемников. Известие о смерти Тиберия вызвало в Риме ликование: народ требовал лишить его погребения, а тело бросить в Тибр. Зато с бурным восторгом был встречен в Риме еще более случайный претендент, последний, уцелевший из сыновей Германика, Гай, 23-летний молодой человек. Его в последние годы своей жизни по какому-то капризу приблизил к себе Тиберий. Он даже дал ему титул Цезаря, хотя имел и собственного внука, Тиберия младшего (Гемелл-близнец). Толпы народа ворвались в сенат и заставили провозгласить молодого Гая Цезаря принцепсом. За его здоровье и благополучие приносилось ежедневно множество жертв, его называли Солнышком, а солдаты прозвали Калигулой, т. е. солдатским сапожком, подчеркивая этим, **что** он родился в лагере и был близок к солдатской среде (это прозвище и сохранилось за ним, как его собственное имя). Никто в те времена и не помышлял о восстановлении республики.

И Калигула, руководимый опытными советниками, Макроном и другими, впервые месяцы своего принципата очень ловко закреплял, свой авторитет и популярность, приобретенные преимущественной за счет общей ненависти столичного населения к Тиберию. Он всемерно демонстрировал свое отрицательное отношение к деспотическому и террористическому режиму своего предшественника; дал полную амнистию всем преследуемым и объявил, что «для» доносчиков у него нет ушей». Калигула усилил раздачи и зрелища, поголовно наделял граждан корзинами с съестными припасами, а для сенаторов и всадников устраивал пышные пиры, подчеркивали свое почтительное отношение к сенату; он стал вновь опубликовывать отчеты о состоянии государства и сделал попытку восстановить народные собрания. Внимательно относился он и к нуждам провинций — восстановил рухнувшие от ветхости стены в Сиракузах, на берегу океана в Галлии воздвиг громадный маяк и начал изыскания для сооружения канала через Коринфский перешеек.

Однако человек молодой, неопытный и неуравновешенный (некоторые считают его даже душевнобольным), он скоро переоценил свои первые легкие и быстрые успехи. Как бы оправдывая свое имя второго Гая Цезаря, своим образцом он сделал не Октавиана-Августа, а более смелого его предшественника — диктатора Гай Цезаря и, в особенности, его верного последователя Марка Антония. Для него, как для Цезаря и Антония, политическим идеалом была эллинистического типа абсолютная монархия, притом тоже в наиболее выраженной египетской ее форме. Калигулу поддерживал в этом отношении небольшой круг рьяных цезарианцев и антонианцев группировавшихся вокруг его бабки Антонии (дочери триумвира), не одобрявших республиканский маскарад и осторожное лавирование Августа и желавших более энергичной внешней политики, в особенности на Востоке.

Эта египтомания скоро стала проявляться у Калигулы в самом вызывающем и дерзком виде. Было запрещено празднование дня по беды при Акциуме «как несчастной и губительной для римского народа» (Светоний, Калигула, *23).* Был восстановлен культ Изиды запрещенный при Тиберии (Тиберий изображение этой египетской богини даже приказал бросить в Тибр). На громадном, специально построенном корабле из Египта был

привезен колоссальный обелиск, который и до наших дней стоит в Риме на главной его площади перед собором св. Петра. По примеру египетских фараонов Калигула собирался жениться на своей сестре Друзилле, а когда она внезапно умерла, объявил по ней всенародный траур и принудил сенат провозгласить ее божеством под именем «Пантеи (Всебогини). Подобно Цезарю, он возвел себя в еще более высокий божественный ранг — публично выступал в образах Геркулеса Аполлона и даже Юпитера, с позолоченной бородой и молниями в руках. На содержание роскошного, по восточному образцу, двора и разных помпезных затей требовались большие суммы, и правительство Калигулы, не стесняясь, собирало их путем беспощадного обложения всего, что возможно, или даже прямыми вымогательствами у состоятельных людей.

Псе эти неосторожные и шумные демонстрации монархизма молодого и ничем еще не проявившего себя правителя должны были очень скоро подорвать его случайную и легковесную популярность. Ропот же и недовольство столицы Калигула и его сторон-мини, естественно, стали подавлять, тоже по принципу восточных монархов, жестокими репрессиями и расправами. Был вновь восстановлен закон об оскорблении величества. К заподозренным и опальным посылались преторианские офицеры с приказами о самоубийстве. Однако Калигула неосторожно задел и военные круги. Так, казнен был префект претория Макрон, более всех способствовавший возвышению Калигулы; говорили, что он даже собирался поголовно казнить всех солдат германских легионов, которые 25 лет назад участвовали в восстании, подавленном его отцом, Германиком, и что будто бы он открыто высказывал сожаление, что у всего римского народа не одна голова, чтобы ее можно было отрубить. Шли также толки, что, желая уподобиться Александру Македонскому, он устроил бутафорский поход в Германию, оскорбительный для чести римской армии.

В результате в январе 41 г., всего после неполных четырех лет своего правления, Калигула был убит офицерами своей же гвардии, напавшими на него в темных переходах его дворца под предводительством военного трибуна Кассия Хереи. Раздражение против него было так велико, что убита была затем его жена Цезония и даже годовалая дочь.

И все же, несмотря на вторичный кровавый конец попыток создания эллинистического типа монархии в Риме, пережитков республиканских традиций после смерти Калигулы оставалось настолько мало, что компромиссную систему «принципата» с этого времени следует рассматривать как вполне уже пройденный этап и развитии единоличной императорской власти.

Правда, после убийства Калигулы в высших кругах Рима опять не надолго заговорили о «свободе» (libertas). В собравшемся сенате произносились горячие речи против «тирании». Некоторые ораторы предлагали сломать все храмы, посвященные Юлиям, Цезарям и Августам, и вернуться к строю республики. Другие, однако, склонялись к сохранению принципата, но при условии избрания достойного человека. Скоро обнаружилась полная беспомощность сената: «на следующий день сенат, наскучив несогласиями противоположных мнений, обнаружил меньше энергии в выполнении своего предприятия, а столпившийся кругом народ стал требовать единого правителя, называя его по имени» (С в е т он и й, Клавдий, 10).

Таким оказался последний родственник угасшего со смертью Калигулы Юлиева дома, Т и б е р и й К л а в д и й, младший брат Германика и дядя убитого Калигулы. Ворвавшиеся во дворец Калигулы преторианцы нашли его спрятавшимся с перепугу в одном из дальних помещений дворца (в бане), насильно принесли в свой лагерь и против его ожиданий провозгласили императором. Взвесив настроение пародa и солдат, сонат прекратил свою запоздалую и безнадежную республиканскую демонстрацию и покорно облек нового принцепса всеми надлежащими полномочиями. Так, против собственной воли, лишь благодаря уже укрепившейся в народных массах идее династического наследования и семейной" преемственности власти, Клавдий принужден был стать правителем Римского государства, как внук самого Августа.

С точки зрения сановных людей того времени, это был человек, менее всего пригодный для такого поста. Он слыл чудаком и до 54-летнего возраста (до

провозглашения императором) жил весьма уединенно и просто, проявляя интерес лишь занятиям историей (учителем его был одно время Тит Ливии).

Им были написаны, по-видимому, с помощью его образованных рабов вольноотпущенников, три значительных исторических труда — «История; его времени в 43 книгах, «История этрусков» в 20 книгах и «История Карфагена» в 8 книгах. Он занимался также филологией и пополнил латинский алфавит тремя новыми буквами, одна из которых оказалась очень нужной (знак v) и удержалась в употреблении и до наших дней. Его рассеянность, общение с простыми учеными людьми, пренебрежение к внешности и к светским манерам («вульгарные манеры», — говорит Светоний) вызывали к нему презрение его высокопоставленной родни. На празднества при дворе его не приглашали, придворные преследовали его постоянными насмешками — называли вахлаком, уродом и пр., ядовито смеялись над его пристрастием к еде, вину, игре в кости, над его любовными увлечениями.

Однако 13-летнее правление (41—54 гг. н.э.) Клавдия оказалось самым созидательным периодом за все первые 50 лет после смерти Октавиана-Августа. С большой добросовестностью Клавдий относился к своим новым и неожиданным обязанностям. Так, он с величайшей тщательностью занимался судопроизводством, причем руководился при этом не буквой, а духом закона, «сообразно требованиям справедливости изменял суровость или слабость наказаний», правда, иногда обнаруживая при этом «удивительное непостоянство мысли» (Светоний, Клавдий, 14—15). Очень внимательно также он выполнял должность цензора. Особую забот; Клавдий проявлял к вопросу продовольственного снабжения Рима, для чего давал всякие привилегии купцам, доставлявшим продовольственные грузы в Рим, и выстроил громадную новую гавань в Остии, у устья Тибра. Для снабжения Рима водой он построил грандиозный водопровод, трехэтажные арки которого и теперь еще своей массивностью поражают посетителя окрестностей Рима. Одиннадцать лет производились обширные работы по прорытию канала для спуска Фуцинского озера (на них был занято беспрерывно до 30 тыс. человек). Это мероприятие освободило от болот обширные новые пространства, использованные под поля. Все это, вместе с отказом от чрезмерных почестей (он не принял, например, титула императора в качестве личного имени), простотой и доступностью создало ему твердое расположение народных масс, сохранявшееся до самой его смерти.

В делах же общей администрации, военных и финансовых, и которых Клавдий не имел никаких знаний и опыта, он всецело и твердо доверялся компетентным и даровитым лицам, которых он для этого к себе приближал. Он умел их выбирать преимущественно из среды своих образованных рабов, греков и сирийцев, с которыми сблизился еще в годы своего угнетенного положения. Он теперь отпустил их на волю и поручил им различные отрасли управления, причем не смущался язвительными замечаниями, что тем самым «из принцепса он сделался слугой своих слуг» (Светоний, Клавдий, 29). И эти вольноотпущенники, Феликс, Паллас, Нарцисс, Полибий, люди без рода и племени, далеко не забывавшие себя и награбившие себе колоссальные состояния, были, однако, глубоко преданы императору и возглавляемому им новому режиму. Они постепенно отодвинули на задний план и сенат, и всю старую магистратуру и за годы правления Клавдия положили начало новой бюрократической системе центрального императорского управления.

По существу эта система развернулась из домовой конторы принцепса, ведавшей его личным состоянием. Но императорская контора, благодаря переплетению в ней функций частного хозяйства с делами государственными, тем легче могла превратиться и настоящую основную правительственную канцелярию, а се отрасли и «службы» (officia) — в правительственные департаменты.

«Счетная служба» (a rationibus) обратилась теперь в настоящее министерство финансов, которым ведал ловкий и оборотистый грек Паллас. Он привел императорскую казну в блестящее состояние, но и сам стал одним из самых богатых людей в Риме (его имущество оценивалось в 300 млн. сестерций). «Служба приказов» (ab epistulis) находилась в ведении личного секретаря Клавдия — талантливого и умного Нарцисса: здесь объединялись функции министерства

внутренних дел, министерства внешних дел и министерства военного. Поэтому Нарцисс был самым влиятельным человеком в государство, определял всю внутреннюю и внешнюю политику, отдавал распоряжения командующим армиями, ездил в провинции ревизовать проконсулов и императорских наместников. «Службой контроля» (a studiis) ведал ученый грек Полибий, который пользовался таким почетом, что «хаживал, бывало, даже и сопровождении консулов, шедших по обе его стороны» (Светоний, Клавдий, 28); «службу следствий» (a cognitionibus) возглавлял Каллист — в его ведении находился высший императорский суд по делам чрезвычайной важности и кассационная палата. Наконец, была еще «служба прошений» a jlbellis) на императорское имя, своего рода личная канцелярия принцепса. В каждом из таких министерств или отделов управления, кроме начальника и его ближайших заместителей и помощников, было и множество писцов всяких рангов, приставов, исполнителей поручений и пр. — все сплошь от начальника до последнего служителя выходцы из вольноотпущенников и даже рабов императора. Перед этими недавними рабами заискивали представители обедневшей римской аристократии, а сенат осыпал их всякими знаками достоинства и дал даже звание квестора Нарциссу и претора — Палласу.

Естественно, что и всю внутреннюю и внешнюю политику Рим эти новые люди повели по новым путям. Они широко раздавал права римского гражданства (в чем особенно сдержанны были Август, и Тиберий): скоро целые племена и провинциальные город получили это право. Нобилитет и сенат должны были после большого сопротивления допустить в свою среду первых провинциалов — эдуев из Галлии, из провинции, к которой особенно благоволил Клавдий (сохранилась в виде надписи из Лиона его речь в сенате по этому поводу). В противовес сенаторскому сословию широко стали выдвигать всадников — им открыта была широкая военная карьера, из них стал назначаться весь средний командный состав, например начальники когорт и эскадронов конницы, трибуны легионов; прокураторам высшего ранга назначались консульские отличия и высокое содержание до 200 тыс. сестерций. Таким образом, начинался процесс нивелирования всего населения Римской державы: провинциалы сближались с римлянами, внутри римского общества сглаживались разделявшие его старые сословные пере городки.

Сильно активизировалась и внешняя политика Рима. В правление Клавдия произошло новое мощное римское наступление и новое, очень крупное расширение Римской державы. В 43 г. большая римская армия (около 50 тыс. человек) под командой опытного военачальника Авла Плавтия начала завоевание Британии, что пытался дважды сделать еще Юлий Цезарь — в 55 и 54 гг. до н. э. Римские войска высадились в устье Тамизы (Темзы) и отсюда веером, по радиусам начали наступление по всей южной Британии. В присутствии самого императора произошла главная битва с объединившимися и оправившимися после первых неожиданных ударов британцами. Бои развернулись близ большого и старинного городища британцев — Камулодуна (Кольчестер). После победы римлян Камулодун стал главным военным центром и столицей новой римской провинции — Британии: вокруг него было воздвигнуто двойное кольцо мощных стен, устроена многочисленная колония ветеранов, построен храм «божественного Клавдия». Другим большим римским городом стал Лондиний (Лондон). По случаю покорения Британии Клавдий, по возвращении в Рим, отпраздновал пышный триумф и принял почетное прозвище Британника (Британского), оно перешло и к его молодому сыну (см. о завоевании Британии: Светоний, Клавдий, 17; Тацит, Анналы, XII, 31—40; Дион Кассий, кн. 60, 19—22).

Другой крупный внешний успех был одержан на Дунае и Понте. Римские войска продвинулись в Паннонию и закрепились по всему Среднему Дунаю. Здесь, по берегу Дуная, построена была целая цепь крепостей и легионных стоянок — Лавриак, Виндобона (Вена), Карнунт (особенно мощная крепость с гарнизоном в целый легион), Бригенцио и др. На нижнем Дунае ликвидировано было в 46 г. Фракийское царство и к югу от Балканских гор образована новая провинция, Фракия, под управлением императорского прокуратора. Территория вдоль устьев Дуная (Добруджа) присоединена была к провинции Мезии. Мезия

стала оплотом Рима на самом опасном для него пункте вторжений северо-восточных задунайских племен (даков, гетов, бастарнов, сарматов и др.). Здесь тоже появился ряд сильно укрепленных пунктов вдоль Нижнего Дуная — Сингидун (Белград), Дуростор (Силистрия), Троесмис, Новиодун и др.

Наконец, Рим протянул теперь свои руки и к дальним берегам Черного моря. В 47 г. значительное римское войско под начальством А. Дидия Галла, по-видимому морским путем, достигло Пантикапея, свергло, а затем взяло в плен и отправило в Рим боспорского царя Митридата III, настроенного враждебно по отношению к римлянам. На его место был поставлен сторонник Рима, царь Котис, который в своих надписях называл римского императора своим «благодетелем» и даже подобострастно, как клиент, стал именоваться Тиберием Юлием Котисом. Чтобы Боспор не вышел как-нибудь из подчинения Рима, в нем был поставлен римский гарнизон (см. Т а ц и т , Анналы, XII, 15—21;).

Одновременно с тем другого своего сторонника, царевича Митридата Иберийского, римляне сделали царем Армении; и здесь тоже, близ Еревана, поставлен был сторожевой отряд римского войска. В полу зависимость от Рима попал и царь Иберии, Фарасман, называвший себя римским союзником. В римскую провинцию опять обращена была Иудея, из Мавретании же нарезано было целых две новых провинции. Таким образом, это был период новой римской экспансии, выводившей Рим уже далеко за пределы Средиземноморья.

Но вместе с тем и во время правления Клавдия не прекращались шумные придворные скандалы и аристократические интриги. Сенаторы и нобилитет то глухо шипели против Клавдия и его нечиновных помощников, то организовывали заговоры. Например, в 42 г. по их наущению сделал попытку восстания наместник (легат) Далмации Фурий Камилл Скрибониан, но уже через несколько дней он был убит своими солдатами, так как его лозунг «за восстановление республики» не нашел среди них никакого сочувствия. За это оба бывшие под его командой легиона (VII и XI) получили почетные наименования «Клавдиевы, благочестивые и верные».

Особенно же много скандальных событий и кровавых расправ вызвано было поведением жен Клавдия — сперва знаменитой своей порочностью Валерии Мессалины, а затем после казни ее (49 г.), властной и честолюбивой Агриппины Младшей, дочери Германика. Вопрос о том, кто из первоклассных римских распутниц и интриганок сделается женой правителя, податливого на влияние близких, становился первостепенным государственным делом и вызывал образование целых партий, вступавших между собой в яростную борьбу. Дело закончилось тем, что одержавшая победу Агриппина, которую поддерживал глава римских финансистов Паллас, полностью подчинила себе слабохарактерного Клавдия и стала даже титуловаться Августой. Властная императрица, чтобы закрепить свое положение, поставила во главе прето-рианской гвардии своего сторонника, Афрания Бурра, погубила множество своих противников и соперниц, отстранила от Клавдия его молодого сына Британника, которого поддерживали военные круги с Нарциссом во главе, и заставила усыновить своего сына от первого брака с Гнеем Домицием Агенобарбом — 15-летнего Нерона (в 51 г.). Он был объявлен «главой молодежи» и получил проконсульскую власть. Подготовив, таким образом, все для возвышения сына, она отравила самого императора (54 г.).

Все это были явления весьма обычные при восточных и эллинистических дворах, свидетельствовавшие о том, что и в Риме принципат к половине I в. н. э. почти уже полностью переродился в эллинистического вида монархию.

§ 3. Нерон (54—68 гг.) и конец династии Юлиев-Клавдиев

Наиболее яркое и полное свидетельство превращения принципата в монархию эллинистического типа нашла себе в правление последнего принцепса из династии Юлиев-Клавдиев — Нерона.

Действительно, впервые правителем Рима, вразрез со всеми римскими традициями, стал несовершеннолетний (16-летнии) юноша. Он стал правителем лишь благодаря дворцовому перевороту, так как, по существу, не имел никаких реальных прав на верховную власть. Под угрозой преторианцев, предводительствуемых Бурром и задаренных Агриппиной, уже привыкший к покорности сенат послушно голосовал за передачу всех полномочий принцепса этому пасынку Клавдия, хотя у последнего был и прямой сын — Британник. Несочувствие видных военных кругов Агриппина парализовала немедленной казнью Нарцисса и передачей всего военного управления в руки Бурра; своевременно принятые полицейские меры обеспечили полное спокойствие в народных массах столицы. Все это с точностью воспроизводило прежние, подобные же дворцовые перевороты в Александрии, Антиохии, Пергаме или Артаксате.

По образцу восточных же монархий фактическая власть, за юностью и неопытностью государя, оказалась в руках женщины — Августы-матери — и ее сообщников (Палласа, Бурра, Сенеки и др.). По существу, благодаря этому режим, установленный Клавдием, совершенно не изменился, так как Агриппина и ее приближенные уже и тогда играли ведущую роль. Только ввиду меньшей устойчивости своего положения им пришлось пойти на некоторое заигрывание со знатью, выразившееся в программной речи, написанной Сенекой и произнесенной юношей Нероном в сенате: в ней обещалось сохранение древних прав и полномочий сената, подтверждалось деление провинций на сенатские и императорские, осуждалось засилие фаворитов и вмешательство родственников принцепса в государственные дела. Однако сенатские заседания собирались во дворце принцепса, чтобы скрытая за занавеской Агриппина могла следить за прениями, и она же присутствовала при приеме иностранных посольств.

Впрочем, ввиду налаженности правительственного аппарата и невмешательства в государственные дела самого Нерона, эти пять лет впоследствии назывались «счастливым пятилетием Нерона» (54—59 гг.). Это проявилось и в успехах внешней политики, в дальнейшей военной экспансии Римской державы, притом в сторону Востока, куда давно уже устремлялись главные поползновения могущественных финансовых и военных кругов Рима. В связи с нападением парфян на Армению, которую Рим считал подвластной себе страной, начался в 57 г. так называемый «восточный поход Нерона». После основательной трехлетней подготовки большая римская армия из пяти легионов с соответствующим количеством вспомогательных частей, под командой испытанного полководца Домиция Корбулона в 58 г. из Каппадокии вступила и Армению. При поддержке со стороны иберийского (грузинского) царя Фарасмана и отрядов кавказского племени мосхов была взята и сожжена старая столица Армении Артаксата. В следующем году была взята и вторая, новая столица Армении на реке Тигре — Тигранокерта (59 г.). Парфянский ставленник, царь Тиридат (брат парфянского царя Вологеза), был изгнан, и армянским царем назначен был Тигран V, долго живший в Риме заложником и основательно усвоивший римскую культуру. В Армении па поддержку ему вновь оставлен был гарнизон в 1 тыс. легионеров с 5 вспомогательными когортами; Иберия (Грузия) и прибрежные кавказские племена (мосхи) были поставлены в вассальную зависимость от Рима. В 63 г. Понтийское царство обратилось в римскую провинцию.

А одновременно с этим другая значительная римская армия под командованием легата Мезии Тиберия Плавтия Сильвана действовала вдоль северного побережья Черного моря. Поставив в зависимость от Рима многие племена, жившие на север от Нижнего Дуная (часть даков, сарматов, роксолан), она заняла Тиру (57 г.), Ольвию и дошла до Херсонеса, освободив его от осады скифским царем. Римляне твердой ногой стали и в Крыму. В Херсонесе появился римский гарнизон и эскадра римского флота, весь южный берег Крыма, после разгрома живших здесь тавров, покрылся римскими укреплениями (кастеллами), самым значительным из которых стал Харакс (в 5 *км* от современной Ялты). Если принять во внимание, что уже с 46 г. обширное Боспорское царство, в территорию которого входило и северное побережье Кавказа, находилось в полной зависимости от Рима, и в Пантикапее тоже стоял римский гарнизон, оккупацией римлянами Крыма устанавливался контакт с

римскими территориальными приобретениями в Закавказье и по южному берегу Черного моря. Весь Понт, таким образом, становился внутренним римским морем и в зависимость от Рима в 60-х годах стали все его берега. В 63 г. Понтийское царство и временно Боспор превратились в провинции Римской империи.

Однако это «счастливое пятилетие» закончилось к началу 60-годов. Оно сменилось восьмилетним периодом административного произвола и хаоса, благодаря характерной для всякого подлинно монархического строя возможности безграничного, часто капризного вмешательства государя во все правительственные дела. Чувственный и жестокий по природе, Нерон еще детства был насквозь развращен воспитанием в нездоровой обстановке дворца Клавдия. Став принцепсом, он рано превратился безудержного прожигателя жизни, и не только свой дворец, но улицы Рима обратил в поле шумных ночных оргий и скандалов Юный Цезарь твердо усвоил себе циничный принцип восточных монархов, что «государю все дозволено» (Светоний, Нерон, 37).

На этой почве начались конфликты Нерона с матерью уже в первые же месяцы его принципата. Агриппина имела даже неосторожность пригрозить своему сыну заменой его Британником. В ответ, действуя по примеру своей же матери в деле с Клавдием, Нерон ужо в начале 55 г. приказал отравить своего 14-летнего сводного брата. Так как это попело к дальнейшему охлаждению между матерью и сыном, то главной его фаворитке, порочной и злобной Поппее Сабине, удалось настоять на убийстве Агриппины: Нерон распорядился послать отряд преторианцев убить свою мать (59 г.). Официально было объявлено, что она покушалась на его власть и даже жизнь, и постановлением раболепствующего сената все статуи Агриппины должны были быть уничтожены, а ее изображения стерты с монет.

В скором времени после этого дворцового переворота умер Бурр (возможно, тоже от отравы), были отстранены Сенека и многие возглавлявшие разные ведомства, опытные вольноотпущенники Клавдия. Их заменили другие, более податливые и угодливые фавориты. Военные дела переданы были новому префекту претория, Софонию Тигеллину, человеку порочному и продажному, обратившемуся во всесильного временщика, подобного Сеяну при Тиберии; он сознательно потакал всем порочным склонностям Нерона, чтобы тем крепче держать его в своих руках. Жена Нерона, Октавия, дочь Клавдия, была отправлена в ссылку, а затем убита, Нерону предоставлялась возможность вступить в брак с Поппеей Сабиной, у которой, по выражению Тацита, «было все — красота, ум, богатство, — все, кроме честной души». Эта женщина стала достойной подругой Нерона в его оргиях. Совместными усилиями они превращали весь Рим в подобие сплошного притона.

С 60-х годов начался период неслыханных трат на самые сумасбродные придворные затеи, или, как Светоиий метко назвал, «бешенство расточительности», очень характерное и для эллинистических монархий. Беспрерывные празднества и игры (введено было множество новых, например, «Неронии», «Ювеналии», «Величайшие» и др.) давались в обстановке невиданной роскоши. Дворцовая прислуга была увешана драгоценными украшениями, дворцовые мулы подковывались серебряными подковами. Но всего больше средств поглощали безумные постройки, и в особенности новый громадный дворец, так называемый «Золотой дом». Он занимал со своими портиками, парками, прудами и зверинцами несколько кварталов в самом центре Рима между Палатинским и Эсквилинским холмами. «Весь дом внутри был отделан золотом, драгоценными камнями и перламутром. Столовые имели потолки с обшивкой из слоновой кости, которые вращались, дабы можно было сыпать сверху цветы, а сквозь трубки брызгать благовониями. В банях имелась морская и минеральная вода». Осматривая накопченную грандиозную постройку, Нерон заявил, что «наконец-то он начинает жить по-человечески» (Светоний, Нерон, 31).

В связи с таким расточительством быстро растаяли все сбережения, сделанные в государственной казне в период управления ею Палласом, и наступил финансовый хаос и хроническое безденежье. Приходилось даже задерживать выплату жалованья солдатам и выдачу наградных отпускаемым в отставку ветеранам. Для пополнения государственной

кассы захвачены были богатые фонды римских храмов и даже расплавлены золотые и серебряные изображения богов. Ухудшили монету — из фунта серебра стали чеканить 96 денариев вместо 84 прежних. Главным же. образом старались поправить, хотя бы временно, положение путем массовых конфискаций имущества состоятельных людей, на которых возродились для этого самые фантастические и нелепые обвинения на основании закона об оскорблении величества. Конфисковалось и все имущество умерших, если они в своих завещаниях «проявляли неблагодарность» и не завещали принцепсу значительной его части.

Государственными делами, кроме отдельных случайных капризных вмешательств, Нерон, впрочем, совершенно не занимался, и никакого принципиального расхождения с сенатом и верхами римского столичного общества у него не было. Римская знать, за исключением немногих ее представителей, в это время уже потеряла всякий интерес к политической деятельности, а на занятие магистратур смотрела лишь с точки зрения служебной карьеры и наживы. Окончательно вырождаясь, она сама с головой ушла и утонченное наслаждение жизнью, в увлечение цирком и театром. «На играх, — сообщает Светоний, — выступало в качестве действующих лиц множество членов двух высших сословий, и мужчин, и женщин. В амфитеатре в рукопашном бою участвовало четыреста сенаторов и шестьсот всадников. Они же выходили на борьбу со зверями и выполняли разнообразные другие роли и цирке» («Нерон», 11—12; ср. Тацит, Анналы, XV, 32). И Нерон как глава этих порочных и разлагающихся римских верхов своим спортивным и театральным лаврам придавал гораздо большее значение, чем своей славе государя. Обладая некоторыми литературными и музыкальными способностями, он, благодаря непрестанной и безграничной лести окружающих его царедворцев, возомнил себя небывалым артистическим талантом и неустанно выступал публично как декламатор, певец, музыкант, даже наездник и борец. Весь 67 г. он провел в артистической поездке по Греции, выступая на Олимпийских и Истмийских играх. За надлежащую оценку его искусства Нерон даже пожаловал Греции автономию, о чем сохранилась надпись с текстом его речи.

Административный хаос и финансовый развал следствием своим имели ряд тяжелых катастроф и во внешней политике, и! в жизни столицы и провинций. Так удачно начатая восточная война завершилась позорным концом. Парфяне вторглись в Армению и выгнали из нее римского ставленника, царя Тиграна V Шедшая ему на помощь римская армия в составе двух легионов по командованием нового, присланного из Рима наместника Каппадокии, бездарного и неопытного Л. Цезения Пета, была окружен парфянской конницей близ Рандейи, на одном из восточных при токов Верхнего Евфрата. Остатки ее спаслись лишь путем позорной капитуляции, оставив в добычу парфянам свой укрепленный лагерь и все военное имущество (62 г.). Получившему после этого вновь обширные права главнокомандующего в Азии Корбулону удалось лишь частично выправить положение: пришлось царем Армении признать брата парфянского царя Вологеза — Тиридата.

Беспечность и бездарность заправлявших делами фаворитов привели город Рим к страшному бедствию — небывалому по разрушительной силе пожару летом 64 г. Огонь бушевал 9 дней, и сгорело почти дотла 10 кварталов города из 14. Погибло но только множество частных домов и лавок, но также большинство знаменитых общественных зданий и храмов, среди них и старинный храм Весты с пенатами римского народа. Погибло множество населения, а худшая часть его, воспользовавшись паникой и безначалием, бросилась грабить горящие дома. Нерон же лишь любовался с высокой башни на грозную картину разбушевавшейся стихии и, как ходили слухи, слагал стихи на гибель Трои. Позднее приняты были некоторые меры, чтобы оказать помощь погорельцам — открыли для их временного устройства дворцовые сады и уцелевшие общественные здания, построили бараки, понизили цены на хлеб и пр. Но так как громадные опустошения, причиненные пожаром, Нерон поспешил использовать, прежде всего, для расширения своего «Золотого дома» и для застройки улиц вокруг него изящными портиками и роскошными зданиями, то в народе стали считать его сознательным виновником страшного пожара и называть

поджигателем. Это побудило правительство Нерона создать шумное дело об «истинных поджигателях». Хватали массами всяких подозрительных людей и предавали их публично, во время празднеств и игр, самым мучительным и страшным казням: «Их покрывали шкурами диких зверей, чтобы они погибали (на арене) от растерзания собаками, или пригвождали их к кресту, или жгли на огне, а также, когда оканчивался день, их зажигали в виде факелов для ночного освещения парков» (Тацит, Анналы, XV, 38—44). Этот страшный рассказ Тацита о «факелах Нерона» побудил в более позднее время христианских начетчиков сделать в текст этой главы «Аннал» Тацита ловкую вставку и изобразить эти казни как «первое гонение на христиан».

Используя горе и озлобление населений столицы, остатки оппозиционной знати организовали в 65 г. заговор: предполагалось убить Нерона во время его выступления в цирке и провозгласить принцепсом знатного, богатого и популярного Г. Кальпурния Низона. Он был консулом при Клавдии, а при Нероне жил в стороне от двора, выступая защитником на судах и соперничая с Нероном в занятиях поэзией и музыкой. К заговорщикам примкнули многие видные лица, среди них второй префект претория Фений Руф, поэт М. Айней Лукан (автор большой поэмы «Фарсалии», и которой прославлялись Помпеи и Брут) и, по-видимому, даже Сенека, приходившийся дядей Лукану. Но как сам Пизон, так и его друзья, возглавлявшие движение, проявили слишком много колебаний и нерешительности в выполнении своего плана, и заговор был, наконец, открыт. Последовали многочисленные аресты, пытки и казни. Пизон, Лукан и Сенека по приказу Нерона покончили самоубийством: Нерон уже давно мечтал конфисковать громадное богатство, нажитое его учителем Сенекой, который был не только крупнейшим ученым того времени, но и самым свирепым и жадным ростовщиком. Римское столичное высшее общество, таким образом, ярко демонстрировало свое полное разложение и совершенную непригодность к какой-либо общественной активности и политической руководящей роли.

Решительный удар порочному правительству Нерона был нанесен не верхами, а значительно более дееспособными и живыми общественными силами—провинциями. Уже с самого начала 60-х годов во многих провинциях, измученных бесконечными поборами и насилиями римских чиновников, контроль за которыми значительно сократился при бездарных и беспечных ставленниках Нерона, начались народные волнения, переходившие в опасные восстания. В 60 г. восстало большинство племен недавно покоренной Британии — ицены, тринобанты и др. Вождем движения стала царица иценов Боудикка. Восставшим удалось разгромить целый римский легион, взять и разрушить столицу римской Британии город Камулодун, а затем и второй по значению город Лондиний. Погибло до 80 тыс. римских поселенцев и торговцев с женами и детьми.

С громадным трудом наместнику Британии, Светонию Паулину, который в это время с основными римскими военными силами предпринял поход на далекий от римских владений остров Мону (Энглези в Ирландском проливе), удалось отступить с севера к берегам Ла Манша. Однако, собрав здесь все резервы, он заманил армию восставших в ущелье, на неудобные для нее позиции, и нанес ей жестокое поражение. Теперь римлянами, в свою очередь, было перебито до 80 тыс. британцев. Все же и Светонию Паулину, и его преемникам, вплоть до знаменитого Агриколы, тестя Тацита (последний написал его биографию под названием «Жизнь Агриколы»), более десяти лет пришлось устраивать карательные экспедиции по всей занятой римлянами территории на острове, так как Британия продолжала находиться в состоянии постоянного брожения.

Одновременно с тем с начала 60-х годов чрезвычайно усилилось брожение в Иудее. Здесь население жило под двойным гнетом — римских завоевателей, которые выколачивали из народа подати и пошлины, и собственных эксплуататоров: иерусалимского жречества и группы фарисеев, ученых — «книжников», толкователей закона, подводивших идеологическую базу под ненасытные аппетиты жречества. Книжники учили: «Молись о благополучии правительства (римского), ибо, если бы не страх перед ним, то один другого пожрал бы живьем». Народ должен был вносить храму десятину «со всего, что служит пищей и растет на земле», приносить в храм первинки со сбора хлеба, плодов и меда,

поставлять для храма жертвенных животных и другие продукты для жертвоприношений. Эти два ига, «иго римлян» и «иго закона», разоряли иудейское крестьянство и мелкое городское население. Спасаясь от разорения и нищеты, наиболее активные элементы «народа земли» уходили на север, в Галилею, где вокруг Генне-саретского озера были обширные дикие пространства. Многие из беженцев принадлежали к числу так называемых «зелотов» (ревнителей свободы). Наиболее смелые и решительные обращались в «сикариев» (кинжальщиков, от слова sica — короткий кинжал), действовавших посредством террора — убийств наиболее ненавистных народу иудейских угнетателей. В числе других жертвой сикариев пал в 50-х годах особенно озлобивший против себя народ первосвященник Ионафан. Среди зелотов была распространена вера в скорое появление царя-освободителя, «помазанника» (машиах, мессия), посланника самого иудейского бога Ягве. Уже в 6 г. н. э. поднял в Галилее восстание некий Иуда Гавлотянин, провозгласивший себя таким «царем иудейским»; за этим восстанием последовал и ряд других.

В 66 г. вспыхнуло особенно грозное восстание, превратившееся во всенародную иудейскую войну 66 — 70 гг. Поводом к нему послужило неслыханное грабительство римского прокуратора Гессия Флора: он дошел до того, что ввел в Иерусалим отряд римских солдат и отдал им на разграбление часть города. Произошли кровавые столкновения, в которых одержали верх иудеи. Вслед за этим восстания против римлян стали разгораться по всей стране. На помощь Флору в Иерусалим пришел сам наместник Сирии Г. Цестий Галл со значительными военными силами. Но и он не смог взять иерусалимского храма, превращенного повстанцами в крепость. Чтобы избежать грозившего ему окружения и полного уничтожения, он с трудом увел из Иерусалима свои сильно поредевшие войска.

Другой центр восстания 66 г. создался в Галилее, где господствовали зелоты. Там выдвинулся энергичный и непримиримый вождь, простой человек Иоанн из Гисхалы, организовавший силы повстанцев и ставший фактическим главой Галилеи. Между Иерусалимом и Галилеей действовали отдельные отряды, не связанные общим командованием, но поддерживавшие постоянную связь с Иоанном и с вождями восстания в Иерусалиме.

Перед лицом такого массового и мощного народного движения Иерусалимские правящие круги растерялись, и первое время были вынуждены сделать вид, что и они сочувствуют движению. Но разрыв произошел очень скоро.

Поводом послужило решение прекратить ежедневное жертвоприношение на императора. Первосвященник и фарисейские вожди стали возражать против этого решения, разоблачив, таким образом, себя как сторонников примирения с Римом. Началась открытая междоусобная кровавая борьба на улицах Иерусалима. Сторонники Рима были окончательно вытеснены из Иерусалима; повстанцы сожгли дворец первосвященника и дома других виднейших представителей жречества и фарисейства. Правящая группа иудейских эксплуататоров была разгромлена и лишена власти; часть их погибла, часть бежала в Галилею, куда римляне уже направляли новые силы. Лишь немногие фарисеи, в том числе некий «книжник» Иосиф, будущий историк этой войны, остались в Иерусалиме, прикидываясь «Друзьями» народа.

Руководство движением перешло целиком в руки зелотов, с Симоном, Иоанном и Элеазаром во главе; их опору составляли крестьяне, ремесленники и освобожденные рабы. Верховным органом власти было объявлено народное собрание, заседавшее в храме. Оно разделило Иудею на 12 округов, назначило штаб вооруженных сил повстанцев и послало своих представителей в Иудею и Галилею. Фарисейской группе удалось провести в качестве начальников округов нескольких своих приверженцев, а представителем в Галилею — Иосифа. Как показали последующие события, эти начальники из фарисеев, в особенности Иосиф, оказались предателями своего народа. Последний, явившись в Галилею, при первом удобном случае сдался римлянам, перешел на их сторону и всячески помогал подавлению восстания. За это он получил впоследствии императорскую милость — право называться

Флавием, именем полководца Т. Флавия Веспасиана, будущего императора, назначенного Нероном командиром особой армии для ведения иудейской войны.

Несмотря на крупные военные силы, бывшие в его распоряжении, Веспасиан принужден был вести войну лишь путем крайне медленного, постепенного, но упорного продвижения, беспощадно уничтожая за собой все населенные пункты и распиная на крестах всех попадавших в его руки повстанцев. Ему удалось овладеть Галилеей, захватить главные центры сопротивления в ней — Тивериаду и Иотапату. Однако почти вся южная часть страны, Иудея в собственном смысле, продолжала сопротивляться, и с необычайным упорством держался Иерусалим.

Положение в Иудее не успело еще окончательно выясниться, как весной 68 г. вспыхнуло еще более опасное восстание в Галлии. Поднялись все самые крупные и многочисленные племена галлов — эдуи, секваны, арверны, и, что было самым опасным для правительства Нерона, во главе восставших оказался императорский легат Лионской Галлии, Г. Юлий Виндекс. Сам галл по происхождению, он имел обширные связи с населением провинции, которой управлял. Очень быстро вокруг него образовалось ополчение в 100 тыс. человек. В своих речах и воззваниях Виндекс клятвенно заявлял, что единственной целью восстания является освобождение Римского государства от тирана и свержение «принцепса-скомороха». Призыв Випдекса очень быстро нашел живой отклик у наместников и в подчиненных им воинских частях других провинций западной части Римской державы. С военными кругами у Нерона с самого начала его принципата отношения были натянутые. Военного дела он совершенно не знал и им не интересовался. Солдаты Нерона не знали и не любили, они завидовали щеголеватым преторианцам, распустившимся в обстановке придворных караулов и столичных парадов. Высший командный состав, легаты и наместники, ожидали и для себя участи Корбулона, которого Нерон заставил покончить самоубийством. Ходили слухи, что «Нерон собирался послать смену и убийц правителям войск и провинций» (С в е т о н и й, Нерон, 43). Примеру Виндекса немедленно последовали легаты Ближней и Дальней Испании — старый, опытный и заслуженный Сервий Сульпиций Гальба и М. Сальвий Отон, а также проконсул Африки Л. Клодий Мацер. Все они стали собирать и подготовлять войска для похода на Рим. Правда, самая мощная из римских армий, рейнская, или германская, разгромила ополчение восставших галлов, так как это движение она рассматривала как бунт в своем тылу, и приведенный этим в отчаяние Виндекс закололся, преждевременно сочтя все свое дело погибшим. Однако вслед за этим и германские легионы присоединились к восстанию против Нерона, сорвали его инициалы со своих знамен и стали настойчиво требовать, чтобы их командующий, Виргиний Руф, провозгласил себя императором. Таким образом, по существу, к началу лета 68 г. все западные провинции и стоявшие в них войска находились в состоянии открытого восстания против Нерона. Правительство Нерона проявило полную растерянность. Сам он строил самые фантастические планы — собирался, например, выступить перед восставшими в качестве певца и очаровать их звуками своего голоса. Даже приказано было приготовлять к отправке соответствующие декорации и собирать сопутствующих актеров. Однако ему стали изменять даже его фавориты: префекты претория Г. Нимфидий Сабин и Тигеллин, в надежде спасти свое положение и жизнь, внезапно объявили себя сторонниками Гальбы и обещанием громадных подарков склонили и преторианцев провозгласить его императором. Собравшийся сенат, поставленный перед совершившимся фактом, принужден был санкционировать это провозглашение, а Нерона объявить врагом народа, подлежащим казни. Покинутый всеми и совершенно потерявший голову Нерон, после неудачной попытки бежать, узнав, что скромная загородная усадьба его вольноотпущенника Фаонта, где он спрятался, уже окружена разыскивающими его солдатами, принужден был покончить с собой. Умирая, он будто бы воскликнул: «Какой великий артист погибает!».

Смертью Нерона закончилась не только династия Юлиев-Клавдиев, правившая Римом более столетия. Закончился и режим римско-эллинистической монархий, основанной Юлием Цезарем, ловко замаскированной Августом и окончательно себя дискредитировавшей в течение правления его преемников. Римская держава уже переросла

те устарелые формы, которым старались подражать эти первые ее императоры, так как и по составу, и по социально-экономической структуре, и по политическим целям она была несравненно сложнее и прогрессивнее эллинистических царств и восточных деспотий. Восстанием провинций 68 г. поэтому и открывалась новая эра в римской истории[11].

ГЛАВА СТО ВТОРАЯ
Междоусобная война 68—69 гг. н. э. Римская империя при Флавиях

§ 1. Война 68 — 69 гг.

Тацит метко выразился, что 68 г. обнаружил тайну империи». «Пришли в движение все легионы и полководцы, и стало ясно, что не только в Риме, но и в другом месте можно сделаться главою государства» («История», I, 4), т. е. ни армия является основной опорой императора и что ее вердикт решает их судьбу.

Однако римская армия в 68 г. п. э. была по своему составу уже совсем не та, что во времена Цезаря или Октавиана. Теперь она в значительной степени утратила свой италийский характер и провинц и а л и з и р о в а л а с ь. Из жителей Рима и населения Италии с половины I в. и. э. формировались только преторианские войска II римские городские когорты и, как особое исключение, во времена Нерона был из италиков набран его 1-й италийский легион, питому и имевший такое наименование. Обычно же в это время легионы уже набирались на местах своих стоянок из жителей провинициальных городов, часто даже не римских граждан, но получавших римские гражданские права тотчас по поступлению своему на солдатскую службу. «Вспомогательные войска» (auxilia) имели еще более выраженный неримский характер и этническую пестроту: они состояли из представителей различных воинственных племен и обычно сохраняли свойственное им вооружение, как, например, когорты батавские, испанские, фракийские, киликийские и пр. Солдаты их даже римское гражданство получали только при выходе в отставку после длительной 25-летней военной службы. Тесную связь с местным населением и с провинцией поиска имели также через военные посады (canabae), возникавшие при крепостях и лагерях, за их укреплениями; в них жили солдатские «конкубины» (сожительницы), обычно из местных женщин, также ремесленники, лавочники, содержатели таверн и прочий местный люд, обслуживавший солдатский быт. Очень большую роль в сближении войсковых частей с местным населением играли также «колонии» отставных солдат — ветеранов, которые сохраняли тесную связь с своими частями и нередко, в случае надобности, опять мобилизовались на «вторичную службу». Так каждая римская армия получала свое этнически особое провинциальное лицо, хотя и сохраняла римский военный устав, римских командиров, латинский командный и официальный язык, куль императора, статуя которого ставилась у главных ворот лагерей наконец, общий римский обиход своей жизни. Армия становилась грандиозным котлом, в котором происходило смешение римских и провинциальных элементов и возникала так называемая «римская провинциальная культура».

В общем можно в римской армии различать три б о л ь ш и е а р м е й с к и е г р у п п и р о в к и с ярко выраженными местными отличиями и интересами. Во-первых, рейнская армия, самая мощная и обладавшая наибольшими боевыми качествами, в состав 8 легионов, набранных преимущественно из жителей Галлии с множеством вспомогательных германских частей. Солдаты ее, по примеру германцев, поверх своих шлемов и лат надевали шкуры медведей и рысей. Затем восточная армия (3 легиона в Сирии 3 — в Палестине и 2 —

[11] См.: История Древнего мира, Под ред. В. Н. Дьякова и Н.М. Никольского, М., 1952, 781с.

в Египте) формировалась преимущественно из жителей Малой Азии, в особенности полуэллинизированных Галатии и Каппадокии, вспомогательные отряды — из чисто варварских восточных племен. Солдаты ее носили длинные восточные хитоны и молились восточным богам — «Непобедимом Солнцу» и Митре. Наконец, третью большую армейскую группировку составляла дунайская армия — паннонские и мезийские легионы, по боевому качеству не уступавшие рейнским и в этом отношении постоянно соперничавшие с ними. В ней был особонно смешанный этнический состав — среди солдат ее было много галлов (почему и стоянки ее часто имели кельтские названия, как Карнунт, Дуростор и др.) и испанцев, но особенно много сильно эллинизированных фракийцев. Дунайская армия находилась в весьма тесном контакте с восточной, которой часто посылала на подмогу свои легионы.

Во всех этих армиях существовала крепкая корпоративная связь, свои военные традиции, свои мемориальные дни. Не было у них никакого почтения к римской республиканской старине, зато каждая из них стремилась выдвинуть теперь в императоры своего командира, чтобы за доставленный своим любимцам пурпур получить для себя и своих районов возможно больше наград, привилегий. И выдвигаемые кандидаты, зная, что им дорого придется заплатить за рискованную честь, далеко не всегда с охо-той шли на настойчивые приглашения своих подчиненных. Так было, например, с Виргинией Руфом, командиром рейнской армии.

Не по своей воле стал первым преемником Нерона, после еж свержения и смерти, и легат Ближней Испании, Сервий Сульпиций Гальба. Его выдвинуло то обстоятельство, что он первый при соединился к восстанию Виндекса; малозначительная испанская армия его поддержала и, за отсутствием пока других кандидатов, его провозгласили императором преторианцы в Риме. Гальба был знатный и богатый член сената, заслуженный полководец и опытный администратор, но ему было уже 72 года, он часто болел и ничуть не стремился к императорской власти. Прибыв в Рим, Гальба открыто демонстрировал свое отрицательное отношение к автократическому режиму, называл себя «легатом сената и народа римского», на его монетах чеканилась легенда «Свобода» (Libertas Publica или Libertas Augusta). Своим преемником и наследником он назначил крупного аристократа и влиятельного члена сената, человека, известного своими симпатиями к «старым добрым нравам», Л. Кальпурния Пизона Лициниана. Гальба определенно ориентировался на желания верхов римского и италийского населения, Пыл строг с солдатами, даже грозил подтянуть дисциплину распущенных преторианцев.

В связи со всем этим ему удалось сохранить власть только 7 месяцев. Рейнская армия, недовольная игнорированием своих желаний, уже в январе 69 г. разбила статуи Гальбы и потребовала у сената назначения другого императора, а один из приближенных Гальбы, честолюбивый М. Сальвий Отон, сумел путем подкупа склонить преторианцев на свою сторону. 15 января 69 г. он был провозглашен ими императором, а старый Гальба вместе со всеми его советниками и намеченным им преемником Пизоном были убиты.

Но и Отон продержался всего 3 месяца, несмотря на горячую поддержку со стороны преторианцев и римского городского плебса, которых он засыпал разными милостями и подачками. Рейнские легионы с самого начала отказали и ему в повиновении. На этот раз они уже прямо провозгласили императором своего командира — легата Нижней Германии Авла Вителлия. Человек совершенно ничтожный, один из самых угодливых придворных льстецов времени Клавдия и Нерона, Вителлий прославился лишь своим обжорством. Он сумел обольстить и солдат крайним перед ними угодничеством. Вся рейнская армия, оставив границу совершенно беззащитной, двумя колоннами двинулась на Рим. При Бедриаке, близ Кремоны, произошел 14 апреля 69 г. ожесточенный бой между наступавшими из-за Альп германскими легионами и италийскими войсками Отона: последние потерпели тяжелое поражение и потеряли до 40 тыс. убитыми, сам Отон закололся. Победители, даже не позаботившись похоронить убитых товарищей, разлились по всей Италии, грабя ее, как чужую завоеванную страну, или накладывая контрибуции на уцелевшие селения и города. От нескончаемых грабежей, дебошей и оргий очень быстро

распалась хваленая дисциплина рейнской армии, она утратила все свои прославленные боевые качества и обратилась в орды разнузданных мародеров, от которых стонала вся Италия.

Удача, выпавшая на долю германских легионов, соблазнила и две другие римские крупные армии — дунайскую и сирийскую. Не желая подчиниться ставленнику своих соперников, Вителлию, но не имея своих подходящих кандидатов, дунайские солдаты провозгласили императором Тита Флавия Веспасиана, командира армии, сражавшейся в Иудее: его войско состояло в значительной части из присланных с Дуная вспомогательных контингентов, Вместе с тем и его брат, Флавий Сабин, долго был наместником Мезии и оставил здесь по себе очень хорошую намять. Кандидатура Веспасиана, заслуженного военного и дельного администратора, встретила горячую поддержку среди высших слоев римского востока: за него высказались легат Сирии, Г. Лициний Муциан префект Египта, Тиберий Юлий Александр, союзные царьки Агриппа Иудейский и Антиох Коммагенский; даже парфянски царь Вологез обещал прислать 40 тыс. стрелков. Осенью 69г., не дожидаясь своих восточных товарищей, легионы Мезии, Паннонии и Далмации в полном составе выступили в поход под командованием простого командира (легата) VII легиона, М. Антония Прима, способного и энергичного человека, но вместо с тем и типичного военного авантюриста. В ожесточенной ночной битве под Кремоной (октябрь 69 г.) дунайские легионы одержали полную победу над утратившими свою боеспособность рейнскими. Через два месяца, в декабре 69 г., штурмом, после кровопролитного боя на улицах, взят был Рим, причем вителлианцы не постеснялись поджечь знаменитый храм «Юпитера Лучшего и Величайшего» в Капитолии, представлявший старинный архив римского государства. Погибло 3 тыс. бронзовых плит с надписями. Вителлий был вытащен солдатами из каморки привратника императорского дворца, где он укрылся, и зверски убит.

Трепещущий от страха перед такой же солдатской расправой сенат заочно признал Веспасиана императором. Веспасиан прибыл в Рим лишь через полгода, пока же за него управляли державшие его сторону военачальники — Антоний Прим и легат Сирии Лициний Муциан. Грандиозный военный мятеж 68 — 69 гг. закончился полным торжеством над столицей и центральным римским правительством восточных римских армий и представляемых ими провинций.

§ 2. Римская империя при Флавиях (69 — 96 гг.)

Кризис 68—69 гг. вызвал глубокую перестройку всей системы римской военно-рабовладельческой диктатуры. Императоры династии Юлиев-Клавдиев, сами принадлежа по происхождению к высшей римской знати, действовали, в общем, в ее интересах; они продолжали также традиции римской аристократической республики по отношению к жестоко эксплуатируемой в пользу города Рима отчасти Италии периферии — провинций. Теперь, вместе с торжеством провинциальных армий, обнаружилась и победа провинциальных элементов над столичными и италийскими, и Римская империя стала превращаться в новый, высший тип монархии, опирающейся на широкую базу всего рабовладельческого Средиземноморья. В связи с этим вскоре наступил последний период преуспевания античного рабовладельческого строя, так называемый «золотой век» империи (II в. н. э.).

Поворот, хотя еще и не полный, обнаружился уже при первой сменившей Юлиев-Клавдиев династии Флавиев, правившей Римом всего 27 лет (69—96 гг.). Это был никому не известный прежде род, вышедший из средних кругов италийского общества. Дед основании династии Т. Флавия Веспасиана был простой сабинский крестьянин, ставший центурионом; отец его был сборщиком налогов. Сам Веспасиан был, даже по внешности, простоватый человек, неуклюжий придворный: однажды во время иония Нерона он заснул, чем вызвал против себя временную опалу. Выдвинулся Веспасиан лишь личным усердием,

большой деловитостью и мужицкой смышленостью. И все правление Веспасиана (69—79 гг.) отличалось хозяйственностью и бережливостью. вместе с тем Веспасиан не допускал уже никакого вмешательства в свои распоряжения и заставил сенат провести особый указ о предоставлении ему очень обширных полномочий, вплоть до права отмены действующих законов («закон об империуме Веспасиана»).

Как опытный военачальник он прежде всего быстро ликвидировал солдатское своеволие и опять вывел войска из Италии на периферию. Причем верные ему части получили лучшие стоянки, в особенности в Сирии, из них же он составил и свою преторианскую гвардию. «Побежденные легионы» отправлены были на опасную дунайскую границу: в связи с этим в Мезию и самые отдаленные гарнизоны северо-востока попала и бывшая лейб-гвардия Нерона, набранный им 1-й Италийский легион, части которого оказались даже в кастеллах Таврпки (в Хараксе под Ялтой). Везде восстановлена была строгая дисциплина.

Затем с громадным напряжением всех военных сил Римского государства подавлены были все сепаратистские движения в провинциях и прежде всего восстание в Иудее. В связи с гражданской войной и избранием Веспасиана императором повстанцы в Иудее воспользовались передышкой, чтобы, перегруппировать свои силы и собрать новые резервы. Во главе повстанцев в 67 г. стал Иоанн из Гисхалы, которому удалось избегнуть плена и бежать из Галилеи в Иерусалим. Этот громадный город с населением в 600 тыс. человек, защищенный самим своим местоположением, среди глубоких ущелий и оврагов (Иосафатова долина и др.), и мощными укреплениями из двух колец стен с 164 башнями, был главным бастионом восставших. Но в самой Иудее Иоанну, но удалось создать сплоченную армию сопротивления; кроме того, не была уничтожена оставшаяся в Иерусалиме и в стране агентура жречества и фарисейства, которая прилагала все усилия, чтобы сеять раздоры и вызывать конфликты среди восставших. Эти обстоятельства способствовали тому, что в июне 69 г. римской армии удалось с огромными потерями пробиться из Галилеи к Иерусалиму. Сын Веспасиана Тит, сменивший в это время отца в качестве полководца, основные силы бросил против Иерусалима.

Огромной осадной армии из 4 легионов и 20 вспомогательных когорт потребовалось несколько месяцев, чтобы произвести тяжелые осадные работы. Только в августе 70 г. удалось приступить к штурму Иерусалима. Повторились страшные дни падения Карфагена. Сперва был взят нижний город, затем средний с дворцом и, наконец, храм, стоявший, как внутренняя цитадель, на возвышающейся среди города горе Сион (Мориа). Большая часть населения Иерусалима погибла в страшной битве на улицах города, меньшая, взятая в плен, была продана в рабство. Храм сгорел во время штурма, город был до основания разрушен, и на месте его развалин поставлен был постоянным лагерем римский X легион. Но борьба в Иудее затянулась еще до весны 73 г. После этого Иудея, подвергнутая систематическому опустошению, была обращена в особую пропреторскую военную провинцию. Возвратившийся летом 71 г. в Рим Тит был награжден блестящим триумфом. Его триумфальная арка, на которой изображены солдаты, несущие для сдачи в Капитолий знаменитые святыни иерусалимского храма — жертвенник, громадные трубы, золотой семисвечник, — до сих пор стоит на месте бывшего форума в Риме. С не меньшей твердостью было подавлено и опасное восстание в Галлии и на Рейне. Оно вспыхнуло среди воинственного германского племени батавов, жившего на Нижнем Рейне, и перекинулось к их соседям — фризам и канниефатам. Во главе стоял один из батавских князей, Юлий Цивилис, долго служивший начальником вспомогательных батавских когорт римской армии и хорошо знакомый с римскими порядками. Так как рейнская граница была обнажена уходом в Италию рейнской римской армии (на ней, по выражению Тацита, оставались лишь «тени легионов»), восставшие быстро овладели большинством римских рейнских крепостей. Движение охватило и Галлию, в которой знатные треверы, Юлий Классик и Юлий Тутор, провозгласили самостоятельную Галльскую империю. Правительству Веспасиана пришлось направить на Рейн лучшего своего полководца, Петилия Цереалиса, с большими военными силами, чтобы подавить это

разросшееся движение. Галльская знать скоро пошла на соглашение с римлянами из страха перед собственными народными массами. «После многих сражений удалось, наконец, Цереалису усмирить Германию; в одном из них столько перебито было римлян и германцев, что запружена была трупами протекавшая здесь река»,— кратко сообщает о конце этого восстания Дион Кассий (66,3).

Окончательно подчинена была также Британия, находившаяся в постоянном брожении после восстания Боудикки. Новый наместник, Гней Юлий Агрикола (с 78 г.), рядом смелых походов завоевал область бригантов (теперь Иоркшир и Ланкашир), самого беспокойного племени в Британии, овладел островом Моной и, отбив набеги каледонцев (шотландцев), расширил пределы римской провинции до рек Клайда и Форта, которые и укрепил целью кастеллов. Римский флот объехал Британию с севера и открыл Оркней-ские острова. В этих пределах Британия сделалась вполне замиренной римской провинцией, а благодаря упорядочению администрации и прекращению насилии и притеснений чиновников, стала быстро усваивать римскую культуру.

Правительство Веспасиана много внимания отдавало также приведению в порядок финансов, совершенно расстроенных и расточительностью Нерона, и гражданской мойной. Государственный бюджет достигал, по словам современников, 40 миллиардов сестерциев, т. е. около 3 миллиардов рублей золотом. Веспасиан простотой и нетребовательностью в личной жизни старался показать пример экономии, вызывая недовольство избалованных роскошью прежних дворов придворных и их язвительные обвинения в скаредности. Высмеивали также новые налоги, введенные для пополнения опустошенной казны; пришлось некоторые старые налоги удвоить, обложить даже кладбища, выгребные ямы и отхожие места. Будто бы сам Веспасиан, когда сын его Тит возмущался этим, поднес к его носу горсть монет и спросил: «Разве они пахнут?» Все же рядом с этими мерами проводилась широкая помощь «множеству городов по всей империи, пострадавшим от землетрясений и пожаров. В самом Риме, чтобы дать заработок простому народу, предприняты были обширные работы по восстановлению Капитолия, причем сам Веспасиан запросто участвовал в этих общественных работах и носил мешки с щебнем и мусором на спине; начата была постройка в самом центре города колоссального амфитеатра Флавиев (Колизея) на 85 тыс. зрителей.

В противоположность своим предшественникам Веспасиан презирал всякие монархические знаки почета и, умирая, с иронией сказал: «Увы, я, кажется, становлюсь богом!» Его сын, носивший то же имя Тита Флавия Веспасиана, почему его обычно, в отличие от отца, называют только личным именем — Тит, в свое недолгое двухлетнее правление (79 — 81 гг.) продолжал действовать в том же самом новом направлении римской императорской политики. Но он был человеком несравненно более культурным, большим знатоком поэзии и музыки, поклонником греческой философии, почему и правление его, отличаясь той же деловитостью, приобрело также характер большей широты и гуманности. Благожелательное отношение к провинциям и провинциалам стало проявляться еще более определенно. В провинциях построено было много новых дорог, продолжались большие общественные работы и в Риме (Колизей был достроен в 80 г.).

Третий из Флавиев, младший сын Веспасиана Домициан, правивший продолжительнее всех императоров из своей семьи (81 — 96 гг.), вместе с тем наиболее твердо и смело проводил новый режим абсолютизма широкого масштаба и на широком вне италийском базисе, за что и пострадал более всех от сторонников старого как при жизни, так и от злобной клеветы после своей насильственной смерти. Правда, человек, несомненно, тоже даровитый и умны трудолюбивый и добросовестный, как все Флавии, умевший правильно понять основные задачи времени и не лишенный организаторских способностей, Домициан обладал тяжелым, властным недоверчивым характером, делавшим прямое обращение с ним крайне неприятным. К тому же ему и не хватало достаточно опытности в долах военных и административных, так как всю свою молодость он провел в Риме как младший и несовершеннолетний сын, но участвуя, подобно Титу, ни в походах своего отца, не в административной деятельности.

В связи с этим, получив после ранней смерти Тита верховную власть, Домициан стал вести себя вызывающе надменно, в особенности по отношению к сенату, с которым его отец и брат старались, по возможности, ладить путем компромиссов. Он открыто шел по пути усиления монархических тенденций и даже требовал, чтобы его называли «владыкой» (dominus). Императорский совет совсем оттеснил сенат на задний план. Императорская канцелярия тоже всё больше наполнялась всадниками, вытеснявшими из нее прежних вольноотпущенников. Чтобы покрыть громадные рас ходы государства, беспощадно взимали налоговые недоимки из привыкших уклоняться от налогового обложения римских богатых вельмож и сановников и бесцеремонно конфисковали за не уплату их имущества, за что последние прозвали Домициан «хищным зверем» и «вымогателем». Особенно строго наблюдали за действием провинциальных наместников. Широко раздавалось в провинциях право римского гражданства, вся Испания получила латинское право, многие провинциальные города стали самоуправляющимися муниципиями. Впервые в провинциальные города стали назначать особых «кураторов» (опекунов, ревизоров), которым поручалось заботиться о благосостоянии этих городов и о приведении в должный порядок их финансов, что позднее, во II в., будет применяться особенно широко.

Чрезвычайно большое внимание правительство Домициана уделяло внешней защите провинций, для чего прекращены были даже успешные наступательные операции в Британии. Все римские военные силы были направлены в два наиболее опасных места на римских границах — на Рейн и на Нижний Дунай, откуда грозило новое варварское нашествие.

На Рейне особую опасность представляли вторжения германского племени хаттов. Они переходили Рейн, нападали на Могунциак (Майнц), опустошали благодатную долину Мозеля. В 83 г. сам Домициан во главе большой армии в 4 легиона нанес хаттам: сокрушительный удар, несмотря на то, что войну пришлось вести в самых тяжелых условиях, среди непроходимых лесов и болот.

Тогда же была завоевана горная гряда Таунуса и вся область между реками Рейном и Майном. Вместе с так называемыми «десятинными полями» на Верхнем Рейне, отвоеванными еще при Веспасиане, эти территории составили широкий защитный пояс по правому берегу Рейна. На протяжении около 300 *км* вся пограничная зона была укреплена оборонительными сооружениями, соединенными целой сетью военных дорог с тыловыми крепостями. Так положено было начало грандиозному германо-ретийскому «лимесу» (пограничной зоне), накрепко замкнувшему от Кобленца до Регенсбурга германскую границу для вторжения варваров.

Еще больше усилий потребовала защита нижнедунайской границы, откуда грозила страшная опасность балканским провинциям Римской империи, в особенности Мезии. Воспользовавшись римской смутой 68 — 69 гг. и уходом римских легионов с дунайской границы в Италию, конные отряды роксолан, народа сарматского племени, кочевавшего в степях современной Бессарабии, начали постоянные вторжения из-за Дуная. К этому присоединились все более частые вторжения даков из современной Трансильвании, особенно участившиеся с 80-х годов, когда одному из их племенных вождей, Децебалу, удалось объединить под своей властью многие их племена. В 87 г. даки нанесли страшное поражение префекту претория, Корнелию Фуску, попытавшемуся с целыми шестью легионами, что представляло в те времена очень большие силы, проникнуть в их горную и лесистую страну и подойти к их столице, Сармицегетузе; погиб сам главнокомандующий и большая часть войска, захвачены были легионное знамя, весь обоз и все снаряжение. Событие это потрясло всю империю. Такого поражения Рим не испытывал со времени Варовой битвы. Даже самому императору, лично прибывшему на дунайскую границу, не удалось поправить положение: он сам потерпел чувствительное поражение от даков и их союзников — маркоманов и квадов. «Это было первое успешное *нападение варваров на империю»,* — отметил Маркс в своих «Хронологических выписках»[12].

[12] К. Маркс, Хронологические выписки. Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. V, стр. 6.

Домициан принужден был заключить с Децебалом мало почетный для Рима договор, откупаться от него деньгами, поставкой вооружения и посылкой инструкторов по постройке военных машин и крепостей, которые предназначались против самих же римлян.

Одновременно с тем и с римской стороны началось спешное возведение на низовьях Дуная, в Добрудже, таких же мощных оборонительных сооружений, как и па Рейне. Это были грандиозные укрепления (60 кастеллов с соединявшим их мощным земляным валом) по южному склону глубокой долины, пересекающей гористую часть Добруджи, которые теперь носят название «Траяновых валов».«Чтобы охранять морское побережье со стоявшими на нем греческими городами, а также берега и переправы Дуная, создан был весьма значительный флот, получивший название «флавиева флота Мезии». Сама провинция Мезия была для удобства ее защиты разделена на две части — Верхнюю (теперь Сербия) и Нижнюю (Северная Болгария и Добруджа), и в этой последней, как наиболее угрожаемом отрезке границы, поставлены наиболее боеспособные части дунайской армии — 1-й Италийский и 5-й Македонский легионы.

Эти неудачи правительства Домициана на Дунае дали повод к обострению конфликта с сенатской аристократией и близкими к ней интеллигентскими кругами («философами») Рима. Оппозиция их режиму Домициана выражалась первоначально в целом потоке сплетен, обидных анекдотов и эпиграмм против императора, которыми переполнены произведения тогдашних писателей — Тацита, Марциала, Ювенала, а затем, по их примеру, и более поздних, как Светоний и Дион Кассий. С 80-х годов перешли уже к организации заговоров, на что Домициан отвечал сначала ссылками разных сановников, а затем и казнями.

В 88 г. оппозиция нашла особенно опасного выразителя своих намерений в лице легата Верхней Германии, Антония Сатурнина: он провозгласил себя императором, поднял военный мятеж среди двух стоявших в Могунциаке (Майице) легионов, вступил в союз с недавно усмиренными хаттами и другими германскими племенами, открыл для их вторжений римскую границу, что повело к разгрому многих прирейнских крепостей, и намеревался повторить поход Вителлин на Рим. Домициан, чтобы предупредить новый погром в Италии, принужден был двинуть на Рейн войска даже из Испании и лично выступить в поход против Сатурнина со своими преторианцами. Неожиданный ледоход на Рейне помешал соединению Сатурнина с германцами. Сатурпии был убит, а его армия разбита в большом и ожесточенном сражении. Вновь были усмирены и хатты. Последовали кровавые экзекуции, казни участников заговора, а затем и расправы со многими сенаторами, которых подозревали в сочувствии.

В 90-х годах заговоры следовали один за другим, а правительство Домициана принуждено было вступить на открытый путь террора. Доносчики, темнейшие и продажные люди давали возможность создавать массовые процессы, замешивая в них и множество невинных людей. Свирепствовал Домициан и по отношению к «философам», видя в них идеологов своих врагов: из Рима были высланы знаменитый ритор Дион Хрисостом («Златоуст») и стоик Эпиктет. Преследованию подвергались также евреи и начинавшие выделяться из их общин «христиане», так как их религиозные учения стали находить себе многих сторонников среди оппозиционной знати и проникать даже в придворную среду. Христиане изображали Домициана «чудовищным зверем, пришедшим погубить мир».

В 95 — 96 гг. борьба достигла такого напряжения, что Домициан чувствовал себя действительно в положении затравленного зверя. Даже в своем дворце он но был в безопасности: в занимаемых им помещениях были по его приказу сделаны зеркальные потолки и стены, чтобы он мог постоянно наблюдать, что делается и сзади и вокруг его. Заговор возник даже в ближайшем его окружении. В нем приняла участие сама императрица, Домиция Лонгина, дочь Корбулона, оба префекта претория, высшие чины двора. В сентябре 96 г. Домициан был убит в своей собственной спальне.

«К его убийству, — заключает Светоний («Домициан», 23), — народ [римский] отнесся равнодушно; напротив, солдаты негодовали и тотчас попытались провозгласить его

божественным. Они даже были готовы отомстить за него, но не нашлось вождя. Напротив, сенаторы до такой степени радовались, что, сбежавшись в курию, без всякого удержу клеймили покойника самыми бранными и злобными словами. Сонат приказал также принести лестницы и в своем присутствии убрать отовсюду бюсты, медальоны и барельефы с его изображением и тут же разбить их о землю». Светоний в этих словах правильно передает то новое взаимоотношение общественных сил, которое лежало в основе не только абсолютизма Домициана, но и всего режима закончившейся с ним династии Флавиев. Шумная демонстрация сената была лишь пустой выходкой бессильной злобы.

ГЛАВА СТО ТРЕТЬЯ

Римская империя при Антонинах

§ 1. «Золотой век» Римской империи; время первых Антонинов

Дело перестройки Римского государства в неограниченную монархию нового типа на обширной базе всего Средиземноморья, начатое Флавиями, стремились завершить их преемники — императоры династии Антонинов (96 — 192 гг.). Это время считается наиболее блестящим периодом в истории Римской империи, ее «золотым веком».

Самый термин д и н а с т и я А н т о н и н о в весьма условен: так принято называть последовательный ряд из 6 римских императоров II в., правивших непосредственно один за другим: это Нерва (96—98 гг.), Траян (98—117 гг.), Адриан (117—138 гг.), Антонин (138 — 161 гг.), Марк Аврелий (161—180 гг.) и Коммод (180 — 192 гг.). За исключением двух последних (Коммод был сыном Марка Аврелия) они не находились между собой ни в каком родстве: они намечались предшественниками в свои преемники из наиболее выдающихся и достойных лиц их окружения и путем фикции усыновления еще при жизни прежнего императора привлекались к правлению. Даже общее свое имя, Антонины, они получили только впоследствии, и не по имени первого, но четвертого из них — Антонина, которого потомки считали наиболее выдающимся и прозвали Пием (Благочестивым). Объединяет их то, что все они, за исключением Нервы, принадлежавшего к старинной римской сенатской семье, были выходцы из семей провинциальной знати, притом все (кроме последнего, Коммода) — люди весьма незаурядные, прекрасные организаторы и администраторы, смотревшие на свой высокий пост как на ответственную службу государству в его новом широком объеме. Соблюдая надлежащий внешний респект и формальную корректность в своих отношениях к старым римским правящим органам, в особенности к сенату, они открыто вступили на давно уже привычный для провинций авторитарный путь и правили, как сущие «самодержцы» — по личному усмотрению. Они проводили крупнейшие мероприятия в области как внутренней, так и внешней политики в интересах рабовладельческого класса всего Средиземноморья, нового хозяина Римского государства после гражданской войны 68 — 69 гг.

Первый из них, М. К о к ц е й Н е р в а, старый, 70-летний сенатор, был несколько случайным явлением в их ряду. Императором он стал путем сенатского избрания, как один из сановных участников дворцового переворота 96 г., покончившего с Домицианом. В его лице римская знать в последний раз сделала попытку, как выражается Тацит («Агрикола», 3), «соединить две несоединимые вещи — единовластие и свободу». Действительно в короткое, менее чем двухлетнее его правление (96 — 98 гг.) сенат был вознагражден за все свои унижения при Домициане восстановлением своего почетного положения: Нерва даже дал торжественную клятву не казнить никого из сенаторов. Прекращены были процессы об оскорблении величества, доносы стали преследоваться, даже прежде потерпевшие от них получили вознаграждение. Ослаблено было налоговое бремя, отменена очень тяготившая население Италии ямская повинность; 60 миллионов сестерциев было истрачено на покупку земель, назначенных на наделение безземельных. Стала воскресать деятельность

литературных кружков: Тацит в это время написал свое первое произведение «Жизнь Агриколы» и в нем приветствовал «первую зарю этого счастливейшего века» (гл. 3). Поэт Марциал восхвалял Нерву: «Он то господин, то император и справедливейший из всех сенатор». Однако все это несколько старомодное сенатское правительство Нервы встречено было естественным недоверием военных кругов. Поэтому во втором году своего правления Нерва принужден был привлечь к участию в управлении, а затем усыновить и объявить своим наследником виднейшего из военных людей того времени, легата Германии М. Ульпия Траяна, отличившегося во время подавления восстания Антония Сатурнина. Уже через четыре месяца после усыновления Траяна, в январе 98 г. Нерва умер, и Траян стал императором.

М. У л ь п и й Т р а я н (98—117 гг.) происходил из Бетики, наиболее романизованной провинции Испании. Он был первым императором из той провинциальной знати, которой Флавии открыли широкую дорогу в правящие слои Рима или, как выразился Маркс, *«...первый иностранец, восшедший на римский престол*[13].

Благодаря своим блестящим военным и административным способностям, соединенным с простотой, прямотой и ласковостью в обращении, Траян, которому было 42 года, уже приобрел громадную популярность и в армии, и у населения. Впоследствии он получил даже официальное прозвище «Наилучший принцепс» (Optimus princeps). Пошло в обычай каждого нового императора приветствовать кличем: «Будь счастливее Августа и лучше Траяна».

В своей правительственной деятельности Траян сумел объединить либеральный режим Нервы с тенденциями внутренней и внешней политики Домициана и Флавиев вообще. Правительство Траяна проявляло и с к л ю ч и т е л ь н у ю з а б о т л и в о с т ь по о т н о ш е н и ю к п р о в и н ц и я м. Происходило множество процессов и в сенате, и в общих судах по обвинению провинциальных наместников и их агентов местными жителями в вымогательствах, взяточничестве, хищениях и насилиях. Система назначения кураторов, появившаяся при Домициане, получила особое развитие: они стали назначаться не только в отдельные города, но и в целые области. Император лично следил им всеми мелочами провинциального управления, требовал подробного осведомления, отдавал свои распоряжения. Сохранилась переписка между Траяном и легатом провинции Вифиния-Понт, Плинием Младшим, в которой, между прочим, подробно обсуждаются различные детали провинциальной администрации, как, например, вопрос о постройке бани в городе Амасии, об органи-зации добровольной пожарной команды в Никомедии, о ежегодных расходах жителей Византия на посылку поздравлений императору и наместнику Мезии.

Но немалые заботы вызывала и И т а л и я, которая обратно пропорционально с подъемом в провинциях, подвергавшихся меньшей эксплуатации, приходила все в большее запустение. И Риме производились частые раздачи нуждающемуся населению: в 102. и 107 гг. было роздано по 100 денариев на каждого жителя. Производилось, по примеру Юлиев-Клавдиев и Флавиев, и множество общественных работ, например, проведена мощеная дорога через Помптинские болота, построен прекрасный «форум Траяна», с обширной базиликой и двумя библиотеками, установлена знаменитая «колонна Траяна» в 28 *м* вышиной, с грандиозным барельефом, идущим по ней спиралью и изображающим его поход на даков с удивительным реализмом и точностью. Но особенно много внимания и беспокойства правительства Траяна вызывал растущий упадок земледелия в Италии: в связи с этим было издано постановление, чтобы одна треть состояния сенаторов непременно вкладывалась в землю, а средним и мелким землевладельцам государство старалось помочь предоставлением дешевого кредита в 5% из государственной казны.

В прямой связи с этим стояли и мероприятия, имевшие целью увеличение падавшего числа населения Италии. Были созданы особые государственные фонды, частично

[13] К. М а р к с, Хронологические выписки. Архив К. Маркса Ф. Энгельса, т. V, стр. 6.

составленные из уплачиваемых по аграрным ссудам процентов, для выдачи пособий на прокормление (alimenta) детям-сиротам, мальчикам до 16 лет, девочкам до достижения 14-летнего возраста. В городе Риме, где эти пособия стали выдаваться еще при Нерве, таких государственных стипендиатов насчитывалось до 5 тыс. При Траяне же эта система алиментов распространена была и на всю Италию. Согласно дошедшей надписи из одного северо-италийского муниципия, Велойи, здесь получали пособие 280 детей. Почин правительства нашел отклик и у богатых частных лиц, и известно много пожертвований того же характера и в Италии и в провинциях; так, Плиний пожертвовал своему родному городу Комо 500 тыс. сестерциев на те же цели, а Целия Макрина дала городу Террацине целый миллион сестерциев с тем, чтобы на проценты с этой суммы воспитывалось 100 детей.

Траян с большим успехом продолжал и энергичную внешнюю политику Флавиев, оборонительную в основе, в целях защиты провинций, наиболее страдавших от внешних вторжений, но при удаче не отказывающуюся и от новых расш рений пределов Римской империи. Поэтому Траян вошел в историю и как последний крупный римский завоеватель.

Римские поенные силы при нем доведены были до наиболее блестящего состояния: армия пополнилась двумя новыми легионами и многочисленными новыми вспомогательными когортами, снабжена была великолепной военной техникой и отличалась исключительной дисциплиной. Ею руководил блестящий по своим военным способностям штаб, состоявший из первоклассных военных талантов, которые умел повсюду открывать и выдвигать Траян — испанец Л. Лициний Сура, его ближайший сподвижник и личный друг, мавританец Лузий Квиет, начальник его конницы, римский нобиль Корнелий Пальма, легат Сирии, испанец П. Элий Адриан, легат Паннонии, затем Сирии, будущий император.

Две основные военные задачи стояли перед правительством Траяна: защита нижнедунайской границы от все усиливавшихся даков, с которыми не смог справиться Домициан, и защита восточной границы по Евфрату, где непрестанную грозную опасность представляло Парфянское царство. Сперва решена была первая из них путем двух ожесточенных войн с даками (101 — 102 и 105 — 106 гг.). После больших подготовительных работ — проведения военной дороги вдоль Дуная, постройки на Дунае каменного моста у его «Железных ворот», сосредоточения громадной армии из 12 легионов — началось медленное и осторожное наступление римских войск внутрь Дакии. Когда взята была столица даков Сармицогетуза, Децебал попытался отвлечь внимание римлян разрушительным фланговым вторжением в провинцию Мезию. Но Траян лично явился с подвижными частями римских войск на помощь осажденным римским крепостям на Нижнем Дунае, а затем новым наступлением в Дакии подчинил ее вплоть до южного склона Карпатских гор. Вожди даков во главе с Децебалом покончили самоубийством, часть населения была безжалостно истреблена римлянами, другая часть бежала за Карпаты. Опустошенная страна обращена была в новую римскую провинцию Дакию, и по призыву правительства Траяна масса новых поселенцев хлынула в нее из Северной Италии, Далмации, Фракии и даже Малой Азии, способствуя ее быстрой романизации. В особенности привлекали прославленные рудные богатства Дакии, ее золотые россыпи, почему здесь было организовано множество и казенных, и частных рудников.

Богатства Дакии значительно пополнили римскую казну и дали возможность финансировать дорого стоящие внутренние и внешние мероприятия Траяна. По его распоряжению было произведено вторичное укрепление по-строенного Домицианом вала Нижней Мезии. За ним была сооружена вторая и третья линии каменных укреплений; это хорошо представлено на колонна Траяна в Риме. На самом берегу Нижнего Дуная построены две новые мощным легионные крепости: Троесмис (Иглица) и Дуростор (Силистрия — Доростол наших летописей), сторожившие опасные места переправ. Даже на левую сторону Дуная, в Молдавию и Бессарабию, выдвинута была целая сеть передовых укреплений; и теперь еще остатки их хорошо видны вдоль рек Прута Днестра и Серета и сохранили имя Траяновых валов. Все это завершено было сооружением грандиозного

памятника-трофея близ новооснованного и центре Добруджи поселения «Трофей Траяна» (теперь румынское селение Адам-Клисси). Он должен был грозить всем «варварам», если они предпримут попытку прорыва римской границы с северо-востока, из степей современной Украины. Естественно поэтому, что имя Траяна встречается и в сказаниях древних славян, являясь свидетельством о времени их первых соприкосновений с «ромеями» (римлянами).

К войне с Парфией, в столкновениях с которой Римское государство со времени поражения Красса уже терпело столько неудач, Траян готовился еще усиленнее. Уже в 105 — 106 гг. по его приказанию легат Сирии, Корнелий Пальма, завоевал Синайский полуостров и значительную территорию между Палестиной и Арабской пустыней и тем создал для Рима новую провинцию, Аравию, с городами Петрой и Востроей. Через эти города построена была большая дорога до Дамаска, соединявшая его с Красным морем, защищенная множеством укреплений так называемого «арабского лимеса». В 114 г. начался и самый парфянский поход, предлогом для которого, как обычно, были разногласия Рима и Парфии относительно Армении: здесь парфянский царь Хозрой старался поставить на царство своего сына Партамазириса. В союзе с кавказскими царями Колхиды и Иберии (Грузии) Траян оккупировал всю Армению, проник отсюда в Месопотамию и, следуя вниз по течению реки Тигра, взял столицы Парфии, Селевкию и Ктесифон, наконец дошел до самого «океана», т. е. Персидского залива. Здесь Римская империя вошла в непосредственное соприкосновение с двумя великими культурами Востока: как раз в это же время знаменитый китайский полководец Пан Чао, разгромив кочевые племена хунну (гунны), завоевал Туркестан, и его передовые отряды уже выходили с другой стороны к тому же Персидскому заливу. Траян, подражая Александру Македонскому, уже мечтал о походе в Индию. Он только жалел, что недостаточно молод для этого. Во всяком случае, на развалинах Парфянского царства были созданы три новые римские провинции — Армения, Месопотамия и Ассирия.

Однако, как и во времена Александра Македонского, очень скоро сказалась исключительная трудность таких далеких походов. Линии снабжения и коммуникаций были непомерно велики для тогдашних технических средств. Да и население уже тогда вовсе не представляло собой пассивных масс, которые можно было подчинять и расчленять по усмотрению. Если многочисленные на востоке греки встречали Траяна, как и Александра, с энтузиазмом, а иранцы относились сравнительно индифферентно к судьбам своих деспотий, то решительную борьбу с римскими завоевателями начали арабы и широко рассеянные повсюду после разгрома Палестины евреи. В Эдессе, Селевкии и других городах Месопотамии происходили бурные восстания, которые приходилось подавлять самыми кровавыми репрессиями. Опасные восстания вспыхнули и по побережью Средиземноморья, в Египте, в Киренаике, на острове Кипре. Римлян и греков здесь истребляли поголовно десятками тысяч. Траян сам должен был признать, что его приобретения на Востоке весьма не крепки и, оставив доканчивать свое дело подчиненным военным начальникам, направился в Рим, уже с весьма подорванным здоровьем. По пути, в Малой Азии, в августе 117 г. он умер.

§ 2. Адриан и Антонин Пий

Преемником Траяна был не менее выдающийся правитель П. Элий Адриан (117—138 гг.). Тоже испанец по происхождению, дальний родственник Траяна, Адриан прошел большую боевую школу и был ближайшим боевым товарищем и сотрудником Траяна во всех его войнах. Но это был вместе с тем и значительно более многосторонний и сложный человек. «Всех диковинных вещей исследователь», Адриан был одновременно и ученый-энциклопедист и вместе с тем поэт, выдающийся художник-живописец, скульптор, архитектор, музыкант. Ко всему этому он прославился как неутомимый турист, непрерывно находившийся в путешествиях, лично осматривающий прославленные чем-либо места. Натура крайне властная, во всем он желал быть первым и не терпел ничьего превосходства. И в политической деятельности это автократор до мозга костей, все желающий делать лично:

«Воля государя — наивысший закон» («Дигесты», I, 4, 1) — таков его основной принцип, и им он руководствовался все двадцать лет своего правления.

Он отличался неутомимой организаторской и административной деятельностью, в особенности по отношению к провинциям, многие из которых он привел в хорошее состояние. Его постоянные путешествия по всем римским провинциям от Британии до Сирии и Египта имели целью личный контроль и наблюдение за деятельностью провинциальной администрации и окружного военного командования. Только последние два года своей жизни, уже усталый и больной, Адриан прожил в своей знаменитой вилле в Тибуре. Вилла обращена была в настоящий музей: ее залы были оформлены в архитектурных стилях различных провинций и заполнены множеством редкостных вещей: Адриан, бродя по ним, как бы в миниатюре повторял свои путевые впечатления и отдавал соответствующие распоряжения, быстро доставлявшиеся налаженной им почтой на места.

Этот неутомимый и властный администратор был завершителем той системы бюрократического управления империей, начало которой положили Клавдий и Домициан. Всадники обращены были им в настоящее чиновничье, служилое сословие, из которого он и набирал своих исполнителей. Прежний имущественный ценз в связи с этим заменен был образовательным: каждый кончивший среднюю школу получал звание всадника и, как признак этого, всадническое золотое кольцо. Императорский совет, составленный из наиболее крупных и образованных всадников-юристов, под председательством префекта претория, теперь тоже обычно видного законоведа, обсуждал и подготовлял для доклада императору и его утверждения все важные дела. **По** поручению Адриана один из членов этого совета, крупнейший знаток права Сальвий Юлиан, собрал в единую краткую сводку продолжавшие действовать прежние эдикты магистратов (преторов) и составил, таким образом, «Вечный эдикт» (Edictum per-petuum). Утвержденный Адрианом, этот Вечный эдикт стал основой законов империи, пополнение же его обратилось в монополию императоров. Ограничена была и судебная компетенция прежних магистратов — преторов и эдилов — и введены новые суды из назначенных чиновников, которые назывались «судьями» (iudices) и находились под наблюдением назначаемого императором городского префекта (градоначальника). Чиновники различались но рангам и получали сообразно им особые почетные звания и титулы: светлейшие (clarissimi), превосходительные (perfectissimi), высокородные (egregii) и соответствующие различия в костюме (каймы на платьях, головные повязки и пр.).

Адриан, но примеру Флавиев, вел политику строгой финансовой экономии и жесткого государственного бюджета. Для этого полностью ликвидирована была старая откупная система сбора налогов. Особое внимание было обращено на поступление доходов от громадных императорских доменов. Для управления обширными императорскими имениями сельскохозяйственного характера (сальтусы) был издан Адрианом особый устав-инструкция (lex Hadriana), который представлял собой дальнейшее развитие и уточнение подобного же устава, изданного еще при Флавиях (lex Manciana). Как можно установить по дошедшим надписям согласно этому уставу имения сдавались в аренду крупным предпринимателям, «кондукторам», на 5 лет; последние, в свою очередь, передавали их мелкими частями отдельным земледельцам, «колонам» (coloni domini), плативším аренду деньгами и натурой и обязанным нести 6 дней в течение года барщину на землях, которые «кондуктор» обрабатывал сам. Относительно пустующих земель постановлялось, что на них могут делать заимки все желающие, но на определенных условиях. Подобный же устав был издан и об эксплуатации принадлежавших императору предприятий, например, рудников. За отношениями между крупными арендаторами, кондукторами и мелкими съемщиками предписывалось строго наблюдать прокураторам провинций, а при центральном управлении была создана особая должность адвоката фиска, своего рода юрисконсульта, обязанного защищать интересы императорской казны перед судебными органами. Каждые 15 лет должна производиться финансовая ревизия всех органов и правительственных учреждений империи.

Экономия финансовых средств не мешала, однако, Адриану производить широкие траты на общественные нужды. Алиментарные мероприятия Нервы и Траяна получили дальнейшее развитие и распространены были также на провинции. В провинциях строились дороги, водопроводы, театры. В Риме на Яникуле был построен грандиозный круглый «Мавзолей Адриана» (теперь «Башня ангела») и ведущий к нему новый «мост Элия» через Тибр (тоже еще существующий). В особенно роскошном виде был перестроен Пантеон («храм всех богов»), весь выложенный драгоценным цветным мрамором.

Перед этой широкой административной деятельностью Адриана, стремившегося сплотить в единое органическое целое всю необъятную Римскую державу, военные задачи отступали совсем на задний план. Его правительство действовало преимущественно путем тонкой и умной дипломатии, всегда склонной, «чтобы под- держать мир во всей вселенной» (как пишет биограф Адриана), к значительным компромиссам и уступкам. Так, чтобы прекратить войну на Востоке, оно решительно отказалось от всех завоеваний Траяна в Месопотамии и вернулось здесь к старой евфратской границе, что вызвало большое недовольство военных сотруднике Траяна (некоторые были даже казнены). Но армию Адриан держал в образцовом порядке, стараясь постоянными инспекторским поездками и маневрами придать ей наибольшую боеспособност на случай внешнего нападения. В целях экономии количество легионов опять было уменьшено до 28, но зато созданы особые подразделения легких подвижных войск (так называемые numeri), полукавалерийские, полупехотные, особенно пригодные для рекогносцировок и мелкой пограничной войны. Впервые, по образцу сарматов и парфян, организованы были отряды тяжелой, в чешуйчатые панцири одетой кавалерии. Очень много забот было отдано на дальнейшее укрепление пограничной зоны по Дунаю и Рейну. В Британии был выстроен гигантский защитный «вал Адриана», сейчас еще видный в Северной Англии на всем его протяжении от моря и до моря.

Военные же операции ограничивались лишь подавлением внутренних волнений и восстаний в провинциях. Адриан еще усилил карательные меры, принятые Траяном против непокорного еврейского парода. Он даже запретил празднование субботы, а на месте Иерусалима основал римскую колонию Элию Капитолину, построив храм Юпитера на самой площади прежнего иерусалимского храма Ягве (129 г.). Это вызвало новое, еще более ожесточенное восстание всего еврейского населения в Палестине. Во главе его встали смелые и способные вожди — священник Елеазар и Симон, по прозвищу Бар-Кохба, т. е. «сын звезды», которого евреи объявили Мессией, посланцем божьим, явившимся спасти «избранный народ». Элия Капитолина была взята разъяренными народными толпами, и римские колонисты были поголовно вырезаны. Три года (132—135) пришлось употребить римскому правительству на усмирение этого - второго восстания Иудеи. Снова, как во времена Веспасиана, по тому же методу медленного **про**движения с уничтожением попутно всего живого, римляне стали покорять несчастную страну. Взято и разрушено было 50 городов и до 1 тыс. селений, перебито и казнено 180 тыс. евреев. Страна обратилась в пустыню. Евреям запрещено было селиться в ней. Под страхом смертной казни они не должны были даже приближаться к Иерусалиму. Вновь была восстановлена Элия Капитолина с ее храмом Юпитера. Но в Иерусалиме пришлось поставить целых два легиона охранять восстановленный «порядок», который здесь серьезно уже больше не нарушался.

Время правления преемника Адриана, Антонина (138 — 161 гг.), высшие круги рабовладельческого общества Рима и всего Средиземноморья считали эпохой наивысшего подъема и расцвета Римской империи, а самого императора — идеальным типом монарха. Отсюда укрепившееся за ним в традиции почетное прозвище Благочестивого (Pius) и наименование всей династии Антонинами (т. е. правителями, Антонину подобными).

Как Траян и Адриан, он был представителем высших кругов провинциальной знати, выходцем из богатой и заслуженной нарбонской семьи Аврелиев Фульвов, владевшей громадными имениями и в Галлии и в Италии. Такие люди составляли в это время самый цвет римского нобилитета, но в них уже не было кипучей активности их предшественников.

Появлялись первые симптомы истощения творческой энергии, удовлетворенного спокойствия и застоя.

Антонин все 23 года своего правления провел, не выезжая из своих роскошных имений в Лациуме. Став императором в 52-летнем возрасте, он больше всего ценил блага мира и невозмутимого покоя. Установились отличные отношения между императором и сенатом, далеко не всегда ровные в правление властного Адриана. Сенату возвращено было управление Италией (при Адриане она управлялась назначенными им консулярами), сенат привлекался для управления провинциями и общего законодательства, ни один сенатор не был казнен за эти два десятилетия. Внимание администрации особенно обращено было на дальнейшее закрепление порядка в финансах, на правильное функционирование судов, которым предписывалось гуманное отношение к обвиняемым («пока обвиняемый не уличен, он должен рассматриваться как невиновный» и пр.). Так же, как при Траяне и Адриане, возводилось множество построек как в Риме, так в Италии и провинциях, особенное внимание было обращено на постройку дорог, чтобы крепче связать различные части Римской империи. Маркс дал такое краткое определение времени правления Антонина: «При нем наблюдается *процветание провинций,* строгий надзор над их правителями»[14].

Во внешней политике правительство Антонина следовало системе Адриана: солидность и спокойствие, основанное на сознании силы, отказ от всяких внешних завоеваний. «Антонин считал лучшим сохранить жизнь одного гражданина, чем убить тысячу врагов», — пишет биограф этого императора. В лимитрофных государствах старались закрепить позиции Рима путем возведении на их престолы римских ставленников и креатур. Так, на Боспор посажен был царь Реметалк, который сам приезжал в Рим просить об этом римское правительство. «Армянам дарован царь», — значится на выпущенных по такому же случаю монетах Антониа, с изображением последнего надевающим тиару на голову армянского царя Сохема. Войны же ограничивались незначительными пограничными операциями в Британии, где римлянам удалось продвинуть свою границу на 100 *км* к северу, и на Рейне. На северном Черноморье аланы, продвигаясь с Северного Кавказа, напали на греческие города северного побережья Понта, между прочим, на Ольвию; римские войска выступили из Мезии на их выручку и освободили их от угрозы аланского погрома.

Повсюду в связи с такими пограничными операциями производилось также энергичное строительство мощных пограничных укреплений — «валов Антонина» (лучше всего они сохранили в Британии). Чувствуя истощение своей наступательной энергии Римское государство как бы спешило покрепче закрыть свои границы от окружавшего его необъятного варварского мира.

§ 3. Последние Антонины

Конец периода «римского мира «Золотой век» Римской империи закончился к началу второй половины II в. Уже с 160-х годов обнаруживаются явные признаки надвигающегося кризиса и упадка. После смерти Антонина Пия в 161 г. в Риме оказалось сразу два императора — Марк Аврелий и Люций Вер. Такое двоевластие было результатом того, что еще в 138 г., передавая власть Антонину, умирающий Адриан заставил его усыновить и назначить своими наследниками сыновей двух своих умерших любимцев — 17-летнего Марка Аврелия и 7-летнего Люция Вера, ни одному из которых, ввиду их малолетства, он не мог непосредственно передать императорского сана. Пробуждение в правящем кругу этих

[14] К. Маркс, Хронологические выписки, Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. V, стр. 6.

личных и династических тенденций и привело Рим в 161 г. к очень опасному положению — одновременному появлению двух со императоров.

Однако на этот раз эти опасные возможности раздоров между правителями были преодолены благодаря исключительным личным качествам Марка Аврелия, «философа на престоле», как называли его еще в древности. Уже в 12-летнем возрасте, одетый в скромный плащ ученого, он привлекал общее внимание своими выступлениями на сложнейших философских диспутах. Став императором, он написал свою знаменитую книгу «Размышления наедине с самим собой» («К себе самому»). Этот труд представляет до сих пор крупнейший памятник античной философской мысли (стоицизма). Несмотря на полную непригодность своего соправителя Луция Вера (это был распущенный и беспечный чело век), Марк Аврелий терпел это двоевластие в течение 8 лет, т. до самой смерти Вера в 169 г. Он следовал в данном случае одному из высказанных им в его книге положений: «Если с людьми злыми и бесчеловечными не будешь кроток, а тоже жесток и бесчеловечен, то берегись, как бы не сделаться таким же, как они».

Правление этого «императора-философа» оказалось, однако, временем чрезвычайно напряженных и опасных войн. Кончался длительный период «римского мира», господствовавшего при его предшественниках, и начиналась новая военная эпоха в римской истории. Одновременно с двух наиболее опасных частей римской границы, с Евфрата и Дуная, обнаружился жестокий напор на римскую территорию двух непримиримо враждебных Риму миров: с востока — азиатского в лице парфян и с севера — народов Средней Европы в лице германцев, сарматов и др. В 161 г. парфянский царь Вологез III, рассчитывая на неопытность новых римских правителей и на предстоящий раздор между ними, вторгся в Армению и, изгнав римского ставленника царя Сохема, посадил на армянский престол своего кандидата Пакора. Войска римских наместников Каппадокии и Сирии, пытавшиеся воспротивиться этому, были разбиты, и парфяне наводнили Сирию. Правительству Марка Аврелия пришлось почти с первых же дней отдать все свое внимание организации восточной кампании, продолжавшейся целые 4 года (161 — 165). Были стянуты крупные военные силы (преимущественно с Дунайской границы, как и во времена походов Нерона и Траяна). Командование было поручено испытанным военачальникам М. Стацию Приску и Авидию Кассию, направлен для координации военных действий на восток император Луций Вер с блестящим штабом. Восточная война была проведена весьма искусно. Римские войска не только очистили от парфян Сирию и Армению, но даже проникли под начальством Авидия Кассия, оказавшегося блестящим полководцем, глубоко в Месопотамию и опять заняли обе парфянские столицы — Селевкию и Ктесифон (в последнем сожгли дворец парфянских царей). Парфянское царство находилось в состоянии полного разложения, в войсках Вологеза началось массовое дезертирство, поднимались покоренные парфянами племена. Однако правительству Марка Аврелия не удалось, как в свое время и Траяну, довести до конца решение восточного вопроса. Римские военные силы уже были весьма для этого ограничены, а вспыхнувшая в них эпидемия чумы, распространившаяся отсюда на всю территорию Римской империи, еще более их ослабила; на обнаженной, в связи с концентрацией войск на восточную войну, Дунайской границе между тем нарастал нажим задунайских народов. Поэтому в 166 г. с Парфией был заключен мир компромиссного характера. Месопотамия вновь была очищена римлянами, но они сохранили за собой обширный плацдарм на левом берегу Евфрата: Дура-Европос была занята римским гарнизоном, Карры обращены в римскую колонию, Озроена поставлена под римский протекторат. Здесь тоже был устроен укрепленный пограничный рубеж (лимес), подобный рейнскому дунайскому, с множеством оборонительных сооружений, непрерывной цепью тянувшихся на сотни километров от Бостры до Филадельфии и надолго прикрывших Сирию от парфянских вторжений.

В 168 г. в ослабленное войной, чумой и голодом Римское государство ворвались задунайские племена германцев — маркоманов, квадов и вандалов, к которым присоединились и сарматы-языги Римская оборонительная зона была прорвана сразу в

четыре северных провинциях — Реции, Норике, Пашюнии и Дакии. Раз громив римские укрепления в Альпийских проходах, разрушая все на своем пути, германские орды рассеялись по Венетской области и осадили даже Аквилею; в неудачной битве с ними погиб префект претория Фурий Викторин. Спешно собрав отовсюду военные силы, оба императора должны были лично отправиться на эту опасную маркоманскую войну. В 169 г. умер, возвращаясь с одного из походов, Люций Вер. Марк Аврелий все осталь ное время своего правления должен был провести на северной границе, стараясь отбросить маркоманов, квадов и языгов до Богемских гор и Карпат и этим мощным горным заслоном при крыть римскую границу с севера в предупреждение новых нашествий. Созданы были два новых легиона и размещены в Реции и Норике, лихорадочно возводились новые укрепления вдоль берегов Дуная.

Но несмотря на громадные траты материальных средств и большие потери людьми Марку Аврелию и здесь не удалось до конца осуществить свои планы. Римская оборона везде начинала давать трещины. Неспокойно было уже и в Британии, и на Рейне, Испания страдала от пиратских набегов берберов из Мавритании. В Египте на недоступных болотистых островах дельты Нила собирались отряды «буколов» — пастухов-повстанцев, разгромивших целое римское войско и уже начавших наступление на Александрию под предводительством некоего жреца Исидора. В Сирии восстание поднял сам римский ее наместник — герой парфянской войны Авидий Кассий. Он даже провозгласил себя императором. Марку Аврелию опять пришлось спешно снимать войска с Дуная и лично выступить в поход против Авидия Кассия. От Кассия отпало большинство ого сторонников, а сам он был убит своими же офицерами через два месяца после начала этого движения. Положение было очень напряженным, когда в 180 г. Марк Аврелий умер от чумы. Это произошло в Виндобоне (Вене), одной из крупнейших крепостей на Дунае: он готовился к новой экспедиции на маркоманов.

Еще хуже стало в тринадцатилетнее правление сына Марка Аврелия — императора Аврелия Коммода (180—192 гг.), или просто Коммода, как его принято называть. Это был грубый и самодовольный человек, полная противоположность своему отцу, находивший удовольствие лишь в обществе гладиаторов. Себя самого за свои гладиаторские подвиги он называл Геркулесом, но современники за дикие сумасбродства сравнивали его с Калигулой. Правили вместо него его фавориты и фаворитки. Они погубили его сестру Луциллу, его жену Криспину, многих сподвижников его отца, они же вносили расстройство в управление государством. Война с германцами была прекращена Коммодом еще в самом начале его правления, так как он не желал для столь хлопотливого и опасного дела жертвовать удовольствиями, предоставляемыми жизнью в столице. В 192 г. его фавориты убили и самого Коммода в его спальне.

Таким образом, правление блестящей династии Антонинов и «золотой век» Римской империи заканчивались при зловещих признаках политического ослабления и внешнего упадка. Еще более грозные симптомы кризиса стали к этому времени проявляться и во внутреннем состоянии Римской империи.

ГЛАВА СТО ЧЕТВЕРТАЯ

Экономика и социальные отношения во II в. н. э. Симптомы надвигающегося кризиса

В Римском государстве к концу II в. н. э. стало очень заметно растущее бессилие, связанное в значительной мере с оскудением его господствующего ранее центра — Италии. Привыкнув жить на грабительские доходы с провинций, Италия не развила своего значительного хозяйства. В ней не образовалось, как в Греции и на востоке, крупных ремесленных центров. Лишь в I в. н. э. в Арреции продолжало некоторое время процветать

старинное, идущее еще от этрусков производство художественной посуды, в городах Северной Италии — шерстяное производство, в Кампании (например, в Кумах и Помпеях), занесенное сюда греками-колонистами изготовление изделий из металлов (бронзы и железа), глины и стекла. Но эти небольшие мастерские обслуживали преимущественно местных потребителей и, за исключением арретинской посуды, во II в. тоже вытесненной продукцией керамических мастерских Галлии, не находили себе внешнего сбыта.

Во II в. в упадке находилось и когда-то цветущее земледелие Италии: императорам приходилось насильно заставлять сенаторов покупать имения и бороться с тенденциями сокращать площади зерновых и плодовых культур, заменяя поля пастбищами. Мелкие земледельцы совсем разорились и обратились, по выражению Тацита, в «грязную чернь». Современник Траяна, Плиний Младший, в своих письмах тоже постоянно жалуется на разорение мелких землевладельцев и арендаторов, вызванное «неблагоприятными временами». Плиний с печалью говорит и об общем понижении цен на земли: даже крупное имение, которое стоит не меньше 500 тыс. сестерциев, предлагается теперь всего за 300 тыс.

Несмотря на ряд законов, покровительствовавших многосемейным, рождаемость в Италии неуклонно падала, и всем императорам Антонинам приходилось все больше и больше развивать свои «алиментарные» мероприятия — воспитывать за счет государства брошенных на произвол судьбы разорившимися родителями или осиротевших и беспризорных детей. В римском и италийском обществе, оттесненном от общественной деятельности, все сильнее проявлялись политическая апатия, стремление уклонить от выполнения общественных обязанностей, в особенности военной службы, уход в личную жизнь, глубокий упадок нравов и ужасающая распущенность. Старинная солидная практичность сменилась исканием легкой наживы и счастливого случая к обогащению. Фортуна (богиня удачи) и Меркурий (бог-покровитель ловкаче стали самыми чтимыми божествами в народе. В результате Ри и Италия перестали быть связующим центром необъятной Рим ской державы. Они превратились в вечное бремя, в бесполезного но весьма прожорливого нахлебника.

Наоборот, в провинциях, свободно вздохнувших со времен Флавиев и в особенности расцветших во II в., в правление вышедших из провинциального общества Антонинов, налаживалась интенсивная хозяйственная и культурная жизнь. Восточные про-винции оправились от страшных погромов Суллы, Лукулла, Помпея, Цезаря, Брута и Кассия. Вновь ожили старинные промышленные и торговые городские центры Вифинии, Пергама, Сирии и Египта с их развитой индустрией предметов роскоши — дорогих материй и ковров, пергамента и папируса, парфюмерии и художественной посуды. Восстановлены были знаменитые виноградники на островах Эгейского моря, оливковые рощи, плантации технических культур. Но в хозяйственном отношении с востоком стали соперничать и западные провинции. Галлия и западная Германия (по Мозелю) обратились в сплошной виноградный сад, и тщетны были приказы Домициана вырубить здесь половину виноградных насаждений, чтобы галльские и мозельские вина не конкурировали с италийскими. В Галлии, преимущественно в ее южных и прирейнских районах, также возникли крупные центры ремесленной промышленности — металлической, текстильной, керамической и стекольной, — изделия которой распространялись по всей Средней Европе, Британии и Испании. Дунайские провинции, в особенности Паннония и Мезня, обратились в новые житницы Рима и поставляли анноны не меньше Сицилии. Испания обзавелась развитой металлургией, добывая в громадном количестве золото, серебро, медь, свинец и олово. Норик был славен своим железом, Дакия своим золотом. Появилось множество новых больших городов — Лондиний (Лондон) — в Британии, Нарбон, Лугдун (Лион), Арелате (Арль), Августа Треверов (Трир) — в Галлии, колония Агриппина (Кельн), Могунциак (Майнц), Аргенторат (Страсбург), Августа Винделиков (Аугсбург) — в Германии, Виндобона (Вена) и Сингидун (Белград) — на Дунае, Сармицегетуза — в Дакии, Карфаген, Тамугад, Ламбезис — в Африке и др. Многие из них возводились в ранг римских колоний, и жители их получали права римских граждан, другие становились самоуправляющимися муниципиями, многие,

наконец, как большинство древних греческих полисов, пользовались автономией и считались «союзными» или «свободными».

Провинции и их большие города входили в оживленный обмен \ между собой, все более и более обходя беднеющую и слабеющую Италию и даже вытесняя посредничество римских «негоциаторов», т. е. деловых людей. Торговля же внешняя была полностью в руках провринциальных торговцев. Греческие и сирийские купцы предпринимали далекие торговые поездки в Индию и на остров Цейлон, используя открытые ими муссоны: некоторые доезжали оттуда даже до Китая. Они привозили пряности, драгоценные камни, индийские ткани, китайский шелк. С другой стороны, галльские торговцы спускались по Рейну и Дунаю, по Висле доезжали до Балтийского моря и Скандинавии. Клады римских монет открыты на низовьях Западной Двины, в окрестностях Риги.

Пользуясь все более распространяющимся в провинциях муниципальным правом, т. е. самоуправлением, провинциальные города развили весьма интенсивную общественную жизнь, о чем свидетельствует множество надписей: они говорят об оживленной агитации во время выборов городских магистратов (декурионов, эдилов, квесторов), об активной деятельности различных ремесленных союзов (коллегий), о частых съездах (convoiitus) представителей целых провинций, чтобы под предлогом посылки верноподданнических адресов императорам обсуждать местные нужды и посылать центральным властям свои жалобы и пожелания. Особенно известны провинциальные съезды в Лугдуне (Лионе), на который собирались представители от различных частей Галлии, и собрания делегатов Пятиградия (Пентаполиса) — пяти греческих городов Западного побережья Понта в Томах, организовывавшие общие празднества, состязания и пр. Провинции привыкали жить самостоятельно и в них стали появляться сильные сепаратистские стремления: к деятельности центрального римского правительства они уже не проявляли никакого интереса.

Рядом с этими симптомами политического разложения стали замечаться и еще более зловещие признаки загнивания и распада самого рабовладельческого хозяйства. «Рабство становилось невыгодным... оно изжило себя», — указывает Энгельс. Если во время Аристотеля, по словам последнего, «раб — лучший вид собственности», то теперь, в I и II вв. н. э. владение рабами становилось одним из наиболее опасных и необеспеченных ее видов. Рабы становились все более непокорными, все более росла их ненависть к своим господам.

Правда, уже не было крупных восстаний такого масштаба, как во II—I вв. до н, э.; налаженная администрация и бдительная полиция императоров быстро ликвидировала отдельные вспышки в их зародыше. Так, при Тиберии в 24 г. началось было движение рабов в Анулии, во главе которого встал отставной солдат-преторианец Т. Куртизий. Немедленно же из Рима был выслан военный отряд, «который притащил и самого вождя и сходных с ним по смелости в Рим на расправу» (Тацит, Анналы, IV, 27). Подобных мелких движений, вероятно, было много, но наши источники не считают нужным о них упоминать. Тацит приводит еще только один случай: в Риме в 61 г. кем-то из рабов был убит городской префект Педаний Секунд, и за это казнены были 400 домашних рабов убитого, все, «кто жил под той же крышей» в момент убийства. Это вызвало возмущение народа, «который хотел защитить столько невинных людей» (Тацит, Анналы, XIV, 42—45).

Рабы свою злобу и ненависть к господам выражали в эпоху империи постоянными доносами на них, часто, несомненно, ложными, подводя их под жестокую расправу таких деспотов, как Нерон, Домициан, Коммод, и создавая тем в их среде состояние постоянной острой тревоги. Римская пословица: «сколько рабов — столько врагов», должно быть, сложилась именно в это время.

Вместе с тем рабство становилось чем дальше, тем менее рентабельным. Рабский труд мешал всякой рационализации производства, принуждая пользоваться самым примитивным инвентарем (см. гл. LI). Рабский труд был и не дешев: раб не получал казенного пайка, как свободный, а работал, по расчету современных исследователей, в пять раз тяжелее свободного рабочего. Наконец, самое качество рабов ухудшилось: это были уже настоящие «варвары» — германцы, сарматы, даки и пр., так как отошла в прошлое система

порабощения культурных народов, провинции обращались в равноправные части Римского государства, и прекратился приток невольников квалифицированного труда. Последних стали больше беречь и старались использовать более рациональным образом: их массами отпускали на оброк, предоставляя им пекулий, или даже обращали в вольноотпущенников, которые, не утрачивая зависимости от хозяина, переводились на государственный паек. Тацит уже прямо утверждает, что так называемый «римский плебс» в эпоху Юлиев состоял сплошь из одних вольноотпущенников.

В связи с этим изменялись и взгляды на рабов и обращение с ними. Уже в середине I в. н. э. Колумелла рекомендовал «ласковое обращение с рабами», разговоры и даже шутки хозяина с ними. Сенека утверждал, что «рабство противоестественно, противоречит природе и свойственной ей свободе»; «раб имеет такую же природу, как и ты»; «рабы ли это! нет, это люди, наши сожители и смиренные наши друзья». Адриан и Антонин издавали декреты, запрещающие господам убивать своих рабов под страхом того же наказания, что и за убийство свободного, запрещалось также порознь продавать рабов-супругов, появились завещания рабов и т. д.

Наряду с этим в сельском хозяйстве все большее распространение получал колонат. Колоны «...были предшественниками средневековых крепостных», — писал Энгельс [15]. Состав их был весьма пестрый: посаженные на землю рабы «из наиболее работящих» (по выражению Варрона), переходившие на римскую территорию части варварских племен, наконец, множество вольных людей из городов, снимавших участки земли («парцеллы») на пустошах частных больших имений. Арендную плату во II в. обычно уплачивали натурой, и все больше распространялся обычай требовать не только с посаженных на землю рабов, но и с вольных арендаторов барщинных работ (opera) в пользу помещика или крупного фермера-предпринимателя (кондуктора), снимавшего большой участок имения и потом передававшего его мелкими наделами колонам. Барщина, в начале небольшая (6 дней в году), постепенно увеличивалась благодаря произволу и безнаказанности крупных владельцев и богатых кондукторов, оброки увеличивались в нарушение и договоров и общих законодательных распоряжений; под предлогом задолженности по недоимкам колонам все чаще затруднялся уход с арендованного участка по окончании срока аренды, и они все более сближались в своем положении с посаженными на землю рабами.

Особенно хорошо об этом можно судить по найденной в бывшей римской провинции Африке в 1879 г. обширной надписи, представляющей собой жалобу императору Коммоду колонов императорского Бурунитанского имения (почему и надпись называется Бурунитанской) на произвол и притеснение кондукторов и покровительствовавших им императорских чиновников. «Сжалься над нами, — пишут колоны-просители императору, — и соблаговоли приказать священным твоим рескриптом, чтобы с нас не требовали более должного по закону Адриана (см. стр. 721) и по грамотам твоих прокураторов, т. е. шесть барщинных дней, и чтобы по благодеянию твоего величества молодое деревенское поколение, которое родилось и выросло в твоем сальтусе, не было тревожимо кондукторами имений, принадлежавших казне». Император, правда, на этот раз ответил, что «прокураторы должны позаботиться, чтобы от вас ничего не требовалось несправедливо, вопреки раз установленному образцу»; но постановление это, выраженное в столь мягкой форме пожелания, конечно, оставалось тщетным, и закрепощение колонов продолжалось неуклонно, во все возрастающей степени. Позднее императоры уже издавали указы, что «колоны немногим отличаются от рабов, так как им не дано права уходить с земли», или, что «тех колонов, которые помышляют о бегстве, можно так же заковывать в кандалы, как рабов»[16]. Так к концу II в. н. э. «золотая пора» Римской рабовладельческой империи явно

[15] Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, 1950, стр. 154.

[16] См.: Отрывки из Бурунитанекой надписи. Струве, Хрестоматия, изд. 1936, ч. II.

подходила к концу и появлялись уже симптомы глубокого социально-экономического кризиса, который должен был повести к полному крушению всего рабовладельческого строя.

§ 1. Предпосылки революции III в.

Выше мы не раз указывали, что уже с конца республики и с первых десятилетий империи центральные области римской державы вступили в полосу длительного кризиса. За внешними показателями кажущегося благополучия первых двух столетий империи скрывались грозные процессы распада рабовладельческой системы.

Причины этого явления крылись в противоречиях рабства. Многие столетия господства рабовладельческого способа эксплоа-тации в Средиземноморье подорвали в конец его производительные силы. Римское хозяйничанье двух последних столетий республики в огромной степени ускорило процесс деградации рабовладельческой системы, а первый тур революции послужил здесь решающим и окончательным толчком (подробнее об общих причинах кризиса будет сказано ниже).

Если улучшение экономики в эпоху «стабилизации» и имело место, это касалось некоторых провинций, в частности, Галлии, или таких поверхностных экономических явлений, как внешняя торговля. Что же касается центральных областей римской империи, как например Италия или Сицилия, и основной хозяйственной формы — сельского хозяйства, то здесь яркие симптомы кризиса выступают, как мы видели, уже при Тиберии. Римская агрономическая мысль I столетия империи, в лице Колумеллы, констатировала этот кризис и правильно вскрыла его основную причину. «В то время, как наши предки сами обрабатывали землю, — говорит он, — мы, словно в наказание, отдали ее худшим рабам».

В области сельского хозяйства, начиная с конца III в. до н. э., происходил, как мы знаем, процесс концентрации земли. Ни попытки аграрных реформ, ни наделение землей ветеранов, ни земельные пертурбации вторых триумвиров не остановили этого процесса. К I столетию империи концентрация земли достигает чудовищных размеров. Приведенное выше свидетельство Плиния Старшего, что Нерон конфисковал владения шести земельных собственников, которым принадлежала половина провинции Африки, или образ крупнейшего богача и земельного магната Тримальхиона, выведенного Петронием в «Сатириконе», — являются немногими из огромного ряда фактов, подтверждающих эту концентрацию.

Самыми крупными землевладельцами были сами императоры. Практика конфискаций эпохи террористического режима создала колоссальные земельные владения правивших династий. Рядом с ними существовало и много частных земельных собственников из новой имперской знати: бывших вольноотпущенников, провинциалов и т. п.

Но концентрация земли еще не означала концентрации хозяйства. Централизованное латифундиальное хозяйство последних столетий республики начинает падать уже с I в. империи. И в этом мы должны видеть самый основной факт, свидетельствующий о глубочайшем кризисе рабовладельческой системы.

Что же идет на смену латифундиальному рабовладельческому хозяйству? Хозяйство мелких полусвободных съемщиков земли, колонов. Колонат имеет свою длинную историю. В эпоху республики колонами называли мелких арендаторов земли. Тогда колонат не играл сколько-нибудь значительной роли, так как господствующая хозяйственная форма, централизованная рабовладельческая латифундия подавляла все другие виды сельского хозяйства.

Картина меняется в I в. н. э. Из Колумеллы мы знаем, что труд колонов занимает уже довольно важное место в экономике Италии. Многие помещики предпочитают значительную часть земли не обрабатывать сами, а сдавать ее в аренду колонам. Причина — непроизводительность рабского труда и большая эффективность труда свободных колонов. Когда какая-нибудь форма эксплуатации идет к упаду, всегда в таких случаях теоретическая мысль господствующих классов начинает жаловаться на непроизводительность

существующей формы труда. Вспомним передовых русских помещиков XIX в., жалующихся на непроизводительность крепостного труда. Так было и в Риме. Катон и Варрон, писавшие в эпоху расцвета рабства, не замечают еще непроизводительности труда рабов; Колумелла ее прекрасно видит.

В I в. н. э. колоны в основном еще продолжают оставаться свободными арендаторами. Но из текста Колумеллы видно, что в их отношениях к помещику есть какой-то оттенок принудительности. Так, Колумелла предпочитает иметь дело с «наследственными» колонами и говорит о каких-то работах колонов в пользу помещика. Так что считать колонат I в. системой «чистой» аренды, по-видимому, уже нельзя. Колоны уже попадают в зависимость от помещиков, лишающую их полной свободы настоящего арендатора.

В этом нет ничего удивительного, так как колоны вербовались из бедноты, часто не имеющей ни инвентаря, ни рабочего скота, ни семян, Поэтому они сразу же залезала в долги к помещику, из которых им было крайне трудно выбраться. Это подтверждают показания Плиния Младшего (племянника известного натуралиста), крупного землевладельца и чиновника эпохи Траяна. Плиний в своих письмах жалуется, что за его колонами накопилась бездна недоимок, и ему постоянно приходится делать им разные послабления.

Эпиграфический материал II в., рисующий положение колонов в императорских поместьях, говорит о настоящей барщине, которую должны отбывать колоны в течение нескольких дней в неделю. Таким образом, в продолжение двух столетий империи идет процесс закрепощения колонов, превращение их из свободных арендаторов в полукрепостных наследственных съемщиков земли. Это закрепощение пока было только фактическим, но с IV в. начинается и его юридическое оформление (об этом ниже).

Аналогичный процесс децентрализации крупного хозяйства выступает и в другой, еще более характерной форме. Рабовладельцы эпохи империи, отдавая себе отчет в непроизводительности рабского труда, все шире начинают практиковать отпуск рабов на оброк. В области сельского хозяйства это выражается в том, что раба садят на участок земли и предоставляют ему возможность вести относительно самостоятельное хозяйство при условии уплаты определенного оброка и выполнения барщинных работ на господском участке. Раб получает право иметь некоторое имущество (пекулий) и семью. Таким образом, наряду с колонами из свободных, появляются колоны из рабов. Хотя юридически между ними существовала большая разница, но фактически к III в. положение их стало почти одинаковым: и те и другие являлись прикрепленными к земле наследственными производителями, отдававшими прибавочный продукт собственникам земли.

Таким образом, в области сельского хозяйства старая форма эксплуатации, старая рабовладельческая система сильно модифицируется. Крупное централизованное хозяйство распадается на парцельные хозяйства колонов (при сохранении и даже росте крупной земельной собственности), а старое использование раба, как голой рабочей силы, лишенной средств производства, в хозяйстве рабовладельца — сменяется более смягченной формой рабства, при которой раб, оставаясь рабом, наделяется средствами производства и ведет относительно самостоятельное хозяйство.

То же самое мы наблюдаем в ремесле, в горном деле и в других отраслях хозяйства, где применялся раньше труд рабов. И здесь мы видим либо отпуск рабов на оброк, либо широкое развитие вольноотпущенничества. Освобождение рабов, с которым пытался бороться еще Август, не только не прекращается при его преемниках, но достигает огромных размеров. Оно давало рабовладельцам удобный способ повысить производительность труда, сохраняя отношения зависимости вольноотпущенника к его бывшему господину.

Падение рабства в его «классической» форме отражалось и на улучшении юридического положения раба, на смягчении законодательства о рабах, о чем мы говорили выше.

Однако, попытки рабовладельцев выйти из кризиса путем применения смягченных и тем самым более эффективных приемов эксплуатации не достигли цели. Было слишком поздно. Производительные силы империи были окончательно подорваны, и кризис назревал с каждым десятилетием. Нищие колоны, сразу же попадавшие в зависимость от помещиков,

мало чем отличались от рабов, и едва ли их труд мог вывести Рим из кризиса. К тому же над непосредственным производителем, будь это «свободный» колон, раб, посаженный на землю, или ремесленник, отпущенный на оброк, висела совершенно непомерная тяжесть налогов, уничтожавшая всякую возможность повышения производительности труда и накопления излишков, всякую возможность улучшения материального положения непосредственных производителей. Гибнущее рабовладельческое государство в жестокой борьбе за свое существование прибегало к отчаянным средствам выжимания последних остатков.

Положение империи к III в. стало действительно безвыходным. Уже с эпохи Марка Аврелия Рим был охвачен жестоким финансовым кризисом, в котором яснее всего выражался крах всей общественной и государственной системы. Мы указывали уже, что торговый баланс Италии был всегда пассивным. Но при республике это не имело вредных последствий, так как утечка благородных металлов компенсировалась непрерывным притоком ценностей из провинций. При империи положение изменилось к худшему. Смягчение провинциального режима и сокращение внешних завоеваний означали падение доходов Италии. Слабо развитая италийская промышленность и вывоз вина и масла, конечно, не могли компенсировать этого процесса. С другой стороны, ввоз предметов роскоши в первые столетия империи, благодаря возрастающему паразитизму господствующего класса, все увеличивался (см. приведенное выше свидетельство Плиния о торговле Рима с Аравией, Индией и Китаем). Результатом этого явилось исчезновение из обращения благородных металлов. С этим злом правительство пытается бороться путем своеобразной «эмиссии»: путем уменьшения количества благородных металлов в монетах при сохранении их номинальной стоимости. Дело дошло до того, что к концу III в. количество серебра в монетах уменьшилось до 5%. Но это, конечно, не могло спасти положения. Наоборот: цены росли, торговый оборот сокращался, и население не хотело брать порченой монеты.

Само собой разумеется, что финансовый крах империи во II и III вв. н. э. в основном объясняется не пассивностью торгового баланса Италии. Это только одна из причин, правда весьма существенная. Корень нужно искать в общем расстройстве рабовладельческой экономики. Здесь на первом месте необходимо поставить падение производительности труда в сельском хозяйстве. Переход к системе колоната не мог уничтожить это явление, а самое большее — только приостановить его на короткое время. Неурожаи и голодовки, ставшие бытовым явлением в эпоху империи, ярко свидетельствуют об этом.

Свертывается городское ремесло и катастрофически сокращается торговля. Сужение денежного хозяйства выражается, между прочим, в натурализации жалованья и налогов. В III в. солдаты и чиновники начинают частично получать жалованье натурой — продуктами, одеждой и т. п. Это было тем легче сделать, что значительная часть налогов также собирается теперь в натуральной форме. Уже и раньше такие хлебородные провинции, как Египет и Африка, платили налоги хлебом. Но с конца II в. и другие провинции частично начинают переходить на натуральные налоги.

Явлением такого же порядка был рост всякого рода натуральных поставок и повинностей, которыми облагалось население: обязанность чинить мосты и дороги, перевозить казенные грузы и т. п. Городские ремесленники обязаны поставлять государству определенное количество своих изделий, для чего правительство берет под свой контроль ремесленные союзы, коллегии и превращает их в чисто фискальные органы. Впрочем, этот процесс достигает полного развития только в IV в., и мы скажем о нем позднее. Мы видели уже, как внутреннее ослабление империи ухудшало ее внешнее положение. Начиная с конца II в. в огромной степени возрастает напор варваров (германцев, парфян, персов) на римские границы. Это заставляет правительство увеличивать расходы на армию. В то же самое время растет бюрократический аппарат, также предъявляющий огромные требования к императорской казне. Рост чиновничества ускоряется прогрессирующей натурализацией римской экономики, так как чем больше становился удельный вес натуральной формы налогов, тем обширнее должен был быть аппарат, необходимый для учета и контроля.

Все эти в огромной степени возросшие потребности колоссального государства должны были удовлетворяться налогоплательщиками и только ими, так как иных источников дохода у римского правительства не было. Сказанное объясняет нам то катастрофическое ухудшение положения народной массы, которое наступает со II в. н. э. и о котором мы не раз говорили в связи с политической историей империи.

Из кого же состояла эта масса непосредственных производителей римской империи III в. н. э.? Конечно, никаких статистических данных в нашем распоряжении нет, и мы должны определить ее социальный состав на основании различных косвенных признаков и общих соображений. Несомненно, что количество рабов к III в. сильно уменьшилось. Здесь сказывались и сокращение их притока извне и широкое развитие вольноотпущенничества; По-видимому, основными производителями в эту эпоху стали колоны, в своей значительной части фактически прикрепленные к земле. Оставалось еще некоторое количество свободных мелких собственников — крестьян, но, по-видимому, их было немного. В городах, в богатых семьях еще сохраняются многочисленные рабские «фамилии», но они заняты преимущественно непроизводительным трудом. Сильно упавшее городское ремесло находится в руках частью вольноотпущенников и рабов на оброке, частью свободных ремесленников, которые, подобно колонам, постепенно закрепощаются государством (об этом ниже).

Вот на эту-то массу и обрушилось всей своей тяжестью издыхавшее рабовладельческое государство. Непомерный и все растущий гнет налогов и повинностей, голодовки и эпидемии, вымогательства чиновников, тяжелая и продолжительная военная служба, сокращение ремесла и торговли, огромный рост дороговизны, закрепощение прежних свободных производителей и фактическое уравнение их с рабами — все это делало положение широких масс населения римской империи в начале III в. совершенно невыносимым. Выход был только один — революция.

§ 2. Революция III века

Убийство последнего Севера и провозглашение императором Максимина послужили тем толчком, который развязал все революционные силы. События 235 г. формально были военным переворотом, а Максимин — солдатским императором. Все это, как мы знаем, не раз бывало в истории империи. Точно так же и в дальнейшем ходе революции армия и ее вожди будут играть очень большую роль. Однако, было бы ошибкой считать и переворот 235 г. и дальнейшие события только военным бунтом по типу обычных для империи преторианских переворотов.

Мы знаем, что к III в. социальный состав римской армии изменился. Она в своей значительной части перестала быть старой профессиональной военщиной. Особенно это относится к пограничным легионам, состоявшим из крестьян, военных колонистов и варваров. Такая армия принимала участие в революции не столько в качестве деклассированной группы, сколько как определенная классовая величина, отражавшая интересы крестьянских низов римского общества. И хотя в событиях III в. иногда сильно чувствуются элементы деклассированной и разнузданной солдатчины, но не эти элементы определяют основной ход событий.

К сожалению, источники по истории III в. крайне скудны и недостоверны, и составить сколько-нибудь правильное и полное представление о ходе событий невозможно. Для эпохи Макси-мина (235 — 238 гг.) мы опираемся, главным образом, на Геродиана, второстепенного греческого историка III в. Что же касается основного источника по истории революции в целом, то таковым является сборник биографий императоров от Адриана до Нумериана (конец III в.), известный под названием «Scriptorescпрогез Historiae Augustae» («Писатели истории Августов»). Для характеристики этого сборника достаточно сказать, что мы не знаем ни того, кем он составлен, ни того, когда он составлен. В сборнике много документального материала, сплошь фальсифицированного. Поэтому показания «Scriptores» постоянно приходится проверять краткими и отрывочными указаниями,

содержащимися у поздних римских и византийских писателей: Аврелия Виктора, Евтропия, Зосимы и др.

В целом наши источники дают весьма яркую картину правления Максимина. Так, например, у «Scriptores» мы читаем: «Никого из порядочных людей он вокруг себя не терпел, но правил совершенно по образцу Спартака и Афиниона».

А Геродиан говорит следующее: «Каждый день можно было видеть тех, кто вчера были самыми богатыми людьми, а сегодня нуждались во всем. Такова была жадность тирана, который прикрывался предлогом, что ему нужны деньги для уплаты жалованья солдатам».

Тот же Геродиан в другом месте пишет: «В Риме и в провинциях свирепствовала кампания убийств... Одни были распяты на кресте, другие зашиты в шкуры недавно убитых животных, третьи брошены диким зверям, четвертые забиты насмерть палками».

Если даже допустить во всех этих показаниях некоторые преувеличения, порожденные риторикой и субъективно-классовой точкой зрения наших источников, то и в этом случае характер правления Максимина не вызывает никаких сомнений. Это была диктатура армейских низов, направленная против имущих классов. Многие города были разграблены отрядами бывшего фракийского крестьянина, занимавшего императорский трон, и масса представителей знати пала жертвой террора. Конечно, Максимина нельзя считать революционером, а его солдат — революционной армией в точном смысле этого слова. Для этого во всем движении слишком сильны были элементы деклассированного солдатского бунта, и далеко не всегда можно установить контакт между армией и народной массой. Но поскольку солдатское движение направлялось против имущей верхушки, оно объективно било по рабовладельческому обществу и выступало союзником и весьма часто — застрельщиком революции. Против Максимина в Африке рабовладельцы выдвинули в качестве императоров крупного богача, проконсула Гордиана, и его сына, тоже Гордиана. Но оба они погибли в борьбе со сторонниками Максимина. Сенат, узнав о провозглашении Гордианов, немедленно признал их законными императорами. Известие об их гибели повергло сенат в отчаяние. Немедленно же из сенаторской среды были выдвинуты два новых императора — Максим (Пупиен) и Бальбин.

Максимин, узнав о событиях, происходивших в Африке и Италии, двинулся с дунайской границы, где он оставался до сих пор, на Рим. Сенат и оба «сенаторских императора», вокруг которых сплотились все собственнические элементы империи, развивали огромную энергию в подготовке гражданской войны. Во все провинции были посланы сенатские делегации, которые должны были вести агитацию против Максимина; те местности Италии, через которые должна была пройти его армия, приказано было опустошить, чтобы лишить ее продовольствия.

Под Аквилеей на севере Италии Максимин встретил первое сопротивление. Ему пришлось осадить сильно укрепленный и прекрасно снабженный продовольствием город. Вся окружающая местность была опустошена. В армии начался голод. Эмиссары сената повели агитацию против Максимина и им удалось отколоть от него армейскую верхушку. Максимин был убит, а растерявшаяся армия сдалась сенатским войскам (238 г.).

Таким образом, рабовладельцам удалось ликвидировать первый взрыв мятежа. Но это было только начало. Победители Максимина, Максим и Бальбин, в том же 238 году были убиты солдатами, мстившими за своего вождя. Их преемником стал Гордиан III, внук Гордиана I. Но и он также был убит во время борьбы с персами (самыми опасными врагами империи на Востоке в этот период). Он пал жертвой военного заговора, возглавлявшегося его префектом претория, Филиппом Арабом (его называли «Арабом» потому, что он был сыном одного арабского шейха; злые языки говорили, что до службы в римской армии он занимался разбоями). Филипп Араб был провозглашен императором, и ему удалось просидеть на троне целых 5 лет (244 — 249 гг.), но и он погиб во время борьбы с новым претендентом, Децием, которого выдвинули войска в Мезии.

С половины III века гражданская война и связанный с нею внешний и внутренний распад империи достигают наибольшей степени. Десятилетие от 260 до 270 г. обычно называется эпохой 30 тиранов. Это название появляется впервые у «Писателей истории

Августов» и заимствовано из греческой истории («30 тиранов» в Афинах). Но, конечно, ничего общего здесь нет. «30-ю тиранами» сборник называет несколько десятков «узурпаторов», которые во время правления «законного» императора Галлиена появлялись в различных частях империи. Одни из них поддерживались провинциальными рабовладельцами, которые, потеряв всякую надежду на то, что центральная власть справится с революцией, выдвигали собственных императоров. Другие, наоборот, были ставленниками низов, как, например, галльский «император» Марий, в прошлом простой ремесленник.

В эпоху «30-ти тиранов» вспыхнуло еще раз восстание рабов в Сицилии, связанное с пиратским движением, о чем наш источник, к сожалению, говорит только одной, да и то не вполне ясной фразой. Гражданская война внутри империи осложнялась варварскими вторжениями.

Особенно опасным противником были персы. Около 260 г. император Валериан, отец Галлиена, был даже взят персами в плен и там умер. Персы далеко проникли в восточную половину империи. В это же время на рейнской и дунайской границах разрозненные варварские племена начинают объединяться в большие племенные федерации. Таково, например, было объединение «готов» в северном Причерноморье.

В верховьях Рейна образуется федерация «аламаннов», на нижнем и среднем Рейне появляются саксы и франки. Галлия неоднократно опустошается.

Южные границы империи, до сих пор относительно спокойные, также прорываются. На юге появляются мавританские племена, которые из северной Африки опустошают Испанию.

Волны готского нашествия разоряют Балканский полуостров. Были взяты и разграблены Афины, опустошена Малая Азия. В это же время римские войска были вынуждены очистить Дакию.

В довершение всех бедствий в половине III века вспыхнула страшная эпидемия чумы, продолжавшаяся около 15 лет.

Во всех этих сложных явлениях мы, вследствие жалкого состояния наших источников, далеко не всегда можем по-настоящему разобраться. Но общая картина движения ясна. В ней на ясном фоне солдатских мятежей выступает единый фронт рабов, колонов, городских бедняков и варваров, направленный против господствующего класса рабовладельцев.

Вполне понятно, почему в III в. мог создаться такой единый фронт. Он создался потому, что все более стирались границы между рабами и свободными мелкими производителями. Колоны, занимавшие промежуточное положение между свободными и рабами, и являлись тем связующим звеном, которое объединяло этих последних.

Все нивелирующий гнет империи сделал то, что старая разница между свободными бедняками и рабами, разделявшая революционные силы на первом этапе революции, теперь исчезла. И если рабовладельцы когда-то разбили поодиночке своих врагов, то теперь они не могли устоять против единого фронта революции.

К этому нужно прибавить, что в армии находилось много варваров, что широкая пограничная полоса была занята варварскими поселениями, что многие колоны и рабы являлись теми же варварами, единоплеменниками тех, которые прорывали границы империи.

«Римские провинции полны варварами-рабами и скифами-земледельцами», читаем мы в одном из источников этой эпохи. Отсюда становится понятным, почему варварские нашествия так легко затопляли империю: их с восторгом встречали все угнетенные классы империи, которым они несли освобождение.

Однако, рабовладельческое общество все же еще было настолько крепким, что свалить его удалось далеко не сразу. С 70-х годов III в. наступает некоторый перелом, и революция медленно идет на убыль.

Начало этого перелома связывается с именем императора Аврелиана (270—275 гг.).

Благодарные рабовладельцы дали ему прозвище «Restitor orbis » — Восстановитель вселенной. Это звучит, может быть, слишком гордо, потому что этот «восстановитель вселенной» царствовал всего пять лет и был убит солдатами, как и его предшественники.

Однако, это название имеет все же некоторый смысл, потому что именно с Аврелиана революционная кривая начинает снижаться.

Аврелиан вел удачные войны с германцами, и ему удалось подавить длительное галльское восстание, снова присоединив Галлию к империи. Аврелиан уничтожил также независимое государство Пальмиру в восточной Сирии. Раньше Пальмира была римским городом, одним из передовых постов римской власти на Востоке. Пальмирские купцы держали в своих руках караванную торговлю с Востоком, и за время постоянной смены императоров в половине III в. пальмирские правители стали совершенно самостоятельными.

Они служили оплотом Рима против персов. Так, например, пальмирский князь Оденат остановил персидское нашествие после взятия в плен императора Валериана. Поэтому Галлиен даже признал Одената в качестве августа Востока. Однако, Оденат никогда не называл себя правителем римской империи, так что этот титул не дал ему реальных прав.

После смерти Одената (он был убит одним из своих родственников) его место заняла его вдова Зенобия в качестве регентши при малолетних сыновьях Одената. При Зенобии Пальмира достигла высшего расцвета. Это был огромный, богатый город, замечательно благоустроенный. Пальмирское государство было настолько сильно, что завладело даже Египтом и большей частью передней Азии. Таким образом, Восток отпал от Рима. Поэтому Аврелиан, при котором наступило временное укрепление центральной власти, выступил походом против Пальмиры. Войска Зенобии были разбиты, сама она взята в плен. Город был занят римлянами, но не тронут. Однако, когда Аврелиан пошел обратно, в Пальмире вспыхнуло восстание. Тогда Аврелиан вернулся и разрушил город.

В то же время произошло восстание в Александрии, во главе которого стоял крупный промышленник и торговец папирусом Фирм. По-видимому, это движение было такого же порядка, что и в Пальмире и в некоторых других провинциях: александрийские рабовладельцы намеревались отделиться от ослабевшей империи. Но и восстание Фирма было Аврелианом подавлено.

На правление Аврелиана падает крупное восстание в самом Риме, так называемое движение монетариев. Застрельщиками восстания были ремесленники и рабы, работавшие на римском монетном дворе. К движению монетариев примкнули широкие массы городских рабов и ремесленников. Насколько восстание было серьезным, показывает тот факт, что при подавлении его погибло 7000 человек правительственных войск.

В 275 г. Аврелиан, как и все его предшественники, пал жертвой военного заговора.

После него царствуют два ставленника сената: Тацит (утверждали, что он приходился родственником знаменитого историка) и после него его брат Флориан. Каждый из них правил по несколько месяцев. Первый был убит заговорщиками, второй — своими войсками. В 276 г. к власти приходит император Проб (276 — 282 гг.), провозглашенный сирийскими легионами. Правление Проба представляет дальнейший шаг к стабилизации, к временному подавлению революции.

Проб вел ряд удачных войн. Ему удалось отвоевать территорию, расположенную между верховьями Дуная и Рейна. Источники говорят, что Проб прилагал много забот о поднятии в империи сельского хозяйства, в частности виноградарства, упавшего за время революции. Но и он был убит солдатами, недовольными его строгостью и стремлением поднять дисциплину в армии.

Преемником Проба стал префект претория Кар, провозглашенный солдатами императором и процарствовавший только год.

Кар был первым императором, не обратившимся за утверждением к сенату.

Он довольно удачно воевал на восточных границах империи и погиб на Тигре, как сообщают, от удара молнии (283 г.). Вероятнее всего и он был убит.

После смерти Кара начинается новая борьба за власть. В 285 г. на престол вступил Диоклетиан, происходивший из иллирийских солдат и провозглашенный императором в Никомидии.

На начало его правления (или несколько ранее) падает первый взрыв крупнейшего восстания галльских колонов и рабов, обычно называемого движением багаудов («багауд» —

галльское слово и означает «бродяга»). Это была настоящая крестьянская война, к которой примкнули городские рабы и беднота. В первый момент она охватила всю Галлию, которая снова была потеряна для империи. Багауды разрушали города и крупные виллы. У них были даже собственные цари. Нам известны имена двух таких царей — Элиана и Аманда, выпускавших монеты.

Движение багаудов было временно подавлено помощником Диоклетиана, Максимианом. На некоторое время Оно затихло, выродившись в грабежи на больших дорогах, но затем неоднократно вспыхивало вновь. Движение тянулось в общей сложности около 150 лет, перебросившись впоследствии в Испанию[17].

ГЛАВА СТО ПЯТАЯ

Кризис III в. и поздняя Римская империя

§ 1. Династия Северов (193—235). Кризис III в.

На почве усиливающегося разложения рабовладельческого хозяйства, растущего сепаратизма провинций, общего культурного упадка **и** увеличивающейся опасности прорыва границ «варварами» все более болезненно стало сказываться с начала III в. р а с т у щ е е б е с с и л и е ц е н т р а л ь н о й в л а с т и. Убийство Коммода (31 декабря 192 г.) было началом целого периода дворцовых и военных переворотов, которые повели вскоре к полному расстройству центрального правительственного аппарата Римской, империи. Новая опасная военная обстановка, создавшаяся в последней трети II в. (в особенности парфянская и маркоманская война Марка Аврелия), чрезвычайно усилила значение военных элементов и вновь раскрыла им их ведущую роль в Римском государстве. Пренебрегая всякими принципами династической преемственности, отдельные римские армии стали по собственному произволу ставить и свергать императоров, а через них распоряжаться и всем направлением римской политики. Римский императорский престол стал игрушкой расходившейся военной стихии.

Начали, как всегда, наиболее избалованные и распущенные преторианские части. После убийства Коммода в 193 г. на протяжении всего 6 месяцев они провозгласили и убили одного за другим двух императоров — П. Гельвия Пертиакса и М. Дидия Юлиана. Оба были заслуженные военные, опытные администраторы, но императорский сан получили лишь благодаря открытому подкупу гвардейских солдат: Гельвий Пертинакс пообещал им «донативу» по 3 тыс. денариев каждому, а Дидий Юлиан — даже вдвое более, по 6250 денариев. «Как на рынке или в лавке, продавались с аукциона и столица и вся Римская держава», — пишет Дион Кассий (73, 11).

Завидуя успеху и добыче своих столичных товарищей, провозглашать императорами своих командиров стали и войска, располо- женные в провинциях: сирийская армия — Г. Песценния Нигера, британская — Д. Клодия Альбина, дунайские и рейнские легионы — легата Паннонии Л. Септимия Севера. Дунайская армия успела раньше своей сирийской соперницы захватить Рим, и Сентимий Север стал императором и основателем новой династии Северов (193—235 гг.).

С е п т и м и й С е в е р (193—211) был энергичный военачальник и талантливый администратор. С беспощадной суровостью он расправился со всеми своими врагами и конкурентами и умел держать в повиновении буйные массы солдат, частью мерами строгой дисциплины, частью всякими поблажками. Он немедленно расформировал своевольные и развращенные столичной обстановкой преторианские когорты и составил себе новую

[17] См.: История Древнего мира, Под ред. В. Н. Дьякова и Н.М. Никольского, М., 1952, 781с.

гвардию из наиболее отличившихся боевых частей провинциальных армий. Любому рядовому теперь открыт был доступ к офицерским чинам независимо от его происхождения, и многие провинциалы стали достигать высоких военных назначений. Септимий Север разрешил солдатские браки, позволил солдатам обзаводиться участками земли и жить по домам со своими семьями, являясь в казармы лишь на военные занятия. «Одаряйте солдат, — учил он своих сыновей, — остальным можете пренебрегать».

Выходец из богатой семьи в бывшем карфагенском городе Лептис Магна, горячий поклонник Ганнибала, женатый на сирийке Юлии Домне, дочери великого жреца сирийского бога Ваала, Септимий Север был совершенно чужим для Рима человеком, презирал римские традиции и нравы, грубо обращался с сенатом и держал себя в Риме как типичный восточный автократор. Однако он был выдающимся полководцем, и ему многое прощали за , успехи его внешней политики. Он совершил удачный поход на парфян (в третий раз римлянами были взяты обе парфянские столицы — Селевкия и Ктесифон), значительно расширил римские владения за Евфратом и умер во время своего похода в Британию. Но солдатские бунты лишь на время затихли при суровом Сеп- тимии Севере. Во времена правления его преемников недовольство солдатских масс вспыхнуло с новой силой. Сын его Марк Аврелий Антонин, по прозвищу К а **р** а к а л л а (211—217 гг.), был, по выражению Моммзена, «карикатурой на своего отца»: карликового роста, болезненный, распутный и жестокий, он страдал манией величия и мечтал стать вторым Александром Македонским. На глазах собственной матери он убил своего брата Гету, который был вначале его соправителем. В Риме и Александрии он перебил до 30 тыс. жителей за насмешки над ним за эту «победу». Каракалла предпринял сумасбродный поход на восток, желая покорить не только Индию, но и Китай и тем превзойти самого Александра. Однако в самом начале этого похода, недалеко от Карр, Каракалла был убит одним из офицеров своей свиты.

Внутренними делами, в сотрудничестве с лучшими правоведами того времени (например, знаменитым юристом Эмилием Папинианом), ведала мать Каракаллы, умная и властная Юлия Домна. Этим и следует объяснить странный факт, что на время этого преступнейшего из римских императоров приходится знаменитый акт «эдикт Каракаллы» 212 г. о предоставлении прав римского гражданства жителям всех римских провинций. «Я жалую всем перогринам ойкумены (т. е. не римлянам, живущим на территории империи), за исключением дедитициев, права римского гражданства, все установленные виды муниципального строя», — торжественно провозглашает эта «Конституция Антонина». По-видимому под неопределенной категорией «дедитициев» понималось сельское, еще мало романизованное население провинций, обложению поголовной податью, так что декрет распространялся преимущественно на горожан. Предоставляя им права муниципальной организации, римское правительство стремилось найти в ни опору против непомерно растущего значения военных элементов.

Однако обуздать своеволие войск уже было невозможно. Сирийская армия провозгласила императором убийцу Каракаллы М а к р и н а (217—218 гг.), но очень скоро сестре Юлии Домны Юлии Мезе, удалось подкупить часть тех же сирийских легионов и они провозгласили императором ее внука — 14-летнего Вари Авита Бассиана, которого выдавали за внебрачного сына Каракаллы. Суеверным солдатам особенно импонировало то, что это красивый мальчик был верховным жрецом великого сирийской бога солнца Эл-Габала (Ваала), почему его и прозвали Э л а г а б а л о м. После непродолжительной междоусобной войны сторонник Макрина изменили ему и убили своего ставленника, а Элагабал в пышных раззолоченных ризах восточного жреца с великим торжеством совершил свой въезд в Рим в сопровождении «священного черного камня из эмесского храма» и других восточных святынь. Ленивый и развращенный юноша занимался лишь жертвоприношениями своему «великому богу». Всеми делами ведали его бабка Юлия Меза и его мать Юлия Соемия (они назывались «августами» и «матерями лагерей и сената»), управлявшие с помощь своих фаворитов.

В 222 г. преторианские солдаты убили, наконец, и Элагабала вместе с его матерью Юлией Сосмией и бросили их тела в Тибр. Но уцелевшей Юлии Мезе, которая и сама причастна была к заговору, удалось заставить их провозгласить императором другого своего внука, которого она также выдала за «незаконного сына Каракаллы, 12-лотнего Алексиана. Последний стал править под именем М. Аврелия Севера Александра, или, как его обычно называют — А л е к с а н д р а С е в е р а (222—235 гг.).

Правление детей и придворных дам, таким образом, продолжалось, по в несколько более пристойной форме. Александр Севе и его мать Юлия Маммея стремились сблизиться с сенатом, привлекали к правлению лучших законоведов (например, знаменитого юриста Ульпиапа, который был назначен префектом претория) Последние заботились о правильном функционировании судов, о налаженности работы администрации, о состоянии финансов.

Но все это делалось недостаточно энергично, бесконечные придворные интриги мешали работе ответственных лиц, общее положение было слишком расшатано безумствами предшествующих правительств и все более мощными проявлениями непреодолимо надвигающегося хозяйственного и социального кризиса. Во многих провинциях начинались восстания, на военных окраинах появлялись разные узурпаторы, объявлявшие себя «императорами» и увлекавшие за собой отдельные войсковые части. В самом Риме преторианцы подняли грандиозный бунт и убили своего начальника Ульпиана.

Внешняя политика поэтому шла неудачно. На востоке на развалинах Парфянского царства возникло новое мощное персидское государство Сассанидов, стремившееся возродить в полном объеме древнюю персидскую монархию Ахеменидов — Дария и Ксеркса. Поход на восток, ставший необходимым, когда персы захватили римскую Месопотамию и Каппадокию, возглавлявшийся самим Александром Севером, оказался неудачным (231—233 гг.). Когда же Александр, более склонный к мирным занятиям книгами (он напоминал в этом отношении Марка Аврелия), прибыл с неизменно его сопровождавшей матерью па Рейн и весьма неуверенно и неумело начал поход на германцев, возмутившиеся солдаты убили его вместе с Юлией Маммеей в их палатках и провозгласили императором «начальника новобранцев» Максимина, фракийца по происхождению, человека гигантского роста и силача, выслужившегося из простых солдат и очень среди них популярного (235 г.).

С этого времени в Римском государстве началась небывалая смута, продолжавшаяся более 30 лет (235—268 гг.), когда императоров ставили и затем убивали почти непрерывно.

Максимин, которого его биограф называет «вторым Афинионом и Спартаком» и который, по его словам, систематически истреблял всех богатых и знатных, чтобы из их имущества награждать своих солдат, в Рим даже не появился и вел все время отчаянную борьбу на севере с германцами, язигами и даками. Раздраженная знать уже в 238 г. выдвинула против него в течение одного года четырех своих императоров-сенаторов: Гордиана I и Гордиана II в Африке и Бальбина и Пупиена в самом Риме. Но все они в течение нескольких месяцев были перебиты солдатами, а римские преторианцы, недовольные «деревенщиной» Максимином (он когда-то был простым пастухом), провозгласили в Риме своего императора, тоже из знати, 13-летнего внука Гордиана I, Гордиана III. Период таких военных переворотов продолжался целых 15 лет. Максимин был вскоре убит своими солдатами, а Гордиан III продержался 5 лет (238—244 гг.), так как за него умело правили его родственники. Он был убит во время похода на персов своим префектом претория Филиппом, арабом по происхождению, который, став императором, через четыре года правления (244—249 гг.) был в свою очередь разбит и затем убит восставшим против него Децием, одним из своих полководцев. Император Деций через два года погиб в бою с готами благодаря измене одного из подчиненных ему военачальников Требониана Галла. Последний был императором два года и погиб в бою с своим соперником Эмилианом, наместником Мезии, с своими войсками вторгшимся и Италию и захватившим Рим. Однако его же солдаты убили Эмилиана на третий месяц его императорской власти (253 г.), когда в Италию вступила еще третья армия — рейнская с своим кандидатом — Валерианой.

Пятнадцатилетие с 253 по 268 г. было самым страшным временем в истории Римской империи — временем ее п о л н о г о распада. Правда, в Риме в это время номинально правили два и ператора, тоже провозглашенные войсками: Валериан (он в 260 г. попал в плен

к персам) и его сын Галлией. Но не было провинции, в которой бы за это время, не появилось своего императора, так что период этот еще древние историки называли временем 30 тиранов. На Западе образовалась целая особая «Галльская империя», в которую вошли все западные провинции — Германия, Галлия, Британия и Испания. «Императором» ее был в течение 10 лет римский военачальник Постум, имевший свою армию, своих консулов, легатов, свою особую администрацию, свою монету и совершенно игнорировавший центральное римское правительство. Сирия, Малая Азия и Египет тоже отделились, образовав целое новое царство, во главе которого стоял князь Пальмир Септимий Оденат, именовавший себя «автократором», т. е. самодержавцем и «вождем Востока». После его смерти в 267 г. правительницей этого обширного царства стала его вдова Зеновия. В дунайских провинциях тоже один за другим появлялись претенденты и во время борьбы с одним из них, Авреолом, начавшим поход на Италию и дошедшим уже до Милана, сам Галлиен был убит своими офицерами.

Паралич центральной власти и постоянный отвод войск из пограничных районов претендентами и узурпаторами, чтобы использовать их в своих междоусобных войнах, сделали катастрофическим внешнее положение Римского государства. Римские границы повсеместно были прорваны, и орды варваров неудержимыми потоками отовсюду устремились в старинные культурные районы Средиземноморья. Воинственные франки, вооруженные громадными секирами, разгромили укрепления римского лимеса на Нижнем и Среднем Рейне и ворвались в центральные части Галлии. Аламаны, другое германское племя, захватили Рецию и Альпийские перевалы, вторглись в Северную Италию л в 261 г. дошли до Милана. Временно оттесненные отсюда Галлие-ном, они повторили нашествие в 270-х годах; на этот раз они проникли в Среднюю Италию, так что под угрозой оказался и сам Рим.

На Нижнем Дунае положение было еще опаснее. Здесь образовался обширный конгломерат различных племен — сарматских, фракийских, возможно, и праславянских. Во главе их находились передвинувшиеся с Балтийского моря готы, почему и все это объединение современники называли «готами». С 230 г. готы начали систематический разгром всего Черноморья — захватили Истрию и Тиру, разрушили Ольвию, в 250-х годах овладели Боспорским царством и Крымом. На своих лодках-однодеревках, а также на захваченных в боспорских и других городах греческих и римских кораблях, они выходили из устьев Днепра, Буга и Дуная в море (иногда таких судов собиралось до двух тысяч), громили богатые города Вифинии и Пафлагонии (Трапезунд), проникали через Геллеспонт в Эгейское море, к старинным центрам греческой культуры — к Эфесу и даже Афинам. Громадные сокровища скопили их князья во время этих грабительских походов, положив тем начало вычурному, так называемому «готскому» стилю: даже сбруя их коней была усеяна причудливыми золотыми бляхами, украшенными гранатами, бирюзой и пестрой эмалью.

На Евфрате постоянные нападения делали персы. В 260 г. царь новоперсидского царства Шапор (столицей его опять стал древний персидский город Персеполь) разгромил всю армию римского императора Валериана. Сам император попал в плен: его долго возили в свите Шапора, заставляя подставлять спину, когда Шапор садился на своего коня, а его офицеров и солдат погнали копать каналы на реке Тигре. Богатейший город Сирии, ее столица Антиохия, была взята и разграблена персидскими воинами.

Так как в связи с постоянными междоусобными войнами, набегами и погромами варваров, голодовками и частыми эпидемиями империя обезлюдела и оскудела собственными военными силами, для обороны границ от варваров стали нанимать других варваров, зачисляя их целыми племенами в римскую армию. Это, как исключение, практиковалось уже со времени Августа, шире стало применяться во II в., особенно при Марке Аврелии, и наконец, обратилось в настоящую систему в грозные годы, наступившие после смерти Александра Севера. Эти так называемые «федераты» (т. е. договорники) получали наделы земли под условием являться в нужное время на военную службу и подготовлять к ней и своих сыновей. Другой вид таких же военных поселенцев, в особенности в пограничной зоне, носил название «лотов» (laeti). Таким

путем варвары стали и по соглашению с римским правительством массами проникать на римскую территорию, даже в коренные италийские области, способствуя их варваризации.

Вместе с тем тяжелый хозяйственный кризис охватил все провинции. Погибали от варварских вторжений и всяких военных операций многолетние запасы продовольствия, часто нельзя было во время засеять поля или убрать урожай. Узурпаторы, захватив какую-либо область, немедленно прекращали вывоз из нес, чтобы лучше кормить и снабжать своих солдат. Грабительские морские походы готов и постоянные вторжения персов перерезали все основные торговые пути между главными индустриальными и торговыми центрами Востока. Города пустели вследствие массового ухода населения на землю, обращались в военные убежища и крепости, спешно обносились стенами: за недостатком строительного материала стены эти возводились из разрушенных построек, общественных зданий, из кладбищенских плит и других, иногда весьма ценных в художественном отношении памятников. Замирала интенсивная прежде жизнь муниципиев, в связи с общим разорением прекратились пожертвования на общественные нужды, рос местный налоговый гнет; необыкновенно обременительна, хлопотлива и не популярна, становилась деятельность декурионов и других муниципальных властей, все старались уклониться от несения общественных обязанностей. Несмотря на громадное увеличение государственных налогов, государственная казна была пуста. Часто налоговые суммы нельзя было ни собрать, ни доставить по назначению. Государство жило преимущественно на средства, получаемые путем массовой эмиссии монеты, причем за недостатком драгоценного металла принуждено было все более и более ее портить и обесценивать. Уже при Каракалле «золотой» (aureus) стали чеканить на 17% легче прежнего, и прежний, полноценный, немедленно исчез из обращения, припрятанный населением. Тогда же введена была и новая серебряная монета — «антониан»,— как $^{1}/_{20}$ часть «золотого», но имевшая серебра только 50% нормы. Дальше пошло еще хуже: серебряную монету стали чеканить из меди, только слегка серебря ее сверху (5%, а затем только 2% серебра). Население стало монету принимать лишь по весу, притом предпочитая мелкую медную, как менее испорченную, а то и переходя на простой примитивный обмен вещи на вещь. Товарное и денежное хозяйство приходило в полный упадок и заменялось примитивным — натуральным, домашним.

В связи с невыносимыми тяготами жизни начались мощные движения народных низов. В 238 г. в Африке происходило большое восстание колонов, которое использовали крупные землевладельцы, чтобы острие его направить против ненавистного им солдатского императора Максимина и поддержать их кандидата на императорский трон Гордиана I. Движение было жестоко подавлено оставшимся верным Максимину легионом, квартировавшим в этой провинции. В Египте широко разрослось движение пастухов («буколов»), вспыхнувшее еще при Марке Аврелии и с тех пор все более расширявшееся. К буколам, в их недоступные селения, спрятанные в камышах и болотах дельты Нила, бежали все обездоленные люди Египта и, собравшись там, в организованные отряды, делали постоянные вылазки на административные центры и римские гарнизоны. С движением буколов римское правительство не могло справиться в течение всего III в.

В Галлии уже с конца II в. происходили непрерывные волнения колонов, городской бедноты и беглых солдат. «Эти злодеи,— пишет историк III в. Геродиан, — нападали на большие города, разбивали тюрьмы, освобождали от оков всех заключенных в них по какой-либо вине, обещали им безопасность и вовлекали в свой; союз». Уже Септимию Северу приходилось упорно бороться с такими «разбойниками», во главе которых одно время стоял смелый и опытный организатор солдат-дезертир Матери. В период политической анархии III в. количество таких «разбойников и мятежников» страшно увеличилось, и к 270-м годам в Галии вспыхнула настоящая крестьянская война, известная под названием движения багаудов (борцов). Восставшие крестьяне, колоны и сельские рабы (rusticani homines agrestes) сперва действовали отдельными мелкими отрядами, затем, в 280-х годах, образовались более крупные объединения. Появились общепризнанные вожди Элиан и Аманд, которые называли себя «императорами», чеканили свою монету и пр. Большинство крупных имений было захвачено, повстанцы поделили между собой их земли, скот и

инвентарь. Вся сельская Галлия была в руках восставших: «Пахарь превратился в пехотинца, пастух во всадника», — жалуется один древний писатель (М а м е р т и н). Держались за своими стенами лишь крупные города, куда укрылось все богатое население. Восставшие крестьяне не могли ими завладеть из-за отсутствия у них соответствующей военной техники. Однако повстанцам удалось в 270 г. после семимесячной осады взять город Августодун (Отен), столицу эдуев, так как на их сторону перешла часть армии галльского «императора» Тетрика. Богатые и знатные люди были перебиты, имущество их конфисковано, дома разрушены и весь город обращен в груду развалин.

Одновременно повсеместно поднимались рабы и присоединялись к любому повстанческому движению. Еще в правление Септимия Севера долгое время по всей Италии действовала шайка разбойника Булла, состоявшая из 600 человек, преимущественно из «императорских слуг» (рабов), получавших самое жалкое содержание, а то и не получавших никакого. Разбойники были неуловимы и везде имели связи. О них рассказывали легенды, как о народных заступниках. Рабы принимали широкое участие и в восстании колонов в Африке, и в движениях буколов в Египте и багаудов в Галлии. В 260-х годах, по словам биографа императора Галлиена, в Сицилии происходила «как бы рабская война». Наконец, рабы вместе с колонами и другими угнетенными слоями римского населения приветствовали вторгавшихся варваров, видя в них избавителей от страшного гнета богатых владельцев и государственных чиновников-хищников. Крестьяне-горцы показывали аламанам тропы через Альпы, рабы массами уходили с ними при их отступлении из Италии. Когда готы в числе всего 15 тыс. воинов под предводительством своего знаменитого вождя Книвы устроили из-за Дуная сухопутный набег на Балканский полуостров, крестьяне и рабы, составив добровольно и конные и пешие дружины, в таком количестве присоединились к ним, что им удалось взять один из крупнейших городов Македонии — Филиппополь. А когда император Деций попытался догнать их при отходе обратно за Дунай и отнять их добычу, готы наголову разбили римскую армию в Добрудже. В бою погиб и сам император Деций вместе со своим старшим сыном и соправителем Гереннием Этруском (июнь 251 г.).

Таким образом, кризис III в. привел к новому подъему революционного движения в Римском рабовладельческом государстве, тем более сильному, что, в противоположность первому периоду этого движения во II в. до н. э., и само Римское государство ужо находилось в состоянии глубокого разложения. Революционные силы — рабы, крестьяне и варвары — действовали на этот раз в полной гармонии и контакте между собой. Теперь окончательное крушение античного рабовладельческого строя становилось уже только вопросом времени.

§ 2. Последние попытки восстановления рабовладельческой империи

Доминат Диоклетиана и Константина. Однако господствующие круги рабовладельческого общества еще оказались способны на последнее усилие, чтобы приостановить полный распад империи. В бурные годы кризиса III века особенно пострадали города, кроме переживаемых экономических затруднений, подвергавшиеся еще постоянным разграблениям; погибло также большинство маломощных мелких и средних хозяйств. Напротив, латифундии знати, благодаря богатству их владельцев, не только быстро оправлялись, но и расширились еще более в своих размерах за счет исчезавших мелких владений. К тому же количество крупных имений значительно увеличилось, так как возникло множество новых поместий удачливых военных командиров: очень многие из них сумели использовать тяжелые времена императорских междоусобий и военных авантюр для личного обогащения, пополняя тем и усиливая слой крупных землевладельцев. В связь с этим и следует поставить то обстоятельство, что в течение 17 лет после смерти Галлиона командный состав армии, преимущественно дунайских ее подразделений, наиболее активно участвовавших в междоусобной борьбе, а потому и наиболее обогатившихся, вместе с тем и

приобревших большой опыт в войнах с «варварами», смог выделить из своей среды на императорский пост ряд крупных военных и административных талантов, сумевших временно спасти положение.

Общее было в них то, что почти все они вышли из простых военных колонистов Иллирии, отчего их и принято называть иллирийскими императорами. Все они личными усилиями и способностями достигли высших рангов в военной иерархии, обзавелись большими землями и правили, поэтому в полном контакте и согласии с землевладельческими верхами Италии и провинций. В интересах этих общественных верхов они беспощадно и безжалостно напрягали силы своих подчиненных: например, в краткие периоды военных передышек не стеснялись отправлять целые военные отряды на срочные работы в имения крупных землевладельцев. Эти императоры-иллирийцы такой ценой страшного напряжения народного труда достигли и некоторой общей консолидации хозяйственной жизни и частично внутренней и внешней стабилизации. Правили все они непродолжительно. Их обычно убивали их же солдаты и младшие офицеры; так, Клавдий II Готский (это прозвище он получил за то, что первый одержал очень крупную победу над вторгшимися в Верхнюю Мезию готами) был императором всего 2 года (268 — 270) — единственный среди них, умерший от болезни (чумы); Аврелиан правил только 5 лет (270—275), Тацит — 1 год (275—276), Проб - 6 лет (276-282), Кар - 1 год (282-283), его сыновья Нумериан и Карин — 2 года (283—285) — и все они умирали насильственной смертью.

Самым выдающимся из них был Аврелиан, провозглашенный императором дунайской армией и прозванный «Железная рука» за свою громадную физическую силу, необычайную энергию и непреклонную волю. Он спас Рим от нашествия аламанов, разбил готов и вандалов и отбросил все эти опасные для римлян племена за Дунай; при этом он забрал громадную добычу и множество пленных, которыми пополнил весьма сократившееся число рабов и пограничных военных поселенцев. С беспощадной суровостью Аврелиан подавлял движения рабов и колонов. Были подавлены и провинциальные мятежи, например, в Египте, разгромлена Пальмира (272 г.), а царица ее Зеновия взята вместе с сыном в плен; была покорена и отделившаяся Галлия, после того как император ее Тетрик, один из преемников Постума, из страха перед разраставшимся движением багаудов, добровольно подчинился Аврелиану. За все это Аврелиана стали именовать «восстановителем вселенной» (restitutor orbis).

Правда, это умиротворение и воссоединение было достигнуто тяжелой ценой. Пришлось оставить Дакию и перевести всех римских колонистов ее на правый берег Дуная, массами принимать на римскую службу и селить на коренных римских землях полудиких вандалов, бастарнов и других варваров, лихорадочно укреплять самый город Рим: до сих пор в нем видны мрачные остатки грандиозных стен и башен Аврелиана. Чтобы справиться с финансовыми затруднениями, выпускали такую испорченную монету, что население совсем отказывалось ее принимать. В 273 г. в Риме произошло из-за этого восстание. Его подняли рабочие и служащие монетного двора («монетарии»), а их поддержало все низовое население Рима. О силе этого денежного бунта, или «восстания монетариев», как его обычно называют, свидетельствует то, что одних солдат при подавлении его было убито до 7 тыс. Римская империя сократилась территориально, еще более обеднела, население еще более огрубело и перемешалось с варварами, но все же предотвращен был на некоторое время полный и окончательный ее распад.

Восстановительными мерами, на такой же новой основе, прославилось двадцатилетнее правление императора Диоклетиана (284—305 гг.). Тоже иллириец, из простых людей (сын вольноотпущенника), дослужившийся до высоких военных чинов, грубоватый и мало образованный, он был выбран старшими офицерами восточной армии императором после убийства императора Кара и собственноручно убил своего соперника Апера. По-солдатски прямолинейно и смело, хотя и весьма упрощенно, решал он сложнейшие вопросы администрации и реконструкции Римской империи. На первом месте для него стояла военная оборона Римской империи и соответствующая организация для этого тыла.

Поэтому в Рим он но поехал, а своей резиденцией выбрал город Никомедию на Пропонтиде (Мраморном море), весьма удобный для наблюдения за защитой наиболее угрожаемой римской границы по Дунаю и по Евфрату. На западе же он назначил себе соправителя — второго «августа» — Максимиана, своего земляка и такого же, как он сам, энергичного и дельного офицера. Столицей Максимиана выбран был город Медиолан (Милан), стороживший Альпийские проходы в Германию и Галлию и, таким образом, обеспечивавший крепкую связь с рейнским оборони тельным рубежом. Каждый август получил еще по помощнику заместителю — цезарю: Диоклетиан в лице Галерия (он должен был иметь свою штаб-квартиру в Сирмиуме, на реке Саве, близ Дуная), Максимиан — Констанция Хлора (его главной ставкой был Трир на Мозеле, притоке Рейна). Цезарей августы женили на своих дочерях, и в лице их подготовливали себе преемников было по-военному постановлено, что августы должны через двадцать лет, по достижении предельного возраста, сложить с себя власть в пользу этих своих заместителей. Так установилось «четверовластие» (тетрархия), собственно, правление четыре военачальников, с известной субординацией их в порядке старшинства высшему по чину Диоклетиану, авторитет которого при разногласиях считался имеющим решающее значение.

Такое разделение временно оказалось с точки зрения верхов римского общества весьма целесообразным. Августы вместе с цезарями в относительно короткий срок сумели круто расправиться и с многочисленными еще, продолжавшими появляться узурпаторами и с народными восстаниями. Максимиан разгромил багаудов и разрушил их главное укрепление на реке Марне в области паризиев (в 286 г.). Путем массовых казней и кровавых экзекуций он восстановил в Галлии «порядок». Констанций Хлор ликвидировал попытку начальника северного римского флота Караузия создать особую империю» в Британии. Отражены были вторжения германцев, язигов, карпов и персов. В связи с победой над персами удалось даже опять установить римский протекторат над Арменией и посадить в ней царем римского ставленник Тиридата III. Границы вновь были крепко заперты множеством восстановленных и еще усиленных укреплений.

Но для закрепления этих внешних и военных успехов пришлось перевернуть по-новому весь строй жизни и весь общественный быт в тылу. Чтобы как-нибудь связать вместе и заставит работать на общую пользу всю массу римских провинций, обращавшуюся уже в случайно собранный конгломерат, пришлось прибегнуть к давно испытанной при подобных же обстоятельствах на Востоке системе деспотии. Безжалостно ликвидированы был последние остатки некогда столь ценимых гражданских прав свободы личности, муниципального самоуправления. Началось с ряда насильственных вмешательств правительственной власти в хозяйственную жизнь, с тяжелой для населения денежной девальвации; в связи с недостатком золота (золотые рудники Дакии были потеряны) вес золотой монеты был уменьшен на целую треть: из одного римского фунта (327 *г)* стали вместо 40 чеканить 60 золотых. Серебряный денарий, страшно упавший в цене в течение III в., официально обращен в мелкую медную монетку 1/42 его прежней стоимости, так что за новый введенный в 301 г. полновесный «серебренник» («аргентарий» = 1/25 «золотого») приходилось давать 42 старых денария. В устойчивость новой монеты никто не верил, золото немедленно исчезло из обращения, припрятанное населением, цены быстро взлетели вверх «не в 4 или 8 раз, но так, что человеческий язык не может приискать названия для такой расценки», — как жаловался правительственный эдикт 301 г.

Это побудило правительство Диоклетиана пуститься в отчаянную и безнадежную борьбу со спекуляцией, в которой оно увидело причину этих хозяйственных явлений. Указанный эдикт 301 г. «О рыночных ценах» устанавливал смертную казнь для всех перекупщиков и повышателей цен, которых он клеймил названием «наглых преступников», «грабителей, искусившихся в увеличении своих возмутительных барышей». «Положить конец их алчности и грабежу наших провинций властно требуют общечеловеческие соображения».

В связи с этим эдикт устанавливал твердые цены на все продукты питания, текстильные, кожаные, металлические изделия, повозки и экипажи, и прочие рыночные товары, а также заработную плату рабочих всех видов труда, начиная с деревенского батрака и кончая представителями наиболее квалифицированных профессий. Батраки, погонщики, водоносы, чистильщики клоак не должны получать более 25 медных денариев в день на хозяйских харчах; каменщики, плотники, столяры, кузнецы, пекари, тоже с хозяйским столом, — лишь вдвое больше, по 50 денариев; художник-живописец — 150 денариев; адвокат за написание и подачу жалобы — 250 денариев; учитель начальной школы — по 75 денариев за каждого ученика ежемесячно; преподаватель латинского и греческого языков и геометрии — 200, ритор и софист — 250 денариев и т. д. «Если кто дерзко воспротивится этому постановлению, тот рискует своей головой», — такой решительной угрозой заканчивается пространное введение к этому замечательному памятнику.

Как и следовало ожидать, эдикт остался безрезультатным. Он только вызвал еще большую хозяйственную смуту и был вскоре отменен преемником Диоклетиана, Константином.

Ввиду неудач этих финансовых и экономических нововведений и общего им сопротивления, правительству Диоклетиана и его соправителей пришлось решительно повернуть на тот путь, на который уже постепенно вступали и его предшественники — натурализации поставок и системе принудительных работ на армию и казну, так как потребности их не терпели никаких отлагательств и проволочек. Основным налогом теперь стала «аннона» — налог натурой, собиравшийся с сельского населения всей территории Римской империи, включая и Италию. Для этого каждые пять лет производилась общая поголовная перепись всего населения и его имущества и каждая «голова» (caput), безотносительно к своему социальному, но соответственно своему имущественному положению, облагалась по разверстке соответственными поборами, устанавливаемыми правительством каждые 15 лет («индикты»). Земледельцы вносили аннону по «упряжкам» (iugum): так называлась условная единица сельского имущества, 20 югеров хорошей земли или 225 виноградных лоз и т. д. Аннона уплачивалась земледельцами зерном, вином, маслом, мясом и пр., причем за полную и своевременную уплату отвечали крупные землевладельцы, па земле которых они сидели в качестве колонов. Денежные налоги вносили лишь горожане — купцы, ремесленники и городской плебс, но в государственном бюджете эти денежные сборы уже перестали играть значительную роль. Сообразно этому и содержание придворным, чиновникам, солдатам стало уплачиваться тоже натурой; так, например, области северной Италии должны были содержать весь двор сидевшего в Медиолане Максимиана. В этом отношении Римская империя стала очень похожа на древнюю Персидскую монархию или государство египетских фараонов.

Для обеспечения полноты поступления сборов и избегания перебоев в поступлении их всех жителей империи прикрепили к их занятиям и промыслам: чиновников — к службе, купцов — к их лавкам, ремесленников — к мастерским и коллегиям. Сын должен был продолжать занятие отца, как бы являясь его сменой. Даже городские магистраты — куриалы, как они стали теперь называться,— были наследственно прикреплены к своим прежде выборным должностям: они должны были не столько заведовать общественными делами города, сколько следить за исправным поступлением казенных поставок с населения, отвечая, под круговой порукой, своим имуществом за всякие недоимки. Еще крепче привязали к земле сельское население все категорий — и вольных арендаторов, и колонов, и даже посаженных на землю рабов. Все они заносились в цензовые списки, все облагались поголовной податью в натуре («капитацией»), все вместе с семьями их утратили право схода или свода с земли; беглых, одинаково рабов или колонов, ловили, заковывали в кандалы и водворяли на прежние участки, к их владельцам. Даже на крупных землевладельцев, в особенности сенаторского звания, имевших титул «светлейших», государство возлагало обязанности по защите своего района и по наблюдению за местным населением. Они должны были укреплять свои усадьбы, так что последние обращались в настоящие замки, содержать собственные дружины, ставить рекрутов в армии из зависимых

от них людей. Им предписывалось устраивать рынки в своих имениях, регулировать торговлю и наблюдать за выполнением эдикта о ценах, даже судить, выполнять полицейские функции и пр.

Весь аппарат управления этой «поздней Римской империи», как принято ее называть со времени Диоклетиана, стал напоминать и даже сознательно копировать строй восточной деспотии. Государь вел себя как земное божество. Его величали «Юпитеровым сыном» и «владыкой», в обращениях к нему употребляли множественное число — «вы». Он появлялся в пышных восточных ризах первосвященника с золотым венцом на голове; к венцу были приделаны расходившиеся во все стороны золотые, как бы солнечные лучи (эту корону придумал еще Аврелиан). При его появлении полагалось падать на колени, кланяться до земли, целовать ему ноги. Его дом назывался «священными палатами», его верховный совет переименован был из «консилиума» (заседания) в «консисторию», что значит «общее стояние», так как никто не смел, сидеть в присутствии его священной особы. Власть его, как и надлежит «владыке» (dominus, по-гречески despotes), была безгранична, почему эту форму монархии, вернее даже деспотии, к которой пришла Римская империя, и принято называть доминатом.

Ближайшими сотрудниками императора являлись префект претория — по военным делам, викарий (заместитель) — по гражданскому законодательству и юстиции, и ряд магистров, ведавших различными отраслями центральной администрации, в распоряжении которых имелся обширный штат чиновников и писцов. Для удобства управления вся Римская империя разделена была на 100 провинций вместо прежних 47, чтобы начальники их (они были разных рангов, сообразно величине и значению провинции, я назывались консулярами, корректорами и президами), ввиду наступивших затруднений с транспортом, порчи дорог и пр., имели более ограниченный подведомственный район. Эти более мелкие провинции объединены были в 12 «диоцезов» — административных округов более обширного характера, например, 7 италийских округов составляли 2 диоцеза, 7 галльских провинций — 2 диоцеза, 4 британских — 1 диоцез и т. д. Во главе диоцезов стояли «викарии префекта претория», непосредственно подчиненные самому префекту. Военная власть везде была отделена от гражданской и находилась в руках отдельных «командующих» (duces), причем значительная часть армии распределена была для охраны порядка по всем провинциям, а на границах оставлены были лишь особые «пограничные корпуса» (limitanei). Легионы ввиду такого дробного размещения были разукрупнены — они сведены были к составу всего в 1 тыс. солдат, почему количество их возросло до 175. Все это имело также целью взаимный контроль различных провинциальных властей и затрудняло появление узурпаторов. Повсюду разъезжали особые «агенты» — соглядатаи, подробно информировавшие центр о положениях на периферии. Эта расплодившаяся масса чиновников новой тягостью легла на плечи населения.

Оправдание себе и освящение римский доминат искал, подобно восточным деспотиям, в религии. Уже Аврелиан старался обновить и оживить древнюю языческую религию усердной пропагандой культа солнца. Он заявлял, что солнце является наивысшим божеством, а император — его человеческим проявлением, его наместником на земле. Диоклетиан, с теми же целями придать императорской власти божественные санкции, всемерно покровительствовал культу Юпитера и себя именовал «юпитеровым сыном». С этим связано и предпринятое им в 302 — 305 гг. жестокое гонение на христиан, в которых он видел оскорбителей своего божества и подрывателей божественных основ своей власти. Христиане были изгнаны из армии, их собрания запрещены, многие молитвенные дома разрушены, и книги их сожжены. Много священников и епископов было казнено, всех под угрозой пыток заставляли приносить жертвы старым богам. Особо свирепые гонения происходили в восточных провинциях, они затронули и придунайские области, Италию, Испанию. В истории христианства это преследование получило название «великого гонения», по сравнению с которым казались слабыми неоднократные проследования христиан при прежних императорах (например, Деции и Валериане в 250-х годах).

Продолжателем дела Диоклетиана по превращению Римской империи в деспотию восточного типа был внебрачный сын одного из цезарей, Констанция Хлора — К о н с т а н т и н (мать его, Елена, была простой служанкой в солдатской таверне). Он походил на Аврелиана сноси громадной физической силой, солдатской грубостью, необычайной самонадеянностью и решительностью. Когда в 305 г., верный своему установлению о предельном сроке императорской службы, Диоклетиан торжественно отказался от власти и принудил сделать то же и своего соправителя Максимиана, а августами стали прежние цезари — Галерий на востоке и отец Константина, Констанций, на западе, — возникла жестокая борьба из-за назначения новых цезарей и августов.

Вновь началась долгая и кровавая военная анархия, во время которой противники с дикой жестокостью уничтожали друг друга, жен, детей и сторонников побежденных. Наконец, пережив или истребив всех других, Константин стал в 323 г. единоличным правителем всей Римской империи и, умудренный опытом 18-летних усобиц, отказался от опасной системы четверовластия (тетрархии), введенной Диоклетианом. Однако именно благодаря этому система ничем не ограниченного абсолютизма и получила теперь, в чистом единовластии Константина, свой вполне завершенный характер.

Как бы знаменуя окончательное установление этого самодержавного режима, Константин окончательно покинул Рим и в 330 г. официально объявил столицей империи древний греческий город Византий. В новую столицу переведен был сенат, она была застроена роскошными правительственными зданиями и храмами и получила имя Константинополя, т. е. города Константина. Решительно отказавшись и во всем прочем от старых традиций, Константин путем множества различных указов и постановлений смело завершил систему всеобщего закрепощения населения и привлечения его на службу государства. Не только колонам, которых безжалостно водворяли обратно на их старые места в случае бегства, но и куриалам, ремесленникам и торговцам запрещено было покидать и свои занятия и места своего настоящего жительства. Количество чиновников еще больше увеличилось, и административный аппарат обратился в чудовищную машину всеобщего невыносимого угнетения.

Суеверный и малообразованный Константин с особым рвением искал поддержки и о п о р ы с в о е й в л а с т и в р е л и г и и, продолжая, правда, и в этом отношении, но более смело, тенденции своих предшественников. Как ни свирепствовала усердствующая администрация Диоклетиана, а после — его преемника Галерия и одного из новых «цезарей» Максимиана Дазы, христианство оказалось неистребимо. Это была уже мощная и крепко организованная на религиозном основании общественная сила. В каждом городе были многолюдные христианские общины с своими епископами, просвитерами, диаконами, располагавшие значительными средствами. Но уже и в чиновничестве и в армии у христиан было много защитников и приверженцев; даже при самом дворе Диоклетиана христианству сочувствовали его жена Приска и дочь Валерия; сам цезарь Констанций был близок к христианам и на подчиненной себе территории Галлии и Британии не допустил применения декретов Диоклетиана о преследовании христиан.

Константин, вероятно, под влиянием отношения к христианам своего отца, с самого начала своей правительственной деятельности пошел по этому пути и везде находил в христианах значительную поддержку в своей долгой и трудной борьбе с соперниками. Поэтому уже в 313 г., после победы над главным соперником — Максенцием (сыном Максимиана) и захвата, благодаря этому, Италии, он вместе с тогдашним союзником своим, другим августом — Лицинием, издал в Милане э д и к т о п р е д о с т а в л е н и и п о л н о й с в о б о д ы в е р о и с п о в е д а н и я и к у л ь т а всем религиям, в том числе, и христианской. Христианским общинам даже предоставлялось право получить с государства возмещение за разрушенные во время гонения здания, конфискованные земли и имущества. Позднее, став единодержавным правителем, Константин с особой заботливостью относился к христианской церкви, освободил ее служителей от податей и принудительных работ, а римскому епископу подарил свой Латеранский дворец. Вместе с своей матерью Еленой он заботился о постройке христианских храмов в Палестине — в Вифлееме, на Голгофе, в

Иерусалиме. Не принимая официально христианства до самой своей смерти, продолжая сохранять звание верховного жреца и строя, тоже с немалым усердием, языческие храмы в своей новой столице Константинополе, Константин в то же время сделал христианскую церковь особо привилегированной и почти что государственной. Заботясь о том, чтобы сохранить в ней единство, он, будучи язычником, давал указания касательно решения тех или иных церковных вопросов и, хотя и мало что понимал в них, председательствовал на большом Никейском соборе 325 г., где шли ожесточенные богословские споры о том, «равен» или «подобен» бог-сын богу-отцу, и выработан был сложнейший по содержанию «символ веры».

Христианская церковь обращалась, таким образом, в новое и очень мощное орудие государственного господства. Религиозное инакомыслие («ересь») стало жестоко преследоваться, как государственное преступление, нарушавшее установленный властью образ мысли: после Никейского собора отправлен был в ссылку и заключен в тюрьму как «смутьян» александрийский пресвитер Арий, осмелившийся в религиозных вопросах держаться иного взгляда, чем император и послушный императору собор. Когда же император «передумал», Арий был из ссылки возвращен, а на его место был сослан прежний его противник, вождь большинства соборных «отцов», епископ Афанасий. К прежним государственным видам гнета — финансового, административного, военного — присоединился, следовательно, еще новый — гнет религиозный, а для населения закрывалась последняя отдушина его свободы. Этим, можно сказать, полностью завершалась перестройка Римской империи в подобие деспотического государства восточного типа: в восточных деспотиях, по мнению Аристотеля, все являлись рабами, кроме одного царя[18].

ГЛАВА СТО ШЕСТАЯ
Процесс падения Римской империи как закономерный результат разложения античной формы собственности, античной общины в форме полиса-государства

§ 1. Вторжения германцев в пределы империи и начало их поселения среди римлян. Становление германского феодализма

Когда в конце I в. н.э. римский император Траян завоевал для империи еще одну новую область, Дакию, между Дунаем и Прутом, то римские рабовладельцы опять торжествовали. Но это было их последнее торжество.

Со 2 в. н.э. им стал грозить еще более страшный враг - германцы. Им уже было тесно в лесах, горах средней Европы; их тянуло за Рейн, в плодородную, хорошо возделанную Галлию и в Италию, о сказочных богатствах которой они слышали. К пограничным германским племенам постоянно тянулись беглецы из империи - беглые рабы, закабаленные крестьяне. Они рассказали о богатствах и роскоши своих поработителей и звали германцев уничтожить их. Классовые враги рабовладельцев соединились с их внешними врагами.

Вторжения германцев начали происходить постоянно со времени Августа, который их пробовал покорить, но потерпел страшное поражение. Лучшие войска, посланные им, среди гор, в лесах были завлечены германцами в засады и поголовно истреблены. Было ясно, что в горах и лесах римлянам с германцами не справиться.

Тогда империи пришлось перейти к обороне. В альпийских походах, а также по Рейну и Дунаю была выстроена целая цепь крепостей. В слабых местах эти крепости были

[18] См.: История Древнего мира, Под ред. В. Н. Дьякова и Н.М. Никольского, М., 1952, 781с.

соединены одна с другой высокими валами и рвами. Около крепостей были поселены в военных колониях солдаты.

Армия пополняла свои ряды из рекрутов, наборы которых постепенно ложатся на вольноотпущенников, колонов и рабов, которых вместо себя отравляли на службу богатые землевладельцы. После окончания службы бедняки, рабы получали свободу и права гражданина в Риме.

Легионы были размещены вдоль границ при империи, редко использовались для наведения внутреннего порядка. Жили легионеры в постоянных поселениях, лагерях, возле которых селились маркитаны, поставщики, ремесленники. Вокруг военного лагеря рос город, муниция. Старослужащие часто здесь и оставались, а их дети, вступая в брак друг с другом, продолжали службу. Семптилий Север разрешил солдатам, служившим долгие сроки, жениться. Теперь они уже имеют дом, семью, приходят служить в лагерь, стоявший рядом. Лагерь становится официальным местом службы, его называют отечеством. Военная служба была школой послушания, но не школой раболепства, она давала Империи лучших слуг, превосходных граждан, которые вносили в общество и здоровые привычки лагеря.

Свободное от лагерных занятий время солдаты уделяли работам, которые давали и дополнительные заработки: строили мосты, храмы, памятники, рыли каналы и т. п.

Но в конце 2 в. напор германцев сразу чрезвычайно усилился. Восточных германцев стали теснить славяне, восточные германцы потеснили западных германцев, а последние стали пробиваться в империю. В то же время через азиатскую границу империи стали пробиваться в империю персы и армяне. С конца 2 в. Римская империя оказалась в осадном положении. Ослабленная грабительским хозяйничаньем рабовладельцев, империя с трудом оборонялась. Персы и германцы во 2 в. начали занимать пограничные римские области. Теперь уже римские солдаты тысячами попадали в плен и шли в рабство. Было ясно, что крушение империи - только вопрос времени. «Вечный Рим» приближается к гибели.

Со времен империи постоянно идет запустение земель. В конце II в. н.э. многие земли в Италии пустовали, и император Петринакс тщетно пытался привлечь на них землевладельцев обещанием освобождения на десять лет от податей. Не помогла и вводившаяся система колоната. Почему?

В создавшихся условиях мелкое самостоятельное производство оказалось совершенно распыленным и неорганизованным. Не существовало никакой организационной хозяйственной ячейки, которая могла бы послужить более или менее прочной базой для образовавшегося феодального общества и в то же время средством защиты и сопротивления против чрезмерной эксплуатации.

Колоны, объединенные вокруг поместья, но лишенные всякой внутренней спайки, менее всего были способны образовать феодальную базу. Ничем не связанные с усилением гнета эксплуатации и поборов, с ухудшением положения они оставляли свои участки, или переходили к другому владельцу, или пополняли ряды беглых бродяг. Насильственные попытки удержать население и прикрепить его к земле лишь ускоряли этот процесс распада. Почва поэтому постоянно ускользала как из-под ног центральной императорской власти, так одинаково и провинциальных магнатов.

Для развития феодально-крепостнических отношений отсутствовала (с разложением земледельческой общины) сколько-нибудь устойчивая база снизу. Равным образом и в высших слоях разлагающегося рабовладельческого общества не было предпосылок для возникновения общественно-политической феодальной надстройки. Но выход был найден.

Теперь уже в непосредственной близости от Рима селят пленных германцев. Уже во второй половине III в. германцы-земледельцы, по сообщениям, не без преувеличения биографа Клавдия Готского, наполнили собой все провинции империи. «Германцы пашут и сеют на нас» - заявляет император Проб в сенате.

Теперь берут из варваров для обработки земли не рабами (запрещено), но колонами. Никому не будет разрешаться отрывать, кого бы то ни было из них от почвы, на которую они будут помещены. Бежавший колон будет возвращаться своему господину.

Что же происходит в дальнейшем, когда германцы, силой или с позволения императоров, селятся родами или племенами среди римских хозяйств? Как они своими действиями ускоряют разложение рабовладения и установления феодализма?

Нам надо не забывать, что в германской форме общины, в отличие от Рима, крестьянин не является гражданином государства, то есть не является жителем города. Напротив, изолированное, самостоятельное жилище семьи составляет основу, гарантированную союзом с другими подобными же семьями того же племени и их сходками в целях взаимной помощи друг другу по случаю войны, для отправления религиозного культа, разрешения тяжб и т.д.

Индивидуальная земельная собственность не выступает здесь ни как форма, противоположная земельной собственности общины, ни как его опосредствованная, а, наоборот, община существует только во взаимных отношениях друг к другу этих индивидуальных земельных собственников как таковых. Общинная собственность как таковая выступает только как общее для всех добавление к индивидуальным поселениям соплеменников и к индивидуальным земельным участкам. Этим она обеспечит феодальное развитие германцев, с ними и всего человечества. У германцев не будет тех противоречий, которые возникли в Риме и погубили его.

Германская община, - отмечал Маркс, - это не субстанция, по отношению к которой отдельный человек выступает только как акциденция (как в восточной общине). Точно так же она и не такое единое начало (как в античной общине), где общее как такое в виде города с его городскими потребностями и в предоставлении отдельного человека и в действительности отличается от существования и потребностей отдельного человека; или где община в виде своих городских земель отличается от особого экономического существования отдельного члена общины. Напротив, германская община сама по себе, с одной стороны, как общность по языку, по крови и т.д., является предпосылкой существования индивидуальных собственников; но с другой стороны, она фактически существует только в их действительном собрании ради общих целей, и в той мере, в какой она имеет особое экономическое существование в виде совместно используемых районов охоты, пастбищ и т.п., она используется каждым индивидуальным собственником как таковым, а не представителем государства (как это было в Риме). Это действительно общинная собственность индивидуальных собственников, а не собственность союза этих собственников, в самом городе имеющих существование обособленных от них, как отдельных индивидов.[19]

Земледельческая община в Европе на границе феодального периода состояла из множества родственных друг другу по происхождению семейных групп, которые вели каждая в значительной степени отдельное земледельческое хозяйство. По размерам своим эти группы представляют нечто среднее между патриархальным родом древности и современной семьей. Они соответствовали приблизительно славянским «большим семьям» в несколько десятков человек.

Однако оставались еще довольно значительные производственные связи меду семейными группами. Когда силы отдельной семьи оказывались недостаточными, ей деятельно помогали соседние семьи, а то и вся община. Так бывало нередко при постройке жилища, при расчистке из-под леса нового участка под пашню и т.п. Так было и на территории будущей Германии.

В скотоводстве выгоды совместности являлись настолько значительными, что общинный скот с весны до осени почти всегда соединялся в одно стадо, которое паслось на неразделенных общинных пастбищах под надзором общинных пастухов.

К числу нераздельных пастбищ принадлежали все поля под паром и поля, с которых уже снята жатва, так как каждый участок поля служил отдельному производству семейной группе только в продолжение чисто земледельческих работ. Косьба на общинных лугах, по большей части, выполнялась коллективно, а затем сено делилось между семьями пропорционально их полевым участкам. Даже пользование пахотной землей обыкновенно

[19] См: Маркс К. Энгельс Ф, Соч., т. 46, ч.I, стр. 472 - 473

регулировалось в известных пределах общинной: семейное производство не оставалось связанным определенным участком земли. Время от времени производилась новая разверстка полей между семьями. При этом каждое хозяйство получало либо участок прежней величины, только в другом месте общинных пашен, либо изменялись и размеры участков, сообразно с величиной семей, с их рабочей силой и т.п. Подобные переверстки и переделы происходили вначале, может быть, каждый год, потом - через несколько лет. Они имели то значение что им уравнивались выгоды и невыгоды, происходившие от неодинаково плодородия различных участков земли. С довольно ранних времен общины перестают пускать в передел те земли, которые были расчищены из лесов и пустошей трудом исключительно отдельной семьи. Ничего подобного мы не встретим в Восточной общине и в городе – полисе античного мира.

Возрастание размеров общины и значительное обособление семейных групп привели к тому, что мало, по мало исчез и был забыт родственный характер первоначальной связи между отдельными хозяйствами: связь чисто производственная и вытекающая из нее связь политическая уже являлась основным цементом, скрепляющим общинное целое.

Там, где развитие феодальной группы из земледельческой общины шло наиболее постепенно и наиболее типически, там последовательность этого развития является в таком виде: дела всей общины решал совет старейшин, а в условиях войны - временный вождь.

Однако зародыши экономического неравенства уже существуют. Один из этих зародышей представляет, хотя бы даже временное, выделение организатора общих предприятий. Другой зародыш заключается в том, что кроме общинной собственности на землю, существует и частная. Земли, расчищенные собственным трудом отдельной семьи, предоставляют ее полную собственность. Точно так же земли, приобретенные военным путем, раз они распределены между участниками войны, обыкновенно уже не переделиваются более. Ничего подобного нет в восточной общине.

Неравенство хозяйственных единиц все более возрастало и мало по малу подрывало прежнюю однородность общины. С течением времени фактическая сила наиболее богатых семей дошла до того, что только из их среды избирались организаторы военных дружин. Эти семьи пользовались своим экономическим влиянием на общину, чтобы сохранить такое положение дел, они энергично боролись против всяких отдельных попыток изменить эту систему. Обычный факт превратился в право - власть вождя стала наследственной в его семье, временный организатор войны превратился в постоянного. С этого времени можно считать начало собственно феодального периода. Крупный землевладелец, выделившийся из общины, прочно усвоивший себе военно-организаторскую роль, а также иным способом и поставивший общину в экономическую зависимость от себя, есть уже типичный феодал. Античная община с её коллективной собственностью на землю и частной к такому результату прийти не могла.

Феодальные отношения быстро развивались и крепли: возрастала и становилась более постоянною, с одной стороны, положительная, общественно-полезная роль феодала в жизни крестьянской общины, с другой стороны - экономическое и юридическое подчинение ему крестьян.

Феодал строит укрепленные замки, где крестьяне находятся под его покровительством, укрываются в случае нападений со стороны врагов. Феодал заботится об устройстве дорог, мостов и т.п. в своей общине. Во всех случаях, когда крестьянские хозяйства не могут управляться своими средствами, феодал приходит к ним на помощь. Он организует для них систематическую поддержку на случай неурожая, разорения от войны и т.д. На все это необходимы были средства, и, конечно, феодал не склонен был даром жертвовать для своих крестьян доходами собственного хозяйства. За все заботы феодала крестьяне с избытком расплачивались своим трудом.

Феодальная эксплуатация имела две главные формы - обработка, оброк. В формах барщины и оброка эксплуатация является в самом простом открытом виде: барщина - это прямое и явное присвоение прибавочного труда; оброк - прибавочного продукта. Насколько хозяйство феодала оставалось натуральным, потребительным, настолько величина оброка и

барщины ограничивалась размерами потребностей феодала. Наиболее общее положение экономической зависимости населения от феодала выражалось в том, что феодал считался владельцем всей земли, на которой жили его подданные. Когда земледелие играло такую огромную роль в производственной жизни общества, было очень естественно, что феодал стремился присвоить себе верховное господство над землей, что означало также господство над людьми. А при экономической силе феодала стремления эти не могли не увенчаться полным успехом.

Отношения между феодалом и подвластными ему людьми были не вполне однородными: одна часть крестьян находилась в большей экономической зависимости, несла большие тягости и соответственно этому в большей мере была подчинена феодалу юридически. Другая часть находилась в сравнительно более выгодных условиях.

Происхождение феодального строя нередко объяснялось, как результат завоевания одного племени другим. Но чтобы создать феодальные порядки в завоеванной стране, победители должны были иметь их у себя, раньше, как это было во всех подобных случая. При столкновении общинного общества европейских народов, идущих к феодализму с зарождающимся феодализмом в разлагающейся Римской империи, получится определенный объективный результат.

Таковы общие закономерности становления феодализма у германцев существовали на своих территориях и при поселении в империи Рима.

Как германские хозяйства влияли на жителей римских вилл, колонов и рабов? Последние, узнав о более лучших условиях жизни у германцев, бежали к ним. Рабовладельцы - римляне, стремясь удержать от бегства своих рабов и колонов, вынуждены были спешить с переходом к феодализму в своих хозяйствах. Так будет и в Византии под влиянием славян.

Писатель Сальвиан дает яркую картину бегства угнетенного населения, страдающего под гнетом римского государства и патроната крупных землевладельцев и ищущих спасения у варваров: «Бедные ограблены, вдовы стонут, сироты угнетены до того, что бывают вынуждены искать убежища у неприятелей римского народа, чтобы не сделаться жертвою несправедливых преследований; они направляются к варварам искать римского человеколюбия, потому что не могут перенести у римлян варварской бесчеловечности... Единственная и всеобщая мечта римского простолюдина заключается в том, чтобы жить с варварами».[20]

Две трети земельной площади, которую германцы отнимали у населения, занятых ими областей и обращали в раздел между собой, принадлежали прежде всего к обширным владениям крупных магнатов-землевладельцев. Это не значит, что рост крупного землевладения приостановился, но лишь то, что он продолжался на иной основе и в более благоприятных для феодализирующего процесса условиях.

Вместе с этим исчез и постоянный гнет центральной императорской власти. Империи как единого целого более не существовало. Центробежные силы окончательно взяли верх.

С занятием западной империи германцами начинается новое развитие на новой экономической базе.

Итак, можно сказать, что феодализм имел двоякое происхождение: одно туземное, другое чужеземное, он родился из тех потребностей, из которых развивались деревенские общины, и из завоевания.

Феодальные бароны, - будь то превратившееся в ходе событий в таковых общинные старшины, будь то военные вожди, навязанные завоевателями - обязаны были иметь жительство в странах. Их владения и получаемые ими в виде барщины и десятины повинности были вознаграждением за оказываемые ими услуги земледельцам, которые подчинены были их правосудию. Бароны и их вооруженная свита составили постоянную местную армию, кормилась она и содержалась непосредственно защищаемым ею населением.

---

[20] См., Тюменев А. И., История античных рабовладельческих обществ, М-Л., 1935, с. 282

С момента, как земледелец перестал нуждаться в военной защите, феодализм теряет смысл своего существования. Феодализм, порожденный войной, от войны и погиб; он сам себя разрушил как раз теми же свойствами, которые породили его.

Феодальное дворянство, как только была установлена его власть, стало в свою очередь причиной смут в стране, которую обязалось защищать. Для увеличения своих земель и расширения своего господства бароны постоянно вели междоусобных войны, еле прерываемые краткосрочными перемириями для производства полевых работ. Побежденный феодал, если только он не был лишен своих владений и убит, становился вассалом своего победителя завладевшего частью его земель и вассалов. Мелкие бароны исчезли к выгоде более значительных, которые становились крупными баронами, последние устраивали тогда герцогские дворы, куда должны были явиться для присутствия сеньоры, ставшие их вассалами.[21]

§ 2. Состояние родо- общинных отношений германцев и перенесение их в Римскую империю вместе с переселениями, как основы будущего феодального развития

В результате завоевания, варваризации Римской империи германцы принесли с собой общинные отношения - марку, благодаря которой парцеллярные крестьяне смогли, опираясь на общину, сохранить себя как производителей, наделенных средствами производства. Что же представляла собой германская община - марка?

Уже в эпоху Тацита мы встречаем древних германцев на стадии сельской общины, «дуализм» которой обусловил наряду с существованием первобытно-коммунистических производственных отношений, образование семейной собственности, развитие неравенства и связанное с дальнейшим процессом парцелляризации труда, усиление рабства.

Когда кочевые племена скотоводов начинают заниматься земледелием, то на первых порах оно является у них подчиненной, подсобной отраслью производства; оно приноравливается к условиям скотоводства, так что площадь посева очень часто меняется. Но, по мере того, как плотность населения возрастает, земельный простор уменьшается, область кочевой жизни суживается. По мере того, как скотоводство ограничивается в своем развитии недостатком пастбищ, земледелие становится все более важным элементом борьбы за жизнь. При полном оседлом существовании оно уже представляет основною область борьбы за жизнь, а скотоводство, утратив свои связи с кочевым бытом, приноравливается к условиям земледелия, превращается как бы в его отрасль.

Как переходили от общинной собственности к частной народы будущей Европы, достаточно глубоко показал Энгельс, ссылаясь на работы современных ему историков. Этому он посвятил ряд работ и, прежде всего – «Франкский период».

К I в. н.э., пришедшие в долины Рейна и Эльбы, германцы не занимались еще никакой обработкой металла, хотя и знали их технологию. К началу III в. все изменилось. Появилось ткачество, изящные сандалии, шорные изделия. Более всего изумляют туземные металлические изделия. С III в. металлическая промышленность распространилась по всей германской территории.

Изменилась и форма собственности и управления в Германии.

Переход от родового общества к государству Германии происходил по тем же закономерностям, что и в Греции, и в Риме. Только этому процессу уже способствовало существование Рима.

Первоначально община включала в себя все племя. Ему принадлежала первоначально вся занятая территория. Позднее владельцами заселенной территории становились все жители округа, состоявшие в близком родстве друг с другом, а на долю народа, как такового, оставалось лишь право распоряжения остальными, еще бесхозными землями. Население

[21] См.: Лафарг П., Происхождение и развитие собственности, М., 1925, с. 85 - 100

округа, в свою очередь, уступало свои полевые и лесные марки отдельным сельским общинам, так же образовавшимся из ближайших сородичей, причем и тогда избыточная земля опять-таки оставалась в распоряжении округа.

С ростом численности народа и дальнейшим его развитием все больше и больше забывали о союзе, основанном на кровном родстве и служившим здесь, как и повсюду, основой для всего строя народной жизни. Общее происхождение все в меньшей степени воспринималось как подлинное кровное родство, память о нем все больше ослабевала, оставались лишь общая история и общее наречие. Напротив, сознание кровного родства у жителей каждого отдельного округа, естественно, сохранялось дольше.

Таким образом, народ превратился в более или менее прочную конфедерацию округов. В таком состоянии, по-видимому, находились германцы в эпоху переселения народов, - писал Энгельс.

Средневековая община нередко измеряется не сотнями, а тысячами человек. В то же время условия земледельческой техники вызвали некоторое раздробление производства в пределах такой группы. Уже в крупной патриархальной родовой группе замечалось частичное расслоение на семьи. При господстве оседлого земледелия, мелкие экономические единицы - семьи приобретают большую независимость в хозяйственной жизни. Для выполнения земледельческих работ обыкновенно вполне достаточно отдельной семейной группы; в общей кооперации всей группы, как на Востоке, при обслуживании орошаемогоземледелия, нет надобности. Мало того, мелкое семейное производство в этом случае более производительно.

Германцы, - как отмечала Роза Люксембург, - селились племенами и родами. Внутри данного рода каждый глава семьи получал участок для дома и двора. Часть земли обращалась в пашню, из которой каждая семья получала свою долю. Правда, по свидетельству Цезаря, в начале христианской эры одно германское племя (свэвы или швабы) обрабатывало землю сообща, не распределяя ее между семьями, но во втором веке, во времена римского историка Тацита, ежегодное перераспределение участков стало обычным явлением. В отдельных районах, как, например, в общине Фрикхофен в Нассау, ежегодный передел был обычным явлением еще в 17-18 в.в. И даже в 19 в. можно было встретить в некоторых общинах, как в Пфальце в Боварии и на Рейне перераспределение полей путем жеребьевки, хотя и через более длительные периоды: каждые три, четыре, девять, двенадцать, четырнадцать и восемнадцать лет. Эти пашни, следовательно, лишь к середине прошлого века окончательно перешли в частную собственность. Также в некоторых местностях Шотландии передел пашни встречался до недавнего времени. Первоначально все участки были одинаковых размеров и соответствовали средним потребностям одной семьи и тогдашней доходности земли и труда. В зависимости от качества земли размер участков в различных местностях составлял 15, 30, 40 и более моргенов.

В большей части Европы, благодаря все более редким и, в конце концов, прекратившимся переделам, участки уже в V и VI вв. перешли в наследственную собственность отдельных семей. Но это относилось лишь к пашне. Остальная площадь - леса, луга, воды и неиспользованная земля - оставалась в общем владении марки. Продукты лесного хозяйства шли, например, на покрытие государственных повинностей и удовлетворение общинных потребностей, а что оставалось, распределялось между всеми.

Пастбища находились в общем пользовании. Эти общинные владения (альменды) сохранялись долго и в настоящее время еще существуют в баварских и швейцарских Альпах, в Тироле, во Франции «в Вандее», в Норвегии и Швеции, - писала Р. Люксембург.

Чтобы достичь наибольшего равенства в распределении пахотной земли, общинное поле делилось на отдельные поля, соответственно их качеству и положению, и каждое поле делилось в свою очередь на узкие полосы соответственно числу равноправных членов марки. Если кто-либо из последних сомневался в том, получил ли он одинаковую долю с остальными членами, он был вправе потребовать в любой момент нового обмера всех полей общины, и всякий, кто ему в этом препятствовал, подвергался наказанию.

Но после того как периодические переделы и распределение земли путем жеребьевки прекратились, труд всех членов общины, так же и на полях, носил общественный характер, и был подчинен строгим правилам общественного контроля. Прежде всего, каждый обладатель общинного участка был обязан трудиться, так как фактическое владение участком в пределах данной марки было недостаточно для того, чтобы считаться действительным членом общины (Markgenosse). Для этого нужно было жить в пределах марки и лично обрабатывать свой участок. Кто не обрабатывал в течение нескольких лет своего участка - терял свое право на него, и марка могла отдать его другому для обработки. Но и сама работа происходила под руководством марки. В первое время после расселения германцев в центре хозяйственной жизни стояло скотоводство, которое велось на общих пастбищах и лугах общими деревенскими пастухами. Пастбищами служили также жнивья и поля под паром. Из этого следовало, что во время посева и жатвы чередование посева и оставление под паром для каждого участка, равно как и севооборот, устанавливались сообща, и каждый должен был подчиняться общему распорядку. Каждое поле было огорожено забором с подъемными воротами, от посева и до жатвы ворота запирались, и время их открытия и закрытия устанавливалось для всей деревни.

Скотоводство велось сообща, членам общины запрещалось пасти стада в отдельности. Животные всей деревни делились по роду их на общинные стада; каждое стадо имело своего пастуха и вожака; предписано было, чтобы стада снабжались колокольчиками. Точно также сообща велась охота и рыбная ловля на всем протяжении общинных владений. Никто не имел право на своем участке устраивать силки и ямы для поимки зверей, не уведомив об этом товарищей. Руды и т.п., найденные в земле глубже, чем доходит плуг, переходили в собственность общины, а не того, кто их находил. В каждой общине должны были проживать необходимые ремесленники. Правда, каждая деревенская семья изготовляла часть необходимых в повседневной жизни продуктов. Дома пекли и жарили, ткали и пряли, но уже рано некоторые ремесла специализировались, именно те, которые изготовляли земледельческие орудия. Ремесленники получали от марки все необходимое для их существования и, в общем, находились экономически в том же положении, как и остальная масса крестьян, но они были полноправными членами марки, отчасти потому, что они являлись кочующим, а не оседлым элементом, отчасти потому, что не занимались сельским хозяйством, являвшимся центром хозяйственной жизни, вокруг которого вращалась вся общественная жизнь, все права и обязанности общинника.

Поэтому проникнуть в общину мог не всякий. Для допущения чужого требовалось единодушное согласие всех общинников.

Во главе общины стоял дорфграф («деревенский граф») или сельский староста, называвшийся также старейшиной или сотским. Он избирался на свою должность общинниками. Но избрание было не только почетом для избранного, но и его обязанностью: под страхом наказания он не должен был уклоняться от павшего на него выбора. Со временем, правда, должность общинного старшины стала наследственной, отсюда был один шаг, чтобы она стала продажной и орудием господства над общиной. Однако в период расцвета марки ее старшина был не чем иным, как исполнителем воли всей совокупности общинников.

Все общественные дела решались на собраниях всех членов марки, тут же улаживались споры и налагались наказания. Весь порядок сельскохозяйственных работ, проведение дорог и строительных работ, ровно, как и несение полевой и деревенской охраны, устанавливался большинством собрания; ему же представлялись отчеты о состоянии хозяйства марки на основании регулярно ведшихся «книг членов марки».

Судопроизводство происходило устно и публично под председательством старшины марки, причем приговоры выносились присутствующими членами общины, выступавшими в качестве присяжных. Присутствовать на суде могли лишь члены марки, чужим доступ запрещался.

В армии члены марки группировались в отдельные отряды и сражались рука об руку. Никто не должен был покидать товарища в момент опасности.

За преступления и убытки, имевшие место в пределах марки или совершенные членами вне ее, солидарно отвечала вся марка. Члены марки были обязаны давать приют приезжим и оказывать помощь нуждающимся. Первоначально каждая марка представляла единую религиозную общину, а с переходом к христианству, - что у части германцев, как, например, у саксонцев, произошло очень поздно, лишь в IX веке, - церковную общину. Наконец, марка обычно содержала школьного учителя для всей деревенской молодежи.

Нельзя себе представить ничего более простого и гармоничного, чем хозяйственная система старой германской марки. Весь механизм общественной жизни здесь как на ладони. Это не что иное, как коммунизм в земельных отношениях, то есть общественное владение трудящихся важнейшими средствами производства.

Типичные черты аграрно-коммунистической хозяйственной организации лучше всего выступают наружу при сравнительном изучении ее у многих народов, при котором она только и может быть понятна как всемирная форма производства в ее разнообразии и гибкости.

Инки: перуанская марка является точной копией германской марки.[22]

Феодализм, являющийся иерархической организацией власти, зародился и вырос в среде равенства. Но для того, чтобы равенство породило деспотизм, потребовалось в течение ряда веков совокупное воздействие событий.

Самое строгое равенство царило среди этих варваров-воинов и охотников. Их привычки и обычаи стремились сохранить это равенство героической эпохи. Когда они становились оседлыми и начинали заниматься земледелием, бывшим у них еще в зачаточном состоянии, они постоянно предпринимали военные походы, чтобы не забыть военного ремесла, - отмечал П.Лафарг. Стоило только какому-нибудь известному вождю объявить, что он отправляется в поход, как под его начало собирались и строили свои ряды воины, жаждавшие добычи и славы. Во время похода они обязаны были ему повиноваться подобно тому, как греческие воины подчинялись Агамемнону. Вернувшись в селение, они снова становились независимыми и равными, и военный вождь терял свою власть. Эти пиратские нравы сохранились в течение всего средневековья, о чем говорят походы Вильгельма-Завоевателя и крестовые походы.

Когда варвары в поисках за землями завоевывали страну, они обычно довольствовались разрушением городов и захватом земель, в которых нуждались: побежденным же представляли возможность жить рядом с собой согласно их законам и обычаям. Убивали же завоеванных жителей только по велению своего господина-бога.

На новом месте устраивались они не по воле случая или произвола, но согласно своей племенной организации, как определенно констатировал Цезарь. Каждое племя получало территорию, которая распределялась между родами или колонами, жившими в одном или нескольких селениях. Несколько деревень, объединенных родством, составляли сотню, несколько сотен составляли графство, а несколько графств - герцогство. К этой племенной организации меровингские короли привили зачатки политической организации.

Земля, не попадая во владение деревни, оставалась в распоряжении сотни; то, что не доставалось сотне, принадлежало графству, а все остальное - обычно большие пространства земли - переходило в непосредственное распоряжение всего народа.

Но, становясь оседлыми, земледельческими народами, а позже - обращаясь в христианство, варвары мало по малу утрачивали свои воинственные привычки.

Но едва только варвары - завоеватели отвыкали от войны, как другие варвары устремлялись на них, как на добычу. В течение ряда веков плотные массы варваров двигались на Европу: на восток - готы, гуны, германцы; на север - скандинавы, на юг - арабы. Чтобы защитить границы от их прорыва, римские императоры устраивали колонии из ветеранов, раздавали им земли, скот, зерно и кое-какие деньги. Сами варвары были использованы против варваров же. Им давали, как мы еще увидим, землю и поручали защиту крепостей. Но эти барьеры цивилизации были снесены варварским наводнением.

---

[22] См.: Люксембург Р., Введение в политэкономию, М., 1960, с. 173-178

§ 3. Роль германских поселений, германских вторжений в переходе от рабовладельческих отношений в Римской империи к феодальным в германских молодых государствах

Читатель уже должен заметить, что развитие человечества, переход от одного способа производства к другому возможны лишь строго при наличии определенной причинной последовательности и наличии соответствующих производительных сил. Если нет необходимых условий для развития, то общество погибает. Подобное мы видим и в Риме.

Подрывая мелкое земледельческое производство, античное рабство уничтожило экономическую базу развития феодально-крепостнических отношений.

Феодализм у всех народов мира возникает при наличии строго определенных условий, и, прежде всего - общинной организации.

Устраняя родовую организацию, поставив на ее место рабовладельческий полис, правительство вместе с этим устраняло предпосылки для развития и организации феодальной знати. Конечно, феодальная знать далеко не тождественна с родовой знатью.

Все же ядром и связывающим центром, вокруг которого кристаллизовалась эта новая феодальная знать, до того как она оттеснила знать родовую и превратилась в ее отрицание, были органы родового строя - родоплеменные вожди и более выдающие представители родовой знати. И вот эти - то центры кристаллизации феодальной знати как раз и отсутствовали в гибнущей империи. Организующее начало одинаково отсутствовало как внизу, так и наверху.

Патрициат был окончательно сметен гражданской войной конца республики. Тот же процесс разложения родовой знати с распространением рабства и с романизацией происходил и в провинциях.

Процесс феодализации в условиях разлагающегося античного рабства не мог, таким образом, найти себе полного завершения.

Выход из этого тупика, в каком оказалось античное общество, мог быть найден лишь в результате вмешательства извне. Таким внешним вмешательством и было постепенное занятие империи германцами. Эту необходимость внешнего вмешательства для разрешения присущих развитому рабовладельческому обществу противоречий отмечает Энгельс в известном месте «Диалектики природы». «Там где рабство является господствующей формой производства, там труд становится рабской деятельностью, т.е. чем-то бесчестящим свободных людей. Благодаря этому закрывается выход из подобного способа производства, в то время как с другой стороны, требуется устранение его, ибо для развития производства рабство является помехой. Всякое покоящееся на рабстве производство и всякое основанное на нем общество гибнут от этого противоречия. Разрешение его дается в большинстве случаев насильственным покорением гибнущего общества другим, более сильным (Греция была покорена Македонией, а позже Римом). До тех пор пока эти последние в свою очередь покоятся на рабском труде, происходит лишь перемещение центра, и весь процесс повторяется на высшей ступени, пока, наконец, Рим не был покорен народом, введшим вместо рабства новый способ производства... Иное дело домашнее рабство на Востоке; здесь оно не образует прямым образом основы производства, а является косвенным образом составной частью семьи, переходя в нее незаметным образом (Рабыня гарема)».[23]

Этим народом были германцы. Они принесли с собою те организационные формы, которые давно исчезли в условиях античного рабства, но которые в то же время были необходимы для завершения процесса феодализации.

«Омолодили Европу, - говорит Энгельс в другом месте, - не специфические национальные особенности германцев, а просто их варварство, их родовой строй».[24]

---

[23] Маркс К., Энгельс Ф., Соч., т. 20 , с. 643

[24] Там же, т. 21, с. 154

Они принесли с собой «осколок настоящего родового строя в форме сельских общин (марок) и этим дали угнетенному классу, крестьянам, даже в период жесточайшего средневекового крепостного права территориальную сплоченность и средство сопротивления, каких в готовом виде не заставали ни древние рабы, ни современные пролетарии».[25]

Они в то же время принесли с собой и организационные формы, необходимые для завершения процесса образования феодального общества. Этой организационной формой была военная организация - «структура германских войск, основанная еще в значительной мере на родоплеменных отношениях. Именно эта военно-родовая организация германцев после завоевания империи, благодаря воздействию встреченных в завоеванных странах производительных сил, развилась в настоящий феодализм».[26] Только в результате постепенного проникновения германцев на территорию западной империи и слияние германских земледельцев с римскими и галльскими колонами в одну общую массу земледельческого населения, только в результате возрождения вместе с этим организующего общинного начала, разлагающееся рабовладельческое общество империи смогло развить до конца заключавшиеся в нем зародыши феодальной организации. В этом именно смысле должно понимать слова Энгельса, что «между римским колоном и новым крепостным стоял свободный франкский крестьянин».[27]

К истории германцев, уровню их развития, мы и должны обратиться.

§ 4. Дальнейшее разложение античной общинной формы собственности в условиях империи и переход от промышленности города к натуральному деревенскому производству

Столетняя гражданская война довершила разорение Италии и провинций, которое началось еще в 3 в. до н.э. Во всех областях империи хозяйственная жизнь пришла в полное расстройство. Торговля всюду замерла - купцов было много, а покупателей мало.

Ремесленники еле-еле влачили жалкое существование. Крепостные крестьяне восточных провинций стонали под тяжестью оброков и барщины.

Хорошо жилось только богатым римским рабовладельцам. Во время гражданских войн они награбили себе огромные богатства и теперь проживали их самым роскошным образом. Их кормили, одевали и забавляли тысячи рабов. В городах они выстроили себе роскошные дома по планам самых знаменитых греческих художников и архитекторов. В своих латифундиях рабовладельцы устраивали теперь парки, зверинцы для охоты, пруды, озера. Свои виллы они строили также в греческом стиле.

Но все эти роскошные здания, роскошная жизнь рабовладельцев была построена, так сказать, на песке. Богатства проживались, а награбить новые в разворованной империи было негде. Все страны, какие можно было завоевать и ограбить, были завоеваны и ограблены. Волей-неволей приходилось подумать о том, чтобы дать передышку старым провинциям, чтобы они смогли опять подняться и опять «давать» рабовладельцам.

Когда приток рабов получил первую брешь и стал угрожать скорым уничтожением, римское общество, экономически державшееся на рабстве пришло в страшное смятение; ему казалось, что наступает гибель мира, ибо кто будет работать, раз рабов не будет?

В этих условиях руководство империи начинает принимать ряд мер ради самосохранения, которое в конечном итоге разрушили рабовладение и породили феодализм.

Проявилось это и в изменении положения рабов, превращении их в колонов.

С ростом производства, сложностью их технологии рабский труд становится все менее производительным, и его начинают изменять.

---

[25] Там же, т. 21, с. 155

[26] Там же, т. 3, с. 74

[27] Там же, т. 21, с. 154

Нерадивость труда раба, его непродуктивность отмечают еще с патриархального хозяйства. Особенно об этом говорят римские писатели Катон, Варрон, Колумела, Плиний.

Колумела в прямую ставит упадок земледелия в Италии с качеством рабского труда. Они меньше думают об обработке, чем о порче орудий. Писатель предлагал рабовладельцу всегда иметь два комплекта орудий производства.

Лучшее доказательство в пользу неспособности рабского труда к развитию представляет низкая техника античного производства. Техника греческой промышленности совершенно не развивалась, оставаясь, все время на одном и том же самом низком уровне.

В отдельных случаях техника на Востоке стояла выше, чем в Греции, как признавали сами греки.

Все технические усовершенствования обычно шли с Востока, где рабский труд не имел такового значения, да и греки не всегда находили необходимым вводить это усовершенствование.

Прялку с колесом греки не использовали, а только веретено. Молотили вручную, хотя водяную мельницу и заимствовали из варварского царства Митридата в I в. до н.э. Жернова вращали рабы. Горизонтальный ткацкий станок не заимствован из Египта.

Рим так же заимствует орудия производства. Помимо ручных орудий древности известны были только механические приемы, действие которых увеличивало лишь эффективность человеческой силы, и было основано на простом математическом расчете (рычаг, блоки, винты, зубчатые колеса), но не на использовании сил природы. Единственной движущей силой за все это время древности оставалась физическая сила животных и рабов. И характерно, что и эти механические двигатели находили себе применение не в области производства, но в торговле (разгрузка, выгрузка судов) и в военном деле (осадные военные машины).

Природные двигатели не потому не находили себе применения в технике древности, что не были известны древним, но потому, что их использовавшие в условиях рабовладельческого хозяйства представлялось излишним и невозможным. Сама мысль об их техническом применении никому не приходила в голову, и, во всяком случае, оставалась совершенно чуждой древности. Труд раба был дешевле затрат на производство машин. Им было известно действие пара, водяные мельницы. Были модели паровой машины, правда, маленькой: ради того, чтобы вызвать изумление окружающих. Дальше техническая мысль рабовладельческого общества не шла: не было экономической выгоды, необходимости. Этот пример, как и многие другие, говорит о том, что прогресс науки в эксплуататорском обществе всегда ограничен.[28]

Поэтому ни один человек, тем более ученый историк, никогда не имеет права успокаиваться на достигнутом уровне развития человечества. Никто не может считать свое время вершиной состояния общества. Подтверждение тому - история античности. Римляне даже не могли представить возможности создания машины, самолета, освоения космоса и т.д. Так и современный человек в глазах будущих поколений будет весьма наивен, если он будет считать, что дальше современных возможностей прогресс невозможен. Путь прогресса скрывается за многими незначительными шагами человека, преследующего свои необходимые потребности, интересы, как процесса.

Но вернемся к римскому рабству. Рабовладельцы все-таки пытаются заменить труд раба более производственным трудом.

§ 5. Первые действия по переводу рабов в состояние колонов

Прекращение завоеваний и осадное положение со стороны германцев послужили последним толчком, который быстро разрушил прогнивший насквозь рабовладельческий строй.

[28] См., Тюменев А. И., История античных рабовладельческих обществ, М-Л., 1935, с. 58 - 60

Рабское хозяйство могло существовать только при постоянном восстановлении рабской силы путем замены замученных рабов свежими. Но завоевательные войны во 2 в. н.э. прекратились, прекратился массовый приток пленных, прекратилась торговля рабами. А кроме того, осадное положение привело к окончательному упадку торговли. Сократились морские перевозки, многие купцы обеднели, в городах стало уменьшаться население. Богатые рабовладельцы, разводившие сады и виноградники или промышлявшие крупным овцеводством, в 3 в н.э. не могли уже покупать в достаточном количестве и по дешевой цене хлеб для содержания своих рабов. Вся старая система сельскохозяйственного рабовладельческого производства с начала 3 в. н.э. пришла в расстройство и должна была замениться новой.

У Катона, Варрона мы находим советы, обрабатывать поля не с помощью рабов, но поручать их наемному «политуру», оплачивая его труд из доли урожая. Варрон отмечает, что поля мелких собственников обрабатывались более интенсивно, чем поля крупных рабовладельцев. Такие наблюдения толкают собственников земли переводить рабов на аренду. Система раздачи земли в аренду была, по словам Моммзена столь же древней, как и сама Италия, но она занимала незначительное место до кризиса античного общества.

Со времен Республики существовала практика отдавать отдельным рабам, наиболее трудолюбивым, маленький участок земли, немного скота, жилище. Он уже не работал под общим присмотром, трудился более продуктивно и был выгоднее. Такой раб превращается в серва, имел право создавать семью. Получая надел, свободу, раб получал имя своего бывшего владельца и был обязан носить для отличия золотое кольцо на руке.

Освобожденный раб называется сервом, или вольноотпущенником, он был обязан выполнять определенные требования своего господина, после его смерти - следить за могилой, ставить в церкви свечи. Род вольноотпущенника оставался из поколения в поколение с теми же правами и обязанностями, какие были определены для него самого в начале освободителем.

Раб мог жениться только на рабыне. После получения рабом права вольноотпущенника, его жена уже не работает в барской мастерской гинекее, а является прислугой в доме или работает на хозяйской земле один день в неделю, а чаще ткала определенные холсты в год.

Дети раба считаются свободными после его превращения в вольноотпущенника, но землю получают в наследство на определенных условиях владельца поместья.

В 3 в. н. э. этот обычай получил повсеместное распространение. Прежние латифундии разбивались на мелкие участки, обрабатываемые рабами, «приписанными к земле». Везде прежнее крупное виноградарство и садоводство, и крупное овцеводство стало заменяться мелким зерновым хозяйством.

Крупные землевладельцы не ограничивались переводом рабов на землю. Кроме рабов, они стали раздавать участки земли за оброк также «пролетариям». Кормление пролетариев за казенный счет в 3 в. почти прекратилось; лишившись питания, «пролетарии» уходили в сельские местности и охотно брали участки земли за оброк. А в пограничных местностях владельцы латифундий охотно давали на таких же условиях землю германцам.

Всю эту массу новых полу крепостных людей прозвали общим именем колонов, т.е. «работников на земле». Императоры, конечно, обложили колонов налогом и, чтобы обеспечить их исправный платеж, запретили продавать колонов из рабов без земли.

Значение колоната как начала феодализма отмечали уже французские историки в XIX веке.

Один из зародышей будущих крепостных отношений крестьян Ф де Куланж видит в том, что во времена, когда Варрон писал свой сельскохозяйственный трактат, существовала практика жаловать пекулий самым трудолюбивым рабам со стороны рабовладельца: клочок земли, маленькое стадо. «... вот где быть может, лежит зародыш крепостных отношений и образования рабского держания», - писал знаменитый историк.[29] Даже в этой цитате, в понятии «зародыш» мы видим общее в методе, в подходе у Гизо, Энгельса и Ф. де Куланжа.

[29] См., Фюстель де Куланж, Указ. соч., т. 4, с. 62 - 63

Постепенно закон запрещает продавать раба без земли, так же как раб не может уйти с поля, а хозяин отнять у него поле.[30]

Раб и рабыня могли вступить в брак, только как собственность одного господина.

Церковь также имела рабов, но и к нему, и к его господину обращалась, что господин у вас один - Господь бог. Она укрывала от наказания спасающегося раба в стенах своих храмов и возвращала их своему владельцу при условии, что господин помилует его. Церковь советовала господам освобождать рабов и переводила своих рабов в вольноотпущенников, сервов.

Мало по малу, без возмущений и без шума в положении раба произошла громадная перемена. Древность не признавала брака для раба; она разрешала ему половое общение, но без нравственных уз и без покровительства закона. Новая религия объявила, что брак должен быть одинаков и для раба и для свободного человека. Брак раба стал священен и нерасторжим.

В то же время бескорыстие и милосердие в освобождении раба играли очень незначительную роль.

Господин, освобождая раба, всегда находился под двояким влиянием: потребности сохранить за собой услуги этого раба и сознания необходимости улучшить его положение ради увеличения производства и получить исполнительного, зависимого человека, на определенных условиях оказывающего услуги. Вольноотпущеннику выгоднее жить возле бывшего господина, носить его имя и даже иметь в поместье наследственные должности, вплоть до управляющего. Освобожденный раб облагался налогом.

Варвары принесли со своей родины, где жизнь была сурова и проста, привычки, благоприятствовавшие умеренным формам рабства. Поэтому варвару служили обыкновенно лично свободные сыновья его родственников, клиентов и друзей. Верный своим нравам, противоположных римским, варвар отсылал раба из дому, селил его в качестве земледельца или ремесленника на участке земли, к которому тот и прикреплялся, участь которого он теперь и разделял при передаче по наследству или продаже. Подражая, таким образом, германским обычаям, знатные галло-римляне перевели множество домашних рабов из города в деревню, от услужения в доме к полевому труду. Размещенные таким образом в 8-9 вв. они заняли положение, хотя и более низкое, но сходное с положением германского лита, с одной стороны, и римского колона с другой.

Домашнее рабство делало человека вещью, движимым имуществом, прикрепленый уже к известному участку земли раб тем самым становился имуществом недвижимым.

§ 5. 1. Процесс закрепощения в империи свободных граждан, превращение их в колонов, как средство выхода из тупика рабовладельческих отношений при античной форме собственности

Еще раньше, чем рабы, землю в аренду получали свободные римляне, получившие также название - колон. Первоначально эти колоны были свободными арендаторами. Постепенно разносторонний колонат приведет к феодализму при развитии всех взаимоотношений внутри Рима и во внешних отношениях. Как это происходило?

Денежный кризис, описанный Сальвиоли, толкнул господствующие классы к переходу на систему натуральных платежей и для обеспечения регулярного получения податей в натуре им пришлось прибегнуть к системе так называемых «литургий».

Система литургий действительно, представляла собой систему, принудительных и обязательных повинностей, личных и имущественных, наложенных господствующими классами на своих подданных для удовлетворения своих потребностей.

Система литургий началась уже, по существу говоря, при Диолектиане, когда были введены поземельный налог и тесно связанное с ним подушное обложение.[31]

---

[30] См., Там же, с. 67

[31] См: Петрушевский Д., Очерки из экономической истории средневековой Европы, стр. 120.

Со времен кризиса владелец переходит к выплате податей натурой, издольно. Колоны–издольщики были первоначально свободными арендаторами частновладельческих латифундий. Колон был «предшественником средневековых крепостных», как указывает Энгельс. Но отсюда не следует, что крепостничество создавалось обязательно через колонат. Испытывая уже с эпохи Августа кризис рабочих рук, господствующие классы стали затем с III-IV в. превращать свободных арендаторов в приписных, прикрепленных к земле. По законам императора Анастасия (сер. V в.) всякий свободный арендатор, просидевший в течение 30 лет на каком - либо земельном участке, вовсе терял право его оставить. Законодательство Юстиниана стало полностью на защиту крупных землевладельцев.

Прикрепление к земле не лишало колонов личной свободы. Как люди свободные, колоны имеют семью, могут жениться, не испрашивая землевладельца, могут приобретать собственность даже недвижимую, и передавать ее своим детям. Как люди свободные, колоны несли обязанности подданных по отношению к государству: их брали на военную службу и они платили подати - поголовную и поземельную.

Словом, колонат - это обязательное, но не рабское состояние. Колонат - это вечная аренда, и колон - это арендатор, не имеющий права отказаться от арендуемой земли. Он лично свободен, но имущественно связан. «Колонов, которые вздумают бежать, гласит декрет 332 г., следует заковывать в цепи, как рабов, чтобы в наказание заставлять их рабским способом исполнить обязанности, приличествующие свободным людям».

Источники, питавшие колонат: дарование личной свободы рабам латифундариями, переход раба в колона; мелкие земельные собственники, страдавшие и от внутренних междоусобиц, и от страшной конкуренции земельных магнатов, и от непомерных налогов и податей, и от всяческих придирок императорских чиновников, и от грубого произвола и буйства солдат-ветеранов и всяких преторианцев, охотно готовы были превратиться в полу держателей своих участков, если им гарантированы мир и спокойствие. Они «рекомендуют» себя земельным магнатам.

Если для раба переход в колонат был «повышением по рангу», то для свободного и мелкого крестьянина он был «понижением» и правильно будет считать - колонат нечто средним между свободным и несвободным состоянием.

Императоры не изобрели из собственной головы колоната: эта форма земельного производства искони существовала и на Востоке.

Сицилия заимствовала немало правовых норм из Египта, то, возможно, что именно через Сицилию Древний Рим познакомился с полусвободным, полукрепостным состоянием, которым фактически являлся колонат.

Насколько государство ценило колонат, видно из того, что лично императорские имения, равно как и принадлежавшие государству земли, очень рано прибегли к этой форме обработки земли.

Для варвара жизнь колона не была каким-либо новшеством, он ее знал у себя в стране, по ту сторону римской границы, на правом берегу Рейна.

Так, колонат своими корнями исходил их самых разнообразных источников. Его почвой являлись одинаково Африка, Азия, Западная Европа. Его питали экономические нужды страны, как и фискальные соображения императоров. Военные потребности государства содействовали его развитию в не меньшей мере, чем внутренняя неурядица, от которой мелкий собственник скрывался под сенью колоната.

Колонат со временем из временной аренды превратился в длительную и наследственную аренду. Рост задолженности колонов, с одной стороны, заинтересованность, с отмиранием рабства при одновременно продолжающемся росте крупного землевладения в привлечении и удержании колонов на своих землях, с другой, приводили к закреплению последних на землях владельцев: наследственная аренда превращалась в принадлежность к земле самого колона.

Рядом со «свободными колонами» появляются «колоны прирожденные», которые рассматриваются как рожденные на данном участке и в пределах данного поместья и признаются как бы принадлежащими к нему. Удаление такого «прирожденного колона» с

земли начинает приравниваться к бегству, причем колон подлежит насильственному возврату.

Практика эта, вполне сложившаяся уже в течение III в. н.э., как отмечал А. И. Тюменев, - санкционируется законодательством в IV в.: «Тот, у кого найден будет чужой колон, должен возвратить его по месту рождения», - говорится в законе 332 г. При этом колонов, пытавшихся бежать, землевладелец мог заковать в железо. Мало того, сын колона хотя бы с малолетства в течение многих десятилетий не жил на участке своего отца, но устроился где-либо в другом месте, даже если он служил в армии, по смерти или при инвалидности отца должен был быть возвращен к занятию земледелием по месту своего рождения.

Этот новый вид принудительной наследственной аренды распространяется сначала на императорских, а затем и на частных землях.

Еще более приближающаяся к феодальному землевладению форма - землепользование в качестве прекария. Пользование прекарием обычно связывалось с уплатой оброка и было условием: не только в случае неуплаты, но и в любой момент по произволу владельца прекарий мог быть взят обратно.

Вынужденные вследствие своей экономической и социальной беспомощности обращаться к соседнему землевладельцу за ссудой или же искать его покровительства, мелкие землевладельцы отказывались в его пользу от своих участков, получая их обратно уже на правах прекарного владения. Таковы источники появления прекария.

Прикрепление крестьян и бывших рабов к земле успокаивало власть насчет земледелия. Но этим дело не кончилось, и необходимо было принять успокоительные средства по отношению к ремеслу и государственной службе. И в этих областях труда решено было прибегнуть к тому же прикреплению, к своеобразному колонату. Государство взяло на себя задачу заставить ремесленника, торговца и чиновника служить так и в такой мере, в какой это требовали интересы общества. Власти хотели быть заранее уверены, что не будет недостатка в исполнении того, что лежало на плечах ремесленного, торгового, промышленного и чиновничьего сословий, и по отношению к ним восторжествует тот же принцип прикрепления, что и по отношению к земледельцам.

Этот процесс потери промышленностью и связанными с нею городами своей роли нашел свое отражение в политике господствующих классов, известной под названием «закрепощение сословий».

Ремесленник был обязан вступить в корпорацию, которая со своей стороны обязалась перед государством доставлять предметы своего производства в размерах, требуемых государством. Так свободные профессиональные союзы, называвшиеся коллегиями и зиждившиеся на праве каждого человека входить в корпорацию, превратились в принудительные организации, имевшие в основе своей не право, а принуждение. Первыми корпорациями, подвергавшимися новому принципу, были те коллегии, деятельность которых была связана со снабжением столицы и крупных городов съестными припасами и провиантом.

Уже Диолектиан говорит о принудительных коллегиях ткачей, оружейников, монетчиков, плотников, колесников и рудокопов, сделавшихся тяглыми союзами, отбывавшими определенные натуральные государственные повинности.

Торговая деятельность также стала господствующей функцией с такими же обязательствами, как и ремесленный труд. Весь трудящийся люд по существу своему становится чиновниками, из поколения в поколение передающими свои обязанности по отношению к государству.

Мы видим определенные изменения в положении города. Античный способ производства имеет своей основой сельского хозяйства - деревню, а город вместе с промышленностью являлся всегда лишь дополнением к строю аграрных отношений. Кризис Римской империи еще более утвердил за деревней право центра всей хозяйственной жизни. Город утратил в последние столетия существования Римской империи свое прежнее господство над деревней, - указывает Энгельс, - и не вернул его себе в первые столетия владычества германцев.

Когда же в связи с развитием кризиса обязательства коллегии стали все время возрастать, а привилегии сводиться к минимуму, тогда началось массовое бегство ремесленников из коллегий. В ответ на это прежде свободных ремесленники превращаются в прикрепленных к коллегиям не только лично, но и за своих наследников. Беглый ремесленник преследуется законом.

Так как гораздо легче взыскивать налоги с корпораций, чем с отдельных лиц, то государство и стремилось превратить все общество, в нечто объединенное в корпорации. Средний класс был прикреплен к городам, муниципиям, и ответственным за правильное поступление повинностей делался город, муниципий. Средний класс был превращен в своеобразных чиновников, в куриалов, которые со временем, в особенности с Константина, сделались рабами империи. Для них муниципии были своего рода тюрьмой, из которой бежать было запрещено, ибо бегство могло тяжело отразиться на платеже государственных повинностей. Так закрепощенные ремесленники оказались вместе со старыми рабами в качестве истинных производителей, занятых на имперских мануфактурах, обслуживающих потребности двора, армии, чиновничества. В результате этих мероприятий мелкий ремесленник - парцеллярий оказался не только вовлеченным, но и привязанным к системе разлагающегося рабовладельческого общества.

Государству нужны были громадные деньги, главным образом на содержание большой армии. Интересы натурального государства требовали не останавливаться перед тем, чтобы клеймить раскаленным железом «своих» ремесленников.[32] Правда, ремесленники относились к своему положению не безропотно и боролись сначала путем отказа заключать браки, не желая плодить потомства.

Крупные богачи также не составляли исключения: лицо, обладавшее миллионом сестерциев, должно было вступать в сословие сенаторов, точно также всадником необходимо было сделаться, как только карман наполнился определенным количеством золотых монет.

Императоры I и II в. н.э. попытались реформировать управление провинциями. Они провели реформы, посредством которых старались заменить прежний грабительский произвол проконсулов и откупщиков управлением на основании определенных законов.

Ослабление притока рабов потребовало изменить положение. В провинции вместо проконсулов стали назначаться императорские прокураторы. Вместо прежней дани императоры обложили провинциалов двумя определенными налогами, поземельным и поголовным. Оклад налога назначался каждому плательщику сообразно с его имуществом и доходами. Для этого производилась перепись населения. Взимание налогов было отнято у откупщиков и передано податным канцеляриям при прокураторах.

При республике проконсулы менялись в провинциях ежегодно. Поэтому наместник торопился за год награбить максимально. Да и система контроля сената была очень легкая. При империи руководство провинцией передавалось на долгий период, и ее властелин не торопился брать сразу все, что мог. Как бы прожорлив он не был, благоразумие побуждало его приберечь кое-какие ресурсы и на завтрашний день. И Рим, и провинции были вынуждены повиноваться одному властелину, хотя и не в лице одного человека.

Однако власть одного властелина в провинции не ограничивала ее самоуправление в первые века империи, когда ее основная забота была о создании муниципальных сенатов, местных магистратур, которые создавались по аналогии с центральной властью, ее структурой.

За счет их шел процесс получения стабильных доходов в казну. Спокойствие на местах, утверждение на окраинах Империи условий жизни, основанных на ведении хозяйства, а не междоусобных, грабительских войнах. Постепенно хозяйственная деятельность, а не военная укрепляется в провинциях, растет число сторонников образа жизни римлян. Все это создает определенную стабильность жизни трудовых масс. Все больше бывших воинственных племен меняет меч, захваты, грабежи соседей на плуг, мирную деятельность, для которой основой является право частной собственности на землю.

---

[32] См., Лозинский С. Г., История труда, М., 1923, с. 105 – 108.

Стабильное, постоянное население легче поддается эксплуатации через сбор налогов, как стабильный источник богатства, а не через завоевания, набеги, грабежи.

§ 6. Упадок рабовладельческого хозяйства в Римской империи. Начало перехода к колонату – зародышу феодализма

Материальное благосостояние и внешний расцвет Рима последних двух веков республики базировались исключительно на хищнической эксплуатации провинций торговым и в особенности ростовщическим капиталом. Такое хищническое хозяйничество откупщиков и ростовщиков не могло, однако, продолжаться бесконечно.

Размещение римских армий довершило разорение провинций. Уже Цезарь отменил систему откупов в Азии - как следствие борьбы с ростовщическим капиталом.

Как ранее в Греции потеря Афинами их монопольного положения, так теперь в Риме прекращение хищнической эксплуатации истощенных провинций сразу же обнаружило все отрицательные стороны и всю недостаточность рабского труда. И, конечно, не случайность, что именно с этого времени начинается кризис рабовладельческого хозяйства и вытеснения рабского труда трудом полусвободных колонов в земледелии и вольноотпущенников в области ремесленной промышленности.

Не приток рабов ограничил рабство, а оно стало невыгодным. Об этом говорит и Энгельс: «Рабство пережило себя. Рабство стало невыгодным - вот причина его уничтожения». «Мы поручаем землю худшим рабам, точно палачам», - возмущается Колумелла в предисловии работы «О сельском хозяйстве». «Хуже нет обработки полей толпами рабов, так как что можно сделать с людьми отчаявшимися», - писал Плиний. Контроль личный за рабами очень труден.

В начале империи сдача земли для обработки рабами представляла довольно обычное явление. В конце II в. до н.э. все рабы в крупном поместье делятся уже на две категории - рабов, работающих на полях владельцев, и рабов, уплачивающих оброк.

Именно теперь, в связи с растущим сознанием непригодности рабского труда, обработка должниками-колонами получает более широкое распространение и постепенно начинает вытеснять рабский труд из области земледелия. Последнее более удобно, так как деньги часто задерживают. Вспомогательные работы начали возлагаться в виде барщины. Здесь мы уже видим зародыш будущих феодальных отношений.

Во II в. до н.э. в Северной Италии - колонат обычное явление. В Африке большая часть частных владений была конфискована и обращена в царские домены. В императорских поместьях, впрочем, в отличие от частных владений, колоны подчинены не непосредственному владельцу или его управителю, но крупному арендатору - откупщику. Оба эти встречных процесса - помещение рабов на земле и привлечение первоначально свободных арендаторов - приводит к одному общему результату, именно - к образованию единого класса полузависимых земледельцев. Анализ многих имен колонов в позднейших надписях, который провел еще Т. Франк, показывает их рабское происхождение.

Концентрация землевладения, происходившая первоначально на основе рабского производства, в дальнейшем перерастает размеры, совместимые с рабским трудом, и продолжается уже на иной производственной основе - на основе полузависимого колоната. Поскольку такая форма эксплуатации труда зависимых земледельцев допускала безграничное расширение землевладения, размеры последнего уже в I в. империи далеко оставило за собою те размеры, каких достигла земельная концентрация двух последних веков республики. Во время Катонов имение в 240 югеров (60 га) считалось крупным, сто с лишним лет спустя уже имение в 1000 югеров (250 га) не считалось особенно значительным.

Имения до 5 га растаяли почти совершенно. На землях бывших мелких собственников возникло теперь такое же мелкое, но зависимое держание рабов или колонов.

Военнопленные германцы не обращаются более в рабство, но, уже начиная со II в до н.э. в большинстве они селятся на государственные и частные земли на правах колонов. В IV

в. целые племена германцев селятся в ограниченных местностях в качестве федератов с обязательством обрабатывать и оборонять от нашествия других племен занимаемую ими территорию. Внутри этих племен складываются феодальные отношения, а не рабовладельческие.

Так же идет процесс вытеснения рабского труда полусвободными в городе. Вольноотпущенник не пользовался полной свободой, переходил на права клиентеллы к своему бывшему владельцу, он должен был делать ему определенные подарки, содержать его в случае нужды и выполнять ряд других домашних, профессиональных услуг и трудовых повинностей.

Процесс отпущения рабов на правах вольноотпущенников усиливается, императоры сдерживают их. В I в. вольноотпущенники богатеют, их называют выскочками.

Проникая в области, где родоплеменные (клановые) отношения находились в состоянии более или менее далеко зашедшего разложения, римский торговый и ростовщический капитал всюду разлагал их натурально-хозяйственную основу и ускорял процесс общественного расслоения - концентрации землевладения и образования малоимущей и неимущей массы.

§ 6. 1. Привнесение германцами феодальных отношений, влияющих на разложение рабства

Переселяющиеся на римскую территорию германцы не имели развитого рабства. И поэтому вожди племен своих равноправных соплеменников наделяют личными участками земли. За охрану земель от нападения, вождь устанавливает продуктовую или отработочную ренту, становясь феодалом.

Не полностью копируют римские рабовладельческие отношения и землевладельцы колоний.

Галльские крупные землевладельцы перенимают римские нравы и образ жизни, устраивают виллы, по богатству и роскоши не уступающие римским, окружают себя толпами рабов.

Рабовладельческие хозяйства, работавшие собственно на внешний рынок, встречались только в южной (нарбонской) Галлии и частью в пограничных местностях. Чем далее на север и вглубь континента, тем отчетливее вступала натурально-хозяйственная основа крупных поместий и вилл. Зависимая мелкая аренда рядом с рабством существовала здесь еще в доримскую эпоху, и теперь она получает лишь дальнейшее развитие, ассимилируясь с формами римского колоната.

Рабский труд также не получил в Галлии такого исключительного значения и распространения, как в области античной культуры.

Преобладающей формой труда в Галлии оставался труд свободных и полусвободных ремесленников, работавших, прежде всего, на местный рынок, а не на вывоз. Ни подавляющая конкуренция рабского труда, ни презрение к свободному труду здесь не имели места. В других, более отдаленных провинциях, в Британии, в Бельгии, дунайских провинциях влияние Рима еще менее затрагивало прежние основы их хозяйственной жизни. Наконец, и в Испании романизирована была лишь южная часть (Бетика) и часть восточного побережья, где было много италийских и римских колоний. Внутренние же части страны, вся центральная и северо-западная Испания, оставались почти вне сферы римского влияния.

Сдвиг в развитии производительных сил находится в несомненной и непосредственной связи с кризисом рабовладельческой системы. В области сельского хозяйства - колесный плуг с отвалами, значительно глубже вспахивавший почву, также своеобразная жатвенная машина, появляются некоторые нововведения в виноградарстве, косьбе травы.

Характерно, что все эти нововведения возникли не в самой Италии, но на периферии рабовладельческого мира - в Греции и частью в Галлии, где рабство хотя и существовало еще в доримскую эпоху, но никогда не получало такого исключительного развития, как в

античном мире. Отсюда они распространялись в течении I в. империи на Северную Италию, где свободная аренда - колонат - уже в это время составляла обычную форму эксплуатации.

Такой же сдвиг в сторону развития производительных сил с началом империи намечается и в области городского ремесла: разделение труда между отдельными видами ремесленного производства, хотя они еще далеко уступали организации средневекового городского ремесла.

Отделяются обработка меди от железа. Обработка меди - профессии выделывателей горшков, канделябров, фонарей, гирь, шлемов и щитов; обработка железа - на профессии слесарей, ножовщиков, изготовителей топоров, мотыг, серпов. Башмачники отделяются от сапожников. Такое же деление намечается и в других производствах: в ювелирном деле; в кожевенном; в деревоотделочном, в керамике, в хлебопечении и пр. Здесь мы видим прогрессивную работу противоположности между производством и разделением труда, следствием её единства и борьбы появляются новые типы производства, частной собственности и связей между новыми частями общества.

Августин (нач. V в.) говорит, что в процессе производства каждый серебряный сосуд проходит через руки нескольких мастеров.

Благодаря этим процессам римское рабовладение неизбежно шло к своему исчезновению, так как тормозило разделение труда, обмен и рост новых общественных связей.

§ 7. Своеобразие завоевательной политики Рима, обеспечивавшей ему успех в покорении народов с общинной формой собственности Востока

Могущество, сила империи определились очень тонкой завоевательной политикой Рима, какую мы не встретим, пожалуй, нигде больше. В отличие от азиатских империй, которые быстро, огнем и мечом захватывали народы, римская становится медленно. Ее рост определяется алчностью, стремлением к богатой добыче не только римлян, но и соседей. Новые земли, попадавшие под власть Рима, часто сами провоцируют себя.

Рим, это империя совершенно другого типа. Здесь все совершенно противоположное варварам. Причиной всего многообразия, законом, определяющим развитие, является частная собственность на землю с правом передачи по наследству. Это определяло и новое отношение к земле соседей. Римляне не истребляли, не порабощали обитателей завоеванных городов, как, например, монголы, но представляли им свободу и право владения, частью своей территории, нередко допуская их в качестве граждан в стены Рима. В этом, отмечал Дионисий Галикарнасский, заключалась самая твердая опора независимости Рима и обильный источник его могущества. Греки в отличие от римлян, проповедовали ненависть к чужеземцам.

Мало того, греки при выведении колоний от метрополии за море теряли с ними связь. А Рим высылал только сухопутные колонии, и колонисты продолжали числиться в римских трибах и подавали голос в римском народном собрании. Римские колонии не ослабляли своей метрополии, управление в них то же, что и в Риме: два консула, преторы, эдилы, квесторы и свое народное собрание.

Рим поглощал покоренные народы, но с такой же медленностью с какой он их завоевывал. Внутреннее противоречие, порожденное новой формой собственности, не требовало у народа необходимых богатств за счет больших завоеваний. Внутреннее благосостояние, зажиточность, неравенство порождали борьбу патрициев и плебеев, разрешение которой (требование земли) легче было обеспечить за счет соседей, которые сами были не против захватить богатства Рима.

В этом состоянии Рим выработал единственно правильные действия, которые обеспечивали ему благосостояние и расцвет, превышающий намного восточные народы. Проводились эти действия им весьма осторожно. Римляне были очень консервативны, мало

изобретательные на новые политические формы, и старались, по возможности, применять старые формы, старые органы к новому положению и новым условиям.

Рим образовался постепенным выравниванием прав плебеев с патрициями внутри общества, а Римская империя становилась еще более острожной допущением к пользованию теми же правами народов побежденных. За всю историю Рима мы не встречаем завоеванного азиатского народа, который, пробыв под Римом некоторое время, стремился бы обратно к общинному, азиатскому владению землей и образованию деспотических монархий. Они все стремились заполучить такие же права в обществе, как и у граждан Рима.

Причина этого легко усматривается. Основу римского характера, образа жизни, основанного на неприкосновенности на землю, легко отличить от народов, живших в условиях общинных земельных отношений, когда земли регулярно переделивались и ее единственным хозяином был царь. В Риме уже четко видна любовь к материальным благам, комфорту, наслаждению, которые были невозможны для народов, где не могли сконцентрироваться богатства в руках независимых отдельных людей, где преобладала уравниловка в доходах. Рим завоевывал народы из сознательной цели обогатиться. И это было совершено не путем грабежа, полного сожжения жилищ и уничтожения жителей, а путем развития наследственного земледелия, торговли, промышленности. Рим в этом преследовал свою выгоду. Отдавая землю в собственность, разрешая рабство, торговлю, он в форме налога получал большой и постоянный доход, который не доставался от периодических набегов и грабежей. И подчиненные народы, часть их от такой формы эксплуатации получали больше, чем было у них от общинного землевладения, военных набегов, они также постепенно обогащались. Земледелие, право получать результаты своего труда в свое распоряжение, даже при налогах, повышали интерес к труду, вкус к нему, почти страсть. Благодаря Риму, привычка к работе и к достатку утвердилась среди всех соседних народов. В итоге Рим распространил кругом любовь к богатству, благосостоянию, роскоши к жизни, полной удобств и пышности небольшой части общества за счет массового рабства. Естественно, общество еще не могло всех удовлетворить в этих потребностях в силу слабого развития производительных сил.

Отсутствие права личного распоряжения своей собственностью гасит интерес к труду, и поэтому у соседей Рима - персов, по словам Тацита, была развита страсть к игре, пьянству, любовь к наживе и удовольствиям, леность, прямой половой разврат, отвращение к труду.[33] И это не удивительно, у всех народов, во все времена, в зависимости от права распоряжаться своим трудом, неприкосновенной собственностью, определялись все нормы жизни. Рим, Греция, для своего развития, благодаря существующему праву неприкосновенности на землю, праву ее передачи по наследству, правовые гарантии, по словам историков, при всех недостатках были самые благоустроенные, развитые, благородные.

Полное римское право давало право голоса при голосовании; право на замещение общественных должностей; право на апелляцию, обращения к народу на случай смертного приговора; изъятие от телесных наказаний, розог и пыток; право занесения в цензорские списки; военное право участвовать на службе в составе легиона; частное право приобретать, покупать в безусловную неприкосновенную собственность; вступать в законный брак, признаваемый государством, отеческую власть и все права гражданского родства; право образовать род.

Но родившиеся в муниции во времена республики, не имели в Риме права, даже равного самому бедному плебею, как бы он ни был богат по тем же гражданским правам, которые были одинаковы в Риме и муниции. Для такого разделения существовало латинское, италийское право. На колонии смотрели, как на арендаторов земель Рима. Постепенно муниции требуют равноправия с римскими гражданами и добиваются этого своей покорностью, восстаниями и другими способами.

Много факторов способствовало этому. Не малую роль играл рост общего благосостояния общества, ослабления опасности всей империи и более слабые причины. В

[33] См.: Фюстель де Куланж, Указ. соч., т. 2, с. 263.

этот период общество еще очень строго контролирует право привилегированного приобретения достаточных средств существования. Поэтому в Риме через каждые 5 лет составлялись новые списки граждан, в которые входили лишь те, кто имел поземельную собственность. Постепенно этот критерий будет уничтожен во времена Каракаллы.

Италики, например, создавали даже тайное общество, для того, чтобы стать гражданином Рима, хотя в начале отчаянно сражались за свою италийскую независимость.

Этих прав в начале добивались плебеи, а затем и граждане других городов. Эти права, которые в начале были привилегией царя, расширяются для патрициев, как будущие общечеловеческие ценности, до прав всех граждан, достигнутых в жесточайшей борьбе, что еще раз говорит о приоритете классового в развитии общечеловеческого. Было ли что-нибудь подобное у персов, армян и других народов Востока? Нет. Потому что у них не было права неприкосновенной собственности на землю - основного закона развития Европы.

Рим завоеванным народам (городам) оставлял их законодательство, богов, язык, обычаи и учреждения. Затем он предоставлял им отчасти право гражданства, превращая в муниции, также являвшиеся подобиями Рима. На части земли победителей Рим расселял своих граждан, которые, как правило, претендовали на родине на земли патрициев. Защищал право собственности.

Древний мир не имел представления о политическом представительстве. Городу достаточно было вече. В пределах города не могла возникнуть мысль, что человек может передать другому право говорить за себя, так как не было еще равенства всех перед законом и равенства прав. С предоставлением прав римского гражданства другим городам, образование государства из ряда территорий, возможность участия в выборах каждого человека, решения государственных вопросов становятся отдельной личностью невозможными. Появляется представительство депутатов от имени части граждан.

Для стремления к единству с империей у провинций было много оснований.

Первые века империи господство крупных рабовладельцев, постепенно уступает феодальным преобразованиям, они отмечены многими документами, как огромный прогресс внутренних изменений развития Рима. Города соревнуются друг с другом не в захватах, а роскоши. В это время повсеместно наблюдаются появляющиеся памятники, театры, храмы, дворцы, школы, фонтаны. Каждый город стремится оказаться красивее соседнего. Что еще более интересно - народы империи, которые столетиями боролись друг против друга, с владычеством Рима, - при этом спокойствии, благоденствии постепенно сливались. Самые устойчивые из них не могли противиться римскому духу единства. Целые народы сами отказывались от своего наречия и усваивали язык своих бывших победителей. Римская империя того времени представляла грандиозное зрелище, поражавшее всех просвещенных людей, хотя в ней еще процветало рабство и другие формы неравенства. Однако они уже уступали своей жестокостью Республике, а феодальная эксплуатация еще не достигла своего совершенства.

В течении пяти веков, пока существовала Империя, нигде не видно было, чтобы у кого-нибудь являлась хотя бы только одна мысль бороться против общественной власти, т.е. императорского правительства. Бывали междоусобные войны, но они имели целью заменить одного государя другим, а не установить иную форму правления, - писал Ф. де Куланж.

Личная власть императора не имела ничего близкого к деспотиям Древнего Востока, даже когда пытались подражать последним. Императоры Рима не царствовали наследственно, они царствовали не в своих интересах, а для блага господствующего класса, прежде всего.

В истории Римской империи не встречается ничего, похожего на антагонизм между гражданским населением, которое было бы враждебно правительству и военною силою, которая ее защищала. Объяснять покорность граждан тем, что они были безоружные - нельзя. Они имели в руках оружие и умели хорошо им владеть, а правительство никогда не считало нужным обезоруживать население. Армия по численности была во много раз меньше количества населения, способного владеть оружием. Борьба идет еще на мало заметном уровне - в стремлении рабов получить свободу; землевладельцев - увеличить свои

богатства, независимость; свободных землевладельцев - колонов - сохранить свои позиции римлянина, мелкого земледельца. Объяснить это можно тем, что Римская империя никогда не отказывалась от соблюдения нескольких основных начал в своей административной системе:

1. никогда не допускать продажи должностей, иначе нельзя наказать чиновника, который уже заплатил за свою должность;

2. все должности должны быть временными - от этого повиновение;

3. определение жалования и содержание натурою, установленной законом - отсюда гарантия против хищности наместников, коммерческой деятельности, подарков, вымогательств.

Процесс расцвета Римской империи шел в первые века, прежде всего за счет большого количества свободных мелких земельных собственников, отсутствия высоких налогов, усиленной феодальной эксплуатации. Постепенно количество свободных мелких землевладельцев сокращается, складываются крупные земельные поместья, вся основная масса населения превращается в крепостных.

Очень хорошо становление новых, близких Риму, общественных отношений мы можем увидеть со временем в истории Галлии и германских племен, которые были в зависимости и связях с могучим соседом.

Ю. Цезарь утверждал, что галлы в его время не имели единства. У них к этому времени уже глубоко было развито неравенство, существовали рабы, которых можно было легко обменять на ведро вина. Было мало господ, но очень много слуг. Цезарь находил в обществе и людей, аналогичных римскому плебею.

После побед римляне не обращали галлов в рабство, не отобрали свободу и земли, а провели лишь частичную конфискацию и сделали из Галлии провинцию. В ней сохранились старые привычки, традиции, вольности, но руководство подчинилось Риму и платило налог 40 миллионов сестерциев. Войны в интересах аристократии, грабежи заменялись миром. Простые галлы, закабаленные с одной стороны, чувствовали себя освобожденными от военных походов, грабежей, произвола, пользуясь покровительством римских законов. В подтверждение этого мы не встретили в Галлии освободительных от римского ига внутренних войн.

В отличие от римлян, галлы не имели права на недвижимую собственность на римской земле, браки с римлянами. В начале империи римляне строго делили себя правом с другими народами. Причина этому - низкая производительность труда, отсутствие равных производственных возможностей, которые использовались, прежде всего, в интересах завоевателей, более сильного.

Со времени, когда производство будет равноценным, - распределение, а с ним и право, станут выравниваться.

Побежденные галлы стремились слиться с Римом, а не наоборот. Семь-восемь поколений галлов самым лучшим желанием имели приобрести право римского гражданина, которые Рим давал за заслуги, достоинство, службу. Постепенно галл, вступая в войско, приходил домой римским гражданином. Будучи им, галл получал право доступа к магистратам в Риме, право вступления в сенат. Так постепенно осуществлялся переход из состояния подданства в положение граждан Рима. Так было со многими народами времен империи.

Галлы, в обращении к Риму, восклицали: «Ты единое отечество всех народов!» Для получения римского гражданства галлы отказывались от своей религии, языка, права, национальных имен. Раб, если он освобождался в Галлии, получал римское имя, даже если и был испанец, грек, африканец. Нечто подобное в настоящее время стараются осуществить и империалистические колонизаторы по отношению к завоёванным народам.

Таковы были основные особенности существования империи. Но, несмотря ни на что, время ее было определено существующими противоречиями. Но это в будущем, а нам остается остановиться на периодизации истории Рима..

В своем существовании империя делится историками 30-х годов на шесть периодов, которые ниже мы и проследим.

Первый период - время Октавиана Августа (от 30 г. до н.э. до 14 г. н.э.). Эти сорок четыре года правления Августа являются переходной эпохой, когда революция временно была раздавлена, и рабовладельцы могли наслаждаться «спокойствием» и «порядком».

Второй период - эпоха террористического режима (с 14 г. н.э. по 60 г. н.э.). Императорская власть, начиная с Тиберия и кончая Нероном, переходит от сравнительно «мягких» методов управления Августа к террористическому режиму.

Третий период - относительная «стабилизация» рабовладельческого общества с конца 1 века и до конца 2 века н. э.

Четвертый период - с конца 2 в. до конца 3 века - начало второго этапа революции рабов. Стабилизация кончилась в конце 2 века, и начался новый подъем революции.

Пятый период - вторая стабилизация (время Диоклетиана и Константина), с конца 3 века и, приблизительно, до половины 4 века.

Шестой период - с половины 4 века и до половины 5 века - эпоха высшего подъема революции, эпоха крушения, гибели западной Римской империи.[34]

Последующий наш материал частично раскрывает все эти шесть периодов империи.

ГЛАВА СТО СЕДЬМАЯ

Исторические предпосылки и условия для возникновения христианства в истории Рима

§ 1. Начало культурного упадка в Риме

Время правления Антонинов иногда называют «веком просвещения». Это справедливо, если рассматривать лишь с внешней стороны успехи римской культуры и ее широкое распространение на периферии. Г о р о д Рим действительно стал в этот период самым крупным, благоустроенным и красивым городом всего Средиземноморья, или, как тогда гордо говорили,— «ойкумены», т. е. населенного культурным человечеством мира (великие восточные цивилизации Индии и Китая малоизвестны были и римлянам и грекам). Особенно изменился внешний вид Рима после грандиозных пожаров 64 и 69 гг. Уже Флавии развернули весьма большие восстановительные работы. При первых Антонинах построены были роскошные форум Нервы и форум Траяна с великолепными окружающими их зданиями, среди которых особо изысканной отделкой отличалось здание библиотеки Ульпия. Здесь же поставлена была и громадная колонна Траяна, увенчанная позолоченной статуей императора. Она представляла собой его мавзолей: в нижней ее части в золотой урне хранился после сожжения его прах, а бока колонны представляли замечательно исполненное рельефом повествование о его походе на даков. Адриан вновь в особенно роскошном виде перестроил Пантеон, построил новый императорский мавзолей и мост к нему через Тибр. Марк Аврелий в память своих побед над маркоманами и сарматами воздвиг, в подражание Траяну, другую в 30 *м* высоты колонну, которая тоже сохранилась в Риме на Пиацца Колонна, только статуя императора заменена фигурой ангела. Императорам подражала знать, строя себе роскошные городские особняки и загородные виллы. Все улицы Рима были замощены крупными плитами, по бокам их устроены водостоки, на площадях били фонтаны с проведенной издалека по акведукам водой.

Стремление к внешнему благоустройству и комфорту широко распространилось из Рима через посредство римских переселенцев-колонистов, богатых купцов, чиновников, военных и в провинциях. Особенно сильной р о м а н и з а ц и и подверглись провинции западные и северные: Испания, Галлия, Прирейнская Германия, Альпийские области,

[34] См., Ковалев С. И., История античного общества. Эллинизм. Рим, М, 1936, с. 226-227

провинции Среднего и Нижнего Дуная. Вдоль улиц провинциальных городов возводились по римскому обычаю портики-галереи, строились базилики, появлялись водопроводы, цистерны, бассейны и фонтаны, термы, амфитеатры и цирки. Открылось и множество школ, в которых преподавался латинский язык и латинская литература (особенно интересно эта школьная жизнь представлена на рельефах, найденных в Трире). Приезжие риторы обучали провинциальную молодежь искусству красноречия. В моду входят публичные выступления с речами, стихами и прозой, для чего снимаются просторные помещения, созываются знатоки и знакомые. Везде звучит латинская речь, правда, весьма уже испорченная варваризмами.

Но вместе с тем, начиная с середины I в. и. э., в рабовладельческих кругах общества Римской империи повсюду замечается определенное снижение качества во всех областях культурного творчества. Это было вызвано двумя основными моментами. Прежде всего, здесь сказывалось леденящее действие императорского режима, при котором как утопавшие в роскоши богачи-рабовладельцы, так и неимущие свободные, «по отношению к государству, т. е. к императору... были почти так же бесправны, как и рабы по отношению к своим господам». Императорский режим проводил систематическое преследование всякой общественной мысли, особенно — исходящей из народных низов. Для оправдания и укрепления диктаторского характера императорской власти Август провел религиозную реформу. Он ввел культ самого императора и требовал уже при жизни поклонения себе в форме культа «гения Августа». После смерти Август и последующие императоры уже становились настоящими богами (divi); им строились храмы как в Риме, так, в особенности, в провинциях, выбирались особые жрецы-фламины — из членов высшего общества, заведовавшие их культом в каждом городе, устраивались съезды по провинциям для особенно торжественных молений и жертвоприношений. Август стремился воскресить также древнюю римскую веру. Представители высших кругов охотно записывались в восстановленные Августом старинные религиозные коллегии «арвальских братьев», «луперков», «застольников Тиция» и пр.

В связи с этим гнетом в рабовладельческих верхах римского общества распространялось чувство тупой покорности и погоня за самыми пошлыми и чувственными наслаждениями. Такая атмосфера способствовала тому, что во всех видах искусства и литературы укреплялись формалистические тенденции, погоня за внешним эффектом и изысканностью внешней формы в угоду избалованному и пресытившемуся высшему обществу. Таковы вычурные и многословные трагедии Сенеки, учителя Нерона, таков витиеватый «Панегирик Траяну» богатого и чиновного друга этого императора Плиния Младшего, хитроумно составленные произведения софистов II в. Герода Аттика, Элия Аристида, учителя Марка Аврелия — Корнелия Фронтона. Сатирики должны были отказаться от критики явлений политической и общественной жизни, что смело, делали прежде Луцилий, Катулл, отчасти Гораций в своих ранних «Сатирах», и ограничиваться бичеванием пороков отдельных частных лиц, выпадами против особенно возмутительных явлений частного быта, нарушений господствующей морали. Марциал (42—102 гг.) писал в правлении Домициана и Траяна весьма легкомысленные эпиграммы, но столько бичуя даже, сколько, под видом насмешки, смакуя неслыханно порочное поведение придворных и вообще великосветских римских кругов; Ювенал (55—132 гг.) в своих 16 книгах сатир ядовито злобно нападал на различные распространенные пороки. Лукиан (125—190 гг.) высмеивал все более и более распространявшиеся суеверия. Безобидно и забавно потешался над этим же Апулей (род. около 125 г.) в своем романе «Превращения, или золотой осел». В театре серьезные виды драматического искусства — трагедия и комедия на злободневные темы, уступили место веселым и скабрезным фарсам, «пантомимам», с совершенно непристойными сценами, и пышным бездушным феериям. На первом месте стояли цирк с конскими и другими состязаниями (со времени императора Калигулы все высшее общество разделилось на цирковые партии белых, красных, голубых и зеленых — по цветам любимых наездников) и амфитеатр с кровавыми дуэлями и массовыми боями гладиаторов.

В греческой части Римской империи этот культурный упадок был менее заметен. Там еще появлялись крупные представители культурного творчества: Плутарх (46—126 гг.) писал свои «Параллельные биографии» и «Морали», знаменитый странствующий ритор Дион Хрисостом (50—115 гг.) объезжал со своими публичными лекциями греческие города, философ-стоик Эпиктет (50—125 гг.), бывший прежде «рабом раба», поражал глубиной своих этических исканий и убедительностью своих афоризмов (кратких и метких обобщений морального характера). Культурное преобладание Греции было очевидным и для наиболее выдающихся римлян: император Марк Аврелий писал свои «Размышления» уже на греческом языке, обращаясь, следовательно, преимущественно к греческому читателю. Даже Дион Кассий (155—235 гг.), римский сенатор и поклонник римской старины, написал свою большую «Римскую историю» в 80 книгах на греческом языке. Но и в Греции, так же как в Риме, преобладающим философским направлением образованных кругов стал стоицизм, всецело ушедший в решение этических проблем, в поиски путей к достижению непоколебимого душевного равновесия и абсолютного спокойствия духа (апатия). В лице учителя Нерона Сенеки (личная жизнь которого, однако, совершенно расходилась с его учением), Эпиктета и императора Марка Аврелия стоицизм имел наиболее выдающихся своих представителей.

С другой стороны, чувство тупой покорности по отношению к императорской власти поддерживалось страхом перед грозным движениями порабощенных народов во всей Римской империи господствовало убеждение, что при таком положении императорская власть, основанная на военном господстве, является неотвратимой необходимостью. Но вместе с тем не было никакой надежды на возможность лучших порядков. В связи с этим настоящее был невыносимым, а будущее казалось еще более грозным. Отсюда даже среди рабовладельческих слоев возникло и широко распространилось стремление искать выхода и спасения на путях религии. Вполне естественно, что в связи с этим во всех произведениях тогдашней мысли заметен упадок научного миропонимания. Уже не было уверенности в том, что силами человеческого разума можно постичь тайны и законы природы, т. е. опровергалась мысль, так ярко выраженная представителями греческого материализма Демокритом и Эпикуром, в поэме «О природе вещей» римского мыслителя Лукреция Кара. Теперь ожили вновь давно пережитые и отброшенные верования в таинственные и непостижимые силы. Интерес ко всему чудесному, сверхъестественному и «нездешнему» проявляется уже у Светония Транквилла (75—160 гг.), в его «Биографиях 12 Цезарей», в которых материал из жизни первых римских императоров обильно пересыпается всякими предсказаниями, предзнаменованиями, чудесными явлениями и пр. Всяких магов, волхвов, астрологов, предсказателей, колдунов и ведьм развелось в Риме такое количество, что правительства римских императоров не раз принимали против них строгие меры, изгоняли и истребляли их, но безрезультатно. Впрочем, и сам император Адриан с большим усердием занимался астрологией и даже колдовством.

Но особенно широкое распространение получили в этот период восточные таинственные религии. Они обещали открыть своим поклонникам (путем символических обрядов) тайны мира и загробной жизни, вскрыть смысл жизни и показать пути к достижению вечного блаженства. Со времени обращения Египта в римскую провинцию особенно широко стал распространяться культ египетской богини Изиды. При Клавдии большой успех имел культ малоазиатской богини, «матери богов» Кибелы и ее спутника Аттиса, растерзанного, потом воскресшего, чтоб стать спасителем человечества. При Флавиях солдаты победившей сирийской армии занесли в Рим и в западные провинции иранский культ Митры — бога, будто бы побеждающего самую смерть; «митреумы» (святилища Митры) появились в это время и в Риме и в особенности в частях расположения рейнской и дунайской армий.

Однако эта, по выражению Энгельса, «духовная бестолковщина» была только показателем общего социального кризиса, наступившего в империи: «Это было время, когда даже в Риме и Греции, а еще гораздо более в Малой Азии, Сирии и Египте абсолютно некритическое смешение грубейших суеверий различных народов принималось

без всяких околичностей и дополнялось благочестивым обманом и прямым шарлатанством...»[1]. Энгельс говорит: «Вместе с политическими и социальными особенностями народов Римская империя обрекла на гибель и их особые религии... Пересадка восточных религиозных культов в Рим только повредила римской религии, но задержать упадок восточных религий она не могла»[35]. Во время этого всеобщего экономически политического, умственного и морального разложения возникла новая религия — христианство «...решительно выступило против всех существовавших до тех пор религий»[36]. Оно имело успех и стало «...мировой религией — к тому же религией, соответствующей как раз данному обществу»[37].

§ 2. Объективные экономические и духовные предпосылки возникновения христианства в Римской империи

Данный вопрос не может быть объективно рассмотрен вне связи со всеми сторонами развития общества, диалектики истории. Строго определенные обстоятельства, в своей строгой последовательности привели к образованию одной из мировых религий. Прежде всего, мы должны еще раз вернуться к сущности религии, но уже на более высоком уровне сознания людей, естественно, опираясь на труды ученых.

§ 2. 1. Л. Фейербах о сущности религии на уровне олицетворенных богов - как тождество бога и человека

Религия есть отношение человека в своей собственной сущности, - отмечал Л, Фейербах, - но не как к своей сущности, а как к другому, отличному от него и даже противоположному ему существу; в этом заключается ее ложь, ее ограниченность, ее противоречие разуму и нравственности, в этом пагубный источник религиозного фанатизма, высший метафизический принцип кровавых человеческих жертв, одним словом в этом заключается причина всех ужасов, всех потрясающих сцен в трагедии истории религии.

Созерцание человеческой сущности как другого, самодовлеющего существа носит в первоначальном понятии религии, как мы видели, непроизвольный, наивный, непосредственный характер; оно непосредственно отличает бога от человека и в то же время отождествляет его с ним. Но когда религия с годами приобретает большую рассудочность, когда внутри религии пробуждается рефлексия о религии, тогда начинает тускнеть сознание тождественности божественного существа с человеческим, - одним словом, когда религия превращается в богословие, тогда первоначально непроизвольное, наивное отграничение бога от человека становится преднамеренным.

Поэтому, чем ближе религия к своему источнику, тем она правдивее и искреннее, тем меньше она скрывает от себя эту свою сущность. Другими словами, в момент возникновения религия не знает качественного, или существенного различия между богом и человеком. И это тождество не смущает религиозного человека, так как его рассудок находится еще в гармонии с его религией. Древнееврейский Иегова лишь по бытию отличается от человеческого индивида, но качественно, по своему внутреннему существу, он вполне уподобился человеку, имел те же страсти, те же человеческие, даже телесные свойства. Только позднейшее иудейство провело резкую грань между Иеговой и человеком и прибегало к помощи аллегорий, чтобы придать богу другой, чем первоначально, смысл.

Религия непосредственно представляет внутреннюю сущность человека, как объективное, другое существо.

Совершенное существо есть такое существо, выше которого немыслимо никакое другое существо, - бог есть наивысшее, что только мыслит и может мыслить человек.

---

[35] Ф. Энгельс, Бруно Бауэр и раннее христианство. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XV, с. 607-608
[36] Там же, с. 608.
[37] Там же, с. 610.

То, что является наивысшим для человека, от чего он не может больше отвлечься, что составляет существенную границу его разума, его чувства, его настроения, это и есть для него бог - то, выше чего нельзя помыслить.

Ведь давно известно, что подлинно идеальное отношение между богами и людьми состоит в их тождестве, которое должно проявляться и в тех случаях, когда всеобщие силы противопоставляются действующим лицам и их страстям как самостоятельные и свободные. Все содержание, приписываемое богам, должно оказаться вместе с тем собственной внутренней сущностью индивидов, так что, с одной стороны, господствующие силы представляются индивидуализированными сами по себе, а с другой стороны, это внешнее для человека начало оказывается имманентным его духу и характеру.

Душевная жизнь человека должна открываться в богах, как самостоятельных всеобщих формах того, что действует и властвует в его внутренней жизни. Ибо только боги находятся одновременно и в его собственной груди, - отмечал Гегель.[38]

Доказательства бытия божия имеют целью обнаружить, отделить от человека его внутреннюю сущность.

Мыслит бог ради человека, он мыслит под влиянием идеи человека. Бог мыслит о себе не своими, а человеческими мыслительными способностями. План откровения божия зависит не от бога, а от мыслительной способности человека. А откровение имеет целью достичь с божеской помощью того, что человек не может достичь своими силами.[39] В откровении человек удаляется от себя только затем, чтобы снова вернуться к себе окольным путем.

Бог обладает всем, чем обладаем человек, но в бесконечном большом масштабе. Сущность бога есть объективированная сущность фантазии, - писал Л. Фейербах в «Сущности христианства».

В религии наука в состоянии проследить и уровни мышления человечества, осознание им категорий мышления на уровне диалектической логики, а не только формальной.

Всеобщее в его истинном и широком значении есть, впрочем, мысль, о которой нужно сказать, что понадобились тысячелетия, прежде чем она вошла в сознание людей, и лишь благодаря христианству она получила полное признание. Столь высокообразованные в других отношениях греки не знали ни бога, в его истинной всеобщности, ни человека. Боги греков были лишь особенными силами духа, а всеобщий бог, бог народов был для греков еще неведомым богом. Поэтому и существовала для греков абсолютная пропасть между ними самими и варварами, и человек как таковой еще не был признан в его бесконечной ценности и его бесконечном праве... Христианская религия есть религия абсолютной свободы, и лишь для христиан обладает значимостью человек как таковой в его бесконечности и всеобщности. То, чего недостает рабу, это признания его личностности; принцип же личностности есть всеобщность. Господин рассматривает раба не как личность, а как не обладающую самостью вещь, сам раб не числится «я», его «я» есть господин.[40]

Все меняется в эпоху Римской империи и отражается в христианстве, как новом уровне развития сознания людей.

§ 2. 2. Римская религия, ее отличие от греческой

Гегель отмечает, что там, где есть определенная главная цель, твердая цель, которая должна быть реализована, там вступает в силу рассудок, а тем самым серьезность, которая твердо держится этой цели, невзирая на множество различных обстоятельств внутреннего или внешнего характера.[41]

---

[38] См., Гегель, Эстетика, 1968, т. 1, стр. 235

[39] См, Фейербах Л., Избр. филсофские произведения, М., 1955, т. 2, стр. 233 - 243

[40] См, Гегель, Энциклопедия философских наук, М. 1975, т. 1, стр. 346

[41] См, Гегель, Философия религии, т. 2, М. 1977, стр. 181

В религии, где налицо определенная цель, пропадает внимание к каким бы то ни было теоретическим точкам зрения интеллигенции. В Риме бог имеет определенное содержание - господство над миром. Это эмпирическая всеобщность, не нравственная, не духовная, а реальная всеобщность.

Римского бога, выступающего в качестве такого господства мы видим как Fortuna publica - необходимость, которая для другого есть некая холодная необходимость; подлинная необходимость, содержащая саму римскую цель, есть Roma, господство, священная, божественная сущность, и этот господствующий Рим в форме господствующего бога есть Юпитер Капитолийский, особенный Юпитер, ибо Юпитеров существует не менее трехсот.

Этот Капитолийский Юпитер - не Зевс, который является отцом богов и людей, у него только смысл господства и своя цель в мире, и эту цель он осуществляет ради римского народа. Римский народ есть всеобщая семья, тогда как в религии красоты у греков божественной целью были многие семьи.

Сделаем еще одно сравнение греческой и римской религии, вместе с Гегелем.

Главной, характерной чертой богов греческой религии - абстрактной необходимости и особенных прекрасных божественных индивидуумов - является свобода, которая есть веселое настроение, блаженство. Они не привязаны к единичным существованиям, а выступают как существенные силы и в то же время как ирония по поводу того, что они намерены делать; они не придают никакого значения отдельному эмпирическому существованию. Веселость греческлй религии, основная черта ее надстроенности, и имеет свое основание в том, что хотя и существует некоторая цель, нечто почитаемое, священное, но одновременно налицо и свобода от этой цели и еще непосредственное это основание в том, что греческих богов много. Каждый греческий бог имеет некоторое более или менее субстанциональное свойство, нравственную сущность. Но именно потому, что этих особенностей много, сознание в то же время возвышается над этим многообразием, освобождается от своей особенности; сознание оставляет то, что определено как существенное и что может рассматриваться также и как цель; само сознание есть это пронизирование. Идеальная красота этих богов и всеобщее в них выше, чем их особенный характер. Так, Марс, бог войны, допускает также и мир. Эти боги, как мы видели выше, мгновенной фантазии, у которых нет последовательности: они сами собой появляются, то вновь возвращаются на Олимп.

Напротив, там, где есть единый принцип, высший принцип и высшая цель, там это веселое настроение не может иметь места. Греческий бог является в себе самом конкретной индивидуальностью; каждый из этих многих особенных индивидуумов сам опять-таки имеет много различных определений, это богатая индивидуальность, которая поэтому с необходимостью должна нести в себе и обнаруживать противоречие.

Поскольку боги в самих себе имеют богатство внешних определений, налицо равнодушие по отношению к этим особенностям, и ими может играть легкомыслие. Сюда относится то случайное, что мы замечаем в греческих мифах о богах.

Дионисий Галикарнасский, сравнивая греческую и римскую религии, хвалит религиозные установления Рима и показывает большое преимущество древнеримской религии перед греческой. Храмы, алтари, богослужение, жертвы, торжественные собрания, праздники, символы и т.д. у римлян общи с греческими, но у них исключены мифы с кощунственными содержанием, где рассказывается о пленения, войнах, ссорах богов, с нанесением ими друг другу увечий и т.д. Между тем все это относится к веселости греческих богов, они высмеивают себя; над ними шутят, но в этом беззаботное, надежное наличное бытие. Наоборот, в римской религии при серьезном отношении образ, поступки, события выступают в соответствии с твердым принципом. Напротив, в свободной индивидуальности греческой религии таких твердых целей еще нет, нет односторонне нравственных определений рассудка. В Греции боги хотя и содержат нравственное, но в то же время предстают как особенные индивидуальности, богатые в своей определенности, предстают как конкретные. В этой богатой индивидуальности серьезность не является необходимым определением, скорее, греческая религиозная индивидуальность свободна в единичности

своего проявления. Она может разбрасываться, меняться самым легкомысленным образом и оставаться тем, что она есть.

Римские особенные божества или, по крайней мере, многие из них - те же, что и у греков. И все же не те прекрасные свободные индивидуальности, которых мы видели у греков. Они как бы в тумане, неизвестно, откуда они происходят, или известно, что они появляются при определенных обстоятельствах. И здесь мы должны отметить, что позднейшие поэты - Вергилий, Гораций - в своей поэзии воспринимают греческих богов как безжизненные копии.

Вообще римские образы богов легче воспринимаются современными людьми, чем греческие, римские образы выступают как пустые боги рассудка, не принадлежащие уже к живой и свободной фантазии. В них нет того сознания, той человечности, что составляет субстанциональное как в человеке, так и в богах, как в богах, так и в человеке. Они проявляют себя как бездуховные машины, как боги рассудка, не имеющие отношения к прекрасному.

Цицерон превозносит римлян как самую благочестивую нацию, все деяния которой религиозны, которая постоянно помнит о богах и за все их благодарит. Это так на самом деле. Всеобщность цели (господство над другими), выступающая как судьба, в которой особенный индивидуум и нравственность, человечность индивидуума подавляются, не может существовать конкретно, не может развиваться, - эта всеобщность, внутреннее является основой и, поскольку все соотносится с этим внутренним, во всем присутствует религия, как связывающее.

Но это внутреннее, высшее, всеобщее (господствовать) в то же время есть лишь форма, содержанием, целью этой силы является человеческая цель класса рабовладельцев - цель, заданная человеком.

Римляне почитали богов, потому что они в них нуждались и почитали тогда, когда нуждались в них, особенно во время войны. Введение новых богов происходило в период бедствий и страха, или как выполнение обещаний. В римской религии, с одной стороны, индивидуум исчезает во всеобщей цели, всеобщем, в господстве Fortuna publica, с другой стороны, имеют значение человеческие цели; человеческий субъект обладает самостоятельным, существенным значением. В этих крайностях и возбуждаемых ими противоречиях и протекает римская жизнь.

При такой погруженности в конечные цели (господство над миром), у римлян не могло быть высокого созерцания нравственной, божественной деятельности, не могло быть теоретического созерцания субстанциональных сил, и действия, которые должны были интересовать их теоретически как зрителей, не затрагивали их практического интереса, сами могли быть только внешними, грубыми или, чтобы их взволновать, должны были быть только отвратительной действительностью. Поэтому у римлян мы не находим мыслителей, равных греческим, как и скульпторов, архитекторов.

Римская добродетель - это холодный патриотизм, состоящий в том, что индивидуум целиком служит делу государства, господства. Эту гибель индивидуума во всеобщем, эту отрицательность римляне сделали предметом созерцания, она составляет существенную черту их религиозных игр.

В религиях, не имеющих учения, божественная истина преподносится взору людей через празднества и зрелища. Поэтому зрелища имеют здесь более важное значение, чем в последующем. Их назначение в древности - сделать предметом созерцания процесс субстанциональных сил, божественную жизнь в ее движении и действии.

В зрелищных представлениях греков главным было то, что говорилось, действующие лица сохраняли спокойное, пластическое положение; мимики собственного лица не было, воздействие оказывала духовная сторона представления. Напротив, у римлян главными была пантомима, выражение, не равные тем, которые могут быть переданы с помощью языка. Но самые главные игры состояли не в чем ином, как в убиении животных и людей, в кровопролитии, битвах не на жизнь, а на смерть. Они являют как бы высшую точку того, что доступно созерцанию римлянина; в них нет нравственного интереса, нет трагической

коллизии, имеющей своим содержанием несчастье, нечто нравственное; зрители, ищущие только развлечения, требуют созерцания не духовной истории, а истории действительной, а именно которая представляет собой высшее превращение в сфере конечного, то есть сухой, естественной смерти - этой бессодежа-тельной истории и квинтэссенции всего внешнего, - отмечал Гегель. Эти игры у римлян были доведены до таких чудовищных размеров, что сотни людей, а также от четырех до пяти сот львов, тигров, слонов, крокодилов убивалось людьми, которые должны были сражаться с ними и таким образом взаимно убивать друг друга. В сущности, человеческому взору здесь явлена история холодной, бездуховной смерти одних, которую неразумный произвол делает предметом услаждения других.

Таким образом, умирание есть единственная добротель, которую культивирует благородный римлянин, и он разделяет ее с рабами и приговоренными к смерти преступленниками на гладиаторских аренах, в сражениях, публичных казнях.

Это холодное убийство служит для услаждения и позволяет созерцать ничтожество человеческой индивидуальности и никчемности индивидуума, не имеющего в себе нравственности, созерцать голую пустую судьбу, которая относится к человеку как нечто случайное, как слепой произвол.

Римский мир является в высшей степени важной точкой перехода к христианской религии, неотъемлемым средним членом; на этой ступени религиозного духа развита сторона реальности идеи, а тем самым ее определенности к себе.[42]

§ 2. 3. Отказ римского сознания от идеи души в религии

С изменением бытия изменяется и душевная жизнь в Средиземноморье, изменяется и форма религии, как всеобщей силы, индивидуализированной в богах.

Идея души - занимающая такое значительное место в идеологии дикарей и варваров, живущих коммунистическим строем, - исчезает у народов бассейна Средиземного моря, - за исключением Египта - во время долгого периода последующего их развития. В течение определенного времени люди продолжают еще использовать по заведенному обычаю погребальные обряды. Но так как они не имеют больше смысла для тех, кто их справляет, - обряды мало помалу изменяются: на кострах перестают закалывать жертвы, закон ограничивает количество сжигаемых предметов, да и делается-то это лишь из тщеславия, потому что предметы уже бесполезны для умершего, раз он не оставляет после себя души. Греки, как и в старину, продолжают еще говорить усопшему: «радуйся», но вера в потустороннюю жизнь души умерла.

Феогнид и автор Притч Эклизиаста, эти начальные философы торгового пессимизма, советуют жить настоящим, потому что со смертью все кончается. Одна и та же участь уготована человеку и животному, - так уверяет израильский моралист. Как те умирают, так умирают и эти, и одно дыхание у всех, и нет у человека преимущества перед скотом. Кто знает: - дух сынов человеческих восходит ли вверх, и дух животных сходит ли вниз... Вот еще, что я нашел доброго и приятного: есть и пить и наслаждаться добром во всех трудах своих... это - дар божий... Все, что может рука твоя делать, по силам делай, потому что в могиле, куда ты пойдешь, нет ни работы, ни размышления, ни знания, ни мудрости.[43]

Вера в будущую жизнь до такой степени угасла, что Тиртей не может обещать тем, кто жертвует собой за отчество, никакого другого бессмертия, кроме бессмертия славы. А Перикл в знаменитой речи, произнесенной при погребении первых жертв Пелопонесской войны, может им обещать лишь бессмертную славу и самое почетное погребение.

Такое же явление можно засвидетельствовать у римлян и других народов Средиземноморья; его можно считать общим для всех народов, достигших известной ступени развития. Лишь Египет является исключением, так как в нем сохранился матриархат и в эту эпоху.

---

[42] См., Гегель, Философия религии, т. 1, М. 1977, стр. 181 - 194

[43] См.: Лафарг П., Экономический детерминизм К. Маркса, стр. 181 - 182

§ 2. 4. Возрождение в Риме допатриархальных религий в форме мистерий - как классовый протест против официальных религий

Но идея души, которую можно было бы считать вычеркнутой навсегда из человеческой головы, возродилась с новой жизнью и силой за семь или шесть веков до н.э. и стала излюбленной темой христианской идеологии.

В это время в городах Ионии и Греции появились таинственные культы: мистерии Кабиров, Корибантов, Кибелы - матери богов и т.д. Их мрачные обряды, полные диких воплей, траурных сцен, громких жалоб по поводу похищения молодой богини или смерти божественной искупительной жертвы, - сменялись шумными и неистовыми проявлениями радости и порой необузданными оргиями. Эти культы открыто отправлялись в Аттике во время Пелопонесской войны. О них говорят поэты, философы и историки. Они были введены в Риме; сенат в 186 г. до н.э. приказал уничтожить их, и подверг преследованиям посвященных в эти культы. Эти культы проникли и в Иудею за несколько веков до н.э.

Эти подпольные культы, возродившие предшествовавшие патриархату религии, были повсюду протестом против официальных религий. Идя на компромисс, греки мирились с ними, но римский сенат и еврейский Иеговы преследовали их.

Эти таинственные культы, возродившие доисторические нравы, пробуждавшие идеи и легенды, забытые в течение ряда поколений, находились в таком явном противоречии с обычаями и воззрениями той эпохи, на поверхности которой они всплыли, - что древние, да и современные ученые приписали им чужестранное представление.

Заслуживает внимания пол божеств этих культов, - поклоняются почти всегда богиням; если рядом с ними мы видим какого-нибудь бога - он находится в подчиненном положении по отношению к ним. Происхождение этих богинь неизвестно; их называли «сами по себе рожденными». Мужчины там были устранены от выполнения обрядов, руководимых жрицей. Эти возрождающиеся религии, имевшие высшим божеством богиню, принадлежали к предпатриархальной эпохе.

Религии женских богинь возродились в торговых и промышленных городах Ионии, на это указывают источники. Эти религии не были религиями побежденных рас, но были религиями порабощенного пола. Почему они появляются вновь и именно в наиболее развитых городах Ионии, в этих первых колыбелях наук?

§ 3. Потребности торгового капитала Греции и Рима в едином торговом рынке и его объединения космополитической религией, единой сущностью, единым богом породили мировую монотеичечскую религию

Города, где происходили эти идеологические явления, были торговыми и промышленными центрами, и именно в этих городах шла непримиримая классовая борьба за власть и обладание собственностью.

Чтобы понять смуту, порожденную производством и обменом товаров, нужно составить себе понятие об организации античного города. Мы уже не раз раскрывали организацию античного полиса.

Чужестранцы не имели права проживать в городах. Землей могли владеть только семьи, основавшие город, ибо только владение землей давало политические права. Это была одна из причин, не позволявшая разрушить античную общину, чтобы развитие города-полиса шло по примеру германской общины, перерастающей плавно в феодализм. В Риме развитие идёт иначе: общинная собственность не позволяет жителю города-полиса стать независимым феодалом. Так как чужестранцы (ремесленники, купцы) не были земельными собственниками, то они и оставались всегда чужестранцами.

В Афинах времен Перикла чужестранец давший занести себя в список граждан, имеющих политические права, в случае разоблачения продавался в рабство.

Постепенно в городах, ставших центрами торговой и промышленной деятельности, возросло число и богатство чужестранцев, образовавших сильный демократический класс, способный завязать политическую борьбу за раздел власти. Аристократический же класс, разреженный войнами и раздираемый внутренними противоречиями, наоборот ослабевал и беднел.

Эта классовая борьба необходимо должна была отразиться на понимании будущей жизни, возрожденной в мистериях, так как все они обещали счастье своим посвященным. Непосвященные же, то есть классовые враги, должны были погружаться в тину болот и прудов, пылающих серой.

Воскресить идею души и рая из идеологии первобытного человека, придумать ад и учение о последовательном возмездии, усиленно потрудиться над спиритуализмом и моралью античной демократии - было большим делом. Но этого было недостаточно: оставалось еще собрать и расположить эти религиозные элементы и эти философские принципы в одну демократическую и космополитическую религию. Это и стало делом христиан.

Мистерии, хотя многим из них была присуща идея космополитического божества, требуемая торговым классом, не могли выполнить этой задачи. В этом им мешали пол и природа их божественных персонажей, а также невозможность превратиться во всемирную религию, доступную всем.

Мистерии Деметры, Кибелы, ассирийские богини, Афродиты, Изиды не могли отвечать этим потребностям по причине пола своих божеств, подчиненной роли, которую у них играли боги мужского пола. Товарное производство, разрушившее патриархальную семью, потрясшее общественный и политический порядок античных городов - спаяло непосредственных товаропроизводителей и промышленников в один революционный класс и подготовило успех. Но оно отнюдь не стремилось освободить женщину от супружеского ига и еще того менее, вернуть ей управление семьей. А мистерии эти как раз и напоминали о том, что женщина когда-то была ее владыкой. Античная семейная форма товарного производства стремится к опеке над женщиной - следовательно, ей нужны мужские боги.

Кроме того, мистерии были только местными культами, посвящать себя им можно было только в местах их происхождения. Следовательно, было трудно, а может быть и невозможно дать им космополитическое распространение. Новая же религия должна была быть космополитической, как и сама торговля.

Очень сложно было вести торговлю в местах, где боги совершенно чужие. Торговец, как чужой по вере, мог быть ограблен и даже убит. Люди, имеющие одного бога, считались близкими. Купцы стремились быть приобщенными к религиям тех народов, среди которых вели торговлю. Для этого приходилось посвящать себя в различные религии.

Так, в Афинах пришлось, в конце концов, предоставить иностранцам политические и религиозные права, пришлось разрешить им посвящать себя и в элевсинские мистерии, хотя бы при непременном условии - жить обязательно в Аттике и говорить на греческом языке, чтобы их понимала богиня, не желавшая знать варварских языков, и чтобы самим понимать ее учения.

Посвященные иностранцы должны были ежегодно возвращаться в Афины, чтобы путем нового ходатайства сохранить преобретённые священные привилегии, это условие поневоле ограничивало число посвященных и побуждало их создать культ мистерий в других городах. В конечном итоге, все это осложняло взаимоотношения, сближение народов, так необходимое в торговле.

Египетские жрецы пытались охватить культом Изиды весь мир: они ездили по всему античному миру, вербовали верующих; но, судя по сообщениям Апулея, в этом культе существовали обременительные ступени посвящения, которые сопровождались дарами. Это ограничивало число посвященных и закрывало доступы бедным, а новая религия должна была быть непременно демократической, широко открытой для народных масс.

Чтобы построить свою религию, торговая демократия могла использовать первобытные предания, воскрешенные мистериями, но она не могла принять их местной обособленности,

их отбора новообращенных и других ограничительных особенностей. Более того, она была вынуждена отказаться от некоторой части их догматов, считаясь с требованиями товарного производства. Было сделано несколько попыток организовать эту новую религию: орфизм, и был одной из самых первых и знаменитых попыток этого рода. Эти неизвестные основатели, принадлежавшие, должно быть, к интеллигентным слоям, использовали предания и легенды варварской Фракии, устранив женские божества, как потом должны были сделать и христиане. Бог Дионисий - Загрей, сын Зевса - как Иисус сын Иеговы - становятся подобно ему искупительной жертвой, убитой и съеденной титанами, и воскрешенной его отцом. Проповедник этого бога Орфей спускается в ад, чтобы спасти душу своей супруги. Иисус христиан, ежедневно внушаемый молитвами верующих, сочетает в себе приключения обоих этих действующих лиц. Орфизм не был местным культом, он переходил из города в город, все его мистерии были общедоступными. Но вместо обещаний счастья немедленно после кончины, орфизм заставлял душу подвергаться шести и даже девяти хождениям на земле и под землей, обеспечивая ей лишь в высшей степени сомнительную будущую жизнь. Но такая мучительная и мало достоверная последующая жизнь не могла удовлетворить стремления демократических масс. Орфизм под конец ограничивался тесным кругом ученых и философов, а грубые шарлатаны унизили его в общественном мнении. Христианство должно было перенять его дело и извлечь выгоду из его догматов и из его учения.[44]

§ 4. Иудейская религия - наиболее удобное средство для торгового капитала в объединений международной торговли

Чем же отличалась иудейская религия от других, что определило её выход на роль мировой религии?

Пантеоны различных богов требовали себе даров, получая за это дар языков, богиня Греции Элевзинская требовала от посвященных знания греческого языка. А вот объявившийся в Иерусалиме бог был более осведомлен о потребностях товарного производства. Эти потребности требовали, чтобы для торговых сношений со всеми цивилизованными и варварскими народами были использованы все наречия, а потому он и не делал никаких затруднений в отношении языка. Он дал апостолам дар языков, которым и без того обладали многие евреи, промышлявшие и занимавшиеся мелкими ремеслами по городам античного мира. Апостолы обращались, прежде всего, к мелкому люду, к ремесленникам, беднякам, которые больше чем другие нуждались в вере в загробную жизнь.

Впоследствии, когда христиане стали обращать в веру лиц из богатых и образованных классов, они должны были позаимствовать мораль и спиритуалистическую философию у платоновской софистики, чтобы дополнить все религиозное учение.

Города Иудеи были театром таких же экономических переворотов и политической борьбы, которые потрясали промышленные и торговые города Малой Азии, Греции и Италии.

За семь веков до христианской эры Иеговы голосом своих пророков возвещал, что справедливость будет оказана - беднякам, которые разделят между собой имущества своих угнетателей. Восставшие демократы заставляли Иегову взять на себя ответственность за совершенные ими грабежи и избиения: «Горе вам, богачи, скупающие земли, приближающие дом к дому, присоединяющие поле к полю, так что другим не остается места, как будто бы вы одни поселены на земле. Я накажу, говорит предвечный, мир за зло нечестивых, за беззакония их, и положу конец высокоумию гордых и уничтожу надменность притеснителей

[44] См.: Ковалёв С. И., Указ. Соч., М., 1960 г.

и младенцы их будут разбиты перед глазами их; дома их будут разграблены и жены их обесчещены».[45]

Это божеское соучастие характерно именно для еврейской демократии. Греки и римляне не заставляли своих богов и богинь вмешиваться в свои гражданские войны: Иеговы - единственный демократический бог в пантеоне народов Средиземноморья, который удостоился чести быть избранным в верховное божество торговой демократии, потому что иудеи превратили его из патриархального бога в неистового демагога, - подчеркивал П.Лафарг.

Бедняки шли в новую веру потому, что апостолы рассказывали им о пророчестве Исаии: «Беднейшие будут накормлены, и нищие будут покоиться в безопасности. Я сделаю, что люди будут дороже золота офирского, и не будут строить домов, чтобы другой ел..., не будут трудиться напрасно и где вся земля отдыхает, покоится, восклицает от радости».

Но этому предвечному демагогу не достаточно было обещать земное блаженство, он возвещает, что построит очаровательный Иерусалим, что «оживут мертвецы твои, восстанут мертвые тела. Воспрянете и торжествуйте, поверженные во прахе, ибо роса твоя - роса растений, и земля извергнет мертвецов... А вы будете веселиться и радоваться в веки о том, что я творю...».[46]

Этими демагогическими предсказаниями апостолы приводили бедняков в состояние энтузиазма. Непрерывно повторяли они им, что близок конец мира, и они войдут в обещанный Иерусалим, где будут жить в раздолье, между тем как их угнетатели будут гореть в вечном огне.

Христианство призывало уже не использовать меча и не бежать от рабства, как об этом говорилось в Первом послании в Коринф. Теперь апостолы и отцы церкви, вопреки их демагогическим и напыщенным речам не угрожали правам богачей, потому что последние, как и бедные приобщались к религии обещавшей счастья в будущей загробной жизни.

Этот двойственный характер - демагогический, с одной стороны, и олигархический с другой - обеспечил христианству успех, как у бедных, так и у богатых.

Апостолы призывали к новой вере всех людей, не беспокоясь об их национальности, социальном положении и нравственности. Они их собирали и организовывали против общества неверных - врага, которого следовало ненавидеть, раз не было мужества сразиться с ним. Христианский бог не знал ни евреев, ни римлян, ни греков, ни варваров. Если он не отличал рабов от свободных, бедных от богатых, преступных и порочных от невинных и добродетельных - он все же разделял людей на два враждебных лагеря: верующих и неверующих.

Христианский бог, которого философы и моралисты буржуазии изображают слащавым и гуманным, - был в первые века нашей эры жестоким палачом и неутомимым, и изобретательным. Зевс заставлял мучить врагов своих далеко от своих глаз: Прометея на Кавказе, а Тантала в Тартаре. Христианский бог, думая, что у его верующих такая же безжалостная душа палача, как и у него, обещает им в качестве небесного блаженства увеселительное зрелище вечных мук осужденных.[47]

Христианство не принесло «любви ближним». Оно воскресило древнюю месть с ее жестокостью и обрядностью. Дикарь и варвар успокаивались лишь тогда, когда отмщали собственной рукой. Иисус, как говорит святой Павел, сам отомстит за себя неверным; бог его отец, и избранные будут вечно насыщаться их страданиями: мучительная казнь неверных была самым поразительным доказательством славы и могущества господа.

Когда же христианство стало проникать в более цивилизованные слои языческого общества, бог и его сын Иисус тоже должны были цивилизоваться, чтобы стать на их уровень. Они потеряли дикую привычку мстить за себя собственноручно и присутствовать

---

[45] См., Лафарг П., Экономический детерминизм К. Маркса, М., 1923, стр. 221 - 222
[46] См., Лафарг П., Указ. соч., стр. 223
[47] См.: Лафарг П., Указ. соч., стр. 230

при мучениях жертвы, они переложили наказание неверных с себя на подчиненных, на демонов, которых заставили мучить осужденных вдали от себя, в аду.

Христианство не принесло ничего нового, но оно обладало несравненным искусством, неизвестным мистериям и орфизму - удовлетворять потребность ума и чувства, вожделения и страсти демократических масс, что основательно исследовал Л. Фейербах в «Сущности христианства». Об это речь у нас пойдет ниже.

Кроме того, христианство сумело сочетать ненависть бедных к богатым и в тоже время - успокоить богатых, откладывая до другого мира исправление несправедливостей судьбы, вознаграждение добродетели и уравнения их положения и благосостояния

Вопреки своим первоначальным демократическим замашкам, - оно стало предохранительным клапаном для состоятельных классов. Ему удалось придать себе демократичный и космополитический характер - чего требовали товарное производство и товарообмен - путем отмены обрядов посвящения, которыми окружали себя мистерии. Это удалось ему еще и потому, что оно не сохранило своего культа неподвижно в одном каком-нибудь городе или в одной нации. Наоборот, оно переносило его во все места, принимая в свое лоно всех людей без различия происхождения и положения и связывая все общины в одну церковную организацию.

С введением гражданства для всех жителей провинций римской империи, люди покончили с узким эгоизмом древних обществ, и древние религии примирились с тех пор в Римском пантеоне.

Общественные отношения, равенство ставили римлян перед необходимостью веры в единого бога. Преклонение единому богу у еврейского народа и определило развитие христианства. Кроме того, единый бог империи способствовал единству империи, единому руководителю, единому человечеству. Христианство стало новой силой, объединяющей государство и дающей ему временную силу.

Римская мировая империя создала хорошую почву для мировой религии. Общественные явления, вызвавшие ее появление далеко не представляли из себя чего-либо веселого. Массовые бедствия, вроде голода и повальных болезней, наряду с этим корыстолюбие и самодурство небольшого числа чрезмерно богатых людей, уменьшение народонаселения и вообще упадок всего государства, - вот при таких условиях возникло христианство. Горе и отчаяние, ненависть и жажда крови овладели человечеством. Жизнерадостные боги языческого мира сделались отвратительными демонами; творец и судья мира стал грозным и неумолимым - он наказывал малейший проступок вечными муками ада. Самый мир стал преддверием ада, наполненным дьяволами, жадно искавшими, кого бы поглотить.

Из религии исчезла и жизнерадостность, веселая струна - религия развернула свои мрачные, самые грозные стороны. Со сладострастным упоением придумывались для грешников самые ужасные мучения в аду, а пока на земле их также приводили в исполнение над живущими на ней. Наряду с законодательными мерами, кровью преследовавшими нищего и бродягу, пошла мода на ведьм, которых находили повсюду и сжигали без числа.[48]

§ 4. 1 Коммунизм первохристиан, как предтеча одной из будущих мировых религий

В истории очень часто утопические идеи угнетенных классов становятся основой идеологии, и даже религия господствующих классов христианство также тому подтверждение.

Внутреннее разложение римского общества в период императоров достигло такой степени, что ни от одного из смертных, хотя бы он был самым сильным из цезарей, не могли ожидать, что ему удается вдохнуть в общество новую жизнь. Это может сделать только надчеловеческая сила, только чудо.

[48] См.: Каутский К., Т. Мор и его утопия, М., 1924, стр. 86

Кто не верил в возможность чуда, которое спасло бы римское общество, тот впадал в безнадежный пессимизм или старался забываться в бессмысленных наслаждениях. Но из тех пылких энтузиастов, для которых было одинаково невозможно и то и другое, многие стали веровать в чудо.

В особенности это относится к энтузиастам из низших слоев народа. Они больше всех страдали от разложения римского общества, у них не было средств, чтобы забыться в чаду удовольствий, и потому они не могли чувствовать того раскаяния, которое обыкновенно следует за бессмысленными наслаждениями и легко порождает пессимизм и уныние. Преимущественно в их рядах и пускала корни идея, что в ближайшем же будущем с неба придет избавитель и создаст на земле славное царство, в котором нет ни бедности, ни войны, в котором господствует радость, мир, довольство и бесконечное блаженство. Этот спаситель был помазанник божий Христос.

Раз уже всякое чудо казалось возможным, деятельность фантазии опрокидывала всякие границы, и каждый верующий мог представлять грядущее царство в самых фантастических формах. В этом будущем изменится не только общество, но и вся природа; из нее исчезнет все вредное для человека, а все наслаждения, которые она дает человеку, вырастут непомерно.

Известно христианское сочинение, в котором выразились такие ожидания. Это - так называемое «Откровение Иоанна» - Апокалипсис, написанное, по всей вероятности вскоре после смерти Нерона. Оно возвещает, что в самом близком времени разразится страшная борьба между имеющими возвратиться Нероном, Антихристом и Христом, который снова придет, и что вся природа примет участие в этой борьбе. Христос выйдет победителем из борьбы и положит начало тысячелетнему царству; в нем праведники, над которыми смерть утратит свою силу, будут править вместе с Христом. Этого мало: по окончании этого царства возникает новое небо и новая земля и на этой земле - новый Иерусалим, место блаженства.

Тысячелетнее царство - это государство будущего для первоначального христианства. В связи с этим все возникавшие в христианских сектах пламенные ожидания грядущего нового общества называются хилиастическими.

Примыкая к «Апокалипсису», многочисленные учителя христианства в первые века выражали хилиастические ожидания и в некоторых случаях - например, Иреней (во втором веке и даже Лактанций (около 320 года) - описывали грядущий земной рай очень обстоятельно и в ярких чувственных красках). Но чем больше христианство переставало быть верой только несчастных и угнетенных, пролетариев, рабов и их покровителей, чем решительнее оно становилось религией сильных и богатых, тем с большим нерасположением относилась официальная церковь к хилиазму: ведь, в нем всегда оставался некоторый революционный привкус, оно всегда было пророчеством, что существующее общество идет к перевороту.

Хилиастические ожидания - одна из наиболее характерных особенностей духовной жизни первоначального христианства. Но не менее важны его тенденции к практическому коммунизму.

Начало христианства определялось характером такого класса, как пролетарии – босяки больших городов, в своей массе отвыкшие от работы. Производство представлялось этим элементам делом довольно безразличным; примером для них была лилия полевая, которая не сеет и не прядет и, несмотря на то, процветает. И если они стремились к переменам в распределении собственности, то имели в виду собственность не на средства производства, а на средства потребления. Для пролетариев-босяков того времени не было ничего необычного в коммунизме потребления. Устраивавшиеся от времени до времени общественные трапезы для огромных масс нуждающихся, или раздача им средств существования в последний период республики повторялись с большой регулярностью, а потом имели место и в начале императорского периода. Что же могло быть естественнее для пролетариев-паразитов, как не возвести эти трапезы и раздачи в систему, в постоянный коммунизм по отношению к наличным средствам потребления, - отчасти в форме равномерного распределения их, отчасти в форме совместного потребления.

Так возникли коммунистические идеи, а вскоре затем и коммунистические общины с целью осуществления этих идей. Первые из них сложились на Востоке, который в экономическом отношении шел далеко впереди Запада. Среди иудеев еще до начала нашей эры апокалиптические ожидания получили всеобщее распространение; у них же лет за 100 до Р.Х. мы встречаем коммунистический союз, союз ессеев.

Они считали богатство, есть ничто, - рассказывает о союзе Иосиф. Напротив, они прославляли общность имуществ, и среди них ни один не был богаче другого. У них есть закон, чтобы каждый вступающий в орден отдавал свои блага на общее потребление; поэтому у них не наблюдается ни нужды, ни излишков, но все у них общее, как у братьев… Они не живут все в одном городе, но во всех городах у них есть особенные дома, и откуда бы ни приходили к ним люди, принадлежащие к их ордену, они делятся с ними своим имуществом, так что пришедшие могут пользоваться им, как своим собственным. Они быстро сближаются между собою, хотя бы никогда не видали друг друга, и поступают так, как - будто всю свою жизнь стояли в самых близких отношениях. Если они путешествуют по стране, то не берут с собою ничего, кроме оружия против разбойников. В каждом городе у них есть человек, заботящийся о гостях; он раздает чужестранцам одежду и средства для жизни… Они не ведут торговли между собою, но если кто-нибудь, дает что-либо нуждающемуся, то, в свою очередь, получает от него то, в чем нуждается сам. И если бы даже у него не было ничего, чем он мог бы вознаградить дающего, все же он безбоязненно может просить, у кого хочет и что ему надо.

Сначала христиане тоже стремились к проведению полного коммунизма. В евангелии Матфея Иисус говорит богатому ученику: «если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое и раздай нищим». В «Деяниях апостолов» первая иерусалимская община описывается следующим образом: «и никто ничего из имения своего не называл своим, но все у них было общее. Не было между ними никого нуждающегося, ибо все, которые владели землями или домами, продавая их, приносили цену проданного и полагали к ногам апостолов; и каждому давалось, в чем кто имел нужду». Анания и Сапфира, желавшие утаить от общины часть своих денег, были наказаны за это от Бога, как известно, смертью.

На практике этот вид коммунизма сводился к тому, что средства производства превращались в средства потребления, и выручка раздавалась бедным. Но если бы такая программа нашла полное, всеобщее осуществление, это привело бы к окончательной гибели всякого производства. Как бы мало ни заботились первые христиане, настоящие философы нищеты, о производстве, они не могли не понять, что на таком фундаменте невозможно построить сравнительно обширное общество, рассчитывающее на продолжительное существование.

Тогдашнее состояние производства требовало частной собственности на средства производства, и христиане ничего не могли с этим поделать. Следовательно, они должны были стремиться к примирению частной собственности и коммунизма. Но они не могли при этом следовать за Платоном, который сделал коммунизм привилегией аристократии, а массам народа оставлял частную собственность. Теперь коммунизма требовали как раз народные массы.

Соединение частной собственности и коммунизма произошло таким образом: в распоряжении каждого члена общины оставили его собственность, именно собственность на средства производства, и требовали уже просто коммунизма потребления, то есть коммунизма в потреблении средств существования.

Конечно, в теории нет этого различия: тогда не было такого ясного разграничения экономических категорий. Но к этому все больше склонялась практика.

Собственникам предоставлялось сохранять и использовать принадлежащие им средства производства, прежде всего земельную собственность. Но все средства потребления - средства пропитания, одежда, жилище, а также деньги, на которые можно купить средства потребления, - все эти средства, принадлежащие собственникам или приобретаемые ими, должны быть предоставлены в распоряжение христианской общины.

Для всех первоначальных христианских общин характерно стремление хотя бы до некоторой степени уничтожить семейную жизнь. Поэтому мы находим у них-то установление, что ежедневные трапезы у них общие. Эти вечери, агапии соответствуют общим трапезам, сисситиям спартанцев и государства Платона. Они были необходимым последствием коммунизма средств потребления.

Выше мы уже говорили, что христианство не могло преодолеть ни мелкого производства, ни частой собственности на средства производства. Но с такими формами производства и собственности стоит в необходимой связи моногамная семья, - не только в качестве формы совместной жизни мужчины и женщины, родителей и детей, но и как хозяйственная единица. Христианство не могло создать нового способа производства: поэтому оно было вынужденно допустить существование и традиционной формы семьи, как ни противоречила она коммунизму потребления. Характер общества в последнем счете определяется не организацией потребления, а организацией производства. Принципиальное отрицание семьи и брака было также несовместимо с распространением христианства в обществе, как и последовательный коммунизм. Последовательность в уничтожении семьи могла соблюдаться только в отдельных сектах и корпорациях; ей никогда не удавалось получить всеобщее распространение.

Опять оказалось, что материальные отношения сильнее идей; они господствуют над идеями. И церковь неминуемо должна была приспособлять свои учения к условиям, изменявшимся благодаря ее распространению. Так как невозможно было уничтожить коммунистическую традицию, то старались устранить ее истолкованиями и примирить с действительностью, посредством хитрых изощрений, соответствовавших тогдашней философии, занимавшейся больше умствованиями, чем исследованиями.

В своем позднейшем развитии христианство отказывается от решения проблемы бедности, от уничтожения различий между богатыми и бедными.[49]

§ 5. Социально - политические и идеологические предпосылки христианства

Нам весьма трудно рассмотреть тот или иной вопрос, не повторяя материал. Христианство в этом не исключение.

Легче всего выяснить вопрос о социально-политических и идеологических предпосылках христианства. Оно возникло в I в. н. э., когда после разгрома революционного движения II — I вв. до н. э. низшие слои римского общества были охвачены глубоким отчаянием и апатией. У них отсутствовало ясное классовое сознание и поэтому не было никаких перспектив, никаких надежд на будущее. Рабы, разорявшееся крестьянство, полунищая городская масса оказались неспособными сломить страшный гнет рабовладельческого Рима. Такое состояние общественной депрессии, упадка, безнадежности, характерное для эпохи реакции I века империи, было весьма благоприятно для развития религиозных настроений. Эти настроения в первую голову должны были охватить именно общественные низы. «Где же был выход, — спрашивает Энгельс,— где было спасение для порабощенных, угнетенных и обнищавших — выход, общий для всех этих различных групп людей с чуждыми или даже противоположными друг другу интересами? И все же найти такой выход было необходимо, чтобы одно великое революционное движение охватило их всех. Такой выход нашелся. Но не в этом мире. При тогдашнем положении вещей выход мог быть лишь в области религии»[50]. Христианство и возникло первоначально как своеобразное движение масс, пытающихся в религии найти спасение окружающей действительности. Конечно, спасение было иллюзорным. Религия не спасала человека, она

[49] См.: Каутский К. Предшественники новейшего социализма, том 1. , с 353-357.

[50] К истории раннего христианства. К. Маркс и Ф. Энгельс Сочинения, т. XVI, ч. 2, стр. 423

только игра роль наркотика, притупляющего боль. И однако, столь тяже было положение низших слоев римского общества и столь мала их классовая сознательность, что новая религия в течение двух столетий завоевала империю.

Почему же нужна была новая религия? Разве старые культы греко-римского мира не годились для этой цели? Этот вопрос подводит нас к идеологическим корням христианства. Старая римская религия возникла тогда, когда Рим еще бы маленьким городом-государством с населением, которое занималось, главным образом, сельским хозяйством. Религиозные потребности этого населения хорошо удовлетворялись поклонением родовым и семейным богам, а также мелким божествам природы, заведовавшим всем распорядком сельскохозяйственных работ. Позднее римская религия подверглась сильному греческому влиянию. Местные италийские божества — Юпитер, Юнона, Миневра, Диана, Марс — были сопоставлены с греческими богами и приобрели их черты. Однако даже такая эллинизированная религия оставалась наивным политеизмом, соответствующим примитивным общественным отношениям ранней республики.

После того как в конце республики под власть Рима перешел весь культурный мир Средиземноморья, после того, как Италия испытала глубокие изменения в хозяйственной социальной жизни, — старая религия перестала удовлетворят возросшим религиозным потребностям. Что могли дать пест рому, многоязычному населению, все более и более нуждавшемуся в религиозном утешении, старые официальные бог Рима? Тогда среди широких масс начинают распространяться различные восточные верования. На Востоке — в Египте, Ва вилонии, Сирии, а также в Греции — издавна существовали мистические, тайные культы. В Египте это были мистерии Озириса и Изиды, в М. Азии и Сирии — Аттиса и Кибелы в Вавилонии — Таммуза и Иштари, в Греции — Диониса. Они были связаны с верой в божество, которое умирает и затем воскресает.

Являясь первоначально формой земледельческой религии, культы умирающего и воскресающего божества в дальнейшем, под влиянием роста социальных противоречий, углубляются. Боги земледельческих культов приобретают образы богов-избавителей, которые своей смертью искупают грехи человека, а своим воскресением дают ему надежду на бессмертие. Обрядовая сторона этих культов находилась в полном соответствии с их мистическим содержанием. Культы носили тайный характер и были доступны только «посвященным». Богослужение было театрализовано с целью сильнее повлиять на воображение верующих. Огромную роль в нем играли музыка, чередование яркого освещения и темноты и пр. Участники мистерий доводили себя до экстаза, до состояния исступления различными способами: постом, головокружительной пляской, музыкой. Тогда им казалось, что они теряют себя, свою личность, и сливаются с божеством.

По сравнению с сухой, прозаической римской религией эти восточные культы обладали огромной притягательной силой. Они в изобилии давали тот религиозный дурман, в котором так нуждался дряхлеющий греко-римский мир.

Сходный круг идей и представлений лежал в основе так называемого «мессианизма» («мессия» по древне еврейски значит «помазанник»). Мессианизм — это религиозное течение, особенно сильно выступавшее в иудейской религии и в иранском культе Митры. Оно исходило из признания греховности мира и слабости человеческой природы, из невозможности для человека спастись собственными силами. Отсюда — вера в «мессию», который мыслится как посланник божества, как его воплощение, как сын божий. Евреи верили в то, что настанет день, когда на земле явится «помазанник божий» и спасет свой народ от римского рабства. Поклонники Митры, особенно те из них, которые принадлежали к низшим слоям населения, ждали, когда придет Митра и очистит греховный мир огнем, после чего на земле наступит царство равенства и справедливости.

В восточных религиях была еще одна черта, которая привлекала к ним население западной половины империи. Это была вера в единого бога — монотеизм. Зародыши единобожия мы находим во многих восточных верованиях: в древневавилонской и древнеегипетской религиях, в иудаизме, в культе Митры. Монотеизм вырастал на различной почве. Иногда, как, например, в Египте и Вавилонии, он отражал политическую централизацию

древне-восточной монархии. Для иудеев вера в единого бога Ягве являлась своеобразным орудием сохранения своего племенного единства в борьбе с окружающими их народами. Митра, наконец, служил для персов боевым знаменем их наступления на Переднюю Азию.

Население западной половины империи уже давно не верило в своих старых мелких божков. Они перестали удовлетворять и возросшей религиозной потребности и изменившимся политическим отношениям. Если политеизм еще подходил к условиям старой римской республики, то он совершенно не годился для монархии. Римская религия пыталась выйти из положения путем развития в сторону монотеизма некоторых культов: Юпитера, Ромы, т. е. богини города Рима, гения (доброго духа) императора. Но эти попытки не привели к серьезным результатам. Все эти культы носили слишком официальный характер и ничего не давали массе. Какое дело до гения императора было задавленному нуждой ремесленнику или рабу-варвару? Монотеизм восточных религий гораздо больше говорил сердцу рядового римлянина I в. н. э., тем более, что этот монотеизм был связан с верой в мессию, с надеждой на искупление, с мистическими культами.

На выработку христианского монотеизма большое влияние оказало учение еврейского религиозного философа I в. н. э. Филона Александрийского. С помощью стоицизма и идеалистической философии Платона он переработал наивный монотеизм иудейской религии, придал ему философский характер и очистил его от всех остатков политеизма.

Стоицизм оказал влияние на христианство тремя моментами: своим учением о божественном разуме, управляющем миром, концепцией нравственного долга, выполнение которого обязательно для человека, и учением о равенстве всех людей.

В процессе формирования христианства оно испытало также сильное влияние гностицизма [от греческого слова «гносис» (знание)]. Это было синкретическое религиозно-философское течение, сформировавшееся ко II в. н. э. из самых разнообразных элементов античной религии и философии. Оно отражало, по-видимому, идеологию торговых городских слоев. Сущность учения гностиков сводилась к тому, что человек путем мистического познания (гносиса), подготовленного умерщвлением плоти, чистотой, воздержанием может постичь божественную сущность мира. Материальный мир греховен и представляет результат отпадения от бога. Конечной целью мирового процесса является слияние мира с богом. Это выполнит логос (разум), который христианские гностики отождествляли с Христом. На этой схеме гностицизм строил сложную и фантастическую систему, где элементы античной идеалистической философии сливались с учениями различных восточных религий.

Христианство во II в. принуждено было выдержать с гностицизмом ожесточенную борьбу, так как он проник внутрь христианской церкви, где и развивался в качестве одной из первых ересей (см. ниже). Но, разгромив гностицизм, христианство должно было принять много гностических элементов в свою догматику и культ.

Религиозные настрония низов римского общества начала нашей эры ярко выступают в своеобразных произведениях, известных под названием «сивиллиных пророчеств». Большинство их приписывали древней пророчице Сивилле из г. Кум в Италии (стр. 167). В действительности — это произведения безымянного народного творчества. Тем более они для нас ценны, как показатель общественных настроений. Для сивиллиных пророчеств характерны мессианские чаяния, пронизанные социальными моментами. Они рисуют грозную картину страшного суда. Сын божий явится во всей своей славе и учинит суд над живыми и мертвыми. Все общественные отношения будут перевернуты: господа превратятся в рабов, а рабы станут господами. Пророчества переполнены нападками на Рим, на имущественное неравенство, на богачей. Весь этот круг идей, которые уже в I в. н. э. получили широкое распространение среди населения империи, сводился к нескольким основным моментам: бог один; мир погряз во зле и может спастись только божественной помощью; бог, воплотившийся в человеке, своею смертью искупает грехи человечества; в день последнего суда добро восторжествует в преображенном мире, а зло будет наказано; все люди равны и. должны любить друг друга.

§ 6. Причины возникновения христианства

Не уточняя пока времени возникновения христианства, можно в общей форме принять, что оно появилось в I в. н. э., т. е. в период ранней Римской империи. Поэтому общеисторические его предпосылки, как социально-экономические и политические, так и идеологические, нужно искать в характере и состоянии ранней Империи. Гражданские войны II — I вв. до н. э., закончившиеся установлением империи, выражали собой глубокий кризис, который переживало римское государство. Сущность этого кризиса заключается в противоречии между политической формой римской республики и ее социально-экономическим содержанием. Действительно, по своей форме республика была не чем иным, как рабовладельческим городом-государством. Этот римский полис управлялся сенатом, являвшимся органом маленькой группы римского нобилитета, т. е. рабовладельческой знати, ежегодно (как правило) сменяемыми магистратами, избиравшимися из того же нобилитета, и народным собранием, состоявшим из граждан Рима и ближайших сельских триб. Это был типичный аристократический полис, т. е. форма государства, хорошо подходившая к условиям небольшой рабовладельческой общины с преобладанием сельского хозяйства и с сильными пережитками родовых отношений.

К середине I в. до н. э. картина значительно изменилась. В состав римской республики вошла большая часть Средиземноморья с экономически развитыми областями; почти все население Италии получило права римского гражданства; на многих территориях, присоединенных к Риму, был свой класс рабовладельцев, иногда очень сильный. Но эта огромная держава по старинке управлялась сенатом, магистратами и народным собранием Рима. Причем это «управление» сводилось к беспощадной и примитивной эксплуатации внеиталийских территорий. Жестокие гражданские войны II — I вв. до н. э. своим единственным результатом имели завоевание гражданских прав населением Италии. Но даже экономически господствующие группы населения провинций никаких прав не получили. Мало того. Многолетняя борьба римской городской и сельской демократии тоже не дала почти никаких результатов в смысле демократизации политического строя римского полиса: он по-прежнему оставался олигархической республикой. Единственным результатом в этой области было то, что верхушка денежно-ростовщического капитала — всадничество — благодаря завоеванию судебных комиссий повысила свое значение в политической жизни государства.

Однако гражданские войны имели другой результат. Имущим классам нужно было сплотиться, чтобы дать отпор революционно-демократическому движению. Путь был проложен Суллой и завершен Цезарем: это был путь военной диктатуры. Она могла принимать различные личины — аристократическую у Суллы, демократическую у Цезаря, но суть и цель ее были одни и те же: обуздание рабов и свободной бедноты.

Консолидация класса средиземноморских рабовладельцев (ведь в подавлении революционно-демократического движения были заинтересованы не только рабовладельцы Рима и Италии, но и рабовладельцы провинций: вспомним, как имущие классы помогали Риму в подавлении восстания Аристоника) имела еще два следствия огромного исторического значения: во-первых, временная диктатура римских военных вождей должна была рано или поздно перерасти в постоянную, т. е. превратиться в империю, и, во-вторых, эта империя должна была неизбежно стать державой средиземноморской, выражавшей в известной степени интересы всего консолидировавшегося класса средиземноморских рабовладельцев.

Действительно, уже Сулла сделал первые попытки реформы гибельной для провинций откупной системы. Цезарь продолжил эту политику, наделяя римским гражданством преданных ему провинциалов и стараясь ввести в известные рамки эксплуатацию провинций. Его закон о вымогательствах был направлен против злоупотреблений провинциальных наместников, лишенных им военной власти. Тиберий и Клавдий сделали дальнейшие шаги в этом направлении. Наконец, при Флавиях и Антонинах процесс

перерождения города-государства на Тибре в огромную Средиземноморскую империю был завершен.

Однако не нужно думать, будто все элементы полисной системы были полностью изжиты в Средиземноморском государстве. Осталось привилегированное положение римских граждан, римских купцов и откупщиков, остались огромные злоупотребления римской провинциальной администрации. Сама Римская империя скорее походила на федерацию более или менее автономных полисов во главе с державным полисом — Римом, чем на территориальное государство. Тем не менее переход от республики к империи с точки зрения роста производительных сил был явлением прогрессивным. Это сказалось в распространении городов, в развитии экономики таких провинций, как Галлия, Испания, Паннония, в развитии внутренней межпровинциальной и внешней римской торговли, в некотором прогрессе техники, сколь примитивна она ни была при рабовладельческом способе производства.

Вместе с тем экономическое развитие Средиземноморья шло неравномерно. Наряду с «молодыми» западными провинциями, недавно вступившими на путь интенсивного развития рабовладения, в состав римского государства входили территории, где уже намечался кризис рабовладельческого способа производства. Таковы были, например, Греция и Италия, страны старого и интенсивного рабства. Здесь особо важное значение имела, конечно, Италия, мозг и сердце римской державы. Симптомы экономического упадка Италии в I в. н. э. не раз отмечали современники. Так, римский агроном Колумелла во времена Нерона не только констатирует хронический кризис, который переживает италийское сельское хозяйство, но и правильно усматривает в рабстве основную причину этого кризиса . Плиний Старший причину кризиса видит в крупном землевладении: «Говоря по правде, латифундии погубили Италию, а также и провинции». Плиний Младший в конце I в. рисует бедственное положение колонов, мелких свободных арендаторов.

Императорское правительство пыталось различными способами бороться с земельным кризисом в Италии. Так, в 33 г. сенатом было издано распоряжение, чтобы каждый заимодавец (речь шла главным образом о ростовщиках) две трети отданных взаймы денег вложил в земельные владения в Италии. Однако эта мера дала противоположные результаты, так как требование возврата долгов вызвало усиленную продажу недвижимости и новую концентрацию земельных владений. Известные мероприятия Нервы и Траяна — наделение землей бедноты за счет казны, распоряжение, чтобы сенаторы треть своего состояния вкладывали в землю, создание алиментарной системы, т. е. системы субсидий детям беднейших граждан за

Об упадке Греции в римскую эпоху см. исчерпывающее исследование О. В. Кудрявцева «Эллинские провинции Балканского полуострова во втором веке нашей эры» счет процентов с сумм, полученных землевладельцами под залог их имений, — говорят о том, что экономическое положение мелких и средних собственников в Италии все ухудшалось.

Несмотря на то, что в некоторых провинциях рабовладение переживало время своего расцвета, рабовладельческая система хозяйства в целом вступила в полосу общего кризиса. Об этом говорит прежде всего косвенный признак: некоторое смягчение юридического положения рабов. Клавдий постановил считать свободными тех рабов, которых господа отправляли на о. Эскулапа туда обычно свозили рабов, считавшихся безнадежно больными), если они там выздоравливали. По закону Петрония (от 61 г. н. э.) рабовладельцам было запрещено посылать рабов на борьбу с дикими зверями в амфитеатрах без судебного решения магистрата. Адриан предписал, чтобы господин, убивший раба, отвечал как за убийство чужого раба, а также запретил «продавать рабов в гладиаторы, а рабынь — в публичный дом». При Антонине Пии это смягчение правового положения рабов продолжалось.

Параллельно с этим процессом в период ранней Империи, как известно, широко развивается практика перевода рабов на пекулий и вольноотпущенничество. Это тоже было косвенным симптомом глубокого кризиса рабовладения. Но был и прямой признак. Этим

признаком являлось быстрое развитие колоната. Из сочинения Колумеллы мы узнаем, что система сдачи земли в аренду мелкими участками в середине I в. в Италии уже играет заметную роль. Из переписки Плиния Младшего мы видим, что в конце I в. сдача в аренду земли становится едва ли не главной формой эксплуатации. Общеизвестно, какую большую роль играли колонатные отношения в крупных частных и императорских имениях в Африке с конца I в, н. э.

Таким образом, при некоторой неравномерности и противоречивости экономического развития ранней Римской империи общая тенденция выражалась в постепенном разложении рабовладельческой системы и появлении зародыша новой формы эксплуатации, каковым был колонат. Надвигался серьезный социально-экономический кризис рабовладельческой системы Средиземноморья.

Империя как форма государства, как политическая надстройка над рабовладельческим обществом Средиземноморья, была совершеннее старой республики, так как она лучше служила интересам консолидировавшегося класса рабовладельцев. Но политически ранняя Империя была монархической, диктатурой политически это была реакция. Массовые народные движения были подавлены. Однако было бы ошибочно думать, что в Империи наступило спокойствие. В 14 г. вспыхнуло чрезвычайно опасное восстание трех паннонских и четырех германских легионов, которые удалось усмирить только путем уступок солдатским требованиям. В 21 г. произошло восстание в Галлии под руководством Флора и Сакровира. С 17 по 24 г. длилось упорное движение в Африке, руководимое нумидийцем Такфаринатом. В том же году, когда было подавлено восстание нумидийцев, на юге Италии был раскрыт заговор рабов. Его пытался организовать Тит Куртизий, бывший солдат преторианской когорты. Неслыханный произвол провинциальной администрации вызвал в 61 г. большое восстание в Британии, подавленное с трудом наместником Светонием Павлином. В том же 61 г. в Риме произошло знаменательное событие. Префект Рима Педаний Секунд был убит одним из своих рабов. Согласно старому обычаю, все рабы, жившие в доме убитого, подлежали казни. Таких у Педания Секунда было 400 человек. Когда их повели па казнь, собралась большая толпа и пыталась отбить осужденных. Только после того, как весь путь к месту казни был оцеплен войсками, удалось привести приговор в исполнении. В 64 г. произошел знаменитый пожар Рима, вызвавший большое недовольство населения, восстали пренестинские гладиаторы и пытались бежать, но были усмирены охраной (XV, 46), а в следующем году возник широкий заговор Пизона.

Все эти события были предвестниками острого политического кризиса Империи 66—73 гг. Он выразился в Иудейской войне 66—73 гг., восстании Виндекса в Галлии в 68 г., восстании Цивилиса . 69 — 70 гг., в гибели Нерона и быстрой смене императоров за период 68—69 гг. Причины этого кризиса нужно искать в том, что переход от республиканской системы управления к имперской при Юлиях-Клавдиях был далеко не полным. Если Цезарь, Клавдий и отчасти Тиберий сделали в этом направлении значительные шаги, то в целом приемы управления города-государства, прикрытые к тому же самодержавной формой, далеко не были изжиты и могли проявиться в любой момент, что особенно ярко сказалось при Нероне. Настоящий перелом наступил только при Флавиях, но чтобы он наступил, нужен был кризис 66—73 гг.

Однако завоевание политической власти муниципальными рабовладельцами Империи никак не отразилось на положении рабов и низших свободных слоев Италии и провинций. Скорее наоборот. Хотя юридическое положение рабов (если по отношению к ним, возможно, применить этот термин) несколько улучши лось, норка эксплуатации их стала выше. Это было совершенно «естественно, принимая во внимание уменьшение количества рабов и необходимость для рабовладельца выжать из них максимум прибавочного труда. Безнадежно ухудшалось и материальное положение свободного населения города и деревни. Выше мы приводили свидетельства Плиния Младшего о бедственном положении колонов в Италии в конце I в. О дальнейшем ухудшении говорят многочисленные жалобы колонов в конце II в. и в первой половине III в. Ухудшение выразилось не столько в снижении материального уровня, сколько в усилении произвола администрации. Все попытки добиться какого-нибудь

улучшения, делались ли они легальным или насильственным путем, неизменно кончались крахом. Это порождало у низших слоев населения сознание безнадежности борьбы и полной обреченности, что служило главным источником депрессии, очагом религиозных настроений. Характерно, что эти настроения не ограничивались только низшими слоями, но, как увидим ниже, захватывали очень широкие круги. Этот факт говорит о том, что рабовладельческое общество Рима стояло перед лицом более глубокого кризиса, чем только кризис политический. Смутное сознание надвигающегося конца задолго начало бросать свою черную тень на общественную психологию. Одним из наиболее ранних и резких симптомов идеологического кризиса и, в частности роста религиозных настроений, было распространение восточных культов. Еще в конце III в. до н. э., во время войны с Ганнибалом, в Рим из Малой Азии привезли фетиш «Великой матери богов», сирийской Кибелы, в виде простого камня, и построили храм на Палантине. В 186 г. до н. э. был издан закон, запрещающий устройство вакханалий во всех италийских общинах, если на то не было специального разрешения сената. Издание этого постановления говорит о широком распространении мистерий Диониса в Италии. Из свидетельств историков I в. н. э. мы знаем о фанатической поклоннице египетской Исиды, знатной матроне Паулине, о знатной женщине Фульвии, принявшей иудаизм, о Помпонни Грецине, по-видимому, поклоннице какого-то восточного культа. Сама Поппея Сабина, супруга Нерона, была приверженкой иудаизма. В действительности этих аристократических прозелиток восточных религий было, конечно, гораздо больше.

Каковы были причины распространения восточных культов в римском обществе? Вместе с разложением полиса разлагалась и полисная религия. Многочисленности городов-государств соответствовала множественность богов старой греко-римской религии. Но римская держава, в особенности в период империи, была едина; единая политическая надстройка требовала и единой религии. Греко-римские боги были человекоподобные и обладали всеми свойствами человека: они были коварны, злы, мстительны, развратны. Углубляющееся религиозное сознание не могло с этим мириться. Автор приписываемого Евсевию «Жизнеописания Константина» в 15-й главе говорит о Лицинии, зяте Константина: «Он повсюду отыскивает новых богов, потому что старые его обманули». В римской религии к этому присоединялись формализм, прозаичность, отсутствие мифологии, отсутствие какой-нибудь богословской системы. Недаром Юлиан Отступник, правильно учитывая эти слабые стороны паганизма, хотел создать настоящее жречество и настоящее языческое богословие в лице неоплатонизма.

Таким образом, старые религии греко-римского мира перестали». удовлетворять новые религиозные запросы. Греческие мистерии (Диониса, Деметры), по-видимому, были для этого недостаточны. Что же привлекало человека в собственно восточных культах? Прежде всего, конечно, более или менее ярко выраженный монотеизм. Только вера в единое божество или, по крайней мере, далеко превосходящее всех прочих богов создавала тот «пафос дистанции» между слабым человеком и всемогущим богом, то чувство, которое является неотъемлемой чертой всякой сколько-нибудь развитой религии. Затем, почти во всех восточных культах, (в частности, в мистериях) выступают идеи очищения от греха, бессмертия и загробного воздаяния. В некоторых из них (в иудаизме и митраизме) большую роль играет мессианизм, т. е. ожидание божественного спасителя. Наконец, по сравнению с сухостью греко-римской религии восточные культы (особенно мистерии) были ярко эмоциональны.

Распространению восточных культов в высокой мере содействовало то обстоятельство, что они и их божества в эпоху Империи выступают в синкретической. смешанной форме. Религиозный синкретизм возник еще в эпоху эллинизма, но особенно усилился с образованием Римской империи. Этот процесс смешения шел одновременно с процессом универсализации богов, вернее, это были две стороны одного и того же явления. Вместе с тем синкретические и универсальные боги обнаруживают тенденцию стать едиными богами. Особенно ярко этот процесс выступает в культе египетской Исиды. В одной надписи перечисляются ее функции: «Я — Исида, владычица всякой земли, я воспитана Гермесом и

вместе с Гермесом изобрела письмо … Я положила людям закон. . . Я — старшая дочь Кроноса. Я — жена и сестра царя Осириса . . . Я отделила землю от неба. Я указала пути звездам. Я установила движение солнца и луны. Я изобрела морское дело. Я утвердила силу справедливости. Я свела жену с мужем. Я установила, чтобы женщина родила на свет дитя на 10-й месяц. Я положила, чтобы родители любили детей. . . Я вместе с братом Осирисом положила конец людоедству. . . Я прекратила власть тиранов. . . Я установила, чтобы истина считалась прекрасной. . . Я установила языки для эллинов и варваров. . . Я — владычица рек, ветров и моря. Я распоряжаюсь молнией. . . Я побеждаю судьбу».

Здесь Исида — явно синкретическое греко-египетское божество, божество универсальное и поглощающее функции всех остальных богов, т. е., логически рассуждая, она для своих поклонников — божество единое. В Империи культ Исиды был распространен чрезвычайно широко. Различные памятники этого культа найдены в Сирии, Палестине, Швейцарии, Бельгии, Испании, Португалии, Англии, Италии и т. д. В самом Египте поклонение Исиде кое-где продержалось до VI в. Многие элементы культа вошли в христианство.

Тенденции к универсализации выступают не только в восточных религиях, но заметны и в некоторых культах западной половины Империи. Чаще всего такой трансформации были подвержены боги народных культов. Из покровителей частных сфер жизни и деятельности они становятся могучими божествами вселенной. Эту эволюцию можно проследить на образах Приама, Земли,, Сильвана, Пана и особенно Геракла.

Из восточных религий наибольшее идеологическое влияние на христианство оказали иудаизм и религия Митры. Остановимся на них подробнее. В период возникновения христианства евреи делились на две группы: евреев Палестины и евреев диаспоры. Первое рассеяние произошло, как известно, в 586 г., в связи с разрушением Иерусалима вавилонянами. В начале Империи, по Филону, только в Египте жило не меньше одного миллиона евреев, всего же в Империи было около четырех — четырех с половиной миллионов. На долю Палестины приходилось едва ли больше 700 000, после же восстания 66—73 гг. количество палестинских евреев должно было уменьшиться еще больше.

Основной священной книгой «классического» иудаизма является Библия, точнее ее первая часть, так называемый Ветхий завет. Слово «библия» происходит от древнегреческого уменьшительное от — «книга». Множественное число от — «книги». Отсюда получилась неправильная средневековая форма существительного женского рода — Bib1ia. Библия делится на две части: Ветхий завет и Новый завет. Слово «завет» собственно значит «союз» (подразумевается между богом и людьми; древисгреч. — «союз», «завещание», лат. «testamentum).

Ветхий завет окончательно сложился в конце I— начале II в. н. э. Состав его (по еврейскому канону) следующий. Три основных отдела: 1) Тора (Пятикнижие Моисеево), 2) Пророки и 3) Писания. Пятикнижие, как показывает само его название, состоит из пяти книг: Бытие, Исход, Левит, Числа, Второзаконие. В них содержатся главным образом мифы о происхождении мира и человека, легендарная история еврейского народа до его вторжения в Палестину и различные положения, регулирующие религиозную и общественную жизнь. Второй раздел — Пророки — включает в себя: а) книги ранних пророков (книга Иисуса Навина, книга Судей, две книги Самуила, две книги Царств), содержащие легендарную историю евреев от занятия Палестины до 586 г., и б) книги позднейших пророков (Исайи, Иеремии, Иезекииля) и 12 так называемых малых пророков (Амоса, Аввакума, Осип, Михея и др.). Книги позднейших пророков представляют собою нечто вроде проповедей или рассуждений на политические и морально-религиозные темы.

Третий раздел Библии объединен общим названием Писания. Содержание его чрезвычайно пестрое. Туда входят следующие произведения: Псалтырь — сборник религиозных гимнов различных эпох; Притчи — сборник нравоучительных изречений и пословиц; Иов — религиозно-философское произведение на тему о смысле жизни и источнике зла; Песнь песней — сборник народных песен эротического, иногда очень рискованного содержания, сохранившийся в Библии только благодаря аллегорическому толкованию; Руфь — повесть из эпохи судей; Экклесиаст — философское произведение на тему о суетности

человеческой жизни, - плач — жалобные песни, оплакивающие падение Иерусалима; Эсфирь (Эстер) — роман II в. до н. э. из времен персидского владычества; книга пророка Даниила (II в. до н. э.); книги Ездры и Неемии, повествующие о восстановлении иудейской общины в 444 г. до н. э.; две книги Хроник (Паралипоменон) — история еврейского народа от Адама до возвращения в Иерусалим при Кире.

Таков состав Ветхого завета по еврейскому канону. Это случайное собрание дошедших до нас произведений древнееврейской письменности, возникавших в течение около полутора тысячелетий (древнейшие отрывки Ветхого завета датируются XIV в. до н. э.). Окончательное составление ветхозаветного канона было делом рук ученой школы в Ямнии в конце I—начале II в. п. э. Перевод Библии на немецкий язык, сделанный Лютером, основан именно на еврейском каноне. Католическая Библия построена на другой основе. Эта другая основа — древнегреческий перевод Ветхого завета. Он сделан в Александрии в III—I вв. до н. э. якобы 72 еврейскими учеными и поэтому называется Septuaginta (Семьдесят). В Септуагинте порядок книг иной, чем в древнееврейском каноне, и, кроме того, прибавлен ряд книг: Товит, Юдифь, Премудрость Соломона, три Маккавейские книги и др. Эта разница объясняется тем, что перевод «70-ти» сделан с более древнего еврейского оригинала, чем канонический текст (см. ниже). На латинский язык Библия была переведена одним из отцов церкви, «блаженным» Иеронимом (ок. 340 — 420); этот перевод был принят церковью и получил название Вульгаты. Он употреблялся католической церковью в средние века, но содержал в себе множество ошибок, исправленных только в эпоху немецкого Возрождения. Кроме латинского перевода, еще очень рано были сделаны переводы Библии на сирийский, коптский, армянский и другие языки. В настоящее время Библия переведена более чем на 300 языков.

Очень интересна история ветхозаветного текста. Древнееврейский алфавит не знает гласных. Поэтому возникли попытки передать еврейский библейский текст с помощью греческого алфавита. Первая такая попытка частично дошла до нашего времени через копии грандиозного труда отца церкви Оригена. В 240 — 245 гг. в Александрии он сопоставил весь текст Ветхого завета в шести параллельных столбцах («Гекзаплы», т. е.шестикратное писание). Два первых столбца содержали еврейский текст: первый — еврейским «квадратным» шрифтом, второй — греческим. В четырех других столбцах находились греческие переводы: один дохристианский — «70-ти» и три христианских — Акилы, Симмаха и Феодотиона.

Вторая попытка датируется VII — X вв. В это время еврейские ученые в Месопотамии и Палестине начали передавать гласные звуки еврейским же шрифтом. Это делалось таким образом, что следующая за согласной буква гласная обозначалась точками под или над согласной. В особенности большую работу выполнили «пунктуаторы», жившие на Тивериадском озере в Галилее. Обыкновенно их называют масоретами (арам, «передатчики традиции»).

Легко понять, почему масореты приняли систему точек, а не изобрели особые знаки для гласных: считалось, что канонический текст «священного писания» должен остаться неизменным на все времена; в нем нельзя изменять ни единой буквы. Что же касается точек, то полагали, что они не являются изменением текста и поэтому могут применяться без нарушения святости писания.

Все существующие сейчас рукописи Ветхого завета (кроме кумранских) восходят к масоретскому тексту. Эти рукописи (на пергаменте и бумаге) до самого последнего времени были следующие: а) рукопись, содержащая пророческие книги (895 г. н. э.), находится в Каирской синагоге; б) общая рукопись Ветхого завета начала X в. н. э., находящаяся в синагоге г. Алеппо в Северной Сирии; по-видимому, погибла во время недавнего пожара синагоги; в) общая рукопись Ветхого завета 1008 г. н. э., находящаяся в Публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде; пророческий кодекс 916 г. н. э., находится там же.

Таково было положение вещей до самого последнего времени. Кумранские находки внесли существенные изменения. До этих находок самые ранние масоретские рукописи, как

мы только что видели, датировались концом IX—началом X в. н. э. Древнейшие же варианты библейских произведений и их фрагментов из пещер Хирбет Кумран восходят к I в. до н. э. При этом характерно, что многие из этих вариантов ближе к переводу «70-ти», чем к масоретскому тексту. Это подтверждает высказанную нами раньше мысль, что Септуагинта сделана с более древнего текста Ветхого завета, чем масоретский.

Широкое распространение иудаизма в Римской империи в I в. н. э. было вызвано двумя моментами: иудейским монотеизмом и мессианизмом. Корни монотеизма у евреев нужно искать в так называемом пророческом движении VIII — VI вв. до н. э. Это было очень сложное движение, где тесно переплетались моменты социально-политические и религиозные. Обострение классовой борьбы одновременно с резким ухудшением внешнеполитического положения (натиск Ассирии, а затем Вавилонии) требовали со стороны имущих классов некоторой перестройки идеологии. Перед лицом врага нужно было создать какую-то видимость «единого фронта». Отсюда нападки пророков (иногда очень резкие) на богатых, защита бедняка, призыв к милосердию и состраданию. А это последнее в религии приводило к изменению образа Яхве: из одного из племенных богов, бога войны и мщения, он начинает превращаться в универсальное и единое божество, бога справедливости и милосердия. Особенно ярко это превращение выступает в произведениях великих пророков VIII в до н. э., собранных под именем Исайи. «К чему мне множество жертв ваших, говорит Яхве. Не носите больше даров тщетных. . . Омойтесь, очиститесь; удалите злые деяния ваши от очей моих; перестаньте делать зло, научитесь делать добро, ищите правды, спасайте угнетенного, защищайте сироту, вступайтесь за вдову».

В вавилонском плену процесс религиозной эволюции в сторону монотеизма пошел ускоренным темпом. Этого требовало сохранение единства среди враждебного «языческого» окружения. Однако строгого монотеизма удалось добиться только религиозной философии Филона Александрийского, (первая половина I в. н. э.). Этот еврейский ученый был великолепным знатоком греческой философии, в частности платонизма, и он поставил своей задачей объединить Писание с философией Платона. Конечно, это было возможно только путем аллегорического толкования Писания, что Филон и делает, прибегая к самым произвольным натяжкам и фантастическим допущениям. Приведем только один пример-В Библии сказано: «И совершил Бог к седьмому дню дела свои, которые Он делал, и почил в день седьмой от всех дел своих, которые делал». Филон рассуждает так: нельзя думать, что бог сотворил мир в 6 дней и вообще во времени, так как время, т. е. дни и ночи, появилось после сотворения мира. Следовательно, здесь число «6» — не 6 дней, а совершенное число, так как 6=3+2+1, т. е. $^1/2$ 1/3 и $^1/6$ самого себя. Путем такого аллегорического толкования Библии Филон старается доказать, что все лучшее, что есть в греческой философии, взято у Моисея.

Филон развивает иудейский монотеизм с помощью платоновского идеализма. Бог, по мнению александрийского философа, есть абсолютное нечто, не имеющее положительных признаков. Бог несложен, неизменен, неподвижен, непознаваем, не имеет имени. «Мы знаем о боге только то, — говорит Филон, — что он существует». Между богом и миром нет, и не может быть никакой точки соприкосновения именно потому, что он — абсолют. Поэтому для воздействия бога на мир нужны какие-то посредники. Образец таких посредников Филон ищет в идеях Платона. Когда бог захотел сотворить мир, он, прежде всего, создал прообраз его — сверхчувственный мир идей. Это — частицы божественного разума, логоса. Логос — божественный разум (или слово), обнимающий все другие идеи, посредник между абсолютным божеством и несовершенным реальным миром, посланник бога в мире. Начало Евангелия Иоанна ярко иллюстрирует влияние Филона: «В начале было Слово (логос), и Слово было у Бога, и Слово было Бог».

Семена религиозно-философского монотеизма упали в Римской империи на благоприятную политическую почву. Этой почвой был культ императоров. Первым в 43 г. обожествили Юлия Цезаря (т. е. уже после его смерти), присвоив ему эпитет Divus. Для римского сознания в этом не было ничего принципиально нового, так как в каждой знатной семье существовал культ предков. Новое было только то, что апофеоз Цезаря носил государ-

ственный, а не частный характер. Со времени Августа императору стали воздавать божеские почести и при жизни. Правда, поклонялись не самому императору, а его гению, т. е. божественной части личности императора (Genius principis), но это, в конце концов, было не столь уж существенно. При Августе культ его гения был принят только в провинциях, но при его преемниках он мало-помалу распространился и в Италии.

Для христианства культ императора имел большое значение не только с точки зрения развития монотеистического сознания, но и по двум другим причинам. Во-первых, этот культ пропагандировал идею богочеловека и тем самым оказал влияние на христианский догмат о воплощении сына божьего. Во-вторых, отрицательное отношение христиан к поклонению личности императора было одной из причин преследований христиан.

Корни мессианизма у евреев также нужно искать в пророческом движении. Невозможность для угнетенных масс собственными силами уничтожить чужеземных поработителей и соплеменных эксплуататоров порождали надежды на помощь божественного избавителя. Господствующий же класс ничего не имел против того, чтобы не только поддерживать, но и форсировать эти надежды. Из этих двух источников произошел мессианизм пророков. «Он будет судить бедных по правде и дела страдальцев земли решать по истине. . . Тогда волк будет жить вместе с ягненком, и барс будет лежать вместе с козленком; и теленок, и молодой лев, и пол будут вместе, и малое дитя будет водить их».

Очень интересна с точки зрения влияния на выработку образа страдающего мессии знаменитая 53-я глава Исайи: «Он был презрен и умален пред людьми, муж скорбей и изведавший болезни, и мы отвращали от него лицо свое; он был презираем и мы ни во что ставили его. . . Он истязуем был, но страдал добровольно и не открывал уст своих; как овца, веден был он на заклание, и как агнец пред стригущим его безгласен, так он не отверзал уст своих. . . За преступления народа моего претерпел казнь. Ему назначили гроб со злодеями. . . Господу было угодно поразить его, и Он предал его мучению. . . Посему я дам ему часть между великими, и с сильными будет делить добычу за то, что предал душу свою на смерть и к злодеям причтен был, тогда как он понес на себе грех многих и за преступников сделался ходатаем».

В книге, приписываемой пророку Даниилу (ок. 165 г. до н. э.), читаем: «Видел я в ночных видениях, вот, с облаками небесными шел как бы сын человеческий, дошел до ветхого дня и подведен» был к Нему. И ему дана власть, слава и царство, чтобы все народы, племена и языки служили ему; владычество его — владычество Вечное, которое не прейдет и царство его не разрушится».

В произведениях народного творчества, известных под названием «иудейских сивилл», звучат те же мессианские мотивы:

И тогда с Востока бог пошлет царя, Который по всей земле прекратит губительные войны. Одних он истребит, а в отношении других выполнит нерушимую клятву. И сделает все это он не по своим планам, а во исполнение благих предначертаний великого бога.

Эти мотивы были сильны и у ессенов. В комментариях к Аввакуму и в «Дамасском документе» мессия фигурирует под различными именами: «Единственный», «Единственный наставник», «Основатель справедливости», «Потомок Аарона». Рекомендуется бодрствовать, «ибо Учитель должен вернуться в конце дней». День последнего суда близок: «Верные будут спасены во время Посещения, тогда как другие будут преданы мечу, когда придет Помазанник, потомок Аарона и Израиля, так же как это было во время первого Посещения».

Особенно напряженное положение было в Палестине в I в. н. э. Оно часто прорывалось в волнениях, приведших, в конце концов, к восстанию 66 г. Мессианские идеи играли здесь большую роль. Из Иосифа Флавия мы знаем о нескольких таких движениях. В Самарии какой-то человек звал народ подняться на священную гору Гаризим, где он покажет священные сосуды, якобы зарытые там Моисеем. Движение приняло широкий характер, и Пилат подавил его вооруженной силой. Пророк Февда в 44 г. до н. э. призывал идти к реке Иордану, воды которого, по его словам, расступятся, и все легко перейдут на другую сторону. Римская конница растоптала толпу. Так называемый ложный пророк из Египта, т. е. египетский еврей, хотел напасть на Иерусалим, захватить власть и прогнать римлян. За ним

пошло 30 000 человек. Большинство было перебито (XX, 8, 6). Возможно, аналогичный характер носила и агитация Иуды Гавлонита против переписи Квириния. Он призывал народ к восстанию, говоря, что римская перепись не даст ничего, кроме рабства.

Естественно, что мессианские настроения не ограничивались Палестиной, но захватывали и иудеев диаспоры. Конечно, мессианизм в диаспоре носил более пассивный характер. Вообще мессианизм по природе своей пассивен. Но в некоторые исторические периоды и в подходящих условиях в форме мессианизма выступали широкие народные движения, носившие весьма активный характер. Наиболее яркий пример — второе иудейское восстание 132—135 гг. под руководством мессии Симона Бар-Кохбы (или Бар-Косебы). Но и в палестинских движениях I в. н, э. элементы мессианизма, несомненно, имелись.

Кроме иудаизма, мессианизм отчетливо выступал в культе Митры, дальнейшем развитии древнеиранской религии. Митраизм играл значительную роль в религиозной жизни Римской империи и в формировании христианства. Ренан писал: «Можно сказать, что если бы христианство оказалось остановленным в своем росте каким-нибудь смертельным недугом, мир принял бы религию Митры».[18] Это, конечно, неверно по существу: в истории нельзя ставить вопрос «что было бы, если бы. . .». Но парадокс Ренана довольно правильно характеризует значение митраизма в первые века Империи. Римляне познакомились с культом Митры во время походов Помпея на Восток, после чего этот культ стал быстро распространяться. К концу I в. н. э. солдаты разнесли его по всем границам Империи: святилища Митры (митреумы) находят на Рейне и Дунае, в Британии, Алжире и Тунисе. Купцы занесли иранский культ в западные порты и на все сухопутные и морские пути. В конце II в. митриаистом стал император Коммод, в начале IV в. Диоклетиан, Галерий и Лициний посвятили Митре храм на Дунае.

Верховным божеством иранской религии был бог добра Ахура-Мазда (эллинизированная форма Ормузд), его антипод — бог зла Аигра-Майныо (Ариман). Митра — божество небесного света, солнца и вместе с тем правды: он все видит и слышит, его нельзя обмануть. Плутарх в своем известном трактате « О Исиде и Осирисе» говорит, что Ормузд находится в вечном сиянии, выше солнца, Ариман — в вечном мраке подземного мира, Митра — посередине между ними. Митраизм — резко выраженная дуалистическая религия, так как, согласно его догматике, зло самостоятельно и извечно в мире. Этот космический дуализм являлся одной из причин широкого распространения культа Митры, так как строго монотеистические религии не могут удовлетворительно объяснить происхождение зла.

Мораль митраизма сродни военной дисциплине: Митра — бог правды и требует верности присяге. Его мораль носит боевой характер, так как мир является ареной борьбы двух сил — добра и зла, — и человек должен поддерживать силу добра. Братство митраистов — почти военное братство товарищей. Это была одна из причин быстрого распространения митраизма среди римской армии.

Митраисты верили в загробную жизнь. После смерти человека, духи добра и зла вступают в борьбу за его душу. Она идет на суд соналу императорской бюрократии. В конце II и первой половине III в. особую приверженность митраизму выказывали сами императоры, искавшие популярности в армии и пытавшиеся в различных солнечных культах, и в частности в митраизме, найти новое обоснование сильной императорской власти и «богоизбранности» монарха. Высказанное некогда крупнейшим исследователем митраизма Ф. Кюмоном мнение о большой роли рабов в пропаганде культа Митры не подтверждается данными источников, как это показали новые исследования. Митры. Если заслуги души на небесных весах перевешивают ее грехи, Митра защищает ее и ведет в царство света Ормузда. При конце мира праведники будут приобщены к вечному блаженству.

В конце мира произойдет страшный суд. Его будет творить либо спаситель (саошьянта), родившийся от непорочной девы, либо, по другому варианту мифа, сам Митра, для чего он спустится на землю. Между спасителем (Митрой) и Ариманом произойдет последний бой, в котором бог зла будет поражен. Ариман и его воинство будут ввергнуты в

поток расплавленного металла, а земля очистится огнем и на ней воцарится вечное царство правды и добра. Плутарх так говорит об этом: «Настанет предопределенное время, когда Ариману, наславшему на землю чуму и голод, необходимо будет погибнуть навсегда, а людям сделаться блаженными и единоязычными, при одной жизни и едином политическом устройстве, на земле, ставшей гладкой и ровной".

В мистериях Митры существовали семь степеней посвящения: ворон, таинник, воин, лев, перс, солнце, отец. Участники мистерий иногда надевали соответствующие маски. Впрочем, первые три ступени не допускались к участию в таинствах; только посвященные в степень льва становились «участниками». На верхней ступени иерархии находились «отцы»; глава их назывался «отец отцов», пожизненно стоявший во главе культа. На низшие ступени можно было принимать даже детей. Церемония посвящения по-латыни называлась sacramentum (клятва), так как посвящаемые давали клятву. Им предписывались частые омовения. Во время службы «отец» освящал хлеб и воду, к которой на Востоке примешивался сок какого-то растения. Этого растения не было в западной части древнего мира, и там его заменяли вином. Участвовавшие в священной трапезе назывались «причастниками».

Имеется один барельеф, на котором изображено это таинство причащения. Перед двумя возлежащими липами стоит треножник с четырьмя хлебцами, на которых видна печать креста. Вокруг стоят посвященные, один из которых — перс — подает им рог с питьем. Это таинство совершали в память трапезы, которую совершил Митра накануне своего вознесения на небо.

Во многих городах были устроены храмы Митры — сводчатые подземелья (на Западе их называли митреумы), — где совершались богослужения, сопровождавшиеся пением и музыкой. Три раза в день обращались с молитвой к солнцу. Приносили в жертву животных, кровью которых окропляли посвящаемых в таинства Митры. Высшей точкой богослужения являлся тот момент, когда при звоне колоколов перед посвященными отдергивали завесу, скрывавшую изображение Митры, убивающего быка. Этот барельеф помещался в глубине подземелья против входа.

Каждый день недели у митраистов был посвящен, как у вавилонян, одному из семи небесных светил. День солнца, ставший впоследствии христианским воскресеньем, праздновался особенно торжественно. Главный праздник Митры в Империи справлялся 25 декабря — День рождения непобедимого Солнца.

Вполне понятно, что христианских апологетов смущала такая странная близость христианского культа к культу Митры. Для них существовал только один выход — приписать это сходство козням дьявола. Юстин - философ (середина II в.), описывая, как Христос совершил с учениками последнюю трапезу, замечает: «То же самое злые демоны из подражания научили делать и в таинствах Митры, ибо, как вы знаете, при посвящении вступающего и таинства предлагаются там хлеб и чаша с водой» (Apo1., I, 66). Тертуллиан (начало III в.) пишет: «Диавол... всячески старается в мистериях ложных богов подражать святым обрядам христианской религии. Он так же погружает своих поклонников в воду и заставляет их верить, что в этой купели они получают отпущение грехов своих. Он напечатлевает знак на челе воинов Митры (крест? — С. К.), когда они посвящаются, приносит в жертву хлеб, представляет вид воскресения... запрещает жрецам вступать во второй брак, имеет также своих девственниц». Идеалистическая философия поздней античности также внесла свою долю в формирование этики и догматики христианства. Позднеантичная философия, как известно, за очень немногими исключениями (Лукреций) носила эклектический характер. Только в такой эклектической форме возможно было ее существование, и только эклектическая философия могла войти составной частью в христианство, эту синкретическую религию.

Наиболее эклектической философией поздней античности был стоицизм, пытавшийся в онтологии соединить материализм с идеализмом. Впрочем, центр тяжести стоицизма лежал не в онтологии, а в этике. Он возник в Греции в конце IV — начале III в. до н. э. Основателем стоической философии был Зенон, но в дальнейшем развитии она испытала много изменений

и прошла ряд этапов, связанных с именами Хрисиппа, Панэция, Сенеки, Эпик-тота, Марка Аврелия.

Стоицизм возник в эпоху эллинизма и высшего расцвета достиг при Империи. Среди политических предпосылок стоицизма решающую роль играли разложение полиса, все нивелирующая деятельность государства, упадок политической свободы, самоуправления, подавление личности. Эта последняя уходит в самое себя, и философия должна создать для нее неприступное убежище. Мудрец это человек, внутренне отгораживающийся от действительности. Главная добродетель мудреца — бесстрастно, отсутствие логоса. Логическое развитие таких настроений могло при соответствующих условиях привести к философии самоубийства.

Другая линия развития стоической этики отражала другие тенденции поздней античности. Эта вторая линия особенно отчетливо проявилась в эпоху Римской империи. Империя сгладила различия между народами и племенами: «По всем странам бассейна Средиземного моря в течение столетий проходил нивелирующий рубанок римского мирового владычества». Это породило, во-первых, космополитизм («Мое отечество мир», во-вторых, вызывало своеобразные чувства сострадания, братства по несчастью, слабости, зависимости от бесконечного, что христианством было сформулировано как равенство в грехе. Обе линии часто перекрещиваются, но к концу эпохи верх берет вторая.

Эта вторая тенденция особенно ярко была сформулирована Сенекой. «Все, что нужно делать и чего нужно избегать, — пишет он, — можно резюмировать в краткой формуле человеческого долга: все мы суть члены одного великого тела. Природа вложила в нас взаимную любовь, она обосновала право и справедливость. Я хочу, чтобы в моих устах и сердце постоянно звучали слова: я человек, и ничто человеческое мне не чуждо. Пока мы живем среди людей, будем человечны. «На небо можно подняться из любого уголка». Возьми за правило обращаться с низшими так, как ты хочешь, чтобы с тобой обращались высшие. Если иной человек раб, то ведь и он духом может быть свободным. Если ты хочешь умилостивить богов, учит Сенека, будь сам милостив. Не нужно воздевать рук к небу. Бог вблизи тебя, с тобой, в тебе. Святой дух обитает в нас как блюститель и страж наших добрых и дурных поступков. Никто не может быть добрым без бога. Только бог дает нам великие и возвышенные желания. Великое в нашей душе не может существовать без божественной помощи и поэтому большая часть его должна вернуться туда, откуда оно пришло. Тело — бремя и наказание для души, говорится в другом месте, презрение к нему — вот в чем состоит вся прочная свобода. Эта видимая оболочка есть тьма, и оковы для души. Душа стремится туда, откуда она пришла, там ее ожидает вечный покой. С самого детства до глубокой старости мы зреем для нового рождения. Тот день, которого ты боишься, как последнего дня, есть день второго рождения. Он снимет с тебя покровы, освободит тебя от сожительства под одной кровлей с ненавистным телом.

Этика Сенеки настолько близка христианской, что христиане очень долго считали его «своим», а Энгельс назвал Сенеку «дядей христианства».

В кричащем противоречии с идеалистической этикой стоицизма находилась его материалистическая онтология. Стоики не сознавали этого противоречия, так как для них центр тяжести системы лежал в этике, все остальные проблемы отодвигались на задний план. Кроме того, для стоика имел решающее значение следующий примитивный ход рассуждения: самое важное — обосновать практическое действие. Как это сделать проще всего? Предположить, что и субъект и объект действия материальны. Отсюда вытекало положение стоиков: все действительно существующее телесно — мысль, душа, добро, мудрость, истина, бог и т. д.

Конечно, провести этот материализм вполне последовательно стоики не смогли. Так, пространство и время они также должны были бы мыслить в виде тел, однако они избегали об этом высказываться.

Таким образом, согласно философии стоицизма, все действительное телесно. Однако само это телесное обнимает два начала — активное и пассивное, силу и материю, причем сила стоит выше материи. Но сила телесна, значит и верховная сила (бог) — телесна. Как же

ее представлять? Здесь мы встречаемся у стоиков со старой идеей огня. Тепло, или огонь, есть та сила, которая приводит в движение все существующее. Идея огня, как творческого начала жизни, в греческой философии была, как известно, разработана Гераклитом. Эта идея играла известную роль и в элейской школе Она была популярна и в народном сознании: культ огня, домашнего очага и т. д. Стоики мыслили бога в виде огневидного духа. Это мировой разум, подобный человеческому духу. И наша душа, говорили стоики, есть разлитая теплота, теплое дыхание.

Параллельно христианству развивался гностицизм (древнегреч. — «знание», «постижение»), синкретическая религия, возникшая одновременно с христианством и даже, быть может, раньше его, и весьма ему близкая. В гностицизме таилась огромная опасность для христианства, так как оба течения тесно переплетались друг с другом (многие гностики были и христианами). Опасность стала особенно велика, когда христианство к концу I в. порывает с иудейством и поворачивается к миру греко-римской культуры, в это время уже перенасыщенному Востоком. Борьба с гностицизмом развернулась, особенно во второй половине II в. и имела для христианской церкви большое значение. В этой борьбе она вырабатывает свою догматику, устанавливает канон священных книг, создает крепкую церковную организацию, заводит строгую дисциплину. Гностицизм был побежден, но ценой включения в христианство ряда гностических элементов.

С конца I в. н. э. гностицизм проделал долгий путь развития вместе с христианством. Этапы развития связаны с именами полулегендарного Симона (конец I в.), Саторнила (Самария, начало II в.), Василида (Антиохия, первая половина II в.), Карпократа (Александрия, первая половина II в.), Валентина (Египет, Рим, вторая половина II в.).

Василида (как, впрочем, и всех гностиков) особенно интересует проблема существования зла. Для того чтобы объяснить происхождение греховного мира от абсолютного божества, Василид строит фантастическую систему эманации: нерожденный и неименуемый Отец породил Ум, Ум — слово, Слово — мышление, Мышление — силу и премудрость, Сила и Премудрость — доблести, начала и ангелов (первых). Первые ангелы создали первое небо. Затем следуют вторые ангелы, создавшие второе небо, и т. д. — всего 365 небес. Поэтому, следует неожиданный вывод, и в году 365 дней!

Последние ангелы, создавшие видимое нами небо, устроили все в мире и разделили между собою землю и все народы. Начальник их — тот, кого зовут бог иудейский. Так как он хотел подчинить своим людям все народы, то Отец послал для их спасения свой первородный Ум, который называется Христом, чтобы освободить верующих от власти тех, кто создал мир. Христос явился в образе человека и совершал чудеса. Но страдал не он сам, а некто Симон из Кирены, который нес за него крест. Симон был так преображен им, что его считали за Иисуса и распяли по ошибке. Сам же Иисус, приняв вид Симона, стоял там же и смеялся над ними. Так как он бестелесная сила и Ум Отца, то он был невидим и вознесся к Отцу. Не следует веровать в того, кого считали распятым и называли Иисусом: кто верует в распятого, тот еще раб. Сторонники Василида прибегали к магии, заговорам, вызыванию теней и т. п. Учение о нравственности Василида требовало «ко всему относиться с любовью, потому что части должны иметь отношение к целому и состоять в гармонии с ним».

Карпократ был современником и, быть может, учеником Василида. Его онтология сходна с онтологией Василида. Мир сотворен ангелами, более низкими, чем Отец. Задача человека —освобождение души из-под власти ангелов и возвращение к Отцу. Сродством для этого служат магия и любовь. В связи с этим стоит антиномизм (отрицание человеческих и божеских законов) карпократиан. По словам Иринея, карпократиане «говорили, что им позволено делать все безбожное и нечестивое, так как только для человеческого мнения есть добрые и злые дела. Душа должна до тех пор переходить из одного тела в другое, пока не узнает всякий образ жизни и всякие действия для того, чтобы не нуждаться более ни в чем, и об этом должно стараться, чтобы в противном случае из-за того, что ей еще нечто не достает для свободы, не быть снова посланной в тело». Когда душа испытает все (сразу или путем переселений), она возносится к Отцу.

Антиномизм получил дальнейшее развитие у Эпифана, сына Карпократа. По словам Клемента Александрийского, «Эпифан был сыном Карпократа и матери по имени Александрия; таким образом, он был александрийцем по отцу и кефаллenийцем по матери. Прожил он всего 17 лет и почитался как бог в Саме на Кефаллении, где ему построено святилище».

Этот юноша написал сочинение «О справедливости». Отрывок из него приводит Клемент: «В своем сочинении о справедливости он говорит, что справедливость божия состоит в общности и равентстве. Ведь одинаковое небо, простираясь кругом со всех сторон, облекает всю землю, ночь одинаково показывает все звезды, а владыку дня и отца света — солнце — бог изливает сверху одинаково для всех, способных видеть. И все сообща смотрят, ибо солнце не различает богатого или бедного, или правителя народа, неразумных и разумных, женщин, мужчин, свободных, рабов. . . Солнце производит общую пищу всем живым существам, всем одинаково дана общая справедливость. . . Бог сотворил для общего пользования виноградники, которые не отказывают ни воробью, ни вору, а также хлеб и прочие плоды. Нарушение закона об общности, вопреки равенству, породило воров, крадущих скот и плоды. Итак, бог все сделал для человека общим, на началах общности сводит женщину с мужчиной и таким же образом связывает все живые существа; в этом он проявил свою справедливость, требующую общности в сочетании с равенством. А родившиеся таким образом отрицают общность, которая их создала. Они говорят: „кто уводит одну (жену), пусть владеет ею", а ведь они могут сообща владеть всеми, как это видно у прочих животных»

Учение Валентина было самым распространенным и влиятельным среди гностических систем. Он родился в Александрии. В середине II в. приехал в Рим, где занимался преподаванием во время правления Антонина Пия. В римской христианской общине Валентин играл выдающуюся роль, но его ученики порвали с церковью.

У Валентина то же учение об эманации, но только гораздо более сложное. Путем эманации и соединения ее отдельных ступеней (эонов) появились три рода бытия: духовное (идеальное), душевное (психическое) и вещественное (материальное). Однако два последних вида бытия были неустроенны. Их организатором явился Демиург (творец), сам порожденный из душевной стихии. Он создал небесное и земное, он создал семь небес, верхнее из которых он сам. Все семь небес — ангелы. Но Демиург создал и Миродержателя, главу злых духов. Демиург создал и человека, однако только плотского и душевного. Но один из эонов — Помышление — заронил в человека духовное начало. Люди и различаются по силе в них духовного начала. Самые совершенные — это пневматики (духовные), т. е. валентиниане. Они праведные и спасутся во всяком случае. Душевные (психики) опираются на веру и дела. Это — все, принадлежащие к церкви. Плотские — все остальные. Кто был исторический Христос? Сын Демиурга, прошедший через Марию. При крещении на него сошел в виде голубя Спаситель, принадлежащий к миру эонов (к Плероме). Когда Христос был приведен к Пилату, Спаситель оставил его и поэтому не страдал.

Сколь ни разнообразны гностические системы, в них можно установить одну общую черту: смысл всех ступеней бытия (эонов) и разделений образа Иисуса Христа на ряд отдельных сущностей (Христос, Иисус, Слово, Спаситель и т. д.) состоит в том, чтобы заполнить пропасть между греховным человеком, погрязшим в материальном мире зла, и полнотой совершенства (Плеромой) духовного бытия. «Знание» гностиков и состоит в освобождении души путем мистического слияния с зонами. Средством для этого служат аскетические упражнения, молитвы, обряды, заклинания и пр.

Уже из этого краткого очерка гностицизма видно его сходство с христианством. Однако еще больше различия между ними. Основное различие в решении проблемы происхождения зла. Христианство стоит здесь на монистической позиции: бог благ, благ и сотворенный им мир, а виновником зла и греха является свободная воля человека. Гностицизм же дуалистичен: зло является изначальной сущностью мира. Гностицизм проникнут презрением к нему, к материи. В христианстве же хотя и есть аскетические моменты, однако они не являются доминирующими и выступили позднее. Согласно

христианским воззрениям, в будущей жизни спасается весь человек, состоящий из души и тела, тогда как гностицизм отрицал воскресение мертвых. В гностицизме бросается в глаза резко выраженный антисемитизм, что дает основание думать, что он возник в нееврейской торгово-денежной среде восточных городов. Христианство же возникло из иудейства и хотя скоро разорвало с ним, но сохранило Ветхий завет как свою священную книгу.

Гностицизм не мог стать мировой религией. Сложная система гностического богословия с его эманацией, зонами и т. п. была непонятна рядовым верующим. Если гностическая магия и могла привлечь массы, то их отпугивало отрицание воскресения тел.

Христианство, как было сказано выше, упорной борьбой преодолело гностицизм, но полностью искоренить все его элементы не сумело. Наследием гностицизма осталось монашество, основанное на отрицании плоти, а также дуалистические ереси в христианстве: манихейство, павликианство, богомильство, албигойство.

Из этого обзора основных идеологических предпосылок христианства видно, что оно было синкретической религией, впитавшей в себя множество элементов, характерных для общественного сознания Римской империи I в. Однако сказать, что оно было только синкретической религией, значит, ничего не сказать. Всякая так называемая мировая религия синкретична, так как она вбирает в себя многочисленные предшествующие элементы духовной жизни. И, однако, всякая мировая религия является своеобразной и неповторимой стадией развития, так как она комбинирует эти предшествующие элементы своеобразным образом, Подчеркивая одни из них и ослабляя другие.

Так было и с христианством. В I в. на фоне надвигающегося общего кризиса рабовладельческой системы появились глубокие пессимистические настроения, породившие усиленную жажду религиозного. Существующие политические религии, даже в форме восточных мистических культов, не могли удовлетворить этой жажды. С разных сторон, в разных религиозных и философских системах появляются вновь (или только широко распространяются) некоторые центральные идеи и представления, все более и более завладевающие сознанием в первую очередь наиболее угнетенных, а затем, по мере углубления кризиса, и более обеспеченных слоев населения Империи. Эти идеи были следующие. Бог един. Он всемогущ и бесконечно высоко стоит над миром. Человек слаб, беспомощен, погряз в грехе и не может спастись своими силами. Ему необходима божественная помощь. Для этого бог пошлет мессию (своего сына), который спасет род человеческий. В день пришествия мессии (второго пришествия) состоится последний суд над силами зла: добро восторжествует, а зло будет наказано. Все люди равны в грехе — отрицательное равенство, за которым у угнетенных скрывалась жажда действительного равенства. Отсюда идея взаимопомощи, принимающая различные степени л формы.

Таковы были руководящие идеи эпохи, которые все более и более овладевали сознанием масс. Христианству удалось объединить все эти идеи в наиболее общей форме, свободной от всех местных особенностей.

§ 7. Возникновение христианства и его история в I—II вв.

Христианство возникло не в среде господствующего рабовладельческого класса, а в с р д е э к с п л у а т и р у е м ы х общественных низов враждущих и обремененных», разорившихся свободных людей, терявших свободу мелких крестьян, пролетариев и рабов. В начале II в. оно из маленькой иудейской секты превратилось в новую религию с новым вероучением и обрядностью, религию всеобщую, универсальную, приверженцами которой могли стать и «эллин, и иудей», и представители всех прочих народов Римской империи. В дальнейшем своем развитии христианство из религии угнетенных переродилось в обычную религию классового общества, в орудие эксплуатации, «...опиум народа»[51].

[51] В. И. Л е н и н, Соч., т. 10, стр. 68.

Порабощенные, угнетенные и обнищавшие народные массы Римской державы сначала, во II—I вв до н. э. искали выхода из положения посредством открытой борьбы, посредством восстаний. Но поражение всех этих восстаний показало, что всякое сопротивление римской власти безнадежно. Поэтому и в низах римского общества, как и в его верхах, возникло то же стремление найти выход в области религии, в ожидании и «небесного избавителя» от земных бед и печалей.

Это стремление проявилось с особой силой в измученной Иудее, где в I в. страстно уповали на чудесное избавление, которое придет от «царя иудейского» — Мессии, посланного иудейским богом, а также в Малой Азии, где было много иудейских колоний. Да и среди коренного населения Малой Азии были также распространены культы своих богов-спасителей или искупителей. Так был широко распространен культ Гермеса, «трижды величайшего», древнего греческого бога скотоводства и земледелия, который якобы должен явиться вновь и спасти своих погибающих поклонников. Был популярен и культ фригийского бога Сабассия, аналогичного греческому Дионису, также древнего земледельческого бога, который теперь стал почитаться как спаситель. В восточных частях Римской империи появилось множество фанатиков «пророков», привлекавших проповедью о грядущем «спасителе» многочисленных сторонников и основывавших свои секты. Одна такая иудейская секта стала зародышем христианства.

У нас нет точных исторических или документальных данных, на основании которых можно было бы с достоверностью выяснить, когда была основана иудейская секта христиан, кто были ее основателями, и каково было их учение. Самое раннее произведение Христианской литературы — «Откровение Иоанна». Дата написания этой книги определяется точно: 68 — 69 гг. н. э. Автором ее был один из проповедников пришествия Мессии (по-гречески — «Христа»), некий Иоанн, сосланный за свою проповедь на остров Патмос. Он обращается к семи малоазиатским общинам, ожидающим явления Христа, но называет членов общий еще не христианами, а иудеями.

В своей книге Иоанн в страстном тоне повествует о своих видениях, и которых ему было якобы раскрыто, как произойдет «светопреставление» и как Христос произведет свой «страшный суд» над миром. Казнь постигнет, прежде всего «великую блудницу — Вавилон», которая сидит на голове зверя с семью головами и ведет войну со «святыми», т. е. верующими; под блудницей разумеется Рим, под семью головами зверя — императоры. Но явится Христос со 144 тыс. праведников, низвергнет «зверя» и всех его приспешников в геенну огненную, создаст новое небо и новую землю и построит новый Иерусалим. Тогда воскреснут к вечной жизни все праведники, и наступит блаженное царство Христа, которому не будет конца. В «Откровении» Иоанна звучат еще Соевые ноты, пафос еще неостывшей борьбы.

О жизни, проповеди, смерти и воскресении Христа (т. о. Мессии, обещанного пророками) рассказывают совсем в ином тоне три первых евангелия. Евангелие — греческое слово, означает «добрая весть». Авторы первых трех евангелий неизвестны. Но эти евангелия появились в начале II в. на греческом языке, когда христианство получило уже широкое распространение не только среди иудеев, но и среди других народов Римской империи. Учение Христа эти евангелия передают по-разному. Так, в двух первых евангелиях («от Матфея» и «от Марка») Христос под именем Иисуса выступает как чудотворец, спаситель, друг «тружеников и угнетенных»; он осуждает богачей, фарисеев и книжников и предвещает им гибель. В третьем евангелии («от Луки») он выступает уже с примиренческой проповедью.

О жизни Иисуса евангелия повествуют, что он, будто бы обещанный пророками Мессия, родился во времена Августа в семье галилейского плотника Иосифа из Назарета от жены этого плотника «девы Марии» и «духа святого». Тридцать лет он жил незамеченным среди людей, а потом выступил со своей проповедью и чудесами. Он исцелял одним словом людей, воскрешал мертвых, собирал вокруг себя толпы «нуждающихся и обремененных» и учил их кротости и незлобию; вокруг него составилась постоянная группа его учеников. В кругах жречества, книжников и представителей римской власти его считали бунтовщиком, «царем иудейским», и

иудейский синедрион присудил его к казни на кресте. Тогдашний римский прокуратор Иудеи Понтий Пилат утвердил приговор синедриона. Иисус был распят, но через три дня воскрес, и, таким образом, первый из людей победил смерть. Он явился ученикам, вознесся затем на небо и при этом обещал скоро вновь сойти на землю для суда над живыми и мертвыми и для установления вечного мессианического царства.

Эта евангельская традиция является несомненным мифом, так как, во-первых, в ней преобладают явные мифические элементы, и, во-вторых, в исторических источниках того времени нет ни одного достоверного упоминания об Иисусе из Назарета. Поэтому Иисуса нельзя считать исторической личностью, и есть все основания утверждать, что христианство было основано многими провопим пиками сначала в Иудее, а потом в иудейских колониях Малой Азии в форме весьма пестрых общин христиан, т. е. мессиаинистов, ожидающих скорого явления Христа — Мессии.

Сколько-нибудь точно датировать время возникновения христианства невозможно. Как великое массовое религиозное движение, оно долго развивалось в виде смутных, неоформившихся течений. Не так просто установить, что такое христианство, каковы его признаки, с какого момента можно говорить о христианстве в точном смысле этого слова, какова, например, грань, отделяющая его от иудео-христианства. Появление новой религии трудно было бы точно фиксировать, даже если бы в нашем распоряжении были хорошие источники. Но мы знаем, в каком неудовлетворительном состоянии находятся источники по первоначальному христианству. Это еще более усложняет проблему датировки.

Во всяком случае, отправной точкой нам должен служить Апокалипсис. Мы уже видели, что Энгельс, опираясь на исследования современных ему ученых, неопровержимо доказал время появления основной части Апокалипсиса: это конец 68 г., а вероятнее начало 69 г. Но можно ли назвать это произведение чисто христианским? Энгельс же показал, что в нем множество иудейских черт: фигурируют Иерусалим земной и небесный, гора Сион, сыны израилевы 12 колен израилевых, еврейские имена — Валаам, Валак, Иезавель, Армагеддон, подир — одежда иерусалимских первосвященников. Принадлежность к иудеям изображается как некая привилегия: «Вот, Я сделаю, что из сатанинского сборища, из тех, которые говорят о себе, что они иудеи, но не суть таковы, а лгут — вот, Я сделаю то, что они придут и поклонятся пред ногами твоими и познают, что Я возлюбил тебя».

Можно поставить вопрос шире: в Апокалипсисе много вообще нехристианских черт, понимая христианство в духе христианства II в. В нем, например, отсутствует евангельский образ Иисуса Христа, вместо которого выступает фантастическое небесное существо: «Глава Его и волосы белы, как белая волна, как снег; и очи Его — как пламень огненный; и ноги Его подобны халко-ливану, как раскаленные в печи; и голос Его — как шум вод многих; Он держал в деснице своей семь звезд; и из уст Его выходил острый с обеих сторон меч; и лицо Его — как солнце, сияющее в силе своей». В Апокалипсисе еще нет духа святого, а целых семь духов божьих, в нем не упоминается никаких христианских таинств, даже таинств крещения и причащения, отсутствует клир, а фигурируют только пророки, нет самого названия христиан, но в разных городах есть свои секты, называемые по именам, по-видимому, своих основателей. Апокалипсис еще не знает христианской заповеди любви и всепрощения: наоборот, он проникнут духом борьбы и мщения великой блуднице — Риму: «И возопили они громким голосом, говоря: доколе, Владыка святой и истинный, не судишь и не мстишь живущим на земле за кровь нашу?».

Этот боевой дух Апокалипсиса мог быть порожден только одним: обстановкой восстания 66—73 гг. Хотя Откровение появилось не в Палестине, а среди евреев диаспоры (Малая Азия и район Эгейского моря), однако революционно-демократические настроения не были чужды и диаспоре, особенно ее беднейшим элементам. Апокалипсис, по-видимому, и отражает преимущественно чаяния именно этих элементов.

Однако не случайно Апокалипсис был включен (хоть и не без борьбы) в какой христианских священных книг: в нем не только иудейские, но и христианские элементы. Герой Апокалипсиса — сын человеческий, т. е. богочеловек. Он — закланный агнец: «II я

взглянул, и вот, посреди престола и четырех животных и посреди старцев стоял Агнец как бы закланный».

Он - мессия (Христос). Но мессия Апокалипсиса отличается от мессии еврейского. В классическом иудаизме мессия Голым ожидается в будущем; согласно Апокалипсису, он уже являлся, принесен в жертву, но еще раз придет, чтобы судить живых и мертвых, и это — новое, неиудейское представление. Эсхатология откровения не иудейская: во время второго пришествия мертвые воскреснут во плоти, грешники будут ввергнуты в огненное озеро, а праведники станут наслаждаться вечным блаженством на новой земле, под новым небом, в новом, преображенном Иерусалиме. Это не иудейский круг идей.

Самое же основное и принципиально новое, что есть в Апокалипсисе и что отличает его от иудейских религиозных представлений, это идея искупления: «И поют новую песнь, говоря: достоин Ты взять книгу и снять с нее печати, ибо Ты был заклан, и кровью своею искупил нас Богу из всякого колена и языка, и народа, и племени». Таким образом, в произведении, написанном в 68—69 гг. и появившемся в одном из районов диаспоры, можно констатировать наличие идей и представлений как иудейских, так и христианских. Следовательно, это произведение мы можем назвать иудео-христианским, т. е. переходным от иудейства к христианству. Апокалипсис — единственный памятник иудео-христианства, который мы можем точно датировать. Следовательно, в конце 60-х годов I в. в восточной половине Средиземноморья появляются первые зародыши христианства, но еще далеко не свободные от сильных элементов своей главной идеологической базы — иудейства.

Этот вывод нужно, конечно, принимать с осторожностью. Состояние источников по первоначальному христианству таково, что у нас нет полной гарантии, что Апокалипсис является, действительно, самым ранним источником. Возможно, что и в других районах Восточного Средиземноморья существовали аналогичные памятники иудео-христианства, не дошедшие до нас и датируемые более ранней эпохой. Правда, это маловероятно, но с такой возможностью мы не можем не считаться.

Посмотрим, нет ли другого памятника раннего христианства, который можно датировать более или менее точно. Из обзора источников мы знаем, что такой памятник есть. Это переписка Плиния Младшего с императором Траяном. Как известно, ее датируют 111 —112 гг. Выше мы видели, что основная часть 96-го письма, по всей вероятности, подлинная. Из нее мы узнаем, что в начале II в. в Малой Азии уже существовало название христиан и существовали их общины, обладавшие некоторой организацией и примитивным культом (об этом подробнее речь пойдет ниже).

В дополнение к 96-му письму Плиния и для сравнения с ним можно привлечь ранние послания Павла, о которых мы говорили в I главе и которые нужно датировать приблизительно началом II в. В них первоначальное христианство почти очистилось от иудейских элементов и стало приобретать космополитический характер. Наметилось первое очертание мифа о Христе, хотя и с примесью гностических представлений. Полностью исчез революционно-демократический дух Апокалипсиса. Таким образом, можно высказать следующее допущение, обладающее довольно высокой степенью вероятности. В течение второй половины I в. иудейско-христианская секта эволюционировала в космополитическую религию, основой которой являлась вера в искупительную жертву сына божьего, воплотившегося в человека, рожденного смертной женщиной. Основной моральной заповедью новой религии являлась заповедь любви и всепрощения. Эта религия и была христианством. Дальнейшее ее развитие, т. е. разработка мифа о Христе, усложнение культа и пр. являлось только надстройкой на основной простой базе.

Вопрос о том, где первоначально возникло христианство, является наиболее дискуссионным. Христианская традиция твердо считает его очагом Палестину. Следуя этой традиции, подавляющее большинство исследователей — не только фундаменталисты, но и представители исторической школы, и мифологисты — принимают палестинскую теорию происхождения христианства. Однако еще Вольтер высказал мысль, что христианство как религия появилось не в Палестине, а в Александрии, хотя Иисус Христос жил в Палестине. Бруно Бауэр впервые обосновал гипотезу внепалестинского возникновения христианства

(Александрия и Рим). Советская школа (А. Б. Ранович, Я. А. Леннман и др.) придерживается этой же гипотезы. В пользу внепалестинского происхождения христианства Можно привести ряд аргументов. Во-первых, ни один достоверный источник не называет Палестину в качестве родины христианства: автор Откровения Иоанна называет местом, где ему были видения, о. Патмос; все общины, которым он адресует свои послания, находятся в Малой Азии; Плиний Младший также говорит о христианах в Малой Азии. Во-вторых, обстановка в Палестине I в. была крайне неблагоприятна для появления новой религии: сначала она была охвачена сильнейшим национальным движением, а затем подверглась такому опустошению, что едва ли там было возможно возникновение течения, аналогичного христианству. В-третьих, важнейшие идеологические предпосылки христианства учение Филона Александрийского, стоицизм и гностицизм — пользовались наибольшим распространением в диаспоре и едва ли мюли иметь сколько-нибудь заметное влияние в Палестине. Наконец, христианский бог-отец носит совершенно космополитический характер, каковой мог выработаться только под влиянием логических влияний диаспоры. Палестинский же Яхве всегда хранил узко национальный облик.

Теория внепалестинского происхождения объясняет «палестинскую фикцию» тем, что иудаизм — один из важнейших корней христианства. Поэтому и местом возникновения христианства должен якобы стать центр иудаизма, т. е. Палестина, в частности Иерусалим. «Иерусалим, — пишет А. Б. Ранович, — как центр христианства — такая же неизбежная фикция, как Иисус — потомок царя Давида. Христианство возникло не в Палестине, а в диаспоре».

Доводы сторонников внепалестинской теории убедительны, если говорить о христианстве II в., о христианстве апостольских посланий и евангелий; но они вовсе не убедительны, если речь идет о непосредственном предтече христианства — об иудео-христианстве типа Апокалипсиса.

Прежде всего, о христианской традиции, упорно связывающей возникновение христианства с Палестиной. У этой «фикции» должны быть какие-то корни, и объяснять ее только как позднейшую богословскую конструкцию кажется натяжкой. Едва ли возможно ставить на одну доску традицию о Палестине со столь же Стойкой традицией о Иисусе Христе. Эта последняя, как увидим ниже, явная мифологема, тогда как под палестинской традицией есть некоторые исторические основания и предпосылки. Одной из таких предпосылок является ессенство, центр которого находился в Палестине и некоторые элементы которого (в частности, миф о «праведном учителе») вошли основной частью в христианство. Вторая предпосылка — хананейские культы умирающего и воскресающего божества растительности, в частности бога Иешуа (или Иошуа). Едва ли обе эти предпосылки могли сохранить в диаспоре всю свою действенность.

Можно высказать следующую гипотезу о месте возникновения христианства, которая примирила бы существующие противоречия. Одна (или несколько) иудейских сект типа тех, о которых идет речь в Апокалипсисе, в середине I в. н. э. возникла на территории Палестины. Политической предпосылкой ее была острая обстановка, сложившаяся там к этому времени. Поэтому сектанты были проникнуты страстной ненавистью к Риму. Ветхозаветные пророчества о грядущем приходе мессии оказали сильное влияние на идеологию секты. В том же направлении влиял комплекс представлений, связанных с ессенством. Особенно большое значение имела здесь легенда (или миф) о «наставнике справедливости», основателе секты, который пострадал от нечестивого жреца и скоро снова явится на землю для последнего суда. К этому присоединилась живущая в народных массах вера в бога Иешуа (Иисуса).

В этом комплексе представлений отразились, с одной стороны, национальная ограниченность иудейства и идея мессии грядущего, т. е. элементы старые; с другой же стороны, здесь появились представления для иудейства новые: идея искупительной жертвы божества и образ мессии, однажды уже приходившего в мир. Два последних момента образовали новое качество секты (или сект) иудео-христианской.

Когда иудео-христианство вышло за рамки Палестины и стало распространяться в диаспоре, его содержание начало обогащаться греко-римскими, египетскими, иранскими и другими неиудейскими элементами. Оно постепенно теряет свой ограниченный, местный, иудейский характер и приобретает черты космополитической мировой религии, т. е. превращается в христианство. Апокалипсис и отражает ту стадию иудео-христианства, когда оно только что начинает проникать в диаспору. Ранние Павловы послания характеризуют первый этап «чистого» христианства диаспоры.

Эта гипотеза, как нам кажется, примиряет точки зрения «палестинскую» и «внепалестинскую». Глубочайшими корнями своими христианство уходит в почву Палестины, что объясняет стойкость палестинской традиции и ряд других, чисто иудейских элементов в христианстве. Но вместе с тем христианство могло стать тем, чем оно стало во II в., только в обстановке диаспоры.

Христианство не было создано волей одного или нескольких гениальных проповедников. Это было массовое народное движение, носящее стихийный характер. Энгельс, анализируя Откровение Иоанна, говорит об образовании многочисленных сект, ожесточенно борющихся друг с другом. В Малой Азии, судя по Апокалипсису, их не менее пяти: 1) в Эфесе и Пергаме секта николаитов; 2) в Пергаме же секта Валаама, разрешающая «ость идоложертвенное мясо и заниматься блудом в Эфесе — те, «которые называют себя Апостолами, а они не таковы» в Тиатире секта пророчицы Иезавели, тоже разрешающая есть жертвенное мясо и заниматься развратом (2, 20); 5) в Смирно и Филадельфии — «сборище сатанинское», те, «которые говорят, что они иудеи, они не таковы, но лгут».

В атмосфере экзальтации масс все эти секты создавались пророками и пророчицами. Имена некоторых дошли до нас (Валаам, Валак, Иезавель), другие секты безымянные. Но, конечно, их также создавали (точнее, оформляли) конкретные люди. Мы не можем отказываться от попытки определить, кто были эти люди. В нашей научно-атеистической литературе часто встречается Своеобразный нигилизм в подходе к этому вопросу, нигилизм совершенно не оправданный. Сколь ни мала роль отдельной личности и сколь ни трудно ее определить в массовых религиозных движениях, эту роль все-таки нельзя сбрасывать со счетов.

Однако о деятелях иудео-христианства и первоначального кристианства трудно сказать что-нибудь конкретное. Нехристианские источники о них молчат, конечно, не потому, что их не было, но потому, что христианское течение на первых порах было слишком незначительным для того, чтобы нехристианские писатели сочли нужным упоминать об их деятелях. Впрочем, есть одно исключение: это упоминание Иосифа Флавия об Иоанне Крестителе, о котором мы говорили в I главе. Полностью это место читается следующим образом: «Некоторые иудеи, впрочем, видели в уничтожении войска Ирода вполне справедливое наказание со стороны бога за убиение Иоанна, прозванного Крестителем. Ирод умертвил этого праведного человека, который убеждал иудеев вести добродетельный образ жизни, быть справедливыми друг к другу, питать благочестивое чувство к богу и собираться для омовения. При таких условиях (учил Иоанн) омовение будет угодно богу, так как они будут прибегать к этому средству не для искупления различных грехов, но для освящения своего тела, том более, что душа уже заранее успела очиститься справедливостью. Так как и другие собирались (к нему), ибо учение (его) чрезвычайно возвышало их, Ирод, опасаясь, как бы его огромное влияние на людей не привело к какому-нибудь возмущению, предпочел, прежде чем из-за него произойдет какой-нибудь переворот, предупредить это, схватив (Иоанна) и казнив его раньше, чем пришлось бы раскаяться, когда из-за мятежа произошли бы большие неприятности.

Вследствие такой подозрительности Ирода Иоанн был в оковах послан в Махероп, вышеупомянутую крепость, и там казнен».

В основе этого сообщения, по-видимому, лежит исторический факт, подвергшийся значительной обработке. Возможно, что в лице Иоанна Крестителя мы имеем одного из тех пророков, предсказывавших скорое появление мессии, которых в Палестине I в. было немало. Тогда казнь его Иродом будет понятна. Обработка Иосифа Флавия устранила

мессианский характер проповеди, придав ей невинную и расплывчатую форму. Евангельский же рассказ, сохранив мессианское содержание проповеди, приводит чисто личную и едва ли правдоподобную причину казни Иоанна.

В подтверждение исторической достоверности Иоанна Крестителя можно привести еще такое соображение. Сообщения античных писателей об ессенах и недавние кумранские находки говорят о том, что омовения играли в жизни секты очень большую роль. Иоанн подвизался в Иудейской пустыне, на реке Иордане, недалеко от которой лежал Хирбет Кумран. Сопоставление этих фактов, во всяком случае, наводит на размышление.

Кроме Иосифа Флавия, в других нехристианских источниках I и начала II вв., как уже было сказано, никаких имен деятелей иудео-христианства и первоначального христианства нет. Имя «Христос», упоминаемое Плинием Младшим и Тацитом, во-первых, является именем нарицательным (мессия), а во-вторых, нужно еще доказать, что оно не взято из христианских источников.

Выше мы приводили несколько имен пророков и пророчиц Апокалипсиса. Едва ли эти имена вымышлены. Но они дают нам очень мало. Можно только сказать, что они евреи. Некоторые из них, быть может, местные деятели, другие — странствующие проповедники. По аналогии с апостольскими посланиями вероятнее второе. Сам автор Откровения — Иоанн — такой же еврейский странствующий пророк.

Что касается образа Иисуса Христа, то в Апокалипсисе, как мы видели, он совершенно лишен каких-нибудь человеческих и конкретных черт. Правда, в первой главе есть намеки на евангельский миф, но они настолько резко расходятся с остальной частью произведения, что, по общему мнению, являются позднейшей переделкой. Следы переделок имеются и в заключительной части произведения. Таким образом, самый ранний из христианских памятников хотя и дает нам кое-что для понимания иудео-христианства, но почти ничего для его просопографии. Во всяком случае, ни одно из конкретных лиц евангельской истории там не встречается.

Немногим больше мы находим в ранних посланиях Павла. Скудные упоминания об евангельском основателе христианства сводятся, как было указано выше, к его рождению «по плоти» от «семени Давидова», к его смерти и воскресению. В посланиях встречаются имена многих лиц — Варнава, Тит, диаконисса Фива, Прискилла, муж ее Аким и др., — но огромное большинство их нам не известно из других источников. Из евангельских персонажей упоминаются Иаков, «брат Господень», Петр (Кифа) и Иоанн.

Что касается самого Павла, предполагаемого автора части посланий, то если за ним и скрывается какое-нибудь подлинное лицо, то едва ли мы можем на основании имеющейся христианской литературы (нехристианская о нем молчит) сказать о нем что-нибудь достоверное. Савл, ремесленник из Тарса, римский гражданин, вначале гонитель христиан, а затем духовно прозревший благодаря чудесному явлению Христа известен нам только из посланий и Деяний апостолов. В этих посланиях, правда, есть древнейшие части, по общему мнению являющиеся обработкой какого-то путевого дневника («„мы"-отрывки»), Но кто был автором этого дневника, нам неизвестно.

Ранние послания Павла, как было сказано выше, отражают ту Ступень христианства, когда оно стало превращаться из иудео-христианской секты в космополитическую религию Средиземноморья. Это превращение происходило не само собой, но было делом рук определенных людей. Многих из них называют послания и «отрывки». Возможно, что среди них находился и тот, кого традиция именует Павлом (Савлом). Однако можно полагать, что исторический Павел не походил на ту необыкновенную личность, которую рисует перед нами раннехристианская литература, и что та стадия христианства, которую называют павлинизмом, далеко не ему одному была обязана своим возникновением.

Иначе обстоит дело с проблемой исторической реальности Иисуса Христа. Особая острота этого вопроса объясняется не столько научными, сколько политическими интересами. Для оценки христианства как исторического явления проблема исторического Христа не имеет сколько-нибудь решающего значения. Однако и по научным и по политическим соображениям мы не можем ее полностью игнорировать. Историческая

школа, как мы видели, выдвинула ряд гипотез: Иисус Христос — вдохновенный проповедник новой морали; он — еврейский революционер, пытавшийся организовать заговор в Иерусалиме и поднять восстание против римлян; он — визионер и «целитель», искренне убежденный в том, что он подлинный мессия, сын божий, призванный спасти род человеческий. Самое появление этих гипотез говорит о том, что каждую из них можно защищать и опровергать с одинаковым успехом. Это происходит потому, что единственный источник позитивных гипотез об Иисусе — евангелия, сложный и противоречивый материал которых можно использовать для любого предположения.

Коренное отличие Иисуса от других персонажей раннего христианства и вместе с тем решающий аргумент в подтверждение его неисторичности состоит в том, что с самого первого своего появления в литературе (в Апокалипсисе) он — бог и остается им до конца, хотя и принимает в дальнейшем человеческие черты. Причем это нарастание человеческого идет постепенно: от Апокалипсиса — через ранние послания Павла — к евангелиям. Если бы Иисус Христос существовал, эта эволюция от бога к человеку была бы совершенно непонятна.

Рядом с этим основным аргументом все другие являются второстепенными. Во-первых, полное молчание об основателе христианства всех нехристианских «современных» или близких к нему по времени писателей: Сенеки, Плиния Старшего, Филона Александрийского, Юста из Тивериады, Марциала, Ювенала, Иосифа Флавия, Диона Хрисостома, Плутарха. Правда, сторонники исторической школы отводят этот аргумент, либо ссылаясь на враждебную христианству цензуру, якобы выбросившую все упоминания о христианстве, либо объясняя это молчание незначительностью на первых порах самой новой религии. Однако антихристианская цензура всех литературных произведений I в. и начала II в. совершенно невероятна. Что же касается второй ссылки, то, если для греко-римских писателей она довольно убедительна, то для еврейских, особенно таких, как Филон и Юст, очень интересовавшихся религиозной жизнью своих соплеменников, она совершенно несостоятельна.

Во-вторых, разные даты «биографии» Иисуса. Единственным опорным пунктом являются здесь свидетельства евангелиста Луки. Он пишет: «В те дни (время рождения Иисуса, — С. К.) вышло от кесаря Августа повеление сделать перепись по всей земле. Эта перепись была первая в правление Квириния Сириею». По Иосифу Флавию, Квириний окончил перепись в 37-м году после поражения Антония Цезарем Августом при Акциуме. Согласно другому указанию Луки, Иоанн Креститель начал свою проповедь «в пятнадцатый год правления Тиберия Кесаря, когда Понтий Пилат начальствовал в Иудее (т. е. в 29 г. н. э.». Наконец, третье указание Луки гласит: «Иисус, начиная свое служение, был лет около тридцати». Из сопоставления всех этих данных и получается традиционная приблизительная дата рождения Иисуса — 30-й год единоличного правления императора Августа.

Однако рядом с евангельской датой рождения Иисуса в древности существовали и другие. Так, Ириней приводит сообщение каких-то «пресвитеров Азии», что Иисусу было около 50 лет. В сочинении византийского писателя IX в. Синкелла (составившего хронику от «сотворения мира» до правления Диоклетиана) смерть Иисуса датирована 58 г. Известная раннехристианская фальшивка «Донесение Понтия Пилата» якобы адресована императору Клавдию. Это значит, что смерть Иисуса, по мнению авторов фальшивки, произошла не раньше 41 г., года вступления Клавдия на престол. Эта разноголосица является еще одним аргументом против исторической реальности основателя христианства.

Любопытно, что уже во II в. в некоторых христианских кругах высказывались сильные сомнения в историчности Иисуса Христа. В главе VIII апокрифического послания Игнатия к филадельфийцам читаем: «Я слышал, как некоторые говорят, что, мол, если не найду в официальных документах, то не поверю сказанному в евангелиях. А когда я говорил им, что ведь написано (в Ветхом завете), они мне отвечали: это само еще Нужно доказать.

Таким образом, все исторические данные говорят против исторического существования Христа. Евангельский рассказ о нем — миф. Как же он сложился? В этом вопросе еще нет полной ясности. В частности, трудно сказать, что нужно положить в основу мифа. Вероятно,

такой основой являются восточные мифы о страдающих, умирающих и воскресающих богах-спасителях. Есть основания думать, что в Ханаане, еще до появления там евреев, существовал аналогичный культ бога Иешуа (Иисуса). Следы этого культа сохранились в имени Иисуса Навина, пророка Елисея и др. С приходом евреев и распространением официальной религии Яхве культ Иисуса был оттеснен на задний план и сохранился только в народной среде. По-видимому, он и дал свое имя мнимому основателю христианства.

Вторым источником мифа были библейские пророчества о мессии. Выше мы приводили 53-ю главу Исайи, оказавшую несомненное влияние на выработку образа мессии-страдальца. Еще ярче этот момент выступает в XXI псалме: «Я пролился, как вода; все кости мои рассыпались. . . Ибо псы окружили меня, скопище злых обступило меня, пронзили руки мои и ноги мои. . . делят ризы мои между собою и об одежде моей бросают жребий». Здесь нарисована картина распятия Иисуса вплоть до совпадения отдельных выражений с евангельским рассказом. Вообще, в евангелиях мы встречаем многочисленные ссылки на библейских пророков. Так, по поводу избиения Иродом младенцеп евангелист замечает: «Тогда сбылось реченное через пророка Иеремию, который говорит: „глас слышен в Раме, плач и рыдание, и вопль великий; Рахиль плачет о детях своих и не хочет утешиться, ибо их нет". После смерти Ирода Иосиф с семьей возвратился из Египта, по случаю чего Матфей добавляет: «Да сбудется реченное Господом через пророка, который говорит: „из Египта воззвал Я Сына Моего». В Евангелии Иоанна рассказывается о том, как Иисус въехал в Иерусалим на осле, и сейчас же делается ссылка на пророка Захарию: «. . . как написано: „не бойся, дщерь Сионова! се, Царь твой грядет, сидя на молодом осле" . Аналогичных примеров можно было бы привести очень много. Они вскрывают перед нами одну из сторон евангельского мифотворчества: когда безымянными проповедниками создавался миф о мессии, отдельные выражения о нем библейских пророков послужили материалом для евангельской биографии Иисуса.

Наконец, есть еще один источник евангельского мифа, о котором наука узнала за последние десятилетия. Это сказание о «праведном учителе» кумранских документов и садокидского трактата. Лежит ли в основе этой легенды какой-нибудь исторический факт? Мы знаем, какую жестокую борьбу вели последние представители Хасмонейской династии против оппозиции. Так, Александр Яннай (103—76) в 88 г. распял 800 участников восстания и на их глазах приказал перебить их жен и детей. Множество оппозиционеров бежало в пустыни и в Египет. Вероятно, это связано с основанием кумранской общины ессенов, и на этой почве появилась легенда о «праведном учителе»: замученный вождь ессенов вновь появится и будет судить мир. Возможно, что образ «праведного учителя» — образ мифический; в пользу этого говорит сугубая неясность его в дошедших документах. Но возможно допущение и какого-то исторического прототипа; существо дела от этого не меняется.

Римское завоевание 63 г. усилило мессианские настроения. В III главе мы говорили о многочисленных движениях в Палестине, носящих мессианский характер. Второй половиной I в. нужно датировать возникновение иудео-христианства, памятником которого служит Откровение Иоанна (его основная, древнейшая часть). Мифа об Иисусе Христе еще нет, есть только идея об искуплении смертью «агнца», носящая земледельческо-гностический характер, вневременный и внепространственный. Однако такой абстрактный характер религиозное течение долго сохранить, не могло: массовая религия требует конкретного объекта поклонения.

Выше мы видели, как в ранних посланиях Павла, складывавшихся уже в диаспоре, миф об Иисусе Христе делает свои первые шаги. Во второй четверти II в. происходит его дальнейшее развитие и оформление. Важным моментом на этом пути было введение фигуры Пилата. Первоначально это было обусловлено чувством ненависти к римлянам. Но одновременно с формированием мифа шел разрыв новой религии с иудаизмом. Она все более и более впитывает в себя общесредиземноморские черты и теряет локальный иудейский характер. Разрушение Иерусалима в 70 г. начинают рассматривать как наказание

свыше казнь Мессии. Тогда образ Пилата смягчается, вводится мотив омовения рук, и виновными в распятии Христа признаются целиком иудеи.

Итак, можно ли найти какое-нибудь историческое ядро в мифе об Иисусе Христе? Для традиционного богословского образа, равно как для воображаемой фигуры, которую рисует историческая школа (иудейский революционер, великий проповедник, гений, создавший новую религию, одержимый визионер, искренне убежденный в своем богоизбранничестве и богосыновстве и т. д.), Никаких исторических оснований не существует. Однако новая религия создавалась людьми. В течение десятилетий ее создавало большое количество реально существовавших, более или менее одаренных (правильнее сказать, неуравновешенных) людей, начиная с создателей иудейских сект (в том числе и «праведного учителя» кумранских документов, если он историческое лицо) и кончая многими деятелями новозаветной литературы. Но евангельского Иисуса, именуемого Христом, среди них нет.

§ 9. Легенды об Иисусе Христе

Отвергая реальное существование богочеловека, обрисованного в приведенном выше тертуллиановском символе веры, целесообразно попытаться рассмотреть вопрос об историческом зерне этого мифа. Предметом дискуссии является неоднократно ставившийся исследователями вопрос о том, стоит ли за мифическим образом евангельского Христа какой-нибудь «земной» исторический персонаж, вокруг личности которого и наслоились все эти лишенные рациональных оснований мифы.

В «совокупности голых фактов» Иисус из Назарета как это уже отмечал Кушу, действительно мал. Современные эпохе первых императоров писатели и историки либо не слышали о нем, либо не сочли заслуживающим специального упоминания, поскольку локальные движения и местные проповедники и пророки были в первые века новой эры довольно распространенным явлением и на западе империи и в особенности на востоке. «Многие безвестные личности,— писал Цельс,— в храмах и вне храмов, некоторые даже нищенствующие, бродящие по городам и лагерям, очень легко, когда представляется случай, начинают держать себя как прорицатели. Каждому удобно и привычно заявлять: „Я — бог или дух божий, или сын божий. Я явился. Мир погибает, и вы, люди, гибнете за грехи. Я хочу вас спасти и вы скоро увидите меня возвращающимся с силой небесной. Блажен, кто теперь меня почтит; на всех же прочих, на их города и на земли я пошлю вечный огонь, и люди, не сознающие своих грехов, тщетно будут каяться и стенать; а кто послушался меня, тем я дарую вечно спасение"».

Это свидетельство современника и очевидца хорошо объясняет скудость наших источников. Вне узкого круга своих приверженцев Иисус, если даже допустить наличие в этом евангельском персонаже какой-то исторической основы, мог быть лишь одним из многих прорицателей такого рода, к которым образованный античный мир относился с полным пренебрежением.

Однако Кушу, по мнению некоторых исследователей, сгустил краски, заявив, что в мифе о Христе истории не удается уловить никакого исторического зерна. Если говорить не о позднейшем догматическом Христе, полном противоречий и мистицизма, создававшемся столетия и синкретически усвоившим множество представлений, мифов и социальных чаяний различных слоев общества,— если говорить не об этом, а об истоках движения, то там, по их мнению, как будто улавливаются отдельные скупые реминисценции о некоем маленьком земном проповеднике, который в духе своего времени именует себя посланцем божьим, но у которого, кроме имени, мало общего со своим позднейшим божественным тезкой.

Где следует искать отзвуки воспоминаний об этом проповеднике?

Разумеется, в первую очередь надо обратиться к тому древнему писателю, который должен был больше всех знать об этом предмете. Речь идет о еврейском историке I в. н. э. Иосифе Флавии. Он родился в Иерусалиме в 37 г. н. э., т. е. как раз в том десятилетии, когда

по евангельской традиции происходят основные события «биографии» Христа. Он хорошо знал религиозную жизнь Иудеи своей эпохи, и кумранские открытия, в общем, подтвердили достоверность его сведений об эссенах. Некоторое время Иосиф играл видную роль в общественной и политической жизни страны и в ходе антиримского восстания в Иудее в 66 г. н. э. занимал важный пост военначальника одной из областей.

Сообщает ли что-нибудь Иосиф Флавий об Иисусе Христе?

В восемнадцатой книге его «Иудейских древностей» содержится абзац, ставший предметом беспрестанных дискуссий.

«Около этого времени,— пишет он,— жил Иисус, человек мудрый, если его вообще можно назвать человеком, Он совершил изумительные деяния и стал наставником тех людей, которые охотно воспринимали истину. Ом привлек к себе многих иудеев и эллинов. То был Христос, По настоянию наших влиятельных лиц Пилат приговорил его к распятию на кресте. Но те, кто раньше любил его, не прекращали этого и теперь. На третий день он вновь явился им живой, как об этом и о многих других его чудесных делах предсказали боговдохновенные пророки. И до нынешнего дня существует еще секта христиан, которые от него получили свое имя».

Не требуется особой прозорливости, чтобы заметить, что иудей Иосиф, примкнувший в бытность свою в Иудее к фарисеям, самым закоренелым врагам Иисуса, по свидетельству евангелия, не станет петь ему дифирамбы, Поэтому все сколько-нибудь серьезные ученые признали этот отрывок за грубейшую христианскую подделку или интерполяцию (вставку), которая была сделана благочестивым христианским переписчиком. Удается уловить и время появления этой вставки. Крупнейший христианский писатель Ориген, создававший свои произведения в первой половине III в. н. э. и основательно изучивший сочинения Иосифа, не знает еще этой апологетической тирады. Он трижды упоминает куда менее важное место из «Иудейских древностей», где говорится о казни брата Иисуса; он знаком с местом, где упоминается Иоанн Креститель, но приведенной выше цитаты он не нашел, Более того, он говорит, что Иосиф «не верит в Иисуса как в Христа», т. е. нечто диаметрально противоположное тому, что говорится в указанной вставке. Но христианский писатель начала IV в. н. э. Евсевий ссылается уже на этот отрывок из «Иудейских древностей». Следовательно, подделка была совершена во второй половине III — начале IV в. н. э.

Если этот вопрос решается сравнительно легко, то другая часть абзаца сложнее. Как понимать утверждение интерполятора, что «до нынешнего дня» существует еще секта христиан, получивших свое название «от него» — Христа? Если речь идет о времени интерполяции, то очевидно, что вторая половина III и начало IV в. не нуждались в такой справке. В 325 г. состоялся первый вселенский Никейский собор, оформивший признанную императором, широко разветвленную и всем известную вселенскую церковь; вряд ли о христианах стали бы тогда говорить, как о «еще» существующей секте. Но такая фраза вполне уместна для второй половины I в. н. э.— того времени, когда Иосиф Флавий писал «Иудейские древности». Быть может, эта заключительная фраза является осколком первоначального текста, в остальном фальсифицированного неизвестным христианским переписчиком. Бесполезно гадать, каково содержание этого первоначального текста. Но он мог быть только враждебен христианству. Иисус не признается мессией, Христом — свидетельствует Ориген. Отсюда можно заключить, что у Иосифа фигурировал некто, претендовавший на такое звание.

У Иосифа Флавия есть еще одно упоминание о Христе. В двадцатой книге рассказывается о жестоком первосвященнике Анане, принадлежавшем к партии саддукеев, который, выбрав удобный момент, «собрал синедрион и представил ему Иакова, брата Иисуса, именуемого Христом, равно как и нескольких других лиц, обвинил их в нарушении законов и приговорил к побитию камнями». Это место, как уже отмечалось, трижды упоминается Оригеном. Если отнести указанный эпизод к упоминаемым там же наместникам Иудеи Фесту и Альбину, то его надо датировать 62 г. н. э. Заметка эта по своей сдержанности, краткости и отсутствию апологетических ноток в отношении христианства производит впечатление подлинной. К сожалению, Иосиф не раскрывает мотивов ненависти

первосвященника Анана к Якову. Однако названные там лица, в связи с которыми упомянут Иисус, представляются вполне реальными персонажами.

Наконец, еще одна заметка у Иосифа, хотя не называет Христа, имеет касательство к формированию христианства. В восемнадцатой книге «Иудейских древностей» содержится рассказ о так называемом Иоанне, Крестителе, «праведном человеке», убитом Иродом за его опасную популярность в народе и из боязни каких-то волнений, связанных с его именем. О деятельности Иоанна пишется в мягких, полных доброжелательности тонах, что могло бы навести на мысль о позднейшем христианском искажении и этого места. Однако Иосиф, в юности примкнувший к эссенам и проведший три года вместе с ними в пустыне, возможно, сохранил симпатии к персонажу этой заметки, который, как полагают в связи с кумранскими открытиями некоторые исследователи, имел какие-то связи с кумранской общиной.

У Тацита в рассказе о грандиозном пожаре Рима в 64 г. н. э., уничтожившем две трети строений столицы, упоминаются христиане. Чтобы погасить распространившийся по Риму слух, будто поджог города был совершен по распоряжению императора, рассказывает Тацит, «...Нерон подставил виновных и применил самые изысканные наказания к ненавистным за их мерзости людям, которых чернь называла христианами. Виновник этого имени Христос был в правление Тиберия казнен прокуратором Понтием Пилатом, и подавленное на первое время пагубное суеверие вырвалось снова наружу и распространилось не только по Иудее, где это зло получился начало, но и по Риму, куда стекаются со всех сторон и где совершаются все гнусности и бесстыдства. Таким образом, сначала были схвачены те, которые признавались, а затем по их указанию огромное множество других, которые были уличены не столько в поджоге, сколько в ненависти к роду человеческому».

Приведенный отрывок является издавна предметом дискуссии, хотя весь его тон, хронологическая близость автора к описываемым событиям (ему было около девяти лет, когда все это произошло) и довольно суровый отзыв о христианском учении, названном «пагубным суеверием», человеконенавистничеством, мерзостью, едва ли дает к этому большие основания.

Сторонники интерполяции открывают в тексте ряд «несуразностей и странностей». Так, подозрению подвергается сама литературная композиция: абзац о христианах Тацит вкомпоновывает не в раздел, посвященный Тиберию, как следовало бы по мнению его критиков, а в раздел, посвященный событиям в Риме эпохи Нерона. Они считают также странным, что в рассказе Тацита упоминается прокуратор Иудеи Понтий Пилат. Откуда тот вообще мог бы узнать о нем? Аргументом против подлинности этого отрывка считается также выражение «огромное множество», которое Тацит употребляет в отношении христиан.

Однако ряд других исследователей находит эти возражения недостаточно вескими. Не говоря уже о неправомерности самого вопроса, почему тот или иной автор избрал такую, а не другую компоновку материала или почему он включил в свой рассказ данное историческое имя, опустив другое,— не говоря уже о всем этом, неубедительность приведенных возражений заключается и в том, что в общем избранное Тацитом построение имеет свою логику. Для образованного римлянина христиане времени Тиберия — величина ничтожная и, вероятно, даже неизвестная. Историк говорит о них только в связи с пожаром Рима и лишь попутно приводит то, что о них рассказывалось в его время. Среди людей его круга было неизвестно даже их наименование, да едва ли оно и было у них в это время. Тацит приводит прозвище, данное им «чернью» и лишь во II в. н. э. ставшее их самоназванием.

Сторонники интерполяции несколько преувеличивают и значение оборота «великое множество» применительно к христианам. В отрывке говорится лишь о великом множестве людей, схваченных и уличенных в ненависти к роду человеческому. В обстановке нероновского террора вряд ли велась строгая отфильтровка подлинных христиан от других подозрительных элементов. Да и сами слова «великое множество» (в данном случае образное выражение) означают лишь то, что их были не единицы и не десятки. Захват сотен обвиненных в «ненависти к роду человеческому» должен был произвести на современников

и на Тацита впечатление, будто Рим полон преступников, которых «чернь называла христианами». По-видимому, только так можно понимать это пресловутое «великое множество». Следует отметить, что в настоящее время лишь немногие исследователи безоговорочно принимают этот отрывок за интерполяцию.

У Светония, жившего между 75 и 160 г. н. э., имеются две небольшие заметки по рассматриваемому вопросу. В жизнеописании императора Клавдия, который правил между 41 и 54 г., содержится следующая заметка: «Иудеев, которые по подстрекательству Хреста заводили некие смуты, он изгнал из Рима». Кто упомянутый здесь Хрест (Chrestus)? Мало известное для римлян и потому искаженное Светонием имя Иисуса Христа или довольно распространенное в

это время греческое имя Хрест? Разумеется, ответить на этот вопрос ввиду краткости самой заметки не представляется возможным. Но Светоний, бесспорно, что-то слышал о христианах и в описании деятельности Нерона между рассказом о запрете продавать в харчевнях что-либо вареное и ограничениях, наложенных на цирковых наездников, вставляет фразу: "Христиане, новый и зловредный вид религиозной секты, подверглись преследованию казнями».[52]

Между 111 и 113 г. наместник Вифинии Плиний Младший обратился с письмом к императору Траяну по поводу христиан его провинции. В этом письме он спрашивает императора, как вести дознание по такого рода делам и каким подвергнуть наказаниям упорствующих. Он сообщает, что в ходе расследования, очевидно по анонимному доносу, ему был предложен список, содержащий «много имен». Далее он сообщает о принятых им мерах и испрашивает императорского одобрения. «Тех,— пишет он,— кто отрицал, что они являются христианами или были ими, я решил отпустить; когда они вслед за мной призвали богов, совершили перед изображением твоим... жертву ладаном и вином, а кроме того обругали Христа... Другие, названные доносчиком, сказали, что они христиане, а затем отказались от этого, оказав, что они были христианами, а затем отпали, некоторые за три года, другие за много лет назад, некоторые даже за двадцать. Все они почтили и твое изображение и статуи богов и обругали Христа»[20]. В результате Плиний приходит к заключению, что все действия христиан не обнаруживают ничего, кроме «безмерно уродливого суеверия», однако опасность его распространения представляет угрозу для тех, кто подвергается этой «заразе».

Вопрос о подлинности этого письма Плиния и ответа Траяна вызвал обширную полемику. Ряд ученых, среди них можно назвать и акад. Р. Ю. Виппера, считали это письмо бесспорно подложным. Они обосновывали это и несообразностями композиции письма, и тем, что среди ста других писем Плиния больше нигде нет речи о христианах, и молчанием писателя Диона Хрисостома, современника Плиния. Вызывало сомнение и то, что, согласно этому письму, у христиан Вифинии в начале II в. н. э. была уже довольно прочная организация. Наконец, сомнению подверглось и описание некоторых элементов литургической службы у христиан времени Плиния. Сторонники подложности письма считали, что здесь налицо перенесение черт, присущих IV в., во II в.

Однако всему этому были противопоставлены серьезные доводы в пользу подлинности письма. Во-первых, «а основе литературно-филологического анализа исследователи пришли к выводу, что письмо написано в манере Плиния и литературы его времени. Было замечено также, что ответ Траяна по своей манере, лаконичности и самому существу полностью отвечает и литературному стилю и политическим взглядам этого императора. Но кроме этого имеется еще один аргумент, который едва ли возможно опровергнуть. Дело в том, что письмо Плиния упоминается апологетом Тертуллианом, писавшим на рубеже II—III вв. н. э., задолго до Никейского собора.

---

[52] См.: М. М. Кубланов Иисус Христос – бог, человек, миф? С. 130 - 145

«Во время своего управления провинцией,— пересказывает Тертуллиан содержание переписки, — Плиний I Секунд иных из христиан осудил на казнь, иных лишил занимаемых ими должностей, но, напуганный великим множеством их, запросил Траяна, бывшего тогда императором, что ему делать с остальными, указывая, что помимо их упорства и нежелания приносить жертвы, он не узнал о собственных их таинствах.

В связи с рассмотренными фрагментами из Талмуда уместно привести свидетельство караимского писателя X в. Киркисани. Он, рассказывая о сектах Иудеи I п. до н. э. и, в частности, о секте, которую он называет пещерной (возможно, ее следует сопоставить с кумранской), пишет: «Вскоре там появился Иешуа, который, по словам раввинов, был сыном Пандиры; он известен как Иисус, сын Марии. Он жил в дни Иешуа сына-Перахаи, о котором говорят, что он был дядей Иисуса со стороны матери. Это произошло в царство Августа Цезаря, императора Рима, т. е. в период второго храма».

Другое свидетельство, восходящее к известному церковному деятелю IV—V вв. Иерониму, приписывает эссенам утверждение, «что сам Христос был тем, кто научил их всякому воздержанию».

Последней группой материалов, которые могут быть привлечены для рассматриваемого вопроса, являются свидетельства античных критиков христианства. В этой! группе источников содержатся аргументы против христианского вероучения, не утратившие, в ряде случаев, своего значения и поныне. Античные критики христианства приоткрывают обстановку, благоприятствовавшую христианскому мифотворчеству и некритическому восприятию таких мифов современниками. Наконец, в них можно найти некоторые упоминания об Иисусе Христе. В каком облике он предстает в этом круге памятников?

В сочинении Цельса в ходе очень аргументированной антихристианской полемики несколько раз упомянут Иисус. «Совсем недавно,— писал Цельс,— проповедовал он это учение, и христиане признали его сыном божьим... Они были обмануты и восприняли учение, портящее жизнь человеку». Здесь автор как будто вполне определенно говорит об Иисусе, проповеднике, которого его приверженцы возвели в бога. Далее Цельс приводит версию, отзвуки которой удержались в какой-то мере в евангелиях и в Талмуде и которая у него имеет определенную антихристианскую направленность. При этом Цельс и его источники смотрят на Иисуса как на реальный персонаж, оспаривая, однако, его божественное происхождение и другие евангельские мифы. «(Иисус),— пишет Цельс,— выдумал свое рождение от девы. Он родился в иудейской деревне от местной женщины, нищей пряхи; уличенная в прелюбодеянии, она была выгнана своим мужем, плотником по ремеслу. (Она была уличена в прелюбодеянии и родила от какого-то солдата, по имени Пантера.) Отвергнутая мужем, она, позорно скитаясь, родила втайне Иисуса. Этот, нанявшись по бедности поденщиком в Египте и искусившись там в некоторых способностях, которыми египтяне славятся, вернулся гордый своими способностями и на этом основании объявил себя богом»[37]. В другом месте Цельс говорит, что «тем, которые желают быть обмануты, много явилось таких, каким был Иисус», недвусмысленно сопоставляя его с многочисленными пророками, колдунами, чудотворцами, о которых говорилось выше. Подвергнув обстоятельнойкритике евангельские мифы о Христе, автор «Правдивого слова» заключает: «Итак, Иисус был человеком, притом таким, каким его рисует истина и показывает разум». Полемизируя далее с христианскими проповедниками и возражая против их. тезиса, что в теле Иисуса был дух божий, он говорит: "А между тем (тело Иисуса) ничем не отличалось от других и, как г о в о р я т (разрядка моя.— М. *К.),* не выделялось ростом, красотой, стройностью». В другом месте он укоряет христиан за то, что они объявляют богом «(человека), прожившего самую бесславную жизнь и умершего самой жалкой смертью». Создается впечатление, что для Цельса евангельский' Христос — оплетенный мифами и небылицами человек, некий пророк и колдун, о котором еще во II в. сохранились какие-то недоброжелательные рассказы. Подбирая аргументы противоевангельских мифов о богочеловеке, античная критика христианства не выдвинула, однако, аргумента о мифичности человека Иисуса. Такая позиция свойственна не только Цельсу, но и другим античным писателям, посвятившим специальные сочинения развенчанию христианства.

Впрочем, надо признать, что в древности общепринято было верить в земное существование не только Иисуса, но и заведомо нереальных персонажей и героев, таких, как Геракл, Тесей, Ромул и многих многих других.

Крупный римский чиновник, наместник провинции Вифиния в начале IV в. Гиерокл, фрагменты сочинения которого сохранились у христианских апологетов Евсевия и Лактанция, также ведет огонь лишь против обожествления Иисуса, указывая на то, что античный мир знал много людей, творивших чудеса. Одним из примеров такого рода может служить жрец бога Асклепия Аполлоний Тианский, младший современник евангельского персонажа. «...Аполлоний,— говорит Гиерокл,— совершил такие же или даже более великие дела»[53]. Однако образованные «язычники» оценили Аполлония лишь как угодного богу человека. Что касается деяний Иисуса, то о них «раструбили Петр и Павел и кое-какие близкие им лица», Таким образом, Гиерокл, развенчивая божественность Иисуса, не оспаривает, однако, историчность самого этого персонажа.

Аналогичной позиции придерживается и император Юлиан, написавший сочинение в трех книгах «Против христиан».

Таковы различные по своей научной и исторической ценности свидетельства источников. Они подводят нас к вопросу, который сам по себе имеет лишь второстепенное значение для истории происхождения христианства, но тем не менее на протяжении двух столетий был предметом многочисленных дискуссий.

§ 10. Наука об истории существования Иисуса Христа и становлении церкви

Давайте теперь коснёмся вопроса возникновения христианства, опираясь на выводы учёных 30-х годов, которые были репресираваны сталинизмом. Вот что они писали в 1930 году в «Атласе по истории религии».

Иисуса Христа, как исторической личности, никогда не существовало, писали они. Это миф (религиозная сказка), заимствованная христианством частью у иудейского сектантства эпохи подчинения Иудеи Риму, частью у других религий древнего Востока.

На основании каких соображений современные историки религий, (поскольку они в данном вопросе стремятся к выяснению истины, а не являются прислужниками церкви и реакционной клерикальной буржуазии), делают такой вывод? Несомненная мифичность Иисуса Христа (другого мнения не может теперь придерживаться ни один беспристрастный историк), определенно явствует из следующих данных:

1) Если бы хоть сотая доля тех «событий», о которых повествуют применительно к хриету евангелия, имела место в действительности, их должна была бы отметить современная той эпохе греко-римская и иудейская литература. То был век расцвета этой литературы, век историков и философов, век нравоучительной сатиры. Словом, все, казалось бы, говорило за то, чтобы привлечь внимание к деятельности, подобной деятельности Христа, если бы таковая личность существовала в действительности.

1) И, однако, о Христе мы во всей этой литературе не найдем ни слова. В частности, в Палестине, куда евангелия помещали Христа, всего одним поколением позже той эпохи, к которой они его приурочивают, был выдающийся историк Иосиф Флавий, очень подробно описавший события в этой стране, особенно за ближайшее к его времени столетие. Он — автор двух больших книг по еврейской истории данного периода, так называемых «Древностей иудейских» и «Иудейской войны», но ни в той, ни в другой книге Иосиф Флавий ничего не говорит о Христе. Это казалось самим церковным историкам таким странным, что последние в 4-м веке попытались ввести в книге Флавия соответствующие

[53] Цит. по кн.: А. Р а н о в и ч. Античные критики христианства, стр. 175, 203, 222 и др.

вставки (глава XVIII и отчасти XX «Древностей»). Но недостоверность этих вставок вполне разоблачена современными учеными. Это сравнительно поздний подлог, его не было еще, напр., в 3-м веке, в эпоху церковного писателя Оригена, собиравшего вое свидетельства о Христе древних писателей, а Иосифа Флавия обошедшего полным молчанием. Равно подложными считаются теперь отрывки о христе у римских историков, конца 1 века — Тацита, Плиния младшего и Светония. А за этими исключениями ни один тогдашний греческий, римский и иудейский писатель, повторяем, ничего о христе не говорит.

2) Молчит о Христе и археология или дает нам о христе такие представления, из которых ясно встает мифический характер этого образа. Древнейшее изображение Христа это — агнец, или человек, несущий агнца на плечах и окруженный овцами и рыбами, иногда также рыба. Тут перед нами, несомненно, какое-то божество, корни культа которого уходят в тотемизм, в религии охотничье рыболовного хозяйства; между этими образами и привычной церковной-традиционной фигурой палестинского проповедника I века, так наз., хр. эры нет ничего) общего. Ясно, что последний образ христа, как деятеля определенного времени и определенной страны (Палестины эпохи Тиверия), был еще раннему христианству совершенно неизвестен.

3) Христа, как исторического деятеля, не знает и большая часть древне-христианской литературы. В так наз. посланиях Павла, равно как и во всех прочих апостольских посланиях новозаветной литературы, под именем христа фигурирует какой-то символ, в крайнем случае, дух, появляющийся в разных местах, но не исторический деятель в Палестине. В так называемых «Деяниях апостольских» прозелиты, вновь обращенные в христианство, вроде так наз. Павла, идут собирать сведения о христе в Аравию, а не в Палестину. Христос рисуется, как призрак, вроде того, которого внезапно встречает на пути в Дамаск Павел «Деяний апостольских».

Из некоторых отрывков «Деяний» можно далее заключить, что первое христианство не считает христа умершим (см. «Деяния», гл. 14, стих 15). Смутные предания разных христианских времен сохранили нам сведения о существовании целого направления в раннем христианстве, так называемых докетов, которые прямо считают христа не человеком, а призраком. По всей вероятности, то, что позднейшая церковь выставляла, как мнение особой секты, первоначально и было наиболее распространенным мнением в христианстве. В сущности, докетический взгляд на христа определенно вскрывается во всей апостольской литературе новозаветной библии.

4).В конце концов, сами церковные историки, поскольку они не могут не считаться с современной исторической критикой, должны признать, что единственным источником сведений о христе, как историческом деятеле, являются евангелия. Но можно ли евангелия считать за исторические книги? Нет, это сборник нравоучительных и чудесных рас сказов, являвшихся бродячими легендами по всему древнему Востоку.

В отдельных евангельских образах и рассказах мы найдем и древнеегипетские и вавилонские и индусские мифы.

Корни евангельских рассказов и о непорочном зачатии Христа, и о бегстве богородицы с новорожденным спасителем от козней Ирода, и о крещении, и о причащении, и о самой крестной смерти, и о воскресении, и о вознесении христа мы находим и в Вавилоне, и в Египте, и у греков; даже позы фигур, поскольку они восприняты христианским изобразительным искусством, общи у христа и у его дохристианских предшественников.

В свое время некоторые защитники исторического христа (например, поповский профессор Ренан), пытались найти исторический образ христа, выделив из евангельской мифологии элементы чудесного и составив одни рассказы более или менее обычного житейского порядка. Но правильно указывают хотя бы историки голландской школы (Пирсон и др.), а за ними и недавно умерший датский ученый Брандес, что вся эта евангельская «история» ничто иное, как известная предпосылка к чудесному элементу в евангелиях.

Ведь, для того, чтобы описать какое-либо чудо, взятое хотя бы из египетских или вавилонских сказаний о богах, как чудо христианское, авторы евангелий должны были приурочить его к какой-либо конкретно исторической обстановке. Однако, им это не

особенно удается. Хотя церковь и считает евангелия книгами, написанными по рассказам неких Матфея, Марка, Луки и Иоанна, якобы близкими спутниками или, во всяком случае, современниками Христа, но авторы евангелий обнаруживают большое незнание как раз именно той страны и того времени, к которым они хотят приурочить деятельность главного героя своих рассказов. Они не знают ни большинства городов Палестины 1 века так наз. христианской эры, а, с другой стороны, называют в их числе такие, которые тогда не существовали, например, Назарет и даже не существовали вовсе, напр., Эннон, Наин, ни событий 1 века, ничего не упоминают ни о восстаниях евреев против римлян, ни о вождях этих восстаний, которыми наполнено все первое столетие.

Французский ученый Мутье-Руссэ — автор книги «Существовал ли Иисус Христос» (имеется русский перевод, изд. «Атеиста», 1929 г.) доказал, что они плохо знают даже флору и фауну Палестины. Поселяют сюда никогда здесь не живших животных и не знают местных. Вое это заставляет предположить, что современные канонические евангелия написаны и значительно позже, и в других странах, и уже, во всяком случае, не теми лицами, которых церковь традиционно считает за их авторов.

Об этом же свидетельствуют и многочисленные евангельские противоречия.

Исторически в этих противоречиях нет ничего удивительного; современные официально признанные канонические четыре евангелия, как известно, окончательно принятые только на 2-м Вселенском соборе в 381 году, представляют из себя по существу довольно худо проредактированные своды или сборники ряда неканонических, т.-е. не признанных церковью, более ранних сказаний о христе, заимствованных из древне-восточной религиозной литературы разных народов об умирающих и воскресающих богах и божественных спасителях и мудрецах.

Таких сказаний теперь известно около 90. Вот этот - то разнородный материал и лег в основание евангельских рассказов, которые поэтому ни в коем случае историческими книгами считать нельзя. Это не биография о жизни человека, а собрание религиозных сказок и нравоучительных положений чуть ли не из всех религий древнего Востока на территории от Индии до Греции и Египта, территории, объединенной торговыми сношениями и походами великих завоевательных государств древности — Египта, Ассирии, Вавилона, Персидской монархии, монархии Александра Македонского и его современников, Рима и Парфянского царства.

Сам по себе миф о Христе — старинный миф об умирающих я воскресающих богах, который мы находим в древневавилонских религиозных сказаниях о Таммузе и в египетской мифологии об Осирисе; у сирийцев это божество фигурирует под именем Адониса, в Греции — Диониса, Марсия и пр.

Корни этого культа восходят по преимуществу к культу увядающей и расцветающей растительности, хлебных злаков, плодовых деревьев и растений. Образуются эти культы чаще всего в связи с переходом человеческих обществ к земледелию, как основе хозяйства. В дальнейшем их питает рабский строй, угнетенные массы в связи с неудачей рабских восстаний ищут в таких божествах хотя бы иллюзорного, вымышленного, паллиативного примирения со своей тяжкой долей.

Как мифичен Христос, так мифичны и прочие персонажи евангельских историй. Из наиболее видных персонажей этих религиозных сказок следует отметить культ богородицы. Корни его ясно уходят глубоко в культ богинь плодородия, материнства и любви. В дальнейшем, в христианстве, богиня материнства и любви обособилась. Первая сосредоточилась на культе девы Марии, вторая нашла свое отображение в культах Марии Магдалины, Марии Египетской, Святой Скорби и т. п.

Мифический образ Иоанна крестителя определенно ведет к культу речных божеств и, по-видимому. тесно связан с вавилонским Эа.

Мифы об апостолах очень часто только дублирование рассказов о христе или заимствование христианством некоторых рассказов о второстепенных похождениях древневосточных божественных спасителей. В частности, некоторые черты и образы Петра напоминают Митру — древне - иранское солнечное божество, рождающееся из камня. Корни

отдельных христианских обрядов, например, причащения, можно найти еще у примитивных народов. В частности, причащение — прямое наследие религиозной антропофагии — съедение дикарем тела своего бога или героя в целях приобщения к его духу. Дух следует туда, где лежит тело — рассуждает дикарь.

Культ креста много старше христианства. По наиболее вероятному мнению, он восходит к обоготворению первобытным человеком свастики, т.-е. орудия добывания огня. Во всяком случае, крест почитается не как орудие казни. Мы встречаем его как предмет культа, у самых разнообразных народов, вплоть до Кореи и Гималаев. Как почетный отличительный знак он носился еще ассирийскими царями.

Резюмируя все сказанное, мы видим, что евангельская история совсем не имеет за собой исторической подкладки в той форме, в которой обычно представляет ее церковь. Не деятельность какого-то проповедника создала христианство. Здесь налицо старинное обоготворение умирающих и воскресающих богов, обряды, отражающие религиозные представления самого пестрого порядка, начиная от весьма примитивных тотемистических представлений древности.

Но, если христа не было, то, как произошло христианство?

Христианство породила социальная обстановка античного мира. Это была культура, основанная на рабстве; общество, состоявшее из трех основных социальных подразделений — богатых рабовладельцев, разорявшихся средних классов, из которых, в частности формировался античный пролетариат, более похожий на современный люмпен-пролетариат, и рабов.

Рим — самое крупное рабовладельческое образование древнего мира, а, быть может, всех веков. В первый период завоеваний, период конца римской республики, рабская масса здесь усиленно бунтует. Это время Антиоха сицилийского, время Спартака. Идут также волнения и беднейших представителей свободного населения государства. По римскому государству прокатывается ряд гражданских войн.

В эпоху империи эта классовая рознь заметно слабеет, особенно ко 2-му и 3-му векам. Тут действовала и неудача рабских восстаний и то, что производственный базис этого общества — рабство заколебалось само собой. Рабский труд непрочен. Раб быстро вымирает, особенно в условиях массового рабского хозяйства, в условиях римских латифундий. Но когда Рим раздвинулся до таких пределов, где он по состоянию тогдашней техники вести завоеваний уже не мог, когда он дошел до германских лесов, восточно-европейских степей, гористых и пустынных стран Азии и пустынь Африки, завоевания кончились и приток новых рабов прекратился сам собой. Два последних крупных цикла войн римлян с евреями внутри государства и императора Трояна в задунайских странах (Дакии) временно бросили на рывок массу новых рабов, но это уже были последние крупные рабовладельческие завоевания. Приостановка их пошатнула основы рабовладельческого хозяйства. Старые рабы вымирали или выходили в полусвободное состояние. Основы этой крупной рабовладельческой цивилизации заколебались. Наступила реакция в сторону более мелкого хозяйства, жизнь пошла вспять, наступил упадок.

В такие моменты стихает и классовая борьба. Все это нашло свое отображение в религии. В эпохи экономического упадка, являющиеся вместе с тем эпохами ослабления классовой борьбы, у порабощенных классов в первую очередь, но и у господствующих классов также — выдвигаются учения непротивления, аскетизма, развивается мистицизм, склонность к переносу разрешений всех бед и зол жизни в потусторонний мир, вера в богов спасителей.

Массы, не могущие сами себе помочь, начинают ждать помощи свыше.

Не беда, что мы теперь страдаем, — говорят им выражающие их настроения проповедники, — сам бог страдал, умер и воскрес и нам следует не рассчитывать на эту случайную юдоль страданий, а на жизнь потустороннюю. Развиваются учения умерщвления жизненной активности, культурности: «горе вам, книжники», т.-е. образованные, грамотные, «блаженны кроткие», «нищие духом», т.-е. невежественные, точнее, даже идиоты.

Христианство было религией упадка, выражавшей ослабление классовой борьбы, разочарование трудящихся и, в частности, рабских масс в восстании. Такой религии нужен был бог, учащий терпеливо переносить страдания, торжествующий только после смерти. И оно и усвоило его из культа умирающих и воскресающих богов древнего востока.

Христианство не имеет ничего общего с коммунизмом. Религия классового примирения и отказа трудящихся масс от стремления устроить лучше свою жизнь на земле — оно диаметрально противоположно коммунизму — учению, стремящемуся обосновать счастье трудящихся именно на земле, отметающему сказки о загробном мире и зовущему трудовые массы к революции путем революционной борьбы. Как учение классового примирения и непротивления, христианство, напротив — мировоззрение, очень благоприятное эксплуатации. Вот почему эксплоататоры всех времен, включая современных капиталистов, так стремятся навязать его трудящимся массам.

Мы разобрали общие социально-экономические причины возникновения христианства. Ближайшим образом истоки первоначального христианства следует искать в еврейской диаспоре или иудействе рассеяния, жившей по приморским городам восточной части Средиземного моря, а иногда, к более крупным праздникам, собиравшейся временно в Иерусалиме. В этих пунктах сталкивались обрывки всевозможных культов древнего Востока. Из всех социальных групп в Римской империи еврейская диаспора, особенно в беднейшей своей части, была чуть ли не самой обездоленной. Конфликт еврейской знати с римско-эллинской администрацией и провинциальной аристократией, выразившийся в ряде войн 1 и 2 веков римлян и греков с евреями, в погромах и избиениях, особенной тяжестью ложился на эту диаспору, которая по самому своему социальному положению не могла особенно сочувствовать еврейской знати.

Отсюда распространение в диаспоре примиренческих настроений — «воздайте кесарево кесарю»; — отрицательное отношение к войне, к оружию — «поднявший меч от меча погибнет».

Неудача восстания, поражение национально-патриотической партии в борьбе с могущественным Римом только закрепили такое отношение.

Появился ряд сект с проповедью непротивления (терапевты, ессеи), развивалась вера в то, что созданный сначала национально-патриотической партией образ божественного спасителя-мессии будет проповедником кротости, сам пострадает (мессия — сын Иосифа — предвестник мессии победителя). Постепенно в этот образ вошло много черт от сирийских, египетских, греческих воскресающих и умирающих богов.

Самая близость еврейской диаспоры к диаспоре греческой и сирийской, разбросанной по тем же самым городам, облегчала легкость перехода подобных представлений от евреев к грекам и римлянам.

Итак, раннее христианство может быть понято, как разочарование широких трудящихся рабских масс античного мира, как греко-римских, так и еврейских, — в возможности облегчения своей участи путем борьбы, разочарование, в основе которого лежало то обстоятельство, что рабство было неизбежной производственной основой античной цивилизации.

Древняя цивилизация была беспощадна к трудящемуся человеку, поскольку основой ее было рабство. Но вместе с тем она всегда походила на колосс на глиняных ногах: за эпохами подъема в ней также быстро следовали эпохи упадка, всегда вызывающие рост мистицизма, так как ее производственный базис — рабство — само по себе шаткая производственная основа; рабские массы склонны к вымиранию. Суровость рабства с одной стороны, упадочность античной культуры в эпоху римской империи, связанная с быстрым вымиранием рабов с другой — вот факторы, породившие христианство, религию аскетизма, самоумерщвления, все свои чаяния строившую на посмертном воскресении, на загробном мире.

Но вместе с тем этот, определенно обрисовавшийся уже во II и III в.в. хр. эры упадок античной цивилизации привлекал к христианству и представителей более состоятельных социальных групп. С нараставшим падением Римской империи они тоже ищут выхода в

мистицизме, в эсхатологических чаяниях, составлявших основу христианского учения. Все это и влечет их к христианству, куда они заметно проникают уже во II в.

С вхождением в христианство состоятельных классов, внешний облик христианства, однако, несколько изменился. Прежде всего, развивается более прочная организация — церковь, основанная на разделении клира и народа. Пока в раннем христианстве преобладала рабская и антично-пролетарская (т.-е. сходная с современным люмпен-пролетариатом) среда, организационная структура христианских общин была крайне неопределенна и шатка, носила мистико-анархический характер. Никакой устойчивой власти не было. Высшим авторитетом пользовались так называемые «возвещатели слова божия». Их было несколько категорий: апостолы (которых было не 12), а значительно больше), пророки, дидаскалы (учителя), наконец, просто кликуши, впадавшие на христианских богослужебных собраниях в религиозный транс (припадок) и в этом состоянии выкликавшие разные непонятные слова.

Таких кликуш видел, напр., римский писатель 2 в. Цельс, наблюдавший христианские проповеди в римских солдатских лагерях. О них же говорится и в посланиях, приписываемых ап. Павлу (I посл, к Коринф., гл. 12, ст. 98 и в особенности гл. 14).

Невежественная, настроенная в высшей степени экзальтированномистически, беднейшая городская масса, из которой формировалось раннее христианство, жадно ловила каждое слово и жест подобных полубезумных фанатиков, а иногда и ловких шарлатанов; и чем непонятнее были их речи, тем большее впечатление производили они на нее.

Отличительной особенностью всех этих «возвещателей слова божия» было то, что их никто не выбирал и не поставлял. Все их влияние держалось на их личном авторитете, на том, насколько им удавалось убедить окружающих в том, что они будто бы богоизбранны, боговдохновенны или получили харизму (т.-е. дар божий, могут совершать чудеса, предсказывать будущее и т. п.).

Конечно, дело не обходилось тут и без прямых обманов, о чем свидетельствуют и такие древнейшие памятники христианской письменности, как вышеупомянутое «Дидахэ» (Учение 12 апостолов), «Пастырь Ерма» (оба произведения никак не позднее середины II в. приписываемой христианству эры) и римско-эллинский писатель II века, Лукиан Самосатский. И богослужебные собрания первых христиан носили точно такой же экзальтированно-мистический характер. Агапы, или вечера любви, у ранних христиан часто были не чужды крайней половой разнузданности на религиозной подкладке. В частности, как свидетельствует о так наз. духовных сестрах, каковыми, по - видимому, являлись-вначале все христианки, отец церкви Киприан Карфагенский, в ходу были и различные половые извращения, которые даже трудно представить современному человеку. Вспомним также приводимый в приписываемых ап. Павлу в посланиях случай с кровосмешением.

Подобный разврат, впрочем, свойственен всякому анархо-мистиче-скому религиозному движению, как выражению настроений упадочного общества, настроений разлагающихся социальных групп, каковым и был античный пролетариат, сходный, как мы уже подчеркивали выше, с современным люмпен-пролетариатом.

С вхождением в христианство более состоятельных слоев городского мещанства и купечества древнеримских городов эта анархия стала постепенно ограничиваться. Неизвестно откуда приходившие «возвещатели слова божия», эти бездомные бродяги, не могли особенно импонировать солидному, зажиточному люду. Их ставят под контроль, к ним начинают предъявлять некоторые ограничительные требования, особенно» по части их попрошайничества, их стремления поживиться за счет своей паствы, преимущественно ее состоятельных членов. Апостол или пророк.

12 апостолов как раз не исторические лица. Имена же исторических апостолов нам в большинстве случаев неизвестны. Апостолат же 12 — простое заимствование из еврейской религиозной традиции 12-тиколенного деления евреев. И эта традиция тоже не верна. Древний еврейский народ (до плена вавилонского) действительно делился на племена (колена), но их было не 12, а значительно больше. Деление на 12 явилось уже в книгах, которые писали еврейские жрецы по выходе из Вавилона. Дело в том, что они заимствовали у вавилонской астрологии поклонение перед 12, считавшимся в Вавилоне священным

числом не должен вводить общину в излишние расходы на бедных, должен уважать чужое имущество, удовлетворяться тем, что дают, не брать с собой денег, не засиживаться в общине, куда он забрел — такие положения мы находим уже в «Учении 12 апостолов».

В противовес бродячим «возвещателям слова божия» состоятельные классы выдвигают в христианских общинах свою собственную прочную власть: это епископы и пресвитеры. Епископат встречался и в более раннем христианстве. Само слово «епископ» взято из административной терминологии некоторых греческих общин и республик (в частности, Афин), где данным словом обычно обозначались должностные лица, причастные к городскому хозяйству, к складам и проч. Своего рода интендантские чиновники или, говоря по современному, завхозы.

В раннем эллинском христианстве термин епископ употреблялся смешанно с термином диакон; последний в переводе на русский язык означал — служитель. Так назывались лица, которые на сопровождавшихся религиозными пиршествами богослужебных собраниях первых христиан прислуживали за столами. Впрочем, епископы (их сначала в отдельной общине было обычно по нескольку) больше шли по кладовой части, хранили и выдавали запасы для богослужебных пиршеств, диаконы — по столовой — разносили эти запасы среди пирующих.

С появлением среди христиан состоятельных людей к кладовой прибавилась и касса. Епископы из кладовщиков превратились в кассиров. С этого времени епископат быстро пошел в гору.

Прежде всего,— из нескольких епископов в большинстве общин выделяется один главный, у него и касса. Остальные переходят в простых служителей, сливаются с диаконами. Затем епископы присваивают себе контроль над бездомными странствующими пророками и апостолами. Только те из последних принимаются в общины, которых одобрит епископ. Наконец, епископат и вообще стремится заменить пророков, апостолов и проч. «возвещателей слова божия» в их богослужебных функциях.

Епископы сами начинают выдавать себя за носителей воли божией.

Тесным союзником епископата явился в этом процессе укрепления их влияния пресвитериат. Слово «пресвитер» означает — старейший. Такое наименование прилагалось с конца I века в христианстве к разным более влиятельным лицам, входившим в христианскую среду. Долгое время это была не должность, а просто почетное звание. На богослужебных собраниях пресвитеры сидят впереди. Когда должность епископа приобрела значение, епископов стали обычно тоже выбирать из пресвитерской среды. С присвоением епископами себе активной роли на богослужебных собраниях, когда уже епископы, а не пророки и дидаскалы стали центральными фигурами на христианских богослужениях, некоторая доля в отправлениях молений за общину стала уделяться и пресвитерам. В памятниках II в. уже часто встречаются указания, что епископ служит или председательствует на христианских собраниях, сидя на возвышенном месте (зачаток позднейшего алтаря), окруженный пресвитерами. Лишь епископ и пресвитеры могут поучать и наставлять, прочая масса должна слушать, молчать и повиноваться. Пророки и ди-даокалы выступают лишь с их разрешения.

Не без борьбы, однако, уступал старый харизматический (от слова. харизма — вдохновение божие) элемент «возвещателей слова божия», все эти апостолы, дидаскалы и просто кликуши и в особенности пророки, свое влияние нарождавшейся церковной иерархии с епископатом во главе. Старое анархическое христианство из люмпен-пролетарской среды дало, под руководством пророков, новому епископальному христианству состоятельных классов в конце II в. упорный бой. Это так наз. монтани-стическое движение по имени Монтана — легендарного христианского пророка в Малой Азии середины II в. Состоятельное христианство, однако, победило. Окончательное торжество его падает, впрочем, на начало III в.

Эта победа коренным образом отразилась на всех представлениях христианства о возникновении и основах своей религии. Прежде всего, в принцип возвели строжайшее повиновение епископату и пресвитерам, утвердили клир — правящее христианское сословие и подчиненные ему миряне, окончательно создалась церковь. Вместе с этим появляются пер-

вые представления о церковной цензуре. Только те христианские предания и писания, которые защищают выгодные клиру положения, отныне признаны правильными или каноничными, остальное все ложное, поддельное, апокрифичное. Начинается тщательная подчистка и подделка идущих от предшествующих поколений представлений о возникновении христианства. Особенно выделился в этом отношении христианский писатель начала III в., видный деятель нового, стоящего за епископат христианства, галльский епископ Ириней Лионский. Это один из крупнейших фальсификаторов и подделывателей истории, которых вообще знает человечество. В частности, старое анархическое христианство опиралось на ту древнейшую версию, что бог-христос или дух святой (ясных различий христианской троицы в то время еще не установилось, хотя смутные представления по этому поводу, заимствованные из индусских, древне-египетских и иных восточных сказаний о троичных богах, стали уже фигурировать и в христианской среде) постоянно присутствует на христианских собраниях. Так как каждый бродячий апостол или пророк выдавал себя за лицо, вдохновленное христом, а иногда, по-видимому, и за самого христа (намеки на это можно найти в сатире Лукиана Самосатского «О смерти Перегрина-Протея, а отчасти и в Дидахе, гл. XI), то новое епископское христианство состоятельных классов стремится, прежде всего, положить этому предел, прикрепить христа к определенной конкретной исторической обстановке.

Так, из борьбы христианства состоятельных и люмпен-пролетарских трупп, выражавшей соперничество епископата с пророками и прочими «возвещателями слова божия», рождается стремление к историзации христа. Именно в разгаре этой борьбы, во второй половине II в., все чаще начинают фигурировать ссылки на «биографию» христа. Он-де был на земле один раз, во времена относительно отдаленные, лет 200 назад, когда опять придет, неизвестно, пока больше не появлялся. Так утверждает свою позицию клир против носителей принципов старого мистико-анархического христианства, претендующего на постоянное непосредственное общение с христом.

Вместе с тем появляется стремление ограничить и число апостолов. Их, де, было только 12 главных и несколько десятков второстепенных, и были они лишь в первые христианские времена, назначены самим христом, а больше никто апостолом быть не может. Христа, этот мифический образ умирающего и воскресающего бога, начинают изображать как богочеловека, якобы некогда жившего в Палестине и заложившего основы всей епископской церкви, сложившейся лишь к началу III в. Он, де, назначил 12 главных апостолов управлять христианством, а они передали свою власть епископам.

Все прочие позднейшие претенденты на апостольское звание просто самозванцы (в виду имелись апостолы II в., особенно эпохи столкновения старого христианства с новым).

Всю эту концепцию происхождения христианства от какого-то, полубожественного, получеловеческого, деятеля первой половины I в., версию, легшую в основу евангельских сказаний, мы находим главным образом у писателей III в. с Прением Лионским во главе. Конечно, зачатки ее восходят еще ко II столетию. По существу же христианский Христос и вообще вся версия канонических евангелий ничто иное, как победа христианства состоятельных групп античною городского населения над христианством люмпен-пролетарским, христианства епископского над христианством апостолов, пророков, кликуш и прочих мистических «возвещателей слова божия». К III веку определилась эта победа, в III веке христианство приобрело окончательно строго организованный, в значительной степени по образцу римского милитаризма, дисциплинированный облик. Во главе епископ и пресвитеры из людей влиятельных, богатых, под ними подчиненная, слепо идущая за ними, дисциплинированная масса.

Победа состоятельных групп в христианстве дала к III в. этой религии законы, дисциплину и обслуживающую основы нового порядка вымышленную историю возникновения самой религии. Явилась спаянная организация с пользующимися неограниченным влиянием руководителями во главе.

Отсюда оставался лишь один шаг до союза с государством. Что представляло из себя римское общество и, в частности, государство в III в.? Основы его хозяйственного базиса

пошатнулись. Рабство исчезло. Пошли волнения, в III в. государство несколько раз чуть было не распалось. Провинции восставали, массы выбивались из повиновения, положение римской знати стало непрочным. Только такие спаянные организации, как христианская церковь III в., где власть в лице правящего клира была окружена суеверным почитанием, давали надежду на спокойное пользование под покровительством этого клира своими доходами и имуществом, а попасть самому в состав этого клира значило вообще стать влиятельным человеком. Все это с середины III в. (как показывает история епископа Павла Самосатского) влечет в разных провинциях Римской империи в ряды христианства уже не просто состоятельных, а знатных людей из римской среды. Сами императоры III в, (Александр Север, Филипп, Галлиен и др.) несколько раз чуть не открыто переходят на его сторону.

Если в III в. полного перехода еще не случилось, то отчасти, быть-может, потому, что вся выше очерченная обстановка, благоприятная развитию подобных христианству религий, породила еще несколько близко сходных с христианской, движений и даже церквей, из которых наиболее видным является к концу III в. и в начале IV в. митраизм.

Императоры колеблются между этими религиозными системами и организациями и колебания переходят даже в IV столетие (Константин I в конце своей жизни, Юлиан Отступник). Близкое сходство между этими порожденными общими условиями религиями приводит их постепенно к слиянию. Митраистические жрецы легко переходят в христианство и наоборот. Христианство III и IV в.в. впитало уже в себя ряд митраистических элементов, до праздничных дней митраизма включительно, (в частности празднование воскресения вместо субботы заимствовано у митраистов).

В сущности к IV в. вся разница между обеими религиями свелась по преимуществу к внешним символам — тут крест, там солнце, тут распятие Иисуса, там Митра, убивающий быка (два типа бога спасителя умирающий и убивающий в целях возрождения жизни). В основном же в своих мистериях, этической стороне учения, обе религии обнаруживают к IV в. почти полное сходство.

Конечно, верхушки жрецов той и другой соперничают между собой за паству и доходы, но переходы из митраизма в христианство очень легки и главное были очень часты.

Почему, однако, из этих двух религий восторжествовало именно христианство? По-видимому, тут решающую роль сыграли и политические мотивы. Христианство было той формой культа бога спасителя, которая сложилась в районе Средиземного морского побережья, т.-е. у народов, входивших в состав Римской империи, истоки же митраизма слагались за ее границами на территории и в сфере влияния враждебных Риму Парфии и Персии. Митру иногда называют в греко-римской литературе персом (Лукиан Самосатский), видят в служении ему не лояльный в смысле верности римски-эллинским началам поступок.

С возникновением в III в. сильной Сассанидской империи борьба Рима с востоком обостряется и не всегда удачно. При почти полном сходстве христианства о митраизмом по существу, эти вечные войны римлян с персами с III в. до VII ст. включительно, до самого падения под натиском ислама Сассанидской монархии, часто делали персов в глазах римской государственности непопулярными. У Иисуса христа было то преимущество пред Митрой, что это был образ, сложившийся в условиях Римской империи, а Митра часто представлялся персом. При полном равенстве всех других условий это, по-видимому, и склонило в конце-кон-цов римскую государственность на сторону спасителя Иисуса перед спасителем Митрой. Самый факт быстрого растворения митраизма в христианстве IV в. наглядно свидетельствует, что это была в сущности лишь смена деталей, смена этикеток.

В целом же, в лице христианства римская империя получила хорошо дисциплинированную религиозную организацию, воспринявшую в себя почти все наиболее яркие моменты из предшествующих (религиозных систем и в особенности митраизма, религию, учившую народ примиряться с действительностью, сносить покорно гнет в чаяниях наград в потустороннем мире.

Такая спайка спасла на некоторое время одряхлевшее тело римской империи — этой великой грабительницы, одного из наиболее крупных во всемирной истории правлений

рабовладельческого общества. Христианство не имеет ничего общего с коммунизмом. Религия классового примирения и отказа трудящихся масс от стремления устроить лучше свою жизнь на земле — оно диаметрально противоположно коммунизму — учению, стремящемуся обосновать счастье трудящихся именно на земле, отметающему сказки о загробном мире и зовущему трудовые массы к революции путем революционной борьбы. Как учение классового примирения и непротивления, христианство, напротив — мировоззрение, очень благоприятное эксплуатации. Вот почему эксплоататоры всех времен, включая современных капиталистов, так стремятся навязать его трудящимся массам.

Мы разобрали общие социально-экономические причины возникновения христианства. Ближайшим образом истоки первоначального христианства следует искать в еврейской диаспоре или иудействе рассеяния, жившей по приморским городам восточной части Средиземного моря, а иногда, к более крупным праздникам, собиравшейся временно в Иерусалиме. В этих пунктах сталкивались обрывки всевозможных культов древнего Востока. Из всех социальных групп в Римской империи еврейская диаспора, особенно в беднейшей своей части, была чуть ли не самой обездоленной. Конфликт еврейской знати с римско-эллинской администрацией и провинциальной аристократией, выразившийся в ряде войн 1 и 2 веков римлян и греков с евреями, в погромах и избиениях, особенной тяжестью ложился на эту диаспору, которая по самому своему социальному положению не могла особенно сочувствовать еврейской знати.

Отсюда распространение в диаспоре примиренческих настроений — «воздайте кесарево кесарю»; — отрицательное отношение к войне, к оружию — «поднявший меч от меча погибнет».

Неудача восстания, поражение национально-патриотической партии в борьбе с могущественным Римом только закрепили такое отношение.

Появился ряд сект с проповедью непротивления (терапевты, ессеи), развивалась вера в то, что созданный сначала национально-патриотической партией образ божественного спасителя-мессии будет проповедником кротости, сам пострадает (мессия — сын Иосифа — предвестник мессии победителя). Постепенно в этот образ вошло много черт от сирийских, египетских, греческих воскресающих и умирающих богов.

Самая близость еврейской диаспоры к диаспоре греческой и сирийской, разбросанной по тем же самым городам, облегчала легкость перехода подобных представлений от евреев к грекам и римлянам.

Итак, раннее христианство может быть понято, как разочарование широких трудящихся рабских масс античного мира, как греко-римских, так и еврейских, — в возможности облегчения своей участи путем борьбы, разочарование, в основе которого лежало то обстоятельство, что рабство было неизбежной производственной основой античной цивилизации.

Древняя цивилизация была беспощадна к трудящемуся человеку, поскольку основой ее было рабство. Но вместе с тем она всегда походила на колосс на глиняных ногах: за эпохами подъема в ней также быстро следовали эпохи упадка, всегда вызывающие рост мистицизма, так как ее производственный базис — рабство — само по себе шаткая производственная основа; рабские массы склонны к вымиранию. Суровость рабства с одной стороны, упадочность античной культуры в эпоху римской империи, связанная с быстрым вымиранием рабов с другой — вот факторы, породившие христианство, религию аскетизма, самоумерщвления, все свои чаяния строившую на посмертном воскресении, на загробном мире.

Но вместе с тем этот, определенно обрисовавшийся уже во II и III в.в. хр. эры упадок античной цивилизации привлекал к христианству и представителей более состоятельных социальных групп. С нароставшим падением Римской империи они тоже ищут выхода в мистицизме, в эсхатологических чаяниях, составлявших основу христианского учения. Все это и влечет их к христианству, куда они заметно проникают уже во II в.

С вхождением в христианство состоятельных классов, внешний облик христианства, однако, несколько изменился. Прежде всего, развивается более прочная организация —

церковь, основанная на разделении клира и народа. Пока в раннем христианстве преобладала рабская и антично-пролетарская (т.-е. сходная с современным люмпен-пролетариатом) среда, организационная структура христианских общин была крайне неопределенна и шатка, носила мистико-анархический характер. Никакой устойчивой власти не было. Высшим авторитетом пользовались так называемые «возвещатели слова божия». Их было несколько категорий: апостолы (которых было не 12), а значительно больше), пророки, дидаскалы (учителя), наконец, просто кликуши, впадавшие на христианских богослужебных собраниях в религиозный транс (припадок) и в этом состоянии выкликавшие разные непонятные слова.

Таких кликуш видел, напр., римский писатель 2 в. Цельс, наблюдавший христианские проповеди в римских солдатских лагерях. О них же говорится и в посланиях, приписываемых ап. Павлу (I посл, к Коринф., гл. 12, ст. 98 и в особенности гл. 14).

Невежественная, настроенная в высшей степени экзальтированномистически, беднейшая городская масса, из которой формировалось раннее христианство, жадно ловила каждое слово и жест подобных полубезумных фанатиков, а иногда и ловких шарлатанов; и чем непонятнее были их речи, тем большее впечатление производили они на нее.

Отличительной особенностью всех этих «возвещателей слова божия» было то, что их никто не выбирал и не поставлял. Все их влияние держалось на их личном авторитете, на том, насколько им удавалось убедить окружающих в том, что они будто бы богоизбранны, боговдохновенны или получили харизму (т.-е. дар божий, могут совершать чудеса, предсказывать будущее и т. п.).

Конечно, дело не обходилось тут и без прямых обманов, о чем свидетельствуют и такие древнейшие памятники христианской письменности, как вышеупомянутое «Дидахэ» (Учение 12 апостолов), «Пастырь Ерма» (оба произведения никак не позднее середины II в. приписываемой христианству эры) и римско-эллинский писатель II века, Лукиан Самосатский. И богослужебные собрания первых христиан носили точно такой же экзальтированно-мистический характер. Агапы, или вечера любви, у ранних христиан часто были не чужды крайней половой разнузданности на религиозной подкладке. В частности, как свидетельствует о так наз. духовных сестрах, каковыми, по - видимому, являлись-вначале все христианки, отец церкви Киприан Карфагенский, в ходу были и различные половые извращения, которые даже трудно представить современному человеку. Вспомним также приводимый в приписываемых ап. Павлу посланиях случай с кровосмешением.

Подобный разврат, впрочем, свойственен всякому анархо-мистическому религиозному движению, как выражению настроений упадочного общества, настроений разлагающихся социальных групп, каковым и был античный пролетариат, сходный, как мы уже подчеркивали выше, с современным люмпен-пролетариатом.

С вхождением в христианство более состоятельных слоев городского мещанства и купечества древнеримских городов эта анархия стала постепенно ограничиваться. Неизвестно откуда приходившие «возвещатели слова божия», эти бездомные бродяги, не могли особенно импонировать солидному, зажиточному люду. Их ставят под контроль, к ним начинают предъявлять некоторые ограничительные требования, особенно» по части их попрошайничества, их стремления поживиться за счет своей паствы, преимущественно ее состоятельных членов. Апостол или пророк

12 апостолов как раз не исторические лица. Имена же исторических апостолов нам в большинстве случаев неизвестны. Апостолат же 12 — простое заимствование из еврейской религиозной традиции 12-тиколенного деления евреев. И эта традиция тоже не верна. Древний еврейский народ (до плена вавилонского) действительно делился на племена (колена), но их было не 12, а значительно больше. Деление на 12 явилось уже в книгах, которые писали еврейские жрецы по выходе из Вавилона. Дело в том, что они заимствовали у вавилонской астрологии поклонение перед 12, считавшимся в Вавилоне священным числом не должен вводить общину в излишние расходы на бедных, должен уважать чужое имущество, удовлетворяться тем, что дают, не брать с собой денег, не засиживаться в общине, куда он забрел — такие положения мы находим уже в «Учении 12 апостолов».

В противовес бродячим «возвещателям слова божия» состоятельные классы выдвигают в христианских общинах свою собственную прочную власть: это епископы и пресвитеры. Епископат встречался и в более раннем христианстве. Само слово «епископ» взято из административной терминологии некоторых греческих общин и республик (в частности, Афин), где данным словом обычно обозначались должностные лица, причастные к городскому хозяйству, к складам и проч. Своего рода интендантские чиновники или, говоря по современному, завхозы.

В раннем эллинском христианстве термин епископ употреблялся смешанно с термином диакон; последний в переводе на русский язык означал — служитель. Так назывались лица, которые на сопровождавшихся религиозными пиршествами богослужебных собраниях первых христиан прислуживали за столами. Впрочем, епископы (их сначала в отдельной общине было обычно по нескольку) больше шли по кладовой части, хранили и выдавали запасы для богослужебных пиршеств, диаконы — по столовой — разносили эти запасы среди пирующих.

С появлением среди христиан состоятельных людей к кладовой прибавилась и касса. Епископы из кладовщиков превратились в кассиров. С этого времени епископат быстро пошел в гору.

Прежде всего,— из нескольких епископов в большинстве общин выделяется один главный, у него и касса. Остальные переходят в простых служителей, сливаются с диаконами. Затем епископы присваивают себе контроль над бездомными странствующими пророками и апостолами. Только те из последних принимаются в общины, которых одобрит епископ. Наконец, епископат и вообще стремится заменить пророков, апостолов и проч. «возвещателей слова божия» в их богослужебных функциях.

Епископы сами начинают выдавать себя за носителей воли божией.

Тесным союзником епископата явился в этом процессе укрепления их влияния пресвитериат. Слово «пресвитер» означает — старейший. Такое наименование прилагалось с конца I века в христианстве к разным более влиятельным лицам, входившим в христианскую среду. Долгое время это была не должность, а просто почетное звание. На богослужебных собраниях пресвитеры сидят впереди. Когда должность епископа приобрела значение, епископов стали обычно тоже выбирать из пресвитерской среды. С присвоением епископами себе активной роли на богослужебных собраниях, когда уже епископы, а не пророки и дидаскалы стали центральными фигурами на христианских богослужениях, некоторая доля в отправлениях молений за общину стала уделяться и пресвитерам. В памятниках II в. уже часто встречаются указания, что епископ служит или председательствует на христианских собраниях, сидя на возвышенном месте (зачаток позднейшего алтаря), окруженный пресвитерами. Лишь епископ и пресвитеры могут поучать и наставлять, прочая масса должна слушать, молчать и повиноваться. Пророки и дидаокалы выступают лишь с их разрешения.

Не без борьбы, однако, уступал старый харизматический (от слова. харизма — вдохновение божие) элемент «возвещателей слова божия», все эти апостолы, дидаскалы и просто кликуши и в особенности пророки, свое влияние нарождавшейся церковной иерархии с епископатом во главе. Старое анархическое христианство из люмпен-пролетарской среды дало, под руководством пророков, новому епископальному христианству состоятельных классов в конце II в. упорный бой. Это так наз. монтани-стическое движение по имени Монтана — легендарного христианского пророка в Малой Азии середины II в. Состоятельное христианство, однако, победило. Окончательное торжество его падает, впрочем, на начало III в.

Эта победа коренным образом отразилась на всех представлениях христианства о возникновении и основах своей религии. Прежде всего, в принцип возвели строжайшее повиновение епископату и пресвитерам, утвердили клир — правящее христианское сословие и подчиненные ему миряне, окончательно создалась церковь. Вместе с этим появляются первые представления о церковной цензуре. Только те христианские предания и писания, которые защищают выгодные клиру положения, отныне признаны правильными или каноничными, остальное все ложное, поддельное, апокрифичное. Начинается тщательная

подчистка и подделка идущих от предшествующих поколений представлений о возникновении христианства. Особенно выделился в этом отношении христианский писатель начала III в., видный деятель нового, стоящего за епископат христианства, галльский епископ Ириней Лионский. Это один из крупнейших фальсификаторов и подделывателей истории, которых вообще знает человечество. В частности, старое анархическое христианство опиралось на ту древнейшую версию, что бог-христос или дух святой (ясных различий христианской троицы в то время еще не установилось, хотя смутные представления по этому поводу, заимствованные из индусских, древне-египетских и иных восточных сказаний о троичных богах, стали уже фигурировать и в христианской среде) постоянно присутствует на христианских собраниях. Так как каждый бродячий апостол или пророк выдавал себя за лицо, вдохновленное христом, а иногда, по-видимому, и за самого христа (намеки на это можно найти в сатире Лукиана Самосатского «О смерти Перегрина-Протея, а отчасти и в Дидахе, гл. XI), то новое епископское христианство состоятельных классов стремится, прежде всего, положить этому предел, прикрепить христа к определенной конкретной исторической обстановке.

Так, из борьбы христианства состоятельных и люмпен-пролетарских трупп, выражавшей соперничество епископата с пророками и прочими «возвещателями слова божия», рождается стремление к историзации христа. Именно в разгаре этой борьбы, во второй половине II в., все чаще начинают фигурировать ссылки на «биографию» христа. Он-де был на земле один раз, во времена относительно отдаленные, лет 200 назад, когда опять придет, неизвестно, пока больше не появлялся. Так утверждает свою позицию клир против носителей принципов старого мистико-анархического христианства, претендующего на постоянное непосредственное общение с христом.

Вместе с тем появляется стремление ограничить и число апостолов. Их, де, было только 12 главных и несколько десятков второстепенных, и были они лишь в первые христианские времена, назначены самим христом, а больше никто апостолом быть не может. Христа, этот мифический образ умирающего и воскресающего бога, начинают изображать как богочеловека, якобы некогда жившего в Палестине и заложившего основы всей епископской церкви, сложившейся лишь к началу III в. Он, де, назначил 12 главных апостолов управлять христианством, а они передали свою власть епископам.

Все прочие позднейшие претенденты на апостольское звание просто самозванцы (в виду имелись апостолы II в., особенно эпохи столкновения старого христианства с новым).

Всю эту концепцию происхождения христианства от какого-то, полубожественного, получеловеческого, деятеля первой половины I в., версию, легшую в основу евангельских сказаний, мы находим главным образом у писателей III в. с Прением Лионским во главе. Конечно, зачатки ее восходят еще ко II столетию. По существу же христианский христос и вообще вся версия канонических евангелий ничто иное, как победа христианства состоятельных групп античною городского населения над христианством люмпен-пролетарским, христианства епископского над христианством апостолов, пророков, кликуш и прочих мистических «возвещателей слова божия». К III веку определилась эта победа, в III веке христианство приобрело окончательно строго организованный, в значительной степени по образцу римского милитаризма, дисциплинированный облик. Во главе епископ и пресвитеры из людей влиятельных, богатых, под ними подчиненная, слепо идущая за ними, дисциплинированная масса.

Победа состоятельных групп в христианстве дала к III в. этой религии законы, дисциплину и обслуживающую основы нового порядка вымышленную историю возникновения самой религии. Явилась спаянная организация с пользующимися неограниченным влиянием руководителями во главе.

Отсюда оставался лишь один шаг до союза с государством. Что представляло из себя римское общество и, в частности, государство в III в.? Основы его хозяйственного базиса пошатнулись. Рабство исчезло. Пошли волнения, в III в. государство несколько раз чуть было не распалось. Провинции восставали, массы выбивались из повиновения, положение римской знати стало непрочным. Только такие спаянные организации, как христианская

церковь III в., где власть в лице правящего клира была окружена суеверным почитанием, давали надежду на спокойное пользование под покровительством этого клира своими доходами и имуществом, а попасть самому в состав этого клира значило вообще стать влиятельным человеком. Все это с середины III в. (как показывает история епископа Павла Самосатского) влечет в разных провинциях Римской империи в ряды христианства уже не просто состоятельных, а знатных людей из римской среды. Сами императоры III в, (Александр Север, Филипп, Галлиен и др.) несколько раз чуть не открыто переходят на его сторону.

Если в III в. полного перехода еще не случилось, то отчасти, быть может, потому, что вся выше очерченная обстановка, благоприятная развитию подобных христианству религий, породила еще несколько близко сходных с христианской, движений и даже церквей, из которых наиболее видным является к концу III в. и в начале IV в. митраизм.

Императоры колеблются между этими религиозными системами и организациями и колебания переходят даже в IV столетие (Константин I в конце своей жизни, Юлиан Отступник). Близкое сходство между этими порожденными общими условиями религиями приводит их постепенно к слиянию. Митраистические жрецы легко переходят в христианство и наоборот. Христианство III и IV веков впитало уже в себя ряд митраистических элементов, до праздничных дней митраизма включительно, (в частности празднование воскресения вместо субботы заимствовано у митраистов).

В сущности, к IV в. вся разница между обеими религиями свелась по преимуществу к внешним символам — тут крест, там солнце, тут распятие Иисуса, там Митра, убивающий быка (два типа бога спасителя умирающий и убивающий в целях возрождения жизни). В основном же в своих мистериях, этической стороне учения, обе религии обнаруживают к IV в. почти полное сходство.

Конечно, верхушки жрецов той и другой соперничают между собой за паству и доходы, но переходы из митраизма в христианство очень легки и главное были очень часты.

Почему, однако, из этих двух религий восторжествовало именно христианство? По-видимому, тут решающую роль сыграли и политические мотивы. Христианство было той формой культа бога спасителя, которая сложилась в районе Средиземного морского побережья, т.-е. у народов, входивших в состав Римской империи, истоки же митраизма слагались за ее границами на территории и в сфере влияния враждебных Риму Парфии и Персии. Митру иногда называют в греко-римской литературе персом (Лукиан Самосатский), видят в служении ему не лояльный в смысле верности римски-эллинским началам поступок.

С возникновением в III в. сильной Сассанидской империи борьба Рима с востоком обостряется и не всегда удачно. При почти полном сходстве христианства о митраизмом по существу, эти вечные войны римлян с персами с III в. до VII ст. включительно, до самого падения под натиском ислама Сассанидской монархии, часто делали персов в глазах римской государственности непопулярными. У Иисуса христа было то преимущество пред Митрой, что это был образ, сложившийся в условиях Римской империи, а Митра часто представлялся персом. При полном равенстве всех других условий это, по-видимому, и склонило в конце-кон-цов римскую государственность на сторону спасителя Иисуса перед спасителем Митрой. Самый факт быстрого растворения митраизма в христианстве IV в. наглядно свидетельствует, что это была в сущности лишь смена деталей, смена этикеток.

В целом же, в лице христианства римская империя получила хорошо дисциплинированную религиозную организацию, воспринявшую в себя почти все наиболее яркие моменты из предшествующих (религиозных систем и в особенности митраизма, религию, учившую народ примиряться с действительностью, сносить покорно гнет в чаяниях наград в потустороннем мире.

Такая спайка спасла на некоторое время одряхлевшее тело римской империи — этой великой грабительницы, одного из наиболее крупных во всемирной истории правлений рабовладельческого общества.

Христианство же, соединившись с империей, по существу изменилось немного.

Правда, оно окончательно обоготворило царскую власть, вернее (власть правящих в Римской империи династий (в частности культ императоров, именно как преемников, фиктивных, конечно, Константина I, держался в Византии по некоторым данным до XV в.).

Но, строго говоря, власть христианство обоготворяло и раньше. Уже в почитание епископов, со времени установления единоличного епископата, вошел в значительной степени культ власти вообще.

Зато в смысле окончательного подчинения себе всех соперничавших с ним религиозных организаций, в смысле своей дальнейшей централизации распространения своего по деревням, куда раньше эта, по преимуществу, городская религия имела мало доступа, оно получило в лице государства сильного союзника, окончательно утвердившего

почти на три века доминирующее положение христианства по всем побережьям Средиземного моря.

В частности, еще в 3-м веке в христианстве является, как следствие проникновения в него правящих элементов Римской империи, митрополичье устройство, копирующее провинциальное деление империи. В 4-м веке при тесной поддержке государства идет дальнейшее завершение централизации в лице патриархов и фикций так наз. вселенских, соборов. (В полном смысле вселенского собора, т.-е. собора, долженствовавшего представить все христианство, в действительности, никогда соз-вать не удалось. (См. О. Урсынович «Вселенские соборы», статья в журнале «Антирелигиозник», №№ 4 и 5 за 1928 г.).

Так, к концу Римской империи возникает на ее развалинах христианская вселенская церковь, это последнее проявление древнего рабовладельческого общества, впитавшая в себя все, что можно было только сохранить от него в условиях нарождавшегося средневековья и передавшая заветы древних рабовладельцев рабовладельцам последующих, времен на усиление закрепощения и эксплуатации трудовых масс.

Мы уже видели, что христианство в IV в. соединяется с государством. Это повлекло за собой и важные последствия в отношении церкви к монархической власти. Еще в римской империи, и даже раньше, в теократиях древнего Востока царская власть почиталась божественной. В Риме III ст. хр. эры было даже несколько попыток, объединитъ все религии вокруг императорского культа и этот религиозный синкретизм (смешение) сильно повлиял на христианство.

Почитание императоров перешло и в христианство, с той лишь разницей, что император стал считаться не богом, как в дохристианскую эпоху, а его главным представителем, наместником божьим на земле. Особенного развития достиг этот культ в восточной части империи (где остатки римской государственности сохранились прочнее) и у ее преемницы, Византии, от которой христианство перешло и на Русь. На западе же, где установился феодализм, и не было такой центральной власти, наместником божьим на земле к концу I тысячелетия церковь признала папу.

Итак, императорская власть освящается христианством, становится наполовину церковной властью. В частности римско-византийоким императорам принадлежат следующие церковные права:

1) Только император мог созывать и распускать вселенские соборы, санкционировать их решения. Ни один вселенский собор не считался, законным, если не созывался императором. Перемены на императорском престоле часто вели к осуждению раньше бывших вселенских соборов, к признанию их еретическими. Такие истории имели, например, место с соборами 449 и 451 г.г. (четвертый вселенский) и в VII и VIII столетиях, в связи с монофелисткими и иконоборческими спорами.

2) Мало того, императоры иногда прямо предписывали вселенским соборам свои решения, даже по догматическим определениям. Наиболее-яркий пример этого, так наз., 2-ой член православного символа веры, принятый I вселенским Никейским собором не в соборной редакции его, а в той, которую предписал император Константин I, к слову сказать, в то время еще не бывший христианином.

3) Императоры часто издавали церковные законы. Например, обязательность

церковного брака для всех слоев населения и окончательная выработка обрядовой стороны современного православного брака — дело императоров XI ст. из династии Комнинов, а не церковной власти.

4) Император канонизировал святых.

5) Определял границы епархий не только в Византии, но и в других, связанных с константинопольским патриархатом православных странах. Разбирал иногда своей властью вопросы о ересях и расколах.

6) При тесном участии императорской власти назначался и сменялся патриарх.

7) Коронация и помазание на царство императоров стало священ-ным актом (ом. рис. 573).

8) Императору принадлежали и важные привилегии во время богослужения. Единственный из мирян, он имел право входить в алтарь через главные, так наз., царские врата, через которые входило духовенство, мог совершать некоторые священнодействия, приобщаться в исключительной обстановке.

Имя императора поминалось во время богослужения, даже в независимых политически от Византии православных странах. Словом, император был наполовину жрецом. Отсюда и наименование византийского или православного строя церковно-государственных отношений цезарепапизмом (от слов «цезарь» — глава государственной власти и «папа» — глава власти церковной). [54]

§ 11. Первоначальное христианство

Во «Введении» мы условились называть первоначальным христианством первый период раннего христианства, охватывающий время от его возникновения в 60-х годах I в. до середины II в. в этой главе мы должны выяснить вопрос о социальном и этническом составе первоначальных христианских общин и их организации. В связи с этим перед нами встанет спорный и актуальный вопрос о «коммунизме» первоначального христианства. По христианским и по нехристианским источникам первые христиане принадлежали к бедным слоям населения. Много среди них, по-видимому, было рабов. В Нагорной проповеди, как она изложена у Луки, Иисус прославляет нищих и голодных и нападает на богатых и сытых: «Блаженны нищие, ибо ваше есть Царство Божие. Блаженны алчущие ныне, ибо насытитесь... Напротив горе вам, богатые! ибо вы уже получили свое утешение. Горе вам, пресыщенные ныне, ибо взалчете». Евангелие, т. е. добрая весть о скором новом пришествии Христа и наступлении его блаженного царства, разносилось на греческом языке множеством переселенцев, беженцев, странствующих торгов-цев и проповедников, «апостолов» (т. е. посланников), по разбросанным повсюду иудейским общинам и синагогам. Ее с радостью воспринимали также разные «удрученные» и «обремененные» и из других народов — рабы, вольноотпущенники, городские бедняки и в особенности женщины. Движение быстро теряло характер еврейского сектантства, стало общим движением всех угнетенных, бедняков и рабов.

В числе апостолов на первое место выдвинулся Павел, иудей из Тарса в Малой Азии, переменивший свое иудейское имя Савл на римское. Это был ученый иудей, прошедший строгую книжническую школу, но знакомый и с греческой философией. Он вел проповедь христианства (до нас дошло его восемь посланий), как он утверждает, «среди народов», и в основанных им общинах, по его выражению, не было «ни эллина, ни иудея». Им были основаны общины в Малой Азии, на Балканском полуострове вплоть до Иллирии; по-видимому, он же основал общину и в Риме. Члены общин жили ожиданием «успокоения» в будущем царстве, и главная их забота заключалась в том, чтобы облегчить бремя здешней жизни и дожить до желанного пришествия Христа. Общины были организованы на началах взаимопомощи: члены их жили, как на бивуаке, в ожидании скорого «светопреставления», имели все общее, собирались за общим столом. Во главе

[54] См.: Атлас по истории религии, М., 1930г.

общин стояли либо их основатели апостолы, либо назначенные апостолами «пресвитеры» (т. е. старейшины) ; их помощниками были «диаконы»; пресвитерами могли быть и самые бедные из свободных, и рабы. Богатым не доверяли, говорили, что «легче верблюду (т. е. корабельному канату) пройти чрез игольное ушко, чем богатому попасть в царство небесное». Поэтому в общины принимали богатых лишь при условии, чтобы они добровольно роздали свое имущество бедным.

Обрядность общин заключалась главным образом в проведении общих экстатических собраний. На собраниях читались послания и евангелия, затем кто-нибудь из присутствующих, придя в состояние экстаза («благодати», «харизмы»), выкрикивал разные поучительные слова или предсказания; затем принимали новых членов путем омовения их от всяких прежних грехов (крещения), и все заканчивалось общей трапезой, в складчину, из хлеба и вина. Эта трапеза была важнейшим мистическим обрядом. По учении Павла, этот обряд соединяет верующих с Христом.

Таким образом, эта новая христианская религия уже с самого начала звала к пассивности. Она создалась в результате того, что обнаружилось «Бессилие эксплуатируемых классов в борьбе с эксплуататорами...», которое «...неизбежно порождает веру в лучшую загробную жизнь...», и является опиумом народа[55]. Такой пассивный характер ранних общин неизбежно должен был привести к перерождению христианства из религии трудящихся, угнетенных, нищих и рабов в обычную религию всякого классового общества, в орудие классового угнетения, опору господствующих классов. Шло время, а «Христос» все не приходил. В связи с этим мессианические ожидания стали ослабевать. В то же время стал изменяться и социальный состав общин. Растущая политическая апатия и безысходная тоска все более и более толкала состоятельных людей к сближению с этим религиозным движением бедноты и социальных низов: в нем стали видеть даже спасение, как бы предохранительный клапан от растущего озлобления, охватывавшего низовые народные слои. Рядом с бедняками появились в общинах богатые, которые добивались первого места и оттирали бедняков на задний план. Начались щедрые пожертвования; иные знатные становились даже патронами целых христианских общин (например, известная патрицианская семья Метеллов или фаворитка императора Ком-мода Марция).

В течение II в. этот процесс все более и более усиливался, и к концу II в. как состав, так и характер и организация христианских общин коренным образом изменились. Многие общины стали владеть значительными землями, доходными домами, драгоценностями и денежными суммами. Быть пресвитером такой общины становилось выгодным делом, и, пользуясь легковерием простых, доверчивых людей, на эту должность стали проникать даже разные проходимцы и авантюристы (см. Лукиан и Самосатский, Жизнь Перегрина). В проповедях зазвучали новые мотивы — о необходимости рабам повиноваться своим господам, о том, что всякая власть идет от бога. Появились и более высокие должностные лица — «епископы» — наблюдатели за делами общин целых районов, прилегавших к областному городу (метрополия), который и становился резиденцией этого высшего христианского начальства.

Особо большим авторитетом стали пользоваться епископы первоклассных восточных городов — Александрии и Антиохии, а позднее и Рима. Без их одобрения (рукоположения) уже нельзя было выполнять свои обязанности выборным служителям общин («клирикам»), совершать крещения, вести молитвенные собрания верующих, организовывать общие трапезы и разрешать участие в них. Обрядов стало значительно больше; их заимствовали из других религий, восточных и древней греческой, сильно развилось и усложнилось само вероучение. Крещение и причащение обратились в «таинства», подобные практиковавшимся при культе Кибелы и Адониса; митраизм дал основу для учения о рождении Христа в пещере близ города Вифлеема. Учение стоиков, в особенности Сенеки, которого Энгельс назвал «дядей

[55] В. И. Ленин, Соч., т. 10, стр. 65.

христианства», позволило разработать систему христианской морали, покоящейся на тех же, что и у стоиков, принципах кротости, терпения, милосердия. Еврейский раввин из Александрии, Филон, по выражению Энгельса, «отец христианства» (жил еще в начале I в.), умело соединявший иудаизм с греческой философией, был вдохновителем возникшего во II в. христианского учения о «слове» (логосе), об ангелах как посредниках между богом и людьми, о «нечистой силе» и т. д. Учение о логосе было положено в основу четвертого евангелия, автор которого был хорошо знаком с греческой философией; оно начиналось с весьма хитрых выражений, совершенно непонятных для простого человека: «Вначале бы слово [логос] и слово было у бога и слово был бог» (Иоанн, I, 1).

Епископы стали собираться на съезды — синоды — и авторитетно устанавливать, какие положения и учения признать общеобязательными, какие осудить и отвергнуть. Так из обширной рампе христианской литературы признаны были «каноническими», т, г правильными (от греческого слова «канон», что значит правил норма), лишь 4 указанных выше евангелия, книга «Деяний апостолов», 21 послание их и «Откровение Иоанна». Остальные произведения указано было считать «апокрифичными» (подложными пользование ими запрещено и вообще всякие отклонения принятого «правильного учения» (ортодоксии) были объявлен вредными заблуждениями («ересями»), за которые на виновны надлежит налагать наказания — отлучать их от общения с другими верующими па их собраниях («экклесиях»), даже «предавать анафеме» (проклятию).

В результате этой деятельности епископов и синодов христианские, разрозненные прежде общины стали сливаться в единую мощную, охватывающую всю Римскую империю организацию - «церковь» (от греческого слова kyriakon, что значит «община господня»), которая стала представлять собой большую общественную силу. Но внутри этой складывавшейся церкви закипела теперь острая и ожесточенная борьба различных несогласных направлений. Многие, в особенности простые люди, но могли примириться с новым возникающим авторитарным режимом и отстаивали прежнюю широкую свободу религиозных исканий. За это их преследовали, объявляли «еретиками», отлучали от церкви.

В народных низах большой успех имела ересь монтанистов, последователей Монтана, фанатика-проповедника из Фригии в Малой Азии, которого называли «самим Параклетом» (духом святым). Монтанисты не желали признавать никакой церковной иерархии, никакого общеобязательного канона и установленного богослужения. Они стояли за прежнюю свободную проповедь любого осененного «благодатью» верующего. Большую роль в монтанизме играли пережитки оргиастического культа малоазиатской «великой матери» Кибелы, жрецом которого до принятия христианства в 156 г. был и сам Монтан. Особенно широко распространился монтанизм в римской Африке, где последователем его стал очень крупный писатель конца II и начала III в. Тертуллиан (родился в Карфагене около 160 г. и был здесь пресвитером) Ему принадлежат изуверские слова: «Верю, потому что это абсурдно» (credo, quia absurdum est). В своих многочисленных сочинениях Тертуллиан осуждал науку, так как евангелия будто бы уничтожили необходимость в ней, утверждал, что идолопоклонство заключается не только в поклонении изображениям языческих богов, но и во всяком искусстве — в стремлении изображать земные вещи. Он заявлял, что надо запретить женщинам носить украшения, на улицах они должны появляться, закрыв лицо покрывалом; он предписывал постоянно поститься, ибо и Адам впал в грех, соблазнившись яблоком, и так далее в том же изуверском тоне.

Среди образованных христиан, изучавших греческую философию, более распространено было другое еретическое направление — г н о с т и ц и з м (от греческого слова gnosis — знание). Гностики, среди которых встречались выдающиеся ученые, стремились объединить христианское учение с «мудростью варваров». Христианские мифы и образы они рассматривали как аллегории и обращали их в абстрактные понятия, с помощью которых пытались умозрительным путем познать, по примеру греческих философов, сущность строения мира и глубочайшие тайны мирового процесса. В общем получалась причудливая и фантастическая смесь из пифагорейства, платонизма, даже некоторых буддийских воззрений, передаваемая языком христианских терминов. Гностики

даже пытались вступать в таинственное общение с «нездешними силами», применяя для этого приемы магии и вызывания духов, почему один из их вождей Марк даже получил прозвище «волхва». В этом отношении они были предшественниками средневековых «чернокнижников» и «алхимиков».

Ко всему христианству, как церковному, так и его еретическим ответвлениям, с глубоким недоверием относились как значительная часть языческого населения, в особенности средние слои горожан и почти весь сельский люд, так и должностные липа Римской империи. В городах не раз устраивали избиения христиан и погромы их молитвенных домов, так как христианам приписывались все стихийные бедствия — засухи, наводнения, неурожаи и пр. Сохранился ряд литературных произведений (например, Цельс «Правдивое слово» и Лукиан «О кончине Перегрина»), в которых христианство подвергается острой критике как самое дикое суеверие. Цельс, например, так высмеивает христианское учение о «светопреставлении» и страшном суде: «Нелепо с их стороны думать, что когда бог, как повар, разведет огонь (в день страшного суда), то все человечество изжарится, а они одни останутся, притом не только живые, но и давно умершие вылезут из земли во плоти, — воистину надежда червей!.. Этот ваш догмат даже христиане не все разделяют, некоторые (гностики) вскрывают гнусность, отвратительность и вместе с тем невозможность этого». На жителей сельских округов — «пагов» (pagi) — и христиане даже смотрели, как на своих главных врагов, и отсюда и произошло слово «поганые» (pagani), обозначавшее язычников вообще. Императоры и их правительства видели в христианах дурных подданных, уклоняющихся от служб и повинностей, не желающих оказывать должного почтения персоне государей, отрицающих их божественность, не участвующих в их культе. Уже Траян в своей переписке с Плинием приказывал подвергать смертной казни тех из христиан, которые будут демонстративно отказываться от жертвоприношений перед изображениями императора, хотя и запрещал специальные преследования и розыски. Гонения на таких особенно активных сторонников новой веры были даже при Марке Аврелии. Такие преследована) во II в. были, однако, кратковременными, и в общем римское правительство этого «просвещенного века» держалось позиции веротерпимости. Христианское движение в условиях прогрессирующей разложения рабовладельческого мира, неукоснительно росло, и уже к концу II в. стало представлять собой очень большую общественную силу, способствовавшую крушению всего античного мировоззрения.

В известной притче о Лазаре на примере нищего Лазаря и богача проводится та же мысль о спасительности нищеты и гибельности богатства — по крайней мере, в будущей жизни! «Удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, — говорит Иисус, — нежели богатому войти в Царство Божие». В ранних посланиях Павла красной нитью проходит не только прославление бедности, но, что еще важнее, подчеркивается низкий социальный состав христианских общин. Особенно отчетливо это сформулировано в Первом послании к коринфянам: «Посмотрите, братья, кто вы призванные: не много из вас мудрых по плоти, не много сильных, не много благородных; но Бог избрал немудрое мира, чтобы посрамить мудрых, и немощное мира избрал Бог, чтобы посрамить сильное».

Неоднократные обращения к рабам, чтобы те повиновались своим господам, говорит о том, что среди «верных» было немало рабов: «Рабы, под игом находящиеся, должны почитать господ своих достойными всякой чести, дабы не было хулы на имя Божие и учение. Те, которые имеют господами верных, не должны обращаться с ними небрежно, потому что они братья; но тем более должны служить им, что они верные и возлюбленные и благодетельствуют им».

Еще ценнее в этом отношении показания нехристианских писателей, потому что их труднее заподозрить в какой-нибудь фальсификации. Плиний Младший в 96-м письме Траяну пишет, что он под пыткой допросил двух рабынь-христианок, игравших роль прислужниц. Цельс пишет: «Считая только такого рода людей достойными своего бога, (христиане) очевидно желают и могут привлечь только малолетних, низкородных, необразованных, рабов и детвору. . . Если они завидят юнцов, или сборище домашних рабов,

или кучку неразумных людей, туда-то они проталкиваются и там красуются. Мы видим, что и в частных домах шерстобиты, сапожники, валяльщики, самые грубые мужланы в присутствии старших и более разумных господ не смеют рот раскрыть; но когда им удается заполучить к себе отдельно детей и каких-либо глупых женщин, они им рассказывают удивительные вещи». Апологет Минуций Феликс приводит слова язычника Цецилия, который таким же образом характеризует христиан своего времени: «Особенно должно вызывать всеобщее негодование и сожаление, что некоторые, притом несведущие в науках, невежды, незнакомые даже с низменным искусством, дерзают высказывать определенные суждения о сущности вещей и о величии бога. . . Они составляют клику для безбожного заговора, набрав из самых подонков наиболее невежественных людей и легковерных женщин, склонных к заблуждению по легкомыслию своего пола. . . Ведь вот большая часть из вас, лучшая, как вы говорите, нуждается и страдает, терпит лишения и голод, а бог терпит и не замечает, не хочет или не может помочь своим».

Даже Юлиан Отступник в трактате «Против христиан», в середине IV в., когда состав христиан значительно изменился, подчеркивал у них те же черты, что и его предшественники, отмечая, что они были довольны, если им удавалось обмануть служанок и рабов.

Однако было бы ошибкой думать, что в составе первохристиан были только бедняки и рабы. Тот же Цельс пишет: «Оно (христианское учение) было усвоено только простолюдинами, хотя среди христиан были кой-какие и приличные, дельные, понятливые люди, успешно применявшие аллегорические толкования». Притча о талантах, рассказанная Иисусом, едва ли могла предназначаться для бедноты. Иисус хорошо относится к мытарям, т. е. откупщикам налогов и ростовщикам, что неоднократно подчеркивается в евангелиях. Едва ли здесь можно ссылаться на то, что евангелия — сравнительно поздний памятник. Аналогичные указания на богатых есть и в ранних посланиях Павла. Вопрос нужно ставить глубже. Идеологический кризис, который начал охватывать римское общество в I — II вв., конечно, не мог ограничиться только низшими слоями. Правда, последние больше всего страдали от кризиса. Но и наиболее чуткие, вдумчивые, мыслящие представители господствующего класса испытывали глухое недовольство существующим порядком вещей и, не находя реального выхода, искали его в религии. Отсутствие какой-нибудь перспективы создавало безвыходный тупик — и материальный и духовный.

Первые иудео-христианские общины целиком состояли из евреев. В Откровении Иоанна на каждом шагу фигурируют евреи, еврейские имена, еврейские термины, гора Сион, город Иерусалим. 12, и др.). Такая же картина в ранних посланиях Павла, согласно легенде обратившегося в христианство иудея Савла. Во Втором послании к коринфянам Павел восклицает: «Они евреи? и я. Израильтяне? и я. Семя Авраамово? и я». Но и в ранних посланиях встречаются неиудеи, например эллин Тит. Очень много имен мы находим в последней главе Послания к римлянам; подавляющее большинство их неевреи. Еще показательнее борьба иудейской и языческой партий, отразившаяся в посланиях Павла. В Деяниях апостолов рассказывается даже о дискуссии, которая имела место в Иерусалиме по вопросу об обязательности соблюдения закона Моисеева, в частности обрезания, для христиан из язычников. Независимо от недостоверности такой «конференции» в разрушенном Иерусалиме, показательно отражение в этой легенде борьбы двух партий и победы языческой партии во главе с Павлом и Варнавой. Христианство из маленькой еврейской секты быстро превращалось в средиземноморскую религию, в которой должны были исчезнуть все местные особенности и национальные различия.

Наши источники не дают возможности установить сколько-нибудь точно характер организации раннехристианских общин. Бесспорно одно: до II в. отдельные христианские общины были относительно изолированы и единой церковной организации не существовало. Вероятно, христиане первое время не выделяли себя из еврейских религиозных организаций. Во всяком случае Откровение Иоанна называет смирнских еретиков «сборищем сатаны», причем употребляет для этого специальный термин «синагога» . Однако в дальнейшем, по

мере нарастания расхождений между христианством и иудаизмом, организация христианских общин неизбежно должна была выйти за узкие рамки синагоги.

Более подходящей организационной формой были так называемые товарищества низких людей. В «Дигестах» содержится ряд комментариев римских юристов к законам о коллегиях. «Императорскими мандатами предписывается наместникам провинций, чтобы не было тайных обществ и чтобы у солдат не было коллегий в лагерях; но дозволяется низким людям вносить ежемесячный взнос, лишь бы только они сходились раз в месяц и чтобы под этим предлогом не собиралась недозволенная коллегия. Также божественный Север предписал, чтобы это имело место не только в Риме, но в Италии и в провинциях. Но ради религиозных целей сходиться не возбраняется, лишь бы только таким путем не делалось что-нибудь против сенатусконсульта, которым возбраняются недозволенные коллегии. Не дозволено состоять больше, чем в одной коллегии, что установлено и божественными братьями. . . Кто будет участвовать в недозволенной коллегии, подлежит такому же наказанию, какому подлежат те, которые заняли вооруженными людьми общественные места или храмы . . . Рабам также разрешается вступать в коллегию низких людей с согласия господ. Одной из разновидностей коллегий «низких» людей были так называемые погребальные товарищества, имевшие целью обеспечить своим сочленам приличное погребение и поминальную трапезу служили наиболее удобной легальной формой, в которой для внешнего мира выступали первохристианские организации. Что это было действительно так, показывает известное письмо Плиния Траяну, в котором тот пишет: «. . .Но. . . и это (т. е. собираться на молитвенные собрания). они перестали делать после моего указа, которым я, по твоему распоряжению, запретил тайные общества». Цельс начинает свое «Правдивое слово» следующей фразой: «Христиане заключают между собой тайные союзы, противные законам».

Однако и синагога и коллегии могли служить организационными рамками нового религиозного течения только на самых первых этапах его развития. Как только христианская религия стала массовым движением, она должна была создать и свою собственную массовую организацию. Эта организация состояла из отдельных местных «церквей», т. е. городских религиозных общин, сначала независимых друг от друга, а потом начавших объединяться вокруг крупных городов. Теоретически организация этих общин была вполне демократической. Перед лицом Иисуса Христа провозглашалось полное равенство всех верующих: «Ибо все вы Сыны Божий по вере во Христа Иисуса; все вы, во Христа крестившиеся, во Христа облеклись. Нет уже иудея, ни эллина; нет раба, ни свободного; нет мужского пола, ни женского: ибо все вы одно во Христе Иисусе»; аналогичные формулировки.

В связи с этим стоит привлекающий много внимания вопрос об общности имущества в раннехристианских общинах. Некоторые современные служители церкви усиленно подчеркивают «коммунизм» первохристиан. Энгельс в этом вопросе был очень осторожен: «Следы общности имущества, — пишет он, — которые также встречаются на первоначальной стадии новой религии, объясняются скорее сплоченностью людей, подвергавшихся гонениям, чем действительными представлениями о равенстве».

Что мы найдем на этот счет в источниках? Антисобственнические выпады евангелий еще ничего не говорят о «коммунизме». Прямые указания на общность имуществ есть только в Деяниях: «Все же верующие были вместе и имели все общее: и продавали имения и всякую собственность, и разделяли всем, смотря по нужде каждого; и каждый день единодушно пребывали в храме и, преломляя по домам хлеб, принимали пищу в веселии и простоте сердца». Такая же идиллическая картина рисуется в другом месте, являющемся, по-видимому, простой перифразой первого: «У множества же уверовавших было одно сердце и одна душа; и никто ничего из имения своего не называл своим, но все у них было общее. . . Не было между ними никого нуждающегося; ибо все, которые владели землями или домами, продавая их, приносили цену проданного и полагали к ногам Апостолов; и каждому давалось, в чем кто имел нужду. Так Иосия... у которого была своя земля, продав ее, принес деньги и положил к ногам Апостолов».

Дальше следует драматический рассказ о некоем Анании и его жене Сапфире, которые, продав имение, часть вырученной суммы утаили от апостолов, за что и были наказаны смертью.

Все эти места чрезвычайно подозрительны: они находятся в позднем памятнике, второе место просто повторяет первое, пример с Иосией является единственным (почему не приведено других случаев?), а история с Ананием и Сапфирой явно выдумана и носит пропагандистский характер. В другой новозаветной литературе указаний на потребительский коммунизм нет.

Из нехристианских свидетельств есть только единственное указание у Лукиана в его произведении «О кончине Перегрина»: «Поэтому они (христиане, — С. К.) все доходы считают общим». Показания Плиния, самое большее, говорят только о совместном, быть может, ритуальном вкушении пищи, но вовсе не об общности имущества.

Серьезнее, конечно, аналогии с иудейскими сектами, в частности с кумранскими ессенами, у которых, несомненно, существовали сильные элементы потребительского коммунизма. Однако прямую линию от ессенов к христианам провести нельзя. К тому же кумранские ессены вели монастырский (или близкий к нему) образ жизни, при котором частная собственность исключена или доведена до минимума.

Таким образом, у нас нет сколько-нибудь убедительных доказательств, что у первохристиан, как правило, существовала общность имуществ. Отдельные экзальтированно настроенные состоятельные члены общины могли, конечно, жертвовать все свое имущество в пользу общины. Но такие факты являлись исключением. В противном случае они гораздо полнее отразились бы в источниках. Вероятнее всего было так, что состоятельные члены общины вносили в общинную кассу часть своего имущества (или делали регулярные взносы), за счет чего кормилась (правильнее, подкармливалась) беднейшая часть.

Теоретическое равенство членов первохристианских общин еще не означало равенства действительного. Христианство не отменило существующий порядок вещей. Выпады против богачей и прокламирование равенства свободных и рабов перед лицом Иисуса Христа не мешали богачам пользоваться своим богатством и не уничтожали рабства. Мало того. Общины, по-видимому, не слишком охотно выкупали рабов-христиан у их господ, чем рабы, конечно, были не слишком довольны. Очень красноречиво об этом говорится в четвертой главе «Послания Игнатия к Поликарпу»: «Рабов и рабынь не презирай; но и они пусть не возгордятся, напротив, пусть во славу Божию еще более поработят себя, чтобы получить им от Бога лучшую свободу. Пусть не домогаются получить свободу на общий счет». В посланиях Павла и в соборных посланиях не раз подчеркивается, что рабы должны повиноваться споим господам, причем это изображается не как печальная необходимость, а как моральный долг: «Рабы, повинуйтесь господам своим по плоти со страхом и трепетом, в простоте сердца вашего, как Христу, не с видимою только услужливостью, как человекоугодники, но как рабы Христовы, исполняя волю Божию от души, служа с усердием, как Господу, а не как человекам». Выше мы приводили цитату из Послания к Тимофею, где особенно подчеркивается важность повиновения рабов господам из числа «верных», «дабы не было хулы на имя Божие и учение». Трудно придумать более яркий пример приспособления христианства к существующему порядку вещей! В соборном послании Петра рабам рекомендуется повиноваться «со всяким страхом» не только добрым и кротким господам, но и суровым .

По-видимому, постоянных должностных лиц в первых христианских общинах не было. Плиний говорит о каких-то двух прислужницах, которых он как рабынь допросил под пыткой. Однако едва ли их можно считать должностными лицами. Одно из наиболее ранних свидетельств мы находим в Первом послании к коринфянам: «И иных Бог поставил в Церкви во-первых Апостолами, во-вторых пророками, в-третьих учителями; далее, иным дал силы чудодейственные, также дары исцелений, вспоможения, управления, разные языки. Совершенно ясно, что в этом месте идет речь не о должностных лицах в собственном смысле слова, а о людях, наделенных «благодатью», проповедниках, «целителях» и пр. В более

позднем Послании к Ефесянам дана более дифференцированная номенклатура: «И Он поставил одних Апостолами, других пророками, иных Евангелистами, иных пастырями.

Кто такие были апостолы? У нас есть свидетельство римского законодательного памятника, кодекса Феодосия, который упоминает название апостолов у иудеев и говорит о том, что их обязанностью был сбор денег: «Дело недостойного суеверия, что архисинагоги или пресвитеры иудеев, которых они сами называют апостолами и которые в определенное время посылаются патриархом для сбора золота и серебра. . .». Что сбор денег входил в обязанности и христианских апостолов, вытекает из Второго послания к коринфянам.

Таким образом, первоначально апостолы были странствующими проповедниками, выполнявшими и некоторые организационные функции. В более поздних памятниках, в евангелиях и в Деяниях, слово «апостол» несколько меняет свое значение: апостолами называют там мнимых учеников Иисуса и, вместе с тем, конечно, проповедников нового учения.

Между остальными категориями — пророками, пастырями, евангелистами, учителями — едва ли можно провести сколько-нибудь четкую разницу. Все это странствующие проповедники или пророки. В эпоху повышенной религиозности, эмоциональной возбудимости, легковерия институт пророчества получил чрезвычайно широкое распространение. Цельс дал ему блестящее описание: «Я мог бы рассказать о способе прорицания в Финикии и Палестине, который мне приходилось слышать, и который я изучил. Многие безвестные личности в храмах и вне храмов, некоторые даже нищенствующие, бродящие по городам и лагерям, очень легко, когда представляется случай, начинают держать себя, как прорицатели. Каждому удобно и привычно заявлять: „Я — бог или дух божий, или сын божий. Я явился. Мир погибает, и вы, люди, гибнете за грехи. Я хочу вас спасти. И вы скоро увидите меня возвращающимся с силой небесной. Блажен, кто теперь меня почтит; на всех же прочих, на их города и земли я пошлю вечный огонь. . . а кто послушался меня, тем я дарую вечное спасение. К этим угрозам они вслед затем прибавляют непонятные, полусумасшедшие, совершенно невнятные речи, смысла которых ни один здравомыслящий человек не откроет; они сбивчивы и пусты, но дураку или шарлатану они дают повод использовать сказанное, в каком направлении ему будет угодно».

«Пророчество» давало легкий способ всяким авантюристам ловить рыбу в мутной воде. Примером такого рода христианского «пророка» служил Перегрин, ярко описанный в диалоге Лукиана «О кончине Перегрина».

С точки зрения организации раннехристианской церкви большой интерес представляет известный памятник — «Учение двенадцати апостолов» («Дидахе»), который датируется второй четвертью II в. Он отражает первые шаги к созданию постоянной организации раннехристианских общин. Как правило, апостолы и пророки, между которыми не проводится строгой разницы — люди странствующие, не принадлежащие к данной общине. «Всякий апостол, приходящий к вам, — наставляет инструкция, — пусть будет принят как Господь. Пусть он не остается больше одного дня; а если будет надобность, то и другой (день); но если он пробудет три, то он лжепророк. . . Уходя, пусть апостол ничего не возьмет, кроме хлеба до места ночлега. А если он потребует денег, он лжепророк. Всякого пророка, говорящего в духе, не испытывайте и не судите: всякий грех отпустится, а этот грех (ваш) не отпустится. Но не всякий, говорящий в духе, — пророк, а лишь в том случае, если он хранит пути Господни; так что по поведению можно распознать лжепророка и пророка».

Интерес этого места заключается еще и в том, что здесь указываются способы узнать «лжепророка» и отличить его от «пророка». Это говорит о том, что уже в этот ранний период всякие шарлатаны в большом количестве проникали в христианские организации. Здесь свидетельство «Дидахе» совпадает с рассказом Лукиана о Перегрине.

Как указывалось выше, те раннехристианские общины, которым адресовано «Дидахе», еще не имеют постоянного аппарата управления. Однако некоторые формулировки позволяют думать, что такой аппарат уже начал складываться. Во-первых, инструкция допускает, что некоторые странствующие пророки и учители могут превратиться в постоянных: «Всякий истинный пророк, желающий поселиться у вас, заслуживает свое

пропитание. Точно так же истинный учитель тоже достоин своего пропитания, как и работник. Поэтому всякий начаток от произведений точила и гумна, от быков и овец возьми и отдай пророкам: они ведь наши главные священники. А если пророка у вас нет, отдайте нищим».

Но самое интересное состоит в том, что инструкция называет должностных лиц, которые в дальнейшем будут играть в церкви большую роль: «Рукополагайте себе епископов и диаконов, достойных господа, мужей кротких, истинных, испытанных; они тоже исполняют у вас службу пророков и учителей. Поэтому не презирайте их, они — ваши почтенные, наряду с пророками и учителями». Последняя фраза ясно говорит о том, что институт епископов и диаконов — учреждение новое, которое у многих верующих встречало недоверие.

В поздних частях новозаветного канона упоминаются пресвитеры, т. е. старейшины): «По прибытии же в Иерусалим, они были приняты церковью, Апостолами и пресвитерами. . . Апостолы и пресвитеры собрались для рассмотрения сего дела. «Достойно начальствующим пресвитерам должно оказывать сугубую честь, особенно тем, которые трудятся в слове и учении. Пресвитеры, вместе с апостолами, могли принимать решения, обязательные для верующих: «Проходя же по городам, они (Павел и Тимофей, — предавали верным соблюдать определения, постановленные апостолами и пресвитерами в Иерусалиме». Судя по одному Месту Деяний, к пресвитерам поступали денежные сборы: «Тогда ученики положили, каждый по достатку своему, послать пособие братиям, живущим в Иудее, что и сделали, пославши собранное к пресвитерам через Варнаву и Савла».

На первых порах пресвитеры избирались из числа наиболее уважаемых, опытных, старших членов общины, о чем говорит самый термин. В дальнейшем же пресвитеры превратились в должностных лиц, назначаемых апостолами, о чем говорится в самых поздних частях новозаветного канона: «Рукоположивши же им пресвитеров в каждой церкви, они (Павел и Варнава, - помолились с постом и предали их Господу, в которого уверовали». «Для того я оставил тебя в Крите, — пишет Павел — чтобы ты довершил неоконченное и поставил по всем городам пресвитеров, как я тебе приказывал».

Это произошло в связи с общим поворотом, наметившимся в истории христианства во второй половине II в.[56]

§ 12. Христианство II - III вв.

Впрочем, благодаря характеру источников, мы плохо знаем христианство I в. Сквозь массу мифологического и легендарного материала с трудом лишь можно прощупать его общие черты. Иначе в этом отношении обстоит дело с христианством II—III вв. Его мы знаем лучше, так как в нашем распоряжении находятся более достоверные источники. Разбирая их, мы видим, что в христианских общинах второй половины II п. уже преобладает среднее городское население: купцы, ремесленники, землевладельцы и другие имущие элементы. Приток этих слоев в христианские общины объясняется двумя причинами. Во-первых, кризис идеологии охватывал все более широкие круги римского общества. Рост скептицизма и неверия сопровождался усилением религиозных настроений, увлечением магией, восточными культами, мистикой и пр. Одна и та же эпоха породила и Лукиана и Апулея. Во-вторых, принадлежность к христианам во II в. была даже выгодна с экономической точки зрения. Общины были разбросаны во всех крупных городах империи и поддерживали друг с другом тесную связь. Это создавало большие удобства для торговцев и ремесленников, что особенно сказалось во второй половине II в., когда кризис всего больнее ударил именно по этим слоям.

[56] См.: Ковалёв С. И. Основные вопросы происхождения христианства, М-Л., 1964, с.135 – 177.

Изменение социального состава общин во II в. отразилось на их идеологии и организации. Приток имущих элементов постепенно оттеснял на задний план бедноту. С настроениями сивиллиных пророчеств начинают бороться. В христианской литературе II в., правда, еще встречаются выпады против богатых и государства, но они вое более и более заглушаются другими тенденциями. На смену формулам раннего христианства — «легче канату пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в царство божие», «нет ни эллина, ни иудея, ни обрезания, ни необрезания, варвара, скифа, раба, свободного; но все и во всех Христос» — появляются совершенно иные: «вы же, слуги, со всяким страхом повинуйтесь господам, не только добрым и кротким, но и суровым», «воздайте цезарево цезарю, а божие — богу» и т. п.

Меняется и организация христианских общин. Она начинает приобретать более прочный характер. В общинах I в. руководство принадлежало странствующим проповедникам, «пророкам» и «апостолам», создававшим новое учение и разносившим его по городам империи. Это были представители бедноты и рабов, настроенные весьма экзальтированно. Они предсказывали второе пришествие Христа, призывали к покаянию и разделу имуществ. Но когда в христианстве Стали брать верх зажиточные слои, подобного рода идеология сделалась слишком опасной. С «пророчеством» начинают бороться как на организационной, так и на идейной почве. Управление общинами переходит в руки постоянных должностных лиц, выбираемых из членов данной общины и принадлежащих к ее имущей части. Это — пресвитеры (старейшины), диаконы (служители), епископы (администраторы). Они берут в свои руки все дела общин и наводят в них «порядок» в интересах имущих. Уравнительная практика (разделы имуществ, общественное питание) сокращается, все более и более заменяясь простой благотворительностью.

С другой стороны, подвергается обработке и христианская литература. Оттуда тщательно вытравляется вся идеология сивиллиных пророчеств с ее антисобственническими и антигосударственными тенденциями. Именно теперь вырабатывается список канонических книг. В них идеология раннего христианства почти совершенно не чувствуется. Вся «пророческая» литература попадает в число апокрифических, т. е «подложных» книг.

В III в. процесс идет еще дальше. Кризис бросает в объятия новой религии все более широкие слои римского общества, вплоть до крупных собственников. Принятие ими хри стианства происходит тем легче, что прежняя религия рабов и бедноты потеряла свою былую оппозиционность и перешла на службу к господствующим классам. В III в. окончательно складывается общая церковная организация для всей империи. Епископы становятся во главе общин, подчиняя себе всех остальных должностных лиц. Руководящую роль в церкви начинают играть епископы крупных городов империи. Появляется церковная иерархия, построенная по монархическому принципу. В конце III и начале IV в. на высших церковных постах сидят богатые землевладельцы, купцы и ростовщики. Среди христиан мы видим крупных представителей имперской бюрократии, членов императорской семьи. Христианская церковь окончательно аристократизируется.

§ 12. 1. Преследования христиан

Но в том же III в. церковь испытала первые крупные преследования со стороны государства. Все известия о гонениях на христиан до III в., по-видимому, вымышлены (например знаменитое гонение при Нероне) или сильно преувеличены. Впоследствии, когда церковь была легализована, христианам было выгодно изображать себя post factum мучениками за веру. Тогда и родились бесчисленные легенды о гонениях. В действительности гонений было гораздо меньше, и они далеко не отличались той жестокостью, как это обычно изображается в церковной истории.

Но, во всяком случае, в III и в начале IV в. в разных местах империи имели место довольно крупные преследования христиан. Это было связано с ростом революционного движения. Христианство, конечно, никогда не было революционным течением. Наоборот, оно гасило революционную энергию масс, направляя ее по иному руслу. Оно подменяло

реальную борьбу во имя земных целей иллюзорными надеждами на сверхчеловеческую помощь и загробное воздаяние. Но в раннем христианстве были, по крайней мере, кое-какие моменты, направленные против существующего строя. В III в. и эти элементы почти совершенно исчезают. Однако, римское правительство продолжало по-старому рассматривать христианство как тайную, подпольную секту. В борьбе с революционным движением оно не всегда разбиралось в действительном положении вещей и легко могло принять христиан за бунтовщиков. Тем более, что в некоторых вещах христиане сами давали к этому повод. Так, они отказывались приносить жертвы богам, поклоняться гению императора, служить, в войсках. Это создавало вокруг них атмосферу подозрительности и в революционной обстановке легко могло вызвать преследования. К этому нужно добавить, что церковь и многие ее представители в III в. были очень богаты. Практика конфискаций, столь распространенная в III в., могла здесь найти хорошее применение. И действительно, мы видим, что во всех гонениях III — IV вв. (при Деции, Валериане, Диокле-циане) целью является не столько преследования тех или других лиц, сколько конфискация их имуществ.

Последним, наиболее крупным гонением были преследования христиан при Диоклециане (303 — 304 гг.). Это была последняя попытка открытой силой сломить новую религию. Из попытки ничего не вышло, так как десять лет спустя Константин и Лициний легализовали христианство. Почему христианство было признано государством? Почему государство признало церковь? Здесь, прежде всего, действовали соображения политического порядка, К IV в. христианская церковь превратилась в сильнейшую организацию, в своеобразное «государство в государстве», охватывавшее почти всю империю. Она владела огромными богатствами, насчитывала в своих рядах большое количество высших чиновников, военных, крупных земельных собственников и подавляющую массу торгово-промышленного населения городов. Она обладала мощным аппаратом управления, не уступавшим имперской бюрократии. При таких условиях признать церковь означало для государства найти новую социальную опору. Это было особенно важно для домината, при его стремлении создать крепкую власть. Преследования 303 — 304 гг. были основаны на недоразумении и, как мы уже говорили, объясняются только тем, что Диоклетиан был еше тесно связан с III в. Константин же был свободен от этих старых традиций и мог подойти к христианству более объективно и трезво.

Однако в признании христианства есть еще одна сторона дела, более существенная, чем непосредственные соображения политического порядка. Эту сторону дела, конечно, никто из людей IV в. не понимал сколько-нибудь ясно и отчетливо.. Она видна только нам, спустя 1500 лет. В чем состояло историческое значение христианства? Почему оно победило старые языческие религии, старое античное мировоззрение?" Не только потому, что христианство сумело соединить в себе; разрозненные религиозные представления эпохи и таким путем попасть в тон общественному настроению; не только потому, что христианство создало удачную организационную форму общины (аналогичные организации мы находим и в других восточных религиях, например в митраизме). Победа христианства и ее всемирно-историческое значение объясняется тем, что в нем впервые выступает зародыш нового мировоззрения. Подобно тому, как колоны, по выражению Энгельса, были «предшественниками средневековых крепостных», так римское христианство явилось предком средневекового христианства. Колонат был продуктом распада латифундиального рабовладельческого хозяйства. В известном смысле он явился переходной ступенью к мелкому индивидуальному хозяйству средневекового крепостного, формы более прогрессивной, чем рабовладельческая система. Христианство также было продуктом распада языческого мировоззрения и также являлось более высокой формой. То новое, что оно несло в себе, было освобождение личности, скованной религией полиса и его моралью. Пусть это освобождение носило неполный и односторонний характер: характер морального совершенствования человека, его личной связи с богом, его личной ответственности за грехи. Тем не менее, в длительном историческом процессе освобождения индивидуума — это был огромный шаг вперед. Вот почему христианство нельзя было остановить, никакими преследованиями. Признание его Константином было поэтому не только разумной

политической мерой, вызванной конкретной обстановкой начала IV в.: признание христианства явилось исторической необходимостью.

§ 13. Ереси

Легализация христианской церкви была выгодна обеим сторонам, — церкви, во всяком случае, не меньше, чем государству. Помимо непосредственных выгод легальности, признание государством давало церковным верхам оружие для внутренней борьбы. К IV в. в церкви стало очень неспокойно. Усиление собственнических элементов, укрепление церковного аппарата, аристократизация всей идеологии христианства неизбежно должны были вызвать резкую оппозицию церковных низов. Как ни старались замазать первоначальный плебейский дух христианства, пропасть между тем, о чем учили с церковной кафедры, и тем, что видели в действительности, была слишком велика: с одной стороны — сытый и довольный «клир», «братья» из аристократии, ростовщиков и крупных землевладельцев, с другой — те же «братья во Христе», нищие и полуголодные массы городского и сельского плебса.

Христианство, повторяем, никогда не было и по своей природе не могло быть революционным течением. Но великий революционный кризис III в. не мог не отразиться в нем. Резкое обострение социальных противоречий, сказавшееся в империи с конца II в. н. э., проявилось и в христианстве. Там процесс в сильной степени ускорялся аристократизацией церкви, создававшей свои, внутрицерковные противоречия.

На этой почве родились так называемые «ереси», течения в христианстве, враждебные правившим церковным кругам и господствовавшим в церкви взглядам. Они отражали, главным образом, идеологию христианских низов — рабов, колонов, городской бедноты, отчасти настроения средней городской прослойки. В отдельных случаях в ересях проявлялась борьба за власть различных групп церковной иерархии.

Кроме гностицизма, одной из первых ересей был монта-низм (от имени «пророка» Монтана). Это было учение, выступившее в конце II в. против «обмирщения» христианства, против примирения с государством, против церковных имуществ и т. д. Монтанисты ожидали немедленного пришествия Христа и страшного суда, а поэтому отрицали земные блага и вели аскетический образ жизни. Они резко протестовали против всякого компромисса с языческим государством, к чему подчас была склонна имущая прослойка христианских общин. Этот оппортунизм особенно проявлялся во время гонений, когда множество христиан отрекалось от новой религии,— обычно для вида и на время. В такие моменты монтанизм особенно усиливался, объединяя в своих рядах всех непримиримых.

Так, во времена гонений при Деции и особенно при Диоклетиане, монтанизм процветал в северной Африке. Он принял там название «донатизма», от имени епископа Доната, главы непримиримых. Раскол дошел до того, что в северной Африке образовалось две церкви: донатистская и ортодоксальная (правоверная).

В некоторой связи с донатизмом стояло революционное движение северно-африканских рабов и колонов, известное под названием «движения агонистиков», или «циркумцеллионов». «Агонистиками» («борцами за правую веру»), называли себя они сами; «циркумцеллионами» («бродягами»), называли их противники. Движение особенно сильно развернулось в 40-х годах IV в. Агонистики в своей церковной программе выступали на защиту донатистской церкви. Что же касается их социальной практики, то она состояла в поджогах и разграблениях усадеб, в избиениях богатых землевладельцев, в освобождении рабов, колонов и должников. Движение носило настолько революционный характер, что руководство дона-тистской церковью отмежевалось от него. Римские войска дважды наносили поражения агонистикам, после чего движение пошло на убыль, но держалось в Африке до самого начала V в.

Самой сильной и самой опасной для церкви ересью IV в. было арианство. Его основателем был Арий, священник из Александрии. Сущность его учения состояла в том, что сын божий сотворен богом отцом, а поэтому ниже его. Ортодоксальное же течение

утверждало, что все три лица троицы единосущны, вечны и поэтому равны. Вокруг этого расхождения закипели ожесточенные споры. Под знаменем арианства скоро собрались все элементы, недовольные церковными порядками. Мало того, арианство объединило в своих рядах остатки разгромленной языческой идеологии и пыталось завоевать христианство на его же почве и его же оружием. Арианство проникло к варварам, и под его флагом велась борьба против империи.

В обстановке внутренней борьбы церковным верхам была чрезвычайно важна помощь государства. Константин признал христианство не для того, чтобы безучастно смотреть на раздиравшие церковь споры. Ему была нужна церковь сильная, т. е. единая. Вот почему он принимает энергичное участие в борьбе на стороне господствующего течения. Когда в 325 г. собрался церковный съезд в Никее (Никейский собор) для обсуждения арианской ереси, император на нем председательствовал и встал на точку зрения противника Ария, александрийского епископа Афанасия. В принятом на съезде «символе веры» арианство было осуждено.

Впрочем, под конец жизни Константин сам стал склоняться к арианству.

§ 14. Роль и значение христианства в переходе античного и германского мира от рабовладения к феодализму

Роль перехода от Империи к средневековым европейским государствам христианства очень велика, и ее бессмысленно отрицать.

Хотя христианская религия явилась вполне организованной со своей строгой и благородной иерархией, тем не менее, всякий тотчас же понял лежавший в ее основе принцип равенства. Она привела знатных людей догматами подчинения и повиновения, а простой народ учением о независимости и равенстве перед богом. Последствия такого равенства хорошо показал Энгельс: «Христианство знало только одно равенство, равенство для всех людей, а именно - равенство первородного греха, что вполне соответствовало его характеру религии рабов и угнетенных. Наряду с этим, оно, в лучшем случае, признавало еще равенство избранных, которое подчеркивалось, однако, в самый значительный период христианства. Следы общности имущества, которые также встречаются на первоначальной стадии новой религии, объясняются скорее сплоченностью людей, подвергшихся гонениям, чем действительным представлениям о равенстве. Очень скоро установление противоположности между священником и мирянином положило конец и этому зачатку христианского равенства».[57]

А в самом начале существования такого равенства оно поднимало раба, не унижая господина, и томящемуся под игом рабства человечеству предлагала надежду на будущую жизнь, как убежище против тирании настоящей.

Равенство перед богом призывало к братству, а это, последнее получило название любви к ближнему. Выше всякого отечества, даже самого отечества римского, оно ставило человечество.

Христианство благоприятствовало семье, уничтожило в ней римскую суровость. Оно не подрывало отеческой власти, но сближало отца и детей. Религиозный обряд стал более милосерднее, чем древний домашний культ. В семье отношения стали более доверчивые, более тесные, привязанность заменила место страху. Женщина поставлена наравне с мужчиной перед богом. Рабы чувствовали себя людьми и свободными в собраниях христиан.

Языческая религия редко вмешивалась в политические дела, но первые христианские священники принимали участие в общественных делах и занимались управлением, когда никто еще не подозревал их будущего могущества.

Первые епископы, в одно и то же время столь высокомерные и кроткие, столь беспощадные к сомнению и снисходительные к слабостям, столь гордые со знатными

[57] См.: Маркс К., Энгельс Ф., Соч., т. 20, стр. 105

людьми и столь смиренные с бедняками, представлялись настоящими народными трибунами, протестовавшими во имя неизменных прав человечества. Все напоминало в них древние предания римской республики: общественное избрание, возобновление проповеди на форуме, общие собрания, доступ к самым высоким должностям всех без различия состояния и происхождения. В это время в империи от всех этих исконных прав гражданина не осталось ничего, кроме бесплодного и смутного воспоминания. Христианская же религия все обновила, все окружила прежним почетом. Прошло только несколько лет со смерти Константина, и уже освобождение рабов допускалось по одному только удостоверению епископа, наложничество запрещено, имущества малолетних и женщин освобождено от конфискации, заключенные в тюрьмах стали навещаться, бедным стали оказывать пособие. Бесспорно, без нового начала равенства перед богом, греческое и римское рабовладение по-прежнему давило бы мир, а слабый продолжал бы также зависеть от произвола сильного и по-прежнему производить богатство, которое бы без всякого вознаграждения потребовалось богатым. Так требование равенства рабов породило религию, толкнувшую цивилизацию выше, хотя и до определенного уровня, пока она сама не превратилась в эксплуататоров крепостных.

Папе, занимающему престол в Риме, подчинялись все высшие члены духовенства, от которых в свою очередь, зависело назначение на низшие должности иерархии. Все это воинство повиновалось одним и тем же костюмам, от Парижа до Японии и от Китая до Рима. Одно и то же богослужение совершалось на двух противоположных точках земного шара на одном и том же языке. Именами святых христианства начинались все письменные акты о рождении, а дни года различались только по апостолам и мученикам церкви.

Христианское воскресенье сделалось днем повсеместного отдыха. Повсюду, как только открывались двери христианских храмов, запирались двери мастерских. Не было ни одного, сколько-нибудь важного обстоятельства человеческой жизни, которое избегало бы религиозного влияния или осталось бы свободными от церковного вмешательства. Ни детский, ни зрелый возраст, ни старость, ни сама смерть, не могли уйти из-под влияния церкви, влияния самого могущественного и самого неминуемого, какое когда-нибудь существовало.

В римском многобожии мы видим полнейшее равнодушие к страданиям близкого и к несчастиям угнетенного. В Риме существовала еще неодолимая стена между богатым и бедным, между патрицием и плебеем. Последний должен был быть роковым образом жертвою первого, подобно тому, как в животном царстве, одни породы, предназначенные служить пищей другим. Христианство во времена империи, с победами плебейства, сглаживало разделение между богатыми и бедными, способствовало переходу от рабовладения к феодализму, само, мало-помалу превращаясь в эксплуататоров бедных христиан.

В настоящее время христианство так далеко отстоит от этого влияния, как отстояло римское язычество в то время, когда христианство нанесло ему последний удар и еще дальше.

ГЛАВА СТО ВОСЬМАЯ

Римская философия – её вклад в становление и развитие научной, диалектической философии

§ 1. Исторические предпосылки римской философии

Мы через все этапы истории человечества рассматриваем развитие истории философии. И это не случайно: история философии показывает уровень познания природы и истории людей в каждое конкретное время. Мало того, мы видим вклад каждого народа в выработку единого научного метода познания природы и общества, диалектики законов их развития.

Важно и то, насколько особенности развития каждого народа благоприятствовали росту мышления, теоретического обобщения своей истории и практики и истории других народов.

Характер и значение римской философии определяются исторической ролью Рима в социально-экономическом и культурном развитии Европы. Многие из этих аспектов мы уже рассмотрели. Но у нас есть возможность привести выводы о римской философии марксистских учёных, сумевших оказаться в авторском коллективе по написанию «Истории философии» в 1941 году и получивших за это даже Сталинскую премию. Мы имеем в виду, прежде всего М.А. Дынника и В.Ф. Асмуса, Б. Э. Быховского. Их перу принадлежат основные главы первых двух томов. Им принадлежат и приведённые ниже страницы.

Римская культура,- писали они,- была передаточным звеном между культурой Востока и Греции и культурой Западной Европы. Восточная и греческая культура были восприняты Западной Европой в той переработке, которой они подверглись в Римской империи.

Рим, объединявший под своим владычеством почти весь древний мир — Италию, Грецию, Египет, Сирию, Галлию, Британию, Испанию и др., — стал ареной тесного переплетения культуры различных народов. Римская культура создавалась и развивалась в тесном соприкосновении с культурой греков, этрусков, египтян, сирийцев, персов, евреев, финикиян и др., усваивая и перерабатывая ее.

Римская культура, как и культура греческая, была культурой рабовладельческого общества. «Без рабства не было бы греческого государства, греческого искусства и науки; без рабства не было бы и Рима. А без основания, заложенного Грецией и Римом, не было бы также и современной Европы»[58].

В основе истории Рима лежит непрерывная жестокая борьба антагонистических классов рабовладельческого общества — рабовладельцев и рабов, патрициев и плебеев, крупных помещиков-рабовладельцев и разорявшихся и закабаляемых крестьян, а также борьба между различными группами внутри класса рабовладельцев — старой родовой аристократией и новыми торгово-ростовщическими слоями — «всадниками».

После падения царской власти, покоившейся на древних родовых отношениях, и установления республиканского строя классовая борьба приняла особенно напряженный характер. «...Не требуется обладать особенно глубокими познаниями, напр., по истории римской республики, чтобы знать, что скрытую ее пружину составляет история земельной собственности»[59]. Рост рабовладельческих латифундий происходил за счет захвата патрициями общинных и государственных земель и обезземеления свободного крестьянства. Борьба между крупным и мелким землевладением проходит красной нитью через всю историю Рима. Плебейские массы настойчиво требовали предоставления земельных участков безземельным и ограничения крупного землевладения.

Погоня за новыми землями, а также необходимость добывать все новые и новые массы рабов для непрерывно растущих рабовладельческих поместий усиливали экспансию Рима. Рим захватывает сначала территорию Лациума, затем всей Италии и, наконец, всего бассейна Средиземного моря.

Основой римской экономики являлось сельское хозяйство. Катон, Варрон и другие римские деятели восхваляли сельское хозяйство как основу богатства римских рабовладельцев. Эксплуатация рабов в сельском хозяйстве происходила в самой жестокой форме. провинившиеся рабы в поместьях работали скованными и жили в так называемых «эргастулах» — подземных казармах — тюрьмах.

В области промышленности Рим не пошел дальше ремесленного труда.

Ростовщичество и купечество были представлены сословием «всадников», которое, по мере того как разорялась патрицианская аристократия, сосредоточивало в своих руках также и крупнейшие земельные владения. «В античном мире влияние торговли и развитие купеческого капитала постоянно имеет своим результатом рабовладельческое хозяйство».

---

[58] Маркс и Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 183.

[59] Там же, т, XVII, стр. 92,

Основная масса римских граждан все больше нищала и разорялась. Множество крестьян превращалось в пролетариев, живших на подачки господствующих классов.

В Риме нередко «свободные», понуждаемые голодом, продавали себя и своих детей в рабство. Поэт Марциал говорил о римских бедняках, что у них нет ничего, даже кровати с клопами, и лучшее их питание — безвкусная свекла, бобы и скороспелые кочны. Грабежи и насилия составляли один из главных источников обогащения римских рабовладельцев. Особенно жесток и безудержен был грабеж покоренных народов. Проконсулы смотрели на римские провинции, как на источник личного обогащения. Цицерон говорил: «Трудно сказать, квириты, в какой мы ненависти у чужеземных народов за произвол и несправедливость тех, которых мы посылали к ним в эти годы с военной властью. Какой храм в этих странах был для наших чиновников достаточно святым и укрепленным?» Богатые «всадники», бравшие на откуп подати, заплатив казне известную сумму, возмещали ее с лихвой, совершенно истощая провинции. В этом им не уступали ростовщики, которые взимали неслыханные проценты с городов и областей, вынужденных занимать деньги, чтобы уплатить римскому государству налоги и военные контрибуции. В I в. до н. э. ростовщики продали в рабство за долги все население одного из островов в Архипелаге.

Римская империя не представляла собой единого национально государства. Несмотря на то, что романизация племен и народов, входивших в состав римского государства, достигла больших успехов, все же Римская империя оставалась конгломератом множества народностей. Известное различие между народами внутри империи (римлянами, греками, галлами, иберами, бриттами, египтянами, нумидийцами и пр.) сохранилось — если не юридически, то фактически — до конца существования Римской империи.

Во II и в особенности в I в. до н. э. классовая борьба стала принимать размеры, угрожавшие самому существованию римского рабовладельческого общества.

В 137 — 132 гг. до н. э. произошло восстание рабов под предводительством Эвна в Сицилии, которая к этому времени была целиком занята латифундиями. Восставшие образовали свое государство — «Новосирийское царство». В 133 г. восстали рабы в Пергамо под предводительством Аристоника. В 104—101 гг. до н. э. в Сицилии поднялось новое восстание рабов, нашедшее отклик в разных странах Средиземноморья. Наконец, в 70-х годах I в. произошло грандиозное восстание Спартака, около трех лет боровшегося против рабовладельческого Рима.

Восстания рабов на рубеже II и I вв. до н. э. совпадали с массовым движением обезземеленного крестьянства и городских плебеев в Риме. Наивысшего своего подъема это движение достигло в 133-121 гг. до н. э. и связано с именами народных трибунов — братьев Тиберия и Кая Гракхов. Они выдвинули требования конфискации части захваченных оптиматами государственных и общинных земель и раздела их между гражданами Рима, ограничения права владения землей так называемого «общественного поля» 500 югерами, организации для безземельных граждан колоний в Италии и в провинциях. Опираясь на массы римской демократии, вначале Тиберий а затем Кай провели свои законы, но оба были убиты оптиматами.

Начало I в. характеризуется ожесточенной борьбой между правящей, аристократической верхушкой оптиматов и демократией — борьбой, превратившейся в настоящую гражданскую войну. В 86 — 84 гг. до н. э. демократическая партия во главе с Марием и Цинной захватила власть, но была вскоре свергнута аристократами во главе с Суллой. Сулла установил в Риме свою диктатуру и жестоко расправился с противниками. В дальнейшем демократическое движение в Риме приходит в упадок. Последней крупной попыткой революционного демократического восстание было движение, связанное с так называемым заговором Каталины в 63—62 гг. до н. э.

Этот же период характеризуется бесчисленными войнами и восстаниями в завоеванных Римом странах. Наиболее крупными из них были; восстание Вириата в Испании (147 — 139 гг. до н. э.), Сертория в Испании (80—72 гг. до н. э.), войны с могущественным понтийским царем Митридатом (88 — 64 гг. до н. э.), восстание италийских народов, насильственно обращенных в союзников Рима (91 — 88 гг. до н. э.).

Таким образом, борьба «свободных» граждан Римской республики и борьба народов Средиземноморья, служивших объектом завоевательной экспансии Рима, смыкалась с классовой борьбой между рабами и рабовладельцами.

История классовой борьбы в Риме знает множество примеров совместных выступлений рабов, крестьян и порабощенных народов. Митридат, завоевывая понтийские города, освобождал рабов; в результате — в нескольких городах рабы сами отворили ему ворота, перебив своих хозяев. Сицилийское восстание рабов было поддержано свободным крестьянством Сицилии и даже Италии. Подъем аграрного движения при Тиберии Гракхе был, несомненно, связан с откликами на революцию рабов в Сицилии.

Господствующие классы Рима прилагали все усилия к тому, чтобы не допустить совместных выступлений угнетенных масс. Во время восстания Спартака им удалось повести против рабов крестьян и пролетариев, составлявших основное ядро римских легионов. Против римской демократии оптиматы выдвигали италийских союзников, которые несли на себе все тяготы военной службы, но не имели никаких политических прав. В борьбе против демократов-марианцев Сулла объявил свободными свыше 10 тысяч рабов, принадлежавших марианцам.

Используя разобщенность и неорганизованность угнетенных классов и народов, господствующие классы Рима смогли подавить первую волну революции рабов и других угнетенных классов во II — I вв. до н. э. Но эта победа была достигнута путем напряжения всех сил рабовладельческого государства и перехода от республиканского строя к империи, представлявшей жестокую военную диктатуру господствовавших классов.

Классовая борьба в эпоху империи временами достигает высокого напряжения. Наиболее яркие этапы этой борьбы — восстания в Иудее в 66 — 70 и 132 — 136 гг. н. э. Эти восстания превратились в настоящие гражданские войны, которые удалось подавить лишь силами чуть ли не половины римских легионов. До 100 тысяч пленных евреев было продано в рабство после разгрома Иерусалима в 70 г. Продолжались и восстания рабов, например, в Брундизиуме (Южная Италия) в 24 г., гладиаторов в Пренесте в 64 г., эдуев в Галлии в 68 г., буколов (пастухов) в Египте в 172 г. н. э. и пр. К этому следует добавить еще и непрерывные восстания легионов, особенно пограничных, которые зачастую сажали на трон своих ставленников.

Но и в рядах самих господствующих классов в эпоху империи продолжалась острая борьба. В основном это была борьба между старой сенатской аристократией и «новыми людьми» — крупными торговцами, ростовщиками, разбогатевшими государственными чиновниками, богатыми рабовладельцами, выдвинувшимися из числа вольноотпущенников, провинциалов и т. п.

В эпоху империи наряду с Римом возникает ряд новых крупных городских центров в провинциях: в Галлии — Нарбон, Лугудун (Лион), Трир; в Африке — Карфаген, восстановленный в I в. до н. э.; снова возрастает роль прежних эллинистических центров на Востоке — Византии, Антиохии, Александрии. Многие из этих городов, особенно восточные, соперничают с Римом по количеству населения, богатству, торговле, культурному значению. Император Диоклетиан в конце III в. перенес свою резиденцию в Нико-медию в Малой Азии. В первые века империи руководящая политическая и отчасти экономическая роль Италии и Рима еще сохраняется, но они уже теряют то исключительное, монопольное положение, которое имели в эпоху республики. Изменившееся соотношение роли Италии и провинций было оформлено в декрете Каракаллы (212 г. н. э.), который признал римское гражданство за всем свободным населением империи.

Старая римская аристократия, имевшая вначале преобладание в сенате, стремилась полностью сохранить за римскими рабовладельцами прежнюю политическую и экономическую монополию, их исключительное право на эксплуатацию многомиллионного населения империи. Цезари вынуждены были уже считаться с изменившимся положением, с тем фактом, что в провинциях сложились мощные слои рабовладельцев и торговцев. Интересами провинциальных групп господствующих классов нельзя было пренебрегать, тем более что в числе их было очень много эмигрировавших римлян. Задача объединения всех

сил рабовладельцев для сохранения единства громадного государства и подчинения миллионов рабов и крестьян требовала, чтобы императорская власть ориентировалась на все рабовладельческие классы империи, а не на одну только римскую аристократию, потерявшую уже к тому времени свое исключительное положение.

Первые два столетия империи характеризуются известной стабилизацией рабовладельческого хозяйства. Подавив восстания рабов, рабовладельцы развернули жесточайшую эксплуатацию на всей огромной территории Римской империи. На этой основе расширились и окрепли торговые связи Средиземноморского бассейна с Севером и Востоком. Но это был последний подъем рабовладельческой системы. Уже век Антонинов (96 — 132 гг. н. э.), несмотря на свой внешний блеск и на расцвет рабовладельческой культуры, характеризуется глубоким внутренним разложением и упадком римского общества. Низкая производительность рабского труда ставила непреодолимое препятствие развитию производительных сил. Необходимость пополнения массы рабов приводила к кровопролитным войнам, ослаблявшим хозяйство и постепенно подрывавшим военную мощь Рима.

В III в. поднялась новая волна революции рабов и других эксплуатируемых классов античного мира, сомкнувшаяся с нашествиями варварских племен. Эта революция нашла свое выражение в бесчисленных гражданских войнах III — IV вв., восстаниях рабов и нашествиях германских народов. Мощь римского рабовладельческого государства была окончательно подорвана, и в V в. Римская империя пала. Рабы не были носителями прогрессивного способа производства и поэтому не могли создать новое общество. Борьба в античном рабовладельческом обществе привела к совместной гибели обоих борющихся классов.

«Там, где рабство является господствующей формой производства, там труд становится рабской деятельностью, т. е. чем-то бесчестящим свободных людей. Благодаря этому закрывается выход из подобного способа производства, в то время как, с другой стороны, требуется устранение его, ибо для развития производства рабство является помехой. Всякое покоящееся на рабстве производство и всякое основывающееся на нем общество гибнут от этого противоречия. Разрешение его дается в большинстве случаев насильственным покорением гибнущего общества другими, более сильными (Греция была покорена Македонией, а позже Римом). До тех пор, пока эти последние, в свою очередь, покоятся на рабском труде, происходит лишь перемещение центра, и весь процесс повторяется на высшей ступени, пока, наконец (Рим), не был покорен народом, введшим вместо рабства новый способ производства»[60].

Острая политическая борьба в Риме определила и характер развития идеологических надстроек. Особенно расцвели здесь юриспруденция и риторика. Защита интересов рабовладельческой собственности и необходимость обслуживания развитой торговли привели к развитию и разработке юриспруденции. Риторика была необходима для демагогической обработки масс и прикрытия классовых интересов рабовладельцев.

«Римляне, собственно, впервые разработали право частной собственности, абстрактное право, частное право, право абстрактной личности. Римское частное право есть частное право в его классическом завершении»[61]. Римское право было продуктом ожесточенной классовой борьбы, происходившей в Риме, и выражением бесчеловечного порабощения завоеванных народов и племен римскими рабовладельцами. Оно целиком основано на неравенстве, господствовавшем в римском рабовладельческом обществе. Римские рабовладельцы считали преступным и недопустимым признание равенства между «свободными» и рабами, римскими гражданами и подданными Рима из покоренных народов. Идеологи рабовладельцев теоретически обосновывали разделение общества на классы и оправдывали рабство как вечное и необходимое явление природы.

[60] Маркс и Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 450,

[61] Там же, т. I, стр. 613

В Риме, как и в Греции, физический труд считался позором и уделом рабов и ремесленников. Управлять государством признавались способными только «высшие» классы. Умственный же труд рабовладельцы считали позорным постольку, поскольку он был трудом профессиональным, связанным с оплатой.

В Римской империи выдвинулся ряд крупных историков: Тит Ливии (ум. 17 г.), Тацит (ок. 56 — 120 гг.), александриец Аппиан (середина II в.), высоко ценимый Марксом и Энгельсом Плутарх (ок. 46 —120 гг.).

Естествознание получило у римлян значительное развитие, а в технологии и инженерном искусстве они достигли гораздо более высокого уровня, чем греки.

Дошедшее до нас сочинение Марка Витрувия Полиона «Об архитектуре» является как бы энциклопедией римского инженерного искусства. Высокой степени совершенства достигло у римлян строительное дело, создание мостов и других сооружений, а также военных машин. Энгельс, говоря о римских изобретениях, отмечает: «Пожарная кишка, водяные часы около 200 г. до Р. Х. Мостовые (Рим), пергамент около 160 г.» Знаменитый александрийский? механик и инженер Герон предвосхитил в I в. н. э. принцип паровой турбины. У Витрувия мы находим описание водоподъемной машины и зерновой мельницы, приводимой в движение подливными, водяными колесами.

Известны римские астрономы Секст Помпеи и Сульпиций Галл, предсказавший лунное затмение 168 г. до н. э. и вычисливший расстояние между землей и луной.

Энциклопедиями сельскохозяйственных познаний и связанных с ними отраслей, как ботаника, метеорология, гидрология, являются труды Марка Порция Катона (II в. до н. э.) и Марка Теренция Варрона (I в. до н. э). Значительных успехов достигли землемерие и картография. Расширился географический кругозор: известии сношения Рима с Индией и даже с Китаем (посольство китайском императора к Антонину Пию во II в. н. э.). Наиболее полную и всестороннюю характеристику состояния естествознания в эпоху римского владычества дает монументальная (в 37 книгах) «Еетественная история» Кая Плиния Старшего (23 — 79 гг. н. э.), содержащая развернутое изложение астрономических воззрений и минера логических, ботанических и зоологических познаний эпохи.

Высокого развития достигла в римском государстве медицина. Известны медицинские работы Корнелия Цельса, основателя врачебной школы в Риме, Асклепиада Прузского (разделение болезней на острые и хронические, возможно трахеотомия), Антония Музона (гидротерапия), Диоскуорида (фармакология). Наибольшую известность приобрел врач Гален из Пергама (131—201 гг. н. э.), впервые выдвинувший теорию кровообращения. В течение многих веков Гален оставался непоколебимым авторитетом в медицине.

Греческая культура проникает в Рим на рубеже III и II вв. до н. э. в связи с распространением римского влияния в средиземноморских странах и завоеванием Южной Италии — «Великой Греции». Эллинская культура оказала решающее воздействие на развитие римской культуры.

В середине III в. до н. э. грек Ливий Андроник перевел на латинский язык «Одиссею» Гомера. В конце III в. появились первые поэты-римляне; крупнейшими из них были Гней Невий и Квинт Энний. Макций Плавт и Теренций Африканский создали римскую комедию, Пакувий и Акций положили начало трагедии, Луцилий — сатире. Ранняя римская литература подражала греческим образцам. Влияние греческой культуры в Риме стало так сильно, что Марк Порций Катон, первый крупный римский историограф и выдающийся прозаик, вынужден был выступить с защитой римской самобытности и с требованием развития литературы, которая не была бы стереотипным повторением греческой.

Развивавшаяся под греческим влиянием римская литература дала впоследствии яркие образцы самостоятельного творчества и достигла блестящего расцвета, особенно при Августе (так называемый «золотой век» римской литературы) и во II в. («серебряный век»).

Поэты Катулл, Гораций, Вергилий, Овидий, Тибулл, Проперций, сатирики Марциал, Ювенал, Петроний, сатирик Лукиан, которого Энгельс называл Вольтером классической древности, Апулей — автор «Золотого осла», — таковы виднейшие представители римской литературы.

Римская философия также сложилась под влиянием греческой философии, особенно философии эллинистического периода.

Эллинистическая философия получила в Римской империи необычайно широкое распространение. В каждом городке имелись философские школы и преподаватели философии. Изучение философии считалось важнейшим элементом образования состоятельного юноши. Знаменитые греческие философские школы — афинская Академия, «Сад Эпикура», школы перипатетиков, стоиков — пользовались мировой известностью и привлекали учащихся со всех концов Средиземноморского бассейна. Сципион Африканский, Цицерон и многие другие виднейшие государственные деятели Рима, далее Катон, выступавший против засилья греческой культуры, ездили обучаться в греческие школы или выписывали из Греции преподавателей философии.

Хотя римская философия и не дала таких гигантов мысли, как Гераклит, Демокрит и Аристотель, но все же она насчитывает ряд выдающихся философов, развивавших и углублявших системы греческой философии.

Римская философия, как и философия эллинистического периода имела преимущественно этический характер и играла большую роль в политической жизни Рима. Главнейшей задачей римской философии является не исследование сущности вещей, а проблема достижения высшего блага, счастья, выработка правил жизни.

Философия получила наибольшее распространение в Риме среди прогрессивных слоев римского общества, находившихся в оппозиции к господствовавшей в сенате патрицианской аристократии. Не случайно император Домициан около 90 г. н. э. изгнал из Рим всех философов как людей, опасных для государства, и закрыл все философские школы.

Философия выступает в борьбе с римской религией и суевериями. Поэт и философ Квинт Энний перевел на латинский язык антирелигиозные произведения греческих мыслителей — Эпихарма и Евгемера Мессенского, которые давали натуралистическое объяснение религиозным мифам. Оправдываясь перед римскими властями, Энний заявил, что Евгемер и Эпихарм критикуют не римских, а) только греческих богов, но это была лишь отговорка, никого не обманувшая. Энний жестоко высмеивал гадания авгуров, прорицателей: «Эти суеверные жрецы и наглые прорицатели, кто, лишившись рассудка, кто по лености, кто под гнетом нужды, хотят указывать другим путь, на котором сами теряются, и сулят сокровища тем, у кого сами выпрашивают копейку». Особенно примечательны следующие строки Энния: «Я всегда утверждал и снова утверждаю, что небесные боги действительно существуют; но я полагаю, что они вовсе не заботятся о том, что касается судеб человеческих; ведь если бы они об этом заботились, то добрым людям жилось бы хорошо, дурным плохо, но на деле этого не видно».

Особенное развитие римская философия получает после приезда в Рим в 155 г. до н. э. афинского посольства, в котором участвовали стоик Диоген, руководитель афинской Академии скептик Карнеад и перипатетик Критолай. С этого времени в римском обществе широко распространяются три основных направления эллинистической философской мысли: стоицизм, эпикуреизм и скептицизм. Молодой Маркс по этому поводу писал: «Наконец, если бросить взгляд на историю, то представляют ли эпикуреизм, стоицизм и скептицизм частные явления? Не представляют ли они основных типов развития римского духа, форма, в которой Греция переходит в Рим?»[62]

Характерным для эпохи упадка Римской империи является широкое распространение в ней мистических учений.

Политические и хозяйственные потрясения, общественные перевороты, сопровождавшиеся жесточайшими репрессиями, порождали среди господствующих классов чувство непрочности своего положения, неуверенности в завтрашнем дне, а среди угнетенных масс — сознание безвыходности и бессилия. Это способствовало росту религиозных настроений, распространению мистицизма и суеверия среди всех слоев населения.

[62] Маркс и Энгельс, Соч., т. I, стр. 16.

Старая римская религия была сильно эллинизирована; римские боги были отождествлены с богами греческого Олимпа (Юпитер с Зевсом, Венера с Афродитой, Марс с Ареем, Меркурий с Гермесом и т. д.), и вся греческая мифология перенесена на римскую почву. Но римская религия уже в первые годы империи была фактически вытеснена мистическими восточными культами и сохраняла лишь свое значение официальной государственной религии. «Старые боги пришли в упадок: этой участи не избегли даже римские боги, скроенные по узкой мерке города Рима. Потребность дополнить всемирную империю всемирной религией ясно обнаруживается в том, что Рим пытался ввести у себя поклонение всем сколько-нибудь почтенным чужим богам».

В Риме получили самое широкое распространение религии всех покоренных стран, особенно Востока: культ персидского бога Митры, сирийского бога солнца, египетских Изиды и Сераписа, финикийской Астарты, иудейство, галльский друидизм и др. Особенным успехом пользовались мистические культы Митры и Изиды. Этим богам строились роскошные храмы. Рим был буквально наводнен разными сирийскими и египетскими пророками, магами и предсказателями. «Наша страна, — говорил римский сатирик Петроний, — до такой степени загромождена богами, что у нас легче найти бога, чем человека». Крупнейший сатирик Лукиан в остроумном диалоге описывает «собрание богов», где принимаются меры против нашествия новых богов:

«Ввиду того, что многие чужеземцы, не только эллины, но и варвары, отнюдь недостойные делить с нами права гражданства, неизвестно каким способом попали в наши списки, приняли вид богов и так заполнили небо, что пир наш стал теперь похожим на сборище беспорядочной толпы, разноязычной и сбродной, что начало не хватать амбросии и нектара и кубок стал стоить целую мину из-за множества пьющих; ввиду того, что они самоуправно вытолкали богов древних и истинных, требуя первых мест, вопреки отцовским обычаям и желая большего почитания на земле...», совет богов решает создать жюри из богов старого закала, перед которыми каждый бог должен доказать свое право жить на Олимпе. Тех, которые не докажут, — изгнать и их храмы конфисковать.

Расцвет мистических культов сопровождался усилением идеализма и открытого мистицизма в философии. Сложившиеся в Греции и на Востоке неоплатонизм, неопифагорейство, иудейско-александрийская мистика получили самое широкое распространение в императорском Риме времен упадка. В конце I в. из этой пестрой смеси начало складываться христианство, более или менее оформившееся в середине II в.

§ 2. Римский эпикуреизм

Философская школа эпикуреизма — наиболее последовательное материалистическое и атеистическое направление в античной философии — получила в Риме значительное распространение.

Первым известным нам сторонником эпикуреизма, жившим в Риме и писавшим на латинском языке, был Кай Амафингий (II в. до н. э.). В первой половине I в. до н. э. эпикуреизм приобрел в Италии значительное влияние. Известно, что в окрестностях Неаполя в ту пору существовала влиятельная эпикурейская школа-сад, возглавлявшаяся Сиропом и Филодемом. Филодем из Геркуланума был непосредственным учеником Зенона из Сидона, возглавлявшего в Афинах эпикурейскую школу после Аполлодора в начале I в. до н. э. Из других римских эпикурейцев этой эпохи до нас дошли имена Марка Помпилия Андроника из Сирии и Кая Катия, инсумб-рийского галла, автора четырех книг, излагавших натурфилософское и этическое учение Эпикура.

В 60-х годах I в. до н. э. в Риме выступил крупнейший представитель эпикуреизма, один из величайших атеистов и материалистов древнего мира, Тит Лукреций Кар со своей знаменитой поэмой «О природе вещей». Примерно в одно время с Лукрецием к эпикурейцам в Риме принадлежали: знаменитый противник Цезаря, Кай Кассий, Красе, К. Мемий Гемелл, которому Лукреций посвятил свою поэму, Р. Веллий из Ланувиума и др. Близко к эпикурейцам стояли друг Цицерона Луций Манлий Торкват и Тит Помпонии Аттик.

Эпикуреизм сохранил свое влияние и в императорском Риме. Известно, что в числе философских школ, закрытых Домицианом, была также эпикурейская школа. Известно также, что одной из; четырех крупнейших философских школ, восстановленных Марком Аврелием, была школа эпикурейцев, просуществовавшая вплоть до IV в. и. э. К эпикуреизму примкнул также крупнейший' сатирик древности Лукиан.

Необходимо, однако, отметить, что широкое распространение эпикуреизма в высших слоях римского общества было связано с искажением его сторонниками подлинного материалистического учения Эпикура. В этих слоях эпикурейская этика превратно истолковывалась в духе учения киренаиков как призыв к неограниченному наслаждению жизнью.

Многочисленные последователи псевдоэпикуреизма, преимущественно из высших слоев рабовладельческого общества, вульгаризировали учение великого античного материалиста. Учение Эпикура об атараксии превращалось ими в проповедь эгоизма. Из всего эпикуреизма они брали, да и то в извращенном виде, только гедонистическое учение о наслаждении как высшем благе.

Христианская церковь вела ожесточенную борьбу против эпикурейского материализма. Известны исторические факты публичного сожжения римскими христианами произведений Эпикура. Стремясь очернить атеистическую философию Эпикура, христиане отождествляли эпикурейцев с прожигателями жизни и развратниками. Это клеветническое представление об эпикуреизме на протяжении столетий усердно распространялось попами и идеалистами и дожило до наших дней.

Подлинный эпикуреизм всегда хранил свои материалистические и атеистические традиции, оставаясь самым последовательным в условиях античного мира борцом против религии, мистики и телеологии.

Сведения, дошедшие до нас о великом римском философе-материалисте и замечательном поэте Лукреции Каре, крайне скудны. Противники материализма окружили его память «заговором молчания». Мы знаем, что Лукреций жил в 99—55 гг. до - и. э., но ни место его рождения, ни его местопребывание, ни его общественное положение нам неизвестны. Чем он занимался, Каковы были другие его книги, сообщение о которых промелькнуло в одном из древних источников, — все это скрыла от нас история.

Лукреций жил в эпоху, насыщенную крупными политическими событиями. Он был очевидцем ожесточенной борьбы между демократией и оптиматами в Риме, режима Мария, реакции Суллы, был свидетелем острых столкновений между рабами и рабовладель-цами, в частности восстания Спартака, заговора Катилины и установления консульства Цезаря. Но как Лукреций относился к современным политическим событиям и принимал ли он непосредственное участие в политической борьбе, — об этом мы не имеем никаких исторических данных.

Предположение, будто Лукреций не обнаруживал никакого интереса к общественно-политической жизни, лишено основания. Лукреций обрушивается на социальные пороки своего времени, осуждает падение нравов, жестокость и чудовищные преступления высших классов римского общества.

«Денег алчба, наконец, и почестей жажда слепая
Нудят несчастных людей выходить за пределы закона
И в соучастников их обращают, и в слуг преступлений,
Ночи и дни напролет заставляя трудом неустанным
Мощи великой искать...
Кровью сограждан себе состояния копят и жадно
Множат богатства свои, громоздя на убийство убийство.
С радостью лютой идут за телом умершего брата
И пировать у родных ненавидят они и страшатся».

Лукреций — один из величайших поэтов древнего Рима, крупнейший художник, блестящий мастер метафоры, один из создателей латинского литературного языка. Это вынуждены признать даже его враги.

Поэтическое произведение Лукреция оказало огромное влияние на поэтов «золотого века» римской литературы.

В своей поэме «О природе вещей» Лукреций дал непревзойденное по силе, широте и яркости изложение античного материалистического мировоззрения. Учение Лукреция является высшим взлетом античного материализма на римской почве. «Как природа весною обнажается и, так сказать, сознавая свою победу, выставляет напоказ все свои прелести, между тем как зимой она прикрывает свое унижение и свою убогость снегом и льдом, так Лукреций свежий, смелый, поэтический властитель мира, отличается от Плутарха, прикрывающего свое мелкое «я» снегом и льдом морали»,- писал Маркс. «О природе вещей» — великое творение воинствующего атеизма. Вся поэма Лукреция насыщена борьбой против религии. У Лукреция, писал Маркс, мы видим «...природу, лишенную божественного характера, и бога, отрешенного от мира»[63]. Лукреций твердо стоит на позиции признания существование объективного, независимого от сознания, материального мира.

Природа, по Лукрецию, «собственной силой мощна и от нас не зависит нисколько».

Предпосылкой материализма Лукреция является тезис: «Из ничего, словом, должно признать, ничто не родится». Всякое существование необходимо предполагает возникновение из материи. «... Из материи все вырастает своей и живет ей». Противоположное допущение, учит Лукреций, было бы абсурдом и противоречило бы всему тому, что мы видим в природе и жизни. Этот тезис Лукреция является обоснованием вечности, несотворенности материи и материального единства мира.

Лукреций считает, что, несмотря на наблюдаемые нами и действительно существующие изменчивость, многообразие и текучести вещей, все же в основе их лежит нечто неизменное, вечное, неразрушимое, которое не может обратиться в ничто. Первоматерия составляет субстанциальную основу вещей, их материальный субстрат, из которого образуется все существующее и возникающее. Оборотной стороной тезиса о несотворенности материи является учение о сохранении материи, о ее неуничтожаемости.

«Если ж в теченье всего миновавшего ранее века
Были тела, из каких состоит этот мир, обновляясь,
То, несомненно, они обладают бессмертной природой,
И потому ничему невозможно в ничто обратиться».

Лукреций решительно выступал против допущения особой духовной, нематериальной субстанции. Он горячо отстаивал материализм против идеализма и пытался дать материалистическое объяснение явлений психической жизни.

Придерживаясь учения Демокрита и Эпикура об атоме как основном материальном начале и подробно обосновывая существование атомов, Лукреций отвергает взгляды тех, кто утверждает, будто атомов нет, на том основании, что мы их не видим. Ветра мы тоже не видим, возражает Лукреций, а между тем он существует.

Много внимания уделяет Лукреций вопросу о природе атомов. При этом он подвергает обстоятельной критике учения ионийских натурфилософов о материи: учение Фалеса о воде как первовеществе, учение Анаксимандра об «апейроне», Анаксимена о воздухе, Анаксагора о «гомеомериях», Гераклита об огне.

Свои возражения Лукреций основывает на том, что, во-первых, ионийские натурфилософы не принимают во внимание пустоту, во-вторых, «конечных пределов в делимости тела не допускают они и не ставят границы дробленью; тела наименьшего также в вещах признавать не желают»; в-третьих, первичные тельца вещей, по их взглядам, мягки, и потому ионийские философы не могут объяснить, «взяться откуда могли и твердый кремень и железо» и изначальных всех оснований своих совершенно лишится природа»; и четвертых,

[63] Маркс и Энгельс, Соч., т. I, стр. 462. г, там же, стр. 468.

при двух и более основных началах вещей имелась бы вражда этих начал, и они служили бы «ядом друг другу, сошедшись они бы погибли от тренья или же вновь разметавшись».

По учению Лукреция, первичные тельца, атомы, вечны, неделимы и неразрушимы, они обладают плотностью, внутренне однородны и различаются лишь по величине и фигуре. Лукреций, подобно Эпикуру, признает различную форму и вес атомов.

Атомы изначально различны и многообразны. Всякая вещь представляет собой, по учению Лукреция, сочетание атомов, сцепленных друг с другом. Количество, свойства и расположение атомов, составляющих вещь, определяют ее особенности. Многообразие вещей зависит от различного порядка сцепления атомов. Изменяя свое положение, также природу меняют они».

Лукреций, подобно Эпикуру, четко различает свойства (соп-(uncta) и явления (eventa) вещей. Свойства представляются ему как бы имманентной структурой вещи.

«Свойство есть то, что никак отделить иль отнять невозможно без разрушения того, чему оно будет присуще: Вес у камней, у огня теплота, у воды ее влажность, Тел ощущаемость всех и неощутимость пустого».

Явление понимается Лукрецием как преходящее, не относящееся к сущности вещи.

«Рабство, напротив того, иль бедность, или богатство,
Как и свобода, война и согласье, и все, что природу
При появленья своем иль уходе отнюдь не меняет,
Все это мы, как и должно, явлением здесь называем».

Римский материалист признает объективность пространства. В отличие от пространства, которое, по Лукрецию, может существовать вне тел, как пустота, время не может существовать «сама по себе, вне движения тел и покоя».

Признавая вечный круговорот всех вещей и процессов в силу соединения и разъединения первичных материальных элементом Лукреций подходит к вопросу о законах, по которым происходи образование миров и движение вещей.

Лукреций постоянно подчеркивает, что в природе господствует железная необходимость. Все в мире детерминировано. Все изменения и превращения в природе, все переходы из одного состояния в другое происходят на основе причинной закономерности.

Следуя Демокриту и Эпикуру, Лукреций считает, что в основе всех совершающихся в природе процессов лежит механическое движение атомов. Это движение, полагает Лукреций, было бы ни возможно, если бы не существовало пустоты.

«Если ж пространства иль места, что мы пустотой называем,
Не было б вовсе, тела не могли бы нигде находиться
И не могли б никуда и двигаться также различно».

Таким образом, необходимым условием всех процессов природе является существование двух начал — материи и пустоты.

«Всю, самое по себе, составляют природу две вещи:
Это, во-первых, тела, во-вторых же, пустое пространство...
Кроме того привести ничего ты не мог бы такого,
Что и не тело и что к пустоте вместе с тем не причастно,
И оказаться могло б какой-нибудь третьей природы».

Тела и пустота, по Лукрецию, образуют бесконечность. «Тела пустотой принуждены ограждаться всегда, пустота же телами этим взаимным воздействием сделался мир бесконечным». «Не существует границ, — пишет Лукреций, — ни с одной стороны вселенной». У вселенной нет «ни конца, ни размеров». Она безгранично простирается по всем направлениям.

Атомы находятся в вечном движении. В учении Лукреция движение не оторвано от самой материи. Оно не исходит от «перводвигателя» и не приобретено благодаря «первому толчку». «Движение, в котором первичные тельца вечно бывают, с начала веков оставалось все тем же; тем же путем и впоследствии тельца двигаться будут».

Таким образом, движение не получено материей извне, от некоей чуждой силы, а извечно присуще самой материи. Движение не возникло, оно и не уничтожается. В своем учении о сохранении материи и движения Лукреций высказывает гениальную догадку, предвосхищающую позднейшие научные теории. Он пишет:

«Силе нельзя никакой нарушить вещей совокупность,
Ибо и нет ничего, куда из вселенной могла бы
Скрыться материи часть, и откуда внезапно вломиться
Новая сила могла б во вселенную, сделать иною
Всю природу вещей и расстроить порядок движений».
«То, что доселе всегда рождалось, то будет рождаться
В тех же условиях и жить, и расти постоянно, и крепнуть
Столько, сколько кому суждено по законам природы».

Но атомистический материализм, признавая лишь механическое движение, не может надлежащим образом объяснить движущие силы процесса развития. Поскольку он не понимает внутренних противоречий как движущей силы развития, он не в состоянии понять источник движения.

В ярких поэтических образах Лукреций рисует картину движения материи. С гордым сознанием могущества и силы человеческом мышления, которое в состоянии проникать в тайны природы, он описывает образование миров, движения колоссальных атомных масс, смерть и разрушение космических тел, восстановление и новообразование их. Человек, по Лукрецию, не должен чувствовать себя отчужденным и враждебным природе. Познание истинных законов природы уничтожает источник пессимизма и освобождает от суеверного страха.

Причину движения Лукреций видит в тяжести, как в одном из основных существенных свойств материи. «Вечно в пространстве блуждают они (тела) и должны непременно или от действия собственной тяжести прочь относиться, или же силой толчка, когда, встретившись в быстром движении, вдруг они в разные стороны вновь оттолкнутся взаимно».

Лукреций придерживается догадки Эпикура о том, что в безвоздушном пространстве тела должны падать с одинаковой скоростью

Движение начинается в скрытых от наших чувств мельчайших частицах материи. Благодаря им приходят в движение более крупные тела. Скорость скрытых движений Лукрецй сравнивает со скоростью лучей солнца, считая первые во много pal более быстрыми.

Лукреций придерживается положения Эпикура, что при падении по прямой линии атомы отклоняются от своего нерва начального пути и благодаря этому отклонению происходит столкновение между ними и образуются вещи.

Как уже отмечалось, постановкой вопроса об отклонении атома Эпикур впервые связывает понятие случайности с необходимость Развивая взгляды Эпикура, Лукреций справедливо полагает, что отрицание случайности ведет к фатализму.

Будучи приверженцем детерминизма и доказывая, что все совершается по неизменным законам, Лукреций выступает против господствовавшей в его время стоической идеи рока, фатальной необходимости. Лукреций считает, что фатализм сковывает, порабощает человеческую волю, делает человека пассивным пере) силами природы. Закон природы для Лукреция не божественны] разум, не неумолимая судьба, не рок. Лукреций понимает закономерность материалистически. Понятие закономерности у Лукреция заключает в себе признание естественного самодвижения вещей решительное отрицание всякого

вмешательства в ход вещей божественных и вообще сверхъестественных сил, стоящих вне материи. Лукреций выступает решительным противником телеологии

«Здесь существует еще коренное одно заблужденье, Как я уверен; и мы всеми силами будем стремиться, Чтоб избегал ты его и берегся от грубой ошибки, Чтобы не счел, что главам дарованы ясные взоры, Дабы могли мы смотреть; или что для ходьбы и движенья Шагом широким вперед устроено так, что способны Бедра и голени ног в суставах конечных сгибаться; Или что руки у нас к плечам приспособлены крепким; Или же кисти даны, как служанки, и справа и слева, Чтобы мы с помощью их исполняли, что нужно для жизни. Также и прочее все, что толкуется в этом же роде, Все отношенья вещей извращает превратным суженьем. Для применения нам ничего не рождается в теле, То, что родится, само порождает себе примененье». Мы находим у Лукреция зачатки эволюционного учения — утверждение, что все органическое произошло из неорганической материи, а более сложные органические виды — из простейших. «Ныне скажу, что должны существа, наделенные чувством, все состоять из зачаточных тел, совершенно лишенных всякого чувства... что из бесчувственных телец живые создания возникли».

Лукреций развивает, далее, плодотворную гипотезу Эмпедокла, направленную против телеологии и предвосхищающую теорию естественного отбора. Первоначально, полагают философы, природа создала множество нежизнеспособных чудищ и уродов.

«Были не в силах они ни жизни расцвета достигнуть,
Ни пропитанья добыть, ни в объятиях слиться любовных...
Много животных тогда поколений должно было сгинуть,
Коль размноженьем приплод не могли они выковать новый.
Те же, что, видишь, теперь живительным воздухом дышат,
С юности ранней всегда берегут и блюдут свое племя
Или отвагой храня, или хитростью, или проворством».

Лукреций не допускал существования нематериальной души. Душа (anima) и дух, или разум (animus), материальны и составляют лишь силы, присущие человеческому телу. «... И дух и душа обладают телесной природой».

Вслед за Демокритом Лукреций убежден, что душа крайне подвижна и эластична. Она представляет собой своеобразное сочетание воздуха и тепла.

«...Воздух, тепло и ветра незримая мощность,
Вместе смешавшись, одно существо порождают, и с ними
Сила подвижная та, что дает им начало движенья,
Коим рождаются в нас впервые движения чувства».

Зависимость психических актов от тела Лукреций обосновывает многочисленными опытными данными. Он ссылается на то, что ум вырастет и увядает вместе с телом, как и тело, подвержен болезням, помрачается при опьянении и т. д. Из этих материалистических посылок Лукреций последовательно делает вывод о ложности учения о бессмертии души.

«...Невозможно считать, что рожденья
Души не знают совсем и свободны от смерти законов».
«Что ж? сомневаешься ты и теперь, что с изгнаньем из тела,
Без оболочки своей и без сил, на открытом просторе
Не в состояньи душа не только прожить вековечно,
Но и на миг лишь один удержаться никак не способна?».

Лукреций направляет свои удары прямо против идеалистического учения Платона, когда пишет:

«Кроме того, коль душа обладает бессмертной природой
И поселяется в нас, при рождении в тело внедряясь,
То почему же тогда мы не помним о жизни прошедшей,
Не сохраняем следов, совершившихся раньше событий?
Ибо, коль духа могла измениться столь сильно способность,
Что совершенно о всем миновавшем утратил он память,
Это, как думаю я, отличается мало от смерти.
И потому мы должны убедиться, что бывшие души
Сгибли, а та, что теперь существует, теперь и родилась» .

Вслед за человеческой душой как особой нематериальной субстанцией Лукреций отвергает и существование «мировой души», разлитой в природе.

«Если же в теле у нас, очевидно, назначено точно
Место особое, где существуют и могут развиться
Дух и душа, то тем больше должны мы всецело отвергнуть,
Что они могут одни, вне тела и формы животной,
В комьях ли рыхлых земли или где-нибудь в пламени солнца,
Или в воде пребывать, иль в пределах высоких эфира.
Значит, все это отнюдь не владеет божественным чувством,
Раз не имеет в себе никакого дыхания жизни».

Из этих слов философа видно, что он отказывается от гилозоистической концепции и подходит вплотную к учению о психике как свойстве определенным образом организованной материи.

В теории познания Лукреций является материалистом-сенсуалистом. Он углубляет и эту сторону философии Демокрита и Эпикура. Учение Лукреция об объективной значимости ощущений глубже, чем теория познания Демокрита. Чувственность и объективное бытие у него не оторваны друг от друга. Чувственность отражает бытие, как оно существует, его действительную природу.

Если звук не так сильно воспринимается издали, как поблизости, если высокая башня издали кажется маленькой и круглой, а вблизи большой и четырехугольной, это все же не дает основания говорить, что чувства нас обманывают. Лукреций полагает, что заблуждение коренится не в чувствах, а в наших суждениях, которые могут нас обманывать. Рассудок выходит при этом за пределы чувств и нечто прибавляет к ним. Поскольку же наши суждения соответствуют чувственным восприятиям, они истинны.

Лукреций принимает положение Демокрита, что атомы и пустота — единственная реальность и что они составляют неизменное и неразрушимое в вещах. Качества вещей порождаются сменой сочетаний и порядка атомов. Но качества существуют не только в нашем сознании, субъективно, они существуют объективно, и наши чувства отражают реальные различия в сочетаниях атомов.

В своем учении о восприятиях Лукреций подробно развивает заимствованную у своих предшественников теорию «специй» — истечения миниатюрных образов, проникающих из вещей в органы чувств.

Лукреций не был вульгарным эмпириком; он не ограничивался чувственными данными, лежащими в основе познания, но высоко ценил также теоретическое мышление.

В философии Лукреция имеются отдельные блестящие элементы диалектики. К ним относится, например, довольно ясно высказанное Лукрецием учение об абсолютном «пороге ощущения». Учение это, как известно, заключается в том, что необходим определенный минимальный уровень раздражения, чтобы мы могли получить ощущение. Это минимальное раздражение, обусловливающее возникновение нового качества, ощущения, носит название «порога ощущения». Лукреций удачно иллюстрирует это учение:

«...Не чувствуем мы иногда ни пылинок, прилипших

К телу, ни мела того, что порой осыпает нам члены;
Также, коль ночью туман или тонкая сеть паутины,
Встретившись, нас обовьют, то мы их на ходу не заметим;
Да и покров паука износившийся, сверху упавший
Прямо на голову нам, и пушинки, и семя летучек,
Вследствие легкости их летящие медленно книзу,
Не ощутимы для нас, как и ползанье всяческой твари,
И невозможно никак различить прикасание к телу
Каждой ноги комара и следов остальных насекомых.
Многое должно у нас, таким образом, тут возбудиться,
Прежде чем в теле души семена, что вмешаны в членах,
Первоначал потрясенье телесных почувствовать смогут
И, несмотря на свои расстоянья, взаимно столкнуться,
Вместе друг с другом сойдясь, и опять растолкнуться успеют».

Таким образом, Лукреций подметил наличие абсолютного «порога ощущения». На основе своего материализма Лукреций объясняет конкретно явления человеческой психики. В частности интерес представляет его теория сновидений. Лукреций, исходя из положения Эпикура о том, что сновидения образуются из смешения образов, развивает дальше это учение, излагая стройную психофизиологическую концепцию.

По Лукрецию, сон есть следствие состояния тела, изможденного под воздействием материальных причин, когда члены становятся дряблыми, опускаются веки, бессильно гнутся колени, чувство ослабляется. Сон — следствие того, что тело требует отдыха. Это такое состояние тела, когда человек не воспринимает внешних впечатлений. Но сон, по Лукрецию, не есть состояние оцепенения, а такое состояние тела, когда огражденная от вешних раздражений чувственность, «душа» спящего продолжает бодрствовать, что выражается в целом ряде образов, возбуждаемых в ней во время отдыха тела. По объяснению Лукреция, образы сновидения вызываются состоянием тела, которое продолжает переживать впечатления, полученные наяву, или испытывать желания, которые не могли быть реализованы.

«...Люди во сне постоянно свершать продолжают
Те же деянья, какие и въяве они совершали:
Грады пленяют цари, полоняются сами, воюют,
Крик подымая такой, как будто их режут на месте...
Многие также во сне выдают сокровенные тайны,
И выдавали не раз иные свои преступленья».

В противовес мистическому толкованию сновидений, подкрепляющему веру в предрассудки, культивирующему невежество и суеверие, Лукреций, давая материалистическое толкование сновидений, выступает как атеист, просветитель и пропагандист естественнонаучного мышления.

Большой интерес представляют общественные воззрения Лукреция, его взгляды на право и государство. Лукреций конкретизирует и углубляет идею общественного договора, выдвинутую Эпикуром.

Картина развития человечества от его первобытного состояния до возникновения языка, общества, искусства и религии, чрезвычайно красочно изображенная в поэме Лукреция, представляла собой богатую историческими, антропологическими и этнографическими сведениями концепцию. Новым в учении Лукреция является не идея развития человечества (имевшаяся и у древни» греков), а попытка найти движущие силы, которые лежат в основ исторического процесса.

Первобытное общество Лукреций представляет грубым стоящим па крайне низкой ступени развития. Антропологический эскиз в пятой книге поэмы набросан

яркими и живым красками и представляет, кроме научного, большой художественный интерес.

Человек, по Лукрецию, не творение бога или других сверхъестественных сил; он появился под действием сил природы, в результате «животворящего солнечного тепла».

Первые люди не были похожи на нынешних. Подобно стаду диких зверей, они проживали в лесах, горных пещерах и рощах и покрывались шкурами, снятыми с диких зверей. Не умея обращаться с огнем, первобытные люди кормились тем, что давала им сама природа и охота на животных.

«Твердой рукою никто не работал изогнутым плугом,
И не умели тогда ни возделывать поле железом,
Ни насаждать молодые ростки, ни с деревьев высоких
Острым серпом отрезать отсыхавшие старые ветви»,

На этой стадии развития люди не имели ни нравственных правил, ни законов, ни парного брака.

Причиной, способствовавшей человечеству выйти из первобытного состояния, Лукреций считает развитие материальной культуры людей: человек научился пользоваться шкурой убитых зверей, затем начал строить жилище и познакомился с добыванием и употреблением огня. Уменье обращаться с огнем Лукреций признает одним из тех великих и могущественных средств, которые в корне изменили первобытную жизнь. Он считает, что огонь — не дар неба, как это утверждает религия, а результат воспламенения деревьев от молний или от трения ветвей.

Первоначальными орудиями, согласно Лукрецию, были палка, камень и огонь. Позднее человек ознакомился со свойствами и употреблением металлов. Одним из первых металлов, который начали обрабатывать люди, была, по мнению Лукреция, бронза, ибо она более доступна обработке.

На основе развития материальной культуры образуется элементарная ячейка человеческого общества — семья, которая становится исходным пунктом для дальнейшего развития человечества. Далее происходит объединение людей в роды и племена на договорных началах.

«Там и соседи сводить стали дружбу, желая взаимно
Ближним не делать вреда и самим не терпеть от насилья...
Правда, достигнуть нельзя было всюду согласья; но все же
Добрая часть людей договоры блюла нерушимо».

Вначале в роду выделялись более сильные и одаренные, но, по мере накопления богатств и возникновения собственности, положение изменилось:

«Позже богатство пришло и золото было открыто,
Что без труда и красивых и сильных лишило почета,
Ибо за тем, кто богаче, обычною следуют свитой
Те, кто и силой своей и красой богачей превосходит».

На этой стадии возникают зависть, честолюбие, насилие и жестокая борьба за власть. Государство, по Лукрецию, также существовало не всегда.

«Некие люди затем избранью властей научили
И учредили права, дабы люди держались законов.
Род же людской до того истомился насилием вечным
И до того изнемог от раздоров, что сам добровольно
Игу законов себя подчинил и стеснительным нормам».

В этом вопросе эпикурейцы резко расходились со стоиками, выводившими государство и право из всеобщих естественных законов природы. Для эпикурейцев право и законы существуют только в государстве, как продукт взаимного соглашения людей.

Дальше Лукреций развертывает картину развития промышленности и искусств.

«Судостроение, полей обработка, дороги и стены,
Платье, оружье, права, а также и все остальные
Жизни удобства и все, что способно доставить усладу:
Живопись, песни, стихи, ваянье искусное статуй —
Все это людям нужда указала, и разум пытливый
Этому их научил в движении вперед постепенном.
Так изобретенья все понемногу наружу выводит
Время, а разум людской доводит до полного блеска,
Ибо одна из другой прояснялась каждая отрасль
Всяких искусств, доходя, наконец, до вершин совершенства».

Таким образом, основой прогресса являются, по мнению Лукреция, во-первых, нужда, во-вторых, накопленный в течение длительного времени опыт и, наконец, разум.

Заслуживает внимания учение Лукреция о происхождении языка. Несмотря на идеалистический характер разрешения проблемы, оно было прогрессивным для своего времени и носило антирелигиозный характер.

По Лукрецию, язык не есть сверхъестественный дар, а имеет естественное происхождение.

«...Полагать, что кто-то снабдил именами
Вещи, а люди словам от него научились впервые, —
Это безумие, ибо, раз мог он словами означить
Все и различные звуки издать языком, то зачем же
Думать, что этого всем в то же время нельзя было сделать?
Кроме того, коли слов и другие в сношеньях взаимных
Не применяли, откуда запало в него представленье
Пользы от этого иль возникла такая способность,
Чтобы сознанье того, что желательно сделать, явилось?
Также не мог он один насильно смирить и принудить
Многих к тому, чтоб они названья вещей заучили».

Язык возник из звуков, выражавших различные чувства человека. С образованием общества совершенствуется звуковое обозначение и люди входят в соглашение об употреблении звуков и слов, придав им единообразный и определенный смысл. Слова, которые первоначально выражали эмоции отдельного человека, превращаются впоследствии в целую систему, составляющую язык всего народа. Отвлеченные же слова и термины введены людьми позже, на более высокой ступени развития.

Эпикуреизм был прогрессивным идеологическим течением, тесно связанным с наукой, указывавшим ей пути развития и боровшимся против религиозного дурмана.

Воззрения Лукреция на происхождение религии изложены им особенно яркими художественными образами.

Возникновение веры в богов он объясняет страхом смерти и робостью перед грозными и непонятными для первобытных людей явлениями природы. «Первых богов на земле создал страх».

«... У кого не сжимаются члены в испуге,
Как содрогнется земля, опаленная страшным ударом
Молнии, а небо кругом огласят громовые раскаты?..

И, наконец, когда вся под ногами колеблется почва,
Падают или грозят города потрясенные рухнуть,
Что же тут странного в том, если так поколения смертных
Уничтожают себя и всецело богам оставляют
Чудные силы и власть управления всею вселенной?»

Кроме того, в возникновении понятия о богах, по мнению Лукреция, не последнюю роль играли сновидения. На основе сновидений постепенно выкристаллизовывались понятия души и ее бессмертия, которые стали потом необходимыми элементами религии.

Лукреций ясно понимал, что религия всегда была заклятым врагом науки и препятствовала ее прогрессу. Каждый поступательный шаг науки сопровождался преследованием со стороны религии. Лукреций прекрасно вскрывает зло, приносимое религией. Его поэма выражает глубокое отвращение к религии и ее обрядам.

«Тут одного я боюсь: чтобы как-нибудь ты не подумал,
Что приобщаешься мной к нечестивым ученьям, вступая
На преступлений стезю. Но, напротив, религия больше
И нечестивых сама и преступных деяний рождала».

Лукреций не просто принимает вслед за Эпикуром устранение богов из мира, как следствие атомистического учения, но выступает активным поборником окончательного уничтожения веры в богов. Вся его поэма проникнута воинствующим атеизмом. Лукреций постоянно подчеркивает тот вред, который приносит людям религия.

«О человеческий род несчастный!
Какие явленья Мог он богам приписать и присвоить им гнев беспощадный!
Сколько стенаний ему, сколько нам это язв причинило,
Сколько доставило слез и детям нашим и внукам!».
Лукреций отрицает какое бы то ни было творение мира.
«...Я дерзнул бы считать достоверным,
Что не для нас и отнюдь не божественной волею создан
Весь существующий мир...»

Он полемизирует с теми эпикурейцами, которые, хотя и отрицали вмешательство богов в человеческую жизнь, но тем не менее допускали, что где-то, в межмировых пространствах, существуют боги. «Даже и те, — писал Лукреций, — кои... мыслят, что боги проводят жизнь беззаботно свою, возвращаются вновь к суевериям древних религий и власть допускают жестоких тиранов».

Лукреций считал, что счастье человечества требует уничтожения религии и того порабощения и гнета, которые несет с собой религия. Он ставил своей задачей «от тесных оков... суеверия избавить людей».

Представления об аде и загробных мучениях, по Лукрецию, не что иное, как отражение земной жизни.

«Все, что согласно молве, в глубине Ахеронта сокрыто, Все, очевидно, у нас в самой жизни находится здешней... Что же до Цербера, фурий, а также лишенного света Тартара, что изрыгает из пасти ужасное пламя, — Этого нету нигде, да и быть, безусловно, не может. Страх наказаний зато существует при жизни за наши Злые дела по заслугам и кара за нашу преступность: Тюрьмы, свержение вниз со скалы жестокое, плети, Факелы, пытки, смола, палачи, раскаленные прутья. Ежели даже их нет налицо, то сознанье проступков все-таки мучит людей и стрекалами жалит боязни; Нету у них и надежд, что конец этим бедам наступит, Иль хоть какой-то предел наказаниям будет положен: Ждут и боятся они ухудшения их после смерти. Так и становится жизнь у глупцов, наконец, Ахеронтом».

Веру в загробный мир и боязнь ада Лукреций считал величайшими препятствиями для счастливой, безмятежной жизни.

«Так же и мы среди белого дня опасаемся часто
Тех предметов, каких бояться не более надо,
Чем того, чего ждут и пугаются дети в потемках».

Значение беспощадной критики Лукрецием религиозных суеверий древнего мира простирается далеко за пределы его эпохи и дает веские аргументы против всякой религии.

В этике Лукреций продолжал эпикуровскую традицию. Этика его чужда и враждебна всякому мистицизму.

Устранение причин страданий, умеренность, душевный покой, «атараксия» — таков индивидуалистический идеал счастливой жизни в этике Лукреция.

«Мы, таким образом, видим, что нужно телесной природе
Только немногое: то, что страдания все удаляет.
Пусть наслаждения ей предоставить и многие можно,
Но и приятней порой и не против воли природы,
Если в хоромах у нас не бывает златых изваяний
Отроков, правой рукой держащих зажженные лампы,
Дабы ночные пиры озарять в изобилии светом;
И серебром не сверкают дома, и златом не блещут,
И не гудят под резным потолком золоченым кифары;
Люди же вместо того, распростершись на мягкой лужайке
Возле ручья берегов, под ветвями высоких деревьев,
Скромными средствами телу дают усладительный отдых,
Если к тому ж улыбается им и погода, и время
Года усыплет цветами повсюду зеленые травы.
Не покидает и жар лихорадочный тела скорее,
Коль на узорных коврах и на ярком пурпуровом ложе
Мечешься ты, а не должен лежать на плебейской подстилке.
И потому, так как нет от сокровищ для нашего тела
Проку нисколько, равно как от праздности или от власти,
То остается считать и душе это все бесполезным»

Христианская церковь, став официальной государственной религией, объявила беспощадную борьбу против эпикурейского материализма. На протяжении многих веков церковь культивировала убеждение в том, что эпикурейская философия — самое безнравственное учение, а выдающегося продолжателя материалистической линии на римской почве — Лукреция — объявила сумасшедшим. Это вполне понятно, ибо в лице Лукреция мы имеем самого талантливого философа-материалиста и воинствующего безбожника, какого выдвинул античный Рим.

§ 3. Римский стоицизм

Из всех философских школ наибольшее распространение и влияние получила в Риме философия стоиков.

Стоицизм был завезен в Рим последователями Хризиппа — Диогеном из Селевкии и Антипатром из Тарса (приехавшими в Рим вместе с другими философами в 155 г. до п. э.)— и стал здесь самым популярным учением. В Риме выступали крупнейшие представители так называемой «Средней Стои» — Панэций из Родоса и Посидоний. Панэций долгое время жил в Риме, где был другом и учителем римских патрициев — Сципиона Африканского Младшего и Деллия. В родосской школе Посидония обучались Помпеи и Цицерон. Панэций и Посидоний своей деятельностью сыграли на большую роль в распространении стоицизма в

римском обществе, В римский период происходит усиление идеалистических тендн-ций стоицизма и эклектическое привнесение в него платоновских и перипатетических моментов. Виднейшими сторонниками сто цизма в республиканском Риме были: победитель Аннибала, Публий Корнелий Сципион Африканский, и его брат Луций Корнелий Сципион Азиатский, познакомившиеся с учением стоиков еще до приезда в Рим Диогена; знаменитый республиканец Катон Утический (окончивший жизнь самоубийством после поражения республиканской армии триумвирами — Марком Антонием, Августом и Лепидом), которого Цицерон назвал законченным образцом стоика; убийца Цезаря Марк Децим Брут. Эклектиками с преобладанием стоицизма были известный оратор и политический деятель республиканец Цицерон и энциклопедический ученый Терепций Варрон. В императорском Риме крупнейшими представителями стоической философии были учитель и друг императора Августа Арий Дидим из Александрии, Сенека, Музоний Руф, изгнанный из Рима Нероном в 65 г. за связь с республиканцами, сторонниками сената, Луций Анней Корнут, также изгнанный Нероном, ученик Корнута поэт Персии Флакк, Эпиктет и его ученик Арриан из Никомедии, записавший и издававший изречения учителя. Последний яркий представитель римского стоицизма — император Марк Аврелий.

К стоицизму примыкало большинство римских юристов, в том чис-ле основоположники римского права Гай, Ульпиан, Павел, Модест,: Римское право было правом всего рабовладельческого общества, объединенного мировой Римской империей. Это космополитической право обосновывалось учением стоиков о равенстве всех людей перед нравственным законом. Их космополитизм был отражением фактически установившегося в Римской империи единства стран Средиземноморского бассейна. В выработке и оформлении писаного права римские юристы исходили из заимствованного у этиков понятия «естественного права», которое они определяли как «совокупность норм, установленных естественным разумом между людьми». Согласно Ульпиану, договорные отношения возникают из взаимной привязанности людей, из их стремления оказать друг другу услугу. Юристы-стоики считали, что закон должен защищая личную свободу и достоинство людей. Но защита человеческого достоинства, с их точки зрения, находит свое наиболее полное выражение в защите частной собственности. Право частной собственности—это абсолютное право. «Противно природе, чтобы кто-нибудь другой владел той же вещью, которой владею я», - утверждал Павел. Таким образом, римское право выражало равенство частных собственников перед законом.

Наряду с римскими стоиками стоицизм продолжал свое существование в Греции и на Востоке.

Школа стоиков существовала вплоть до 529 г., когда все философские школы были закрыты по декрету императора Юстиниана. Широкое распространение стоицизма в Риме объясняется запросами, выдвигавшимися социально-политической обстановкой римской эпохи. Развитие рабовладельческих отношений приводило к разорению массы «свободного» населения — мелких производителей, ремесленников, крестьян. Разорение охватывало и значительную часть старой знати, не сумевшей приспособиться к новой обстановке. Неустойчивость и необеспеченность экономической жизни, постоянные политические перевороты, сопровождавшиеся конфискациями и открытыми грабежами, произвол крупных маг-| патов, рабовладельцев и откупщиков, насильно захватывавших Чужие владения и продававших должников в рабство, отражались на всех группах населения, особенно на менее обеспеченных слоях его. Особую остроту и значение приобрел вопрос о личности, о свободе, правах, самостоятельности, о собственности, правовых и моральных нормах и т. п.

В центре внимания стоиков стояли проблемы нравственности, личного совершенства. Вместо задач реальной борьбы стоики-демократы выдвигали на первый план задачи нравственного самоусовершенствования личности, морального протеста против общественного гнета. Человек должен, по учению стоиков, развить и закалить свою волю, приучиться терпеливо и стойко переносить все невзгоды и случайности. «Ничтожен и жалок тот, — писал Сенека, — кто вечно ропщет и, находя неудовлетворительным мировой

порядок, чет исправить богов, вместо того, чтобы исправиться самому». Стоицизм проповедовал независимость от материальных благ. Материальные блага «совершенно чужды человеку», независимы от него. Счастье же человека должно зависеть от него самого, чтобы Никакие внешние превратности не могли помешать ему. И раб, тело второго, по выражению Эпиктета, «не зависит от него», может быть внутренне свободен и счастлив. Счастье и добродетель совпадают. Кто добродетелен, тот и счастлив.

Однако стоицизм в течение своего пяти векового существования Претерпел серьезные изменения. В своем развитии философия стоиков, отражавшая вначале пассивный протест демократических слоев, была использована господствующими классами и превратилась на некоторое время в господствующее мировоззрение в римском обществе.

В этической системе стоиков идеологи господствующих классов Римской империи пытались найти опору в борьбе с разложением нравов, упадком воинственного «римского духа» и потерей традиций. Гордая суровость стоической Морали, ее требования самосовершенствования и исправления нравов человека, воспитания в нем мужественности и твердости должны были содействовать зарождению качеств римского завоевателя, дисциплинированного гражданина и хранителя старинных устоев.

Стоическая проповедь духовного равенства людей использовалась господствующими классами римского государства для замазывания антагонистических противоречий рабовладельческого общества, для того чтобы отвлечь социальный протест масс в русло стремления к «внутренней свободе».

Общей чертой, характерной для всех римских стоиков по сравнению с ранними стоиками, является ослабление интереса к изучению природы и к теории познания, усиление идеализма и сближение с религией. Непоследовательное проведение материалист ческой тенденции у греческих стоиков, допущение ими мирового разума и провидения и признание целесообразного характера мирового процесса послужили лазейкой для усиления в последующем стоицизме идеализма и телеологии.

Крупнейшими представителями римского стоицизма были Сенека, Эпиктет и Марк Аврелий.

Луций Анней Сенека родился между 6 и 3 гг. до н. э. в городе Кордубе (нынешняя Кордова), крупнейшем центре тогдашней Испании, составлявшей римскую провинцию. Сенека принадлежал к сословию римских «всадников». Отец его был известным в свое время ритором. Когда Луций Сенека был еще ребенком, отец его переселился в Рим, где открыл школу риторики.

Сенека получил разностороннее образование. Философию он изучал у виднейших римских философов своего времени. Его руководителями были стоик Аттал, пифагореец Социон, эклектик Фабиан Папирий, киник Леметрий. Из всех своих учителей Сенека особенно высоко ставил стоика Аттала. Когда Аттал «проповедовал бедность и показывал, в какой мере лишняя и ненужная тягость все, что превышает первые потребности, мне хотелось нищим уйти из школы. Когда он обличал наши страсти и проповедовал целомудрие, трезвость, чистоту воображения и советовал не предаваться не только нехорошим наслаждениям, но даже излишним, хотелось совсем отказать себе в пище и питье», — писал Сенека в одном из своих писем.

По настоянию отца Сенека избрал себе адвокатскую карьеру На адвокатском поприще Сенека приобрел большую славу, его, выступления пользовались громкой известностью благодаря его широким научным познаниям и ораторскому таланту. Сенека быстро продвигается по общественной лестнице. В последние годы царствования Калигулы он находится при дворе. В начале царствования Клавдия Сенека оставляет адвокатуру и, ограничиваясь управлением своим громадным состоянием, сосредоточивается на занятиях философией. К этому периоду относится первое философское сочинение Сенеки «О гневе», в котором он учит о Подавлении гнева и проповедует любовь к ближнему, снисходительность, всепрощение. Сенека доказывает, что гнев должен подчиняться разуму и устраняться как источник зла и беспокойства.

«Не лучше ли, — пишет он, — забывать обиды, чем мстить за них?.. Не лучше ли прощать обиды, чем усугублять одно зло другим?.. Сколько мог бы ты принести добра и своим родным, и близким, и родине, если бы занялся ими, вместо того чтобы изыскивать средства, как бы причинить зло твоим врагам».

За свое сочувствие, хотя и весьма робко выраженное, республиканским идеям Сенека был изгнан в 41 г. из Рима на Корсику.

После восьмилетней ссылки Сенека возвращается в Рим, получает должность претора и становится воспитателем двенадцатилетнего Нерона.

Когда пять лет спустя императором Рима стал семнадцатилетний Нерон, его воспитатель Сенека превратился во всемогущего сановника и фактического правителя страны.

На втором году царствования Нерона Сенека посвятил ему свое сочинение «О милосердии», в котором превозносит добродетель Нерона и рекомендует ему придерживаться умеренности и республиканского духа в управлении.

В 57 г. Сенека получает высшую в империи должность — консула. Богатства его достигают в эту пору огромной суммы в 300 миллионов сестерций (около 13 миллионов золотых рублей).

Придворными было выдвинуто против Сенеки обвинение в алчности, в захвате имущества римских граждан, в том, что роскошная жизнь его в корне противоречит проповедуемому им стоическому учению. Сенека сочинял в свою защиту целые трактаты. В трактате «О счастливой жизни» он писал:

«Мне говорят, что моя жизнь не согласна с моим учением. В этом в свое время упрекали и Платона, и Эпикура, и Зенона. Все философы говорят не о том, как они сами живут, но как надо жить. Я говорю о добродетели, а не о себе, и веду борьбу с пороками, в том числе и со своими собственными: когда смогу, буду жить, как должно. Ведь если бы я жил вполне согласно моему учению, кто бы был счастливее меня, но и теперь нет основания презирать меня за хорошую речь и за сердце, полное чистыми помыслами... Про меня говорят: «зачем он, любя философию, остается богатым, зачем он учит, что следует презирать богатства, а сам их накопляет? презирает жизнь — и живет? презирает болезни, а между тем очень заботится о сохранении здоровья? называет изгнание пустяком, однако, если только ему удастся, — состарится и умрет на родине?» Но я говорю, что все это следует презирать не с тем, чтобы отказаться от всего этого, но чтобы не беспокоиться об этом. Мудрец не любит богатства, но предпочитает его бедности; он собирает его не в своей душе, но в своем доме...».

После пожара Рима в 64 г. стало резко усиливаться возмущение против Сенеки. Сенека устранился от политической деятельности. Он просил разрешения уехать в свои отдаленные владения, но Нерон отказал ему в этом, и Сенека переехал в свое пригородное поместье, где вел уединенный образ жизни.

Разложение рабовладельческого общества, интриги и произвол двора и личная судьба приводят Сенеку к потере веры в человека.

«Что ты тревожишься, — писал он, — опасаясь таких вещей, которые могут случиться, а могут и не случиться, вроде пожара, обвала и других бедствий, которые хотя иногда и случаются с нами, но не угрожают нам постоянно? Думай лучше о том и остерегайся того, что постоянно готово поразить нас... Жди каждый день какой-нибудь беды от людей... Гром гремит прежде, чем поднимается буря. Здания предвещают свое разрушение треском. Дым возвещает о пожаре. Опасность со стороны людей подкрадывается неожиданно, и чем она больше, тем тщательнее скрывается. Ты ошибаешься, если веришь выражению лица людей, приближающихся к тебе. У них только наружность людей: в душе же они звери».

В 66 году н. э. Сенека был обвинен своим бывшим воспитанником в заговоре, приговорен к смерти и умер, покончив жизнь самоубийством.

Самым крупным произведением Сенеки являются его этически «Письма к Луцилию» (124 письма). В этих письмах подробно раз-работаны основные проблемы стоической

морали. Сенека выступает в них как крупный мыслитель, разносторонний ученый и блестящий стилист.

Естественнонаучные взгляды Сенеки изложены в его работ «Quaestiones naturales» («Естественноисторические вопросы»).

Политический идеал Сенеки — империя, ограниченная власть сената, по существу близкая к олигархической республике. Он выступает против произвола цезарей. «Но кто царей боится, — пишет он, — да отложит и честь и справедливость. Добродетель плохой слуга на службе у царей».

Главной задачей человека Сенека считает достижение добродетели. Изучение философии означает не только теоретические занятия, но и практическое осуществление добродетели[2].

«Философия учит делать, а не рассуждать. Она требует, чтоб: каждый жил согласно ее закону, чтобы жизнь не расходилась с речью; она не терпит пестроты, расхождения в поведении». «Философия — не хитрая затея для толпы, изготовленная для показа; она не в словах, а в делах. Ее значение не в том, чтобы помочь забавно провести день или убить скуку во время досуга. Она образует и формирует дух, упорядочивает жизнь, управляет действиями, указывает, что надо делать и чего не надо делать; она сидит у руля и проводит судно через опасность волн. Без нее никто не может быть спокоен. Ежечасно происходит бесчисленное множество событий; они требуют совета, который «надо просить у нее».

Изучение естествознания приобретает у Сенеки подчиненное этике значение. В познании фактических процессов он усматривает средство против болезней и сил природы. Вместе с тем постижение могущества стихий способствует пониманию человеком скромности и ограниченности своих собственных сил.

Согласно Сенеке, в мире царит материальное, но вместе с тем одушевленное, разумное существо, которое проявляет себя в своих законах. «Угодно тебе назвать его судьбой? Ты не ошибешься. Он — тот, от которого все зависит; в нем — причина всех причин. Угодно тебе наименовать его провидением? И тут ты будешь прав. Он тот, чьим решением обеспечивается этот мир, дабы ничто не препятствовало его ходу, и все действия его выполнялись. Угодно тебе назвать его природой? И это не ошибка, ибо из лона его все рождено, его дыханьем мы живем. Угодно тебе назвать его миром? И это тоже не ошибка. Он все то, что ты видишь; он весь слит со своими частями, поддерживая себя своей мощью».

Соотношение активного и пассивного начала в мире представляется Сенеке следующим образом: «Как тебе известно, по учению стоиков, в создании вещей участвуют два элемента: материя и причина. Материя инертна, способна принимать любую сторону, и мертва, пока ничто не приводит ее в движение. Причина же, или разум, придает материи форму, дает ей, по своему усмотрению, то или другое назначение и производит из нее различные вещи. Итак, должно быть нечто, из чего состоит предмет, и затем то, что создало его. Первое есть материя, второе — причина».

Он признает вечность и несотворенность материи. В основе космоса лежат четыре стихии — огонь, воздух, вода и земля. С ними связаны четыре качества — теплое, холодное, влажное и сухое.

Подобно ранним стоикам, Сенека понимает разум как особого рода материю, пневму. Пневма—соединение воздуха и огня, точнее, «теплое дыхание». Разумность материи — это род теплоты, разлитой во всех вещах.

Концепция природы сохраняет у Сенеки восходящий к древнегреческим философам стихийный материализм. «Вода, — говорит Фалес, — могущественнейший элемент: она была первым и из нее произошло все. Мы также придерживаемся этого мнения, по крайней мере в последнем пункте. Мы говорим: огонь завладевает миром и все превращает в себя. Затем он начнет исчезать, и когда погаснет, ничего не останется в природе вещей, кроме влаги: в ней лежит надежда мира. Так огонь — конец мира, а влага — его первоначало».

Сенека считает, что природа представляет круговорот одушевленной материи.

Всецело в духе стихийной древнегреческой диалектики Сенека подчеркивает подвижной, динамический характер природы:

«Все возникает из всего. Из воды воздух; из воздуха вода; огонь из воздуха; из огня воздух. Почему, следовательно, не возникать земле из воды и из земли воде? Если земля может превращаться в другие элементы, то она может превращаться и в воду; скорее всего именно в нее. Оба эти элемента родственны друг другу: оба тяжелы, оба плотны, оба оттеснены в низшую область мира... Почему ты не изумляешься при виде волны, которая надвигается после стольких волн, разбившихся о берег? Нет недостатка в том, что возвращается в самого себя. Все элементы подвержены взаимным возвращениям. Что погибает из одного, переходит в другое. И природа сохраняет образующие ее части в равновесии, словно боясь, чтобы при нарушении отношения частей не рухнул мир. Все находится во всем. Не только воздух переходит в огонь, но и не бывает никогда без огня. Изъемли из него теплоту: он застывает, становится неподвижным и затвердевает. Воздух переходит во влагу, тем не менее, не бывает без влаги. Земля превращается в воздух, в воду, но никогда не лишена ни воды, ни воздуха. И взаимопереход тем легче, что второй элемент, в какой надо переходить, уже смешан с первым».

Во всеобщем круговороте природы все подчинено строгой необходимости и все снова через определенное время повторяется. «Природа небесных тел всегда в движении: бежит и находится в быстрейшем круговращении. Воззри на звезды, освещающие мир. Ни одна из них не задерживается, непрерывно течет и меняет одно место на другое. Все они вечно вращаются, все они в вечном переходе, перемещаясь согласно властному закону природы. Когда они в известный ряд лет пробежали свои сферы, они снова направляются на тот путь, по которому уже шли».

В теории познания Сенека, в соответствии со стоической традицией, является сенсуалистом. Познание обусловлено воздействием внешних вещей на наши чувства; разум же основывается на показаниях чувств. «От чувства берет разум свое начало, ибо он не имеет ничего другого, на что бы опереться и откуда бы проникнуть к истинному, и в себя возвращается».

Страсти — гнев, любовь, скорбь — Сенека также понимает материалистически. «Если ты сомневаешься в этом, посмотри, как они меняют выражение лица, заставляют хмурить лоб, улыбаться, краснеть или бледнеть. И неужели ты думаешь, что столь явственные изменения в теле могут происходить не от причин материальных? Если страсти материальны, то материальны и душевные болезни: скупость, жестокость... Соприкасаться могут лишь материальные вещи, — говорит Лукреций. Между тем, все перечисленные мною вещи не производили бы в теле никаких изменений, если бы не соприкасались с ним; итак, все они материальны».

Однако не менее четко обозначается в психологическом учении Сенеки противоположная, идеалистическая тенденция. Внося в стоическое учение элементы платонизма, он говорит о теле, как об оковах души, и допускает бессмертие души. «Скелет, который ты видишь у нас, мышцы и обтягивающая их кожа, лицо и послушные руки, равно как и все другие члены, которыми мы окружены, — это оковы духа и тьма. Они подавляют, затемняют, заражают дух, отклоняют его от истины и навязывают ему ложь; с этим отягчающим его телом душе приходится вести настоящую борьбу...».

Философия Сенеки, исходящая из признания господства в природе строгой необходимости и требующая жизни согласно с законами природы, носит фаталистический характер. Все в мире происходит с железной неизбежностью, в нем господствует неумолимый закон природы — судьба, необходимость, которой все подчинено и которой избежать невозможно.

«Закон судьбы совершает свое право... ничья мольба его не трогает, ни страдания не сломят его, ни милость. Он идет своим невозвратным путем, предначертанное вытекает из судьбы. Подобно тому, как вода быстрых потоков не бежит вспять и не медлит, ибо следующие воды стремят более ранние, так повинуется цепь событий вечному вращению судьбы, а первый ее закон — соблюдать решение».

«Судьбы ведут того, кто хочет, и тащат того, кто не хочет» (fata vo-lentem ducunt, nolentem trahunt).

Исходя из своего понимания природы, Сенека отбрасывает политеизм народной религии, толкуя чтимые ею божества как символы, олицетворения различных сторон единой деятельной природы. Но фатализм его неизбежно тяготеет к идеализму: к обожествлению им природы и теологическому пониманию необходимости. Материальный мир Сенека мыслит как тело разума-бога, а бога — как источник жизни мира. В этом пантеистическом смысле он понимает природу и бога как одно целое. «Не может быть природы без бога и бога без природы». Бог, по Сенеке, — это имманентная сила, которая все направляет по руслу целесообразности. Судьба — не слепая космическая сила, она обладает разумом и сознанием. Сенека характеризует ее как всеблагое, мудрое, вездесущее, частички которого имеются в каждом человеке. Он учит, что разум получает свое осуществление в красоте и гармонии мирового целого, в целесообразном устройстве вселенной и порядка природы.

Судьба для Сенеки — это божество, которое господствует над всеми вещами и событиями. Ничто не может ее изменить. Отсюда — покорность, выносливость и стойкое перенесение жизненных невзгод.

Сенека требует полного и добровольного подчинения природе. Счастье человека, по его мнению, заключается в том, чтобы жить согласно природе и присущей ей разумной необходимости.

«Природа должна быть нашим руководителем: разум следует ей и советует это нам. Следовательно, жить счастливо — одно и то же, что жить согласно с природой».

Нравственным человеком Сенека считает того, кто повинуется судьбе. «В чем добродетель человека? В том, чтобы повиноваться судьбе». Сенека выступает против жертвоприношений народной религии, говоря, что нет нужды в молитвах, ибо счастье зависит от самого человека, который на основе правильного понимания природы самоусовершенствуется, подчиняясь божественной необходимости.

Всякое несчастье Сенека считает лишь поводом к тому, чтобы человек усовершенствовался в добродетели.

Согласно Сенеке, человек есть высшее звено в ряде явлений природы, существо, близко стоящее к богу и заключающее в себе частицу бога — логос.

Счастье, по мнению Сенеки, внутри человека, а не вне его. Чувственные удовольствия обманчивы и не дают истинного блага.

Но в отличие от ранних стоиков Сенека не отвергает чувственных удовольствий и не требует отказа от богатства; он требует только разумного, умелого пользования ими.

Если цель человека — добродетельная жизнь, то жизнь измеряется не временем и продолжительностью, а добрыми поступками, ибо, говорит он, жизнь не сама по себе благо, а только хорошая жизнь. Отсюда выдвигаемая им нравственная максима: «чем плохо жить — лучше умереть».

Основную цель жизни Сенека видит в выработке абсолютной невозмутимости духа. Одним из условий этого является, по его мнению, победа над чувством страха смерти. Сенека подробно называет, что смерть не страшна, что она не есть зло; наоборот, смерть есть отдых и покой, поскольку она освобождает от страданий. Смерть не есть наказание, она является уделом всех людей и справедлива перед законом природы.

Сенека не проповедует самоубийства: «прибегать к смерти так же постыдно, как и избегать ее». Он допускает самоубийство только тогда, когда человек потерял душевное равновесие, и смерть стала ему необходима для освобождения.

Этика Сенеки индивидуалистична: в центре ее — нравственная личность. Но этот индивидуализм он пытается связать с задачами общества и государства.

«Общительность обеспечила его (человека) господство над зверями. Общительность дала ему, сыну земли, возможность вступить в чуждое ему царство природы и сделаться также владыкой морей... Она не дает случаю одолеть его, ибо ее можно призвать для противодействия случаю. Устрани общительность, и ты разорвешь единство человеческого рода, на котором покоится жизнь человека».

Общество, по Сенеке, — естественное учреждение, установленное природой. Исходя из того, что люди — братья, поскольку они происходят из единой разумной природы, Сенека смотрит на человеческое общество, как на одно великое целое; отдельные люди — только члены этого великого целого.

«Вселенная, которую видишь, обнимающая весь божественный И человеческий мир, образует единство: мы — члены единого тела. Природа создала нас родными друг другу, поскольку она сотворила нас из одной и той же материи и для одних и тех же целей».

Отсюда Сенека приходит к выводу, что отечество людей — весь мир, границы общества совпадают с границами мира.

Первой обязанностью индивидуума Сенека считает — не наносить вреда членам общества. Он требует заботы о других, сострадания, любви к ближнему.

Исходя из своей философии, Сенека высказывает мысль о том, что и к рабам нужно относиться гуманно; поскольку они люди, они вправе требовать признания за ними человеческих прав.

«Это рабы? — пишет Сенека Луцилию. — Нет, это люди. Это рабы? Нет, товарищи. Это рабы? Нет, друзья из низшего сословия... Вспомни, что тот, кого ты называешь своим рабом, произошел из той же материи, что и ты, любуется тем же небом, дышит тем же |оздухом, обладает той же жизнью и ждет той же смерти».

Осуждение пороков своего времени, идея нравственного воспитания человека и укрепления его воли, направленной против чувственных соблазнов и превратностей судьбы, — таковы основные выводы этики Сенеки.

«Мы, — пишет философ, — не можем изменить мировых отношений. Мы можем лишь одно: обрести высокое мужество, достойное добродетельного человека, и с его помощью стойко переносить все, что приносит нам судьба, и отдаться воле законов природы».

Этика Сенеки представляет собой попытку сохранения разлагающегося рабовладельческого общества от гибели путем ограничения безудержного разгула и противодействия нравственной деградации рабовладельцев. Спасение общества Сенека видит в самоограничении и умеренности. Этика его насквозь субъективистическая и идеалистическая. «Корень зла» для него «не в вещах, а в душе».

Пассивный, субъективно-идеалистический характер его этических выводов со всей ясностью обнаруживается в том, как он «разрешает» проблему рабства:

«Тот, кто думает, — пишет Сенека, — что рабство распространяется на всю личность, заблуждается: ее лучшая часть свободна от рабства. Только тело подчинено и принадлежит господину, дух же — сам себе господин... Только судьба тела в руках господина: его он покупает, его продает; то, что внутри человека, он не может присвоить себе с помощью торговой сделки».

Таковы основные положения философских воззрений Сенеки.

Младший современник Сенеки Эпиктет — один из наиболее ярких представителей римского стоицизма, оказавший значительное влияние на многих мыслителей позднейших эпох.

О жизни и деятельности Эпиктета достоверно известно немного. Он был уроженцем города Гиерополиса во Фригии и родился около 50 г. н. э. Эпиктет был в качестве раба привезен в Рим, где принадлежал одному из телохранителей Нерона. В свободные часы Эпиктет слушал беседы римского стоика Музония Руфа, под влиянием которого увлекся стоической философией. Впоследствии Эпиктет был отпущен на свободу и посвятил себя философской деятельности.

Вместе с другими философами Эпиктет был изгнан Домицианом из Рима. Покинув Италию, он переехал в Никополь в Эпире (современная Албания), где продолжал свои занятия философией, основав философскую школу, привлекавшую значительное количество учеников.

По некоторым сведениям, император Адриан пригласил Эпиктета вернуться в Рим, но Эпиктет отказался от этого предложения, не желая ехать в «город греха». Умер Эпиктет, вероятно, в 138 г. н. э.

Эпиктет не оставил никаких сочинений; сообщают, будто он высмеивал сочинителей книг, говоря, если книга стоит 6 динариев, то и излагаемое в ней не стоит большего. Он требовал не, книжной мудрости, а нравственных поступков, поэтому он предпочитал непосредственное живое общение с учениками и личный пример как лучшую форму философской деятельности.

От своих учеников Эпиктет требовал не простой любознательности, а претворения философии в жизнь. Он говорил: «Чего же хочу я? Познать природу и ей следовать. И я спрашиваю, кто объяснит мне ее? И когда мне отвечают: Хризипп, — иду к нему. Но я не понимаю его сочинений. И вот я ищу истолкователя, но и в этом пока нет ничего великого. Когда же я нашел истолкователя, мне остается применение поучений в жизни. Это последнее одно I есть нечто великое. Если же я преклоняюсь перед одним истолкованием, то я только грамматик, вместо того чтобы быть философом».

Главным источником сведений о философии Эпиктета являются сочинения его друга и последователя Флавия Арриана. Арриан вначале записывал устные беседы, и наставления Эпиктета для себя Он указывает, что записывал их теми же словами, как излагал Эпиктет.

До нас дошли только первые четыре книги (из восьми) работы Арриана «Рассуждения Эпиктета». Кроме того, сохранились фрагменты из его работы «Дружеские беседы Эпиктета» в 12 книгах. Из этих двух работ Арриан составил извлечение под заглавием «Руководство Эпиктета», которое сохранилось до нашего времени. Помимо работ Арриана, до нас дошел некоторый доксографический материал об Эпиктете.

Философия Эпиктета выражает настроения той части угнетенных классов римского рабовладельческого общества, которая после многочисленных неудачных восстаний перешла к пассивному сопротивлению, перенося жестокости со стороны господ и ища утешения в своем нравственном превосходстве.

Эпиктет протестует против рабовладельческого строя, но протест его носит пассивный характер. Он желает не изменить действительность, а подчиниться ей, приспособиться к ней.

Человек стремится стать свободным; но от него самого зависит только духовная свобода. Остальное не в его власти и не в его силах. Угнетенный раб, если он стойко и мужественно переносит невзгоды, относится к ним безразлично и равнодушно, может стать духовно свободнее своего господина, являющегося рабом жизни и собственных страстей. Эпиктет считает, что истинная свобода заключается лишь во внутренней, духовной независимости человека.

Таким образом, на деле философия Эпиктета узаконила эксплуатацию и гнет римских рабовладельцев, призывая рабов и другие угнетенные слои общества к подчинению и покорности и требуя стойкого перенесения жизненных невзгод как необходимого и непреодолимого закона природы.

Эпиктет осуждает рабство: «То положение, которого ты не терпишь, не создавай для других. Не желаешь быть рабом, — не терпи рабства около себя... Как порок и добродетель ничего между собой общего не имеют, так и свобода и рабство». Но эти высказывания Эпиктета означают лишь моральное осуждение рабства,

В своем учении Эпиктет опирается на философию древней Стои и прежде всего на философию Хризиппа.

Следует отметить влияние на него философии киников, которую Эпиктет ставил очень высоко, хотя и воздерживался от ее крайностей.

Познание природы и самопознание человека являются, по Эпиктету, необходимыми условиями счастливой жизни. Истина не сразу дается человеку. На первой стадии занятий философией человек должен осознать свое незнание. После этого наступаем период усвоения различия добра и зла, пора серьезных теоретических занятий, связанная с упорной работой над своим внутренним самоусовершенствованием. Эпиктет учил, что нужно начинать с легкого, ежедневного самоиспытания, постоянно имея в поле зрения самого себя, свои помыслы и поступки. В результате длительных упражнений человек прогрессирует в своем самоусовершенствовании и приближается к мудрости. Мудрец всегда следует

разумной необходимости, которая и есть истинная свобода; он даже и во сне не мыслит ничего неразумного.

Философ-мудрец должен стать воспитателем всего человечества

Философия Эпиктета, как и у большинства античных философов, распадается на три части: на логику, физику и этику. Порядок и обоснование их у Эпиктета иные, чем у других философов.

Все три части, или «топоса», имеют своей задачей счастье человека. Познание природы служит той же цели. По Эпиктету, мы должны изучать природу не для того, чтобы изменить ее (ибо эта не в нашей власти), а для того, чтобы согласовать наши желания, с естественным ходом вещей.

Первый «топос» Эпиктета выясняет природу человека, пределы, законность и правомерность его желаний, место человека в природе, а вместе с тем и сущность самой природы. Конечным результатом этого раздела философии является познание блага. С выясненном его человек достигает внутреннего мира и покоя.

Второй «топос» учит о правильном поведении человека и его обязанностях на основе выясненного уже места человека в природе,

Третий «топос» посвящен тому, как человек может освободиться от заблуждений: он учит правильному суждению, сообщая людям, уверенность в своих знаниях и настолько укрепляет разум человека, что он «даже в пьяном виде не мыслит ничего дурного»,

Таким образом, философия делится Эпиктетом на философию действий, или собственно этику, на философию желаний, или физику, и философию суждений, или логику.

«Первой и важнейшей частью философии является ее применение к жизни, например, жить без лжи в словах и действиях. Вторая часть содержит доказательства, например, почему человек не должен лгать. Третья часть служит первым двум и состоит в обосновании и исследовании этих доказательств, например, из чего видно, что это есть доказательство; что является вообще доказательством; что такое следствие; что такое противоречие; что является истиной и что ложью. Таким образом, третья часть нужна в силу второй, вторая — в силу первой. Однако необходимейшей остается первая, и о ней нужно непрестанно заботиться. Но мы обычно делаем обратное. Мы заботимся о третьей части, отдаем ей весь наш пыл и совсем упускаем из виду первую часть. И происходит так, что продолжаем лгать, а между тем всегда можем доказать, что человек не должен лгать».

В своей теории познания Эпиктет, как и прежние стоики, в основном выступает как сенсуалист на материалистической основе.

По Эпиктету, влечения и желания являются выражениями нашей воли, основанной на наших представлениях о мире. Эти представления — не чисто субъективные состояния человека, а независимы от его воли. Эпиктет признает, что содержание чувственных восприятий является верным отпечатком реальных вещей, и пытается опровергнуть скептическое воззрение о том, что чувства нас обманывают. «Правильные представления, — говорит Эпиктет, — правильны для всех людей».

В отличие от киников Эпиктет подчеркивает необходимость изучения природы для того, чтобы, познав ее законы и следуя им, достигнуть счастья. «Что же есть природа, и как она управляет вселенной, и разумна ли она или нет, — разве обо всем этом не подобает размышлять?» — спрашивает Эпиктет.

В своей физике Эпиктет придерживается в основном тех же воззрений, что и Сенека. Хотя элементы материализма все еще сохраняются у него, но телеологическая струя, религиозная окраска миросозерцания и дуализм души и тела у Эпиктета выражены еще отчетливее, чем у Сенеки.

«Мир, — говорит он, — есть единое государство, и он создан из единой субстанции. Ему присущ необходимый круговорот, и одно уступает в нем место другому. Одно погибает, другое возникает, одно движется, другое заступает его место». Смерть для него есть «распадение на первоначальные составные элементы».

Но Эпиктет допускает божественное провидение, рок и разумное гармоничное устройство вселенной. Он прямо признает существование богов, разумно организующих мировое движение.

Однако физике и логике Эпиктет уделял сравнительно мало внимания: они у него играют подсобную роль по отношению к этике, составляющей центр интересов философа.

Хотя Эпиктет и осуждает современный ему порядок, сознает окружающее социальное зло, но он не считает возможным изменить его, требует примирения с ним. «Главное — иметь здравые представления о бытии богов и их мудром управлении вселенной, Повинуйся им, мирись со всем происходящим без ропота, следуй воле провидения».

По Эпиктету, добродетель и нравственное поведение состоят в умении жить согласно природе. В выполнении этой максим заключается счастье человека. Неверное понимание назначения человека ведет к несчастливой жизни. Субъект не должен желать того, что не находится в его власти, т. е. не должен требовать изменения внешнего мира.

«Не требуй, чтобы совершающееся совершалось по твоей воле но желай, чтобы совершающееся совершалось так, как оно совершается, и проживешь счастливо».

Человек не может изменить ход вещей; чтобы быть счастливым он должен изменить лишь свое отношение к ним, стать духовно независимым от внешних благ — таков идеалистический и фаталистический лейтмотив этики Эпиктета.

«Одни из существующих вещей, — говорил он,— находятся в нашей власти, другие — не в нашей власти. В нашей власти наши мнения, наша воля, наше влечение и уклонение, словом — все наши действия. Не в нашей власти — наше тело, наше имущество, почет, чины, словом — все, что не есть наши действия. Все, что в нашей власти, от природы свободно, не знает препятствий и стеснений; то, что не в нашей власти, является слабым, подчиненным, подверженным препятствиям и чуждым воздействиям. Теперь подумай о следующем: если то, что от природы является подчиненным и подверженным чуждым воздействиям, ты будешь считать своей собственностью, то ты столкнешься с препятствиями, впадаешь в заботы и беспокойство и будешь недоволен богами и людьми. Если же, напротив, ты будешь лишь то считать своей собственностью, что действительно принадлежит тебе, а то, что подвержено чуждым воздействиям, будешь считать чуждым тебе, то никто никогда тебя ни к чему не принудит, никто ни в чем не сможет тебе воспрепятствовать; ты всеми будешь доволен... ибо вообще никто не может принести тебе вреда».

Истинную сущность человека составляет разум: «Кто я? Разве тело? Разве имущество? Разве слава? Ничто из всего этого. Что же я такое? Разумное животное». Поэтому человек должен заботиться только о душе и не цепляться за тело, славу, имущество.

Эпиктет резко нападал на эпикурейцев. Своим учением о наслаждении как основе этики они, по мнению Эпиктета, не воспитывают и не возвышают людей, а низводят их на положение животных. Эпиктет критиковал Эпикура также и за то, что вместо провидения он выдвигает слепую случайность. Атеизм эпикурейцев, по мнению Эпиктета, разлагает молодые поколения, опустошая их души от всего возвышенного.

Эпиктет выступал и против скептиков за их критику разума, за их учение об относительности истины. Взгляды скептиков, по мнению Эпиктета, лишают всякой основы этику, моральное воспитание человека и не дают возможности осуществить его нравственную закалку и самоусовершенствование.

Высшим благом, по Эпиктету, является добродетель, согласие наших мыслей и стремлений с природой, со строем вселенной, с божественными законами. Высшая цель человека — следовать божественному закону, разуму; разум роднит человека с богом. Исходя из того, что люди — дети божьи, Эпиктет выводил идею космополитизма, учение о том, что человек — гражданин мира, идею равенства и братства всех людей. Но отсюда же он выводил также обязанность людей проявлять покорность, смирение, терпение, стойкость и мужество, ибо все события предопределены богом, направляются божественным промыслом.

Если нас постигает несчастье, бедность, болезнь, мы должны употребить усилие, чтобы освободиться от них. Но если мы не можем достигнуть этого, то должны безропотно

подчиниться и рассматривать несчастье как благо. На себя мы должны смотреть, как на часть единой природы. «Что я такое? — спрашивает Эпиктет. — Человек. Если я смотрю на себя, как на предмет отдельный и независимый от прочих предметов, то следует, чтобы я жил долго, чтобы я был богат, счастлив, здоров; но если я посмотрю на себя, как на человека, как на часть целого, то может иногда случиться, что по отношению к этому целому я должен подчиниться болезни, нужде или даже погибнуть преждевременной смертью. Какое же право имею я жаловаться в таком случае? Разве мне неизвестно, что, жалуясь, я перестаю быть человеком, как нога перестает быть органом тела, когда она отказывается ходить?»

Сочетание идеи этического равенства людей с фатализмом приводит Эпиктета к оправданию фактического социального неравенства.

«Подумай о том, — говорил он, — что ты являешься актером в драме и должен играть роль, предназначенную тебе поэтом, будь она велика или мала. Если ему угодно, чтобы ты играл нищего, постарайся и эту роль сыграть, как следует; то же относится и к любой другой роли — калеки, государя или обыкновенного гражданина. Твое дело — хорошо исполнить возложенную на тебя роль; выбор же роли — дело другого».

Свобода и независимость, служащие, по Эпиктету, условием счастья, сводились им всецело к свободе мысли и воли. К тем, кто по в силах обрести социальную независимость, он обращался с проповедью внутренней свободы.

«Возьми мое тело, мое имущество, мою честь, мою семью, — должен, но Эпиктету, сказать угнетаемый своему угнетателю, — по мысли моей и воли никто не может у меня отнять, ничто не в силах их подавить».

Государство, учил Эпиктет, должно покоиться на нравственном воспитании человека, оно должно заботиться о том, чтобы люди не причиняли вреда друг другу. С этой позиции он порицал жестокость и произвол цезарей. Однако, порицая их, Эпиктет требовал стойко переносить зло.

Этика Эпиктета стремилась закалить волю не к борьбе со злом, а к непротивлению злу. «Киник, — учил Эпиктет, — должен позволять бить себя, как осла; но даже во время побоев он должен любить тех, кто его бьет, ибо он одновременно отец и брат всех людей».

Протест против социального зла и неравенства в римском обществе принимает, таким образом, у Эпиктета форму не активной борьбы против существующего строя, а стремления к нравственному самоусовершенствованию личности.

Философия Эпиктета представляла одно из важнейших звеньев в истории римского стоицизма. Хотя в его учении имели место субъективизм и религиозно-телеологические моменты, но все же, в противовес скептицизму и получившей уже в I в. широкое распространение мистике, Эпиктет решительно и твердо отстаивал права и силу человеческого разума. Вся этика его носила рационалистический характер.

Эпиктет вслед за Сенекой оказал большое влияние на выработку, ранней христианской идеологии. Его этические предписания во многом совпадают с моральными нормами раннего христианства. Философия Эпиктета, как и раннее христианство, была выражением пассивного и бессильного протеста против рабовладельческого общества со стороны социальных низов.

Последним крупным представителем стоической философии был; римский император Марк Аврелий, царствовавший в 161—180 гг. и. э. Марк Аврелий Антонин (121—180 гг.) уже в юности упорно занимался науками и философией. В двенадцать лет Марк Аврелий! стал носить одежду, которую обычно носили киники и стоики. Его преподавателями были известный ритор Корнелий Фронтон и стоик Юлий Рустик, который познакомил Марка Аврелия с учением Эпиктета.

В годы Марка Аврелия обнаруживаются резкие изменения в жизни римского государства. Временная стабилизация рабовладельческой системы приходит к концу, и уже при жизни Марка Аврелия намечаются признаки нового кризиса ее, развернувшегося с полной силой в III в. н. э. Происходит экономический упадок Римской империи — падение торговли, отлив и исчезновение золотой монеты, тенденция к натурализации хозяйства,

острый недостаток рабов. Назревает новый подъем революции рабов и восстаний разоренных крестьян внутри империи, сочетавшийся с нашествиями варваров извне.

Для того чтобы спасти империю, рабовладельцам пришлось мобилизовать все силы государства: призвать в армию рабов и гладиаторов, распродать значительную часть государственного имущества и, наконец, обратиться к помощи самих варваров, которым была доверена охрана государственных границ. Голод и эпидемии, одной из жертв которых пал сам Марк Аврелий, явно свидетельствуют об истощении римского хозяйства.

В этот период рабовладельческий класс Римской империи уже не думает об экспансии, а озабочен тем, как бы сохранить свои завоевания.

Упадок римского общества ярко отразился в философии Марка Аврелия, обусловив ее пессимистический и созерцательный характер. Разложение империи приняло такие размеры, что даже император пришел к убеждению о бренности, испорченности, суетности этого мира.

«Все человеческое есть дым, ничто», люди — «мухи-однодневки».

«Время человеческой жизни — миг; ее сущность — вечное течение; ощущение — смутно; строение всего тела — бренно; душа — неустойчива; судьба — загадочна; слава — недостоверна, Одним словом, все, относящееся к телу, подобно потоку, относящееся к душе — сновидению и дыму. Жизнь — борьба и странствие по чужбине; посмертная слава — забвение».

Безвыходность положения «римского общества находит свое выражение в фатализме философии Марка Аврелия, в его призыве к покорности судьбе,

«Что бы ни случилось с тобой, оно определено тебе от века», — учит он. «Либо царит неминуемая судьба и непреодолимая закономерность, либо милостивое провидение, либо безличный слепой случай. Если царит неминуемая судьба, зачем ты стремишься противостоять ей? Если царит провидение, милость которого можно наслужить, — будь достоин божественной помощи. Если же царит беспорядочный случай, то радуйся, что среди всеобщего хаоса имеешь руководителя в себе самом — свой дух» .

Марк Аврелий подчеркивает, что все происходит не только согласно определенному порядку, но и согласно высшей справедливости.

Единственное произведение Марка Аврелия «Наедине с собой» написано в виде афоризмов и является как бы его дневником. В этом произведении исчерпывающе выражены основные черты его философии: покорность судьбе и призыв к нравственному совершенству и очищению.

Он проповедует человеколюбие, доброту, нравственную возвышенность, стоическое перенесение превратностей судьбы, самоутешение и самоуглубление.

Прогрессирующий упадок Римской империй обусловил специфические черты стоицизма Марка Аврелия по сравнению с предшествующими представителями школы. У Марка Аврелия еще в большей мере, чем у его предшественников, на передний план выдвигаются религиозно-идеалистические стороны стоицизма: отречение от мира, противопоставление души и тела, религиозное чувство, телеология.

В отличие от материалистического стоического учения о душе как пневме Марк Аврелий различает тело, душу и дух, непричастный к материальным элементам и ведущий свое начало от бога.

Дух, по учению Марка Аврелия, роднит человека с богом. Смерть для него — освобождение.

Бог для Марка Аврелия — первооснова всего сущего; все происходит от него и все в него возвращается, с тем чтобы снова повториться. В этом суть мирового процесса. Бог — всемирный разум; он — судьба, неумолимые законы которой определяют ход вещей, провидение, которое все в мире направляет разумно и целесообразно. Все в природе подчинено божественному порядку и гармонии.

Мир совершенен. Зло в мире входит в мировой план бога. Оно перестает быть злом, когда мы рассматриваем его как входящее в мировой порядок вещей, как естественное явление.

«Чаще размышляй о связи всех вещей, находящихся в мире, и об их взаимоотношении. Ибо все они как бы переплетены между собой и поэтому — в содружестве друг с другом, следуя друг за другом в определенном порядке. Это объясняется непрерывностью движения, общей согласованностью и единством сущности».

Человек должен действовать сообразно разумным законам природы.

Человек, нарушающий порядок и план целого, поучает Марк Аврелий, совершает несправедливость: он мятежник перед природой и обществом. Таким образом, требование подчинения людей законам природы приводит их к подчинению рабовладельческому строки

Из разумности всего существующего Марк Аврелий делает вывод о беспрекословном подчинении существующим законам. «Цель разумных существ — следовать разумному закону их государства и его старинной конституции».

Добро есть согласованная с божественной волей и разумом, с порядком природы гармония. Поскольку человек есть один из членов разумного организма природы, добро есть также и согласие человека с самим собой, со своей собственной природой, внутренняя душевная гармония.

Мир — это вечный преходящий процесс, непрестанное изменение. «Все подвержено изменению. И ты сам находишься в процессе постоянного перехода в другое и частичного умирания. Да и весь мир».

Марк Аврелий следующим образом излагает учение о круговороте вещей. «Я состою из действующей силы и телесной материи. Ни одно из них не обращается в ничто, так как они не возникают из ничего. Каждая часть моего существа через превращение входит в какую-нибудь часть мира, и эта в свою очередь опять в другую часть его, и так бесконечно совершаются его превращения. В силу подобных превращений возник я, как и мои родители, и так назад до бесконечности».

Жизнь человека — быстро преходящий момент.

«Итак,— поучает Марк Аврелий,— проведи этот момент времени в согласии с природой, а затем расстанься с жизнью так же легко, как падает созревшая слива: славословя природу, ее породившую, и с благодарностью к произведшему се древу».

Следуя Эпиктету, Марк Аврелий считал, что во власти человека лишь его мысли и желания: безразличие к внешним благам — условие свободы и невозмутимости, обеспечивающие счастье человека; счастье и добродетель тождественны.

Философия Марка Аврелия замыкает развитие стоицизма. Она носит уже на себе явные следы влияния мистических учений, столь обильно расцветших в Риме эпохи упадка.

Этика Марка Аврелия отражает беспомощность и бессилие господствующих классов, их неспособность противостоять начавшемуся распаду империи и падению рабовладельческого способа производства.

Среди общей растерянности, бесперспективности и разложения стоицизм призывал не терять присутствия духа, спокойно и мужественно идти навстречу неминуемой гибели. Учение Марка Аврелия оказало большое влияние на формирование христианства.

§ 4. Стоическая философия - первые мыслительные заключения в истории философии о тождестве мышления и бытия

Стоики считали, что ничего не превосходит благодетельности богов и т.д. «Боги знакомят людей с тем, что им предстоит в будущем». В этом рассуждении совершенно частные интересы отдельных людей представляются интересами богов. Все римское суеверие находило, таким образом, в лице стоиков сильнейших защитников. Так как стоики исходили из воззрения, что бог есть разум, то они сразу делали скачок от всеобщего, к утверждению об откровении людям того, что служит на пользу особым целям.

В познании, по словам Гегеля, стоики уже признают формальное тождество мышления и объекта.

Великое в стоической философии состоит в том, что вволю, когда она так сосредоточена в себе, ничто не может ворваться со стороны, и все другое остается вне ее, так как даже устранение боли не может сделаться целью.

Именно в стоической философии Гегель находит шаг вперед в развитии мышления, заключающийся в свободе, как отрицательном моменте абстрагирования от существования, как самостоятельность, способная отказаться от всего другого, не теряя при этом своей сущности, простой разумности, чистой мысли о самой себе.

«Мудрец - царь, не связанный законами и никому не обязан отдавать отчет», - таков идеал стоиков. Римские ученые - правоведы были тоже стоиками в философии.

Стоики признавали принципом мышления философию, разрабатывали диалектику, но в виде обычной логики.

Философ Аркезилай разрабатывал диалектику, направленную против стоицизма. Вывод ее: «Мудрец должен удерживаться от одобрения или согласия».

Единство мышления и представления есть то, что труднее всего показать, то есть единство бытия и мышления, отмечал Гегель. О единстве мысли и реальности стоики ничего не сказали, как вообще вся античная философия. Это утверждение мы находим у Платона лишь в абстрактном зачаточном виде.

Знаменитым стал мыслитель Академии Карнеад, когда произнес две речи о справедливости - одну за справедливость, а другую против нее. В оправдание справедливости он выставил принцип всеобщее, а в своем доказательстве ее ничтожности, он выдвигал принцип единичности, собственной выгоды. Сенат требовал за подобные рассуждения отослать Кареада из Рима послом, чтобы он не растлевал молодежь такими оборотами мысли, угрожающим прочности старого строя. За этими рассуждениями мы видим будущий принцип партийности и в философии.

Далеко было еще до научного соединения всех форм познания в единое целое, но это положение (партийность), как и во время Гегеля, еще поныне в моде.

Принцип Карнеада: «не существует никакого критерия истины. Таким критерием не может быть ни ощущение, ни представление, ни мышление, ни нечто другое подобного рода, ибо все это вместе вводит нас в заблуждение».

Главная мысль Карнеада состоит в том, что характер каждого критерия неизбежно таков, что он обладает двумя элементами: одним элементом является объективное, сущее, непосредственно определенное, а другим элементом является некое воздействие, некая деятельность, некое определение сознания, и принадлежит ощущаемому, представляющему или мыслящему субъекту, а как таковой, он не может быть критерием. Сознание изменяет объективное, не дает объективному непосредственно доходить до нас таковым, каково оно есть.

Лишь теория познания марксизма ответит на эти вопросы через две тысячи лет.

Скептицизм завершил точку зрения субъективности всякого знания тем, что вообще на место бытия, говоря о знании, поставил выражение «кажимость».

Скептицизм непобедим, тогда как отдельный человек может упорно отстаивать ту точку зрения, которая признает лишь отрицание.

Древний скептицизм направлен против рассудочного мышления, он является диалектикой всего определенного, который признает определенные различия последними, существенными различиями. Скептицизм успокаивается на этом и не идет дальше.

В отличие от древнего, новейший скептицизм направлен против высшей, философской ступени мышления, против мысли, понятия, идеи. Он не подвергает ни малейшему сомнению реальность вещей, а лишь утверждает, что из этой реальности нельзя сделать никакого вывода в пользу мысли. Эта пустая гордыня сознания, отмечал Гегель, непреодолима, но не для науки, а для себя, субъективности мыслителя. Она не хочет идти дальше утверждения: «Это я считаю истинным; мое ощущение, мое сердце является для меня последней инстанцией». Здесь, таким образом, речь идет лишь об уверенности, а не об истине.

Под скептицизмом мы должны понимать развитое сознание, которое считает неистинным не только чувственное, но и мыслимое бытие.

На втором этапе истории Греции господствует уверенность, что посредством мышления можно достигнуть свободы самосознания.

В лице скептицизма мы видим разум, шагнувший так далеко, что все предметное: предметное ли бытие или предметное всеобщего исчезло для самосознания. Бездна самосознания чистого мышления поглотила в себя, совершенно очистила почву мышления.

Внешняя объективность не существует ни как некое предметное сущее, ни как некое всеобщее мышление, а состоит лишь в том, что существует единичное сознание и что оно всеобщее, оно само является характером предметности.

Мышление этого сознания есть невозмутимость, благодаря тому, что оно становится само тождественным, однако его реальность, его единство с самим собой есть нечто совершенно пустое, и действительным наполнением является какое угодно содержание.

Если мы подробно ознакомимся с сознанием, мышлением римских граждан, то найдем тому множество подтверждений.

Это одиночество духа внутри себя есть, правда, философствование; однако мышление остается абстрактно у себя, как мертвенное застывание и оно пассивно по отношению к внешнему миру, сопровождается презрением ко всяким различиям. Корни его следует искать в бытии римского мира. Скептицизм, таким образом, принадлежит к эпохе упадка философии и истории упадка рабовладельческого мира.

§ 5. Римский скептицизм

Помимо рассмотренных основных школ, в римской философии пользовались влиянием скептицизм и эклектизм.

Скептицизм периода господства Рима характеризуется сильнее выраженными идеалистическими тенденциями по сравнению с предшествующими формами скептицизма. Скептицизм стремился доказать недостоверность всех известных тогда наук, даже математики. Он нападал на все другие философские школы, критикуя их за «догматизм». Но скептицизм этот не был последовательно идеалистическим направлением, сохраняя тесную связь с естествознанием, особенно с медициной.

Скептицизм возобновляется в Александрии, где наиболее прочно сохранилась эллинистическая традиция, в I в. до н. э., с деятельностью учеников Птолемея — Сарпедона и Гераклида. Учеником Гераклида был крупный теоретик античного скептицизма Энесидем.

Вопрос о времени жизни и деятельности Энесидема остается неразрешенным. Одни авторы относят время его деятельности, к концу I в. до н. э., другие — к началу нашей эры.

Энесидем был родом из Кноса на острове Крите. Деятельность его протекала в Александрии. Кроме главного сочинения «Восемь; книг пирроновых речей», известного нам по краткому изложению Фотия, источники называют сочинения Энесидема «О мудрости» и «Об исследовании», а также «Пирроновские очерки».

Энесидем и его последователи, как указывает Секст, видели в скептицизме путь, ведущий к физике Гераклита: положению Гераклита, утверждавшего, будто противоположное существует, должно предшествовать утверждение скептиков, что противоположное в отношении одного и того же кажется таковым. Энесидем, по свидетельству Секста, примыкал к Гераклиту не только в этой общей предпосылке, но и в учении о природе души, в понимание истины как того, что является всем одинаково, в учении о тождестве и различии целого и части, о видах движения, о сущности тел, о делимости времени и о воздухе как первичной стихии души.

При всей неясности вопроса вследствие недостаточности данных можно все же предполагать, что учение Гераклита о потоке и о превращениях огня, об относительности всех вещей и качеств, о переходе каждой вещи в собственную противоположность служило для Энесидема ступенью, подводящей к учению о равноценности противоречивых высказываний.

В промежутке между деятельностью ранних скептиков и возрождением пирронизма скептицизм господствовал в так называем мой Новой академии в лице Аркесилая и Карнеада. Поэтому в первой книге «Пирроновых речей» Энесидем выясняет различие между той формой, которую скептицизм принял в Академии, и пирронизмом в собственном смысле этого понятия. Различие это Энесидем усматривает в следующем: когда академические скептики обсуждают противоречащие друг другу оценки предметов, они высказывают эти оценки с уверенностью, что та или другая из них более правдоподобна, чем противоположная. Напротив, скептики, говоря о вещи, считают какую-либо из противоположных оценок более вероятной, но, не высказывая своего мнения, «следуют жизни» «без решительной склонности» и без «горячего отношения».

Вторая книга Энесидема посвящена выяснению известных уже элейцам противоречий, заключающихся в понятиях движения, изменения, рождения и гибели. Третья книга анализирует мышление и чувственное восприятие. Четвертая доказывает невозможность познания богов и природы. Пятая книга содержат критику понятия причинности. Анализируя понятие причины во всех его видах, Энесидем приходит к скептическому выводу, согласно которому одинаково вероятно как то, что причина существует, так и то, что она не существует.

Причина существует, так как, если бы ее не было, все происходило бы из всего и притом как попало: лошади могли бы рождаться от мышей, слоны от муравьев, в египетских Фивах мог бы идти обильный снег и дождь, а южные области были бы лишены дождя и т. д. Если бы причина не существовала, то невозможно было бы понять, каким образом происходят увеличение, уменьшение, происхождение и гибель, вообще двияжение, а также физические и душевные действия и управление всем миром.

Но не менее вероятным следует признать и то, что причина не существует. Познание причины заключает в себе явное противоречие, которое делает невозможным самую попытку мыслить причину. Чтобы помыслить причину, нужно раньше воспринять ее действие, а чтобы воспринять действие, нужно раньше познать его причину, ибо одно познается через другое. Из невозможности мыслить причину как причину и действие как действие следует и немыслимость этих понятий. Но если бы причина и могла существовать, то она должна была бы либо сосуществовать с действием, либо существовать раньше действия, либо существовать после него. Но ни один из этих мыслимых случаев невозможен, так как каждый заключает противоречие по отношению к понятию причины.

Итак, если вероятны аргументы, по которым приходится признать существование причины, то в равной мере вероятны и те, из которых следует, что причина невозможна. Поэтому философ-скептик должен воздерживаться от всякого суждения о существовании причины.

Последние три книги «Пирроновых речей» анализируют противоречия в основных понятиях этики.

Энесидему, по-видимому, принадлежат формулировка «тропов», т. е. аргументов, направленных против суждений о реальности, которые основаны на непосредственных впечатлениях.

Первый «троп» состоит в указании на разнообразие живых существ, на различия в их происхождении и в их телесном строении, в силу которых одинаковые вещи вызывают у них неодинаковые образы. Приятное для одних животных кажется неприятным и губительным для других. Но если одни и те же предметы кажутся не одинаковыми различным живым существам, то мы можем говорить только о том, каким нам кажется предмет, и должны воздерживаться от суждений о том, каков он по природе.

Второй «троп» основывается на различиях между людьми. Даже если суждения людей достойны большего доверия, чем суждения других животных, приходится признать, что телесные и моральные различия, существующие между людьми, требуют и здесь воздержания от суждений о природе вещей.

Третий «троп» основывается на различном устройстве органов чувств даже у одного и того же человека. Даже собственные впечатления, происходя от различных органов чувств,

говорят различное об одной и той же вещи. Так, картина живописца порождав впечатление глубины и рельефа для глаза, но не для осязания которому она представляется плоской и гладкой. Поэтому даже собственные наши впечатления дают нам право говорить не о том какова вещь по своей природе, но лишь о том, какой она нам в каждом отдельном случае кажется.

Четвертый «троп» исходит из «различий состояний». Одни и те предметы воспринимаются неодинаково в зависимости от бодрствования и сна, от возраста, от движения или покоя, от ненависти или любви, от недоедания или сытости, от опьянения или трезвости от храбрости или трусости, от предшествующего состояния и т. д. Кто предпочитает одно представление или впечатление другому, должен представить доказательство, которое оправдало бы оказанное им предпочтение. Но такое доказательство невозможно, так как оно предполагает правильный критерий, которым оно может быть обосновано, критерий же в свою очередь нуждается в доказательстве, чтобы он мог почитаться правильным, критерием.

Впоследствии, классифицируя «тропы» ранних скептиков, Секст-Эмпирик объединил первые четыре «тропа» как аргументирующих от субъекта суждения.

Пятый «троп» исходит из зависимости суждения от положени расстояния и места представляющего.

Шестой «троп» указывает на зависимость суждений от «примесей если из предметов, подлежащих суждению, ни один не воспринимается обособленно, сам по себе, по всегда в соединении с каким - нибудь другими, то даже при условии, что судящий может сказать какова будет смесь, составленная из этих предметов, он не вправе будет судить о том, каким является в чистом виде предмет, входящий в данную смесь.

Седьмой «троп» рассматривает зависимость суждений от соотношений величин и от устройства предметов; так, например, песчинки, рассматриваемые каждая в отдельности, кажутся жесткими, собранные же в песчаную кучу производят впечатление мягкости.

Восьмой «троп» базируется на относительности всех явлений. Невозможность суждения выводится в нем из того, что каждая вещь существует всегда по отношению к чему-нибудь.

Девятый «троп» указывает на зависимость суждений от того, постоянно или редко встречается рассматриваемое явление. Одна и та же вещь признается ценной или не имеющей ценности не на основании учета ее действительной природы, но в зависимости от степени своей редкости или распространенности.

Десятый «троп» устанавливает зависимость суждений от поведения, обычаев, законов, верований и предрассудков.

В позднейшей классификации Секста-Эмпирика седьмой и десятый «тропы» Энесидема были объединены в особую рубрику как аргументирующие от предмета, «подлежащего суждению», а пятый, шестой, восьмой и девятый — в третью рубрику как аргументирующие «от того и другого».

Одним из наиболее значительных представителей античного скептицизма после Энесидема был Агриппа. Ни даты его жизни, ни обстоятельства деятельности неизвестны. Известно только, что Агриппа присоединил к десяти энесидемовским «тропам» пять новых.

Первый из добавленных Агриппой «тропов» выводит необходимость воздержания из понятия о противоречии, из существования неразрешимых противоречий в суждениях о каждой вещи.

Второй из «тропов» Агриппы доказывает, что попытка суждения о природе вещей необходимо ведет к бесконечному регрессу. Все, приводимое в доказательство обсуждаемой вещи, требует другого доказательства; это второе, в свою очередь, — другого, и так до бесконечности.

Третий «троп» Агриппы заново выдвигает относительность всех представлений. В силу этой относительности вещь, подлежащая суждению, всегда кажется нам той или иной, отчасти в зависимости от отношения ее к субъекту, отчасти — от отношения ее к другим вещам.

Четвертый «троп» Агриппы посвящен критике «предположения». Под «предположением» Агриппа разумеет предпосылку, принимаемую без всяких доказательств, на веру, в тех случаях, когда попытки доказательства суждения приводят к бесконечному регрессу. Но такое «предположение» не может быть основанием для достоверного вывода. Даже в случае, если предполагается нечто истинное, предполагающий делает это истинное подозрительным, поскольку высказывает его лишь в виде предположения.

Наконец, пятый «троп» Агриппы исходит из взаимной доказуемости, т. е. из тех случаев, когда положение, долженствующее слуить подтверждением исследуемой вещи, нуждается во взаимном от нее подкреплении. Ввиду этой взаимности доказательств остается только признать, что ни одно из них не может быть взято для обоснования другого, и в этом случае, как и во всех остальных, следует воздерживаться от суждения.

Скептические тропы, действительно, поражают догматическую, метафизическую философию, но они не в силах поколебать диалектическое мышление, включающее в себя релятивность как момент объективного познания.

В лице позднейших представителей скептицизма — Менодота, Феода, Секста и его ученика Сатурнина — школа философского скепсиса сливается со школой врачей-эмпириков. Подобно тому, как скептики отказывались от исследования природы самих вещей и ограничивали свои высказывания областью одних лишь явлений, так и врачи-эмпирики уклонялись от установления недоступных восприятию скрытых причин болезней и занимались изучением одних лишь чувственно обнаруживающихся их признаков. По-видимому, первым мыслителем, объединившим оба эти течения, был Менодот.

Наиболее выдающимся из младших скептиков был Секст, прозванный Эмпириком.

Сексту принадлежат, кроме «Пирроновых положений», пять книг «Против догматических философов» и шесть книг «Против математиков». Последнее сочинение содержало критику основных понятий, не только математики, но и других тогдашних наук: грамматики, риторики, астрономии и музыки.

Три черты характерны для работ Секста: 1) тесная связь его скептических аргументов с данными современной ему медицинской науки; 2) стремление представить скептицизм как оригинальное философское учение, не допускающее не только смешения, но и сближения с другими философскими учениями, и 3) обстоятельность изложения, представляющего своего рода энциклопедию античного скептицизма.

Учение Секста основывается на обработке большого эмпирического материала. Не только в античности, но и в новое время философы, стремившиеся доказать противоречивость, относительность и недостоверность чувственных восприятий и представлений, постоянно черпали свои аргументы из книг Секста. В множестве наблюдений и фактов, из которых он выводил скептическое «воздержание», большинство принадлежит наблюдениям и фактам медицинской науки, физиологии, зоологии, физики и др.

С большой настойчивостью пытается Секст установить специфические особенности скептицизма, отличающие его от других учений. В отличие от Гераклита скептики, по Сексту, высказывают утверждение, будто противоположности относятся к одному и тому же не догматически, а как утверждение, составляющее предпосылку чувственного опыта всех людей. Не намного отличается от скептицизма и учение Демокрита: Демокрит догматически отрицает объективную реальность чувственных качеств, в то время как скептик отказывается от ответа на вопрос, существует ли на деле или нет то или другое качество. От киренаиков скептицизм отличается своей целью: в то время как для киренаиков цель — наслаждение, для скептиков она состоит в невозмутимости. Отличается скептицизм и от учения Протагора: скептицизм воздерживается от имеющегося у Протагора догматического сведения изменчивости и текучести всех явлений к изменчивой природе материи. Наконец, скептицизм отличается и от учений Новой академии. Для академиков характерна догматическая решительность, с какой они утверждают, будто «все невоснринимаемо», в то время как скептик воздерживается от подобных утверждений, не исключая того, что нечто может быть и воспринято. Особенно подробно останавливается Секст на воззрениях Аркесилая, метод мышления которого был, по мнению Секста, не действительным

убеждением скептика, а только испытующим приемом, имевшим целью проверить пригодность учеников к усвоению догматических положений философии Платона.

Изложение Секста охватывало весь круг практических и теоретических проблем скептицизма. В своих сочинениях Секст широко использовал работы своих предшественников, особенно Тимона и Энесидема.

Последним руководителем школы скептиков был Сатурнип, живший, по-видимому, в начале III в. н. э. Маркс называет древних скептиков «учеными среди философов»; «...их работа заключается в сопоставлении, а, следовательно, и в усвоении различных ранее высказанных утверждений». Скептики «...бросили равномерный, выравнивающий ученый взгляд на прежние системы и. обнаружили таким образом противоречие и противоположность»[64]. Вместе с тем в отличие от Гегеля, который в своем увлечении борьбой против сенсуализма переоценивает творческую мощь античного скептицизма, Маркс в учении скептиков подчеркивает черты упадка, вырождения былой энергии и силы античной философской мысли. «Пирронисты считают бессилие духа попять вещи существенною стороною, его реальной энергией».

«...Скептик, — говорит Маркс, — принимает все определения, но в определенности, представляющейся в видимости; поэтому его приемы оказываются столь же произвольными и повсюду обнаруживают... скудость. Хотя он утопает, таким образом, во всем богатстве мира, он все-таки остается столь же бедным, и сам он представляет собою воплощение того бессилия, которое он усматривает в вещах»[65]. Хотя теоретическое отношение людей к вещам «...скептики свели к видимости» на практике они «...все оставили по-старому, сообразуясь с этой видимостью точно так же, как другие сообразуются с действительностью; они только переменили название».

§ 6. Римский эклектизм

Большое распространение получил на римской почве эклектизм, Соединяя различные философские учения, эклектики все же в большинстве случаев ориентировались на ту или другую из господствовавших школ.

Влиятельнее всего был в Риме эклектизм на базе стоицизма. Его представителями были: Марк Туллий Цицерон (106 — 43 гг. до н.э. и друг Цицерона Марк Теренций Варрон (11.6 — 27 гг. до н. э.), школа Секстиев, основанная в 40 г. до и, э. Квинтом Секстием, к которой принадлежали: его сын, также Квинт Секстий, Сотион из Александрии (учитель Сенеки), Луций Красиций из Тарента, Фабиан Папирий. Школа Секстиев сочетала стоицизм с элементами платонизма, аристотелизма и пифагореизма. К этой школе приближался также знатный патриций, ученый-энциклопедист Авл Корнелий Цельс. Арий Дидим, бывший учителем Августа и другом Мецената, пытался соединить стоицизм с академическим платонизмом.

Значительным распространением пользовался также эклектизм на академической основе (Филон из Ларисы, его ученик Антиох из Аскалона в Сирии). К академическим эклектикам относят также египтянина Аммония, соединявшего платонизм с учением перипатетиков, и его ученика, известного биографа, Плутарха.

Отдельные философы-эклектики сыграли значительную роль в раз витии науки и философии в античном мире. Не будучи оригинальными мыслителями, они зачастую были энциклопедически образованными для своего времени людьми.

Варрон был прозван современниками «полигистором», т. энциклопедическим ученым. Он написал несколько сот книг, заключавших сводку почти всех отраслей знания его эпохи: агрономи архитектуры, математики, механики, философии, истории, литературы, грамматики, гражданского права, военного искусства медицины.

---

[64]Маркс и Энгельс, Соч., т. I, стр. 479.

[65] Там же, стр. 439—440.

Корнелий Целы также был автором энциклопедических работ по сельскому хозяйству, военному делу, медицине, философии, риторике. Работы эти представляют ценнейшие источники по истории античной науки и философии.

О многих выдающихся философах и ученых эллинистического и римского периодов мы узнаем только из характеристик и отрывков из их произведений, приведенных в работах Цицерона, самого видного представителя эклектиков Рима.

Крупнейший политический деятель республиканского Рима, блестящий оратор и писатель, поднявший латинский литературный язык на большую художественную высоту, универсально образованный ученый Марк Туллий Цицерон является одновременно и виднейшим римским философом. Цицерон изучил греческий язык, греческих и латинских поэтов, грамматику, риторику, право, историю и философию. Он слушал эпикурейца Федра, главу Новой академии Филона и стоика Диодора.

Впервые на политической арене Цицерон выступил 27 лет, при Сулле, который фактически уничтожил римскую демократию, урезал права народных комиций, лишил трибунов права протеста. Вначале Цицерон выступал в качестве адвоката по уголовным и гражданским делам. Несколькими успешными процессами, косвенно направленными против диктатуры Суллы, Цицерон сразу завоевывает известность. В 79 — 77 гг. до н. э. он предпринимает путешествие в Афины, затем в Малую Азию. Это путешествие Цицерон использовал для дальнейшего усовершенствования своего риторического и философского образования. В 77 г. до н.э. Цицерон возвращается в Рим и год спустя, после смерти Суллы, занимает должность квестора. В 75 г. он назначается правителем Сицилии, затем становится членом сената и избирается консулом. В 44 г. до н. э., после убийства Цезаря, Цицерон поздравляет своих единомышленников с освобождением от тирана. Он выступает с язвительными речами против Антония. После того как Антоний, Октавиан и Лепид составили второй триумвират и уничтожили сенатский режим, Цицерон решает бежать в Македонию к Бруту, но его настигают посланцы Антония, убивают и голову отсылают в Рим. Антоний пригвоздил голову Цицерона в том месте, откуда Цицерон произносил свои пламенные речи.

Наряду с кипучей общественной деятельностью Цицерон неутомимо работал в научной области. Он оставил огромное литературное наследство. Помимо его переписки, которая содержит богатейший материал по характеристике эпохи, им оставлено около ста речей и целый ряд сочинений философского и политического содержания. Из его сочинений наибольший интерес представляют: «Республика», «Законы», «Оратор», «О высшем благе и зле», «Академические вопросы», «Тускуланские беседы», «Об обязанностях», «О природе богов». Большинство его работ имеет форму диалогов, написанных изящным и легким языком, и принадлежит к лучшим образцам латинской прозы.

Свои политические идеалы Цицерон изложил в работе «Республика», которая дошла до пас только в отрывках и в изуродованном виде. Цицерон не строит отвлеченного идеала государства, считая, что нужна практически осуществимая теория. Он не отдает предпочтения ни одной из трех форм государства — монархической, аристократической и демократической, — считая, что каждая из них имеет свои положительные стороны и недостатки и в чистом виде не может быть принята. Цицерон — сторонник сочетания всех этих трех государственных форм. «Я желаю,— писал он, — чтобы в государстве на первом месте была верховная царская власть, затем, чтобы известная доля власти была предоставлена первейшим гражданам и чтобы, наконец, некоторые вещи представлялись демократии и решению народа».

В своем трактате «О законах» Цицерон пытается доказать, что идеальное государство немыслимо без власти аристократии: «Государство никогда не может обойтись без авторитетного и просвещенного руководства знати». Одновременно он при знает необходимость религии как элемента государственно власти, считая, что выразитель власти, кроме светского меча должен иметь и духовный. Цицерон освящает частную собственность, считая ее основой существования общества. «Истин пая цель государства и городов заключается в том, чтобы люди свободно владели своей собственностью и чтобы они не

подвергались опасности». Задача государственной власти, по Цицерону, заключается в поддержании сословного равновесия при сохранении господства оптиматов. Цицерон — идеолог и защитник республиканской рабовладельческой олигархии. Однако в отличие от Катона, упорно боровшегося против всех новых влияний Цицерон признает необходимость приспособления к новым социально-экономическим условиям: примирения нобилитета с «всадниками и допущения последних к участию во власти.

Экономической основой государства Цицерон считал земледелие. «Нет ничего лучше земледелия, ничего изобильнее, ни чего приятнее, ничего более достойного свободного человека» Цицерон стремился сохранить и поддержать мелкокрестьянское хозяйство как главный оплот республиканского Рима. Труд ремесленника он считал унизительным для свободного человек ибо, по его мнению, физический труд превращает человека в раб «Эти люди — слуги и ремесленники, получая вознаграждение за свой физический труд, тем самым как бы отчуждают свою личность, или, другими словами, продают себя в рабство».

Работы Цицерона — это скорее философские искания, чем защит определенной концепции. Это — своеобразный «критический» эклектизм: одно философское учение он опровергает другими, сопоставляя их друг с другом.

Вывод, к которому он приходит, близок к умеренному академическому скепсису. «Разве ты не видишь, — пишет Цицерон, — до какой степени скромны были в своих утверждениях академики? Они прямо говорят то, что относится к делу. Перипатетикам отвечают стоики. Пусть они обмениваются ударами мечей, это меня не касается, я ищу только того, что кажется вероятным. Что, следовательно, можно найти в этом вопросе такого, что может достигнуть некоторой степени вероятности? А дальше этого и не может идти человеческий разум»

Свой эклектизм Цицерон обосновывает следующим образом: «Мне всегда нравился обычай перипатетиков рассуждать обо всех вещах с противоположных сторон, так как иначе нельзя составить правдоподобного мнения по поводу того или иного предмета, а также и потому, что это является прекрасным ораторским упражнением».

Занятиям философией Цицерон придает этическое значение, рассматривая их как подготовку к счастливой жизни. Он считает философию искусством врачевания душ, утешительницей и ценным божественным даром, обучающим людей, как вести себя в жизни, чтобы достигнуть полного счастья.

По Цицерону, стремление к счастью является естественным для всех живых существ и вытекает из врожденного чувства самосохранения. С развитием самосознания и разума это смутное жизненное чувство толкает их к исканию истинных путей для достижения совершенного самосохранения, что равнозначно достижению блаженства и счастливой жизни. Эти пути указывает философия.

Первым условием правильного разрешения вопроса о счастье и пути его достижения, по мнению Цицерона, является познание природы, сущности человека и его назначения. «Сперва мы должны ответить, в чем сущность природы и кто мы такие, прежде чем сказать, как мы можем стать счастливыми». Таким образом, этика приводит его к физике.

Природу Цицерон рассматривает как материальное единство, но считает, что в природе имеется разумное начало, которое разлито в ней в различной пропорции. Разумное начало находит свое наиболее яркое выражение в высшем творении природы — в человеке, который состоит из тела и души. Тело Цицерон рассматривает как своего рода сосуд для души, а душу — как оживляющее тело начало.

Телеология и теология Цицерона сближают его с поздними стоиками. По Цицерону, вселенная — целесообразное и гармоническое целое, созданное верховным разумным началом, вечным, живым и разумным существом. Взгляд на статую или другое художественное произведение, аргументирует Цицерон, наводит на мысль о его создателе, тем более взгляд на мир с его богатством, целесообразностью и красотой говорит о его творце и о том, что творец этот вечен, един и разумен.

Признавая веру в бога, Цицерон одновременно выступает против традиционных представлений о богах и судьбе души после смерти человека, считая их достойными презрения выдумками.

Человек, по учению Цицерона, отличается от животного тем, что ему присуща высшая целесообразная деятельность в силу наличия у него разумной души, сущность которой заключается в интеллектуальной деятельности; животное же имеет только неразумную душу как начало вегетативной и чувственной деятельности.

Человек — единственное разумное существо, он заключает в себе божественное и занимает центральное место в природе.

Основываясь на причастности человека к божественному разуму, Цицерон выступал против эпикурейского этического учения,

«Мы рождены, поверь мне, Торкват, — возражал Цицерон одному из последователей Эпикура, — для более высокой и великой цели. Об этом можно судить не только по тем частям духа, в которых находится память о бесчисленных вещах. В тебе поразительная находится способность предугадывания следствий, не намного отличающаяся от божественного предвидения, находится умеряющий вожделение стыд, находится верная, во благо человеческого общества, охрана справедливости, находится крепкое и стойкое презрение к боли и смерти в непрерывных подвигах и надвигающихся опасностях. Это — все духовные преимущества. Но посмотри также на самые органы чувства: они покажутся тебе, подобно остальным частям тела, не только спутниками, но и служителями добродетелей. Если уже многое, находящееся в самом теле, как сила, здоровье, проворство, красота, надо поставить выше наслаждения, то как же расценить способности души? В них ученейшие древние видели присутствие чего-то небесного и божественного».

В своем определении добродетели Цицерон в основном стоит на позициях стоиков. Он пишет:

«Virtus» (добродетель, доблесть) происходит от vir (муж). Главное свойство мужа — крепость, а ее роль двояка: уметь презирать смерть и презирать боль».

Определяя добродетель как стойкое перенесение всех жизненных невзгод путем напряжения воли, служащего источником душевного равновесия и спокойствия, Цицерон в отличие от стоиков требует помимо заботы о душе также и заботы о теле. Благо состоит в возможном усовершенствовании души и тела. Факторы совершенства суть также честь, друзья, благосостояние. Но различные составные черты высшего блага не имеют одинаковой ценности. Если натурфилософия учит, что тело человека имеет меньшее значение, чем душа, то это относится и к соответствующим благам. Телесные блага ниже, чем духовные, но полное благо возможно лишь при сочетании тех и других.

Так как к душе относится не только мышление, но и воля, то совершенство души должно быть теоретическим и практическим. К теоретическому совершенству относятся мудрость и рассудительность, знание человеческих и божественных вещей и их причин; к практическому — умеренность, смелость, справедливость.

Излагая взгляды различных школ по вопросу о том, как бороться со злом и преодолеть страдание, Цицерон приходит к выводу, что истинный путь заключается в признании всех предлагаемых путей, выражающих различные моменты достижения счастья.

«Некоторые считают, что роль утешителя одна: показать, что в данном случае нет никакого зла,— таково было мнение Клеанфа; другие — что зло здесь небольшое, — так перипатетики. Есть такие философы, которые предлагают перевести внимание огорченных со зла па добро, — так Эпикур. Некоторые полагают, что достаточно показать, что не произошло ничего неожиданного, — так киренаики. Хризипп думает, что самое важное при утешении — удалить у скорбящего представление, будто бы, скорбя, он выполняет справедливый и надлежащий долг. Наконец, некоторые философы связуют все эти виды утешения вместе: один человек приводится в движение одним способом, другой — другим. Так, примерно, и мы сочетали в нашем «утешении» все виды его в одно утешение: душа была так взволнована, и к ней надо было попытаться применить всякого рода лечение...»

Несмотря на свой эклектизм, Цицерон своей неутомимой пропагандой способствовал распространению философских знаний.

§ 6. 1. Мистицизм

Неопифагорейская философия, философия Филона Александрийского и неоплатонизм — три направления, характерные для последних веков Римской империи, — тесно связаны с развитием религиозно-мистических настроений в разлагавшемся античном рабовладельческом обществе.

Неопифагорейская философия углубила и развила идеалистические черты пифагорейства V в. до н. э. Характерное отличие неопифагорейства состояло в окончательном превращении этого философского направления в теологическое и мистическое учение. Неопифагорейство, как и другие мистические учения рассматриваемого периода, отражало закат культуры рабовладельческого общества.

Неопифагорейская философия развивалась на протяжении око трех столетий (I в. до н. э. — II в. н. э.), охватывая, таким образом, конец эллинистической эпохи и начало эпохи римской. Важнейшие представители неопифагорейского мистицизма — Нигидий Фигул (ум. в 45 г. до н. э.), Аполлоний Тианский (вторая половина I в. в. э.), Модерат из Гадеса (I в. н. э.), Никомах из Геразы в Аравии (II в. н. э.).

Аполлоний Тианский — главный представитель неопифагорейства, сосредоточивший в своем учении все наиболее характерные его черты. Идеализм Аполлония Тианского — это уже не только путь к религии, но миропонимание, окончательно перерастающее в мистику. Если Пифагор для его последователей был божественным существом, то Аполлоний сам приписывал себе божественную сущность, и его сторонники поклонялись ему как богу, считая его воплотившимся Протеем. Древнее пифагорейско-орфическое учение о переселении душ приняло здесь наиболее фантастические формы Аполлоний Тианский претендовал на сверхчеловеческие и сверх естественные способности: предсказание будущего, совершение чудес, воскрешение мертвых. Главной задачей своей деятельности и основной целью философии он считал почитание бога. Рекомендуя уважение ко всем религиям, он наиболее правильной признавал ту, которая учит о едином боге.

Единое божество, согласно Аполлонию, создало мир и человека. Человеческая душа заключена в теле, как в темнице, и прикована цепью чувственности. Философия должна освободить ее из этой темницы. Аполлоний проповедовал освобождение от земных страстей, от грешного тела и возвышение к божеству путем религиозно-нравственного самоусовершенствования. Посредниками между божеством и людьми служат праведники, полубожественные сущ ства, к которым Аполлоний Тианский причислял и себя самого

Все внимание неопифагорейцев уделялось учению о божественном переселении душ, противопоставлению души и тела, духа и мат рии, доброго и злого начала.

Не менее характерно для этого времени учение Филона Александ-рийского («Иудейского») (ок. 20—54 гг.). Философия Филона представляет собой эклектическое соединение вульгаризованной греческой философии (в особенности стоицизма, а также платонизма и пифагорейства) с иудейской религией. Филон Александрийский — один из предшественников раннего христианства «Огромное влияние александрийской филоновской школы и грек римской вульгарной философии — платоновской и в особенности стоической — на христианство, которое при Константине стало государственной религией, далеко еще не установлено во всех частностях, но наличие этого влияния доказано...»[66] Большое значение имело проводившееся Филоном аллегорическое истолкование библии и греческих мифов. Не отказываясь во многих случаях от буквального понимания, Филон в то же время выдвигал аллегорическое истолкование в идеалистическом духе. В этом коренное отличие его позиции от тех попыток истолкования мифов, которые имели место в материалистической философии классической Греции, например в школе Анаксагора. В то

[66]Маркс и Энгельс, Соч., т. XVI, ч. II, стр. 415.

время как древнегреческие материалисты пытались найти реальное земное ядро в античной мифологии, Филон, наоборот, истолковывал мифы как идеалистические аллегории.

В статье «Бруно Бауэр и раннее христианство» Энгельс подробно останавливается на роли Филона в формировании христианства: «Бауэр занимался этим вопросом до конца своей жизни. Его исследования привели к выводу, что александрийский еврей Филон, который глубоким уже стариком жил еще в 40-м году нашего летосчисления, был подлинным отцом христианства, а римский стоик Сенека был, так сказать, дядей его. Многочисленные дошедшие до нас сочинения, приписываемые Филону, возникли фактически из слияния аллегорически и рационалистически понятых еврейских традиций с греческой, именно стоической, философией. Это примирение западных и восточных воззрений содержит уже по существу все христианские представления: прирожденную греховность человека; логос, — слово, — которое есть у бога и само есть бог, которое становится посредником между богом и человеком; покаяние не путем приношения в жертву животных, а путем принесения своего собственного сердца богу; наконец, и ту существенную черту, что новая философия религии переворачивает весь прежний порядок вещей, вербуя своих учеников среди бедных, страждущих, рабов и отверженных, а богатых, могущественных, привилегированных презирает, и тем самым предписывается презрение ко всем мирским наслаждениям и умерщвление плоти» [67]. Основной вопрос философии — об отношении мышления к бытию — Филон решает в пользу приоритета духовного первоначала. Это духовное первоначало есть Иегова, сущий, существо сверхчувственное, недоступное познанию, сверхприродное, лишенное каких бы то пи было известных человеку качеств. Однако наряду с утверждением, что божественное первоначало недоступно какому бы то ни было определению и превышает способности человеческого познания, Филон Александрийский приписывал богу мудрость, всемогущество и т. д. Совершеннейшая полнота всех качеств характеризует духовное первоначало в противовес чувственному миру; последний существует именно потому, что он наполнен божественным существом, которое всюду проникает и ничего не оставляет пустым.

Мистика филоновского учения подучила особенно яркое выражение в учении об экстазе как особом мистическом состоянии, которое позволяет немногим избранным приблизиться к созерцанию божества. Хотя полное познание бога невозможно даже в экстазе, однако именно экстаз, противопоставляемый чувственному познал и теоретическому мышлению, является единственным способом хотя бы приблизиться к созерцанию божества.

Мистическое филоновское учение об экстазе органически связано с его противоречивой характеристикой божества. Так как ни чувственность, ни теоретическое мышление (разум) не могут дат], ловеку познания божества, то отсюда возникает филоновская характеристика божества как лишенного всех качеств — своеобразии агностицизм Филона. Но, с другой стороны, мистический экстаз, противопоставляемый всякому познанию, позволяет, по мнению Филон приблизиться к пониманию бога как полноты всех совершенств.

Наряду с мистической стороной учения Филона ярко выступает его эклектизм, попытка объединения стоического учения с учение Платона. «Сущий» Филона — это дальнейшее развитие платоновской «идеи», окончательно мистифицированной и превращенной в божество.

Своеобразным мостом от духовного божественного первоначала к чувственному миру служит для Филона логос. Учение о логосе имеет первостепенное значение в философии Филона.

Божество наполняет мир, говорит Филон, при помощи свойственных ему духовных, бестелесных, нематериальных сил, или логосов. Высший из этих логосов — божественное

[67] Там же, т. XV, стр. 603—604.

слово, логос — сын божий, остальные логосы — это силы, названные Филоном по древней религиозной традиции ангелами. «Логосы», или «силы», Филона представляют собой эклектическое соединение «идей» Платона со «сперматическим логосом» стоиков. Совокупность логосов образует невидимый, чувственно не воспринимаемый, умопостигаемый мир. Ниже верховного первоначала и умопостигаемого мира логосов Филон помещает материальный мир, создаваемый божеством из материи, но не непосредственно, а при помощи мира идей как образцом, Здесь выступает на первый план учение о материи, представляющее собой сочетание платоновского учения с элементами учения Аристотеля. Материя, по учению Филона, есть нечто бесформенное, хаотическое, пустое, недеятельное, отрицательное. Из этого бесформенного начала божество при помощи идей — образцов — создает весь чувственный мир. Эклектический характер учения Филона выступает здесь вполне отчетливо.

Учение о божественном логосе имеет большое значение для изучения философских источников раннего христианства. Идеалистически-поповский характер этой философии сказывается в самом понимании логоса. Если для Гераклита логос — это наивно понятая диалектическая закономерность развития космоса, природы, объективной реальности, то для Филона Александрийского логос — это божественное слово, единородный сын божий, персонифицированная божественная сила, осуществляющая переход от потустороннего бога к посюстороннему миру. Логос для Филона — посредник между богом и природой, объясняющий творение природы из материи, и в то же время посредник между богом и человеком, основа нравственной жизни.

Примыкая к пифагорейско-орфическому учению, Филон резко противопоставляет душу телу. Носительницей божественного начала в человеке является бессмертная душа, заключенная в теле; дух деятелен, материя бездеятельна и косна; в душе — все лучшее, все то, что помогает человеку возвыситься; в теле — все худшее, что тянет человека вниз.

Филоновский дуализм души и тела также служил одним из источников раннего христианства.

С этим учением тесно связана религиозная этика Филона. В основе всего лежит «прирожденная греховность человека». Религиозный фанатизм Филона доходит до утверждения, что человек, проживший хотя бы один день, уже нечист. Задачей нравственной жизни Филон считает подражание богу. С этим связана проповедь покаяния, аскетизма, отречения от мира, духовного очищения от страстей. Эту сторону также отмечает Энгельс как одну из черт философии Филона, подготовившей христианство.

Исходя из своего учения о сущем, Филон говорил о равенстве всех людей перед богом; свою религиозную проповедь он обращал к бедным, неимущим. Здесь также проявляются близость к стоицизму и подготовка раннего христианства.

Все характерные особенности упадочной философии конца рабовладельческого общества нашли наиболее выпуклое выражение в неоплатонизме. Неоплатонизм — это конечный продукт разложения и вульгаризации античной философии, а вместе с тем один из важнейших философских источников теологии средних веков. Эклектика, мистика, софистика наиболее сконцентрированно представлены именно неоплатонизмом.

Философия неоплатонизма создавалась в той же идеологической атмосфере, что и раннее христианство. «Это было время, когда даже в Риме и Греции, а еще гораздо более в Малой Азии, Сирии и Египте абсолютно некритическое смешение грубейших суеверий различных народов принималось без всяких околичностей и дополнялось благочестивым обманом и прямым шарлатанством; время, когда виднейшую роль играли чудеса, экстазы, видения, привидения, гадание о будущем, изготовление золота, каббала и прочая мистическая чепуха».

На территории римского государства распространяются астрология, демонология, различные восточные религиозные учения, персидская религия Ормузда и Аримана, халдейское учение о добром божественном руководстве и злом духе, египетское учение о злых божествах, иудейское учение о сатане, Вельзевуле. Большим успехом пользуются предсказатели будущего, составители гороскопов.

Громадное распространение получают различные магические учения: волхвование, изгнание бесов, ведовство. Религия, мистика и идущая с ними нога в ногу идеалистическая философия ведут ожесточенную борьбу с материализмом и наукой.

Выросши и формируясь параллельно христианству, неоплатонизм в то же время выступает против христианской религии, но это — борьба внутри единого религиозного лагеря. Если христианство при своем возникновении представляло собой идеологию, распространенную преимущественно среди рабов и разорившихся групп рабовладельческого общества, то неоплатонизм — идеология верхушки господствующего класса. На определенном этапе неоплатонизм служил идеологической опорой для тех, кто пытался бороться с распространением христианства. Император Юлиан официально противопоставил философию неоплатонизма христианству. Но в конечном итоге христианство, превратившись в государственную религию, включило в себя важнейшие черты этого философского на правления.

Особенное распространение неоплатоническая философия получила в Риме, Александрии, Сирии и Афинах.

Основной философский источник неоплатонизма — объективна идеализм Платона, окончательно растворяющийся в религии и мистике. Идеалистическая сторона учения Аристотеля также является одним из источников неоплатонизма. Наконец, как это отметил Маркс, неоплатонизм вульгаризирует важнейшие философски направления, непосредственно предшествующие ему в эпоху эллинизма, а именно стоицизм, скептицизм и эпикурейство.

«...Стоики, эпикурейцы и скептики растворяются в неоплатониках, ибо философия этих последних есть не что иное, как фантастическое сочетание стоического, эпикурейского и скептического учения с содержанием философии Платона и Аристотеля»[68]. Развиваясь на протяжении III—V вв. н. э., неоплатонизм пер жил известную эволюцию. Его можно разбить на три основные исторически следующие друг за другом школы. Первая школа александрийско-римская: Аммоний Саккас, его ученики Лонгин Ориген и наиболее видный представитель неоплатонизма Плоти с его школой в Риме (III в.). Вторая школа — сирийская, представленная Ямвлихом и его учениками (IV в.). И третья школа - афинская, представленная Проклом (V в.).

Родоначальником неоплатонизма следует признать Аммония Саккаса («мешечника») из Александрии (ок. 176 — 242 гг. н. э.). Известно, что он воспитывался в христианской семье, но затем выступил как обоснователь неоплатонизма и противник христианства. Так как он распространял свое учение устно и не оставил после себя философских произведений, то восстановление его взглядов представляет крайне затруднительную задачу. На основании того что известно о нем из косвенных источников, можно восстановить его дуалистическое учение о теле и душе. Отвечая общей тенденции религиозной философии своего времени, он противопоставлял телу бестелесную, нематериальную душу, которая придает телу единство. Саккас признавал возможным для души обособиться от тела во время сна или посредством мышления. По-видимому, он лишь в самой общей форме наметил черты неоплатонической философии, наиболее выдающимся представителем которой был его ученик Плотин.

Философская деятельность Плотина (вторая половина III в., н. э.) совпадает с эпохой обострения гражданской войны в Римской империи. Господствующему положению римского рабовладельческого класса противостоит грозное движение рабов, колонов, городских бедняков. Солдатские восстания и нашествия варваров потрясают империю. Революция рабов достигает своего наивысшего напряжения как раз ко времени смерти Плотина и начиная с 70-х годов III в. идет на убыль. Плотин принадлежал ко двору императора Галлиена, возглавлявшего римское государство в так называемую эпоху римских «тридцати тиранов».

[68] Маркс К., и Энгельс Ф., Соч., т. IV, стр. 122.

Плотин (205 — 270 гг.) — выходец из города Ликополя в Египте. В возрасте 28 лет он приступил к занятиям философией. На протяжении одиннадцати лет он учился философии у Аммония Саккаса. Самостоятельная философская деятельность начинается после переезда его (в. возрасте 40 лет) в Рим, где он организовал новую философскую школу и в продолжение 25 лет стоял во главе ее. Слушателями школы Плотина были, главным образом, государственные деятели и политики Рима. Кроме того, среди учеников Плотина имелись врачи, риторы, преподаватели философии.

Не только учение, но и весь образ жизни Плотина рисует его как типичного мистика. Проповедуя аскетизм, он заявлял, что стыдится своего тела, не признавал врачебного искусства. Описание им экстаза отражает характерные признаки эпилептического припадка. Окончательно преобразовав платоновское учение о двух мирах (мир идей и мир чувственных вещей) в религиозную философию, Плотин эклектически объединил с платонизмом идеалистическую сторону аристотелевского учения. В своем учении об экстазе Плотин соединил платоновское учение об «эросе» и идеалистическую «диалектику» (превращаемую Плотином в софистику) с «созерцанием» Аристотеля.

В подготовительных работах по истории эпикурейской, стоической и скептической философии Маркс дает блестящую характеристику философского содержания и исторического значения учения Плотина:

«Смерть и любовь являются мифами тогдашней диалектики, потому что диалектика есть внутренний простой свет, проницательный взор любви, внутренняя душа, не подавляемая телесным материальным раздроблением, сокровенное местопребывание духа. Итак, миф о ней есть любовь; но диалектика оказывается бурным потоком сокрушающим многих и их границы, ниспровергающим отдельные формы, погружающим все в море вечности. Итак, миф о ней есть смерть.

Итак, она есть смерть, но в то же время и носительница жизненности, расцвета в садах духовных, пена в искрящемся кубке тех точечных солнц, из которых распускается цветок единого духовного пламени. Поэтому Плотин называет ее средством, ведущим к души, т. е. к ее непосредственному единению с богом, — выражение, в котором смерть и любовь и в то же время Аристотеля соединены с диалектикой Платона. Но так как эти определения, так сказать, предопределены у Платона и Аристотеля, а не развиты в силу имманентной необходимости, их погружение эмпирически индивидуальное сознание у Платона является состоя нием, а именно состоянием экстаза».

За основу всего существующего Плотин принимал божественное первоначало, сверхчувственное, сверхразумное, сверхприродное. К этому божественному первоначалу неприложимо никакое определение, ему не свойственно никакое качество; судить о его сущности можно лишь косвенно — по тому, что порождено им. Это первоначало едино и является причиной всего, верховной силой, высшим благом и высшей красотой. Нетрудно усмотреть здесь вульгаризацию окончательно теологизированного платоновского учения об идее высшего блага. Бытие целиком зависит от божественного первоначала. Плотин устанавливает целую лестницу постепенного снижения первоначала. Эта лестница: божественное первоначало, божественный ум, божественная душа и, наконец, природа. Природа создается из материи путем проникновения в нее божественного первоначала. Сравнивая это первоначало со светом, Плотин материю уподобляет тьме. На вершине лестницы стоит первоначало — наиболее яркий свет, внутри — материя, тьма. Мир образуется из материи благодаря проникновению в нее света путем эманации (излучения, истечения) божества. Переход от божества к миру есть в то же время нисхождение от совершенства к несовершенству, от единства к множественности.

Единое первоначало в божественном уме дробится, теряет свое единство, переходит в множественность умов. Эти умы Плотин понимает как идеи, формы. Следующей стадией эманации божественного света является мировая душа, в свою очередь подразделяющаяся на отдельные души. И, наконец, последняя стадия дробления света — это природа, которая возникает благодаря отражению божества в материи, как в зеркале. Материя бескачественна, бестелесна и служит отрицательным условием возникновения природы.

Хотя множественность, согласно учению Плотина, должна получить свое объяснение в единстве первоначала, она в то же время этому единству противопоставляется. Неоплатонизм воспроизводит здесь в новой форме платоновское противопоставление мира идей и мира вещей.

Следуя за орфико-пифагорейским и платоновским учением о душе как духовной сущности, Плотин создал мистическую теорию мирообразования как процесса падения душ. Весь космический процесс развития природы, согласно Плотину, — это нисхождение и восхождение душ.

Человек состоит из души умопостигаемой, наиболее близкой к божеству, души чувственной и, наконец, из тела. Единственным способом приблизиться к божественному первоначалу Плотин считал экстаз, в котором человек поднимается над телесным миром; в экстатическом состоянии человек божественной частью своей души приближается к божеству.

Непосредственным учеником Плотина был Порфирий из города Тира (род. в 232 г.). Порфирий известен в истории неоплатонизма как философ, особое значение придававший логическим исследованиям. Это один из первых представителей теолого-догматического извращения логического учения Аристотеля.

Последующие школы неоплатонизма — сирийская и афинская — продолжают и усложняют мистическое учение Плотина, еще более вульгаризируя его. Для основателя сирийской школы Ямвлиха (ум. ок. 330 г.) характерно дальнейшее дробление ступеней плотиновской лестницы путем введения промежуточных звеньев. Верховный ум он разделял на ум мыслимый и ум мыслящий, а к мировой душе присоединял две низшие души. Наряду с божественным первоначалом он признавал большое количество низших божеств, разбив их на особые сонмы, или разряды. Так, он различал 12 небесных богов, которые в свою очередь распадаются на 36, а затем на 360 богов, 72 поднебесных бога и 42 бога природы. Ниже их он помещал ангелов, демонов и героев и, наконец, души людей.

Неоплатоническая мистика в дальнейшем продолжается в пределах афинской школы (V в.).

Важнейший представитель афинской школы Прокл (410—486 гг.) родился в Константинополе, детство провел в Ликии (отсюда его прозвище — «ликиец»), философское образование получил в Александрии и Афинах. Мистическое учение Плотина, переработанное Ямвлихом, получило в философии Прокла новую форму. Прокл систематически разработал своеобразную мистико-идеалистическую «диалектику» триадического развития. Подобно остальным неоплатоникам рассматривая мир как эманацию божества, Прокл различал три момента развития: 1) пребывание произведенного в производящем, 2) выход произведенного из производящего и 3) возвращение произведенного в производящее. Производящее и произведенное имеют между собой общее и вместе с тем отличаются друг от друга: сходство их и различие, по учению Прокла, выступают в трех моментах триадического развития, которое лежит в основе эманации мира из божества.

Исходя из триадического принципа, Прокл создал целую теологическую систему. На вершине всего существующего он ставил божественное первосущество, превышающее всякое существование; божество это есть всеобщая первопричина, но не причинным образом, высшее добро, но превыше всякого добра. Оно непознаваемо и невыразимо в слове. Первой эманацией божественного начала Прокл считал геннады (единицы). Геннады осуществляют переход от единого первосущества к множеству: будучи многими, они в то же время связаны между собой и с первоначалом. Вместе с тем геннады Прокла выступают как божества. За геннадами Прокл помещал область «нуса» (мирового разума), распадающегося на триаду:

1) интеллигибельные сущности, образующие бытие,
2) интеллигибельно-интеллектуальные сущности, образующие жизнь, и
3) интеллектуальные сущности, образующие мышление.

В свою очередь первый и второй члены этой триады разбиваются на подчиненные триады, а третий член — на гебдомады (семерки). Все эти духовные сущности — опять-таки боги, но уже более низшего порядка, чем божественное первосущество иподчиненные ему божественные геннады. За областью «нуса» следует область мировой души, составляющая переход от мира сверхчувственного к миру чувственному. В этой области Прокл помещал новую триаду: 1) божественные души, 2) демонические души (ангелы, демоны и герои) и 3) человеческие души. Наконец, в самом низу располагается чувственный мир, управляемый божественными душами и направляемый ими к добру. Согласно учению Прокла, зло возникает из несовершенства низших ступеней мировой лестницы и должно подчиниться добру. Само это несовершенство возникает вследствие того, что единство сменяется множеством, покой — движением. В отличие от Платона Прокл не считал материю принципом зла, ибо она создана божеством как необходимое условие возникновения мира. Однако это не мешало Проклу относиться к чувственному миру с презрением мистика, видящего высшее благо в сверхчувственном мире.

Отрицая познаваемость божественного первосущества, утверждая его непостижимость для чувств и разума, Прокл развил учение о мистическом слиянии человека с божеством (процесс, обратный божественной эманации). Здесь Прокл выдвинул новую триаду: эрос, истина, вера. Эрос готовит человека к экстатическому состоянию, истина приближает его к божественному первосуществу, вера осуществляет слияние с божеством в мистическом экстазе. Однако экстаз, учил Прокл, осуществляется весьма редко, и полное слияние человека с божеством, согласно этой античной теологии, воз-можно лишь после смерти.

В формальной мистико-идеалистической «диалектике» прокловых триад нашла свое историческое завершение линия Платона в античной философии.

Важнейшие из сохранившихся сочинений Прокла: комментарии к платоновским диалогам («Тимей», «Государство», «Парменид», «Алкивиад», «Кратил»), «Теологическое утверждение», «О теологии Платона», «О десяти сомнениях относительно провидения», «О провидении, судьбе и о том, что в нас», «О сущности зол».

Из продолжателей Прокла следует отметить Симшция, в своих комментариях к Аристотелю сохранившего для нас значительное количество фрагментов из утерянных сочинений древнейших греческих философов.

В 529 г. по приказу императора Юстиниана были закрыты философские школы в Афинах и тем самым был положен конец школе неоплатоников. Однако идеологическое влияние неоплатоников сказалось на всей истории средневековой философии. Крупнейшие богословы средних веков отразили в своих учениях основные черты неоплатонической философии.

§ 7. Неоплатонизм - переход в мышлении римлян к самосознанию абсолютного существа - бога, отказ от чувственной действительности, как основы познания

Неоплатонизм в истории философии Рима - это эпоха развития гражданского права, имеющего своим предметом собственность отдельного лица. Но так как римская культура, в недрах которой развертывается эта форма философии, отмечает Гегель, носила вместе с тем характер абстрактной всеобщности, безжизненность которой разрушила всякую своеобразную поэзию и философию, всякую государственную жизнь, общественный мир в своем существовании разделился теперь на две части: на атомы, частных людей, с одной стороны, и на лишь внешнюю связь между ними, с другой. Причем, эта связь в качестве власти также воплощалась в одном лице, в лице императора. В древнем мире индивидуальная свобода существовать не может. Гражданин был подчинен во всем и без всякого исключения гражданской общине - государству, он принадлежал ему всецело.

Римское могущество представляет собой, таким образом, реальный скептицизм. Этот характер абстрактной всеобщности как полного деспотизма, который во время заката

народной жизни был непосредственно связан с атомистической объединенностью, разобщением, с уходом в цели и интересы частной жизни, совершенно аналогично достигает теперь своего завершения также и в области мышления. Такова зависимость мышления и бытия.

В прежнее время давались предсказания посредством животных, деревьев и т.д., предсказания, в которых не проводилась грань между знанием божественного как вечного, и знанием случайного. Теперь же не боги творят чудеса, а люди, которые, презирая естественную необходимость, вносят в природу нечто такое, что противоборствует ей как природе.

Живущие в действительном мире люди здесь совсем разучились видеть и слышать и вообще разучились понимать смысл наличной действительности. Чувственно-истинное больше уже не признается ими. Они находят реальное лишь в самих себе. Подобно тому, как все боги собраны в один пантеон, так все религии сливаются в одну религию, все кто способы представлять себе действительность, поглощаются в одном представлении. Согласно этому представлению, самосознание - некий действительно существующий человек - есть абсолютное существо. В Рим проникают все таинственные культы, но подлинное освобождение духа появилось лишь с христианством, ибо в нем оно приходит к своей сущности. Теперь человек получает откровение, объясняющее ему, что есть абсолютное существо; это - некий человек, однако еще не человек как человек или самосознание вообще, - отмечал Гегель.

Неоплатоники наряду с чувственным миром не признавали мир мысли. Чувственный мир для них исчез, все целое было возведено в дух, и это целое они называли богом и его жизнью в этом целом. Здесь мы стоим у великого поворота, который приведет к христианству и средневековой философии.

§ 8. Христианская философия первых веков

К тому времени, когда император Юстиниан закрыл все философские школы в империи и изгнал из нее представителей языческой мудрости, христианская философия прошла уже большую часть первой эпохи своего развития, периода так называемой «патристики», философии «отцов церкви», в которой закладывались основы христианского богословия.

Христианство вступило на историческую арену во второй половине I в. Став впоследствии официальной религией во всех европейских государствах, оно надолго сковало свободную мысль и подчинило себе философские учения.

Христианская религия была выражением и продуктом «краха античных мировых порядков» (Маркс).

Опора военной мощи республиканского Рима, свободное крестьянство было вытеснено крупными рабовладельческими латифундиями. Оставшиеся свободные крестьяне, несшие тяготы военной службы и всяких налогов и поборов, должны были конкурировать с дешевым трудом рабов, сводя свои жизненные потребности до уровня, установленного для рабов. С другой стороны, рабы не могли равняться по производительности труда с крестьянами. Рабы поэтому становились обузой для рабовладельцев.

Дальнейшее развитие производительных сил на основе рабства становилось невозможным.

В поисках выхода рабовладельцы сдавали землю в аренду колонам, сажали рабов на оброк, усиливали их эксплуатацию. Апулей красочно описывает рабов, работающих на мельнице: «Кожа у всех была испещрена синими подтеками, исполосованные спины были скорее оттенены, чем прикрыты драными лохмотьями... лбы клейменые, полголовы обрито, на ногах кольца, лица землистые, глаза выедены дымом и горячим паром, все подслеповаты». Между тем мельничные рабы отнюдь не были в худшем положении, чем работавшие в кандалах рабы латифундий.

Вследствие невыгодности рабского труда в крупном зерновом хозяйстве пахотные земли стали превращать в пастбища, где труд раба мог еще себя оправдать.

Выкачивая хлеб из провинций (главным образом, из Сицилии, Египта и Африки), римские власти вместе с тем пытались бороться с запустением земли, с возрастающим «безлюдьем». Ряд законов настойчиво предлагал заселить и обработать на льготных условиях пустующие земли. В этом же направлении шло законодательство о колонах; оно вело к прикреплению свободных арендаторов к земле.

Но все эти меры не могли остановить кризис рабовладельческого хозяйства. Философ и ритор Дион Хризостом (род. ок. 40 г. н. э.) констатирует, что «почти две трети земли пустуют из-за разорения и малолюдья. Да вот и я имею много плефров земли... и если бы кто захотел ее обрабатывать, я бы не только отдал ее даром, но охотно приплатил бы деньги». Дион поэтому предлагал раздать землю на льготных условиях и даже в принудительном порядке сажать на землю городскую бедноту. «Не могут не быть скудными городские промыслы, требующие вложения средств извне, когда и за помещение приходится платить и все приходится покупать, не только одежду, инструменты и хлеб, но даже дрова... Так что мы, может быть, вынуждены будем, в самом деле, выселить из городов упорных нищих».

Городская беднота влачила жалкое существование. В Риме бедняков кормило государство, в провинциях они существовали за счет жалких крох, перепадавших им со стола богатых откупщиков и ростовщиков, нищенствовали, брались за любую работу, считавшуюся для свободного человека позорной, отбивая хлеб у рабов.

Особенно тяжело было положение в провинциях. «Уже начиная с последних времен республики римское владычество основывалось на беспощадной эксплуатации завоеванных провинций; империя не только не устранила этой эксплуатации, а, напротив, превратила ее в систему» [69]. Завоеванные провинции находились на различных стадиях общественного развития; в одних господствовал еще родовой строй, другие, как Ахайя, представляли высшую форму античного полиса. Но Рим стремился их уравнять. Право римского гражданства, из-за которого некогда велись в Италии кровопролитные войны, утратило теперь реальное значение.

Императоры поэтому щедро раздавали права римского гражданства, пока, наконец, эдикт Каракаллы не распространил его на все свободное население. На деле это означало превращение всего населения в одинаково бесправных подданных империи.

Все местные политические учреждения были фактически упразднены. Правда, номинально кое-где сохранились старые институты — народные собрания, советы, герусии (сенаты), но они потеряли свои политические функции, превратились в некое подобие клубов.

Доступ к государственным должностям был открыт для лиц, получивших римское гражданство, лишь в качестве уполномоченных и представителей императорской власти. Должности, сохранившиеся от местного старого порядка, давали их носителям пышные титулы, но никаких административных, политических или судебных функций им не было присвоено. Функции этих должностных лиц состояли почти исключительно в обслуживании культа, в финансировании (из личных средств) спортивных состязаний и игр, в заботах об общественных сооружениях, в посылке делегаций к императорам для выражения «верноподданнических чувств» населения и особенно в организации культа императоров. Если богатые провинциалы удовлетворяли свое честолюбие этими призрачными «общественными должностями», то трудящиеся получали от этого только добавочную тяжесть к лежавшему на их шее ярму. Ведь щедроты, всяких гимнасиархов, азиархов, архиереев и прочих сановников, в конечном счете, оплачивались трудящимися.

Для Рима население провинций было, прежде всего, податным населением. Помимо постоянных налогов существовали специальные налоги и контрибуции, для взыскания которых назначались особые кураторы. К «законным» платежам присоединялись вымогательства сборщиков налогов и других римских чиновников. Население с меньшим страхом

[69] Маркс и Энгельс, Соч., т. XVI, ч. I, стр. 125.

встречало разбойников, чем сборщиков налогов: от первых можно было дешевле откупиться. Особым бичом для населения были военные постои; об их бесчинствах и насилиях свидетельствуют многочисленные документы.

Рим всюду проводил свое право, отменяя действующее местное право. Правда, в инструкциях проконсулам провинций давались указания о том, как применяться к местным обычаям, но на практике с этими обычаями мало считались.

Уничтожение старой общественной структуры в завоеванных провинциях, «все туже завинчиваемые тиски налога в пользу государственной казны», повсеместное введение римского права — таковы были, по выражению Энгельса, «три рычага», которые «...должны были действовать с огромной силой, сводя все к одному уровню»[70]. В этой единой империи, где все было уравнено в бесправии и бессилии, состояние «удрученных и обремененных» было отчаянное. «Для них всех утраченный ими рай лежал позади; для пришедших в упадок свободных это был прежний «полис», одновременно и город и государство, в котором их предки были некогда свободными гражданами; для военнопленных рабов — свободная жизнь до порабощения и пленения; для мелких крестьян — уничтоженный родовой строй и общность владения землей»[1]. Попытки оказать сопротивление гнетущей силе империи кончались неудачей. Правление Нерона ознаменовалось рядом восстаний в различных частях империи. Особенно упорным было восстание в Иудее: Риму стоило, огромных усилий подавить это восстание; но оно было подавлено, как и последующие восстания евреев, при Траяне и Адриане. Почти не прекращавшиеся восстания рабов расшатывали рабовладельческий строй и подготовляли его ликвидацию. Но эти восстания в то время неизменно кончались поражением и приводили лишь к усилению террора рабовладельцев.

Экономическому и политическому разложению соответствовало разложение умственное и моральное. Произвол императоров, перед которыми и лица из высших классов были совершенно бесправны, питал раболепство, наушничество. Разлагавшаяся верхушка господствующего класса предавалась разврату и безудержному мотовству. Римская литература и искусство переживали упадок. После Тацита едва можно назвать одного или двух более или менее значительных римских писателей. Философы превратились в базарных крикунов, торговавших своей мудростью в розницу (их едко осмеял в своих блестящих диалогах Лукиан), изощряя свои способности в разрешении проблем богословия и морали. Всякого рода суеверие, колдовство, мистика находили широкое распрстранение во всех слоях общества. По свидетельству Ювепала, не было такого нелепого варварского суеверия, которое не нашло бы адептов в Риме. Люди искали выхода из создавшегося положения и, не находя его в реальной жизни, пытались найти утешение в мире фантастическом.

Но для этого утешения старые религии не годились.

Ведь они были фантастическим отражением общественных отношений, уничтоженных нивелирующей силой Рима. Нужна была новая, мировая религия, которая могла бы «дополнить мировую империю». Нужна была религия, обращающаяся ко всем без различия состояния и национальности и способная вместе с тем да эксплуатируемым, в первую очередь рабам, «идеальное утешение

Элементы такой религии были налицо. Уже в еврейской религии среди эксплуатируемых масс диаспоры (стран рассеяния, изгнания) вырабатывались образы мессии-спасителя, который спасе все человечество и установит царство божие на земле. В целом ряде восточных культов былые земледельческие божества превратились в богов-спасителей. Вульгаризированные идеи Филона Александрийского о логосе и его аллегорический метод толкования библии способствовали возникновению учения о едином боге и его сыне-спасителе. Учение о загробной жизни стало приобретать последователей в различных богословских и философских школах. Но поскольку все эти новые религиозные учения возникали внутри старых, ограниченных национальными рамками религий, они не могли получить массовое распространение и прочно утвердиться.

---

[70] Маркс и Энгельс, Соч., т. XV, стр. 606,

Потребность дополнить мировую империю мировой религией ощущала сама императорская власть, пытаясь превратить в мировую религию одну из местных, национальных религий или комбинацию из местной религии с римской. Религиозные реформы Ге-лиогабала, Аврелиана и Диоклетиана не имели успеха, а попытка реставрации язычества Юлианом была обречена на провал. Попытки ввести в качестве мировой религии культ цезарей не имели успеха в массах.

Всемирной религией, предлагавшей угнетенньм римским рабам и беднякам иллюзорное идеальное утешение, было христианство. Оно утешало надеждой на загробное воздаяние, а искупительная смерть Христа должна была служить залогом и гарантией потустороннего спасения. Отрицая на первых порах всякую обрядность, христианство обращало свою проповедь ко всем безразличия, «к иудею и эллину», к рабу и его господину, к мужчине и женщине. Оно признало равенство людей в грехе, равенство перед богом, бывшее фантастическим отражением всеобщего бесправия.

«...Христианство при своем зарождении было движением угнетенных: оно выступало сначала как религия рабов и вольноотпущенных, бедняков и бесправных, покоренных или рассеянных Римом народов»[71]. В первое время, судя по древнейшему христианскому документу — «Откровение Иоанна», -А возникающее христианство не приемлет мира. «Откровение», написанное малоазиатским евреем как раз в то время, когда ого сородичи в Иудее вели отчаянную войну против Рима, проникнуто ненавистью к «вавилонской блуднице» — Риму — и прочит ей гибель от гнева сил небесных. «Слабость, как всегда, спасалась верой в чудеса, считала врага побежденным, если ей удавалось одолеть его в своем воображении...»[72] Но это религиозное неприятие мира, в котором выразился протест угнетенных масс, было преходящим явлением. Уже во II в. демократический дух раннего христианства начинает рассматриваться как ересь. Выделяющаяся постепенно из бесчисленных христианских течений официальная церковь начинает искать путей примирения с «языческим миром».

В первых памятниках открыто христианской литературы — посланиях и евангелиях — проповедуются примирение с действительностью, покорность властям предержащим не только за страх, но и за совесть. Именно в этой проповеди всепрощения, покорности и смирения, примирения с бедствиями земной жизни во имя грядущих благ в ином мире и заключается социальная функция христианства. В середине II в. окончательно конституируется церковь с монархическим епископатом во главе. Эта организация послужила исходным пунктом для превращения христианства в государственную религию. Через триста лет после своего возникновении христианство стало признанной государственной религией Римской империи. Уже во II в. (особенно в посланиях Игнатия) провозглашается лозунг, что носителем благодати является клир, в частности епископ. Эта теория выплывает сначала робко, по вскоре становится основной тенденцией развития церкви. Все больше расширяется пропасть между ordo (клир) и plebs (миряне). В III в. Киприан уже прямо заявляет, что епископ — наместник Христа. Епископы стали не только полновластными хозяевами церкви и ее имущества, но имели большое влияние на всю хозяйственную и политическую жизнь своей паствы. Поддерживая оживленные связи друг с другом, епископы постепенно создали мощную разветвленную организацию, которая особенно выделялась на фоне разрухи в аппарате империи. Богатые и знатные люди стали домогаться должности епископа.

Гибель сословия патрициев, перемещение экономического центра из Рима в провинции (внешним выражением этого было перенесение столицы в Трир, Милан, Никомедию, Византию), рост значения провинциального землевладения и служилой знати, окончательное превращение всего населения в бесправное податное сословие — все это должно было поднять значение церкви, опиравшейся на свои провинциальные епископии, не связанной со

[71] Маркс и Энгельс, Соч., т. XVI, ч. II, стр. 409.

[72] Там же, т. VIII, стр. 327.

старыми экономическими и политическими группировками, черпавшей свою силу именно в крахе античного строя. Императорская власть еще в III в. пыталась цепляться за прошлое, возродить былое величие Рима, восстановить старый порядок; она заигрывала порой с сенатом и открывала гонения против христиан. Но то были последние судорожные попытки повернуть историю вспять.

В конце концов, отдавая себе отчет в значении христианской церкви для консолидации империи и для укрепления власти императора, Константин официально признал христианство и обратил его в государственную религию.

Христианство было новой религией, соответствовавшей новому этапу в истории рабовладельческого общества, и потому оно вытеснило прочие религии. Но для своего богословия, догматики и обрядности оно черпало материал из многих источников, перерабатывая их по-своему.

Стоицизм в его вульгаризированной форме сильно влиял на моральные воззрения организаторов первых христианских церквей; в частности установлено большое влияние произведений Сенеки на послания, приписываемые церковью апостолу Павлу, позже на Тертуллиана.

Еще теснее связано христианство с неоплатонизмом. Христианской догматике общи с неоплатонизмом многие существенные черты. Божественная троица христиан соответствует плотиновской троице: единого — ума — души. Христианство широко использовало неоплатоническую «эманацию», неоплатонический спиритуализм, учение об экстазе и «восхищении», как о состоянии, при помощи которого душа приближается к божеству, а затем на время вполне сливается с ним в блаженстве непосредственного созерцания его и т. д.

Еврейский «ветхий завет» полностью вошел в христианство, хотя часто подвергался «аллегорическому» истолкованию.

В христианстве библейский образ мессии эволюционировал в связи с общественными условиями эпохи. В I в., когда свирепствовал разрушительный социальный кризис, создалась идеология «второго пришествия»: Иисус должен был произвести кровавый разгром богатых и насильников и передать царство христианам. Во II—III вв., когда острота кризиса миновала, Иисус Христос стал представляться мистическим спасителем людей в туманном будущем, когда настанет воскресение из мертвых.

Христианство широко использовало распространенное в I в. н. э. ожидание «спасителя», помазанника — христа, и ввело в схему иудейской религии новую центральную фигуру — богочеловека, Иисуса «Христа», сына божия, рожденного на земле еврейкой Марией от святого духа. Этот Иисус есть та божественная сила, через посредство которой бог создал мир; он есть божественный «логос», вторая «ипостась» божества, второе лицо «святой троицы». Понятием «логоса» был переброшен мост между иудейством и греческой философией.

В высшей степени замечательно, что в течение I в. н. э. в источниках не имеется почти никаких сведений о христианстве. Лишь во II в., особенно со времени жестокого подавления римлянами второго восстания евреев (в 30-х годах), появляется христианская литература.

Христианское богословие и христианская философия сложились постепенно; они выкристаллизовались из хаоса разнообразных учений, домыслов, повествований, возникавших в отдельных христианских общинах. Церковь, организовавшись, отобрала из этой огромной литературы небольшое количество произведений, из которых и составила свой «канон», уничтожив всю остальную их массу. Это, с одной стороны, крайне затруднило восстановление подлинной истории первоначального христианства, а с другой — выделило канонический «новый завет» из общей картины развития идей: книги «нового завета» оторваны от предшественников и от связей с местной обстановкой, окружавшей христианские церкви.

Первые зачатки христианской философии (или точнее, теософии) содержатся в послании Павла к римлянам, в послании к евреям (неизвестного автора) и особенно в четвертом евангелии.

В двух упомянутых посланиях речь идет об отношении bhobь складывавшейся секты, тогда еще не выделившейся окончательно из иудейства, к иудеям и язычникам и об отношении между еврейским «законом» и верой. В них проводится мысль, что в новой религии нет различия между эллином и иудеем, что она обращается ко всем людям независимо от их религии и племенной принадлежности. Наряду с этим отрицается обязательность для христиан из язычников соблюдения обрядовых предписаний моисеева закона кона.

Четвертое евангелие, написанное позже других, начинается с «логоса». Далее евангелие называет Иисуса мессией, замыкая, таким образом, слияние идей эллинистически-римской философии, и иудейского мессианизма.

Из немногих дошедших до нас памятников эпохи «апостолов одни стоят на точке зрения христиан из язычников, другие отражают взгляды иудеев-христиан. Иисус в них является еще не богом, а лишь подобным богу небесным существом.

Первыми систематическими опытами связанной с христианством, но еще не христианской философии являются произведения так называемых гностиков. Гностиками называли тех, кто не хот довольствоваться простой, бесхитростной верой, а стремился «познать» знание, понять и «углубить» свою веру.

Гностицизмом как собирательным именем обозначают все те учения членов христианских церквей (преимущественно II в.), которые были церковью отвергнуты как ереси — собственно, «изъятие», затем — «отделение», «раскол»). Все эти учения носили на себе резкий отпечаток антиюдаизма и отражали влияние частью античной философии, частью восточных религий. Гностиками олицетворялись (в духе позднейших школ эллинистически-римской философии) отвлеченные понятия, признавался полидемонизм; верховное божество (в духе неоплатонизма) отделялось от того бога, который создал мир.

Оригинальны в своей фантастике учения гностиков Валентин и Василида.

Валентин — родом из Египта. В середине II в. он приехал Рим и имел успех среди членов римской христианской общины. Из его сочинений до нас дошли лишь небольшие отрывки. Учения его и его последователей подробно изложены Иринеем Лионским.

Высшим бытием, по Валентину, является «единое», «единица», некоторая вневременная и внепространственная, не возникшая и не могущая уничтожиться сущность. Она же есть «отец», «предок», «глубина», «неизреченное», «совершенный эон». «Единому» соответствует «женский» принцип — «молчание», или «мысль». Эти два высшие принципа — мужской и женский — порождают «ум» и «истину». «Отец», «молчание», «ум» и «истина» составляют четверицу, являющуюся «корнем всех вещей». Кроме того, «ум» и «истина» рождают «логос» и «жизнь», а затем «человека» и «церковь». Так получается основная «восьмерка» божественных начал. Из «ума» и «истины» эманируют «христос» и «святой дух» и т. д.

Приведенного достаточно, чтобы дать понятие о фантастичности этого учения.

Род человеческий, по учению Валентина, делится на людей плотских , душевных и духовных. Большинство язычников — люди плотские, большинство иудеев — душевпые, и лишь немногие из иудеев и язычников — люди духовные, «пневматики». Пневматики не подчиняются никакому внешнему закону, они — сами себе закон. От простой веры они возвышаются до знания — «гносиса», которого достаточно для спасения; поэтому они не нуждаются в добрых делах.

Валентин имел немало последователей, однако у массы христиан запутанная фантастика отвлеченных понятий успеха иметь не могла. Внешняя схема церковной догматики была гораздо проще и понятнее.

Василид был родом из Сирии. Около 120—140 гг. он переселился в Александрию. Сочинения его также до нас не дошли, и учение его известно по изложению того же Иринея Лионского и ученика Иринея, римского пресвитора Ипполита.

По Василиду, бог невыразим, не имеет имени. Из бога исходит ум, из ума — логос, из логоса — мысль, из мысли — мудрость и сила, из мудрости и силы — справедливость и мир. Все эти начала вместе с «первоотцом» являются высшими небесными силами и образуют «первое небо». Эти силы «первого неба» создают по образу своему силы «второго неба»;

силы «второго неба» создают силы «третьего неба» и т. д. Общее число таких последовательно возникающих небес, а вместе с тем и разрядов небесных сил, или ангелов, равно 365 (очевидна зависимость от числа дней в году). Во главе всех небесных сил стоит Абраксас, имя которого, написанное греческими буквами и, будучи переведено на числовые значения букв, дает число 365. Видимое нами небо — самое низшее, 365-е. Глава ангелов этого неба есть тот бог, которому поклоняются евреи. Некоторые лучи света с этого неба проникают в противостоящий ему «корень зла», и из смешения этих лучей с хаосом бог 365-го неба создает наш земной мир.

Так излагает учение Василида Ириней. Ипполит передает это учение иначе.

По Ипполиту, у Василида вначале было «ничто». Из этого ни что вышла единая универсальная потенция всего, содержавшая в себе зародыши всех форм бытия — «панспермия» — все, семя. Эта потенция актуально проявила себя тройным порождением: образованием бытия тонкого (идеального), грубого (материального) и «требующего очищения» (духовного). Просвещенные евангелием духовные существа очищаются познанием истины и возносятся вслед за Христом в сферу идеального и абсолютного бытия, а материальный мир приходит в состояние полного равновесия.

Чем объясняется различие в изложениях учений Василида Иринеем и Ипполитом, не выяснено окончательно. Возможно, что это разные стадии учения этого гностика. Во всяком случае, несмотря на всю фантастичность учения Василида, по изложению Иринея, оно было, по-видимому, довольно распространено в свое время. За это говорит значительное количество сохранившихся амулетов со словом «Абраксас».

Сведения о гностиках мы имеем от их изобличителей, главными, из которых являются Ириней Лионский (ок. 140 — 202 гг.) и его ученик Ипполит (ум. ок. 236 г.).

Иринеево «Обличение и опровержение лжеименного знания» направлено, главным образом, против Валентина и его сторонников.

Основной ошибкой гностиков Ириней считал отделение верховного божества от бога, сотворившего мир, а также раздробление бога на множество произвольно выдуманных сущностей. Истинный гносис, по Иринею, — апостольское учение, как оно передается церковью. Творец мира недоступен пониманию человеческого ума, и все наши представления о нем не адекватны. Лучше ничего не «знать», веровать и пребывать в божественной любви, чем впадать в безбожие из-за умозрительных хитросплетений.

Философия проникала в христианство не только через гностиков. Некоторые элементы философии вносились также и апологетической литературой.

«Апологеты» («оправдывающие») старались защитить христианство от язычества, иудейства и особенно от представителей государственной власти. Это были, собственно, не философы, а публицисты христианства; философские мысли в их произведениях сравнительно немногочисленны и довольно общи. Крупнейшим из апологетов был Юстин («Юстин-мученик»), грек из Сихема в Палестине (казнен в Риме ок. 166 г.). Юстин доказывал, что почти все содержание христианского учения уже имеется в языческой философии и мифологии. И это потому, что у христианства и философии один и тот же источник — божественный логос, разлитый во всем мире. В Христе этот логос только проявился во всей полноте. К христианам Юстин относил всех тех, кто прожил свою жизнь «с логосом». Таковы из греков — Гераклит и Сократ. Теоретически логос признавали также стоики.

Юстин имел большое влияние на позднейших «отцов церкви» и на дальнейшее развитие христианской идеологии.

Учеником Юстина был Татиан, родом из Ассирии. Он приехал в Рим, где слушал лекции Юстина, а потом сам преподавал. После казни Юстина Татиан перебрался в Сирию и отошел от церкви, усвоив осужденные ею гностические воззрения.

Апология Татиана — беспорядочно написанное «Слово к грекам» — произведение совершенно другого типа, чем сочинения Юстина. Юстин оправдывает христианство, Татиан грубо обрушивается на язычество, приводя для посрамления философов разные небылицы. По словам Татиана, все философы отличались нравственными недостатками: киник Диоген,

который хвалился своим воздержанием, съел невареного полипа и умер жертвой невоздержания; Аристип вел распутную жизнь; Гераклит, заболев водянкой, обложил себя испражнениями быков, и когда навоз затвердел и стянул его тело, умер от разрыва сердца, показав этим такое же невежество в медицине, каким он отличался и в философии, и т. д. «Вы, греки, — писал Татиан, — на словах болтливы, а умом тупы: вы признали владычество многих, а не одного, и решились последовать демонам». Наша философия, заявлял он, древнее не только греческих учений и всей образованности эллинов, но и самого изобретения письмен. И Татиан пускается в совершенно баснословную хронологию.

Таков этот фанатичный в своей ненависти к античной культуре апологет христианства. По его апологии уже можно предчувствовать позднейшие акты христианского изуверства и ненависти к философии и науке.

Одной стороной своей обширной литературной деятельности относится к апологетике и Квинт Септимий Флоренс Тертуллиан.

Тертуллиан родился, в Карфагене около 150 г.; происходил из языческой семьи; сначала занимался юриспруденцией, был видным адвокатом в Риме; около 195 г. принял христианство и возвратился в Карфаген. Тертуллиан умер около 222 г. Воззрения его оказали большое влияние на все западное богословие III в.

Человек бурного темперамента и пламенного красноречия, Тертуллиан использовал в своих сочинениях свою ораторскую подготовку: стиль его отличается выразительностью и риторической силой.

В философии Тертуллиан находился под сильным влиянием стоицизма, однако он считал свои воззрения составной частью христианства и со всей резкостью выступал против всей античной философии в целом.

Тертуллиан противополагает нравственность чувственности, божественное откровение — человеческому разуму, религию — философии, христианство — язычеству.

«Что есть общего у философа с христианином, — спрашивает Тертуллиан, — у ученика Греции с учеником неба? у того, кто стремится к славе, с тем, кто ищет вечной жизни? у того, кто гоняется за словами, с тем, кто совершает дела? у того, кто разрушает вещи с тем, кто их создает? у того, кто благоприятствует заблуждения с тем, кто им враждебен? у извратителя истины с ее восстановителем? у ее похитителя с ее стражем?» «Что общего между Афинами и Иерусалимом, между Академией и церковью, между еретикам и христианами?.. Нам после Христа не нужна никакая любознательность; после евангелия не нужно никакого исследования» «Философы — патриархи еретиков», — провозглашает апологе христианства, обрушиваясь на античных мыслителей: Фалеса Гераклита, Сократа, Аристотеля.

«Несчастный Аристотель, — восклицает Тертуллиан, — ты, изобретший для еретиков диалектику — искусство построять и разрушать, искусство, которое берется за все, чтобы ничего не довеет до конца».

Христианство отвергает человеческую мудрость и образование таково основное положение этого «отца церкви».

«Сын божий был распят; не стыдимся этого, потому что это постыдно; сын божий умер, — вполне верим этому, потому что это нелепо. И погребенный воскрес; это верно, потому что это невозможно».

В такой форме провозглашен у Тертуллиана принцип credo quia ineptum («Я верю, потому что это нелепо»), с предельно ясностью выражающий антагонизм христианства и научного по знания.

В учении о познании и психологии Тертуллиан придерживало вульгаризированного стоического материализма и сенсуализм Чувства нас не обманывают. Все действительно существующее телесно; в том числе бог и бессмертная душа. Мир сотворен богов из ничего. Человек создан по образу божию. В сочинении «О душе Тертуллиан рассказывает, что одна христианка поведала клиру, что она видела душу. Эта душа была нежная, светлая, цвет воздуха, принимавшая человеческую форму.

В своих этических произведениях Тертуллиан проповедовал аскетизм.

В развитии христианской идеологии огромную роль сыграл знаменитая в свое время христианская школа в Александрии.

Египет менее других провинций поддавался нивелирующей силе Рима. С конца II в. он является ареной почти не прекращающихся восстаний. В III в. Египет несколько раз отпадает от Рима провозглашая собственных императоров. Восстания подавлялись с чрезвычайной жестокостью. После одного такого восстания при Диоклетиане (296 г.) пришлось ограничить вывоз хлеба из разоренного Египта, хотя от египетского хлеба зависело снабжение столицы и армии. Однако императорам не удалось искоренить сепаратистские стремления александрийцев, нашедшие свое отражение и в идеологии. Эта борьба наложила свою печать и на христианское богословие. Александрийская школа была проводником эллинистических философских учений в христианстве.

Александрия, большой и богатый торговый город в Египте, была первоклассным центром эллинистической культуры. Там действовали крупнейшие греческие ученые: математики, астрономы, литературные критики и т. д. Там был виднейший центр еврейской «диаспоры», в которой складывалась особая, иудейско-эллинисти-ческая культура. В Александрии жил Филон, проложивший путь тому синтезу иудейства с эллинистической философией, завершением которого было христианство.

В Александрии была большая, сильная христианская община, довольно рано основавшая для обучения вере обращаемых в христианство школу «катехуменов». В 179 г. на должность наставника этой школы был приглашен Пантен, до своего обращения в христианство бывший стоиком; он впервые внес в школу философский интерес. В 190 г. его место занял философски образованный Тит Флавий Климент («александрийский», ок. 160—216 гг.), при котором влияние эллинизма и особенно неоплатонизма в школе еще более усилилось.

Климент развил теорию объединения веры и знания, которая была принята христианской церковью.

По Клименту, нет знания без веры и веры без знания. Полная гармония их требует изучения всего круга человеческих знаний: «семи свободных искусств». Никакой несовместимости между языческой философией и христианским учением, согласно Клименту, нет: это как бы две ветви одного и того же ствола. Истины христианства согласны с учениями лучших из язычников. Философия представляет собой как бы пропедевтику, преддверие христианства. В философии истина содержится не целиком в одной какой-либо школе, а по частям во всех. Хотя отличительным признаком подлинной науки является ее совпадение с учениями веры, однако, с другой стороны, истинное содержание самого «писания» устанавливается только философским изучением.

Главным приемом для введения философии в христианство было у Климента, как и у Филона, «аллегорическое» объяснение «священного писания».

Как и в учении Филона, для Климента бог выше логоса и выше мысли. «Логос — сын божий — есть премудрость, истина, идея, мысль божия. Через логос бог сотворил мир и управляет им».

Преемником Климента по наставничеству в Александрийской школе был знаменитый Ориген (ок. 185 — 254 гг.).

В 231 г. он был обвинен в ереси и отстранен от руководства школой, после чего переселился из Александрии в палестинскую Кесарию и там основал свою собственную школу, скоро достигшую большой известности и авторитета в христианском мире.

Ориген написал огромное количество сочинений. Дошедшие до нас около 100 его работ составляют лишь незначительную часть на писанных им произведений.

Ориген сильно обогатил теоретический багаж христианского богословия как своим личным творчеством, так и использованием материала античной философии. Через Оригена древняя философия обильным потоком проникла в христианство.

Целый ряд учений Оригена был впоследствии отвергнут церковью Так, например, неправоверными были признаны учения Оригена о бесконечном количестве миров, предшествовавших нашему, и следовательно, о вечности мироздания. Отвергла церковь и

(платоновское) учение о предсуществовании душ и о знании как припоминании. Наконец, церковь осудила, после долгой и ожесточенно борьбы, учение Оригена о том, что «сын» (вторая «ипостась троицы») во всем ниже «отца». И тем не менее, даже после при-знания многих учений Оригена еретическими авторитет его сред христианских писателей стоял очень высоко.

В христианстве Ориген, так же как и Климент, видел завершение античной философии: языческая мудрость и для него есть подготовка к христианству. Поэтому при Оригене в учебном плане Александрийской школы началом обучения являлась «диалектика». Она должна была развить способность суждения, познакомить Л законами мышления. Большое значение придавалось им естествознанию и натурфилософии, а также геометрии и астрономии, причем геометрия считалась образцом и идеалом остальных наук. Изучалась также философия различных школ (кроме тех, которые отрицали существование богов). Читались поэты. Завершением оразования было христианское богословие.

По Оригену, христианство в учении его первых проповедников было простой верой, без обоснований и доказательств. Лучшим средством для отыскания оснований и доказательств христианства служит философия.

Вслед за Филоном и неоплатониками, считавшими «логос» и «ум» созданиями «бога», «единого», низшими по сравнению с самим жеством, и Ориген признавал, что «сын» ниже «отца»: он «ставится» богом через «отца».

Этот «субординационизм» (теория подчинения), главным обрзом, и привел к осуждению Оригена двумя александрийскими синодами 231 г., из которых один приговорил его к изгнанию из Ал ксандрии, а другой — к лишению звания пресвитера, частью независимо от Оригена, частью в виде реакции на его субординационизм в церкви усилилось монархиаиство, т. е. учение о том, что бог в существе своем един и что три лица «святой троицы» не существуют в виде отдельных субстанций.

После Никейского собора (325 г.), когда основные догматы веры были сформулированы, церковь начинает стеснять прежнюю относительную свободу религиозного исследования. В 319 г. руководителем Александрийской школы становится Афанасий «великий», «отец православия». Афанасий изгоняет из школы философское напра-вление, утвердившееся в ней со времен Климента и Оригена. Это убивает и самую школу. Борьба переходит из школы на вселенские и поместные соборы.

Наиболее выдающимся из оригенистов IV в. был «каппадокиец» (Малая Азия) Григорий, епископ Нисский (ок. 335 — 394 гг.), философствующий богослов и плодовитый писатель, продолжавший линию Климента и Оригена.

В «Большом огласительном слове» Григорий Нисский излагает христианскую догматику в том ее виде, в каком она была принята на Никейском соборе. Ход мысли Григория не отличается оригинальностью и силой. Он рассуждает так: все согласны, что божество не бессловесно; оно имеет слово. Так как природа бога нетленай вечна, то и «слово» бога вечно. Сущность «слова» состоит в жизни, «ибо непозволительно думать, будто слово, подобно камням, неодушевленно». Эта жизнь «слова» не есть простая «причастность» жизни, а сама жизнь, т. е. идея жизни в платоновском смысле. Если слово живое, то оно имеет волю, и благочестиво заключить, что его воля могущественна, ибо понятие о бессилии далеко от понятия о божестве и т. д. При помощи таких «умозаключений» из произвольно конструированных соотношений между понятиями Григорий приходит к выводу, что «мир есть дело слова», имеющего силу творить добро. И так как «слово» всегда есть чье-нибудь слово, то должен быть и тот, кому это слово принадлежит.

Крупнейшим из христианских мыслителей патриотической эпохи наряду о Ориген ом был Августин (прозванный «блаженным»).

Сложная внутренняя жизнь, о перипетиях которой Августин сам рассказал в своей «Исповеди», большая начитанность в философии и науке своего времени, основательная риторическая подготовка и широкий по тому времени кругозор, — все это обусловило то, что Августин является мыслителем, перерастающим узкие рамки вероисповедного «отца церкви».

Аврелий Августин родился в 354 г. в городе Тагасте, в африканской провинции Нумидии. Учился Августин сначала в Тагасте, потом в Мадавре и Карфагене, Риме и Медиолапуме (Милане). Чтение Цицерона вызвало у Августина интерес к философии. С жаром изучает он «свободные науки», некоторое время сочувствует скептицизму.

Из скептического настроения его вывело влияние христианского проповедника, миланского епископа Амвросия. Особенно поразил Августина у Амвросия «аллегорический» метод толкования «писания». Августин решил предварительно принять на веру церковное учение, широко распространившееся по всему тогдашнему миру, а затем продолжать работу по разумному осмыслению этого учения.

С этим по времени совпало знакомство Августина с «Эннеадами» Плотина, произведшее на него громадное впечатление.

В 387 г. Августин принимает христианство, в 391 г. становится пресвитером, а в 396 г. — епископом города Гиппона (в Африке) и всецело отдается церковной и религиозно-философской писательской деятельности. Умер Августин в 430 г.

В «Граде божием» Августин делает обзор греческой философии. Он говорит о «двух родах философов: италийском и ионическом», из которых первый имел своим родоначальником Пифагора, а второй — Фалеса. Августин считает, что в богословии «следует рассуждать согласно платоникам, в сравнении с мнениями которых учения всех других философов должны цениться ниже».

В сочинении «Против академиков» Августин выдвигает против скептицизма то возражение, что без знания истины невозможно и «вероятное» знание, которое признавали академики, так как «вероятное» есть правдоподобное, т. е. похожее на истину; а чтобы узнать, что похоже на истину, надо знать ее самое.

Где же найти истину? Августин высказывает мысль, что наиболее достоверное знание — это знание человека о своем собственном бытии и сознании. «Знаешь ли ты, что ты существуешь? Знаю... Знаешь ли ты, что ты мыслишь? Знаю... Итак, ты знаешь, что существуешь; знаешь, что живешь; знаешь, что познаешь». В другом месте эта мысль изложена им следующим образом: «Всякий, кто сознает, что он сомневается, сознает это (свое сомнение) как некоторую истину...». «Кто сомневается в том, что он живет, помнит, сознает, желает, мыслит, знает, судит? и даже, если он сомневается, то все же... он помнит, почему сомневается, сознает, что сомневается, хочет уверенности, мыслит, знает, что не знает (того, в чем сомневается), думает, что не следует опрометчиво соглашаться...».

Признание существования внешних вещей основано, по Августину, только на вере, но это признание — необходимое условие практической деятельности.

Познание основано на внутреннем чувстве, ощущении и разуме. «Человек имеет о доступных пониманию и разуму предметах познание, хотя и малое, однако совершенно достоверное... так как жалким образом обманывается тот, кто думает, что чувствам не надо верить...» Нормой познания является истина. Неизменная, вечная истина, источник всех истин, есть бог.

В учении о познании Августин находился в сильнейшей зависимости от неоплатонизма.

Для доказательства бытия божия Августин пользовался «идеей причастности», исходящей из платоновского положения о реальном существовании «всеобщего» (универсалий), независимо от человеческого ума и от воспринимаемых им единичных вещей. Отдельные, частные истины могут существовать только потому, что они «причастны» идее истины, истине как таковой. Эта истина реально существует, так же как и всякая другая «идея». Если допустить, что истина исчезла, то осталось бы истинным положение, что «истина исчезла»; а это положение может быть истинным лишь постольку, поскольку существует истина. Следовательно, истина существует.

Другое августиново доказательство бытия божия, согласно которому из понятия всесовершенного существа следует его существование, стало известным под названием «онтологического» доказательства.

Однако Августин придавал этому воззрению чисто богословский характер. В строе познания он усматривал параллель троичности божественных ипостасей. Первым моментом, соответствующим ипостаси «отца», является объект познания; вторым, символизирующим ипостась «сына», — сам акт познания; третий момент, параллельный божественному «духу», Августин усматривал в деятельности воли, направляющей способность познания на объект познания и связующей их между собой.

В онтологии Августин еще ближе к неоплатонизму. Все существующее, поскольку оно существует, и именно потому, что оно существует, есть благо. Зло не субстанция, а недостаток, порча субстанции, порок и повреждение формы, небытие. Напротив, благо есть субстанция, «форма» со всеми ее элементами: видом, мерой, числом, порядком. Бог есть источник бытия, чистая форма, наивысшая красота, источник блага.

Бог создал мир из «ничего». Поддержание бытия мира есть постоянное творение его богом вновь. Если бы творческая сила бога прекратилась, мир тотчас же вернулся бы в небытие.

Мир ограничен в пространстве, а бытие его ограничено по времени. Время и пространство существуют только в мире и с миром; начало творения мира есть вместе с тем и начало времени. Время есть мера движения и изменения. Мир один; признание многих последовательных миров — пустая игра воображения. В мировом порядке всякая вещь имеет свое место. Материя также имеет своё место в строе целого. Душа — нематериальная субстанция, отличная от тела, а не простое свойство тела; она бессмертна. В учении о происхождении человеческих душ Августин колебался между «традукционизмом» (передача душ родителями вместе с телом) и «креационизмом» (творение душ новорожденных богом).

Большое влияние на последующую христианскую философию оказало учение Августина о божественной благодати в ее отношении к воле человека и о божественном предопределении.

Согласно учению Августина, первые люди до грехопадения обладали свободной волей: они могли не грешить. Адам и Ева дурно использовали эту свою свободу и после грехопадения потеряли ее - теперь они уже не могли не грешить. После искупительной жертвы Иисуса Христа избранные богом уже не могут грешить.

Божество от века предопределило одних людей к добру, спасению и блаженству, а других — к злу, погибели и мучениям. Без пред определенной божественной благодати человек не может иметь доброй воли.

На этой почве Августин вел ожесточенную полемику с одним и западных церковных писателей — Пелагием. Учение Пелагия был осуждено как ересь на третьем вселенском соборе в Эфесе. В качестве компромисса возникло «полупелагианство» («семипелагианство»). Главным представителем его был Кассиан. Соглашаясь с тем, что без благодати человек не может совершить ничего доброго, Кассиан допускал первичный импульс к добру от свободной вол человека.

Учение Августина о предопределении было религиозным фатализмом. Для христиан оно служило идеологической опорой в тяжелой борьбе, какую, начиная с V в., пришлось вести западной церкви с нахлынувшими на Европу и Северную Африку варварским народами. Вера в предопределение и возведение к воле божеств каждого действия, как отдельного христианина, так и всей церкви придавали христианской церкви сплоченность и фанатическое упорство.

Огромное значение для всего средневекового христианского мировоззрения имел большой труд Августина «О граде божием» («D civitate Dei»). В нем Августин сделал попытку охватить с христианской точки зрения всемирно-исторический процесс, поставить историю человечества в тесную связь с планами и намерениями божества.

Согласно Августину, человечество образует в историческом процессе два «града»: с одной стороны, светское государство — царство зла, греха, царство дьявола, а с другой — христианскую церковь царство божье на земле. «Эти два града созданы двумя родами любви

земное царство создано любовью человека к самому себе, доведенной до презрения к богу, а небесное — любовью к богу, доведенной до презрения к самому себе»,

Эти два града, параллельно развиваясь, проходят шесть главных эпох. Первая эпоха — от Адама до потопа. Вторая эпоха — от Ноя до Авраама. В главе, посвященной этой эпохе, Августин, между прочим, высказывает сомнение в существовании «антиподов». «Хотя бы и можно было допустить (или даже как-либо доказать), что земля шарообразна, из этого еще не следовало бы, что на той стороне земли нет скопления вод; а если бы она была и свободна, — чтобы на ней были люди». Третий период — время от Авраама до Давида. Четвертый период — от Давида до вавилонского пленения — время иудейских царей и пророков. Пятый — от вавилонского пленения до Христа. Шестой начался с Христа и закончится вместе с концом истории вообще и со страшным судом; граждане «града божия» получат тогда блаженство, граждане «земного града» будут преданы вечным мучениям.

Хотя в основу периодизации мировой истории Августином положены факты из библейской истории еврейского народа, однако во многих местах он касался и событий из истории восточных народов и римлян. Рим был для Августина центром язычества и вражды к христианству. Само сочинение «О граде божием» Августин начал писать под впечатлением разгрома столицы тогдашнего мира варварами-вестготами под начальством Алариха в 410 г. Августин увидел в этой катастрофе наказание Риму за его прежнюю борьбу против христианства и начало крушения «земного града» вообще.

Несмотря на всю наивность исторической концепции Августина и баснословность приводимых им данных, «О граде божием» имело большое историческое значение как попытка дать обзор истории человечества в целом. Августин не удовлетворился отвлеченными схемами: он попытался наполнить свое построение конкретными данными. Многие из этих данных мифичны, все они взяты в тенденциозном религиозном аспекте, но все-таки мы имеем здесь дело с попыткой создать философию истории.

Августин утверждал, что в красоте и гармонии необходимы и все земные и загробные мучения людей, отверженных божественным произволом. Августин хотел отрезать всякую надежду на помилование «грешников». «Не заслуживают одобрения...— писал он,— и те, кто говорит, что милосердный бог помилует осужденных по молитвам и ходатайству святых».

Августин ревностно отстаивал право церкви на принуждение в делах веры на том основании, что принуждение к «истине» вовсе не есть насилие, а забота о благе принуждаемого.

Учение Августина получило зловещий характер, превратившись в реальность церковной практики. Так как всякий еретик будет вечно мучиться за гробом, то лучше ему претерпеть сожжение здесь, на земле (хотя и это не вполне обеспечивает его от загробных мук). Поэтому всякий не согласный с церковью пусть будет передан светской власти для наказания «по возможности милосердно и без пролития крови» (как гласила формула осуждения в средние века), т. е. будет сожжен живым. В учении Августина уже просвечивали костры инквизиции и фанатическая жестокость средневековой церкви.

Христианская церковь постепенно превратилась в огромную систему обирания и эксплуатации народных масс, дойдя до прямой торговли тем «царством небесным», которое так идеализировала «отцы церкви»; церковь стала одной из самых хищных эксплуататорских сил.

«Патристический» период есть начало многовекового господства религиозной, христианской идеологии в философии и во всей европейской культуре.

Возникшее в эпоху глубокого социального кризиса в первые века Римской империи христианство первоначально искало выхода в сфере надежд и мечтаний. Оно придало новую силу вере в бога, усилило обращение к мистике и магии и веру в чудеса, знамения, пророчества, «загробную» жизнь и воскресение тела.

Ограничена и тесна была та картина мира, какую давали людям христианские религиозные писания. Мир представлялся ограниченным как во времени, так и в пространстве. Его сотворил бог из «ничего», и он скоро погибнет. В этом тесном мире

божественные силы окружают людей плотным кольцом, ангелы и демоны наполняют мир в неисчислимом количестве. Полным нелепых вымыслов было понимание истории мира, земли и человечества. Не было правильной исторической перспективы, чувства прошлого, критического отношения к преданиям, писаниям, документам; хронология была совершенно фантастической.

Христианская церковь, искаженно отразив, как в кривом зеркале, эллинистическую культуру, сберегла ее в этом виде до нового времени, когда постепенно античная культура стала оживать в ее подлинном виде. Вклады самих патриотических писателей в науку ничтожны и не могут идти ни в какое сравнение с достижениями античного мира. Главное содержание патристики — разработка религиозной идеологии — имела для научного прогресса человечества отрицательное значение, служила орудием косности и застоя.

ГЛАВА СТО ДЕВЯТАЯ

Гибель Римской империи как неизбежный результат противоречий в развитии античной формы общины в виде полиса – государства

§ 1. Социально-экономический строй Западно-Римской империи в эпоху ее упадка

Мы подходим к завершению истории Рима. С самого начала его исследования мы раскрывали ограниченность возможностей развития общества на основе собственности каждого античного города-государства. Теперь нам остается проследить за последними столетиями умирания римской истории в силу причин, заложенных в ее зародыше - общинной форме собственности города-полиса.

§ 1. 1. Рим и Германцы

Вопрос о происхождении феодализма в Западной Европе принадлежит к самым трудным и сложным проблемам истории. Это объясняется не только отдаленностью эпохи, крайней скудостью и ненадежностью дошедших до нас источников, но и тем, что в Западной Европе феодализм возникает в очень сложной исторической обстановке. Главным осложняющим моментом здесь является то, что возникновение западноевропейского феодализма связано со столкновением двух различных общественных порядков — римского (античного) и германского.

До V в. большая часть стран, входящих в состав Западной Европы, выступает перед нами как часть Римской империи. В состав империи входили территории теперешних Италии, Испании, Португалии, Франции, Бельгии, Англии с южной Шотландией, южной Голландии, Швейцарии, юго-западный край Германии, южные части довоенной Австрии. В Римской империи эти страны были объединены в одно политическое целое со странами Балканского полуострова, Малой Азией, Сирией, Египтом и северным побережьем Африки. Средиземное море было как бы внутренним озером империи. На западе ее границей был Атлантический океан, на севере — Рейн и Дунай, на Востоке — Евфрат, на юге — африканские пустыни. Из западноевропейских стран только Германия (кроме юго-западной части), часть Голландии, Скандинавия, северная часть Шотландии и Ирландия лежали вне огромной средиземноморской империи.

Наиболее богатые и культурные части империи лежали вне Западной Европы — Греция, Малая Азия, Сирия, Египет. Из западноевропейских стран наиболее культурными были те, которые лежали на берегах Средиземного моря — Италия, Южная Франция, средиземное побережье Испании. Те страны, которым принадлежит центральная роль в

позднейшей истории Западной Европы, как Англия, Северная Франция, Германия, были в то время наиболее отсталыми, частью лежали вне империи, частью на ее окраинах.

Западные части империи начали отделяться от восточных уже в III в., и к концу IV в. политическое отделение завершается, несмотря на формальное сохранение единства империи. В V в. вторгнувшиеся на территорию Западной империи германские племена кладут конец ее политическому существованию и основывают на ее месте ряд так называемых варварских королевств, между тем как восточная часть империи, хотя и значительно сокращаясь в объеме, продолжает существовать еще почти тысячу лет.

С этим связан вопрос о том, что представлял собою общественный строй Западно-римской империи эпохи ее падения и каков был общественный строй древних германцев ко времени завоевания ими империи, в какой мере римский и германский строй отличались друг от друга и исключали друг друга. Наконец, ставится вопрос о том, что представляло собой самое завоевание. Имело ли оно характер катастрофического переворота, в корне изменившего общественный строй завоеванных стран (а также и общественный строй завоевателей), или же перед нами сравнительно мирный процесс, не внесший существенных изменений в ход общественного развития. Все эти вопросы были предметом живейших споров в буржуазной науке. Здесь нет вопроса, который не получал бы ряда разнообразных, нередко исключающих друг друга решений. В борьбе мнений по вопросу о возникновении общественного строя средневековой Европы, с необычайной выпуклостью отразилась социально-политическая и национальная борьба в среде западноевропейских буржуазных обществ XIX-XX вв. Либеральные и консервативные течения, демократические и аристократические тенденции, народнические и юнкерские симпатии, вера в прогресс и страхи перед надвигающейся революцией, враждебность к феодализму и готовность протянуть ему руку перед лицом общего врага, французский, немецкий, английский, итальянский шовинизм, ненависть к социализму и марксизму и готовность пойти с ними на некие компромиссы — все эти течения в разных комбинациях и оттенках отразились в тех страстных ученых спорах, которые велись относительно событий, имевших место полтора тысячелетия тому назад. Несмотря на то, что эти споры значительно обогатили весьма неполные исторические материалы в этой области, самый вопрос делается в буржуазной науке все более дискуссионным и запутанным.

Для марксистской науки вопрос о генезисе феодализма в Западной Европе, прежде всего, связывается с проблемой общественно-экономических формаций. Момент столкновения римского и германского миров интересует нас, как сложный узел, в котором связаны гибель античной формации, конец дофеодального, родового строя германцев и начало господства феодальной формации. Проблема «катастрофы» интересует нас в связи с проблемой о революционном, скачкообразном характере смены общественных формаций.

Вопрос о соотношениях римских и германских элементов в генезисе феодализма сводится для нас к вопросу о двойном пути происхождения феодальной формации: с одной стороны, из античной формации (Рим), с другой стороны, из доклассового общества (германцы). К моменту столкновения, как античная формация, так и доклассовое общество древних германцев уже успели значительно разложиться и проделать заметную эволюцию в сторону феодального способа производства. Но ни в одном из этих обществ мы не можем еще говорить о господстве феодальной формации. Это господство устанавливается лишь в результате германского завоевания, разбившего как античный способ производства, так и доклассовый строй древних германцев и положившего начало эпохе феодализма.

Последние века Римской империи дают нам картину разложения античной формации и постепенного созревания в ее недрах феодального способа производства. Но все же римская империя до своей гибели сохраняет характерные черты античной формации, хотя и значительно перестроенной в процессе феодализации. Сущность античной формации и сложные причины ее разложения выяснены в книгах С. И. Ковалева, прежде всего. Здесь достаточно напомнить характерные признаки разложения античного общества. Такими признаками являются прежде всего перестройка на феодально-крепостнических началах рабовладельческого поместья, упадок городов, замирение торговли, ослабление

экономической связи между отдельными частями империи, расстройство денежного обращения, переход государства к системе продовольственных налогов и пайков, другими словами — усиление натурально-хозяйственных отношений. Эти явления гораздо сильнее сказываются в западной, чем в восточной половине империи. На западе Рим и Италия теряют свое прежнее экономическое и политическое преобладание. Рим перестает быть огромным административным и культурным центром, население его сокращается в несколько раз. Основной социальной силой в римском обществе является крупное землевладение, подчиняющее своим интересам все классы общества. Крупное поместье богатого землевладельца делается основной ячейкой, вокруг которой происходит процесс перестройки всего римского общества.

Прежняя система эксплуатации поместья меняется. Рабам позволяют заводить семьи, некоторых из них сажают на землю, дают им хозяйство, ставят их в положение оброчных или барщинных крепостных. Одновременно с этим масса арендаторов и ранее свободного крестьянства попадает в положение несвободных оброчников и барщинников и закрепляется за помещиками законодательным путем. И ранее вокруг центральной части поместья, обрабатывавшейся рабами, лежали земли арендаторов, плативших оброки. Теперь эта крестьянская часть поместья расширяется, оброки и барщина зависимого крестьянства и посаженных на землю рабов начинают играть все большую роль рядом с доходами с господской земли, которая по-прежнему обрабатывается в значительной мере при помощи дворовых рабов. Феодальное поместье начинает созревать в среде античной формации. Свободное крестьянство и среднее землевладение поглощаются поместьем. Этот процесс, начавшийся гораздо ранее на экономической почве, продолжается, при возвращении к натурально-хозяйственным формам преимущественно внеэкономическим путем, путем непосредственного давления на мелкое и среднее землевладение, как со стороны самих крупных землевладельцев, так и со стороны представляющего их интересы государства. Крестьяне все более переходят на положение зависимых арендаторов — «колонов», среднее землевладение хиреет, разоряется и уступает место крупному. Крупное поместье со всем своим зависимым населением удовлетворяет большинство своих потребностей своими средствами и мало нуждается в городском ремесле и городской торговле. Наблюдается обратный процесс поглощения города деревней.

Государство является классовым органом крупных землевладельцев и служит исключительно их интересам. Подвергаясь большим опасностям со стороны внешних врагов — персов и особенно германцев, подавляя самостоятельность всех остальных классов, государство крупных землевладельцев вводит режим классовой диктатуры, ложащийся невыносимым гнетом на все остальные классы населения. Вся тяжесть налогов, возросших в огромной степени в связи с усилением военной защиты государства от внешних врагов, и борьбы с нарастающими революционными движениями, падает на крестьянство, среднее землевладение и на разоряющиеся города, довершая их разложение и окончательно загоняя население в ограду крупного поместья.

В интересах крупного землевладения проводится закрепление за помещиками зависимых крестьян-колонов, превращающихся в крепостных. Хотя они официально признаются свободными людьми, но государственное законодательство нередко сравнивает их с рабами и называет землевладельцев их господами.

Колоны прикреплены к земле и продаются вместе с землей. Они обязаны уплачивать землевладельцам натуральные и отработочные, иногда денежные ренты, не могут ничего продавать или иным образом отчуждать без ведома господина, им запрещено жаловаться на своих господ в суд (за исключением некоторых особо важных случаев). Ушедшие из поместья колоны должны насильственно возвращаться господам. Не помогает никакая давность, никакая выслуга.

Города, упадок которых представляет один из основных моментов в разложении античного способа производства, не в состоянии больше уплачивать государственных налогов. Государство крупных землевладельцев прикрепляет горожан к налоговому тяглу, насильственно заставляет более зажиточные элементы городского населения принимать

должности по администрации и взиманию налогов (связанные с ответственностью за правильное их поступление). Нуждаясь в поставщиках на армию и чиновничество, которое теперь оплачивается натурой, оно наследственно прикрепляет к профессиям всякого рода ремесленников, в первую очередь занятых в тех промыслах, которые были нужны для государства. Небольшая группа правящего класса напрягает все силы для удержания своего классового господства и для защиты от внешнего врага, не останавливаясь перед прикреплением всего населения к государственному тяглу. При этом борьба с внешним врагом очень скоро отождествилась с борьбой за классовое господство. Невыносимый гнет классовой диктатуры вызывал массовое бегство рабов и колонов из поместий, тяглого населения из городов. Иногда они образовывали разбойничьи шайки, но иногда борьба принимала характер затяжной гражданской войны, то подавлявшейся, то снова вспыхивавшей. Вооруженные отряды восставших крестьян и рабов занимали укрепленные пункты, вели военные действия, успешно сопротивлялись правительственным войскам. При этом восставшие видели в нападающих на империю германцах не врагов, а союзников и избавителей. Нередко угнетенные рабы, колоны и горожане бегут к германцам, находя в их примитивных условиях жизни избавление от гнета римской землевладельческой аристократии и проводящего ее политику государства. Усиливая армию, изыскивая все новые финансовые средства, плодя бесконечное число финансовых чиновников, крупное землевладение ведет войну и на внешнем и на внутреннем фронте и скоро оба фронта начинают сличаться.

Поместья крупного владельца пользовались рядом привилегий. Они нередко были изъяты из общей системы администрации, стояли вне муниципальных единиц, на которые была поделена империя. Крупный землевладелец сам собирал государственные налоги со своих колонов и сам ставил рекрутов, без вмешательства государственных чиновников. Землевладелец считался господином своих рабов и колонов и осуществлял над ними административную и полицейскую власть, Государственный суд и полиция, когда им надо было привлечь кого-либо из рабов или колонов к ответственности, должны были обращаться к господину. Таким образом, крупные землевладельцы осуществляли политическую власть над населением не только через свой классовый орган — государство, но и непосредственно, как носители ряда политических прав по отношению к сидящему на их земле населению. Политическая власть начинает сливаться с земельной собственностью, собственник земли делается в то же время господином сидящего на его земле населения. Другими словами, мы видим здесь начало процесса феодализации как социального, так и политического строя. Государство начинает постепенно терять свои политические права над населением, и эти права переходят непосредственно к крупным землевладельцам. Отдельные крупные земельные магнаты не считаются с интересами классового целого, ведут политику широкого земельного захвата, подчиняют себе окрестное население, обещая ему защиту от государственных налогов и чиновников. Целые деревни находят для себя выгодным отдаться под защиту магната, чтобы избежать вымогательств со стороны государства. Но, попав в зависимость от помещика, крестьянин надевает на себя не менее тяжкое ярмо. Земельные магнаты окружают себя вооруженными свитами, составленными из рабов или наемников, пользуются этими свитами для подчинения себе свободного окрестного населения и для всевозможных вымогательств, ставят себя в независимое положение по отношению к органам государства. Они окружают свои усадьбы стенами и валами, превращая их в укрепленные замки. Они заводят в своих поместьях частные суды и тюрьмы. Разлагая город, расхищая деревенскую территорию, добиваясь правдами и неправдами податных изъятий, усиливая свои политические права над населением, землевладельцы вместе с тем подрывают политическое единство империи и ослабляют ее сопротивляемость, как напору внешних врагов, так и нарастающей изнутри революции. Грозное римское государство, много веков объединявшее все страны средиземноморского мира, начинает распадаться. Германское завоевание, разбившее диктатуры римского крупного полурабовладельческого, полуфеодального землевладения и уничтожившее ненавистный всем орган этого землевладения — римское государство, с его системой финансового гнета и общего

прикрепления, - было принято большинством населения с облегчением и встретило прямую поддержку в развивавшемся внутри империи революционном движении рабов и колонов. Германское завоевание стало возможным вследствие внутреннего разложения античного общества и государства.

Что же представляли собой эти германцы, какие причины толкали их на завоевание империи и какой общественный строй они туда принесли?

О древних германцах нам известно не много. Основными источниками здесь являются известия о германцах, имеющиеся в сочинениях римских и греческих писателей. Среди них на первом месте стоят «Записки о галльской войне» знаменитого Юлия Цезаря (середина I в. до н. эры) и «Германия» Тацита (конец I в. н. эры). В этих сочинениях приведено много сведений о германцах, но эти сведения часто неточны и неясны, даны в очень краткой форме, часто идут из вторых рук. При этом античные писатели нередко подчинялись приемам, уже ранее выработавшимся в географической и этнографической литературе для описания варварских народов, а также ставили себе определенные социальные, политические и моральные цели, заставлявшие их нередко неправильно накладывать свет и тень на изображавшуюся ими действительность. Поэтому здесь приходится осторожно проверять одни сведения другими и очень внимательно вчитываться в лаконические формулировки древних писателей. Кроме того необходимо привлечение еще ряда вспомогательных методов. Важнейшим из них является сравнительно-исторический. Изучение общественного строя малокультурных племен, находящихся приблизительно на той же стадии общественного развития, что и древние германцы, бросает свет на ряд особенностей Германского общественного строя. Общие теории, устанавливаемые современной этнологией путем сравнительного изучения, должны быть применены и к разрешению трудных вопросов, касающихся древних германцев. Другим методом является метод ретроспективный. Мы можем делать заключения о тех или иных сторонах строя древних германцев, исходя из анализа германского общества в более позднее и лучше нам известное время. За последние десятилетия сделала большие успехи археология, позволяющая установить уровень материальной культуры древних германцев. Известные заключения можно сделать из лингвистических данных, из сопоставления ряда хозяйственных терминов в разных германских и близких к ним языках. Наконец, данные исторической географии позволяют установить ту естественную обстановку, в которой жили древние германцы. Все эти методы, взятые порознь, не дают вполне точных и неоспоримых данных. Заключения можно делать лишь из комбинированного их приложения и из проверки их данными известий античных писателей.

В начале н. эры главная масса германцев жила в средней Европе между Рейном, Дунаем, Карпатами, Вислой, Балтийским и Северным морями. Но эта граница была очень неустойчива и легко перемещалась. Историко-географические данные позволяют нам думать, что эта территория не представляла тогда сплошного болотистого леса, каким ее иногда рисуют античные писатели, жители сухого и бедного лесом юга. Лесов было больше, чем в настоящее время, но имелись также обширные степные и лесостепные пространства, удобные для скотоводства и земледелия. Древние писатели согласно указывают на преобладающее значение скотоводства в хозяйстве древних германцев. Цезарь отмечает, что они мало занимаются земледелием и питаются главным образом продуктами скотоводства. Тацит указывает на обилие скота у германцев и на то, что скот был «единственным и самым приятным для них видом богатства». Но археологические и лингвистические данные не оставляют сомнений в том, что германцам давно было известно и земледелие, и притом не в примитивной форме мотыжного земледелия. Германцы знали плуг и пользовались для пахоты рабочим скотом. Они возделывали ряд хлебных злаков и некоторые стручковые растения.

Оставленные нам описания германского земледелия заставляют думать, что оно было весьма экстенсивным: землю обрабатывали один год или несколько лет подряд, а потом забрасывали ее и переходили на другое место. Подобного рода система была возможна при

обилии свободных земель. Вследствие этого не устанавливалось прочных связей с почвой, и германские племена легко снимались с места и уходили со своими стадами и прочим имуществом в случае голодовок, в поисках лучших мест для поселения или спасаясь от опасного врага. Все, что нам известно о древних германцах, рисует сравнительно слабую заселенность страны и слабую связь населения с землей. Германцы находятся в процессе непрерывных переселений и передвижений. Из своей основной территории они расселяются на север в Скандинавию, потом на восток, занимая огромные степные пространства до Дона и Черного моря. Они непрерывно стучатся в восточные и северные границы империи. Античные писатели отмечают чрезвычайную воинственность германцев, их готовность к военным походам, их стремление добывать богатство войной и грабежом. Все это характерные черты народов, еще не приобретших прочной оседлости.

Германцы селились родами и родовыми союзами. Цезарь говорит, что у них не было «частных и отдельных полей», другими словами, не было частной собственности на землю и, по-видимому, также и частного пользования землей. Частые перемены мест обработки, вызванные принятым у германцев способом земледелия, не позволяли создаваться длительному владению землей. Стада, составлявшие главное богатство германцев, паслись сообща в лесах и полях. Все это дает картину общинного владения землей. Родовая община у германцев находится, однако, уже в процессе разложения и в ней начинают намечаться черты будущего феодального строя. Начала отслаиваться аристократия, владевшая большим количеством скота и получавшая при переделах земель более крупные участки. Она начинает, по - видимому, осваивать землю в частное владение, выделенное из общинного. У аристократии мы находим рабов. Тацит отмечает, что германцы эксплуатировали их не так, как римляне, их сажали на землю, давали им дом и хозяйство, и раб уплачивал за его оброк хлебом и одеждой. В подобной же зависимости от аристократии находился также класс полусвободных (литы). Есть указание на то, что и свободные германцы делали аристократии известные приношения хлебом и скотом. Германская аристократия была очень воинственна и считала войну самым благородным занятием. Самые богатые и знатные окружали себя дружинами, вместе с которыми ходили в походы. Дружины эти вербовались из числа свободных германцев. Служба в них считалась почетной, в них вступали и знатные юноши. Дружина была обязана по отношению к своему вождю верностью, а вождь оказывал дружинникам покровительство и давал им коней, оружие, пропитание и долю в добыче.

Мы можем таким образом говорить о начале процесса феодализации в германском обществе: военная аристократия, дружины, посаженные на землю и платящие оброк несвободные — все это элементы, из которых начинает складываться феодальное общество. Но не следует преувеличивать значение этих элементов и видеть у германцев сложившееся феодальное поместье. Основу германского общественного строя все еще представляла масса простых и свободных родичей-воинов, не втянутых в процесс феодализации, хозяйственно-самостоятельных, лично участвовавших в войнах и походах. Мы наблюдаем у германцев лишь начальные стадии процесса перехода от доклассового к классовому обществу. В германских обществах все еще сильны старинные родовые связи. Родовая группа защищала жизнь и имущество своих сочленов, мстила за их убийство. Родовая месть была широко распространена среди германцев. Но постепенно она уступала место выкупу. Убийца должен был платить роду убитого выкуп, так называемый «вергельд». Родовые связи выступают и на войне — члены рода в сражении образуют особые отряды. Род имел известные права и на имущество своих сочленов: никто не мог завещать своего имущества на сторону в ущерб родственникам.

Родовые связи лежали также в основе поселения. Германцы селились деревнями, состоявшими обычно из разбросанных дворов. У жителей деревни были, несомненно, свои общие дела, которые можно было разрешать только на общем сходе жителей деревни. Несколько деревень составляли округ (носивший иногда название «сотни»). Жители округа также собирались временами на общую сходку. На этих сходках занимались главным образом судебными делами. Важнейшие судебные дела решались на общем собрании целого племени. Суд в те времена носил преимущественно сакральный, колдовской характер.

Виновность устанавливалась путем гадания, произнесения торжественных заклинаний, путем магических испытаний. Судили на основании старинных, изустно сохранявшихся обычаев.

Вместе с началом развития классового общества появляются и зачатки государства, построенного на классовом начале. Из числа богатых выходят старшины рода и племени. Главным органом племени была сходка всех свободных зонной, но на этой активная роль принадлежала аристократии, которая предварительно обсуждала дела и предлагала их на решение сходки, и последняя шумом выражала свое согласие или несогласие. Из среды аристократии выходили и предводители в военных предприятиях племени. Власть предводителя была временной и кончалась вместе с окончанием того предприятия, для которого он был выбран. Но в условиях частых войн военным предводителям иногда удается сделать свою власть постоянной, добиться которой некого звания и даже иногда основать свою династию. Так аристократизация германского общества вместе с условиями военного быта приводит к образованию постоянной монархии, которая постепенно устанавливается у большинства германских племен.

Это общая характеристика германского общественного строя. Но надо помнить, что германцы представляли ряд племен, находившихся на разных ступенях общественного развития. Тацит отмечает разнообразие быта отдельных племен. Процесс классового расслоения и политической организации у одних племен мог зайти дальше, чем у других.

У германцев не было городов в собственном смысле этого слова, понимая под городами центры промышленной и торговой деятельности. Существовали самое большее мелкие укрепленные пункты, служившие убежищем от нападений. Они могли быть также местами народных собраний и культа. Промышленная работа была связана с сельским хозяйством и производилась дома. Германцы знали тканье и окраску шерстяных и льняных тканей, некоторые племена красиво и искусно выделывали меховые одежды. Все это, вероятно, было делом женщин. Производилась глиняная посуда. Германцам издав-на было известно добывание некоторых металлов (особенно Железа, меди и серебра), которыми была очень богата их родина и которые можно было добывать самыми примитивными орудиями. Обработка металлов стала делом деревенских кузнецов. Издавна вываривалась соль в местностях, где имелись соляные источники. На берегах Балтийского моря собирали янтарь. Соль и металлы были предметом внутреннего обмена.

Племена, жившие по соседству с римлянами, должны были в той или иной мере ощущать на себе влияние римской культуры. У германцев была принята римская монета, римские купцы скупали у германцев рабов, скот, кожи, меха, соль в обмен на продукты промышленности, главным образом металлические и стеклянные изделия и вино. Вдоль по границе, которая шла по Рейну и Дунаю и между верховьями этих рек далеко заходила на германскую территорию, выросло много римских городов — теперешние Майнц, Кельн, Страсбург, Вормс, Шпейер, Трир, Аугсбург, Регенсбург, Вена. Эти города были проводниками римских товаров и римской культуры в толщу германских племен. Пограничные германские племена учились у римлян разведению плодовых деревьев, заимствовали их земледельческую технику, технику обработки металлов и изготовления тканей. Но общение между римским и германским мирами далеко не всегда выливалось в мирные формы. Давно начались вооруженные столкновения между империей и германскими племенами или племенными федерациями. Не говоря уже о тех столкновениях, которые вызывались переселениями, на той стадии общественного развития, на которой находились германцы, война была естественным способом международного общения и приобретения нужных продуктов. Уже в конце II в. до н. эры кимвры и тевтоны напали на южную Галлию и северную Италию. Цезарю приходилось бороться с германцами, стремившимися утвердиться на территории Галлии. Этот напор не прекращается и становится опасным для империи, особенно с конца II и начала III в. н. эры. В процессе переселений и длительной борьбы с империей мелкие германские племена сплачиваются в крупные племенные союзы с герцогами или королями во главе. Напиравшие на границы племена требовали у империи земель для поселения. Иногда их требования выполнялись; нуждавшееся в военной силе

государство поселяло их в пограничных полосах на положении союзников («федератов») с тем, чтобы они брали на себя защиту границ. Иногда покоренных варвар пересаживали большими массами в опустошенные местности империи, чтобы дать земле новых работников и армии новых солдат. Нередко поводом к переселению были неурожаи и голодовки, которые тогда случались очень часто. Большие народные передвижения в восточной Европе (сарматов, гуннов, славян) также отражались на германцах, вытесняя некоторые племена с насиженных мест. Переселенцев привлекала империя, знакомая по торговым и военным сношениям; слухи о необыкновенном плодородии римских земель, рассказы о необычайных богатствах, собранных в городах империи и особенно в Риме, разжигали воображение воинов, мечтавших о земле и о грабеже. И вот мы видим, как все новые волны германцев ударяются о римскую границу, порой перекатываются через нее, пока, наконец, внутреннее разложение и революционное брожение в империи не позволяют им окончательно размыть эту границу. [73]

§ 1. 2. Римская империя в IV веке и ее политическое расчленение

Римская империя к IV в. представляла собой громаднейшее разноплеменное государство, пределами которого на севере были Черное море, Дунай, Рейн и остров Британия (за исключением современной Шотландии), на западе - Атлантический океан, на юге и юго-востоке - Сахара, Аравия и Нубия и на востоке Евфрат.

В западной части империи получила распространение преимущественно римская культура и латинский язык; в восточной части господствовали греческая образованность и греческий язык. Основной массой населения западной части, подвергшейся влиянию латинской культуры, были варвары - галлы (кельты и иберы), издавна населявшие области между Рейном, Средиземным морем, Альпами и Пиринеями. Они населяли также Британские острова и проникли позднее в Испанию (кельтиберы).

Западная часть Римской империи состояла из следующих областей: собственно Италия (основное ядро империи), затем Галлия (ныне Франция), Испания, Британия (ныне Англия), Африка (северо-западная ее часть), Норик и Реция (области от Дуная к Италии), Паннония и Иллирия (первая между Дунаем и Альпами, вторая далее, вплоть до Адриатического моря).

На востоке, где преобладало греческое население, и эллинская культура пустила глубокие корни еще со времен Александра Македонского, римская образованность, но не встретила благоприятных условий распространения. Культурный центр Востока - Александрия стала рассадником греческого влияния в науке, искусстве, философии, как Рим был центром латинского влияния. Расчленение империи на два культурных комплекса, которые в дальнейшем определили особенности культурного развития Западной и Восточной Европы, имело глубокие исторические корни и объясняется особенностями экономического уклада этих двух половин гигантской монархии. Последнее вызвало также и политическое расчленение империи на две части. Хозяйственный упадок, разорвавший экономические связи Востока и Запада, вызвал после смерти Феодосия, так называемого Великого (395 г.), окончательный распад государства на две части - Западно-Римскую и Восточно-Римскую империи; но уже при Диоклитиане и Константине началось это расчленение. Тогда еще империя была разбита на четыре префектуры: Италию, Галлию, Иллирию и Восток, которые делились на диоцезы, а последние на провинции.

Экономически и политически изолированная от Запада, Восточно-Римская империя стала развиваться самостоятельно. В то время как Запад после падения Западно-Римской империи переживал глубокий хозяйственный и культурный упадок. Византийская империя обнаружила успехи экономического и культурного роста и просуществовала до XV века.

---

[73]См.: Вайнштейн О. А., Косминский, Феодализм в Западной Европе, Часть первая, 1932, с. 3 - 36.

§ 1. 3. Основное противоречие экономики Римской империи в эпоху упадка

Мы напоминаем читателю, что природа есть процесс процессов. История в этом отношении, как часть природы – не исключение. Процессы в природе и истории человечества проявляются как единство и борьба двух противоположностей. Нарушения этого единства в развитии выступают как противоречия, способные разрушить любое общество. Среди суммы противоречий в каждой формации есть основное, самое существенное, самое скрытое противоречие и ряд вытекающих из него производных противоречий. Историки античности, владеющие научным пониманием истории, стремились их раскрыть. Поэтому к их выводам мы и обратимся.

Завоевательная политика невероятно расширила пределы империи и повлекла за собой значительные изменения в хозяйственном и общественном строе. Удачные походы заканчивались присоединением все новых и новых областей, которые становились объектами беспощадной эксплуатации и грабежа.

Колоссальные богатства скоплялись в Риме. Верхушка земельной и денежной аристократии сосредоточила в своих руках громаднейшие земельные владения и значительные капиталы.

Широкие массы римского населения, однако, мало выиграли от побед римского оружия. Паразитическая римская чернь (люмпен-пролетарии), жаждавшая хлеба и зрелищ, еще получала кое-какие жалкие подачки. Трудовые же массы мелкого крестьянства и городских ремесленников поставлены были в еще более тягостные условия, повлекшие за собой в дальнейшем их обнищание и полное разорение. «Римская империя,- по словам Энгельса, - превратилась в гигантскую сложную машину исключительно для высасывания соков из подданных». Совсем другое мы увидим у германцев. Там очень быстро появится свободный от родовы связей феодал и крестьянин.

Победы и захват новых областей вызвали массовый приток пленных, которых обращали в рабство. Невероятная дешевизна рабской рабочей силы способствовала образованию грандиозных рабовладельческих хозяйств.

Крупные землевладельцы на своих латифундиях широко использовали труд тысяч пленных рабов и могли сбывать на рынке свои продукты по низкой цене. Мелкие производители - крестьяне не в состоянии были выдержать конкуренции с латифундиями и разорялись пополняя собой кадры люмпен-пролетариата. Кроме того, крестьян слишком часто отвлекали от хозяйства, заставляя участвовать в далеких походах. Разорялись и городские ремесленники, не выдержав конкуренции с дешевым рабским трудом в городских промышленных предприятиях. Обогащение господствующих классов империи происходило одновременно с разорением трудовых масс, и никакие попытки социальных реформ не могли спасти крестьянство и мелких городских производителей от полного обнищания. Войны и победы принесли богатство чиновничеству, богатым землевладельцам, откупщикам, всякого рода дельцам и нищету трудящимся массам.

Средиземноморское побережье, объединенное под властью Рима, образовало громадный рынок, втянув в торговые связи отдаленнейшие области. Помещичьи хозяйства, производившие хлеб, городские промышленные предприятия, наконец, плантационные хозяйства, применяя рабский труд, сбывали свою продукцию и получали богатую прибыль.

Времена республики и первые два века принципата (I и II вв. н.э.) были эпохой подъема империи, но этот подъем не имел под собой прочной экономической базы: он был временным результатом хищнической политики захватов и грабежей. За счет разграбления завоеванных стран выросли богатства Рима. С III века н.э. империя начинает уже клониться к упадку и затем терпит крушение под напором варваров.

Что же было причиной гибели мирового государства и великой культуры?

Латифундии погубили Италию, а также и провинции, говорил современник той эпохи Плиний. Он был прав. Империя погибла потому, что латифундии с рабским трудом разрушили здоровую социальную империю.

Система рабовладельческого хозяйства вытеснила свободный труд крестьянина и ремесленника.

Общество всё более диференцировалось на две основные группы - кучку имущих классов, сосредоточивших в своих руках все богатства страны, и миллионы разрозненной бедноты, люмпен-пролетариата и рабов. Средние слои - крестьянство и ремесленники - разорились и отошли в лагерь люмпен-пролетариата. Страна утратила здоровые трудовые элементы общества.

Рабовладельческое хозяйство не могло быть прочной базой экономического и культурного прогресса, оно не имело перспектив для развития, вследствие отсутствия возможнрстей к техническому прогрессу и низкой производительности труда. История даёт нам много примеров, доказывающих, что общество, опирающееся на рабский труд, тем самым осуждено было на гибель.

Внутренние противоречия системы рабовладельческого хозяйства погубили империю, разрушили базу, на которую она опиралась. «Там, где рабство является господствующей формой производства, говорит Энгельс, - там труд становится рабской деятельностью,… благодаря этому закрывается выход из подобного способа, в то время, как с другой стороны, требуется устранение его, ибо для развития производства рабство является помехой. Всякое основывающееся на рабстве общество гибнет от этого противоречия».[74]

С тех пор, как Рим нашёл опору своего материального благосостояния в эксплуатации рабского труда, войны сделались экономической необходимостью. Они давали пленных, пополнявших убыль рабской силы в хозяйствах, вследствие большой смертности рабов от бесчеловеческого обращения с ними. Таким образом, экономическое благополучие импеоии было обусловлено постоянными победоносными войнами. Однако рабство с каждым годом подрывало военную мощь страны. Разорив свободное трудовое население, оно ослабило силу железных легионов, комплектовавшихся раньше главным образрм из крестьян. Теперь римские войска значительно утратили свои высокие качества, но, главное, они комплектовались теперь уже из пришлых и чуждых элементов - преимущественно из наемников-германцев, которым приходилось выступать против своих единоплеменников. Такие войска были малонадежны и особенно малопригодны для целей завоевательной политики.

Рим уже перешел от нападения к обороне. Римская армия теперь едва сдерживала натиск воинственных соседей, коими раньше пополнялись кадры рабов. Сократился приток пленных, и рабские хозяйства, испытывая недостаток в рабочей силе, начали приходить в упадок. По словам Сальвиоли, «на экономический упадок империи повлияло много причин, и среди тех, которые преобразовали систему сельского хозяйства и промышленности, в первую очередь нужно поставить прекращение ввоза рабов».

Недостаток рабской силы, военные неудачи; а также сокращение рынка в связи с разорением населения, вызвали острый кризис рабовладельческого хозяйства и уже с III века нашей эры повергли страну в полный хозяйственный упадок. По словам Энгельса, «всеобщее обеднение, ухудшение путей сообщения и сношения, упадок ремесла, искусства, уменьшения населения, упадок городов, возвращения земледелия на низшую ступень - таков был результат римского мирового господства».

Современники единодушно рисуют картину распада и запустения. Григорий Великий отмечает, что пашни всюду заброшены их возделывателями. Павел Диакон говорит о полном упадке римских городов, многие разрушены и превращены в деревни - местожительство сельского населения.

Гигантское государство с широкими торговыми связями шло к гибели. Ослабели экономические связи, объединявшие отдаленные области. Провинции становились все более обособленными друг от друга и экономически, и культурно, и политически. Замерла промышленность и торговля, и империя стала постепенно переходить от сложной системы рабовладельческого хозяйства к натуральному, замкнутому хозяйству. Возврат к

[74] См., Энгельс Ф. Диалектика природы.

натуральному хозяйству особенно виден был в реорганизации налоговой системы. Денежные повинности повсюду стали заменяться натуральными. Провинции платили свои подати хлебом, маслом, вином, соленым мясом и так далее. Жалованье чиновникам и армии выплачивалось также натурой из государственных магазинов в виде годовых съестных запасов, а, кроме того, для оплаты высшего служебного персонала практиковались пожалования земель, домов или ценных подарков.

У государства уже не было единой казны, а лишь магазины, наполненные различными припасами, откуда производились выдачи.

Политическое расчленение империи на Западную и Восточную и дробление ее на ряд более мелких административных единиц свидетельствовало о полном распаде гигантского экономического организма, выросшего вокруг Средиземноморского бассейна. Теперь каждая область замкнулась в себе и стремилась самостоятельно удовлетворять свои потребности. Уже не было никаких предпосылок для широких меновых отношений, поскольку исчезла специализация производства по районам, и повсеместно господствовало земледелие.

§ 2. Начало разложения крупных рабовладельческих имений, их деление на мелкие хозяйства колонов со II века нашей эры

По-видимому, уже во II веке рабский труд не оправдывал себя, а сокращение подвоза рабов мало-помалу привело к отказу от самостоятельной эксплуатации имения владельцем. Сперва встречаются попытки сдачи всего владения в аренду одному лицу; но эта форма аренды не дала выхода из кризиса крупных хозяйств; арендатор (conductor) сталкивался с теми же трудностями в ведении хозяйства, что и владелец, так как он являлся лишь его заместителем. Поэтому, на смену крупного рабовладельческого хозяйства явилась форма мелкого и среднего землепользования. Помещики стали сажать рабов на отдельные участки земли в качестве самостоятельных хозяев; с этим соединяется явление массового отпущения рабов на волю. Все имение теперь стало дробиться на участки, раздававшиеся в аренду малоземельным и обезземеленным крестьянам. Таким образом, арендная форма землепользования (особенно мелкая и средняя) - колонат, стала уже к концу II в. господствующей формой аграрных отношений Римской империи. Аренда колонов была в двух формах - денежной и натуральной, причем последняя, с развитием колоната, вытеснила первую. Высота арендной платы колебалась в зависимости от спроса на землю; например, в провинции Африке, плодородной и густо населенной, арендаторы отдавали владельцам треть урожая; та же, приблизительно, плата была Северной Италии; в пережившей значительный хозяйственный упадок Греции арендная плата была гораздо ниже; местами же колоны даже ничего не платили землевладельцу, так как последнему была выгодна хотя бы поддержка хозяйства в его владениях. Аренда обыкновенно была краткосрочной (обычно пять лет). Однако, отношения свободной аренды не удержались в Риме. При общем падении доходности земледелия, помещик старался извлечь, возможно, большие доходы из своих имений, и поэтому требовал от арендатора значительного хозяйственного напряжения. Указанный выше характер аграрной техники делал мелкое хозяйство очень неустойчивым. Колоны быстро входили в долги помещикам. В обеспечение долга последний имел право залога на хозяйственный инвентарь, и вообще на собственность арендатора. Таким образом, юридически свободные колоны, сплошь и рядом, фактически находились в экономической кабале у землевладельцев, так как весьма распространенным явлением была невозможность уплаты долгов. В такую экономическую зависимость от помещика попадали все более и более широкие слои колонов. Общая неустойчивость экономических отношений, в том числе и аграрных, приводит мало-помалу правительство империи к юридическому закабалению колонов. Сперва следует юридическое прикрепление к земле, затем административное подчинение помещикам; процесс кончается и политическим подчинением колонов последним, то есть крепостнические отношения вполне фиксируются законом. Последнее относится к IV веку, но корни крепостнических отношений идут значительно глубже этого

времени. Полукрепостнические отношения наблюдаются в начале III в., на так называемых сальтусах (saltus): так назывались обширные незанятые пространства земли, которые лежали вне приписанных к городам территорий и были изъяты из ведения городской администрации. Здесь возникали латифундии; владельцы их ввозили сюда рабов, привлекали колонов. Ввиду положения сальтусов возникал вопрос об администрации внутри них. Экономическая мощь владельцев таких латифундий способствовала тому, что в их руки попадало управление, местная полиция и суд (низший) на территории сальтусов; такие отношения были узаконены государством. Таким образом, помещик становится посредником между населением латифундии-сальтуса, в том числе и свободными колонами, и государством.

§ 3. Экономика и социальные отношения IV в. н. э.

В хозяйстве и общественных отношениях IV в. находят полное развитие те процессы и тенденции, которые уже ясно намечались в конце II в. и о которых мы говорили выше. Революция только ускорила все эти процессы. «Доминат» являлся надстройкой над своеобразной системой натурально-замкнутых и крепостнических отношений римской империи IV в.

Денежное хозяйство в IV в. почти совершенно исчезает. Система налогов окончательно переходит на натуральные поставки и повинности. В соответствии с общим падением товарности хозяйства, происходит окончательная натурализация всех видов жалованья. Только самые крупные чиновники и высший командный состав получают жалованье деньгами. Остальные снабжаются продуктами, одеждой, обстановкой. Снабжение происходит из государственных магазинов-складов, куда свозят натуральные поставки от населения империи.

Рынок сужается до размеров узкого городского рынка. Его емкость во много раз падает, в связи с чем города превращаются в чисто административные и военные укрепленные пункты. Это находит отражение и в архитектуре городов: в них появляются мощные оборонительные сооружения, уменьшается количество площадей и т. д. Территории городов сокращаются в несколько раз.

Римские города (особенно в западной половине империи) перестают быть торгово-промышленными центрами. Городские классы населения — ремесленники, торговцы, денежные капиталисты — почти исчезают. Города поглощаются деревней, римская империя аграризируется. За время гражданских войн III в. сильно выросло частное крупное землевладение за счет уменьшения императорских доменов. Появилось много новых крупных землевладельцев, вышедших из рядов армии. Уже в эпоху ранней империи крупное землевладение было социально и экономически господствующей силой, но к IV в., благодаря аграризации империи, оно еще более выросло и окрепло, несмотря на часто имевшую место персональную смену его представителей. Крупные землевладельцы и являлись подлинными «господами жизни» и правителями империи в эпоху последней «стабилизации». Поместья теперь окончательно теряют характер старых латифундий, теряют централизованный характер. Рабы в старом смысле слова остаются только в домашнем хозяйстве и в ремесле. В земледелии же их целиком сменяют колоны. Мы видели, что еще в III в. колоны фактически уже были кабальными холопами, кабальными должниками крупных землевладельцев. В дальнейшем этот процесс только оформился юридически.

В течение IV и V вв. императорское правительство издает ряд эдиктов, которыми все более и более стесняется свобода колонов в их переходе с места на место. Какими мотивами руководилось правительство, издавая эти эдикты?

Большинство колонов под тяжестью все растущих налогов бежит от своих владельцев куда глаза глядят, чаще всего к варварам. Насколько бегство к варварам было распространенным явлением в эпоху поздней империи, показывают слова римского писателя V в. Сальвиана: «А между тем бедные разграбляются, вдовы стонут, сироты угнетены до того, что многие, принадлежа к хорошей семье и получив отличное воспитание, бывают

вынуждены искать убежища у врагов римского народа, чтобы не сделаться жертвой несправедливых преследований; они идут искать у варваров римского человеколюбия, потому что не могут перенести у римлян варварской бесчеловечности... Единственная и всеобщая мечта римского простонародья состоит в том, чтобы жить с варварами».

Но не все колоны могли бежать к варварам. Часть из них перебегала к другим землевладельцам, и интересно отметить, что колоны преимущественно перебегали от мелких землевладельцев к крупным. Это происходило потому, что крупный землевладелец меньше считался с центральной властью.

В IV в. поместья превращаются почти в самостоятельные политические единицы. Помещики возводят укрепленные виллы, окружают себя целыми армиями и очень часто встречают «в штыки» появляющихся на их территории сборщиков императорских податей и налогов. Таким путем крупные землевладельцы, становясь целиком на частно-правовую точку зрения, не дают правительству обирать своих колонов; а так как центральное правительство было слабо, то обычно оно ничего не могло поделать с крупными земельными магнатами. В результате колонам на землях этих последних жилось лучше, чем на землях мелких и средних собственников, которые не могли охранить от центральной власти своих колонов.

Именно этим и объясняется тяга колонов к крупным помещикам. Сплошь и рядом эти последние прямо сманивали колонов к себе, путем предоставления им различных льгот, так как проблема рабочей силы стояла тогда очень остро.

Конечно, правительству необходимо было бороться с этим явлением, так как оно дезорганизовало всю налоговую систему. К тому же правительство не могло не считаться с жалобами мелких и средних землевладельцев, которые страдали от отсутствия рабочих рук.

Все эти причины объясняют нам, почему фактическое закрепощение колонов в IV и V вв. получает юридическую санкцию.

Но закрепощение не ограничивалось только колонами, а распространялось и на другие группы населения. Решающее значение имели здесь интересы фиска, стоявшие в центре внимания всей внутренней политики поздней империи. Каждый человек, как определенный объект налогового обложения, должен был иметь свое место, и это место он не мог покинуть.

С этой целью в IV в. правительство окончательно закрепощает коллегии ремесленников, торговцев, судовладельцев. Когда-то эти коллегии были свободными союзами (в конце республики и начале империи они были даже запрещены). Теперь правительство не только их легализирует, но делает обязательными. Ремесленник не может покинуть своей коллегии; за это клеймят железом. Прикрепление к коллегии делается наследственным, так как дети должны заниматься той же профессией, что и отец. Коллегии становятся правительственными организациями, с назначенными правительством старшинами и с солидарной ответственностью за выполнение натуральных поставок и повинностей.

Ремесленники прикрепляются также к государственным мастерским. В обстановке общего краха старой системы римское правительство для покрытия хотя бы части своих потребностей вынуждено организовать крупные государственные мастерские, где работают частью рабы, частью прикрепленные к ним ремесленники. Иногда такие мастерские носят централизованный характер, иногда они организованы по типу домашнего производства, когда сырье раздается на дом ремесленникам, прикрепленным к данной мастерской. Положение «свободных» ремесленников в таких государственных мастерских ничем не отличается от положения рабов: их клеймят и подвергают другим наказаниям, вплоть до смертной казни.

Закрепощение охватывает и армию: должность солдата становится наследственной. И, как это ни странно, своеобразные крепостнические отношения распространяются даже на верхушку городского населения. Богатые жители провинциальных городов составляли особую группу куриалов (от слова «курия» — городской, муниципальный совет). Муниципальные советы городов пополнялись путем выборов из числа наиболее богатой

части горожан, куриалов. Раньше, во время расцвета Рима, должность куриала считалась почетной. Она была, конечно, бесплатной и требовала, наоборот, расходов со стороны самих куриалов на представительство и пр. Тогда богачи охотно играли роль «отцов города». Но все изменилось к IV в. Так как собирать налоги с городов становится все труднее и труднее, ибо торговля и ремесла падают, и города оказываются систематическими недоимщиками, то правительство обязывает куриалов покрывать недоимки из их собственного кармана. Должность куриала делается из почетной весьма неприятной, тем более, что иногда приходится не только страдать карману, но и платить за недоимки своей головой. Вот почему начинаются массовые отказы куриалов занимать должности муниципальных советников. Тогда правительство прикрепляет куриалов к куриям, делая их должности наследственными в определенных семьях и наказывая за уход из курии так же, как за бегство из коллегии.

В какой мере крепостнические отношения поздней империи можно рассматривать как зарождение в рамках рабовладельческого общества отношений феодальных? Этого вопроса неоднократно касался Энгельс в «Происхождении семьи». Он говорит: «Преобладала... сдача этих мелких парцелл колонам, которые уплачивали ежегодно определенную сумму, были прикреплены к земле и могли быть проданы вместе со своей парцеллой; они, правда, не были рабами, но и не признавались также свободными, не могли вступать в брак со свободными, и браки их между собою не считались законными, но рассматривались, как и браки рабов, как простое сожительство (contubernium). Они были предшественниками средневековых крепостных. В «Юридическом социализме» Энгельс еще более уточняет свою мысль: «Развитие римского сельского хозяйства, — говорит он, — в эпоху императоров вело, с одной стороны, к расширению пастбищного хозяйства на огромные пространства и к обезлюдению страны, с другой стороны, к раздроблению имений на мелкие арендные участки, заселенные колонами. В результате этого развития получило преобладание карликовое хозяйство зависимых крестьян, предшественников более поздних крепостных, получил преобладание, таким образом, способ производства, в котором уже в зародыше содержался способ производства, ставший господствующим в средние века[75]. Таким образом, Энгельс рассматривал колонат как переходную форму от рабства к феодальному крепостничеству. Это — модифицированная форма рабства, в которой содержался зародыш феодальной эксплуатации. Поэтому и всю общественную систему IV в. мы должны рассматривать как рабовладельческое общество в стадии глубокого разложения, где уже складывались предпосылки и элементы новой общественной формации.

§ 4. Развитие феодальных начал в Римской империи в период ее упадка, как стремление разрешить сложившиеся противоречия

Уже первые признаки упадка империи обнаружили существование начал, открывавших путь к феодализму. По источникам легко проследить, как распадавшаяся рабовладельческая система уступала дорогу феодальному строю, и античный способ производства заменялся феодальным.

На протяжении многих десятков лет эпохи упадка империи рабский труд постепенно был вытеснен крепостным трудом, крупные латифундиальные рабовладельческие хозяйства сменились типичным поместным хозяйством, возникли характерные для феодализма условные формы землевладения и система господства и зависимости по земле. Политический строй, и военная организация также приобретали все боле феодальный характер

[75] Ф. Энгельс, Юридичеокий социализм, «Под знаменем марксизма», № 1, 1923, стр. 57.

В Римской империи господствовала система рабовладельческого хозяйства. Латифундии обслуживались почти исключительно рабским трудом. Однако общий экономический упадок и неудачные войны ослабевшей империи вызвали сокращение притока рабской силы и заставили крупных землевладельцев искать иных способов эксплуатации земельных богатств.

Теперь было целесообразнее дробить владения на мелкие участки, сдавая их в аренду безземельным людям. Свободный мелкий арендатор при этом обыкновенно получил ссуду и хозяйственный инвентарь, за то, что и нес установленные повинности. Это были так называемые колоны. Они, не будучи в состоянии расплатиться, обыкновенно принуждены были удлинять сроки своих договоров и постепенно становились фактически прикрепленными к земле. В конце концов, фактическое прикрепление получает от государства и юридическое признание и тем официально ставит колона в положение крепостного.

В 332 году Константин (так называемый Великий) издает запрещение перехода от одного помещика к другому и объявляет колона неотъемлемой принадлежностью занятого им участка. Закон Анастасия в V веке постановляет, что свободный поселенец, просидевший на положении колона на участке до 30 лет, навсегда является с ним связанным. То же происходит и на государственных землях. Таким образом, повсеместно ранее свободные поселенцы (coloni liberi) превращаются в крепостных (coloni originarii).

Но, кроме свободных поселенцев, превратившихся затем в крепостных, землевладельцы селили на участках и своих рабов, которые, ведя личное хозяйство за установленные повинности, тоже фактически оказываются на положении крепостных.

Государственная политика, содействовавшая систематическому закрепощению свободного населения, диктовалась не только интересами класса крупных землевладельцев, но и интересами государственного фиска. Правительство делало помещиков ответственными за своевременное поступление платежей с населения и для этого ставило их в положение фискальных агентов и представителей власти на местах.

Характерной чертой социальных отношений феодальной эпохи было господство принципа личной зависимости и договорных отношений - вассалитета и коммендации. С подобным же явлением встречаемся мы и в Римской империи эпохи упадка. Изнемогая под бременем тяжкой эксплуатации, население стремилось уйти от власти вездесущих чиновников. Многие, жертвуя своей независимостью, находили защиту и покровительство у крупных магнатов, отдельных представителей привилегированной землевладельческой аристократии, облеченной большими полномочиями по отношению к местному населению. Упадок центральной власти сделал земельную аристократию в значительной мере независимой по отношению к правящему центру. Под ее власть отдавали себя многие, иногда передавая и свои земельные участки, на которых оставались сидеть в качестве колонов. Таким образом, только так можно было укрыться от бдительного ока императорского чиновника или застраховать себя от жестокого произвола местного владыки, от которого нельзя было искать защиты. Этот частноправовой институт личной зависимости получил название патроната. Римские магнаты стремились численно увеличить свою клиентелу, привлекая к себе и лиц более высокого общественного положения, которым сулили поддержку на поприще служебного продвижения. Количество клиентелы служило признаком силы и влияния патрона. С упадком политической мощи империи все более усиливалась власть магнатов, и вместе с тем развивался и патронат. Легко заметить, что патронат, в сущности, вполне соответствует феодальным институтам - коммендации и вассалитету. Развитие патронатных отношений свидетельствовало о начале феодализации империи. Бесконечные войны, связанные с вторжением германцев в империю и ее падением, сделали отношения личной зависимости уже всеобщим и повсеместным явлением.

Наиболее характерным явлением феодального порядка можно считать существование условных форм владения или, точнее, пользования землей. Тот же самый участок земли одновременно мог находиться под верховной властью сеньора (dominium eminens sive directum) и фактическом распоряжении у его вассала (dominium utile), который в свою

очередь мог передать его целиком или частично своему вассалу. Это право пользования обусловлено было определенными платежами или службой, прекращение которых влекло изъятие земли из рук пользователя.

Большое значение в деле подготовки феодализма сыграли две формы условного владения землей, которые были раньше совершенно неизвестны в Римской империи – это эмфитевзис и прекарий (особенное развитие получили в V веке). Хозяйственный упадок, вызвавший запустение земель, заставил государство отдавать бессрочно эти бездоходные земли крупным собственникам с условием произвести мелиорацию. Здесь поместье на долгое время освобождалось от поземельного налога и повинностей, но в дальнейшем эти земли должны были стать источником определенных платежей в казну. Это была вечная аренда, основанная на праве пользования. По примеру государства церковь и частные лица - крупные землевладельцы - отдавали свои земли в пользование нуждающимся. Это так называемый прекарий - установление частноправового порядка. По письменной просьбе просителя (charta precaria - отсюда прекарий) землевладелец мог дать письменное согласие на использование своей земли просителем, у которого, однако, он мог при желании всегда отнять ее. Государство никак не защищало интересов получателя земли. Последний должен был аккуратно нести свои повинности и, в конце концов, оказывался на положении зависимого.

Очень часто задолжавшие бедняки, взяв ссуду и не будучи в силах расплатиться, в уплату отдавали свою землицу и получали ее обратно в пожизненное пользование. После их смерти земли окончательно отходили к крупному землевладельцу.

Как условные формы землевладения, так и самая организация землевладельческого хозяйства Римской империи эпохи упадка во многом напоминают явления феодального мира Западной Европы. Латифундии с рабским трудом повсюду уступили постепенно дорогу типичному поместному хозяйству, опиравшемуся на труд крепостного виллы IV века: вилла состоит их двух неравных частей - земли помещичьей и крестьянских наделов. В центре находится барская усадьба с укрепленным жилищем, наподобие средневекового замка. Вокруг него расположены земли, эксплуатируемые непосредственно владельцем. Далее идут наделы бывших рабов, посаженных на землю, и наделы свободных, но прикрепленных к земле колонов; затем тянутся леса, пустыри, пастбища, которые использовались всеми по мере надобности, хотя верховное право на них принадлежало помещику.

Падение империи было вызвано, как выше отмечено, глубоким хозяйственным регрессом. Монархия с развитым денежным хозяйством и широкими торговыми связями пришла в расстройство. Провинции экономически обособлялись друг от друга, и общество вернулось к примитивным формам натурального хозяйства с повсеместным господством земледелия. Экономический упадок вызвал ослабление центральной власти и политическую децентрализацию. В связи с этим невероятно усиливается власть на местах. Помещик-магнат (vir potens) фактически становится уже верховным владыкой своей области. Он уже управляет и судит в своей области, назначает священников и даже епископов. Не подчиняясь юрисдикции наместника провинции, он старается и все население изъять из-под власти государственных чиновников. Мелкие владельцы отдавали таким помещикам-магнатам свои земли, свободные превращалось в подданных такого могущественного человека, которому удалось и юридически закрепить свое положение получением иммунитета.

Наконец, и военная охрана сосредоточивается в руках крупных помещиков. Ослабевшее государство уже не в состоянии организовать военную силу для защиты страны и появляются военные дружины - «сухарники» (bucellarii), собранные отдельными военными руководителями. Солдаты обязаны хранить верность своему вождю, от которого получают содержание и даже земельные пожалования.

Легко заметить, что помещики, получая иммунитеты и превращаясь в верховных правителей своих областей, сделались уже типичными феодалами; военная организация тоже приобрела феодальный характер. Наконец, и хозяйственные условия (натуральное хозяйство) тоже стало типичным для феодализма.

Так развились феодальные порядки в Италии и тех областях распавшейся Римской империи, где преобладало туземное население, и где германцы растворились в общей массе аборигенов. В условиях завоевания империи варварами, «которые вдохнули новую жизненную силу в тело умирающей Европы», процессы распада античного общества стали, таким образом, процессами феодализирующего характера.

§ 5. Причины падения античного мира, заложенные в форме собственности городов-государств, как разновидности общин

Рассматривая данный вопрос на основании советских учебников времен сталинизма и КПСС, мы ничего конкретного в ответе на него не найдем.

Совсем другое дело, когда мы рассматриваем историю человечества как единый, непрерывный, саморазвивающийся процесс. Изучая историю, как естественный процесс, мы видим, что история человечества - это, не какое - то прямое направление развития. Не все народы идут прямой дорогой в будущее. Есть у истории и тупиковое движение, и даже возвращение на исходные позиции, пусть даже с приобретением огромного опыта, изобретением новых орудий производства, общественных отношений.

История Греции и Рима в этом отношении весьма поучительна.

Все народы, как мы уже частично проследили, при выходе на ступень цивилизации продолжают свое движение с общинной формы собственности. Выступая зародышем, началом нового развития, не всякая община выводит народы на новый этап развития. Восточная, азиатская община долгое время может существовать, не нарушая своего состояния, целостности. Выше мы это проследили.

Совсем другой результат движения, развития греческой и римских общин, как городов-полисов. Они медленно и неуклонно движутся к саморазрушению и гибели. Лишь германские община, в силу своих особенностей, как мы вскоре увидим, обеспечивает благоприятные предпосылки для развития феодализма и из него - капитализма. И к этому мы в свое время подойдем.

Но сейчас нас интересует причины гибели античной формы собственности, античных общин, сложившихся в города-государства.

История человечества, как и любой организм, включая - социальный, может развиваться лишь благодаря благоприятным условиям для развития производства, соответствующих производительных сил и соответствующему им разделению труда. Иначе народы определенных регионов заходят в тупиковое состояние, сотни лет топчутся на одном и том же месте, пока соседи не нарушат это кризисное состояние.

Греция и Рим оказались именно в таком положении. Современному исследователю легко делать вывод и на опыте развития народов за последние две тысячи лет, прошедших в постоянных поисках выходов из противоречий, оплаченных неисчисленным количеством войн и человеческих жертв. Такова плата человечества за возможность научного обобщения всего опыта истории. И мы часто эту историю не ценим, стремимся из своей головы дать практике людей надуманные обобщения, выводы.

Из опыта последующей истории развития человечества хорошо видно, куда шло развитие человечества в целом и что мешало Греции и Риму успешно идти по этому пути.

Дальнейшее движение античных народов, на пути развития к более сложным формациям, требовало, прежде всего, перехода от производства потребительских товаров к меновому производству, производству товаров для обмена, а не личного и даже коллективного потребления.

Что стояло преградой на этом пути, то и является причинами разрушения и гибели античных городов-государств, античной формы собственности. Для этого мы должны вновь кратко рассмотреть общее в развитии этих народов, а также отклонения, которые нарушили

стабильное состояние внутри общины, между ее гражданами, пусть даже эта община деформировалась в Римскую империю.

Вспомним, как все начиналось в городах-полисах Греции и затем Рима. В отличие от общин Востока, где собственность общины была лишь владением отдельного лица, в городах-полисах античности собственность отдельного человека не является собственностью общины. Общинная собственность, в качестве государственной собственности - отделена здесь от частной собственности.

В Греции и Риме, в государствах-общинах существовало взаимное отношение между свободными и равными частными собственниками, которые имели наследственные личные земельные участки и общинные в форме ager publicus. Общинный строй покоится здесь на взаимоотношениях друг с другом членов общины, использованием государственной земли, «ager publicus» для общих потребностей, общими обязанностями по защите города, земель всех общинников и так далее.

Гарантией благополучного существования такой общины является сохранение равенства между образующими и самостоятельно обеспечивающими свое существование крестьянами. Все, что нарушает сохранение равенства между общинниками и приводит к постепенному разрушению города-государства, как общины и постепенно ведет к его гибели. Так всё и произойдёт здесь. Постоянный передел общинной землы, гражданские войны из-за её, приводили застою общества, повторению некоторых восточных и своих, специфически античных противоречий, которые погубили античность.

И избавиться от таких последствий город-государство не может. Об этом говорит история всех значительных городов-государств Греции и Рима. Само производство, рост населения, мало-помалу неизбежно расшатывают общинное равенство жителей городов-государств. Все попытки разрешить противоречия, складывающиеся в этих государствах безуспешны. Общинный строй гибнет вместе с теми отношениями собственности, на которых он был основан. Поэтому причины гибели античных государств-общин необходимо раскрывать с самого начала их истории.

Выхода из этих противоречий в движении по пути феодализма и тем более капитализма в Греции и Риме нет в силу объективных причин существующих в особенностях античной собственности и уровне развития производительных сил, степени наличия торговли на основе менового производства, наличия денежного богатства и так далее.

Изменяя свое отношение к общине, отдельный человек изменяет тем самым общину и действует на нее разрушающе. Точно так же он действует и на ее экономическую предпосылку. Военное дело, завоевания, обнищание подрывают реальные связи, на которых община покоится. Основой жизни и развития общины является воспроизводство заранее данных, естественно сложившихся, исторически возникших, традиционных отношений отдельного человека к его общине и определенное, для отдельного человека предопределенное, объективное существование как в его отношении к условиям труда, так и в его отношении к своим товарищам по труду, соплеменникам и так далее.

В силу всего указанного, община, общинные отношения, как основа существования всех и каждого отдельного человека с самого начала существования городов-общин, носят ограниченный характер. Устранение этих ограничений, переход за их границы вызывает упадок общины, ее разрушение и гибель. Вот в этом процессе и нужно искать причины гибели античной собственности, цивилизации, государств.

Поэтому гибель римлян, как и греков, необходимо искать в развитии рабства, концентрации земледелия в руках немногих богатых собственников, росте обмена, подрывавшего равенство общинных крестьян-воинов, в денежных отношениях, в завоеваниях других территорий, от которых богатела верхушка городов-полисов, переделах общинной земли путём гражданских войн.

До известного момента все указанные элементы казались совместимыми с основой общинного общества, отчасти как будто лишь расширяли города-полисы невинным образом, отчасти казались простыми злоупотреблениями, развившимися из этой основы - города-полисы с его античной формы собственности. Здесь, в пределах определенного круга, может

иметь место значительное развитие. Мы можем его проследить из истории Афин и Рима. Здесь возможно появление крупных личностей в различных областях деятельности. Но в античной форме собственности, оформившейся в города-полисы общинного содержания немыслимо свободное и полное развитие ни индивида, ни общества, так как такое развитие находится в противоречии с его первоначальным отношением между индивидом и обществом-общиной. Совсем иное мы увидим у германцев.

Важным мерилом прогресса, развития любого народа является критерий богатства, место богатства, его формы в целях и смысле существования обществ.

Чем же является богатство в общечеловеческом смысле развития прошлого, настоящего и будущего? Если отбросить даже ограниченную, буржуазную форму, богатство является универсальностью потребностей, способностей, средств потребления, производительных сил, и так далее,- индивидов, созданного универсальным обменом. Богатство, - писал Маркс, - является полным развитием господства человека над силами природы естественной, так и силами его собственной природы. Богатством является абсолютное выявление творческих дарований человека без каких-либо других предпосылок, кроме предшествующего исторического развития, делающего самоцелью эту целостность развития, то есть развития всех человеческих сил как таковых, безотносительно к какому бы то ни было заранее установленному масштабу. Человек здесь не воспроизводит себя в какой-либо одной только определенности, а производит себя во всей своей целостности, он не стремится оставаться чем-то окончательно установившимся, а находится в абсолютном движении становления.[76]

Ничего в таком направлении становления богатства мы не найдем в истории Греции и Рима. Капиталистическая экономика ведет к полнейшему опустошению, отчуждению, ниспровержению общечеловеческого становления богатства общества и индивида, ради некоторой совершенно внешней цели - прибавочной стоимости.

На фоне капиталистического производства младенческий античный мир, действительно возвышеннее современного во всем том, что научное понимание считает общечеловеческим богатством. Древний мир более возвышеннее, чем современный, во всем том, в чем стремятся найти законченный образ, законченную форму и заранее установленное ограничение. Он дает удовлетворение с ограниченной точки зрения, тогда как капиталистическое состояние мира не дает удовлетворения, оно пошло.

Но и на пути становления экономического богатства Греция, Рим, Византия не идут вперед, переходят от экономики города к селу.

У греков и римлян промышленность считалась пагубным занятием, делом вольноотпущенников, клиентов, чужеземцев и так далее. Это развитие производительного труда (освобождающегося от исключительного подчинения земледелию в качестве домашнего труда свободных людей, изготовлявших орудия для земледелия и войны, или в качестве промышленности, направленной на удовлетворение нужд религиозного культа и всей общины, например, строительство дорог храмов), неизбежно совершающееся благодаря сношениям с чужеземцами, благодаря рабам, стремлению обменивать свой прибавочный продукт и так далее, - в крушении античного мира, его собственности, государства.

Древние, которым никогда не удавалось выйти за рамки собственно городского художественного ремесла, никогда не могли, поэтому создать крупной промышленности.

Ее первой предпосылкой является вовлечение всей страны в производство не потребительных, а меновых стоимостей. Стекольные, бумажные фабрики, железоделательные заводы и так далее, не могут работать цеховым способом. Они требуют массового производства, сбыта на широком рынке, денежного богатства в руках предпринимателя (не то, чтобы он создавал условия, - он не создает ни субъективных, ни объективных условий, но при прежних отношениях собственности и прежних производственных отношениях невозможно соединить вместе эти условия)[77].

---

[76]См.: Маркс К., Энгельс Ф., Соч.,т.46, часть I, с. 475-476.

[77] См.: Маркс К., Энгельс Ф., Соч., т.46, ч. I, с. 503.

Само денежное богатство, - писал Маркс, - вместе с тем является одним из агентов этого разложения (общинной собственности - В.Ц.) точно так же, как это разложение является условием денежного богатства в капитал.

Однако одного только наличия денежного богатства и даже достижения им в известной мере господства отнюдь недостаточно для того, чтобы произошло это превращение в капитал. В противном случае Древний Рим, Византия и так далее, закончили бы свою историю свободным трудом и капиталом или, вернее, начали бы тем самым новую историю. Там разложение старых отношений собственности тоже было связано с развитием денежного богатства – торговли. Однако это разложение вместо того, чтобы привести к развитию промышленности, фактически привело к господству деревни над городом.

Совершенно другие результаты развития даст германская форма собственности в лице германской общины. Именно на ее основе история человечества пойдет ускоренными темпами по пути феодализма, а из него - к капитализму. Вскоре мы все это проследим[78].

§ 6. Германское завоевание империи

Поселенные на границах для защиты империи германцы оказывались опасными защитниками. Они пользовались каждым удобным случаем для захвата новых земель, для грабежа. Но иногда их выступления имеют характер восстаний. Большую роль в этом сыграло стремление империи подчинить их своему общественному и государственному режиму, включить их в систему античного хозяйства и государства. Столкновения поселенных на пограничных территориях германцев с империей часто принимали характер военных бунтов, вызванных притеснениями правительства. Этим бунтам подавало руку непрекращавшееся в империи революционное движение среди рабов и колонов, страдавших под тяжестью господского и государственного ярма. Для примера мы рассмотрим историю поселения на территории империи одного из германских племен — вестготов. Германские племена, известные под именем готов, во II-III вв. расселились в степных пространствах между Днестром и Доном. Потом они отняли у империи Дакию (нынешняя Румыния). Они делились на вестготов (западных готов), живших на запад от Днестра, и остготов (восточных готов). В конце IV в. готам нанесла страшный удар двигавшаяся из Азии орда кочевников — гуннов. Вестготы с разрешения императора Восточной Римской империи переселились за Дунай, на территорию нынешней Болгарии. Им была поручена защита границы. Притеснения римских чиновников, которые стремились обратить вестготов в рабов и колонов, вызвали среди них восстание, к которому присоединилось много бежавших римских рабов и колонов. Весь Балканский полуостров подвергся страшному разгрому. Чтобы успокоить вестготов, правительству пришлось пойти на ряд уступок. Вскоре у вестготов появляется свой король (Аларих); под его предводительством они идут на Константинополь, берут с этой столицы восточной империи огромный выкуп, потом грабят села и города Греции. Тогда вестготам уступают одну из плодороднейших провинций империи — Иллирию — и передают в их распоряжение все продовольственные магазины и арсеналы этой провинции. За это они обязались нести в пользу империи военную службу. Но вместо того они вскоре двинулись на разграбление Италии. К ним присоединялись и другие германские отряды, состоявшие на службе империи. Их с трудом удалось отбить, да и то ценой концентрации почти всех наличных военных сил империи. Для этого пришлось совсем эвакуировать римские войска из Британии и открыть Рейнскую границу. Этим воспользовались другие германские племена для вторжения в империю. Вскоре вестготы вторично напали на Италию. К ним во множестве бежали италийские рабы и колоны. Вестготы трижды осаждали Рим и наконец, взяли его при помощи римских рабов и подвергли страшному разграблению. Оттуда они двинулись в южную Италию, собирались переправляться в Сицилию и Африку. Это им не удалось, и они перешли в

[78] См.: История Древнего мира, Под ред. В. Н. Дьякова и Н.М. Никольского, М., 1952, 781с.

южную Галлию. Там они осели в большой и богатой провинции Аквитании (между Пиренеями, Атлантическим океаном и Гаронной). Это вестготское королевство в Аквитании было первым «варварским» королевством на территории империи. Вестготы считались имперской армией, король их считался императорским наместником, но на самом деле они были совершенно независимы. Они завоевывают часть Испании, расширяют свои галльские владения до Альп. Для поселения они взяли у местного населения две трети земель, главным образом из императорских имений и из крупных поместий римской знати. «Где теперь богатства сильных? — восклицает галло-римский современник. — Тот, чья сотня плугов распахивала землю, с трудом добывает волов для обработки поля».

Это был разгром крупного римского землевладения, хотя и далеко не полный. Римская знать нередко приспособлялась к новым условиям, заискивала у варварских королей и продолжала существовать и в германских королевствах. Масса населения приветствовала в германцах избавителей от невыносимого гнета. Ряд римских писателей V в. (Сальвиан Марсельский, Орозий, Павлин) утверждает, что положение римского населения в землях, оккупированных готами и другими германскими племенами, было гораздо лучше, чем в империи, и что римский плебс (простонародье) в этих землях боится, как бы ему не пришлось опять попасть в римское подданство. Угнетенные рабы и колоны бегут из римских земель к варварам. И в процессе образования других варварских королевств мы наблюдаем тесное переплетение германского завоевания с классовой войной внутри Империи. Бургунды, поселившиеся в качестве римского вспомогательного войска сначала на левом берегу Рейна, потом в Савойе, занимают ряд римских земель по приглашению населения, желавшего избавиться от фискального гнета. Бургунды, также как и вестготы, взяли в свою пользу 2\3 земель, главным образом из владений казны и крупных собственников («сенаторов Галлии», по словам современника). Всюду германское вторжение развязывало гражданскую войну. В Галлии усиливается крестьянское движение, направленное против помещиков, которые принуждены отдавать ставшим часть своих земель. Во всех городах Галлии были сторонники варварского владычества, в осажденных городах вспыхивали восстания рабов, а восставшие крестьяне искали помощи у германцев и даже у страшных гуннов, которые в V веке занимали теперешнюю Венгрию и оттуда опустошали земли империи. Германский вождь Одоакр, покончивший с властью римских императоров в Италии, опирался не только на германцев, но и на восставших крестьян римских провинций. Остготы, занявшие Италию в конце V в., путем ряда повторных раздач разоряли крупные поместья римских магнатов и насаждали мелкую собственность. Остготские короли издали ряд законов, облегчавших положение колонов. Насколько борьба империи с варварами переплеталась с классовой войной, видно из того, что восточные императоры, отнявшие у остготов Италию (553), первым делом восстановили прежних владельцев и отменили законы, облегчавшие положение трудящихся. Даже на жестоких л а н г о б а рд о в, вторгшихся в Италию» VI в., трудящиеся классы смотрели как на своих избавителей. И рабы и свободные бежали к лангобардам, чтобы избавиться от гнета крупных римских землевладельцев. Всего радикальнее римские порядки были опрокинуты англосаксами в Британии и франками в Бельгии и Сев. Франции. Впрочем, в этих странах античный способ производства был и раньше мало развит, и в туземном населении преобладали полуродовые-полуфеодальные отношения. В этих странах (также как и в германских землях, не входивших ранее и состав империи), всего чище сохранились черты старинного германского общественного строя.

К концу V в. вся западная половина империи распалась на ряд варварских королевств. Распадение Западной империи было революционным завершением длительного процесса внутренней перестройки римского общества. Оно явилось не только политическим распадением империи, которое больше всего бросается в глаза при изучении этой эпохи, но и окончательным крушением античной формации в западной части Римской империи. Римское крупное землевладение подверглось разгрому. Значительная часть земель римских магнатов перешла в руки германцев, частью раздробилась между простыми свободными воинами,

частью досталась германской военной аристократии, причем прежние отношения рабства и крепостничества в этих владениях не могли удержаться в прежнем виде. Вероятно, лучше всего старые отношения сохранились на землях церкви. Старое, крупное полурабовладельческое, полукрепостное поместье в новой общественной среде или гибнет, или окончательно перестраивается на феодальной основе. Огромную роль в этом сыграла также гибель античного государства, стоявшего на страже старого способа эксплуатации. Сопровождался ли этот социальный переворот гибелью античной культуры и особенно техники? Этот вопрос в последнее время был поставлен некоторыми историками, утверждавшими, что не было никакой культурной катастрофы и что римская техника и римская культура были в основном сохранены германцами. Это утверждение мало согласуется со свидетельствами современников, отмечающими страшный разгром, учиненный германцами как во время их набегов на империю, так и при их расселении по ее территории, хотя конечно в этих рассказах может быть не мало преувеличений. Можно согласиться с тем, что германцы меньше всего тронули трудящиеся классы, которые нередко были их союзниками. Но разгрому подверглись поместья богачей и города, а там главным образом и сосредоточивалась и культура, и промышленная техника. Глубочайший упадок виден с VI в. и в технике, и в искусстве, и в литературе, и в языке, не говоря уже оправе и законодательстве, принимающих грубые и примитивные формы сравнительно с последними веками римской империи. Правда, остатки старой культуры продолжают существовать и в «варварском» обществе, и их можно насчитать очень много. Эти остатки иногда продолжают (оказывать известное воздействие и на общественное развитие, но это развитие происходит уже на совершенно новых основах.

Не менее значительны были и те перемены, которые испытало германское общество в процессе завоевания и расселения. Во время переселений, походов, завоеваний и поселения в римских провинциях германцы подвергались процессу коренной общественной перестройки. Во время передвижений образуются большие союзы из отдельных племен и обломков племен. В войнах они терпят иногда очень значительный урон, но пополняются переходящими на их сторону германскими отрядами на римской службе, а также пристающими к ним римскими рабами и колонами. Все это приводит к тому, что прежние родовые и соседские организации, бывшие основой германского общественного строя и дававшие защиту своим членам, спутываются и распадаются, а их место все больше заступают организации, связанные с военным бытом. Начинает играть крупную роль военный предводитель союза — король, военная аристократия со своими дружинами усиливается и богатеет во время захвата земель и дележа добычи. Дружинная связь с военным предводителем все более заменяет старинные родовые связи. При поселении на местах, где уже давно установился режим крупных поместий, германская аристократия отчасти становится наследницей римской. Большие императорские владения попадают в руки королей, которые делятся ими с военной аристократией, с вождями дружин. Усиление власти короля выдвигает и его дружинников в ряды аристократии. Они получают от короля земельные пожалования в виде вознаграждения за свою службу.

Таким образом, в процессе войн, переселений и образования новых государств быстро двигается вперед феодализация германских обществ. Завоевание и расселение ослабляет старую родовую общину, усиливает позиции военной аристократии, создает в небывалых ранее у германцев размерах крупное землевладение и таким образом подготовляет условия для быстрой феодализации германских обществ. Уцелевшие остатки крупного римского владения и римских социальных отношений должны были еще усилить и ускорить этот процесс. Дольше всего старые до-феодальные отношения сохранились у племен, не выходивших в своих передвижениях за пределы старой германской территории, или поселившихся на окраинах римской империи, где влияние всех указанных факторов сказывалось слабее. Там процесс роста аристократии, разложения родовой общины и поглощения независимого крестьянства крупным землевладением шел медленно.

Поселившиеся среди населения бывшей Римской империи германцы постепенно сливаются с ним, усваивают его язык и религию. Так было на территории современной

Италии, Франции, Испании. Осевшие здесь племена лангобардов, франков, бургундов, вестготов потеряли родной язык и стали говорить на местных наречиях латинского языка. Из бывших провинций империи наиболее германизована была Британия, которая была занята германцами в V в. после того как римляне увели оттуда оккупационную армию для борьбы с вестготами. Германизованы были также те части нынешней юго-западной Германии, которые входили в состав Римской империи. И теперь французы, итальянцы, испанцы говорят на «романских» языках, происшедших от провинциальных наречий латинского, а немцы, скандинавы, голландцы, англичане — на германских языках. Одновременно с усвоением известных элементов культуры коренного населения германцы оказывали на последнее значительное влияние в смысле общего понижения культурного уровня, который и раньше в широких массах был не высок; культура в римском обществе была достоянием лишь господствующих классов. Мы можем говорить о «варваризации» Европы. В общем, остатки римской культуры лучше уцелели в средиземноморских странах — в Италии, Южной Франции, Испании, чем на северных окраинах прежней империи.

§ 7. Общество IV—V вв.

В IV и V вв. общественное развитие империи неуклонно продолжалось в том направлении, которое наметилось еще задолго до этого. Во второй половине IV в. окончательно складывается своеобразная система натурально - замкнутых и крепостнических отношений поздней империи. Окончательный упадок торговли находит свое выражение в натурализации всех видов государственных платежей: налогов, военного жалования и т. п. Рядовые чиновники и солдаты снабжаются продуктами, одеждой, обстановкой. Все это они получают из государственных складов, куда свозятся натуральные подати населения. Только высший командный состав и самые крупные чиновники получают часть жалованья деньгами.

Торговля сужается, почти не выходя теперь за рамки местного городского рынка. Поздне-римские города получают совершенно иной вид, чем прежде, — это скорее крепости, чем торгово-промышленные поселения: их территория сильно сокращается, они обносятся крепкими стенами, количество площадей в них уменьшается и т. д. Центр тяжести хозяйственной жизни империи целиком переносится в деревню. В области аграрных отношений окончательно восторжествовал колонат. В течение IV и V вв. произошло юридическое оформление того прикрепления колонов к земле, которое фактически существовало уже раньше. Рядом императорских эдиктов постепенно была стеснена свобода перехода колонов от одного владельца к другому, и они превратились в настоящих крепостных. Одной, из важнейших причин, заставлявших римское правительство прикреплять колонов к земле была страшная текучесть населения. Положение низших и средних слоев города и деревни было настолько тяжелым, что люди были готовы бежать куда угодно, лишь бы избавиться от налогов, от притеснения чиновников, от долгов. И бежали преимущественно к варварам. Один римский писатель V в. оставил нам яркую картину этого бегства:

«А между тем бедные разграбляются, вдовы стонут, сироты угнетены до того, что многие, принадлежа к известной фамилии и получив хорошее воспитание, бывают вынуждены искать убежища у врагов римского народа, чтобы не сделаться жертвою несправедливых преследований: они идут искать у варваров римского человеколюбия, потому что не могут перенести у римлян варварской бесчеловечности. Хотя они чужды варварам, к которым бегут, и по нравам, и по языку, хотя их поражает грязный образ жизни варваров, но, несмотря на все это, им легче привыкнуть к варварскому быту, нежели переносить несправедливую жестокость римлян. Они идут на службу к готам или багаудам, или к каким-нибудь другим повсюду господствующим варварам и не раскаиваются в своем поступке. Они предпочитают жить свободно, нося звание рабов, нежели быть рабами, сохраняя одно имя свободных».

Но не всегда можно было бежать к варварам. Многие укрывались под защитой богатых землевладельцев. Чтобы понять это, надо ясно представить себе, во что превратилось в IV в. крупное поместье, — это нечто, весьма мало похожее на старую рабовладельческую латифундию. Поместье IV в . — почти самостоятельная, не только экономически, но и политически, единица. Его владелец — маленький государь, царствующий над своими колонами и рабами. Он живет в укрепленной вилле, окруженный целой армией вооруженных слуг, и весьма мало считается с центральной властью, особенно с ее налоговой политикой. Во всяком случае, не в его интересах допускать, чтобы императорские чиновники разоряли его колонов. Вот почему собирать общегосударственные налоги с населения крупных поместий — далеко не легкая задача. Естественно поэтому, что колоны очень охотно переходили с земель мелких и средних землевладельцев на земли крупных: там они могли найти хоть какую-то защиту от агентов правительства.

Текучесть населения расстраивала всю налоговую систему империи. В обстановке натурализирующегося хозяйства тщательный учет каждой платежной единицы являлся необходимым условием. Всякий человек должен был прочно сидеть на своём месте и платить то, что с него причиталось. Поэтому колоны прикрепляются к земле, ремесленники, обязанные вносить налоги изделиями своего ремесла, прикрепляются к своим коллегиям; профессии делаются наследственными, так что сын должен заниматься тем же, чем занимался его отец.

Благодаря обнищанию населения и упадку торговли, ремесла сильно сокращаются. Правительство не в состоянии покрыть полностью потребности в снабжении армии и чиновничества ремесленными изделиями. Поэтому оно вынуждено организовывать государственные мастерские, где работают прикрепленные к ним ремесленники и рабы. Положение тех и других почти совершенно одинаково: их клеймят и подвергают телесным наказаниям.

Крепостнические отношения распространяются почти на все виды деятельности: на торговлю, военную службу (наследственные военные колонисты в пограничных районах), на службу по городскому самоуправлению и т. д. Если Диоклециан и Константин на несколько десятков лет отсрочили окончательный распад империи, то этого удалось достичь только ценой подавления революционного движения и нового напряжения всех сил трудового населения империи. Крепостничество IV в. являлось выражением этого колоссального напряжения, происходившего в условиях политической реакции и полного крушения старых хозяйственных связей рабовладельческого общества. Но такое напряжение было последним. Внутреннее и внешнее положение империи во второй половине IV в. дошло до такой степени остроты, что новый взрыв стал неизбежным.

Энгельс дал классическое описание римского общества накануне его гибели: «По всем странам бассейна Средиземного моря в течение столетий проходил нивелирующий наструг римского владычества. Там, где не оказывал сопротивления греческий язык, все национальные языки должны были уступить место испорченному латинскому; исчезли все национальные различия, уже не существовало больше галлов, иберов, лигуров, нориков — все они превратились в римлян. Римское управление и римское право повсеместно разрушили древние родовые союзы, а вместе с ними и последние остатки местной и национальной самодеятельности. Новоиспеченное римское гражданство ничего не предлагало взамен; оно не выражало никакой национальности, а было лишь выражением отсутствия национальности. Элементы новых наций были повсюду налицо... Но нигде не было налицо силы, способной создать из этих элементов новые нации; нигде еще не был и следа способности к развитию, силы сопротивления, не говор уже о творческих способностях. Для громадной массы людей на огромной территории единственной объединяющей связь служило Римское государство, которое со временем сделалось ее злейшим врагом и угнетателем. Провинции уничтожили Рим; Рим сам превратился в провинциальный город, подобный другим, — привилегированный, но уже переставший господствовать, переставший быть центром мировой империи, утративший свое значение резиденции императоров и их наместников, которые жили теперь в Константинополе, Трире,

Милане. Римское государство превратилось в гигантскую сложную машину исключительно для высасывания соков из подданных. Налоги, государственные повинности и разного рода оброки погружали массу населения во все более глубокую нищету; этот гнет усиливали и делали невыносимым вымогательства наместников, сборщиков налогов, солдат. Вот к чему привело римское государство с его мировым господством: свое право на существование оно основывало на поддержании порядка внутри и на защите от варваров извне, но его порядок был хуже злейшего беспорядка, а варваров, от которых оно бралось защищать граждан, последние ожидали как спасителей.

«Состояние общества было не менее отчаянным. Уже начиная с последних времен республики римское владычество основывалось на беспощадной эксплуатации завоеванных провинций: империя не только не устранила этой эксплуатации, а, напротив, превратила ее в систему. Чем более империя приходила в упадок, тем выше становились налоги и повинности, тем бесстыднее грабили и вымогали чиновники... Всеобщее обеднение, сокращение торговых сношений, упадок ремесла, искусства, уменьшение населения, упадок городов, возврат земледелия к более низкому уровню — таков был конечный результат римского мирового господства...

«...Основанное на рабском труде хозяйство латифундий перестало приносить доход... Мелкое хозяйство снова сделалось единственно выгодной формой земледелия. Одна вилла за другой подвергались разбивке на мелкие парцеллы, которые передавались наследственным арендаторам, уплачивающим определенную сумму, или дольщикам — partiarii, которые были скорее управителями, чем арендаторами, получая за свой труд одну шестую, а то и всего лишь девятую часть годового продукта. Преобладала же сдача этих мелких парцелл колонам, которые уплачивали ежегодно определенную сумму, были прикреплены к земле и могли быть проданы вместе со своей парцеллой; они, правда не были рабами, но и не считались свободными, не могли вступать в брак со свободными, и их браки между собою не считались законными, а рассматривались так же, как и браки рабов, как простое сожительство (contubernium). Они были предшественниками средневековых крепостных.

«Античное рабство пережило себя. Ни в крупном сельском хозяйстве, ни в городских мануфактурах оно уже не приносило дохода, оправдывающего затраченный труд, — рынок для его продуктов исчез. А в мелком земледелии и мелком ремесле, к которым свелось громадное производство времен расцвета империи, не было места для большого числа рабов. Только для рабов, занятых в домашнем хозяйстве богачей, и для таких рабов, которые служили богачам предметами роскоши, оставалось еще место в обществе... Рабство перестало окупать себя и потому отмерло. Но умирающее рабство оставило свое ядовитое жало в презрении свободных к производительному труду. То был безвыходный тупик, в который попал римский мир: рабство сделалось экономически невозможным, труд свободных морально презирался. Первое уже не могло, второй еще не мог сделаться основной формой общественного производства. Вывести из этого положения могла только коренная революция».

В конце IV в. возникает новый революционный кризис, но на более широкой, чем раньше, основе. Эта основа создается благодаря втягиванию в революционное движение все более широких масс колонов, рабов и крепостных ремесленников. Вместе с тем растет напор варваров и создается тесное объединение их с восстающими трудовыми слоями империи. Варвары прочно оседают на римской территории. Солдатские бунты, столь типичное явление в III в., теперь теряют свои характерные черты. Военные реформы IV в. почти совершенно стерли разницу между пограничными войсками и местным населением, а прогрессирующая варваризация армии все более и более уничтожала противоположность между теми, кто защищал империю, и теми, кто нападал на нее.

Это создало предпосылки для перехода революционного движения в революцию и окончательного торжества ее: «Революция рабов ликвидировала рабовладельцев и отменила рабовладельческую форму эксплуатации трудящихся».

§ 8. Агония Римской рабовладельческой империи и ее падение

Последние 150 лет существования Римской империи были временем ее мучительного умирания. На территории объединенного ею рабовладельческого Средиземноморья после смерти Константина (337 г.) происходил процесс дальнейшего разложения рабовладельческого способа производства, ослабления рабовладельческих слоев, все растущего революционного движения низов и вторжения варварских народов, постепенного образования в ее провинциях многочисленных инородных государств с иным господствующим классом и иным, уже не рабовладельческим строем жизни. Рабство, правда, продолжало еще долго существовать, но из основы прогресса общества оно уже давно стало главным его препятствием; рядом с ним все большее значение постепенно стали получать другие общественные отношения — крепостнические, или, как их стали позднее называть, феодальные.

Закрепощение населения империи в IV и V вв. продолжалось все нарастающим темпом. Рядом правительственных распоряжений, обычно касавшихся отдельных провинций, устанавливается постепенно для всей территории империи взгляд на колонов, как на наследственных «рабов земли» (servi terrae), а на владельцев земли, как на их естественных «господ» и «покровителей». Однако, так как на первом месте для государства стояли многочисленные натуральные подати земледельцев, в особенности «поголовщина», а также разные государственные трудовые повинности («фискалии») — по постройке дорог, ямская, по обслуживанию государственных заводов и пр.., то правительство преследовало не только побеги колонов, но и сгон их с земли ее владельцами. Колоны рассматривались как цензовые люди, «приписанные к земле» (glebae adscripti), рабы земли, но не ее хозяев: нельзя было ни их продавать без земли, ни землю продавать или отчуждать каким-либо образом без них. Государство даже регулировало оброки колонов, уплачивавшиеся владельцам (обычно около $^1/_3$ урожая), чтобы колон не обессилел окончательно и не обратился в неисправного плательщика государственных податей, которые представляли собой, по-видимому, другую треть его дохода. Но в то же положение ставились и посаженные на землю рабы (servi casati): они также вносились в цензовые списки, становились тоже «цензовыми людьми» и, таким образом, тоже переходили в разряд «рабов земли», подобный колонам. Правда, это мало улучшало их положение, так как, по свидетельству одного церковного писателя начала V в., Иоанна Златоуста, и «с колонами обращаются, как с ослами или мулами, даже как с камнями, не давая им перевести дыхание».

Таким же образом закрепощены были и ремесленники. Все они были взяты государством на учет и обложены в пользу государства натуральными оброками. Их принудительно заставляли создавать корпорации, связанные круговой порукой. В отраслях производства, особенно важных для армии, двора и общей администрации (как горная, оружейная, строительная, текстильная), государство создавало свои большие предприятия (fabricae), на которых работали и рабы, и осужденные преступники, и свободные рабочие. Последним строжайше запрещалось оставлять свою профессию; оружейников даже клеймили раскаленным железом. Дети солдат с 16-летнего возраста забирались на военную службу, и на руках таких новобранцев тоже выжигалось клеймо. За нищенство и бродяжничество, вообще за существование без определенной профессии свободные люди отдавались в подчинение тому, «кто указал на их леность», или их отправляли в работные дома, «чтобы они зря не обременяли землю».

Всех мелких собственников, живших в городах и имевших участок земли в 25 югеров, записывали в куриалы; они, тоже под круговой ответственностью, через своих выборных распределяли наложенные на города налоги и повинности, которые обязаны были расходоваться на городские нужды. В конце IV в. в случаях недоборов и недоимок установлено было даже казнить по три куриала от каждого неисправного города. Положение куриалов стало настолько незавидным, что от этого прежде почетного звания каждый бежал,

куда только мог: многие поступали в солдаты, женились на рабынях, чтобы тоже числиться рабами, и пр.; но беглецов и укрывающихся ловили и принудительно возвращали в присвоенное им по рождению или имуществу состояние.

Напротив, на этом фоне всеобщего оскудения и закрепощения еще ярче, контрастнее стало выступать богатство и связанное с ним своеволие отдельных лиц высших сословий, в особенности придворных сановников, императорских фаворитов, крупных землевладельцев сенаторского звания. Земля стала главной ценность, почему богатые и могущественные люди всеми средствами пытались увеличивать свои земельные владения, доводя их до небывалых размеров. Такие необъятные имения сенаторов и вельмож обратились в настоящие княжества, обладавшие обширнейшими привилегиями и делавшие их недоступными для вмешательства общей администрации и вторжений сборщиков податей. Роскошные укрепленные виллы, или как их стали называть в Галлии и Северной Италии германским словом «бурги», с мозаичными полами, с роскошными залами, отапливаемыми посредством центрального отопления («гипокаусты»), с причудливо разбитыми садами, рыбными садками, обширными виноградниками и беспредельными полями, на которых работали «стада рабов», с упоением описывают тогдашние поэты — Авзоний (IVв .) в своей поэме «Мозелла» и Сидоний Аполлинарий (V в.) в своих «Песнях». Чувствуя себя хозяевами жизни, эти «светлейшие» (clarissimi) обращали свои владения как бы в самостоятельные государства, уклонялись от подчинения императорским указам, добивались освобождения и себя и своих вотчин от уплаты налогов, принимали к себе в услужение беглых куриалов, переманивали на свои земли чужих колонов. Они заставляли все окрестные селения и целые округа прибегать к их «покровительству» («патроцинию»): соседние свободные поселяне и мелкие земельные собственники принуждались передавать им во владение свои угодья и земли, получая их обратно лишь в качестве временных держаний («прекария»), лишь бы иметь защиту как от насилий их собственной дворни, так и от притеснений императорских солдат и чиновников. Как ни боролись императоры IV—V вв. с этим закладничестном, как ни грозили они конфискациями и за предоставлен патроциниев и за искание их, так как эта система сокращала поступление государственных податей, — магнаты оказывались сильнее центральной власти и игнорировали правительственные распоряжения. Сильно способствовало такое закладничество — патроциний — и росту церковных имуществ, так как высшие сановники церкви, благодаря своему привилегированному положению, тоже обращались в духовных магнатов. Они охотно принимали под свой покров всяких «малых сих» с их землями и другой собственностью: все это имущество становилось у последних лишь «милостивым пожалованием» («бенефицием») под условием разных служб и повинностей в пользу духовного патрона.

Таким образом, и представители высших слоев, светские и духовные земельные магнаты, в связи с ростом своих державных тенденций, часто оказывались также в конфликте с центральной властью и ее местными органами — с президами и корректорами провинций, с викариями — наместниками диоцез — и их многочисленными агентами. И чем сильнее становились такие центробежные силы, тем с л а б е е делалась ц е н т р а л ь н а я в л а с т ь и тем безнадежнее становились ее попытки сохранить целостность и единство этого рассыпавшегося и сопротивлявшегося ее объединительным стремлениям общества.

Да и помимо того верховная власть после смерти Константина редко и ненадолго объединялась в одних руках. Константин, умирая, разделил империю между тремя своими сыновьями и двумя племянниками, причем старшему из всех этих цезарей и августов, Константину II Молодому, было 20 лет, а младшему всего 14. Общая братоубийственная резня, бывшая естественным следствием этого, сопровождавшаяся еще появлением ряда добавочных претендентов и узурпаторов и вторжениями разных внешних врагов — персов с востока, германских и различных сарматских племен с севера, — продолжалась 16 лет и закончилась в 353 г. победой одного из младших сыновей Константина, Констанция II. Против него, однако, вскоре поднялся его двоюродный брат Ю л и а н, на два года сумевший объединить власть в своих руках (361 — 363 гг.). Но его

ожесточенная борьба с христианским клиром и безнадежная попытка возродить отжившее уже языческое мировоззрение привели к дезорганизации не меньшей, чем при любой династической смуте. Этого последнего защитника старой языческой религии и древней светской культуры церковь прозвала Отступником (Апостатом). После его смерти (он погиб во время неудачного похода на персов) вновь на целых 20 лет установилось многовластие.

Преемник Юлиана, выдвинутый армией Валентиниан, малограмотный и грубый солдат, правил вместе с своим братом Валентом и сыном Грацианом. Все три назывались августами, имели раздельные территории, дворы, армии и пр., хотя Грациану было всего 4 года. После смерти же Валентиниана (в 375 г.) и гибели императора Валента в бою с готами при Адрианополе в 378 г. (см. ниже, стр. 765) императорская власть опять оказалась в руках двух детей — Грациана (12 лет) на западе и Валентиниана II (двух лет) на востоке. За обоих детей-императоров правили начальники их наемных «варварских» дружин: за Грациана — франк Меробауд, за Валентиниана тоже франк Арбогаст; при дворах их господствовали «варварские» нравы, и сами императоры ходили одетыми в «варварские» шаровары, пестрые камзолы и плащи.

В последний раз империя объединилась в руках выдвинувшегося в это время из военной среды императора Ф е о д о с и я (379 — 395 гг.). Он правил сперва в качество соправителя Грациана и Валентиниана II, а затем, после гибели их в связи с дворцовыми переворотами, стал ненадолго единоличным государем. Человек твердой воли, решительный и энергичный, Феодосии, однако, уже не в состоянии был справиться с слишком глубоко проникшим во все отношения и явления хозяйственной и общественной жизни империи разложением. Он применял самые крутые меры и против узурпаторов, и против народных волнений. Один раз в городе Фессалониках по его приказу солдаты загнали в цирк и изрубили 7 тыс. граждан за то, что в этом городе был убит од из военачальников Феодосия. Беспощадно боролся он и с остатками язычества: разрушал знаменитые языческие храмы, например, храм Сераписа в Александрии, под угрозой наказания смертью запрещал языческие обряды, жертвоприношения, праздники. Он всемерно старался угождать епископам и другим церковным магнатам, желая в их влиянии на массу найти опору, разрушенному уже авторитету власти. Так, он смиренно подчинился суровому осуждению архиепископом миланским Амвросием устроенной им в Фессалониках бойни и терпеливо перенес наложенное на него за это наказание — временное отлучение от церкви. Но и Феодосии счел нужным перед смертью разделить Римскую империю, точно частную вотчину, между двумя своими малолетними (да и позднее совершенно непригодными для роли правителей) сыновьями: Аркадия он поставил императором востока, Гонория — запада и назначил их руководителями двух варваров: галла Руфина — Аркадию, вандала Стилихона — Гонорию. С этого времени и на императорском гербе — орле — стали изображать две головы. Действительно, с этой поры (395 г.) империя уже больше не объединялась и существовала как две раздельные части: империя Западная и империя Восточная, позднее получившая название Византийской.

В таких условиях своего полного упадка и истощения распавшееся Римское государство подверглось последним, смертельным ударам со стороны давно и со все большим размахом действовавших против него революционных сил. Н а р о д н ы е движения конца Римской империи еще мало изучены, но все же можно заметить их повсеместное усиление и превращение в настоящую революцию.

Особенно грозными были они в западной части империи. В Британии при императоре Валентиниане I, в 368—369 гг., происходили такие сильные волнения податных людей, поддержанные взбунтовавшимися из-за неуплаты жалованья солдатами, что весь остров едва не сделался добычей независимых от Рима горцев скотов (шотландцев). Только с крайним напряжением сил справился и с народным возбуждением и с набегами скотов местный «комес» (военачальник) Феодосий, отец императора. Тогда же вся Галлия была вновь охвачена новым восстанием багаудов, затихшим на некоторое время после разгрома повстанцев императором Максимианом, соправителем Диоклетиана. К концу IV в. это движение мятежных крестьян распространилось и на Испанию и к середине V в.

превратилось в грандиозную крестьянскую войну. Вместе с тем «почти все рабы Галлии взялись за оружие и присоединились к багаудам», — сообщает современная хроника.

По всей римской провинции Африке, Нумидии, Мавритании с 380-х годов, то затихая, то вновь разгораясь, распространялось движение «божьих борцов» — «агонистиков», или «циркумцеллионов» (бродяг), как их называли состоятельные люди. Измученные нуждой и доведенные до крайнего отчаяния «селяне» (rusticani) составляли огромные массы «бродячих мужчин и женщин», как выражается писатель начала V в. Августин. Массами примыкали к ним и беглые рабы или, как насмешливо говорит тот же Августин, «отдавались под их патроциний». Агонистики считали себя «истинными» христианами, покорных власти называли изменниками и предателями веры, богатых — детьми сатаны. Агонистики громили имения, сжигали усадьбы, избивали владельцев их; не щадили также и разбогатевших клириков, разрушали церкви. «Они не только бьют нас палками и мечами, — писал Августин, — но и с неслыханной жестокостью ослепляют глаза известью и уксусом, грабят наши дома и вооруженными толпами ходят по стране, причиняя смерть, грабежи, пожары». Часто такие толпы поднявшегося бедного люда соединялись с ордами кочевников-берберов, и представители власти устраивали с ними настоящие сражения. В 372 г. возглавлявший одно из таких движений берберийский шейх Фирм разорил ряд городов по мавританскому побережью, занял Цезарею и требовал от императора признать его своим соправителем. Снарядили специальную военную экспедицию, во главе которой был поставлен прославившийся усмирением Британии Феодосии, носивший уже звание «начальника конницы», и только после двухлетней упорной борьбы ему и здесь, в Африке, удалось восстановить «порядок».

С 375 г. положение в Римской империи становилось все более катастрофическим. Началось новое грандиозное вторжение со всех сторон в римские пределы варварских народов, связанное с так называемым великим переселением народов. От западных границ Китая в это время хлынули в европейские степи орды кочевников гуннов (хунну) и овладели всем Северным Причерноморьем от Дона до Карпатских гор. Часть обитавших здесь прежде народов, которых древние писатели называют общим именем готов, подчинилась им, другая, более западная — визиготы или вестготы, сбитая с своих старых мест, перейдя Дунай, ворвалась в римские пределы. Римское правительство принуждено было» уступить им Мезию и часть Фракии, приняв их в качестве федератов. Недовольные римскими порядками, притесняемые и обманутые продажными римскими чиновниками, новые федераты подняли грандиозный военный бунт, поддержанный местными крестьянами-колонами, горнорабочими фракийских рудников и рабами. В бою с восставшими погибла под Адрианополем целая римская армия и сам император Валент (378 г.).

Феодосию удалось их временно успокоить жертвой новых земель во Фракии и Македонии, но после смерти его визиготы вновь пришли в движение. Под руководством своего конунга Алариха они стали грабить Балканский полуостров, а затем направились на запад, в Италию. Одновременно с севера вторглись через Альпийские проходы вандалы и бургунды. Некоторое время военачальнику западного императора Гонория, Стилихону, тоже вандалу по происхождению, удавалось защищать Италию от варварского погрома, отозвав римские войска из Британии, Галлии и с Рейна и бросив тем на произвол судьбы все северо-западные римские провинции. Но когда Стилихон погиб, казненный Гонорием в связи с типичными для тогдашнего разложившегося римского двора интригами, начался настоящий варварский потоп. Визиготы ворвались в Италию, и в 410 г. Аларих осадил самый Рим. Массами стекались в его войско рабы со всей Италии, а восставшие в Риме рабы открыли ему ворота города и вместе с готами подвергли Рим страшному разграблению и пожару. Визиготы, однако, не остались в Италии, прошли еще дальше на запад и поселились в Аквитании на реке Гаронне и в Северной Испании. Юг Испании еще раньше их успели занять вандалы. Они переправились отсюда в пылавшую народными вос-станиями Африку и захватили и Карфаген. Весь север Галлии в это время попал в руки франков, восточной ее частью овладели бургунды.

В 450-х годах положение Западной империи стало еще опаснее: гунны, во главе с Аттилой, прозванным «бичом божьим», докатились до Галлии, по, будучи отбиты соединенными силами занявших ранее Галлию франков, визиготов и бургундов, которыми командовал римский полководец Аэций (битва на Каталаун-ских полях, близ Марны, в 451 г.), набросились на северную Италию и разгромили ее до самой Этрурии. В 455 г. Рим вторично был взят и особенно свирепо опустошен приплывшим с своими дружинниками из Африки вандальским вождем Гензерихом. После этого погрома в Риме осталось лишь 7 тыс. населения; последние императоры давно уже перестали считать его столицей и жили в окруженной непроходимыми болотами безопасной Равенне. Вся Италия к этому времени переполнилась варварами: наемные дружины их составляли единственную военную силу императоров. В 476 г. один из предводителей таких наемных варварских отрядов, Одоакр, нашел, что больше император па западе вообще не нужен: он отослал знаки императорского достоинства в Константинополь, а малолетнего императора Ромула Августула — на виллу в Кампанию, себя же объявил италийским конунгом. 476 г. считается условно годом падения Западной Римской империи.

То же, но несколько позднее произошло и в восточной половине империи, где такую же роль могильщиков рабовладельческого строя вместе с рабами и колонами сыграли в VI—VII вв. с л а в я н е . Под именем венедов они известны были уже Тациту. Позднее начинает упоминаться и другое славянское племя — анты. Они уже входили в те племенные объединения, которые древние писатели суммарно называли готами, а затем гуннами. В VI в. появляется, впервые у греческого писателя Прокопия в его «Истории войны с готами», и название «славяне».

Прокопий подробно описывает постоянные нападения славян, которые «живут на большей части берега Истра (Дуная), по ту сторону реки». Несмотря на старания императора Юстиниана (527 — 565 гг.) восстановить прежние укрепления по Дунаю, «река навсегда стала доступной для переходов варваров, и римская область совершенно открыта для их вторжений» (III, 13). «В Иллирии и всей Фракии, считая от Ионийского залива до предместий Византия, во всей Элладе, с того времени как Юстиниан принял власть над Римской империей, гунны, славяне и анты, делая постоянные набеги, творили над жителями этих областей нетерпимые вещи: я думаю, что при каждом набеге было убито здесь и взято в плен римлян по 200 000 человек, так что страна стала повсюду подобной скифской пустыне» (Прок о п и й , Тайная история, VIII, 20).

Несколько позднее, при преемниках Юстиниана, в конце VI в., славяне от отдельных вторжений перешли к массовому заселению всего Балканского полуострова. Об этом пишет, отражая охватившую господствующие слои империи панику, другой историк VI в., Иоанн Эфесский в своей «Церковной истории»: «На третьем году после смерти императора Юстина и правления державного Тиверия (т. е. в 581 г.) двинулся проклятый народ славян, который прошел всю Элладу и по стране Фессалонике и по фракийским провинциям, взял много городов и крепостей, сжег, разграбил и подчинил себе всю страну, сел на ней властно и без страха, как в своей собственной... Они опустошают, жгут, грабят страну даже до внешних стен (Константинополя), так что захватили и все императорские табуны, многие тысячи голов скота и другие. Посмотри — они живут, сидят и грабят в римских провинциях, они стали богаты, имеют золото и серебро, табуны коней и много оружия. Они научились вести войну лучше, чем римляне, а недавно были люди простые, которые не осмеливались показаться из лесов и степей и не знали, что такое оружие, исключая двух или трех дротиков».

Однако восточная часть Римской империи сумела лучше приспособиться к новым условиям, перестроилась с рабского на феодальный способ производства и в виде средневековой Византии удержалась еще почти на целое тысячелетие — до 1454 г., когда Константинополь был взят турками.

Так в середине I тысячелетия н. э. завершилось крушение античной рабовладельческой формации. Процесс этот длительно задерживался своеобразной формой военно-рабовладельческой диктатуры, какую представляла собой на протяжении всего своего

пятисотлетнего существования Римская империя. Но беспощадно подавляя революционные движения рабов, колонов, городской бедноты, сопротивляясь вторжениям «варваров», жертвуя для этого всем благосостоянием народных масс, всеми достижениями античной культуры, Римская империя, в конечном счете, привела лишь к объединению революционных и враждебных ей сил, совместными выступлениями которых она и был наконец ликвидирована вместе со всем поддерживаемым ею строем.

Классическое, наиболее яркое изображение всего этого дал Энгельс. «Римское государство превратилось в гигантскую сложную машину исключительно для высасывания соков из подданных. Налоги, государственные повинности и разного рода оброки погружали массу населения во все более глубокую нищету; этот гнет усиливали и делали невыносимым вымогательства наместников, сборщиков налогов, солдат. Вот к чему привело Римское государство с его мировым господством: свое право на существование оно основывало на поддержании порядка внутри и на защите от варваров извне; но его порядок был хуже злейшего беспорядка, а варваров, от которых оно бралось защищать граждан, последние ожидали как спасителей»[79]. Ликвидация Римской рабовладельческой империи открывала простор для возникновения новых, более прогрессивных производственных отношений — феодальных. Зародыши их уже сложились в недрах старого рабовладельческого общества, но не имели благоприятных условий для своего созревания и развития[80].

§ 9. Падение Западной римской империи

Константином кончился последний короткий период стабилизации, и римская империя быстрыми шагами пошла навстречу неизбежной гибели.

После смерти Константина началась долгая борьба за власть между его сыновьями, племянниками и полководцами. В 353 г. верх взял один из сыновей Константина, Констанций, царствовавший до 361 г. При Констанции восторжествовало арианство. Изгнанный Арий был возвращен из ссылки, а в ссылку отправили сторонников Афанасия. Однако, несмотря на преследование католической церкви, политика Констанция в целом была направлена в пользу христианства. При нем происходит насильственная христианизация населения: конфискуются имущества языческих храмов, запрещаются языческие жертвоприношения. У Констанция был двоюродный брат Юлиан, правитель Галлии. Благодаря своим личным качествам и удачным действиям против варварских племен, он пользовался широкой популярностью в войсках, которые его провозгласили императором. Констанций двинулся против него с войсками, но во время похода умер. Таким образом, Юлиан, прозванный христианской церковью «Отступником», сделался императором (361 — 363 гг.). Он пытался защищать дело безнадежное, осужденное историей на гибель. Юлиан попытался восстановить язычество. Он был воспитан в духе античной философии, прекрасно знал неоплатонизм и являлся его горячим поклонником. Это был человек рафинированной, тонкой культуры. Хотя Юлиан был крещен, но с юности ненавидел христианство, которое он считал грубым суеверием низов. Едва ли за Юлианом стояла какая-нибудь крупная социальная прослойка. Он опирался только на маленькую кучку жрецов языческих храмов, да на таких же утонченных представителей старой культуры, каким был он сам: риторов, философов и т. д. Естественно, что его попытка была обречена на неудачу. Юлиан формально не запрещал христианства, но своей политикой он стремился создать для него невозможные условия существования. Так он возвратил из ссылки всех крупных еретиков, желая тем самым ослабить церковь. Эта последняя должна была возвратить все

[79] Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, 1950, стр. 153.

[80] См.: История Древнего мира, Под ред. В. Н. Дьякова и Н.М. Никольского, М., 1952, 781с.

конфискованное в предшествующий период у еретиков и языческих храмов имущество. Христианские епископы были лишены права юрисдикции, христиане не могли преподавать гуманитарные науки — риторику, философию и т. д. Наконец, христианам было запрещено публичное отправление религиозных служб.

Но Юлиан прекрасно понимал, что восстановить язычество в его старой форме невозможно. Поэтому он хотел его реформировать в духе неоплатонизма. Это было модное тогда религиозно-философское учение, созданное философом Плотиной (III в.) на основе платонизма. Неоплатоники представляли себе мир как эманацию (истечение) божественной силы, исходящей из непознаваемого абсолюта. Первой формой эманации является мир духовный, мир платоновских идей; второй формой — мир душевный, психический; наконец, третьей и последней формой — мир материальный. Так как с каждой формой, с каждой ступенью божественная сила теряет в своей эффективности, то на долю материального мира ее остается очень немного.

Ступени эманации и промежутки между ними неоплатоники, как и гностики, наполняли всеми богами и демонами греко-римских и восточных религий. Получалась сложная система, пользовавшаяся благодаря своей мистической форме и морали аскетизма, проповедуемой неоплатониками, довольно большой популярностью, — правда, в очень ограниченных кругах языческой интеллигенции. Этой системой Юлиан и хотел заменить христианство.

Как умный человек, он понимал, что главная сила христианства в организации, и пытался реорганизовать жречество по типу христианского клира и церковной иерархии, заимствовав у христианских общин также их систему благотворительности. Это лишний раз доказывает мощь христианской организации в IV в.: ведя борьбу с христианством, Юлиан вынужден был подражать ему в самых существенных моментах.

Но вся эта реформа была обречена заранее. За Юлианом пошла только маленькая группа сторонников. Масса населения империи оставалась или равнодушной, или враждебной ему. В 363 г. его смертельно ранили во время персидского похода. По-видимому, рана была нанесена Юлиану кем-то из своих.

После его гибели императором был избран полководец Иовиан, вынужденный отдать персам все завоевания Юлиана. Он царствовал меньше года и в 364 г. умер.

После него вступил на престол Валентиниан, выдвинутый группой полководцев и сенаторов. Валентиниан, понимая, что ему одному не справиться с государственным управлением, назначил соправителем и августом на Востоке своего брата Валента.

В правление этих императоров произошли события, известные под названием «великого переселения народов». Традиционное изложение этих событий таково. В 70-х годах IV в. кочевое монгольское племя гуннов, пришедшее из Центральной Азии, напало на германское племя остготов (или остготов). Эти последние занимали причерноморские степи к востоку от р. Днестра. Остготы были подчинены гуннами, включены в их состав и увлечены в движении на запад. Отступая от натиска гуннских орд, племя вестготов (или визиготов), занимавшее территорию к западу от Днестра, подошло к Дунаю и обратилось к императору Валенту с просьбой разрешить им перейти Дунай и поселиться на территории империи. Валент, намереваясь использовать вестготов как военных колонистов, дал просимое разрешение, и огромное племя перешло реку и поселилось в Мезии (теперешней Болгарии). Этот переход вестготов на территорию империи и послужил толчком к дальнейшим вторжениям варваров.

Таково традиционное начало «великого переселения народов». Однако, эта схема нуждается в серьезных поправках. Во-первых, совершенно неисторично приурочивать грандиозный процесс распада империи к определенному событию в виде нападения гуннов на остготов. Уж если говорить о «великом переселении народов», то оно началось с конца II в. и тянулось почти непрерывно на протяжении трех столетий. Если в конце IV в. вторжения варваров делаются особенно грозными, то причина этого кроется не в каком-нибудь внешнем толчке, будь это нападение гуннов или какого-нибудь другого племени, а во внутренних процессах, происходивших как в самой империи, так и среди варварских племен.

К концу IV в. экономический кризис и революция окончательно подорвали силы империи и сделали ее неспособной к сопротивлению. Тот контакт между римскими рабами, колонами и варварами, о котором мы говорили выше, именно к этому времени делается особенно тесным и в огромной степени облегчает варварам их задачу. С другой стороны, разложение общинно-родовых отношений среди варварских этнических группировок делает огромный шаг вперед, приводит к образованию более четких племенных образований и к выделению в них правящей верхушки, весьма склонной к грабежам и завоеваниям. В долгой борьбе с римлянами складываются обширные и мощные федерации племен, против натиска которых трудно устоять слабеющей империи. Во-вторых, большие сомнения внушают «гунны» исторической традиции. Римские историки, отражавшие точку зрения напуганных рабовладельцев, изображают гуннов в образе жестоких диких кочевников, все истреблявших на своем пути. Монгольское происхождение гуннов доказывают тем, что в китайских источниках упоминается какое-то кочевое племя IV в., называемое хун-ну. Но все это очень шатко. Мало вероятна миграция определенного племени из степей Монголии в Европу; совершенно не доказано тождество «хун-ну» китайских летописей с «гуннами" римских авторов. Попытки установить археологически существование гуннов до сих пор оказались безрезультатными. Быстрота, с которой в V в. бесследно исчезают гунны, говорит против возможности приурочить к этому термину какое-нибудь четкое этническое образование.

По-видимому, «гунны», «готы» и ряд других терминов этой и предшествующей эпох являются не чем иным, как обозначением широких племенных союзов, в которые входили различные этнические группировки.

Только с такими поправками можно принять традиционную схему «великого переселения народов».

Вестготы, поселившись в 377 г. на Балканском полуострове, сразу же попали в лапы продажных римских чиновников. Они не получали обещанного им продовольствия и стали голодать. Дело дошло до того, что многие из них продавали себя в рабство. Тогда в 378 г. вестготы восстали. Под Адрианополем войска Валента потерпели жестокое поражение, а сам он был убит. Варвары рассеялись по Балканскому полуострову. Аммиан Марцеллин рисует яркую картину их движения:

«Готы рассеялись по всему берегу Фракии и шли осторожно вперед, причем сдавшиеся сами римлянам их земляки или пленники указывали им богатые селения, особенно те, где можно было найти изобилие провианта. Не говоря уже о прирожденной силе дерзости, большой помощью являлось для них то, что со дня на день к ним присоединялось множество земляков из тех, кого продали в рабство купцы, или тех, что в первые дни перехода на римскую землю, мучимые голодом, продавали себя за глоток скверного вина или же жалкий кусок хлеба. К ним присоединилось много рабочих с золотых приисков, которые не могли снести тяжести оброков; они были приняты с единодушным согласием всех и сослужили большую службу блуждавшим по незнакомым местностям готам, которым они показывали скрытые хлебные магазины, места убежища туземцев и тайники».

Здесь отчетливо выступает единый фронт варваров-дотов, римских рабов и крепостных рабочих". Этот единый фронт и придал огромную силу движению.

Император Грациан, сменивший на Западе Валентиниана, послал на Восток для усмирения вестготов своего лучшего полководца Феодосия, дав ему титул августа Востока. Феодосий, очень способный дипломат и полководец, с большим трудом остановил вестготов и поселил их на Дунае в качестве союзников империи. Христианская церковь назвала Феодосия «Великим», потому что при нем произошло окончательное уничтожение язычества, и христианство было признано государственной религией.

Феодосий издал ряд эдиктов о запрещении публичных жертвоприношений, о прекращении субсидирования языческих храмов, о конфискации храмовых земель. Последним законом, положившим конец язычеству, был закон 392 г., запрещавший домашний культ.

При Феодосии христиане, торжествуя свою победу, обрушились на «язычество». Начались страшные языческие погромы. В результате их было разрушено много античных храмов и зданий, и погибла масса культурных ценностей. Так, например, в 391 г. в Александрии был сожжен Серапеум, где погибли остатки александрийской библиотеки. К 395 г. относится смерть знаменитой Ипатии, женщины-философа. Ее лекции пользовались большой популярностью в Александрии. Она была растерзана толпой христиан-фанатиков.

В IV в. вообще происходит падение античной культуры, огрубение языка, снижение художественного стиля. Это явление было совершенно неизбежным следствием революции. Упадок античной культуры буржуазными исследователями понимается как абсолютный и непоправимый. Причину его часто ищут в том, что старая античная культура, бывшая уделом «избранных», теперь стала распространяться среди масс и поэтому, якобы, снизилась. Забывают о том, что это был неизбежный результат перехода одной формации в другую, неизбежные издержки революции. Конечно, с точки зрения общечеловеческого культурного наследства гибель александрийской библиотеки непоправима. Но, с другой стороны, не надо забывать, что в огне революции, в ужасах языческих погромов рождалось новое общество — феодальное, формация более высокая, чем предшествовавшая рабовладельческая.

Феодосию удалось установить относительное спокойствие на Востоке главным образом потому, что он старался жить в мире с варварами, в частности, с готами. Много их было на императорской службе. Фактически Феодосий правил и на Западе, потому что за несколько лет там сменилось четыре императора, а под конец жизни он и формально объединил Запад с Востоком. Это было последнее объединение империи.

В 395 г. Феодосий умер. Перед смертью он разделил империю между двумя сыновьями: Запад отдал Гонорию, Восток — Аркадию. 395-й год считается годом окончательного разделения империи на две половины. В начале VI в. была сделана попытка объединения империи византийским императором Юстинианом, но ему удалось отвоевать только маленький кусок северной Африки и часть Италии, и вскоре эти завоевания снова были потеряны. При Аркадии на Востоке взяла верх партия, враждебная варварам, и произошло новое восстание вестготов, во главе с Аларихом. Вестготы снова подвергли опустошению Балканский полуостров, и Константинополь удалось спасти только благодаря огромному выкупу. Император Гонорий послал против вестготов полководца Стилихона, варвара по происхождению. Ему удалось разбить Алариха. Но Аркадий, опасаясь большой популярности Стилихона, заключил союз с Аларихом. Чтобы удалить вестготов от Византия, он поселил их в Иллирии. Тогда Аларих предпринял ряд походов в Италию. Стилихону, с большим напряжением сил, в течение некоторого времени удавалось отражать натиск готов на Италию. Правда, для этого пришлось собрать войска со всех концов империи. Границы были открыты, и варвары хлынули в западную империю: бургунды и франки перешли Рейн и проникли в Галлию, вандалы заняли Испанию. Стилихон, понимая, что отразить Алариха не удастся, вступил с ним в переговоры и думал поселить вестготов на границе. По-видимому, Аларих пошел на это, но и при дворе Гонория взяла верх антиварварская партия. Стилихон был обвинен в измене и казнен (408 г.).

Тогда Аларих двинулся на Рим и с помощью римских рабов взял его и разграбил (410 г.). Это — факт всемирно-исторического значения: «вечный» город, в течение многих столетий являвшийся столицей мира, пал под ударами рабов и их союзников — варваров!

Правда, вскоре после этого Аларих умер, и правительству западной империи удалось договориться с вестготами. Им были отведены для поселения земли в Галлии, куда они и перешли.

В первой половине V в. варвары все в большем количестве проникают в западную половину империи. В 429 г. вандалы из южной Испании двинулись в северную Африку и в течение десяти лет, с помощью местных рабов и колонов (там еще держалось движение циркумцеллионов), завоевали ее. В 455 г. вандальский король Гензерих опустошил Италию и снова разгромил Рим.

Около этого же времени, а именно в 449 г., в Британию с материка стали переселяться племена англов и саксов.

В первой половине V в. на Дунае образовался огромный союз племен во главе с гуннами. Византийское правительство вынуждено было уступить им часть земель на Балканском полуострове и выплачивать дань. В 451 г. гуннский союз, руководимый знаменитым Аттилой, перешел Рейн и вторгся в Галлию. Для борьбы с ним варварские племена запада — франки, бургунды, вестготы и др. — объединились. В 451 г. произошла битва на Каталаунских полях (в Шампани).

Каталаунская битва была чрезвычайно упорной и кровопролитной. Исход ее оказался неопределенным. Но гунны, по-видимому, встретили такое сильное сопротивление, что были вынуждены уйти за Рейн.

В следующем 452 г. Аттила вторгся в северную Италию, опустошил ее, но на Рим не пошел. Очевидно, его испугали страшный голод и эпидемия в Италии.

Вскоре после этого Аттила умер, его эфемерное «государство» распалось, а гунны бесследно исчезли.

Не трудно понять, почему варварам удалось так быстро занять различные части римской империи. Легкость завоевания объясняется тем, что местное население встречало варваров как избавителей; нигде оно не только не оказывало варварам сопротивления, но, наоборот, всеми силами поддерживало их. Ведь приход варваров означал для низших классов римского общества освобождение от страшного гнета разлагавшегося рабовладельческого государства.

Императорская власть на Западе была в то время игрушкой в руках начальников различных варварских дружин, находившихся на службе у империи. За 21 год (455 — 476) в Италии переменилось 9 императоров, причем все они были свергнуты. В 476 г. последний римский император, малолетний Ромул Августул («Августенок») был свергнут предводителем одной из таких дружин Одоакром. Этот последний решил больше не назначать императора для Запада и по соглашению с Византией провозгласил себя самого наместником восточного императора.

476-й год формально считается концом Западной римской империи. Эта дата, конечно, условная, потому что уже задолго до 476 г. Западная империя фактически не существовала.

Восточная половина империи продержалась на тысячу лет дольше и окончательно пала только в 1453 г., когда Константинополь был завоеван турками. Но из этого факта ни в коем случае нельзя сделать вывода о том, что после гибели рабовладельческого общества на Западе в V в. рабовладельческая формация существовала на Востоке еще 1000 лет.

В восточной половине империи, благодаря ее большей экономической крепости, дольше сохранилась внешняя форма старого государства: императорская власть, военно-бюрократический аппарат, сама столица. Но это была только внешняя форма; содержание общества стало другим, и оно по существу ничем не отличалось от западного общества.

Запад был завоеван варварами, на территории Западной империи создались варварские племенные государства, в которых стали складываться феодальные отношения. Восточная империя сохранилась, но она также была наводнена варварами. В VI — VII вв. часть ее владений была захвачена персами, а в VII в. арабами. В VII ст. восточная империя потеряла все свои азиатские владения и сохранила только Балканский полуостров. Да и этот последний был наводнен славянами.

Таким образом, и в западной и в восточной половинах империи мы видим одинаковые процессы варварского завоевания. Только на Востоке этот процесс шел не так бурно и растянулся на больший промежуток времени. Мало этого. Как в захваченных варварами, так и в уцелевших частях Византийской империи развились те же самые феодальные отношения, что и на Западе. Единственная разница сводилась к тому, что на Востоке феодальные отношения возникли несколько позднее и сохранили больше пережитков античного рабства.

Итак, судьбы Запада и Востока были одинаковыми. Своеобразие падения античного общества на Востоке объясняется, как мы указывали, тем, что оно оказалось более стойким экономически, главным образом, благодаря меньшему развитию там рабства.

§ 10. Судьбы Восточной римской империи

Выше мы указывали на те причины, которые обусловили большую крепость восточной половины империи: старые ремесленные навыки, более развитая система торговых путей, большая культурность населения в целом. Сама рабовладельческая система никогда не достигала на эллинистическом Востоке той степени развития, как на римском Западе. В восточном (да и в греческом) рабстве сохранилось много элементов более примитивных и поэтому более мягких форм зависимости, внешне напоминающих крепостничество. Вот почему производительные силы Востока оказались менее подорваны рабством и дольше сопротивлялись страшному кризису, погубившему Запад. Но разница здесь была не принципиальная, разница не столько качественная, сколько количественная. Исторические судьбы античного Востока были те же самые.

В середине VI в. Восточная (или Византийская) империя сделала грандиозное усилие восстановить былую римскую державу. Император Юстиниан (527 — 565 гг.) начал большие войны на Западе. Его полководцам Велизарию и Нарзесу удалось отобрать у вандалов северную Африку, отвоевать у готов Италию и юго-восточный угол Испании. Византия выступила также с претензией на культурное наследство античного мира. При Юстиниане была произведена огромная работа по объединению и систематизации римского права, результатом которой явился знаменитый Corpus iuris civilis («Свод гражданского права»). Грандиозный храм св. Софии, построенный в Константинополе, должен был свидетельствовать о мощи империи и благочестии императора.

Однако эти успехи, достигнутые ценой колоссальной траты сил, были довольно сомнительны.

От персов приходилось откупаться ежегодной данью. Северная граница едва держалась под напором славян, во множестве проникавших на Балканский полуостров. В самом Константинополе в 532 г. вспыхнуло страшное народное восстание, продолжавшееся 6 дней и чуть не стоившее Юстиниану трона. Восставшие, в конце концов, были оттеснены на ипподром, где правительственные войска перебили около 40 000 человек.

Уже в конце правления Юстиниана появились симптомы кризиса, вызванного нечеловеческим напряжением всех сил империи, а при его преемниках наступила катастрофа: полное истощение казны, голодовки, восстания и потеря почти всех завоеваний Юстиниана. Мало того, в начале VII в. персы начали общее наступление на восточные границы империи. В короткое время империя потеряла Египет, Сирию и Палестину, а передовые отряды персов дошли до самого Босфора. В это же самое время славяне и авары осаждали Константинополь.

Правда, императору Ираклию (610 — 641 гг.) удалось разбить персов и вернуть потерянные восточные провинции,— но лишь на очень короткий срок. В то самое время как Ираклий победоносно воевал с персами, в Аравии происходило объединение арабских племен под знаменем новой религии — ислама. В 30-х годах VII в. начались первые нападения арабов на Палестину и Сирию, а к 650 г. Палестина, Сирия, Месопотамия, часть Малой Азии, Египет и часть северной Африки уже находились под властью арабов. В следующие десятилетия арабы строят флот, захватывают острова Кипр, Родос и, пройдя Эгейское море, начинают осаждать Константинополь. Нападение на столицу удалось отбить, но своих азиатских и африканских владений Византии никогда больше не удалось вернуть.

Быстрота арабских завоеваний объясняется теми же причинами, что и легкость вторжений варваров на Западе: угнетенное туземное население не только не оказывало арабам сопротивления, но с восторгом встречало их как освободителей от гнета Византии.

Таким образом, к VIII в. Восточная империя оказалась ограниченной Балканским полуостровом, частью Малой Азии и островами Эгейского моря. Да и эти уцелевшие области были густо насыщены варварами (например, Балканский полуостров — славянами). В них, так же как и в примитивных варварских государствах Запада, из соединения крепостнических отношений поздней империи и общинного строя, принесенного варварами, стали развиваться феодальные отношения средневековья. Процесс падения рабовладельческого

общества и образования феодализма был, таким образом, в своих основных чертах одним и тем же как на западе, так и на востоке Средиземноморья. Античное рабство и основанная на нем культура исчезли на всем протяжении бывшей римской империи. Но они исчезли не бесследно: на почве, подготовленной тысячелетней историей античного общества, выросла новая общественная система, более высокая, более способная к историческому развитию. Наступила последняя и высшая, стадия объединения, образовалась римская держава, охватившая все Средиземноморье. Это было объединение, наиболее прочное и длительное. Предшествующие многовековые связи — экономические, политические и культурные — послужили ему базой, несмотря на то, что в римском объединении момент внеэкономического принуждения играл решающую роль. Во всяком случае Рим стал наследником И завершителем всего предыдущего периода античной истории. Он довел до высшего предела рабовладельческое хозяйство, он создал единую политическую систему Средиземноморья, он завершил наконец все предшествующее культурное развитие.

§ 11. О характере социального переворота III — V вв. в западной Римской империи

Вопрс о причинах падения Римской империи так и остался слабо разработанным учеными-марксистами плоть до ухода из жизни последних людей, владеющих научным пониманием истории. А последним крупным историком-марксистом в этой области был С. И. Ковалёв. Тем не менее, через год после смерти Сталина он опубликовал очень глубокую статью по вопросу о причинах падения Рима и закономерностях перехода от рабовладения к феодализму в Риме и Западной Европе. Эта статья не противоречит не одному из выводов Маркса, Энгельса по этому вопросу, как и всем трудам самого С. И. Ковалева. Поэтому мы её здесь и воспроизводим. Эта статья не противоречит всему изложенному в данном томе материалу. В полемике со своими коллегами по работе, но не разбирающимися в научном понимании истории, С. И. Ковалёв развивает выводы науки о переходе от рабовладения к феодализму, пользуясь общими категориями исторического материализма, разработанными и Лениным (например-переходный период).

В. С. Сергеев, пишет С. И. Ковалев, в своих «Очерках по истории древнего Рима». Этим термином воспользовалась в своих работах и Е. М. Штаерман. Она констатирует какой-то неясный «переходный период, который наполнен революционными движениями масс, борьбой с пережитками рабовладения, тормозившими развитие нового строя, и оканчивается установлением раннефеодальных отношений...».

У В.С. Сергеева мы читаем: «Последний период Римской империи является переходным периодом от рабовладельческой формации к феодальной»[1]. В. С. Сергеев и Е. М. Штаерман правы, когда они считают падение Рима социальной революцией, но неправы в определении ее хронологического места. Кризис III в. был только одним из этапов этой революции.

Для характеристики переходного периода от одной формации к другой мы должны пользоваться законом соответствия производственных отношений характеру производительных сил, открытого в самой истории, как общее, Марксом.

Экономический закон обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил был открыт и впервые в наиболее общей форме изложен Марксом, пишет в этой связи С. И. Ковалёв: «На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, или — что является только юридическим выражением этого — с отношениями собственности, внутри которых они до сих пор развивались. Из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха социальной революции... Ни одна общественная формация не погибает раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она дает достаточно простора, и новые, высшие производственные отношения

никогда не появляются раньше, чем созреют материальные условия их существования в лоне самого старого общества». [81]

Класс-гегемон данной революции, захватив политическую власть, создав диктатуру, использует ее для того, во-первых, чтобы сломить сопротивление старых, отживающих классов, и для того, во-вторых, чтобы привести производственные отношения в полное соответствие с производительными силами.

Социальная революция, т. е. смена одного способа производства другим или одной общественно-экономической формации другой, происходит тогда, когда соответствие между производственными отношениями и производительными силами р е з к о нарушено: когда производственные отношения превратились в оковы производительных сил; когда в рамках старой формации развились все производительные силы, для которых она давала возможность развития; когда в недрах старого общества созрели все материальные условия для появления новых производственных отношений. э*то* — закон социальной революции, являющийся частной формой закона - обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил.

Для каждой ли общественно-экономической формации применим закон обязательного соответствия и, следовательно, закон социальной революции? В частности, применим ли он для перехода рабовладельческой формации в феодальную?

Это — отнюдь не праздный вопрос, и ставить его — вовсе не значит ломиться в открытую дверь. До самого последнего времени советская историография,- пишет С. И. Ковалёв,- объясняя причины общего кризиса Римской империи, стояла на точке зрения абсолютного упадка производительных сил, хотя и не всегда ее высказывала с полной ясностью. Эту точку зрения в скрытой форме мы находим у В. С. Сергеева, хотя он и говорит о «социальной революции». Это допущение, по-видимому, лежит и в основе взглядов Н. А. Машкина в «Истории древнего мира». Концепция абсолютного упадка производительных сил, как основной причины гибели рабовладельческого общества, получила полное развитие и в работах автора настоящей статьи, подчеркивает о самом себе С. И. Ковалёв.

Однако более глубокое изучение марксистко-ленинской теории показывает, что допущение абсолютного упадка производительных сил в последние столетия Римской империи является методологически неправильным.

Постараемся выяснить основной вопрос: в какой степени можно говорить о росте производительных сил в рабовладельческой формации в целом? Если такой рост имеет место, то в определенный момент должно наступить несоответствие между рабовладельческими производственными отношениями, т. е., иначе говоря, рабовладельческой собственностью и производительными силами. Выяснить характер и уровень развития этих сил и степень этого несоответствия и значит установить общие предпосылки для перехода рабовладельческой формации в феодальную.

Производительные силы общества, как известно, слагаются из двух элементов — из орудий производства и людей, приводящих в движение орудия производства и осуществляющих производство материальных благ благодаря производственному опыту. Антагонистические способы производства (рабство, феодализм, капитализм) содействуют развитию производительных сил только до ограниченного и сравнительно не высокого уровня. Относительно же рабства иногда ставят вопрос, развиваются ли при нем вообще производительные силы. Технический уровень античности был относительно весьма низок. В античном производстве на применялись машины, за исключением их простейших форм (мельниц); в период классической Греции существовал чрезвычайно примитивный ткацкий станок с вертикальной основой; общеизвестна низкая техника разработки Лаврийских

---

[81] К. М а р к с , К критике политической экономии, 1953, стр. 7 — 8.
Здесь Маркс вскрывает общую закономерность развития и смены тех общественно-экономических формаций, историю которых он называет «предысторией человеческого общества».

серебряных рудников в Аттике с их несовершенными плавильными печами, оставлявшими в шлаке большой процент серебра, с их грубыми орудиями, ручным подъемом породы и т. д.

Однако уже эллинистическая техника делает значительный шаг вперед Эллинистическое текстильное производство использовало египетский горизонтальный ткацкий станок Нового царства с тремя и четырьмя ремизами, что давало возможность ткацким мастерским птолемеевского Египта изготовлять сложные узорные ткани. Торсионные метательные орудия конце III в. до н. э. достигли такого совершенства, что римляне, например должны были отказаться от взятия Сиракуз штурмом и перейти к дли тельной осаде. Высоко стояла техника эллинистического морского дела, если судить по размерам, оснастке и вооружению судов, по применению сухих доков и т. п. Хорошо известны гидравлические сооружения и приборы эллинистического периода: винтовой насос Архимеда, насос Ктесибия и др.

Однако только в римский период техника рабовладельческого общества, широко использовавшая технические достижения эллинизма, достигла высшей ступени. По-видимому, время ее расцвета нужно датировать I в. до н. э.— первой половиной II в. н.э., т. е. концом республики — началом империи. Об этом говорят прежде всего литературные свидетельства. У Цезаря мы находим описание знаменитого деревянного свайного моста через Рейн, построенного в течение 10 дней. Интересно сравнить с ним каменный мост через Дунай, сооруженный приблизительно через 160 лет после моста Цезаря. «Траян построил каменный мост через Истр,— пишет Дион Кассий.— ...Мост состоит из 20 быков, сделанных из тесаных камней, высота их 150 футов (ок. 45 м.— *С. К.),* не считая фундамента, толщина — 60 (ок. 18 м. — *С. К.).* Эти быки, расположенные друг от друга на расстоянии 170 футов (ок. 50 м. — *С. К.),* соединены арками...». Витрувий дает описание сложного блока (полиспаста), аппаратов для поднятия воды (тимпанов), для измерения расстояния, пройденного экипажем (прототип современного таксометра) и др. Витрувий же и Плиний Старший описывают водяную мельницу, появившуюся, вероятно, впервые в Малой Азии при Митридате. В I в. н. э. водяная мельница стала распространяться и на западе, о чем говорит одна эпиграмма эпохи Августа.

В конце республики движение вперед обнаруживает даже сельскохозяйственная техника, обычно наиболее консервативная. Появляется колесный плуг, о котором Плиний пишет, что он «недавно» был изобретен в Греции. Во всяком случае, по сравнению с известным этрусским плугом VI в. до н. э. колесный плуг Плиния представляет большой прогресс. Плиний описывает также сельскохозяйственную машину, напоминающую жнейку.

В ремесленном производстве разделение труда в отдельных случаях доходило до высокой степени. Так, Плиний рассказывает, что металлические инкрустации для мебели, изготовляемой в Помпеях, привозились из Капуи, ножки для кушеток, на которых лежали во время еды, делались на о-ве Делосе. Канделябры составлялись из двух частей: нижняя изготовлялась в Таренте, верхняя — в Эгине.

На все это можно возразить, что литературным источникам не всегда следует доверять, что они часто преувеличивают, в особенности — в описании различных технических «чудес», что. описание какого-нибудь отдельного сооружения или аппарата вовсе еще не говорит об их широком распространении. Все это верно. Но ведь литературные свидетельства в ряде случаев подтверждаются памятниками материальной культуры. Амфитеатр Флавиев есть несомненный факт, так же как и набор замечательных хирургических инструментов, найденный в Помпеях. Техническое совершенство и прочность римских акведуков, мостов, шоссейных дорог, триумфальных арок, просуществовавших почти 20 столетий, совершенство предметов домашней обстановки, украшений, инструментов говорит о весьма высоком уровне римской ремесленной техники I в. до н. э. — I в. н. э.

В ранней империи был открыт и широко применялся ряд новых технических приемов. По-видимому, в I в. н. э. в Финикии был открыт способ изготовлять стекло посредством

дутья, вместо старого способа формовки. В Галлии также, по-видимому, в I в. н. э. изобрели латунь (сплав меди с цинком) и лужение посуды оловом.

На основе этих технических успехов высокого расцвета в I — II в. достигает промышленное развитие римских провинций, особенно Галлии. Стекольное производство, появившееся в I в. в. Лугдуне (Лионе), широко распространяется по всей Галлии и даже проникает в южную Англию. Позднее центром стеклоделия становится Colonia Agrippina (Кельн). Высокого развития достигает в Галлии латунное производство. Галльские изделия из латуни успешно конкурирут с капуанской бронзой и вытесняют ее с рынков северной Европы. Достаточно хорошо известны и многие другие факты, подтверждающие высокое развитие ремесленного производства в римских провинциях периода ранней империи.

Но как объяснить появление высоких технических достижений в условиях рабовладельческого производства, при тех специфических особенностях рабовладельческой эксплуатации, которые, казалось бы, делали невозможным всякий технический прогресс? Это объясняется, во-первых, тем, что как раз в эллинистическую и римскую эпохи, наряду с применением труда рабов, в ремесле широко применялся труд свободных. В Риме большое развитие получил отпуск рабов «на оброк» (пекулий), что было одним из средств повышения производительности труда. Далее, системой поощрения рабовладельцы могли добиваться довольно высокой производительности труда у отдельных групп рабов, главным образом, квалифицированных ремесленников. Наконец, многие технически совершенные сооружения рабовладельческого периода были построены солдатами, т. е. свободными людьми. Однако это не меняет дела. Кто бы ни были те люди, руками которых создавались предметы и сооружения, поражающие нас своим техническим совершенством, остается кардинальный факт: в рамках рабовладельческой формации до определенного момента происходил технический прогресс, т. е. совершалось развитие производительных сил — орудий труда и способов труда, трудовых навыков.

Для наших целей особую важность представляет вопрос, до какого момента в рабовладельческом обществе происходил этот технический прогресс? Точнее, можно ли в период общего кризиса римской рабовладельческой системы, который начинается приблизительно во второй половине II в.н. э., говорить об упадке производительных сил, и если да, то чем он был вызван? Конечно, во многих проявлениях материальной и духовной культуры кризис Римской империи сказался отрицательным образом. Оставляя в стороне сложные вопросы идеологии, остановлюсь только на вопросе о регрессе в области техники в широком смысле этого слова. Несомненно, например, что, начиная с IV в. наблюдается упадок в области искусства. Достаточно вспомнить рельефы на арке Константина с их неправильными пропорциями человеческого тела, мозаики времени Юстиниана и т. д. Однако упадок художественного вкуса и художественной техники еще не говорит об упадке производительных сил вообще. Конечно, в обстановке грандиозного кризиса, разрушившего рабовладельческое общество и вместе с ним Римскую империю, производительные силы, в частности их техническая сторона, не могли не испытывать упадка. Однако не следует этот упадок преувеличивать и придавать ему абсолютный характер.

Выше мы отмечали описание римской «жнейки», оставленное Плинием Старшим. Палладий, римский писатель, живший около середины IV в. н. э., описывает ее снова и гораздо подробнее, чем Плиний. Точность и детальность его описания не оставляют сомнения, что Палладий действительно наблюдал это интересное сельскохозяйственное орудие. В области ремесленного производства то разделение труда, какое мы наблюдали в I в. н. э., продолжает, если верить Августину, существовать на западе еще в конце IV — начале V в., по крайней мере у серебряных дел мастеров.

Наконец, памятники IV—VI вв. отнюдь не свидетельствуют об упадке; строительной техники поздней империи. Та же самая арка Константина, рельефы которой говорят о падении художественного вкуса, технически выполнена не хуже своих предшественниц из более ранних периодов. Храм св. Софии, построенный в Константинополе в VI в., не только не свидетельствует об упадке строительного дела, но является высшим достижением античной архитектуры. Аналогичных примеров можно было бы привести много,

Таким образом, и при рабовладельческой формации имело место развитие техники. Равным образом, мы не можем говорить об абсолютном упадке производительных сил на поздних этапах рабовладельческого общества. Относительный же упадок был связан с переходом одной общественной системы в другую. В данном случае этот упадок был больше, чем при других социальных революциях, так как был связан с завоеванием римской территории соседними племенами, завоеванием, являющимся одним из важнейших моментов перехода рабовладельческой формации в феодальную. Обратимся теперь к другому элементу производительных сил: к людям, к трудящимся массам, которые являются движущей силой производственного процесса. Развитие орудий труда неразрывно связано с ростом тех, кто употребляет эти орудия, и эта связь осуществляется через посредство производственного опыта, трудовых навыков, которые служат как бы мостом, соединяющим оба элемента производительных сил. Не требует особых доказательств, что качественный рост основной рабочей силы рабовладельческой формации — раба — был поставлен в весьма узкие рамки благодаря характеру рабовладельческой собственности и вытекающему отсюда характеру эксплуатации.

Рабовладельцы, правда, старались улучшить производственную квалификацию своих рабов. Плутарх говорит, что «Катон владел большим количеством рабов, причем из числа военнопленных покупал малолетних, т. е. в том возрасте, когда они, подобно щенкам или жеребятам, легко могут поддаваться воспитанию и дрессировке»; Красс за обучением рабов «надзирал сам, внимательно наблюдая, давая указания и вообще держась того мнения, что господину прежде всего надлежит заботиться о своих рабах, как о живых орудиях хозяйства» Однако это обучение касалось только небольшой группы относительно квалифицированных или малолетних рабов и отнюдь не распространялось на всю рабскую массу, условия эксплуатации которой в общем допускали только применение самых примитивных орудий труда. Здесь совсем иная картина, чем при капитализме, где рабочий класс в целом растет вместе с развитием техники производства.

Таким образом, для развития рабочей силы в рабовладельческом обществе оставался только один путь — путь количественного роста. При специфическом характере общего воспроизводства рабов это воспроизводство рабочей силы имело определенные границы, за которые оно не могло переступить и которые определялись, с одной стороны, внутренней крепостью рабовладельческого строя, а с другой — сопротивлением окружающей племенной среды. Экспансия Рима, а, следовательно, и приток новых рабов, значительно сокращается с эпохи империи. Благодаря этому проблема общего воспроизводства рабочей силы стала приобретать для Рима поистине трагический характер.

Этот вопрос был тесно связан с другим — с аграрным кризисом Италии, который начал проявляться еще в конце республики. Весь этот сложный комплекс проблем наиболее дальновидные рабовладельцы пытались решить путем замены рабства свободной арендой. Этот путь наметил еще Колумелла в середине I в. н. э. Однако путь, указанный Колумеллой, не решил проблемы. Об этом свидетельствует переписка Плиния Младшего. Полвека, истекшие со времени написания трактата Колумеллы, не принесли никакого улучшения. В ряде писем Плиний, как за 50 лет до этого Колумелла, отмечает наличие аграрного кризиса в Италии.

Положение с колонами обстоит из рук вон плохо. Найти подходящих новых арендаторов трудно. Что касается старых колонов, то их недоимки растут. Экономически они чрезвычайно маломощны. Они принуждены брать ссуды у владельцев земли под залог своего инвентаря. Продажа его кредитором временно погашает долг, но зато разоряет колона. Возрастающая с каждым годом задолженность лишает колонов всякой бодрости и уверенности в будущем. Колоны впадают в отчаяние, перестают заботиться об уплате своих долгов. Производительность их труда падает, они не щадят инвентаря и расхищают урожай, полагая, что для себя им все равно нечего беречь. Плиний готов был бы дать в помощь колонам рабов, но их нет в округе. Он считает, что единственным выходом был бы отказ от денежной аренды и переход на аренду из части урожая.

Таким образом, по сравнению со временем Колумеллы мы находим значительное ухудшение. Те явления, которые в середине I в. только намечались, теперь получают дальнейшее развитие: производительность труда снижается, доходность сельского хозяйства падает, количество рабочих рук (в частности рабов) уменьшается, население нищает. Колоны все больше попадают в экономическую зависимость от владельцев земли. Эта экономическая зависимость в течение II и III вв., как известно, перерастает в закабаление, которое, начиная с IV в., фиксируется имперским законодательством. Это был совершенно закономерный процесс. Свободный труд — в форме ли свободной аренды или свободного ремесла, или мелкой земельной собственности — не мог возродиться и удержаться в обстановке гибнущего рабовладельческого общества, рядом с крупной земельной собственностью, под давлением все усиливающегося налогового гнета. Закрепощение свободных арендаторов было неизбежно в условиях поздней рабовладельческой системы.

Навстречу закрепощению колонов шло «раскрепощение» рабов. Рост пекулия и вольноотпущенничества, превращение рабов в «псевдоколонов», некоторое улучшение их правового положения — все это явления, говорящие о смягчении формы рабовладельческой эксплуатации в последние столетия Римской империи.

Что же можно сказать об эволюции рабочей силы в рабовладельческом обществе. И в этом вопросе рабовладельческая формация не является исключением в ряду других. Так же, как мы констатировали выше известный технический прогресс в рамках рабовладельческой системы (хотя и ограниченный историческими рамками), так мы должны признать и известный рост другого элемента производительных сил — рабочего. Этот рост выражался не в количественных показателях, так как к концу Римской империи не только уменьшается количество рабов, но падает и цифра населения вообще. Следовательно, речь может идти только о качественном росте, т. е. о развитии производственных навыков, увеличении производительности труда и т. д. И этот рост имел место, так как переход от раба к колону (беря колонов в широком смысле — и истинных колонов и рабов, посаженных на землю, т. е. псевдоколонов) является процессом раскрепощения, освобождения рабочей силы, т. е. ее качественного роста.

Однако этот процесс в рамках рабовладельческой формации не мог зайти сколько-нибудь далеко. Уже картина, нарисованная Плинием Младшим, говорит о чрезвычайно бедственном положении колонов, о ничтожной производительности их труда — вообще о низком уровне сельскохозяйственного производства Италии в конце I — начале II в. н. э. В дальнейшем положение трудящихся масс Римской империи становится все тяжелее. Политическая надстройка рабовладельческого общества — римское государство, стремясь задержать распад своего экономического базиса и свою собственную гибель, доводит до крайнего истощения платежные силы населения. Все это тормозит развитие рабочей силы, дальнейший процесс ее освобождения.

Важно установить, с какого времени в Римской империи начинает обнаруживаться несоответствие между производственными отношениями и производительными силами. В Италии оно ясно выступает с I в. н. э., а частично и раньше, с I в. до н. э., с восстания Спартака, которое нанесло сильнейший удар рабовладельческому хозяйству. Что же касается провинций, то там несоответствие стало обнаруживаться не раньше второй половины II в. н. э.

Римские рабовладельцы делали попытки привести производственные отношения в соответствие с производительными силами. Колонат, вольноотпущенничество, пекулий и были такой попыткой создания новых производственных отношений. Однако эти попытки, как мы видели, не дали и не могли дать никаких прочных и длительных результатов. Для перестройки производственных отношений и приведения их в соответствие с производительными силами нужна, прежде всего, победа революционного класса. Но в позднеримском обществе не было п о д л и н н о революционного класса. Таким классом не могли быть ни рабы, ни колоны. Не организованные, без ясного классового сознания, без сколько-нибудь определенной программы действий, они были способны только на стихийные восстания.

Хотя падение римского общества протекало в формах ожесточенной классовой борьбы, но в ней не было победителей: она окончилась «...общей. гибелью борющихся классов»[82].

В этом основная специфика социальной революции, положившей в Риме конец рабовладельческому обществу и создавшей предпосылки для общества феодального.

Совершенно очевидно, что здесь не может быть речи о физической гибели борющихся классов. Сколь ни велики были потрясения III—V в. в. н. э., сколь ни крупны человеческие потери в результате восстаний, варварских вторжений, голодовок и эпидемий этого периода, они не могли уничтожить классов как таковых. Погибал определенный, часто очень большой, процент рабовладельцев и рабов, но как классы рабовладельцы и рабы должны были оставаться. Следовательно, под «общей гибелью борющихся классов» нужно понимать другое: исчезновение в процессе борьбы самих классов как социальных категорий.

Здесь возможно сделать следующее допущение. В рамках рабовладельческого общества победа эксплуатируемых классов исключалась. Следовательно, классовая борьба была бесперспективной, выливаясь в длительный ряд восстаний, их подавлений, новых восстаний и т.д. Такое положение вещей могло длиться неопределенно долгое время — вплоть до того момента, когда борющиеся классы исчезают и сменяются другими классами. Тогда и старые формы классовой борьбы исчезают, сменяясь новыми формами. Но это уже означало падение старой общественно-экономической формации и появление новой. Тезис о том, что классовая борьба в рабовладельческом обществе не имела перспектив, не означает, конечно, что она не была революционной: нанося непрерывные удары рабовладельческому обществу изнутри, она в огромной степени ускоряла **его** гибель.

Одновременное отмирание классов рабов и рабовладельцев было вызвано разложением рабовладельческого способа производства, рабовладельческой формы собственности. Появление вместо централизованного рабовладельческого латафундиального хозяйства мелкого, фактически самостоятельного хозяйства колонов и квазиколонов и означало разложение рабовладельческого способа производства и появление предпосылок феодального способа производства.

Проследим на памятниках IV — V вв. заключительный этап эволюции колонов. Еще в знаменитом указе 332 г. колонов, замышляющих бегство, хотя они формально считаются свободными, дозволяется заключить в оковы, как рабов. Различие между рабом и колоном все больше исчезает. Так, указ 364 г. по отношению к императорским рабам и колонам гласит: «Рабы и колоны, а также их сыновья и внуки, или вообще кто бы то ни был из тех, кто из наших владений тайно перешел на различные службы, должны быть возвращены, даже если бы они находились на военной службе». Статус потомства рабыни и колонки считается одинаковым. «Какая разница между рабами и колонами (ad-scripticios),— спрашивает законодатель,— если тот и другой находятся во власти господина, который может освободить раба с его пекулием, а колона удалить вместе с землей из своего владения?» (Указ Юстиниана 530 г.).

Таким образом, колонат в условиях еще существующего рабовладельческого общества неизбежно и стихийно принимал рабовладельческую форму, несмотря на то, что рост производительных сил требовал новых производственных отношений. И такие отношения, так же стихийно и неизбежно, прорывались в рабовладельческой системе. Если положение колона все более приравнивалось к положению раба, то, с другой стороны, положение раба все более приближалось к положению колона. Ульпиан со ссылкой на Лабеона утверждает, что раб, работающий в поле на положении колона (quasi colonus), не входит в инвентарь

---

[82] К. Маркс и Ф. Энгельс, Манифест Коммунистической партии, 1953, стр. 32. В этом месте «Манифеста» речь идет, несомненно, о падении античного рабовладельческого общества.

имения. В указе Валентиниана, Валента и Грациана читаем: «Как оригинариев, так и сельских, внесенных в список рабов, ни в каком случае нельзя продавать без земли».

Но если колоны превращались в рабов, а рабы в колонов, то соответствующий процесс должен был иметь место и в антагонистическом классе рабовладельцев: из рабовладельцев они превращались в «колоновладельцев», т. е. в собственников земли, владевших, вместе с землей, и прикрепленными к ней колонами. Подобно тому, как в последние столетия Рима шел процесс отмирания класса рабов, шло и отмирание класса рабовладельцев.

Однако в этом отмирании были семена новой жизни: как колоны являлись «предшественниками средневековых крепостных» (Энгельс), так и| земельные магнаты поздней империи были предшественниками средневековых феодалов.

Таким образом, отсутствие в рабовладельческом обществе подлинно революционного класса, класса-гегемона, являлось причиной того, что в классовой борьбе III — V вв. не было победителей (если не считать таковыми варварские племена), что она окончилась общей гибелью борющихся классов, т. е. отмиранием обоих основных классов рабовладельческого общества.

Из этой основной черты вытекают и другие особенности революции III — V вв. С восстанием рабов и колонов тесно переплетались вторжения племен, окружавших Римскую империю. С началом общего кризиса рабовладельческого общества не означало отмирания рабовладельческой системы во второй половине II в. н. э. совпадает начало массовых вторжений в Римскую империю «варваров». Эти вторжения заканчиваются полным захватом западной половины империи варварскими племенами. Такое совпадение было не случайно. Во-первых, кризис ослабил военный потенциал Рима и сделал его относительно легкой добычей окружающих племен. Во-вторых, у этих последних как раз в первые столетия новой эры шел интенсивный процесс классообразования и консолидации племенных союзов, что облегчало задачу военного захвата Рима. В-третьих, отсутствие класса-гегемона в революции III—V вв. делало невозможной сколько-нибудь успешную оборону Рима. Наоборот: римские рабы и колоны всячески помогали варварам, что объясняет необычайную легкость и быстроту проникновения варварских племен на территорию Рима в V веке.

Таким образом, Западная Римская империя пала в результате двойного удара — изнутри и извне. Впрочем, в советской исторической науке этот вопрос освещен достаточно полно, и я могу не останавливаться на нем подробнее.

Второй особенностью социальной революции III — V вв. является тот факт, что феодальные отношения в Западной Европе сложились далеко не сразу после крушения рабовладельческого общества. Нужен был длительный срок (Энгельс определяет его в 400 лет), чтобы из материальных предпосылок и зародышей феодализма сложились подлинные феодальные отношения. «Между римским колоном,— говорит Энгельс,— и новым крепостным стоял свободный франкский крестьянин. „Бесполезные воспоминания и тщетная борьба" гибнущего римского мира уже умерли и были погребены. Общественные классы IX века сформировались не в обстановке упадка гибнущей цивилизации, а в родовых муках новой цивилизации. Новое поколение — как господа, так и слуги — в сравнении со своими римскими предшественниками было поколением мужей. Отношения между могущественными землевладельцами и зависимыми от них крестьянами, эти отношения, которые в Риме вели к безысходной гибели античного мира, становились теперь исходным моментом нового развития»[2].

Однако перед нами встает основной вопрос: имеем ли мы право назвать переворот III — V вв. социальной революцией? Переворот, в котором отсутствовала диктатура революционного класса, в котором огромную роль играл внешний момент — так называемое варварское завоевание, переворот, результаты которого (феодальные отношения) проявились несколько столетий спустя?

Теория социальной революции марксизма-ленинизма сложилась на материале двух революций — буржуазной и пролетарской. В этих революциях совершенно отчетливо выступают все черты социальной революции: смена способа производства, острая классовая борьба, перерастаются в гражданскую войну, победа революционного класса и его

диктатура, приведение производственных отношений в соответствие с характером и уровнем производительных сил. Таковы черты развитой, зрелой социальной революции. Но ограничивается ли исторически социальная революция в развитыми формами?

Анализ того первого и основного определения социальной революции, которое дал Маркс в предисловии «К критике политической экономии», не оставляет сомнения в том, что он понимал под социальной революцией в с я к у ю смену общественно-экономических формаций, в с я к у ю смену способов производства, вызванную резким несоответствием производственных отношений характеру и уровню производительных сил. Однако совершенно очевидно, что эта смена протекает различно, в зависимости от того, какие именно общественно-экономические формации, какие способы производства сменяют друг друга. В различных формациях имеется разный уровень производительных сил, и ведут борьбу разные антагонистические классы с различной степенью классового сознания. Очевидно, чем выше уровень производительных сил и чем выше классовое сознание, сплоченность и энергия революционного класса, тем более высокая форма социальной революции имеет место. Поэтому исторически наиболее развитой, высокой и типичной социальной революцией является социалистическая революция.

К ранним и, следовательно, менее развитым и менее типичным революциям принадлежит революция III—V вв. в Западной Римской империи[1]. Выше были указаны те специфические черты, которыми отличается эта революция. Они вытекают из основного факта: низкого уровня развития революционных классов — рабов и колонов, соответствующего низкому уровню производительных сил рабовладельческого общества. Рабы и колоны не могли победить в классовой борьбе III—V вв. и создать революционную диктатуру. Отсюда — историческая необходимость внешнего завоевания, довершившего ликвидацию рабовладельческого общества и государства, отсюда — позднее оформление нового способа производства.

Подведем итог. Социальный переворот III—V вв., положивший конец Западной Римской империи, по своим существенным чертам был социальной революцией. Эта революция не имела класса-гегемона и носила деструктивный характер. Поэтому ее можно определить только как антираб о в л а д е л ь ч е с к у ю с о ц и а л ь н у ю р е в о л ю ц и ю и нельзя ставить на одну доску с буржуазной и социалистической революциями, имеющими конструктивный характер. В ряду социальных революции прошлого она принадлежит к типу ранних[83].

§ 12. Еще раз о причинах гибели Рима

Рим довел до конца и все противоречия рабовладельческого общества. Только в условиях римского объединения могли полностью созреть все предпосылки крушения античного общества и его перехода в новую формацию.

Закон развития всякой общественно-экономической формации есть закон движения ее основного противоречия. Какую конкретную форму имеет основное противоречие рабовладельческого общества? Для ее определения мы должны исходить из специфической формы рабовладельческой эксплуатации. Рабство состоит в присвоении собственниками средств производства методами внеэкономического принуждения и прибавочного и отчасти необходимого труда рабов, т. е. непосредственных производителей, лишенных средств производства и являющихся собственностью рабовладельцев. Рабство исторически есть первая и самая примитивная форма эксплуатации, основанная на апроприации личности непосредственного производителя. Она соответствует крайне низкому уровню развития производительных сил, при котором никакая другая, более сложная форма эксплуатации невозможна. «Пока

[83] См.: С. И. Ковалев К вопросу о характере социального переворота III-V вв. в Западной Римской империи, «Вестник древней истории», 1954, № 3.

человеческий труд был так мало производителен,— говорит Энгельс,— что доставлял лишь небольшой излишек сверх безусловно необходимых человеку средств существования, увеличение производительных сил, расширение торговли, развитие государства и права, начало искусств и наук были возможны не иначе, как при усиленном разделении труда, в основу которого должно было лечь великое разделение труда между массами, поглощенными простой физической работой, и немногими привилегированными, управлявшими трудом, занимавшимися торговлей государственными делами, а позже искусствами и науками. Простейшей, естественно выросшей формой такого разделения труда было именно рабство. При исторических условиях древнего, в частности греческого, мира переход к общественности, основанной на классовой противоположности, мог совершиться только в форме рабства».

В соответствии с характером эксплуатации на низком уровне производительных сил рабское производство является простой кооперацией ; индивидуальных производителей. Сложная кооперация, т. е. техническое разделение труда, как правило, невозможна в условиях рабовладельческой системы. Сложная кооперация требует прежде всего высокого развития производителя как психофизической личности; рабство с его примитивно жестокими методами эксплуатации не давало никаких возможностей для такого развития. Сложная кооперация требует далее высокого развития техники: сложных орудий труда, сложной системы технических приемов и трудовых навыков. На том уровне производительных сил, на котором стояло рабовладельческое общество, и при тех формах эксплуатации, которые оно применяло, это было недостижимо. Вот почему в античности любая кооперация рабов есть в основном простая кооперация, любое рабовладельческое хозяйство есть простое соединение индивидуальных производителей (ремесленников), объединенных не внутренним процессом производства, а внешними рамками единой хозяйственной организации. Возьмем ли мы постройку египетских пирамид, афинскую рабскую мастерскую или римскую латифундию — нигде здесь дальше элементарных зародышей, технического разделения труда Дело: не шло. Раб есть индивидуальный производитель, выполняющий в основном ту же самую работу, что и остальные.

Эксплуатации рабов требовала особой формы рабовладельческой собственности как адекватного выражения всей системы производственных отношений. Античное общество как первая классовая формация получает на заре своей истории в наследство от первобытно-коммунистического общества общинную собственность. Эта последняя в условиях формирования классового рабовладельческого общества трансформируется в собственность общинно-государственную. Это происходит потому, что рабовладельцы вынуждены, как говорят Маркс и Энгельс, «перед лицом рабов сохранять эту естественно возникшую форму ассоциации». «Граждане государства лишь сообща владеют своими работающими рабами и уже в силу этого связаны формой общинной собственности».

Эти замечательные слова раскрывают перед нами все своеобразие античной собственности. Благодаря примитивному характеру эксплуатации рабовладельцы должны выступать как тесно сплоченный коллектив. Только таким путем могут они господствовать над рабами, в условиях простой кооперации. всегда сконцентрированными большими или меньшими массами. Вот почему общинная форма ассоциации в обстановке классового общества сохраняется, но превращается в общинное государство, в полис, как его называли греки. Меняет свое содержание и старая общинная собственность, превращаясь в собственность общинно-государственную. Эта последняя, сохраняя коллективную форму, является уже классовой собственностью, служащей орудием эксплуатации, т. е. является частной собственностью. Таким образом, античная собственность есть не что иное, как коллективная общинно-государственная частная собственность рабовладельцев.

Конкретно исторические формы этой собственности могут быть весьма различны в зависимости от степени достигнутого развития. В тех случаях, где имеется резко выраженная классовая противоположность между маленькой группой рабовладельцев и большими массами рабов, античная собственность выступает в ее наиболее чистой форме. Такое положение было, например, в Спарте, где долго отсутствовала

индивидуальная частная собственность на основные средства производства — на землю и илотов. В других случаях, когда рабские массы были менее концентрированы, а степень развития денежного хозяйства была более высокой, античная собственность выступала в модифицированной форме. Так было, например, в Афинах и в Риме. Здесь индивидуальная частная собственность уже достигла большого развития. Коллективная общинно-государственная собственность сохранялась не столько в своей непосредственной форме (ager publicus, т. е. общественная земля, в Риме, Лаврийские серебряные рудники в Аттике), сколько в широком участии всех граждан в доходах полиса (всякого рода раздачи, кормления и пр.). Необходимо впрочем отметить, что развитие индивидуальной частной собственности в античных полисах есть уже симптом их начинающегося упадка. Таким образом, система производственных отношений рабовладельческого общества нашла себе адекватное выражение в специфической форме коллективной общинно-государственной собственности. Иначе говоря, присвоение в античном обществе носило своеобразный коллективный характер, в то время как производство оставалось ремесленно-индивидуальным. В этом было противоречие, так как индивидуальное производство требует и индивидуального присвоения. Это противоречие необходимо считать основным; оно является противоречием между производственными отношениями и производительными силами (собственность и способ производства). Вместе с тем оно конкретно, ибо оно специфично только для данной общественно-экономической формации. Таким образом, конкретная форма основного противоречия рабовладельческого общества есть противоречие между коллективной общинно-государственной собственностью и индивидуальным производством.

Основное противоречие всякой общественно-экономической формации порождает ряд производных противоречий. Постараемся определить важнейшие производные противоречия рабовладельческого общества. Прежде всего, необходимо отметить противоречия воспроизводства рабовладельческой системы, в частности воспроизводства рабочей силы. При развитой форме рабства рабочая сила не может воспроизводиться внутри самого рабовладельческого общества в количествах, сколько-нибудь достаточных не только для расширенного, но и для простого воспроизводства. В развитых рабовладельческих государствах гражданин, как правило, не может стать рабом. Что же касается естественного. размножения рабов, то, несмотря на меры поощрения, которые практиковали здесь рабовладельцы (питомники рабов, награды многодетным рабыням и т. д.), это естественное размножение далеко не могло покрыть убыли рабочей силы. Благодаря отсутствию у подавляющего большинства рабов семьи процент рождаемости был очень невысок. Следовательно, оставался единственный путь воспроизводства: захват рабочей силы извне, в других рабовладельческих обществах или на колониальной периферии путем войны, пиратства, долговой кабалы (римские откупщики в провинциях) и т. п. Такой характер воспроизводства требовал непрерывной внешней экспансии, причем экспансии хищнической, примитивной, связанной с огромным разрушением производительных сил, разорением городов, обезлюдением целых областей и т. п. Не случайно, поэтому война играла такую огромную роль в экономике рабовладельческого общества. В тех же случаях, когда в примитивно-рабовладельческих обществах практикуется рабство-должничество по отношению к своим же согражданам (как было во многих государствах Древнего Востока), воспроизводство рабочей силы достигается путём сужения социальной базы такого рабовладельческого общества. Следовательно, и в том и в другом случае проблема воспроизводства решается ценой колоссальной растраты производительных сил. Здесь скрыто одно из важнейших противоречий рабства, приводящих его к гибели.

Далее нужно указать на противоречие между общинно-государственной и индивидуальной собственностью. Общинно-государственная собственность не может сохраниться неизменной на всем протяжении - истории рабовладельческого: общества. Наоборот, она является резервуаром, непрерывно питающим индивидуальную 'собственность. Экономическая дифференциация, развитие торговли и денежного хозяйства

ускоряют процесс разложения общинно-государственной собственности и содействуют возникновению крупной индивидуальной собственности. Особенно ясно это выступает в Риме, где общественная земля ager publicus) была главным источником образования частного землевладения, а доходы с провинций, этой «добычи римского народа», служили предпосылкой для формирования крупных состояний римских денежно-торговых капиталистов II и I вв.

Крупная индивидуальная собственность рабовладельцев, разлагающая общинно-государственную собственность, оказывается в противоречии и с собственностью мелких производителей античного общества. Мелкая индивидуальная собственность обычно сосуществует с общинно-государственной собственностью в качестве ее необходимого дополнения. Она либо сохраняется еще от древнейших времен (земельная собственность плебеев в Риме), либо возникает заново в качестве модификации общинно-государственной собственности (римские колонисты, афинские клерухи). И в том и в другом случае мелкая индивидуальная собственность не противоречит общинно-государственной, наоборот, эта последняя является в известной степени основой благосостояния мелких свободных производителей, их земельным фондом и источником дополнительных доходов.

Иначе обстоит дело с отношением между крупной и мелкой собственностью. Это отношение противоречиво. Во-первых, потому, что крупная индивидуальная собственность разрушает общинно-государственную и таким образом лишает мелких свободных производителей в известном смысле их базы. Во-вторых, крупная собственность рабовладельцев и непосредственно разрушает мелкую собственность. Крупное рабовладельческое хозяйство экономически сильнее, и мелкие рабовладельцы обычно терпят поражение в конкурентной борьбе с ним. Правда, здесь действует еще ряд политических моментов, о которых речь пойдет ниже. Но и экономической стороны противоречия нельзя забывать. Дело кончается тем, что крупная собственность, в конце концов, поглощает мелкую, подрывал тем самым один из важнейших устоев рабовладельческого общества. Те экономические противоречия античного общества, о которых мы только что говорили, находили выражение в классовых противоречиях. Основное противоречие между общинно-государственной собственностью и индивидуальным производством: выражалось в основном противоречии между двумя антагонистическими классами античного общества: рабовладельцами (свободными) и рабами. Первые были носителями общинно - государственной собственности, вторые — представителями индивидуального производства. Борьба между ними являлась центральным стержнем древней истории и определяла собой основные этапы ее развития.

Противоречия воспроизводства выражались в своеобразных и очень сложных противоречиях частью между отдельными рабовладельческими государствами, частью между ними и колониальной периферией, частью, наконец, между державным полисом и его «союзниками», данниками, провинциалами и т. д. По отношению к отдельным государствам — это противоречия внешние, по отношению ко всему рабовладельческому обществу — внутренние. Эти противоречия являлись движущей силой формирования и распада больших восточных монархий, они сказывались в отношениях между Афинами и членами афинского морского союза, они выражались в восстаниях провинций против Рима и т. д. В тех же случаях, когда в условиях примитивного рабства мы встречаемся с рабством - должничеством как источником и методом воспроизводства рабочей силы, это противоречие должно рассматриваться, как чисто внутреннее противоречие каждого данного общества. Тогда оно является противоречием между крупными рабовладельцами (землевладельцами и ростовщиками) и мелкими свободными собственниками (или общинниками) как потенциальными рабами и приобретает характер антагонизма. Но в условиях развитого рабства противоречие между крупными и мелкими собственниками не является антагонистическим. Это — противоречие между отдельными прослойками рабовладельческого класса, так как во всяком развитом рабовладельческом обществе мелкие собственники суть полноправные граждане полиса и как таковые не могут стать рабами в своем же государстве. Тем не менее это противоречие играет огромную роль в истории всех античных обществ.

Точно так же не является антагонистическим и то социальное противоречие, которое выражает собой противоречие между общинно-государственной и крупной индивидуальной собственностью. Носителями этой последней в процессе разложения общинно-государственной собственности становятся крупные землевладельцы, оптовые торговцы и ростовщики. Общинно-государственную собственность на этой стадии развития защищают мелкие крестьяне и ремесленники и особенно люмпен-пролетарии, для которых она является главным источником существования. Следовательно, здесь переплетаются различные социальные противоречия внутри класса рабовладельцев, в том числе и противоречие между крупными и мелкими собственниками.

Развитие всех этих противоречий образует историю античных обществ. Наметим ее основные этапы. Первоначально рабовладельческая собственность выступает как привилегированная собственность узкого родового коллектива или, по крайней мере, сохраняющего сильные черты родовых отношений, которому противостоит масса мелких производителей-собственников. Это — переходный период от родового общества к классовому. Античная общинно-государственная собственность только еще формируется в процессе образования полисов. Правящая аристократическая верхушка выступает по отношению к родовым общинникам или к стоящим вне общины производителям в качестве ростовщиков. Развивается долговое рабство, которое ставит под удар самое существование мелких свободных производителей. Эти последние начинают долгую борьбу против нависшей над ними угрозы рабства, борьбу за включение их в качестве полноправных граждан в состав полиса. В тех случаях, когда борьба оказывается успешной (Афины, Рим), образуется наиболее развитой тип рабовладельческого полиса (античная демократия). В других случаях (преимущественно на Востоке) свободным производителям не удается отстоять себя от долговой кабалы, и тогда складывается диаметрально противоположный тип рабовладельческого государства — восточная деспотия, опирающаяся на очень узкую социальную базу и поэтому - крайне непрочная. Наконец может существовать промежуточная форма, когда мелкий производитель остается свободным, но не обладает всей полнотой политических прав. Это — рабовладельческая олигархия (финикийские города, Карфаген, Коринф).

Конкретная история античных обществ в ее ранней фазе представляет огромные трудности для изучения благодаря характеру источников. Так, мы очень плохо внаем историю становления рабовладельческих обществ Востока. Целый ряд почти неразрешимых проблем возникает и в связи с ранней историей Греции. Здесь положение осложняется вопросом о крито-микенской стадии греческого общества. В этой области можно выдвигать пока только рабочие гипотезы. Наиболее вероятная из них дана во втором томе настоящей работы. Аналогично стоит, проблема ранней история Рима. Здесь большие трудности представляет вопрос об этрусском этническом слое в его отношении к италийскому.

И крито-микенекая и этрусская проблемы тесно увязываются с более общим вопросом о характере становления классового общества в Средиземноморье. По отношению к ряду случаев мы имеем достаточно материала, показывающего революционный характер этого процесса, например во многих греческих городах-государствах, в Риме и по-видимому в Месопотамии. Но мы не можем показать это на конкретном материале по отношению ко всем случаям. Кроме того даже и в тех случаях, когда революционный путь формирования рабовладельческого общества ясно виден, мы не знаем многих существеннейших сторон этого процесса. Так например у нас нет достаточного конкретного материала для показа так называемого «падения» крито-микенского общества как результата революционного процесса, и мы должны ограничиваться здесь предварительными рабочими гипотезами. Следующая стадия, стадия полного развития рабовладельческих отношений, известна нам значительно лучше. Несмотря на множество конкретных особенностей, в которых выступает история отдельных античных обществ, и здесь возможно установить общую закономерность. Рабство как способ эксплуатации занимает ведущую роль в экономике. Рабами служат преимущественно иноплеменники, рядом с которыми в менее развитых обществах (преимущественно на Востоке) играют большую роль рабы-должники. Рост

производительных сил выражается главным образом в количественном росте рабства, так как рабовладельческая техника стабилизируется и в дальнейшем уже не обнаруживает заметного прогресса. Античная собственность из родовой окончательно превращается в общинно-государственную классовую собственность рабовладельцев. В каких бы разнообразных формах она ни проявлялась, сущность ее остается неизменной: все члены государства-общины в принципе имеют равную долю участия в государственных доходах. Политическим выражением этого принципа является античный полис, город-государство, в своих наиболее развитых формах выступающий как античная демократия. В ней все граждане государства имеют одинаковые политические права и противостоят массе рабов, подданных, союзников и т. д., являющихся объектом эксплуатации со стороны державной общины. Античная демократия с ее многообразными формами политической жизни и напряженной классовой борьбой, развивающаяся в обстановке интенсивных экономических и политических связей с внешним миром, античная демократия, владеющая огромными массами прибавочного продукта, является предпосылкой для чрезвычайно высокого развития идеологии.

Точка расцвета античных обществ есть вместе с тем и начало их упадка. В рамках коллективной общинно-государственной частной собственности развивается крупная индивидуальная частная собственность. Она разрушает общинную собственность, подрывая самую основу существования мелких свободных производителей. Крупное рабовладельческое хозяйство поглощает мелкую собственность и обрекает на нищету широкие массы свободных граждан государства. В условиях рабовладельческой системы они превращаются в люмпен-пролетариев, деклассированную городскую толпу, находящуюся на содержании у государства и отдельных богачей. В менее развитых обществах мелкие собственники попадают на положение рабов-должников. Деградация мелких свободных производителей означала ослабление военной силы полиса, так как именно они служили основными кадрами, из которых черпалась рабовладельческая милиция. Этим объясняется переход к системе наемных армий, типичный для всех античных обществ в конце эпохи расцвета.

В связи со всеми этими процессами чрезвычайно обостряется внутриклассовая; борьба между разоряющейся и закабаляемой массой свободных производителей и имущей верхушкой (восстание «маленьких» в конце Среднего царства в Египте, острые вспышки социальной борьбы в Греции в IV в. до н. э., широкое демократическое движение в Италии во II — I вв. до н. э. и др.). Эта борьба развертывается на фоне все обостряющегося и углубляющегося противоречия между рабовладельцами и рабами. Последняя фаза истории античных обществ характерна распадом рабовладельческой хозяйственной системы, колоссальным обострением классовой, борьбы, перерастающей в революцию, и поглощением античных обществ окружающей варварской средой. Все эти процессы намечались уже в истории восточных государств и в истории Греции. Но там они задерживались тем, что все эти государства завоёвывались «молодыми» и сильными рабовладельческими же обществами «Там, где рабство является господствующей формой— производства Энгельс, — там труд становится рабской деятельностью, т. е. чем –то бесчестящим свободных людей. Благодаря этому закрывается выход из подобного способа производства, в то время как, с другой стороны, требуется устранение его, ибо для развития производства рабство является помехой. Всякое покоящееся на рабстве производство и всякое основывающееся на нем общество гибнут от этого противоречия. Разрешение его дается в большинстве случаев насильственным покорением гибнущего общества другими, более сильными (Греция была покорена Македонией, а позже Римом). До тех пор, пока эти последние, в свою очередь, покоятся на рабском труде, происходит лишь перемещение центра, и весь процесс повторяется на высшей ступени, пока, наконец, Рим не был покорен народом, введшим вместо рабства новый способ производства».

Таким образом, только в Риме все противоречия рабовладельческого общества могли достичь своего естественного и внутреннего развития и должны были быть полностью раз-

решены. Поэтому только в римскую эпоху кризис античного общества мог стать общим и окончательным.

Восстания рабов и демократические движения II и I вв. до н. э., широкой полосой охватившие весь район Средиземноморья, нанесли жестокий удар рабовладельческому обществу. Но путем создания военной диктатуры рабовладельцам удалось справиться с первым взрывом революции и достичь временной и условной «стабилизации» первых двух столетий империи. Однако процессы социального распада внутри римского государства продолжались и вызвали в III в. н. э. второй взрыв революции, которая на этот раз в тесном единстве с варварским завоеванием положила конец рабовладельческому обществу.

Непосредственными причинами крушения рабовладельческого общества и вместе с тем формами, в которых оно протекало в эпоху империи, были следующие. Специфические методы воспроизводства рабовладельческой системы вызвали огромное падение производительных сил Средиземноморья, выразившееся в аграрном кризисе, начавшемся еще с конца республики, снижении техники, падении товарности хозяйства и финансовом кризисе II и III вв. н. э. Одновременно с этим шел процесс образования крупной, преимущественно земельной, собственности и параллельное ему разорение мелких производителей-собственников. Широкие слои рабовладельческого общества были охвачены нетрудовой психологией. Старая полисная система разложилась и была заменена монархией, все более и более приближавшейся к типу восточной деспотии. Сокращение рынка и возрастающие трудности общего воспроизводства рабочей силы, созданные экономическим и политическим кризисом империи, привели к упадку старой формы эксплуатации рабов и замене ее новой модификацией рабства — колонатом. Этот последний являлся возрождением мелкого хозяйства, но в совершенно иных условиях экономического кризиса и жесточайшего гнета. Поэтому колоны, первоначально свободные съемщики земли, уже к III в. попали в кабалу к крупным собственникам. Этот процесс закабаления был ускорен политикой римского государства, которое в борьбе с общим кризисом тщетно пыталось решить проблему воспроизводства рабовладельческой системы. Страшное обнищание масс, гнет налогов, закабаление свободных производителей и были непосредственными причинами второго взрыва революции рабов, которая, начавшись в III в. н. э., окончательно ослабила изнутри римское государство. Западная половина: его стала добычей варваров. На Востоке, где кризис сказывался меньше, формально уцелела власть римских императоров. Но и Византия заливалась варварскими элементами, среди которых, как и на Западе, стали развиваться процессы феодализации[84].

§ 13. Способна ли была Римская империя перейти к феодализму за счет борьбы революционного крестьянства и восставших рабов?

Мы уже неоднократно подчеркивали, как происходит движение, развитие, самодвижение в истории человечества. Основная противоположность истории человечества между производством и разделением труда рождает частную собственность, которая в свою очередь рождает противоречия. Эти противоречия толкают людей к их разрешению, пора в самой суровой форме - борьбе классов.

Могла ли выйти за счет борьбы классов из своих противоречий Римская империя? Ответы на этот вопрос мы сейчас воспроизведем из трудов классиков научного понимания истории.

Энгельс неоднократно указывал на то, что в условиях рабовладельческого общества античности не было выхода из противоречий, которые возникали в ходе развития этого

[84] См.: История Древнего мира, Под ред. В. Н. Дьякова и Н.М. Никольского, М., 1952, 781с.

общества. Там где рабство является господствующей формой производства, лишающей граждан работы, прежде всего крестьян, исчезает революционная сила крестьян, отрицающих рабовладение и утверждающих новый способ производства. Всякое покоящееся на рабстве производство и всякое основывающееся на нем общество гибнут от этого противоречия», - писал Энгельс. Благодаря этому закрывается выход из подобного способа производства, тогда как требуется устранение рабства, ставшее помехой развития. «Уничтожение рабства победоносным восстанием древний мир не знает», - говорит Энгельс. В обществе нет революционного класса, каким станут в будущем крепостные крестьяне в Европе и пролетариат. При таком поражении, как в Риме, естественно, что «всякое основывающееся на нем общество гибнет от противоречия, разрешение которого, - говорит Энгельс, - дается в большинстве случаев насильственным покорением гибнущего общества другими, более сильными (Греция покорена Македонией, позднее Римом). До тех пор, пока эти последние в свою очередь, покоятся на рабском труде, происходит лишь перемещение центра, и весь процесс повторяется на высшей ступени, пока, наконец, Рим был покорен народом, введшим вместо рабства новый способ производства. Либо же рабство отменяется насильственно или добровольно, и в таком случае прежний способ производства гибнет».[85] Эти факты истории и приводят основоположников научного понимания истории к выводу о роли насилия пре переходе от одного способа производства к другому. Там где нет революционного класса, насильственного ниспровержения власти отжившего класса, там государство, а с ним часто и народ, погибают. Поэтому – то марксизм настаивает на необходимости насильственного ниспровержения старого строя, если человечество не желает длительного кризисного угасания в муках междуусобных войн. Не один рабовладельческий режим не перешёл к феодализму, погибал под ударами соседей, исчезал с лица человеческой истории.

Здесь мы находим ответа на причины гибели великих империи, государств, основанных на рабовладении, отсутствии производительных революционных сил, отрицающих старый, рабовладельческий способ производства. Кроме этого наш читатель должен знать сущность теории классовой борьбы, прявляющейся как источник развития классового общества, которую детально мы разберем и покажем выше.

Мы видим, что рабство становилось тормозом развития. Рабовладельцы производили хозяйственные изменения, сдвиги по преодолению застоя в хозяйстве, основанном на труде рабов. Для этого вводился колонат, переход к натуральному хозяйству и тому подобное. Но все было безрезультатным, так как рабовладельцы не могли и не хотели изжить самих себя, стать хотя бы феодалами. В истории господствующим класс проводит реформы, изменения в границах своих собственных интересов, собственного существование, далее их он прогресса истории видеть не может и не хочет. Не исключение в этом и класс буржуазии.

Именно поэтому партия большевиков сознательно взяла курс на уничтожение в России самодержавного строя, не дожидаясь пока это угасающее в своих противоречиях общество не будет уничтожено более сильными империалистическими соседями. И факты античной истории подтверждают, что процесс, движения, развития, самодвижения проявляет себя в истории как классовая борьба.

§ 14. Роль кочевых народов в отрицании рабовладельческих и загнивающих обществ в истории человечества

Мы не можем объяснить причины падения рабовладения в Римской империи без изучения роли германцев в этом процессе. Подобно же роль в разрушении рабовладения даже застоявшегося в своем развитии феодализма сыграли арабы, монголы, турки. Где корни

[85] См.: Энгельс Ф. Диалектика природы. М., 1933, с. 49

и причины участия кочевых народов в разгроме тупикового существования рабовладельческих обществ?

Мы уже отмечали в одной из глав первобытного общества неравномерность общественного развития на этапе сложения классового общества, которая ведет к тому, что по всей территории центральной полосы Азии и Африки сложились наиболее ранние центры земледелия, развивающие раньше всего классовую дифференциацию и государство. Они оказываются окруженными морем скотоводческих, кочевых и полукочевых племен, в силу условий своего производства гораздо медленнее изживающих традиции родового строя и, по существу, сохранивших их в деформированном виде до наших дней.

Это соседство не проходило и не проходит бесследно для обеих групп соседей. Развитие обмена революционизирующее действует на скотоводческие общества, ускоряя процесс выделения родовой аристократии, монополизирующей в своих руках торговлю с оседлыми соседями и очень рано вступающими с ними в политическую связь. Так будет у германцев, русских, монголов, еще ранее у арабов, и у турков. Нам это еще предстоит проследить.

Если мы проследим историю этих взаимоотношений и даже завоеваний, историю возникновения династий кочевнического происхождения, то мы увидим, что эти завоевания тесно связаны с этапами внутреннего развития земледельческих государств, с этапами классовой борьбы внутренней, причем роль кочевников в этой борьбе подчиняется определенным закономерностям. Эти завоевания совпадают с теми кризисами рабовладельческого и феодального общества, на которых мы останавливались выше, начиная с германцев. Причем кочевники выступают в большинстве случаев как орудие в обостряющейся в период этих кризисов классовой борьбе - орудие в руках определенных группировок против как крупных феодалов, так и крестьянской революционной войны.

При этом роль кочевников была далеко не пассивной. Кочевническая аристократия не ограничивалась второстепенной ролью хорошо оплачиваемых наймитов. При всем своем уважении к престижу самодержцев феодального востока, они не прочь были, и сменить их собою. И на всем протяжении истории Азии мы видим цепь этих смен - то в виде свержения династий вождями кочевнических наемников (образование династии мамлюков, газневидов), то в виде форменных завоеваний, которые по существу, представляли собой восстания вассалов - кочевников против своих сюзеренов.

Вслед за этим обычно начинается период распада феодальных «деспотий», в связи со щедрой раздачей инвеститур родственникам главы кочевнической «империи», подчиненным племенным и родовым вождям.

Затем процесс повторяется на высшей основе, когда при этих же социальных отношениях процесс разыгрывается на более широкой территориальной базе, допуская более глубокое географическое разделение труда и ускоряя весь процесс развития.

Так, на заре истории мы имеем целую цепь деспотий от Египта, через Ассирию, Вавилон, Мидию.

В половине первого тысячелетия до нашей эры мы имеем последовательные выступление держав, претендующих на мировое господство, в лице сперва Египта, затем - более успешно Ассирии и, наконец, Персии. На Востоке параллельно идет сложение мощной китайской империи под властью династии Хань (западного, едва ли ни кочевнического происхождения). Затем в этот процесс вклинивается античное общество в лице сперва Македонской империи, а затем Рима.

И к началу нашей эры «вселенная» той эпохи оказывается прочно поделенной между тремя великими державами - Римом, Ираном и Китаем. Их борьба породит великое переселение кочевнических народов, процесс распада рабовладельческого общества в Риме зарождение ислама, арабской государственности.[86]

К этим вопросам мы в соответствующем месте вернемся конкретно. Здесь же нас интересует роль германцев в разрушении рабовладельческого Рима и образовании

[86] См.: Толстов С. П. Очерки первоначального ислама. «Советская этнография», 1932. № 2.

феодальных государств. О самих же германцах мы будем говорить в следующих главах, посвященных зарождению феодализма.

§ 15. Общественно – экономическая формация- научная категория для изучения индивидуальности и повторяемости типов производства, типов общества в их становлении и развитии их периодизации

Подводя итоги существования Римской империи, античной формы собственности, мы можем проследить как конкретное, целостное развитие определенных народов, как социального организма, отражённого через научную категорию - общественно-экономическая формация. Когда мы рассматриваем историю человечества как естественный непрерывный процесс, то мы не сможем рассматривать всю историю человечества как одно качественно неизменное состояние. История постоянно развивается, приобретает качественно новое состояние. Всё это в истории мы должны научно зафиксировать, отразить в научных категориях. А как иначе? В связи с этими потребностями Маркс и выработал категорию - общественно-экономическая формация, суть которой запретил Сталин в 1931 году.

Поэтому любое целостное развитие общества, как истории народа на основании одной формы собственности от начала, зародыша до его исчезновения в форме государства, производства, мы можем выделить как целостную общественно-экономическую формацию. История Рима с момента его возникновения до исчезновения Римской империи полностью может быть охвачена категорией - рабовладельческая общественно-экономическая формация. Подобным же методом мы можем познать и охарактеризовать первобытную, феодальную, капиталистическую и начала коммунистической формации.

До зарождения научного понимания истории социологи понимания общество не в его конкретном историческом существовании, а как общество вообще. Маркс показал, что «общество вообще» есть лишь абстракция; конкретно-исторически всегда существует определенное общество в особой его форме с присущими ему законами существования и развития, как формация. Ленин об этом писал так:

«В предисловии «К критике политэкономии» Маркс, взявши за исходный пункт основной для всякого человеческого общежития факт - способ добывания средств к жизни, поставил в связь с ним, то есть основным законом истории, те отношения между людьми, которые складываются под влиянием данных способов добывания средств к жизни и в системе этих отношений («производственных отношений» по терминологии Маркса) указал ту основу общества, которая облекается политико-юридическими формами и известными течениями общественной мысли. Каждая такая система производственных отношений является, по теории Маркса, особым социальным организмом, имеющим особые законы своего зарождения, функционирования и перехода в высшую форму, превращения в другой социальный организм. Этой теорией был применен к социальной науке, - как писал Ленин, - тот объективный, общенаучный критерий повторяемости, возможность которого в социологии отрицали субъективисты[87]. Именно анализ материальных общественных сразу дал возможность подменить повторяемость и правильность и обобщить порядки разных стран в одно основное понятие «общественной формации». Только такое обобщение и дало возможности перейти от описания (и оценки с точки зрения идеала) общественных явлений к строго научному анализу их, выделяющему то, что отличает одну капиталистическую страну от другой, и исследующему то, что обще всем им, как разъяснял Ленин в «друзьях народа».

Ленин писал о социально-экономических формациях: «Маркс положил конец воззрению на общество, как на механический агрегат индивидов, допускающих всякие

[87] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. т. 1, с. 429

изменения по воле начальства (или, все равно, по воле общества и правительства), возникающий и изменяющийся случайно»[88]. Именно тем, что Маркс установил понятие общественно-экономической формации, он, по разъяснению Ленина «впервые поставил социологию на научную почву». Учение об общественно-экономических формациях окончательно ликвидировало возможность субъективистского подхода в изучении истории общества: «На место рассуждений субъективистов об «обществе» вообще, рассуждений бессодержательных и не шедших далее мещанских утопий (ибо не выяснена была даже возможность обобщения самых различных социальных порядков в особые виды социальных организмов) было поставлено исследование определенных форм устройства общества. На место субъективизма было поставлено воззрение на социальный процесс как на естественноисторический процесс, - воззрение, без которого конечно, и не могло бы быть общественной науки»[89].

Теория общественно-экономических формаций выработана на основе многих, даже буржуазных исследований. Особую роль в этом сыграла теория классов и классовой борьбы, о которой мы еще будем множество раз говорить.

Исходя из всего этого Ленин пишет: «Марксизм указал путь к всеобъемлющему, всестороннему изучению процесса возникновения, развития и упадка общественно-экономических формаций, рассматривая совокупность всех противоречивых тенденций, сводя их к точно определенным условиям жизни производства различных классов общества, устраняя субъективизм и произвол в выборе отдельных «главенствующих» идей или в толковании их, вскрывая корни всех и всех различных тенденций в состоянии материальных производительных сил».

Перейдем теперь к непосредственным характеристикам общественно-экономических формаций, разработанных классиками научной истории.

Маркс и Энгельс сформулировал понятие общественно-экономической формации уже в «Немецкой идеологии», но не выразили в строго научных, классических определениях. Вот одно из определений понятия формация, но еще не объединенного в категорию строго выделяющуюся: «Способ, каким люди производят необходимые им средства к жизни, зависит, прежде всего, от свойств самих эти средств, находимых ими в готовом виде и подлежащих воспроизведению. Этот способ производства надо рассматривать не только с той стороны, что он является воспроизводством физического существования индивидов. В еще большей степени, это - определенный способ деятельности данных индивидов, определенный вид их жизнедеятельности, их определенный образ жизни. Какова жизнедеятельность индивидов, таковы и они сами. То, что они собой представляют, совпадает, следовательно, с их производством - совпадает как с тем, что они производят, так и с тем, как они производят».[90]

Здесь мы уже находим все те положения, которые будут более конкретизированы, дополнены в классическом определении общественно-экономических формаций в «Предисловии» «К критике политэкономии».

И сам Ленин сделал многое по детализации содержания категории общественно-экономическая формация. В работе «О государстве» он показал общее в развитии для всех формаций. Развитие всех человеческих обществ в течении тысячелетий, - писал он, - во всех без изъятия странах показывает нам общую закономерность, правильность, последоваетльность этого развития таким образом, что в начале мы имеем общество без классов - первоначальное патриархальное, первобытное общество, в котором не было аристократов; затем общество, основанное на рабстве, общество рабовладельческое… За этой формой последовала в истории другие формы - крепостное право. Рабство в громадном большинстве стран в своем развитии превратилось в крепостное право… Далее, - в крепостническом обществе, по мере развития торговли, возникновения всемирного рынка,

[88] Ленин В. И. Полн. собр. соч. т.1, с. 429
[89] Ленин В. И. Полн. собр. соч. т. 1 , с. 430
[90] Маркс К., Энгельс Ф., Соч., т. 3 , с. 19

по мере развития денежного обращения, возникая новый класс – класс капиталистов. Из товара, из обмена товаров, из возникновения власти денег возникала власть капитала.

Этот основной факт - переход общества от первобытных форм рабства к крепостничеству и, наконец, к капитализму, - подчеркивал здесь же Ленин, - вы всегда должны иметь в виду ибо, только вспоминая этот основной факт, только вставляя в эту основную рамку все политические учения, вы в состоянии будете правильно оценить эти учения и разобраться к чему они относятся, ибо каждый из этих крупных периодов человеческой истории - рабовладельческий, крепостнический и капиталистический - обнимает десятки и сотни столетий и представляет такую массу политических форм, разнообразных политических форм, разнообразных политических учений, мнений, революций, что разобраться во всей этой чрезвычайной пестроте и громадном разнообразии, особенно связанном с учениями политическими, философскими и прочими буржуазных ученых и политиков, можно в том только случае, если твердо держаться, как руководящей основной нити, этого деления общества на классы, изменения форм классового господства и с этой точки зрения разбираться во всех общественных вопросах – экономических, политических, духовных, религиозных и так далее. [91]

Вот такие значение уделял Ленин знанию закономерностей, - последовательности развития смены формаций для научной истории. Наша работа, по возможности, стремится не противоречить ни одному положению учения о формациях, стремиться воспроизвести по крупицам все то, что было забыто во времена Сталина и КПСС.

Теория общественно-экономических формаций, как и теория классической борьбы, были запрещены вслед за запрещением всего марксизма в целом. Об этом подробно писала газета «Правда» 16 мая 1934 года, когда было принято новое постановление Правительства и ЦК КПСС. «О преподавании гражданской истории». С тех пор и вплоть до крушения КПСС «формационный подход» в изучении истории, как и классовый подход - отсутствовали. И, тем не менее, идеологи КПСС, ее лидеры постоянно клялись в своей верности марксизму - ленинизму, называя себя «верными ленинцами» и «коммунистами», хотя ничего общего ни с теми, ни с другими никогда не имели.

Нам же придется постоянно оперировать этой категорией, чтобы не отклониться от единственно правильного научного метода познания истории. В следующих томах мы ещё не раз будем рассматривать теорию общественно-экономических формаций, но уже феодализма, капитализма, коммунизма.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы проследили историю античного общества на довольно большом фактическом материале. Теперь мы должны попытаться вскрыть общий закон движения, внутреннюю закономерность развития античного рабовладельческого общества.

Только что мы рассмотрели сущность общественно – экономических формаций, а сейчас проследим развитие и гибель античной формации на основании работы С. И. Ковалёва по истории Рима 1936 года издания. В 1948 году он такое излагать уже не мог.

Установить закон развития общественной формации — это значит, прежде всего, вскрыть ту конкретную форму, в какой выступает в этой формации основное противоречие между производительными силами и производственными отношениями, писал С. И. Ковалёв в 1936 году. Основным законом развития общества является закон развития в противоречиях. Общество развивается путем борьбы противоположностей. Во всяком обществе, на всякой стадии его развития, существует группа противоречий, типичных для данной стадии развития данного общества, но вся совокупность таких типичных для данного общества противоречий вытекает из его основного противоречия. Система мира едина, и его единство мы прослеживаем в каждом явлении. Подобное положение не отрицает многообразия, но во

[91] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. т. 39, с. 70 - 72

всяком многообразии существует единство, и таким единством многообразия противоречий, движущих каждое общество, является его основное противоречие.

Основным противоречием для всякого общества является противоречие между его формой и содержанием, противоречие между производительными силами и производственными отношениями. Но эта общая форма основного противоречия ничего не дает для понимания своеобразия каждого данного общества. Для этого нужно выяснить конкретную форму основного противоречия. Следовательно, нашей первой задачей является установить конкретную форму основного противоречия в античном обществе.

Вторая задача — вывести из этой конкретной формы все те производные противоречия или, по крайней мере, важнейшие из них, которые и определяли специфику исторического развития античности.

Третья задача — показать, каким образом все эти противоречия обусловили исторический путь античного общества; его воз-мимктемие. развитие и гибель.

Таковы три задачи, которые стоят перед нами. Начнем с первой: как найти конкретную форму основного противоречия античности?

Для этого мы должны отправляться от основного факта, определяющего всю структуру классового общества, — от формы эксплуатации, господствовавшей в античном обществе. Форма эксплуатации, т. е. та форма, в которой неоплаченный прибавочный продукт присваивается собственниками средств производства, и составляет, по выражению Маркса, «сокровенную основу» всякой классовой формации.

Господствующей формой эксплуатации в античном обществе было рабство. Что такое рабство?

Сущность его заключается в том, что рабовладелец, собственник средств производства, методами внеэкономического принуждения присваивает прибавочный труд непосредственных производителей, рабов, лишенных средств производства и являющихся собственностью рабовладельца. Рабство исторически является самой первой формой эксплуатации. Оно возникает на таком низком уровне развития производительных ,сил, при котором невозможна никакая другая форма эксплуатации. Для того, чтобы заставить рабочего путем экономического принуждения идти и продавать свою рабочую силу на рынок или для того, чтобы принудить крестьянина или ремесленника, наделенного средствами производства, работать на феодала, — для этого нужен относительно очень высокий уровень производительных сил. Общество, едва только выбравшееся из своего доклассового состояния, нуждается в максимально грубых способах эксплуатации, чтобы выколотить этими способами прибавочный продукт. Именно примитивный уровень развития производительных сил При самом зародыше экономического неравенства заставляет тех, кто уже владеет некоторым количеством прибавочного продукта, идти по самой простой линии эксплуатации, по линии апроприации личности.

Экспроприировать средства производства у масс труднее, чем апроприировать их личность. Для первого нужен высокий уровень развития экономики, а заставить путем грубого физического принуждения работать на себя военнопленного,— гораздо проще. Для этого не требуется ничего, кроме военного превосходства одной общины над другой и известного количества прибавочного продукта.

Что представляет собой рабское производство? Возьмем ли мы наиболее примитивную форму его — постройку пирамид, дамб и каналов в ирригационном хозяйстве Востока, возьмем ли мы рабские мастерские типа афинских эргастериев или, наконец, римские латифундии — всюду совершенно ясно рабское производство выступает как простая кооперация. И это не случайно. Для возникновения сложной кооперации, т. е. технического разделения труда, необходим гораздо более высокий уровень техники и трудовых навыков производителя, что является результатом продолжительного исторического развития. Не случайно техническое разделение труда появляется только в эпоху разложения феодализма, потому что только тогда технические и социальные предпосылки достигают такого уровня, что непосредственный производитель может уже занимать место в сложном организме разделенного труда. Когда же техника стоит еще на

низком уровне, никакие сложные формы кооперации не могут иметь места. Они возникают спорадически, но как система техническое разделение труда появляется не раньше мануфактурного периода.

При рабстве, как правило, раб работает в хозяйстве рабовладельца и его орудиями в качестве индивидуального производителя, ремесленника, органически не связанного в самом процессе производства с другими такими же индивидуальными производителями. Конечно, нельзя отрицать, что в эргастерии или латифундии существуют некоторые элементы технического разделения труда. Изображения на греческих вазах показывают, что, например, в пекарне один раб следит за огнем, другой месит тесто и т. д. В римских агрономических сочинениях, например, у Катона, мы встречаем множество «специальностей» среди рабов: надсмотрщики, скотники, пастухи, чернорабочие и т. д. Однако, все эти примеры еще не говорят о настоящем техническом разделении труда хотя бы типа мануфактуры, когда определенная категория рабочих специализируется на данной технической операции, когда весь производственный процесс разбит на ряд операций, и каждой операцией занимается только одна определенная группа рабочих, причем каждая группа находится в определенной численной пропорции по отношению к другой, и пропорции эти определяются характером и размерами производства .

Ничего похожего на это ни в латифундиях, ни в эргастериях найти нельзя; почти всякий раб легко может быть переброшен с одного производства на другое; не перебрасываются только высококвалифицированные рабы, которых не так уже много (литейщики, рисовальщики и т. п.). Таким образом, при довольно широко развитом в античности общественном разделении труда техническое разделение труда, т. е. сложная кооперация, является спорадическим и внешним. В античном обществе нет подлинного технического разделения труда, имманентно присущего данному производству.

Таким образом, всякое рабовладельческое хозяйство есть определенное хозяйственное целое, представляющее объединение индивидуальных производителей, почти не связанных внутренним процессом производства. Труд рабов есть труд ремесленников, но, в отличие от свободных ремесленников, работающих в собственном индивидуальном хозяйстве, рабы, будучи индивидуальными производителями, лишены средств производства и работают в чужом хозяйстве. Такое хозяйство может быть крупным или мелким, в нем может быть сто рабов или двое, существо дела от этого не меняется.

Индивидуальный характер производства является специфической особенностью рабства, в отличие от капиталистического способа производства, которое имеет коллективный характер.

Простая кооперация как специфическая форма античного производства служит адекватным выражением уровня развития производительных сил рабовладельческого общества, точно так же как сложная кооперация является наиболее полным выражением производительных сил капиталистического общества. Если форма разделения труда служит адекватным выражением уровня развития производительных сил, то адекватным выражением производственных отношений является характер собственности. Например, в понятии «буржуазная собственность» заключена вся специфика производственных отношений капиталистического общества. Поэтому, чтобы найти адекватное выражение системы производственных отношений античности, мы должны определить характер античной собственности.

Это сделано Марксом и Энгельсом в «Немецкой идеологии». Античная собственность — это «общинная и государственная собственность», «это — совместная частная собственность активных граждан государства, вынужденных перед лицом рабов сохранять эту естественно возникшую форму ассоциации»[92]. Эта гениальная формулировка вскрывает перед нами и социальные корни античной собственности.

В наследство от родового общества античность получает общину, которая в новых условиях классового общества приобретает измененную форму и превращается в общину-

[92] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IV, стр. 12.

государство. Создается своеобразный коллектив рабовладельцев, внутри себя сохраняющий подобие общинных отношений, а во вне, по отношению к рабам, действующий как аппарат угнетения. Экономической базой такого коллектива может быть только коллективная собственность, ибо индивидуальная собственность его разлагает.

Конечно, всякий эксплуататорский класс и всякое государство, вплоть до капитализма, представляют некоторый коллектив, служащий целям эксплуатации. Но степень коллективности и форма ее различны в зависимости от характера общественного строя. Например, феодальное государство и феодальная собственность также имеют коллективную форму, но отличную от античного государства и античной собственности. В «Немецкой идеологии» мы читаем: «Третья форма (собственности. —С. К.), это — феодальная или сословная собственность... Подобно племенной и общинной собственности, и она также покоится на коллективе, которому, однако, противостоят в качестве непосредственно производящего класса не рабы, как в античном мире, а мелкие крепостные крестьяне... Иерархическая структура земельной собственности и связанная с ним (т. е. с феодализмом.— С К.) система вооруженных дружин давали дворянству власть над крепостными. Этот феодальный строй, как и античная общинная собственность, был ассоциацией, направленной против порабощенного, производящего класса, но форма ассоциации и отношение к непосредственным производителям были различны, ибо налицо были различные производственные условия»[93] Рабовладельческая система соответствует такому низкому уровню производительных сил и столь примитивному характеру всех общественных отношений, что при ней для успешности эксплуатации требуется максимальная сплоченность эксплуататоров, максимальная коллективность отношений собственности, политических, бытовых и т. п. Капиталисты, например, владеют таким совершенным аппаратом государства и такими мощными средствами военной техники, что им для воздействия на пролетариат почти не нужны непосредственно-коллективные формы этого воздействия. Рабовладельцы же, чтобы держать своих рабов в повиновении, вынуждены были жить как единая дружная семья и сами выступать плечо к плечу против восставших.

Как было указано выше, классическим примером рабовладельческого коллектива являлась Спарта, существовавшая как рая в условиях резкой противоположности между маленькой кучкой рабовладельцев и массой рабов, сконцентрированных в плодородных долинах Эврота и Мессении. Вот почему спартанцы вынуждены были поддерживать своеобразную общинную организацию, в которой все подчинено было одной цели — держать в повиновении рабов. Вот почему спартанское правительство старалось задержать разложение общинных отношений, поддерживало экономическое равенство, мешало развитию торговли, боролось против роскоши, тренировало рабовладельцев в определенном направлении.

В других полисах, где, как например, в Афинах, эта противоположность между кучкой эксплуататоров и массой эксплуатируемых выступала не так резко, где масса рабов не была так сконцентрирована, где, наконец, торговый и денежный капитал уже успел разложить общинные отношения, там мы не найдем спартанских форм общинно-государственной собственности. Однако, отсюда вовсе не следует, что в рабовладельческих полисах типа Афин или Рима собственность была феодальной или буржуазной. Она, конечно, могла быть только рабовладельческой, т. е. общинно-государственной, но в несколько модифицированной по сравнению со Спартой форме. И в этих полисах сохранялись элементы старой общинной собственности. Таковы, например, ager publicus в Риме, Лаврийские рудники в Афинах, доходы с которых шли в пользу всех граждан и т. п. Но эти элементы были только пережитками. Общинно-государственный характер собственности здесь выступал в другом.

Мы уже указывали, что система раздач и кормлений, являясь, с одной стороны, результатом демагогической политики имущей верхушки полиса, в основном была выражением основного принципа античной собственности: каждый гражданин имеет равную

[93] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IV, стр. 14.

долю в коллективной собственности полиса и равное право на участие в доходах полиса. Конечно, полное экономическое равенство граждан античного полиса есть только идеал. Повидимому, оно отсутствовало уже в древнейшей Спарте. Но как принцип, оно несомненно является наиболее точным выражением античной общинно-государственной собственности. Литургии, раздачи и кормления, ager publicus, дележ военной добычи, вознаграждение за отправление общественных должностей, вывод колоний в завоеванные области и т. п. — все эти явления суть не что иное, как выражение античной собственности в ее более простой (спартанской) или модифицированной (афинской) форме. Сама античная демократия есть только политическое выражение коллективной общинно-государственной собственности.

Таким образом, в античном обществе существует противоречие между индивидуальным производством рабов и коллективным присвоением рабовладельцев. Раб, основной производитель античного общества, работает как индивидуальный производитель, как ремесленник. Но продукт его труда не является его собственностью, а поступает в собственность коллектива рабовладельцев, между которыми и распределяется. Это противоречие основное, потому что оно является противоречием между, производительными силами (форма производства) и производственными отношениями (форма собственности.). Вместе с тем это противоречие конкретное, потому что оно свойственно только рабовладельческому обществу. Итак, конкретной формой основного противоречия античного общества является противоречие между коллективной общинно-государственной собственностью рабовладельцев и индивидуальным производством рабов.

Теперь посмотрим, какие производные противоречия существуют в античном обществе.

Из них мы разберем три важнейших — этого будет достаточно для, понимания закона движения античного общества.

Первое — это комплекс противоречий, связанных с воспроизводством рабовладельческой системы. Сущность этой группы противоречий выражается в том, что рабовладельческая система для своего воспроизводства разрушает ту базу, на которой она стоит, и среду, которой она питается. Получается порочный круг, из которого нет выхода, кроме одного: гибели рабовладельческого общества в тот момент, когда оно окончательно подорвет свою основу,

Эта группа противоречий выступает особенно ясно в воспроизводстве рабов. Мы знаем, что общее воспроизводство рабов осуществляется путем войны, пиратства, долговой кабалы и т. д. Такой характер воспроизводства рабочей силы обусловлен своеобразием рабовладельческой эксплуатации, при которой невозможно нормальное воспроизводство рабов, происходящее в силу самого механизма рабовладельческого производства.

При капитализме, например, воспроизводство рабочей силы осуществляется в процессе внутреннего развития самого капиталистического производства. Благодаря пролетаризации мелких собственников образуется резервная армия труда, и из нее капиталист черпает рабочую силу.

Но в рабовладельческом обществе воспроизводство рабов в процессе самого производства, как правило, неосуществимо. При развитой системе рабства граждане полиса обычно не становятся рабами; рабами могут быть только иностранцы.

Отсюда огромная роль внеэкономического принуждения при воспроизводстве рабов, — в частности, роль войны. Во всяком классовом обществе война, как один из методов воспроизводства общественной системы, имеет большое значение. Но нигде она не занимает такого большого места, как в античности. Это потому, что, помимо захвата аграрных территорий, новых рынков и т. п., античные войны вызывались еще стремлением к захвату рабов. Рабовладельческое общество может существовать только при условии непрерывной внешней экспансии. Возьмем ли мы историю Афин или Рима, их процветание было построено на внешнем расширении. Прекращение этого расширения означало их гибель. Здесь был порочный круг: для того, чтобы существовать и развиваться, рабовладельческое общество опустошает целые области, разрушает города, уводит в рабство их население и

таким путем делает невозможным свое дальнейшее существование, ибо источники воспроизводства рабовладельческой системы иссякают.

Другим важным производным противоречием является противоречие между индивидуальной и общинно-государственной собственностью. При этом необходимо отметить, что мелкая индивидуальная собственность не противоречит общинно-государственной. Здесь речь идет о крупной собственности. Мелкая собственность прекрасно уживается с общинно-государственной, являясь не чем иным, как ее видоизменением. Вспомним Спарту, афинских клерухов, римских колонистов и т. п. Общинно-государственную собственность разрушает не мелкая, а крупная индивидуальная собственность. Именно эту последнюю имели в виду Маркс и Энгельс, когда они писали в «Немецкой идеологии» о разложении античной собственности, а вместе с ней — и античного общества:

«Поэтому все основывающееся на этом фундаменте строение общества, а вместе с ним и власть народа, приходят в упадок в той же мере, в какой развивается преимущественно недвижимая частная собственность... С развитием частной собственности здесь впервые устанавливаются те отношения, которые мы встретим — только в более крупном масштабе — при современной частной собственности. С одной стороны, — концентрация частной собственности, которая началась в Риме очень рано (доказательство — земельный закон Лициния) и очень быстро развивалась со времени гражданских войн и в особенности в императорскую эпоху; с другой стороны, в связи с этим, — превращение плебейских мелких крестьян в пролетариат, который, однако, вследствие своего промежуточного положения между имущими гражданами и рабами, не получил самостоятельного развития»[94]. Третьим производным противоречием является противоречие между крупной и мелкой собственностью. Крупная рабовладельческая собственность убивает мелкую тем, что подрывает общинную собственность и тем самым лишает мелкую ее базы; когда крупный римский землевладелец расхищал общинную землю, он наносил ущерб мелкому собственнику, так как последний лишался возможности использовать общинные земли. Крупная рабовладельческая собственность уничтожает мелкую и непосредственно, в результате конкретной борьбы между крупным рабовладельческим хозяйством и мелким. Пролетаризация афинских и римских крестьян есть иллюстрация того положения, что аграрная история античности заполнена, главным образом, борьбой крупной собственности с мелкой.

Все экономические противоречия античного общества выражались в определенных социально-классовых противоречиях. Основное противоречие между общинно-государственной собственностью рабовладельцев и индивидуальным производством рабов выражалось в антагонизме между свободными гражданами — представителями коллективной собственности и рабами — носителями индивидуального производства. Это — основное классовое противоречие, развитие которого служит центральным стержнем истории античного общества.

В каких социально-классовых формах выражаются производные противоречия? Противоречие между крупной и мелкой собственностью находит свое выражение в наполняющей всю историю античности борьбе крупных рабовладельцев с мелкими. Оно играет большую роль в истории рабовладельческого общества.

«Внутреннюю историю (римской республики.— С.К.),— писал Маркс, — можно целиком свести к борьбе мелкого землевладения с крупным, разумеется вводя те модификации, которые обусловливаются существованием рабства»[95]. Социальная форма противоречия между крупной индивидуальной и общинно-государственной собственностью выступает особенно резко тогда, когда крупная собственность подрывает общинную, когда масса мелких производителей превращается в люмпен-пролетариат, для которого особенно важно сохранение общинной собственности, являющейся для него главным источником

[94] К. Маркс и ф. Энгельс, Соч., т. IV, стр. 12—14.

[95] Письмо к Энгельсу от 8 марта 1855 г., К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXII, стр. 89.

существования. Достаточно вспомнить роль кормлений, раздач и государственного жалования, активную внешнюю политику, поддерживаемую афинским люмпен-пролетариатом, чтобы понять, что люмпен-пролетариат и тесно к нему примыкающие пауперские элементы античного общества являются защитниками общинно-государственной собственности. Они выступают против богачей, разрушающих коллективную собственность полиса.

Противоречия воспроизводства выражаются в сложном пучке социально-классовых и внешне-политических противоречий. Пелопоннесская война, распад афинского союза, восточный поход Александра, борьба диадохов, Пунические войны, восстание италиков, движение Митридата и т. д. — все эти факты античной истории в конечном счете восходят к процессу воспроизводства рабовладельческой системы.

На заре античной истории формирующаяся рабовладельческая собственность выступает как привилегированная собственность узкого коллектива, сохраняющего черты общинно-родовых отношений. Такова, например, патрицианская община в Риме, противостоящая массе мелких производителей — плебеев.

Первоначально этот привилегированный коллектив пытается решить проблему воспроизводства рабов путем обращения в рабство посредством долговой кабалы свободных мелких собственников, крестьян и ремесленников. Но этим последним в результате долгой революционной борьбы удалось дать отпор притязаниям богатой и знатной верхушке. В передовых античных полисах дело кончается победой мелких собственников, которые добиваются своего включения в рабовладельческий коллектив. Аристократический полис превращается в демократический и состоит теперь из всех свободных граждан государства.

В различных полисах, в зависимости от реального соотношения сил, и результаты революции были различны. В одних удалось добиться полной демократизации общественного строя, в других уцелели довольно сильные элементы земельной или торгово-промышленной олигархии. Но, во всяком случае, наиболее типичной для греко-римского общества государственной формой был демократический полис, в котором все граждане в той или другой степени являются участниками коллективной государственной собственности и пользуются одинаковыми политическими правами.

После завершения революции, положившей конец пережиткам родового строя и создавшей рабовладельческое государство, античное общество вступает в период своего расцвета. Именно в это время, после того, как мелкий собственник добился уравнения в правах с аристократией, начинает развиваться античная форма рабства, т. е. рабство иноплеменников. Правда, долговая кабала и долговое рабство еще сохраняются в отсталых частях греко-римского мира, но в наиболее развитых рабовладельческих полисах проблема воспроизводства рабочей силы теперь решается путем захвата иноплеменников. Рабство растет, но этот рост выражается, главным образом, в количественном росте, в увеличении числа рабов, в расширении отдельных предприятий, в развитии торговли, основанной на рабском производстве и т. д. Но качественных изменений, в частности, в технике производства в период расцвета мы почти не наблюдаем. Техника останавливается на одном уровне, потому что характер эксплуатации почти не дает возможности ей развиваться.

Завершение процесса революционного образования полиса означало и завершение процесса формирования античной собственности. Поэтому эпоха расцвета полиса есть вместе с тем и эпоха расцвета общинно-государственной собственности. Но одновременно с этим начинает развиваться и индивидуальная крупная собственность. Крупное рабовладельческое хозяйство разрушает общинную собственность и поглощает индивидуальную собственность мелких рабовладельцев. Начинается пролетаризация мелких производителей, порождающая острые формы классовой борьбы.

В то же самое время, благодаря количественному расширению рабства и усилению эксплуатации, наибольшей остроты достигает противоречие между свободными и рабами. Начинается ожесточенная классовая борьба, где восстания рабов переплетаются с движениями бедняцких и люмпен-пролетарских масс свободного населения. Начинается революция рабов.

Ее первый взрыв наносит жестокий удар рабовладельческому обществу и углубляет общий кризис античного общества; вместе с тем, революция рабов является главной причиной перехода к новой форме власти, к военной диктатуре рабовладельцев.

Разложение античного общества в Греции начинается еще в IV в. Но там кризис принял затяжной характер, во-первых, благодаря завоеванию Греции Македонией, во-вторых, благодаря колонизации Востока, в-третьих, наконец, в результате римского завоевания. И только в Риме, объединившем все Средиземноморье и создавшем единое рабовладельческое общество и государство, общий кризис рабовладельческого общества дошел до своего исторического конца, т. е. до гибели античного общества.

Что явилось непосредственной причиной падения Рима? Противоречия воспроизводства рабовладельческой системы как раз в истории Рима, выступают во всей их разрушительной силе. Вся история республики была историей истощения Италии и ограбления провинций, и это является важнейшей причиной того, что в Риме, начиная с эпохи империи, происходит общее падение производительных сил. Несколько столетий рабства в его наиболее хищнической римской форме нанесли окончательный удар экономике Средиземного моря. Общий кризис рабовладельческой системы выступал в целом ряде конкретных моментов: в аграрном кризисе, в понижении товарности хозяйства, сужении рынка, в падении покупательной способности масс, в финансовом кризисе. Античная общинно-государственная собственность, благодаря развитию крупной индивидуальной собственности, разрушается. Мелкие производители, которые были главной военной опорой полиса, превращаются в люмпен-пролетариев. Гибель античной коллективной собственности и исчезновение мелких свободных производителей приводит к гибели полиса как формы государства. Полис, как коллектив рабовладельцев, терпит крушение уже к концу республики. Правда, полисная система в виде римской муниципальной системы продолжает существовать как пережиток, но на ее место приходит другая форма государства. Рабовладельцы Средиземноморья пытаются создать территориальное государство, не полис, не коллектив, где они сами непосредственно правят, а огромный механизм империи, в котором они пытаются править через своего представителя — императора, опирающегося на военно-бюрократический аппарат. Военная диктатура, появившись как орудие подавления революции, в дальнейшем стала органом, выражающим волю всего класса рабовладельцев. Однако, гибель полиса и появление новой формы государства означали гибель античного рабства. Полис являлся единственной государственной формой, в которой наиболее совершенным образом могло выражаться господство коллектива рабовладельцев.

В условиях общего кризиса происходит изменение старой формы эксплуатации. Классическое рабство постепенно исчезает. Непроизводительность рабского труда особенно ясно выступила в обстановке кризиса, что заставило рабовладельцев искать способов повышения производительности труда. С другой стороны, благодаря сокращению торговли, старая форма крупного латифундиального хозяйства перестает уже быть рентабельной. Наконец, падение военной силы Рима крайне затрудняет воспроизводство рабов. Оно могло протекать беспрепятственно только при условии непрерывной внешней экспансии. Но история империи показывает, что дальнейшее расширение владычества Рима было невозможно. Завоевания, сделанные при Августе, Клавдии и Траяне, были последними.

Все эти причины привели к появлению колоната как смягченной формы рабства, в которой содержались уже зародыши феодального способа эксплуатации. Вместе с тем в колонате нужно видеть то соединение крупной индивидуальной собственности и мелкого индивидуального хозяйства, которое станет господствующей формой в средние века, и которое было подготовлено всем предшествующим развитием античного общества.

Дальнейший распад рабовладельческой системы ускоряется политикой государства, которое в борьбе с кризисом увеличивает налоги, закрепощает колонов и ремесленников и таким путем в огромной степени обостряет эксплуатацию и увеличивает нищету масс. В этой обстановке разражается вторая революция рабов, которая в союзе с варварским завоеванием кладет конец рабовладельческому обществу.

Завоевание Рима варварами, как мы указывали выше, не было случайным явлением. Рабовладельческое общество может развиваться только при условии непрерывного взаимодействия с внешней средой. Это взаимодействие первоначально состоит в том, что внешняя среда служит главным объектом экспансии и главным резервуаром рабочей силы для рабовладельческого общества. Но затем соотношение резко меняется, потому что в тот момент, когда рабовладельческое общество слабеет изнутри, внешняя среда переходит в наступление и своими волнами захлестывает его. Таков конец рабовладельческого общества.

Конец десятого тома